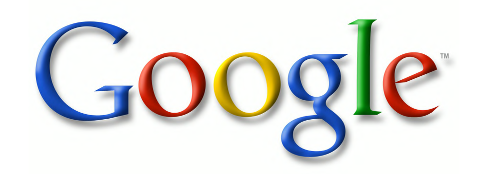
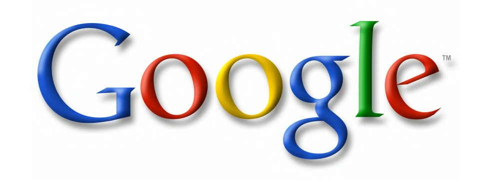
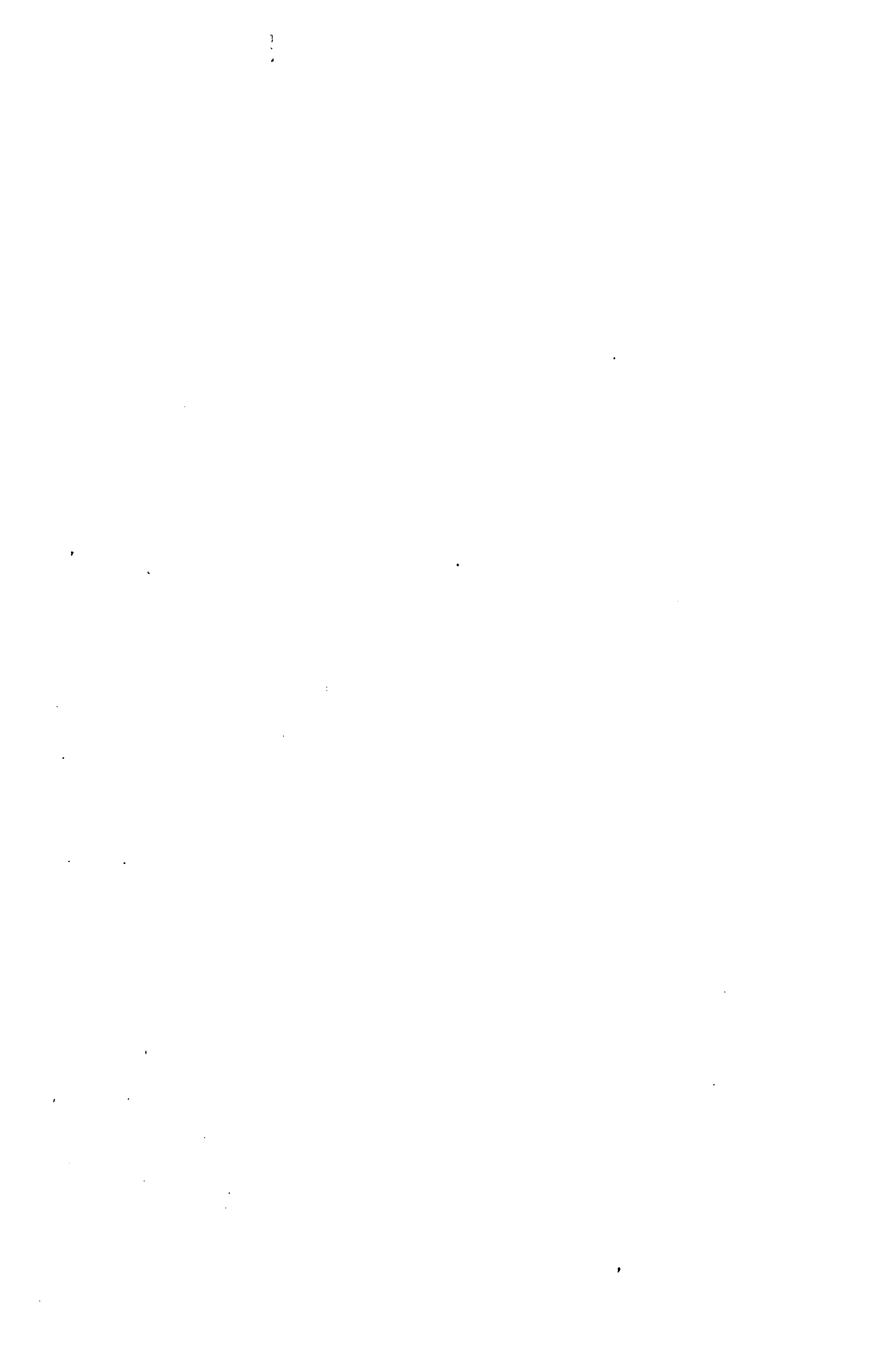





SIGILL: COLL: HARVARD: CANTAB: NOV: ANGL: 1650.
CHRISTO
ET
ECCLESIAE







Въ типографіи Ф. С. Сущинскаго. Могилевская, 7.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВА.

КНИГА 2-ая. — ФЕВРАЛЬ, 1870.

Ст

КОСТЮШКО

И

РЕВОЛЮЦІЯ 1794 ГОДА.

VI *).

Воодушевленіе поляковъ и ихъ надежды. — Распоряженія объ укрѣпленіи Варшавы. — Уголовный судъ и индигаціонная коммиссія.— Распространеніе возстанія на простой народъ. — Универсалъ Костюшки объ освобожденіи народа.

Освобожденіе Варшавы и Вильны было поводомъ безпредѣльной радости патріотовъ. Ликовали и пѣли сочиненныя патріотическія пѣсни, прославляли собственное мужество, изумлялись своимъ успѣхамъ, которые, казалось, превосходили все, что помнилось изъ школьнаго ученія о грекахъ и римлянахъ. Воображали, какъ было и тотчасъ послѣ совершенія конституціи 3-го мая, что Польша, недавно находившаяся въ униженномъ положеніи, теперь воскресла и для нея наступаетъ эпоха возрожденія. Костюшко сдѣлался идоломъ революціонной партіи. Какъ всегда бываетъ, что успѣхъ притягиваетъ къ себѣ толпу, и теперь революціонная партія быстро увеличилась. И тѣ, для которыхъ было въ сущности все равно, что̀ бы ни происходило съ отечествомъ, которые въ душѣ предпочитали всему тихое и безмятежное житіе, теперь начали кричать и живописаться революціонною удалью.

Опасности для Польши были отовсюду; русскія силы должны были собраться снова въ бо̀льшемъ числѣ; Пруссія должна была

*) См. выше: Янв. 5 стр.

идти вмѣстѣ въ Россіей защищать свою добычу. Но поляки составляли для себя разныя надежды. Бухгольцъ въ дни революціи оставался въ Варшавѣ и не мѣшался въ дѣло; поляки воображали, что быть можетъ гроза отъ Пруссіи на этотъ разъ минетъ Польшу. Съ Австріей не было явной размолвки. Декаше выражался въ мягкихъ словахъ, и поляки даже стали надѣяться, что Австрія будетъ за нихъ. Но черезъ нѣсколько дней опытъ уничтожилъ эти обманчивыя надежды. Правый берегъ Вислы былъ въ рукахъ русскихъ, и потому продовольствіе изъ самыхъ плодородныхъ частей страны не могло доставляться полякамъ; они хотѣли въ Галиціи закупать хлѣбъ, но Австрія формально запретила его вывозъ. Отъ Франціи надѣялись прямо помощи. Заіончекъ, проѣзжая черезъ Галицію, склонялъ къ революціи Линовскаго и увѣрялъ, что Франція пожертвовала восемнадцать милліоновъ на дѣло польскаго повстанья и эти деньги уже въ дорогѣ. «Трудно найти въ исторіи болѣе прекрасныхъ началъ, великихъ предпріятій, какъ первыя минуты нашего повстанья — говоритъ очевидецъ Линовскій—всеобщее воодушевленіе удаляло отъ насъ мысль объ опасностяхъ».

Въ Варшавѣ только и твердили, что о разныхъ побѣдахъ и прошедшихъ и будущихъ, и болѣе всего о небывалыхъ. Чуть только прискачетъ курьеръ изъ лагеря Костюшки, прежде чѣмъ онъ успѣетъ кому-нибудь сообщить вѣсть, по городу уже разнесется цѣлое описаніе битвы и пораженія москалей. Если же случалось, что присылали нѣсколько человѣкъ русскихъ плѣнныхъ въ Варшаву, то распространялся слухъ, что вся русская армія положила оружіе и теперь предстоитъ затрудненіе, что̀ дѣлать полякамъ съ такимъ огромнымъ числомъ плѣнниковъ. По приказанію Костюшки установлялась въ Варшавѣ военная коммиссія, и во всемъ Мазовецкомъ княжествѣ оглашено посполитое рушенье. Кромѣ рекрутовъ съ дымовъ, слѣдовавшихъ въ регулярное войско, всѣ мужчины отъ 15-ти до 50-ти лѣтъ возраста должны безъ всякаго исключенія быть вооруженными, находиться подъ командою генераловъ дивизій, зависящихъ отъ главнаго командира вооруженныхъ силъ княжества Мазовецкаго, и выступать противъ непріятеля, когда непріятель явится въ краѣ. Приказано во всѣхъ городахъ и имѣніяхъ дѣлать косы и пики для вооруженія народа и ставить по дорогамъ между селеніями столбы, а на нихъ смоляныя бочки: ихъ слѣдовало зажигать, когда непріятель приблизится; но это надлежало дѣлать не иначе, какъ по приказанію мѣстнаго начальства. Горящая бочка будетъ сигналомъ, что посполитое рушенье должно собираться и брать оружіе. Самую Варшаву принялись укрѣплять. Всѣхъ ея

жителей заставляли выходить на работы. Это приняло сейчасъ праздничный видъ. Знатныя дамы и дѣвицы выѣзжали въ каретахъ, съ лопатами, кинуть собственноручно нѣсколько горстей земли. «Прекрасныя ручки, которыхъ пальчики, убранные дорогими камнями, дотрогивались только до опахала изъ слоновой кости или до флакончика съ духами, теперь взяли заступъ и бѣжали весело на работу,» говоритъ очевидецъ Охоцкій. Не дозволялось носить на себѣ ни шелка, ни золота. Дамы на работѣ одѣвались въ сѣрыя полотняныя юбки съ чернымъ шерстянымъ передникомъ и въ кафтанчики. На головы надѣвали соломенныя шляпы. Каждая несла съ собою холщевой мѣшокъ для дневного припаса. Кто уклонялся отъ работы, на того налагали пеню.

Самъ король, чтобы не навлечь на себя народной злобы, долженъ былъ выѣхать за городъ и нѣсколько минутъ покопаться заступомъ въ землѣ. Во время работы гремѣла музыка, пили вино, пѣли хоромъ патріотическія пѣсни. Усерднѣе всѣхъ работали русскіе плѣнные, потому что ихъ подстегивали. Сначала ихъ содержали очень дурно; согнали въ домъ коммиссіи, и едва давали изъ жалости соломы на постели, а кроватей не давали вовсе.

Побѣда подъ Рацлавицами подѣйствовала живительно на все польское войско. Та часть его, которая стояла около Люблина, собралась у Холма, признала Костюшку главнымъ начальникомъ и за неимѣніемъ генерала выбрала главнымъ своимъ предводителемъ полковника Гроховскаго. Войска этого было до пятнадцати тысячъ. Обыватели люблинскаго и холмскаго воеводствъ собрались и составили актъ повстанья.

Вѣсть объ успѣхѣ Костюшки достигла и до Волыни, и тамъ выказалась вспышка въ небольшихъ отрядахъ. Маіоръ Вышковскій съ десятью эскадронами вышелъ изъ своихъ квартиръ подъ Старымъ Константиновымъ. Русское войско, квартировавшее въ этомъ краѣ, заступило ему путь. Онъ долженъ былъ выдержать съ нимъ бой. Вышковскій не только счастливо ускользнулъ отъ русскихъ, но какъ писали въ польскихъ газетахъ того времени, взялъ у нихъ даже пушки. Этого послѣдняго можетъ быть и не было, тѣмъ болѣе, что поляки говорятъ, что эти пушки заклепали, и никто ихъ не видалъ. Вышковскій пробрался въ Галицію, а оттуда прибылъ къ Костюшкѣ. Другой штабъ-офицеръ польской арміи, маіоръ Копецъ, собралъ нѣсколько отрядовъ подъ Дубномъ и, соединившись съ повстанцами, двинулся на соединеніе съ Заіончекомъ. По ихъ примѣру поступилъ полковникъ Лозненскій, и увелъ къ Костюшкѣ девятьсотъ солдатъ. Русскіе, видя, что имя Костюшки привлекаетъ къ себѣ польское войско, при-

нялись обезоруживать его и распредѣлили солдатъ по русскимъ полкамъ. Но поляки бѣгали изъ русскихъ полковъ и нѣкоторымъ удавалось съ трудомъ пробираться черезъ лѣса и приставать къ Костюшкѣ; другихъ за побѣги хватали и предавали военному суду. Съ ними поступали неумолимо. Особенно жестово наказывали тѣхъ, которые оказывали сопротивленіе при поимкѣ. Такимъ образомъ, состоялся приговоръ, произнесенный кіевскимъ кригсгерихтомъ въ августѣ: двѣсти восемьдесятъ человѣкъ присуждено колесовать и на колеса тѣлеса ихъ положить. Другихъ только вѣшали. Многихъ виновныхъ наказывали тѣлесно и отправляли во внутреннія губерніи на службу.

На короля повстанцы смотрѣли подозрительно. Его акцессъ къ тарговицкой конфедераціи, его прежнее расположеніе къ Россіи— все заставляло подозрѣвать въ немъ способность къ измѣнѣ. Правда, вспоминали и его горячее участіе въ дѣлѣ 3-го мая, и только это спасало его отъ народной злобы, но все-таки не снимало съ него упрековъ въ безхарактерности. Черезъ четыре дня послѣ даннаго королемъ обѣщанія оставаться въ Варшавѣ, распространился слухъ, будто онъ хочетъ бѣжать. Къ нему явился генералъ Макроновскій и Кохановскій. «Мы увѣрены—говорили они—что народное подозрѣніе напрасно, но просимъ дать намъ средство для успокоенія народа. Вчера ваше величество въ сумеркахъ прогуливались по берегу Вислы съ двумя особами; думаютъ, что эти особы помогаютъ вамъ убѣжать.» —Я—сказалъ король—назадъ тому четыре дня ходилъ смотрѣть, пришли ли плоты съ продовольствіемъ для Варшавы. Меня провожала цѣлая толпа народа, а не двое особъ. Я ужъ вамъ далъ слово, что не покину Варшавы. Чего же вамъ еще нужно? — «Мы вѣримъ вашему слову— сказали ему—но народъ недовѣрчивъ черезъ-чуръ. Онъ хочетъ, чтобы кто-нибудь изъ облеченныхъ народнымъ довѣріемъ безотлучно находился въ королевскихъ покояхъ и повсюду сопровождалъ ваше величество.» —Это было бы обидно и оскорбительно— сказалъ король — если бы исходило отъ васъ; но вы говорите, что народъ этого хочетъ и иначе не успокоится,—я не противлюсь.—Короля просили, чтобъ онъ чаще являлся посреди народа. Король и на то согласился. Потомъ ему объявили, что народъ считаетъ подозрительными двухъ иноземцевъ, изъ которыхъ одинъ находился близъ короля тридцать, другой десять лѣтъ. Король этимъ очень оскорбился и увѣрялъ, что ручается за слугъ своихъ. Самъ король передалъ женѣ Макроновскаго, собиравшей пожертвованія въ пользу возстанія, восемнадцать тысячъ злотыхъ. Поляки, которые ознаменовали себя противнымъ духомъ, спѣшили теперь показать свою готовность содѣйствовать возста-

нію. Епископъ Масальскій и бывшій маршалъ Мошинскій внесли по 1,800 злотыхъ.

24-го апрѣля назначенъ былъ праздникъ въ честь освобожденія Варшавы. Торжество происходило въ костелѣ св. Креста. Тамъ проповѣдникъ обратился къ королю съ такою рѣчью: «Твое царствованіе преисполнено несчастій. Великій добродѣтельный народъ, всегда преданный своимъ королямъ, содрогается при воспоминаніяхъ о прошломъ. Актъ повстанья не твое дѣло. Гнусная измѣна была причиною великихъ бѣдствій, и ты, однако, измѣною пріостановилъ оборону края. Теперь наступила послѣдняя эпоха твоего царствованія; теперь окажется: можемъ ли мы, поляки, съ тобою утвердить свое счастіе или должны пасть жертвою жестокаго и алчнаго врага, который и насъ и наше имя хочетъ стереть съ земли. Либо участвуя въ народномъ повстаньи, ты вознесешь польскій тронъ до прежней его славы и остатокъ дней проведешь въ спокойствіи и довольствѣ; либо—паденіе отечества повлечетъ за собою и паденіе вашего величества. Приготовься къ тому и другому и затвори уши отъ внушеній, которыми тебя будетъ прельщать непріятель; онъ будетъ совѣтовать тебѣ отступить отъ народа, а можетъ быть и хуже—бойся этихъ внушеній. Я знаю твое сердце—прибавилъ въ концѣ рѣчи проповѣдникъ, чтобы позолотить пилюлю—я увѣренъ, что ты рѣшился жить и умереть съ народомъ.» —Да—сказалъ король — ты не ошибся, я всегда буду съ народомъ, хочу жить и умирать съ нимъ. — Тѣхъ, которыхъ всегда приводила въ восторгъ послѣдняя слышанная фраза, удовлетворяли слова короля, но большинство было убѣждено, что король былъ недоволенъ революціею и только притворялся. Подозрѣніе къ нему не уменьшалось. Около него оставалась еще гвардія; провизоріальный совѣтъ и ей велѣлъ выступить въ дѣло, потому что для войны нужно было регулярное войско. Служба въ замкѣ поручена народному ополченію. Двое особъ, облеченныхъ народнымъ довѣріемъ, жили во дворцѣ и слѣдили за поступками и сношеніями короля.

Вообще патріоты замѣчали, что въ столицѣ и во всей странѣ много такихъ, которые не сочувствовали революціи. Оказывалось, что русскіе знали, что происходитъ въ Варшавѣ: ясно было, что тамъ у нихъ оставались друзья и передавали имъ вѣсти. Провизоріальный совѣтъ, 11-го (22-го) апрѣля, учредилъ уголовный судъ, который долженъ былъ судить политическія преступленія и всякія покушенія противъ повстанья; 16-го (27-го) того же мѣсяца назначилъ на всю Варшаву и на все Мазовецкое княжество денежный поборъ, въ разномъ размѣрѣ, но вообще такой,

что только одни поденьщики платили менѣе 10% съ своего дохода, а 17-го (28-го) учредилъ индигаціонную коммиссію: ея обязанностію было ревизовать бумаги, которыя со всей Польши присылались въ провизоріальный совѣтъ для открытія по нимъ измѣны, предупрежденія и уничтоженія заговоровъ, составляемыхъ на пагубу отечества. Она могла арестовать, допрашивать и отсылать, по надобности, въ уголовный судъ, не взирая ни на какія лица. Въ данной ей инструкціи велѣно ей слѣдить и наблюдать надъ людьми дурныхъ убѣжденій, стремящихся возвратить Польшу къ прежнему рабству, устроивающихъ козни противъ повстанья. Эта коммиссія держала свои засѣданія въ ратушѣ.

Главная сила, на которую Костюшко и его соучастники полагали надежду, состояла въ народномъ возстаніи. Думали, что весь народъ встанетъ и всѣ обыватели принесутъ, для спасенія отечества, послѣдній грошъ. Не такъ дѣлалось, какъ думалось. «Минуты всеобщаго увлеченія были очень коротки, общественный духъ скоро перемѣнился—говоритъ Линовскій—непостоянство и страсти исказили чистоту гражданской доблести, затмили святую цѣль, сбили насъ съ прямой дороги. Огненные универсалы начальника читались съ восторгомъ, но дурно исполнялось то, чего онъ требовалъ. Шляхта прежде всего думала о своихъ привилегіяхъ и выгодахъ.»

Краковское воеводство было самое усердное изъ всѣхъ въ цѣлой Польшѣ, но и оно не доставило Костюшкѣ и десятой доли того, что онъ ожидалъ. Онъ требовалъ рекрутъ — ему ихъ не давали; онъ требовалъ запасовъ для вооруженія войска—ему не доставляли; наложены были поборы—ихъ не платили. Сначала Костюшко требовалъ всеобщаго ополченія, потомъ увидѣлъ, что еслибы и возможно было собрать его, то невозможно было прокормить, содержать и вооружить такую громаду — не доставало ни денегъ, ни запасовъ. Этимъ съ перваго раза предводитель раздражалъ владѣльцевъ; они видѣли въ его распоряженіяхъ нарушеніе своей собственности и правъ. Костюшко сталъ потомъ требовать только пятой части населенія; по этому разсчету одно Краковское воеводство должно было поставить ему шестнадцать тысячъ контингента, а оно доставило едва до трехъ тысячъ. Это народное ополченіе шло совсѣмъ не съ увлеченіемъ, какъ разсказывалось, а по неволѣ, изъ-подъ палки, шло только тогда, когда паны его выгоняли. Для хлоповъ Рѣчь-Посполитая была зданіе не только совершенно чуждое, но и вредное,—если они по невѣжеству не могли объяснить и высказать этого, то хорошо чувствовали инстинктомъ. Отстоявъ своею кровію ея существо-

ваніе, они могли этимъ отстоять только свою многовѣковую неволю; всѣ настолько могли имѣть сметки, чтобъ понять хорошо, что они идутъ на смерть потому, что паны такъ велятъ, а паны поднялись оттого, что чуютъ паденіе своихъ преимуществъ. Если бы въ то время враждебныя Польшѣ державы осмѣлились только пообѣщать хлопамъ свободу, во всей Польшѣ вспыхнула бы народная революція не въ защиту Рѣчи-Посполитой, а въ пользу иностранныхъ государствъ, хотѣвшихъ уничтожить польскую національность. Въ южной Руси, поляки тогда были обязаны только русскому войску, что ихъ не стали поголовно рѣзать хлопы, у которыхъ въ душѣ не угасалъ духъ Хмельницкаго. Въ то время, когда на Волыни поднялся Вышковскій, одинъ обыватель, въ числѣ многихъ другихъ убѣжавшій въ австрійскія владѣнія, писалъ: «слава тебѣ, Господи, что я вырвался изъ неволи хуже турецкой. Мы каждый день ожидали смерти, потому что былъ замыселъ хлоповъ вырѣзать насъ; и теперь еще онъ существуетъ. Я здѣсь безопасенъ, но боюсь за свою братью обывателей; они въ большой опасности. Сами москали какъ обваренные, чрезвычайный страхъ на нихъ нападаетъ, сами въ томъ сознаются». Костюшко между тѣмъ писалъ въ русскіе края (въ подлясское воеводство) обывателямъ: «внушите смѣлость земледѣльцамъ; пусть то самое желѣзо, которымъ до сихъ поръ воздѣлывали поля свои, обратятъ они на выю непріятелей, а вы станьте на челѣ ихъ, вспомните о мужествѣ отцовъ вашихъ и превзойдите ихъ ревностію и самопожертвованіемъ для блага отечества».

Такая военная идиллія подъ перомъ главнокомандующаго очень не согласовалась съ вѣстями, которыя приносились обывателямъ о состояніи умовъ народа. Только страхъ сдѣлать то, что было въ духѣ французской революціи, только боязнь, чтобы вслѣдъ за Польшею, и въ сосѣднихъ государствахъ не явилось у мужиковъ желаніе освободиться отъ владѣльцевъ, останавливали русскихъ и пруссаковъ употребить мѣру, которая, безъ сомнѣнія, уничтожила бы съ корнемъ всякія затѣи на возвращеніе Польшѣ независимости.

30-го апрѣля, объявлено посполитое рушенье: кромѣ рекрутъ всѣ должны быть вооружены и готовы къ бою, когда окажется нужно. Но эта была только мѣра на будущее время. Пока думали организовать войско изъ рекрутъ. Въ числѣ другихъ Костюшко поручилъ французу Бернье, служившему лакеемъ у Велепольскихъ, уже ополячившемуся отъ долгаго пребыванія въ краѣ, Ташицкому и братьямъ Илясвимъ набирать рекрутъ; но когда эти господа поѣхали по обывателямъ, то вездѣ встрѣтили нежеланіе, и не могли согнать болѣе двухъ

тысячъ. Чтобы привязать къ себѣ хлоповъ, прибывавшихъ поневолѣ въ лагерь съ косами и топорами, Костюшко прикидывался самъ хлопомъ, надѣвалъ на себя краковскую сермягу, обращался съ ними за панибрата, ѣлъ съ ними, пилъ, и давалъ имъ обѣщанія, что они будутъ свободны отъ обывательскаго ига.

Въ началѣ мая, Костюшко снялъ свой станъ у Босутова и вступилъ въ сендомирское воеводство; здѣсь онъ далъ приказаніе собирать пятую часть населенія и присылать въ лагерь у Поляницъ, на Вислѣ: тамъ онъ остановился. Разосланные офицеры должны были доставлять людей вооруженныхъ пиками, карабинами, пистолетами, косами, брать на квитанціи, выданныя изъ скарба, лошадей и разные припасы отъ обывателей. Но въ Сендомирскомъ воеводствѣ еще хуже встрѣтили повстанье, чѣмъ въ Краковскомъ. Обыватели смотрѣли на Костюшку, какъ на своего врага, который пришелъ обирать ихъ, и, еще хуже, лишать ихъ вѣковыхъ правъ, составлявшихъ величайшую драгоцѣнность шляхетскаго званія. Многіе поспѣшали оставлять свои дома и бѣжали въ Галицію. Другіе поневолѣ должны были платить деньги и высылать мужиковъ, а сами вздыхали, проклинали свое время, сами не зная, на кого взваливать вину, и молили Бога, чтобы такъ или иначе, только поскорѣе окончилось бы такое обирательное возстаніе.

Седьмого мая, подъ Поляницами, Костюшко издалъ знаменитый манифестъ объ освобожденіи крестьянъ въ слѣдующемъ видѣ:

«Никогда непріятельское оружіе не было бы страшно для поляковъ, еслибы они были между собою въ единеніи, знали свои собственныя силы и умѣли ихъ надлежащимъ образомъ употреблять. Сосѣднимъ государствамъ невозможно было побѣдить насъ открытою войною, но хитрость, вѣроломство — вотъ ихъ страшныя орудія, которыми они отняли у насъ средства отражать нашествіе враговъ. Продолжительная московская тираннія въ Польшѣ очевидно доказываетъ, до какой степени эта держава играла нашею судьбою. Она покупала себѣ продажныя души, обманывала слабые умы, вѣроломными обѣщаніями льстила предразсудкамъ, ласкала страсти, возбуждала ихъ одну противъ другой, чернила нашу націю передъ иностранцами, все привела въ движеніе, чтобы насъ погубить, однимъ словомъ употребляла въ дѣло все, что только могла выдумать адская злоба, соединенная съ самымъ безнравственнымъ вѣроломствомъ. Во всѣхъ обстоятельствахъ, когда поляки брали оружіе противъ московитовъ, — этотъ варварскій народъ могъ ли похвастаться, что онъ одержалъ надъ нами хотя одну дѣй-

ствительную побѣду? И однако польская храбрость получала отъ этого только ту выгоду, что на короткое время облегчала иго, которое побѣжденный врагъ налагалъ на насъ снова. Откуда же такіе страшные обороты дѣла въ Польшѣ? Отчего народъ стонетъ подъ тягостію несчастій и не найдетъ средствъ покончить ихъ? Оттого, что коварство москалей сильнѣе, чѣмъ ихъ оружіе; оно губитъ поляковъ поляками. Несчастные поляки долго были раздѣлены политическими мнѣніями, не соглашались между собою въ началахъ, на которыхъ должны быть основаны свобода и общественный строй. Хотя эта рознь мнѣній сама по себѣ невинна, но къ ней приплетались частные виды, вредный духъ несогласія, наклонность связываться съ иностранцами и, наконецъ, низкое подчиненіе ихъ воли. Страданія наши переполнились. Участь Польши рѣшается. Теперь или никогда! Довольно сомнѣній, довольно споровъ! Оставьте въ презрѣніи вѣдомыхъ измѣнниковъ, подлецовъ, которые еще и теперь глухи къ послѣднему хрипѣнію умирающей отчизны. Настоящее возстаніе клонится къ тому, чтобы возвратить Польшѣ свободу и независимость. Волѣ націи предоставляется рѣшить, въ болѣе благопріятное время, какую форму правленія угодно ей будетъ дать себѣ. Поэтому, пріостановимъ всѣ пренія о мнѣніяхъ; священная и ясная цѣль возстанія должна собрать подъ одни знамена всѣхъ и соединить между собою тѣхъ, которые по многимъ поводамъ были до сихъ поръ несогласны съ нами. Въ этотъ день, въ эту минуту, слѣдуетъ намъ показать величайшее соревнованіе. Непріятель собираетъ противъ насъ всю свою силу, грозитъ намъ оружіемъ, но это средство меньше всего намъ опасно. Важнѣе всего то, чтобы мы могли противопоставить значительную громаду свободныхъ людей ордѣ пугливыхъ невольниковъ. Не сомнѣвайтесь, побѣда будетъ за тѣмъ, кто сражается за свое собственное дѣло. Лукавыя козни, которыя насъ до сихъ поръ одолѣвали, эти змѣи, которыя насъ предательски уязвляли, этотъ вѣроломный макіавелизмъ, который намъ безпрестанно вредилъ — вотъ что мы должны сдѣлать безсильнымъ. Разобьемъ эти страшныя орудія, постараемся, чтобы всѣ граждане имѣли одно чувство, чтобы грозящій мечъ правосудія достигалъ повсюду до тѣхъ, которые осмѣлятся показать двуличность и измѣну.

«Я указываю націи на вѣроломное средство, какое хотятъ употребить москали для нашей гибели. Они думаютъ возбудить противъ насъ поселянъ. Они изображаютъ въ преувеличенномъ видѣ произволъ надъ ними обывательской власти, ихъ старинную нищету, обѣщаютъ имъ улучшеніе ихъ участи подъ влія-

ніемъ Екатерины II, и въ то же время подстрекають ихъ грабить обывательскія усадьбы. Обманутые простаки могутъ попасть въ разставленныя сѣти, какъ часто бываетъ; всѣмъ извѣстно, какъ москали надѣвали свои мундиры на легковѣрныхъ мужиковъ и обманули ихъ наравнѣ съ тѣми, которыхъ заставили идти за собою поневолѣ. Я сознаюсь, что безчеловѣчное обращеніе, которое въ нѣкоторыхъ мѣстахъ терпитъ сельское населеніе, даетъ москалямъ достаточный поводъ безчестить польскую націю. Я часто получалъ жалобы отъ старыхъ солдатъ и новыхъ рекрутовъ: не только, какъ они показываютъ, ихъ жены и дѣти не получаютъ никакого облегченія, но ихъ положеніе еще отягощается, какъ бы въ наказаніе за то, что ихъ мужья и отцы служатъ Рѣчи-Посполитой. Подобные поступки во многихъ мѣстахъ, безъ сомнѣнія, совершались безъ вѣдома и желанія обывателей, но у другихъ они могли быть слѣдствіемъ недоброжелательства или иностраннаго внушенія, которое такимъ образомъ дѣйствуетъ для того, чтобы охладить патріотическій энтузіазмъ народа. Какъ бы то ни было, человѣколюбіе, правосудіе и общественная польза внушаютъ намъ средства легко и своевременно уничтожить эти злодѣйскіе замыслы. Мы объявляемъ во всеуслышаніе, что народъ долженъ пользоваться покровительствомъ правительства, не только на это время, но это покровительство ему достоитъ по силѣ старинныхъ законовъ, освященныхъ волею націи. Объявляемъ, что всякій обиженный человѣкъ можетъ прибѣгать къ покровительству порядковыхъ коммиссій, учрежденныхъ въ каждомъ воеводствѣ, а оскорбитель и утѣснитель защитниковъ отечества будетъ наказанъ, какъ врагъ отечества и измѣнникъ. Мнѣ принадлежитъ указать средства достигнуть такого состоянія. Эти средства сообразны съ справедливостію и великодушіемъ народа, дороги для чувствительныхъ душъ и сопряжены съ легкими пожертвованіями личныхъ выгодъ для общественнаго блага. Я поручаю провизоріальному совѣту въ Варшавѣ, а равно и коммиссіямъ въ воеводствахъ и повѣтахъ оповѣстить настоящій универсалъ и наблюдать возможно-строжайшимъ образомъ надъ его исполненіемъ:

1) Народъ по силѣ закона будетъ пользоваться покровительствомъ правительства.

2) Всякій поселянинъ лично свободенъ, можетъ водворяться гдѣ ему угодно, сдѣлавши въ порядковой коммиссіи заявленіе о томъ, гдѣ онъ намѣренъ водвориться, заплативъ свои долги, если таковые окажутся, и общественныя подати.

3) Рабочіе дни, которые крестьяне будутъ посвящать своимъ владѣльцамъ, опредѣляются слѣдующимъ образомъ: тотъ, кото-

рый долженъ былъ работать шесть дней въ недѣлю, будетъ работать только четыре; тотъ, который работалъ пять, долженъ работать три; работавшій три дня — два; а работавшій два — только одинъ день; тотъ, который работалъ только одинъ день въ недѣлю, будетъ работать одинъ день въ двѣ недѣли; кто работалъ помѣщику вдвоемъ, тому должны быть сбавлены рабочіе дни вдвойнѣ, а кто работалъ самъ-другъ, тому безъ удвоенія. Такая льгота должна наблюдаться во все время возстанія, до тѣхъ поръ, пока законодательная власть не установитъ для этого строгихъ правилъ.

4) Мѣстныя власти будутъ наблюдать, чтобы имущества тѣхъ, которые служили Рѣчи-Посполитой, не приходили въ упадокъ, и чтобы земля, источникъ богатства, не оставалась безъ разработки, чему должны въ каждой деревнѣ содѣйствовать, какъ владѣльцы, такъ и сельскія громады.

5) Призываемые въ посполитое рушенье освобождаются отъ всякой панщины во все время, въ которое они остаются подъ оружіемъ, но они обязаны возобновить ее съ того времени, когда возвратятся въ свои жилища.

6) Никакой владѣлецъ не можетъ отнять у крестьянина поле, которымъ онъ владѣетъ, пока онъ исполняетъ связанныя съ этимъ повинности, по вышеуказаннымъ правиламъ; чтобы крестьянина лишить грунта, нужно, чтобы владѣлецъ доказалъ передъ мѣстною юрисдикціею, что крестьянинъ не исполняетъ своихъ обязанностей.

7) Если какой-нибудь повѣренный, экономъ или коммиссаръ владѣльца нарушитъ настоящее распоряженіе, и начнетъ учинять какое-нибудь утѣсненіе крестьянамъ, такой долженъ быть арестованъ, приведенъ въ порядковую коммиссію и отправленъ въ уголовный судъ.

8) Если какой-нибудь владѣлецъ, что мнѣ непріятно допустить, прикажетъ или самъ начнетъ оказывать утѣсненія надъ крестьянами, такой долженъ быть приведенъ въ судъ, какъ виновный въ намѣреніи потрясти священную цѣль національнаго повстанья.

9) Равномѣрно, сельское населеніе, пользуясь правосудіемъ и щедротами правительства, должно ревностно работать въ опредѣленные настоящимъ предписаніемъ дни, повиноваться законамъ, не пренебрегать сельскою экономіею, напротивъ стараться обработывать землю и обсѣменять ее. Такъ какъ выгоды отечества заставляютъ насъ установить это уменьшеніе обязанностей, лежащихъ на народѣ, и обыватели принимаютъ его охотно, изъ любви къ отечеству, поэтому необходимо, чтобы земли обывате-

лей не оставались необработанными, и поселяне также не должны отказываться, если ихъ будутъ нанимать на работу за надлежащую плату.

10) Чтобы повсюду былъ соблюденъ порядокъ, и чтобы настоящее предписаніе сохранялось въ точности, порядковыя коммиссіи раздѣлятъ воеводства и повѣты на дозоры, такъ, чтобы каждый дозоръ заключалъ не менѣе тысячи и не болѣе тысячи двухъсотъ земледѣльцевъ. Этимъ дозорамъ должно дать имя села или главнаго городка и означить ихъ взаимныя границы, съ соблюденіемъ удобства сообщенія между ними.

11) Во всякомъ дозорѣ будетъ назначенъ наблюдатель, человѣкъ достойный по своимъ способностямъ и честности; кромѣ обязанностей, которыя налагаются на него порядковою коммиссіею, онъ будетъ принимать жалобы отъ народа, въ случаѣ притѣсненій, и отъ владѣльцевъ, въ случаѣ неповиновенія со стороны народа, рѣшать споры, а если спорящія стороны не подчинятся его рѣшенію, отсылать ихъ въ порядковую коммиссію.

12) Оказанное народу правосудіе, котораго послѣдствія онъ увидитъ въ облегченіи его повинностей, должно одушевлять его еще болѣе къ работамъ, къ воздѣлыванію земель и къ защитѣ отечества. Если какіе-нибудь гультаи, во зло употребляющіе правосудіе и благодѣянія правительства, будутъ отвращать народъ отъ работы, возбуждать къ бунту противъ владѣльцевъ, отговаривать отъ защиты отечества, порядковыя коммиссіи въ своихъ воеводствахъ и повѣтахъ должны ихъ арестовать и предавать уголовному суду. Порядковыя коммиссіи будутъ равномѣрно наблюдать надъ бродягами, которые оставятъ свои дома и будутъ скитаться, арестовать ихъ, и если, по учиненномъ обыскѣ о ихъ поведеніи, докажется, что они лѣнивцы и бродяги, употреблять ихъ на общественныя работы.

13) Духовные, какъ ближайшіе наставники, должны внушать народу его долгъ по отношенію къ отчизнѣ, его истинной матери. Они должны ему объяснить, что обработывать земли, какъ собственныя, такъ и владѣльческія, есть такая же служба отчизнѣ, какъ и сражаться и защищать отчизну отъ опустошеній и грабежа непріятельскихъ солдатъ, и что, исполняя обязанности, облегченныя настоящимъ предписаніемъ, они только вознаграждаютъ владѣльцевъ за тѣ земли, которыя отъ владѣльцевъ получаютъ.

14) Духовные обоихъ обрядовъ должны обнародовать этотъ универсалъ въ теченіи четырехъ недѣль, съ амвоновъ въ костелахъ и церквахъ. Сверхъ того, порядковыя коммиссіи выберутъ сами изъ своихъ членовъ или изъ ревностныхъ къ отечеству обыва-

телей, лицъ, обязанныхъ отправиться во всѣ села и приходы, собирать народъ, читать ему настоящее распоряженіе, объяснять ему, что повстанье имѣетъ цѣлью его благосостояніе, и что онъ, народъ, въ благодарность за такое великое благодѣяніе долженъ заплатить благодарностію и употребить всѣ силы къ защитѣ Рѣчи-Посполитой».

Этотъ универсалъ прошелъ безслѣдно и остался важнымъ въ исторіи только какъ образчикъ, на какія мѣры рѣшались поляки въ разгарѣ политической страсти. Къ опубликованію его не прилагали большихъ стараній; даже въ газетахъ онъ явился не раньше, какъ черезъ мѣсяцъ, тогда какъ другіе универсалы Костюшки печатались немедленно. Обыватели были далеки отъ того, чтобы раздѣлять желаніе Костюшки облегчить повинности крестьянъ; напротивъ, отправивъ крестьянъ въ войско, они сильнѣе обременяли ихъ семьи работами, чтобы выручить потерю работниковъ; даже тѣ обыватели, которые сочувствовали вполнѣ возстанію, и не отказывались проливать собственную кровь за отечество, смотрѣли на высылку крестьянъ своихъ въ войско какъ на такое съ своей стороны добровольное лишеніе, какимъ было пожертвованіе вещей и денегъ. Хлопъ для обывателя не переставалъ быть рабочимъ скотомъ, да и нельзя было требовать отъ обывателя иныхъ взглядовъ и чувствъ, кромѣ тѣхъ, которые перешли къ нему отъ отца и дѣда и усвоены воспитаніемъ. Достаточные владѣльцы, когда на нихъ наложили пожертвованія, съ спокойною совѣстію раскладывали ихъ на своихъ крестьянъ, хотя имѣли и капиталы. Варшавскій провизоріальный совѣтъ, узнавъ о такихъ поступкахъ, запрещалъ ихъ, и даже предписывалъ въ Мазовецкомъ княжествѣ возвратить крестьянамъ то, что у нихъ для этой цѣли собрали владѣльцы. Въ своемъ универсалѣ, отъ 25 мая, онъ замѣчаетъ, что не могъ ожидать этого отъ благородныхъ обывателей, а тѣмъ болѣе отъ духовныхъ, которые, въ числѣ своихъ первыхъ обязанностей, должны считать облегченіе судьбы угнетеннаго народа. Вообще надобно сказать, что универсалъ 7 мая принесъ возстанію болѣе вреда, чѣмъ пользы. Онъ отбивалъ обывателей отъ возстанія; обыватели боялись, что цѣль возстанія отнять у нихъ тѣ права, въ которыхъ они поставляли самое величайшее достоинство шляхетскаго званія. Что же касается до польскихъ крестьянъ, то они не выходили изъ тупого терпѣнія и боязни передъ своими панами: на нихъ дѣйствовало то, что скажетъ ихъ панъ, и еслибы въ самомъ дѣлѣ смутная эпоха пробудила въ нихъ глубокое чувство желанія свободы, или даровала возможность проявиться на дѣлѣ пробужденному чувству, то, конечно, вмѣстѣ съ этимъ желаніемъ возникло бы и

неразлучное съ нимъ чувство вражды къ панамъ; этотъ универсалъ не могъ оживотворить ихъ. Притомъ, по самой сущности дѣла, никакой универсалъ Костюшки не могъ имѣть въ будущемъ великаго значенія. Въ самомъ актѣ повстанья было постановлено, что всѣ распоряженія временного правительства не имѣютъ силы на будущее время, что они могутъ быть уничтожены на первомъ же засѣданіи сейма, который долженъ будетъ собраться по успокоеніи страны.

По примѣру Варшавы, высочайшій совѣтъ великаго княжества Литовскаго, независѣвшій отъ польскаго, требовалъ, чтобы всѣ мѣстныя власти и учрежденія были подвластны исключительно ему. Литва шагнула въ революціи дальше чѣмъ Корона, ея высочайшій совѣтъ прямо объявилъ о своей солидарности съ Франціею. «Слушай, народъ литовскій, говорилось въ его универсалѣ, что теперь говоритъ тебѣ не слабый король со слабѣйшаго престола, не своевольная громада, неимѣющая ничего кромѣ пустого титула народа, а спокойный союзъ благожелательныхъ твоихъ сыновъ, которые долгое время трудились надъ твоимъ освобожденіемъ въ то время, когда ты въ немъ отчаявался; мужественный французскій народъ подаетъ тебѣ дружескую руку, сочувствуетъ твоему повстанью, дастъ тебѣ, кромѣ того, помощь всякимъ способомъ. Его доброжелательство основано на взаимныхъ выгодахъ двухъ народовъ, а не на обольстительной и обманчивой политикѣ, которой жертвою мы были столько разъ». Извѣщалось объ учрежденіи верховнаго уголовнаго суда, который въ 24 часа долженъ судить преступленія противъ повстанья. Постановлялось, что декретъ этого суда можетъ быть только или полнымъ оправданіемъ съ наказаніемъ обвиняющаго, или смертный приговоръ. Установлена была депутація общественной безопасности. Ея обязанность была наблюдать надъ всѣмъ тѣмъ, что можетъ препятствовать народному повстанью, чтобы не только ничего не дѣлалось, но даже и не говорилось противнаго повстанью, а виновные будутъ немедленно отсылаемы къ суду. Для этой цѣли она имѣла власть задерживать кого нужно военною силою, производить слѣдствіе. Въ случаѣ, еслибы не было доносителя, процессъ о преступленіи противъ повстанья начинался публичнымъ инстигаторомъ. Кромѣ этой грозной депутаціи, Высочайшій Совѣтъ учреждалъ еще депутацію снаряженій и депутацію общественной казны. Высочайшій совѣтъ приглашалъ всѣхъ къ оружію и доставкѣ рекрутъ, побуждалъ шляхту говорить милостивымъ словомъ природы къ простому народу и призывать его къ войнѣ ради того, что онъ терпитъ отъ иноземныхъ солдатъ. Не только о какомъ бы то ни было освобожденіи, но даже объ облегченіи

повинностей не говорилось ни слова. Костюшко, узнавъ объ этомъ, очень былъ недоволенъ: объявить, что принимаютъ за образецъ Францію и входить съ нею въ дружескій союзъ въ то время значило вызывать противъ Польши ту бурю, которая давно уже угрожала Франціи, и если эта буря не могла до сихъ поръ ничего сдѣлать Франціи, то тѣмъ яростнѣе должна была напасть на Польшу.

VII.

Аресты. — Волненія въ Варшавѣ. — Казнь Ожаровскаго, Коссаковскаго, Анквича и Забѣллы.—Организація военно-полицейской силы въ Варшавѣ.—Волненіе противъ диссидентовъ. — Образованіе высочайшаго совѣта.

Духъ революціоннаго террора разгорался съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе. 1-го мая, арестовали епископовъ Масальскаго, Скаржевскаго и подканцлера Адама Мощинскаго. Отъ нихъ отобрали вещи, которыя они получили въ подарокъ отъ Екатерины послѣ гродненскаго сейма. Масальскій находился въ дворцѣ у короля: генералъ Мокроновскій обратился къ Станиславу-Августу и просилъ отъ имени совѣта арестовать его черезъ своего адъютанта. «Мнѣ крайне прискорбно — сказалъ король — что мое жилище не можетъ служить убѣжищемъ, но всего прискорбнѣе то, что все это дѣлается послѣ того, какъ я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ епископъ старался всѣми силами смягчить несчастія, которыя стали поводомъ къ революціи 17-го апрѣля. Впрочемъ, я не имѣю права арестовать виленскаго епископа». Тогда Мокроновскій арестовалъ Масальскаго мимо воли короля: арестованный былъ отправленъ въ брюлевскій дворецъ. По его арестованіи, Людовикъ Тышкевичъ такъ испугался, чтобъ къ нему не придрались, что отослалъ погребецъ, который онъ получилъ отъ русской государыни, и написалъ письмо, въ которомъ увѣрялъ, что онъ сдѣланъ былъ маршаломъ сейма по неволѣ и исполнялъ свои обязанности такъ, что не долженъ чрезъ то навлечь упреки патріотовъ.

Пронеслись вслѣдъ затѣмъ вѣсти, что русскіе жестоко поступали съ жителями; говорили, что Тучковъ, уходя изъ-подъ Вильны, жегъ жилыя мѣстности и дозволялъ солдатамъ неистовствовать надъ жителями. Тоже говорили о Циціановѣ, который, кромѣ того, наложилъ на Гродно разорительную контрибуцію; разсказывали о своевольствѣ отряда маіора Сухозанета, въ Козенцахъ, гдѣ ограбленъ былъ королевскій палацъ и москали, угрожая городу сожженіемъ, приказывали чиновникамъ городского магистрата доставлять себѣ

женщинъ для распутства. Ожесточеніе противъ русскихъ вообще перешло и на русскихъ плѣнниковъ, находившихся въ Варшавѣ, а еще болѣе на посаженныхъ въ тюрьму поляковъ, называемыхъ измѣнниками.

Коллонтай изъ Кракова дѣйствовалъ на народъ; его агентъ, Марушевскій, и вообще рьяные демагоги, подъ вліяніемъ примѣровъ французской революціи, побуждали народъ требовать казней: это, говорили они, наведетъ страхъ на многочисленныхъ тайныхъ недоброжелателей революціи и прекратитъ ихъ замыслы. Чернь, разжигаемая демагогами, пріобрѣтала жажду крови. Случилось событіе, ускорившее исполненіе желанія демагоговъ.

8-го мая, въ день королевскихъ именинъ, въ шесть часовъ по полудни, король отправился въ Прагу на прогулку. Въ это время разгласили по Варшавѣ, будто русскіе и пруссаки приближаются къ Прагѣ. Все заволновалось, заметалось, хваталось за оружіе, ударили по всѣмъ костеламъ въ набатъ, забили въ барабаны, кричали: до брони, до брони! и по всѣмъ улицамъ засновали туда и сюда старые и малые, вооруженные какъ попало и чѣмъ попало, кто бѣжалъ съ ружьемъ безъ штыка, кто со штыкомъ безъ ружья, кто съ пистолетомъ, кто съ копьемъ.... Комедіанты, торгаши, ремесленники, чернорабочіе, евреи и такіе люди, о которыхъ по неопредѣленности ихъ занятій можно было только сказать, что они топтали варшавскія улицы, и тѣ не отставали отъ другихъ и старались показать свой польскій патріотизмъ. Торопливость была такъ велика, что не одинъ, заряжая непривычное для себя оружіе, ранилъ самъ себя или своего товарища.

Въ это время начали кричать, что русскихъ плѣнниковъ слишкомъ много, что измѣнники хотятъ освободить ихъ и они будутъ опасны для города во время приступа, — ихъ надобно всѣхъ побить вмѣстѣ съ тѣми поляками, которые посажены въ тюрьмы и принадлежатъ, какъ извѣстно, къ московской партіи. Вдругъ узнали, что короля нѣтъ въ городѣ. Тогда разнеслось въ толпѣ, что онъ ускользнулъ изъ Варшавы и измѣнилъ патріотическому дѣлу. Кинулись догонять короля, но король, узнавъ о волненіи народа, самъ воротился, и на Краковскомъ предмѣстьѣ толпа встрѣтила его восклицаніями: «да здравствуетъ король!» А нѣкоторые прибавляли: «только пусть не убѣгаетъ!»

Много труда стоило успокоить взволнованный городъ. Едва ночью утихло смятеніе.

На другой день узнали, что подъ городомъ нѣтъ и не было ни русскихъ, ни пруссаковъ; стали разыскивать, кто распускаетъ эти вѣсти. По наущенію Килинскаго стали говорить, что это

пущено было тайными сторонниками русскихъ, съ тѣмъ, чтобы произвести суматоху и въ суматохѣ освободить плѣнныхъ русскихъ и содержавшихся подъ стражею поляковъ. Указывали особенно на камердинера Анквича, будто онъ былъ здѣсь одно изъ главныхъ лицъ и цѣль его была освободить своего господина.

Громада народа бросилась къ дверямъ дома, гдѣ засѣдалъ провизоріальный совѣтъ, и кричала: «повѣсить Ожаровскаго, Забѣллу, Коссаковскаго и Анквича!» Совѣтъ хотѣлъ-было уговорить народъ отстать отъ этого требованія, но напрасно. Народъ собрался на Старомъ мѣстѣ, на рынкѣ. Стали толковать, что слѣдуетъ обличить и судить немедленно злодѣевъ отечества для примѣра другимъ. Послали требовать актовъ архива Игельстрома. Уже прежде разбирались эти бумаги; изъ нихъ было видно, что обвиняемыя лица дѣйствительно были на пенсіонѣ у Россіи. Народъ объ этомъ узналъ и хотѣлъ видѣть казнь тѣхъ, которыхъ считалъ виновниками бѣдствій отечества. Еще на разсвѣтѣ толпа поставила четыре висѣлицы, три на Старомъ мѣстѣ, четвертую передъ костеломъ бернардиновъ на Краковскомъ предмѣстьѣ. На висѣлицахъ было написано: «казнь измѣнниковъ отечества».

Провизоріальный совѣтъ боялся, чтобы въ случаѣ новаго такого волненія, какое произошло наканунѣ, толпа не ворвалась въ засѣданіе и не сдѣлала совѣту принужденія. Это дало бы черни на будущее время смѣлость дѣлать, что ей угодно, и провизоріальный совѣтъ потерялъ бы значеніе самостоятельнаго правительства; лучше было заранѣе добровольно уступить въ томъ, что вырвутъ насильно въ случаѣ упорства. Приказали вывести четырехъ пановъ и отдать ихъ народному суду. Семидесятилѣтній Ожаровскій не могъ ходить и его принесли въ креслѣ. Анквичъ и Забѣлло шли вмѣстѣ, держа въ рукахъ шляпы, и кланялись народу на всѣ стороны, какъ бы желая смягчить покорностію народное ожесточеніе противъ себя. За ними слѣдовалъ епископъ Коссаковскій, опустивъ глаза въ землю.

Привели ихъ въ ратушу, гдѣ собрался уголовный судъ; показали имъ ихъ росписки въ полученіи денегъ отъ русскихъ пословъ. Улика была на лицо. Запираться было невозможно, оправдываться тоже. Трое изъ осужденныхъ молчали. Коссаковскій говорилъ: «Если вы хотите судить за это, судите въ такомъ случаѣ и другихъ; многіе сенаторы и епископы достойны той же самой судьбы, и они такъ же, какъ и мы, брали отъ русскихъ деньги и служили Россіи».

Это собственно не было оправданіе, а только указаніе на виновность другихъ въ томъ же. Коссаковскій, какъ видно, хотѣлъ посредствомъ этой увертки избѣгнуть немедленной казни,

затянуть дѣло, сдѣлать себя нужнымъ для производства суда надъ другими, а между тѣмъ обстоятельства могли измѣниться. Но разъяренная толпа не слушала ничего, кричала: «на висѣлицу измѣнниковъ»! Приговоръ былъ немедленно подписанъ. Пригласили капуциновъ; они исповѣдовали и причастили троихъ приговоренныхъ, потомъ ихъ повели на висѣлицу.

Ожаровскій, сидя въ своемъ креслѣ, отъ страха былъ чуть живъ и кажется не сознавалъ, что съ нимъ происходитъ. Онъ первый выпилъ смертную чашу съ тупымъ спокойствіемъ. Забѣлло, когда его подвели къ висѣлицѣ, началъ кланяться, просить народъ о помилованіи, и увѣрялъ, что онъ невиненъ. Ему отвѣчали криками: «измѣнникъ, измѣнникъ, молчать!» Анквичъ, одѣтый въ зеленый кунтушъ, съ твердостію окинулъ взорами народъ и началъ-было говорить рѣчь: «Народъ благородный! Неужели въ тебѣ нѣтъ состраданія?» но его прервали криками: «нѣтъ состраданія къ измѣнникамъ!» Тогда онъ, подошедши къ висѣлицѣ, понюхалъ табаку, потомъ равнодушно подарилъ золотую табакерку палачу, сказавъ: «не мучь меня долго»; самъ себѣ надѣлъ на шею петлю и повисъ.

Надъ епископомъ Коссаковскимъ, по сношенію провизоріальнаго совѣта съ нунціемъ, совершенъ былъ прежде духовными обрядъ снятія сана; а потомъ уже его повели на особую висѣлицу на Краковскомъ предмѣстьѣ. Народъ бѣжалъ за нимъ, кричалъ, плевалъ на него, рвалъ на немъ одежды, такъ что онъ остался въ рубашкѣ и въ холщевомъ исподнемъ платьѣ. Несчастный просилъ позволенія зайти въ костелъ въ послѣдній разъ помолиться, но этого ему не дозволили и повѣсили.

«Да здравствуетъ революція»! кричалъ народъ, наслаждаясь зрѣлищемъ, какъ измѣнники въ смертныхъ мукахъ кружились въ воздухѣ на роковыхъ петляхъ. Застывшія тѣла ихъ висѣли до вечера. Толпы безпрестанно сновали около нихъ и кричали: «такъ слѣдуетъ поступать со всѣми подобными».

Имѣнія осужденныхъ объявлялись конфискованными, но сдѣлано было прибавленіе, что безчестіе, постигшее этихъ преступниковъ, не падаетъ на ихъ фамиліи и потомковъ, если только послѣдніе будутъ служить отечеству вѣрно.

Русскіе плѣнные ожидали себѣ кончины, но къ нимъ вошли поляки и сказали: «Москали, не бойтесь, вамъ не будетъ худо. Вы честные и храбрые люди, вы служили своему отечеству и своей государынѣ; еслибы у насъ были подобные вамъ, такъ и вы бы у насъ не были». Съ этихъ поръ положеніе русскихъ стало гораздо лучше. Ихъ содержаніемъ завѣдывала особая депутація. Положили выдавать на генерала Милашевича, какъ ране-

наго, 18 злот., а на другихъ генераловъ и бригадировъ по 9, на полковниковъ, подполковниковъ и маіоровъ по 6, на ротмистровъ и капитановъ по 3, на прочихъ оберъ-офицеровъ по 2; на унтеръ-офицеровъ 15 гр., а на солдата 10 грошей въ день; больнымъ же изъ солдатъ прибавляли еще по два въ день. Съ ними стали обращаться вѣжливѣе, дозволили имъ ножи и вилки и даже нѣкоторымъ бумагу. Провизоріальный совѣтъ назначилъ для нихъ даже священника, Савву Пальмовскаго, и позволилъ устроить православное богослуженіе.

Провизоріальный совѣтъ желалъ на будущее время пресѣчь народныя смятенія и устроилъ въ городѣ правильное вооруженіе жителей. Вся Варшава подѣлена была числовымъ способомъ. Пересчитаны годныя къ бою лица отъ 15 до 50-лѣтняго возраста. На десять назначенъ десятникъ, десять десятковъ составляли сотню, для которой выбирался сотникъ. У тѣхъ дворовъ, гдѣ приходилась сотня, вколачивался столбъ и назначалась караульня или гауптвахта. На тысячу (или на десять сотниковъ) назначался комендантъ и комендантская караульня, а на три тысячи генеральный комендантъ и у него караульня. Всѣ генеральные коменданты зависѣли отъ коменданта княжества Мазовецкаго, у котораго главная караульня была близъ памятника Сигизмунда III. Половина этой вооруженной силы бралась на баттареи и окопы къ работамъ, изъ остальныхъ половина (т.-е. четверть всего числа) ставилась на караульняхъ, а прочіе оставались дома. Въ случаѣ битвы, эта городская милиція должна была ставиться тремя колоннами; первая вооружена была огнестрѣльнымъ оружіемъ, вторая косами, третья копьями. Тревога должна была дѣлаться по распоряженію коменданта княжества Мазовецкаго троекратнымъ выстрѣломъ у памятника Сигизмунда III, потомъ выстрѣлами на генеральныхъ караульняхъ. Поэтому, въ каждомъ изъ шести циркуловъ, на которые была раздѣлена столица, было поставлено по пушкѣ. Звонъ въ набатъ запрещенъ, какъ и битье въ бубны по городу.

Демагоги начали волновать народъ противъ диссидентовъ, и возбуждали противъ нихъ католическій фанатизмъ. «Диссиденты— говорили они—давніе враги свободной Рѣчи-Посполитой, угодники Россіи и Пруссіи, они всему злу починъ дали, пригласили Россію и Пруссію вмѣшиваться въ наши внутреннія дѣла; они получили свои привилегіи и права не отъ Польши, а отъ Россіи, и теперь льнутъ къ нашимъ врагамъ; у нихъ въ церквахъ спрятано оружіе; какъ только русскіе и пруссаки подойдутъ къ городу, они достанутъ свое оружіе, освободятъ русскихъ плѣнниковъ, начнутъ помогать непріятелю и насъ всѣхъ рѣзать».

Отъ словъ и угрозъ недалеко было въ такихъ обстоятельствахъ и до дѣла. Диссидентовъ стали оскорблять. Провизоріальный совѣтъ, для успокоенія умовъ, велѣлъ нарядить слѣдствіе и обыскать диссидентскіе молитвенные дома. Въ нихъ не нашли никакихъ оружейныхъ складовъ, и совѣтъ огласилъ, что кто впередъ будетъ разсѣевать подобные ложные слухи, тотъ будетъ признанъ возмутителемъ общественнаго спокойствія. Но въ то же время спокойные обыватели находили болѣе и болѣе причинъ быть недовольными революціею. Военныя силы, наполнявшія Варшаву, вступали въ столкновенія съ мирными обывателями. Когда возили въ городъ припасы и продукты на торгъ, военные люди останавливали возы, выбирали изъ нихъ припасы, вербовали въ войско людей, которые ихъ везли. Жалобы на такіе поступки въ провизоріальный совѣтъ не прекращались. Многіе представляли, что они такимъ образомъ въ прахъ разоряются.

24 мая, прибыли въ Варшаву тріумфаторами Игнатій Потоцкій и Коллонтай. Толпы, встрѣчая ихъ, кричали «виватъ», махали платками и провожали къ президенту города. Они должны были занять мѣста въ высочайшемъ совѣтѣ, который долженъ былъ тотчасъ открыться. Провизоріальный совѣтъ сложилъ съ себя власть, принятую только на короткое время, по необходимости устроить какой-нибудь порядокъ въ столицѣ. Слагая власть, онъ сдѣлалъ публичное заявленіе, приглашавшее всѣхъ и каждаго, кто бы оказался недовольнымъ его дѣйствіями, выступить съ жалобою.

Высочайшій совѣтъ, по порученію Костюшки, былъ устроенъ Закржевскимъ, который остался въ качествѣ президента Варшавы. Игнатій Потоцкій, считавшійся великимъ дипломатомъ, несмотря на фіаско въ Пруссіи, увѣрилъ всѣхъ, что турки начнутъ войну съ Россіею, и Польша заключитъ съ Портою договоръ не кончать войны иначе, какъ по возвращеніи отобранныхъ провинцій. Въ сущности онъ былъ только орудіе Коллонтая. Линовскій сообщаетъ, что Коллонтай, имѣвшій тогда большое вліяніе на Костюшку, присвоивъ себѣ отъ него дѣло устройства совѣта, помѣстилъ въ немъ умышленно людей незначительныхъ, чтобъ самому управлять въ совѣтѣ. Членовъ совѣта было восемь, и при нихъ 22 помощника, въ числѣ которыхъ находились: Килинскій, Вейсенгофъ, Линовскій, Капостасъ, Зайончекъ. Обязанности совѣта предписаны были актомъ краковскаго повстанья. Онъ раздѣлялся на отдѣлы, сообразно разнымъ вѣтвямъ управленія, именно: 1) полиціи или порядка (предсѣдателемъ былъ Сулистровскій); 2) безопасности (Вавржецкій); 3) правосудія (Мышковскій); 4) финансовъ (Коллонтай); 5) продовольствія (Закржев-

скій); 6) военныхъ дѣлъ (Веловейскій); 7) иностранныхъ дѣлъ (Игнатій Потоцкій); 8) наукъ (Яськевичъ). По распоряженіямъ отдѣла Безопасности перехватывались и пересматривались письма, подозрительныя бумаги, производились обыски въ домахъ, подвергались слѣдствію подозрительные и своевольные люди, арестовались и предавались уголовному суду; онъ наблюдалъ надъ политическими узниками и ихъ содержаніемъ, а также и надъ выдачею паспортовъ. Производство было возложено на индигаціонную коммиссію. Во все продолженіе революціи было множество спрашиваемыхъ и допрашиваемыхъ; въ концѣ мая число ихъ простиралось до 151, многіе привлекались по пустымъ подозрѣніямъ.

Помощники въ высочайшемъ совѣтѣ были прикомандированы по отдѣламъ и посылались по разнымъ дѣламъ въ воеводства и повѣты. Когда всѣ члены сходились вмѣстѣ, то президентъ выбирался на каждое засѣданіе, и потому постояннаго президента не полагалось. Пяти членовъ на лицо было достаточно для составленія засѣданія совѣта. Дѣла рѣшались большинствомъ голосовъ. Голосъ президента перевѣшивалъ въ случаѣ равенства голосовъ. У совѣта были двѣ печати: одна общая, другая отдѣльная, на нихъ былъ девизъ: Свобода, Цѣлость, Независимость (wolność, całość, niepodległość).

Въ Вильнѣ также революціонный терроръ сталъ сильнѣе; въ половинѣ мая казненъ былъ бывшій маршалъ виленской конфедераціи Швейковскій, креатура Коссаковскаго. Идя на смерть онъ произнесъ: «говорилъ мнѣ Коссаковскій: гдѣ они будутъ, тамъ и я буду; такъ и случилось». Осужденъ на смерть воевода инфлянтскій Іосифъ Коссаковскій съ сыномъ и свирѣпый въ оное время Мануцци съ сыномъ, но они укрывались. Всѣмъ военнымъ поручено искать ихъ. Вильна устроила у себя муниципальную гвардію, которая простиралась до трехъ тысячъ человѣкъ. Эта гвардія была вооружена копьями, карабинами, пистолетами, топорами, бердышами. Одиннадцатаго мая былъ первый смотръ новосформированной въ Вильнѣ городской силы. Ее привѣтствовалъ и воспламенялъ къ защитѣ отечества Михаилъ Огинскій, тотъ самый, который такъ недавно, по свидѣтельству Сиверса, былъ полезенъ ему на гродненскомъ сеймѣ. «Да здравствуетъ отечество, да погибнутъ измѣнники»! кричалъ вооруженный народъ. Высочайшій литовскій совѣтъ заявлялъ, что онъ неотступно подчиняется волѣ Костюшки, что его назначеніе только временное, и что онъ не намѣренъ распространять строгости преслѣдованія на всѣхъ, кто только въ былое время далъ за себя акцессъ къ тарговицкой конфедераціи, но

будетъ казнить тѣхъ, которые, находясь въ этой конфедераціи, ознаменовали себя утѣсненіями надъ обывателями.

Начертавшіе въ Краковѣ составъ и способъ дѣятельности высочайшаго совѣта не дали въ немъ мѣста съ одной стороны королю, съ другой мѣщанамъ. Можно было ожидать, что пригласятъ къ предсѣдательству на засѣданіяхъ совѣта короля, но тогда заправщики дѣла мало вѣрили ему, какъ и бо̀льшая часть поляковъ. Что̀ было къ тому поводомъ и почему не допущены были мѣщане, можно толковать различно; быть можетъ, самъ Костюшко боялся этимъ допустить вліяніе уличной толпы на засѣданія, какъ то было во Франціи. Костюшко не былъ кровожаденъ; это доказывается тѣмъ, что онъ не одобрялъ казней такихъ людей, которые съ патріотической точки зрѣнія вполнѣ были достойны своего жребія. Быть можетъ, исключеніемъ мѣщанъ было намѣреніе сдѣлать угодное шляхетскому сословію, которое и теперь, какъ всегда, хотѣло, чтобы власть и законодательство оставались у него въ рукахъ исключительно. Линовскій приписываетъ это Коллонтаю; несмотря на то, что прежде онъ всегда казался демократомъ и стоялъ за права мѣщанъ, онъ теперь нашелъ допущеніе ихъ неудобнымъ для своей власти. Это недопущеніе мѣщанскаго сословія оскорбило многихъ не только мѣщанъ, но и людей крайнихъ убѣжденій о равенствѣ сословій. «Зачѣмъ, говорили, одной шляхтѣ довѣрили цѣлость отечества? Развѣ мы противились ея уставамъ, развѣ мы не платили установленныхъ податей? Кто же продалъ отечество, какъ не шляхта? Кто его дѣлилъ два раза, какъ не шляхта? Кто разорилъ нашу торговлю и ремесленность, какъ не шляхта? А кто началъ революцію? Шляхта? Нѣтъ; она, правда, составила планъ, но безъ нашей помощи ничего бы не сдѣлала.» Килинскій устроилъ клубъ и на сходкахъ въ капуцинскомъ монастырѣ волновалъ мѣщанъ и возбуждалъ въ нихъ сильное неудовольствіе противъ шляхты. Они отправили четырехъ депутатовъ къ Костюшкѣ, но начальникъ отказалъ имъ. Коллонтай успѣлъ послать впередъ курьера къ начальнику и описать отправленныхъ депутатовъ интриганами и возмутителями порядка.

VIII.

Мѣры высочайшаго совѣта къ поддержанію революціи. — Финансовыя распоряженія. — Универсалъ къ православному духовенству. — Битва подъ Щекоцинами. — Пораженіе Заіончека подъ Холмомъ. — Взятіе русскими Люблина. — Взятіе пруссаками Кракова. — Волненія и казни въ Варшавѣ. — Вступленіе австрійцевъ. — Охлажденіе къ повстанью.

Высочайшій совѣтъ назначилъ всеобщее вооруженіе въ такой пропорціи: съ каждыхъ пяти дымовъ въ городахъ, мѣстечкахъ и деревняхъ по рекруту, съ карабиномъ и нѣсколькими лядунками, или съ копьемъ длиною въ одиннадцать футовъ, либо съ косою и топоромъ. Рекрутъ долженъ быть убранъ по-крестьянски и имѣть съ собою двѣ рубахи, сапоги, шапку и простыню изъ грубаго сукна, сухарей на шесть дней и провіанта на шесть мѣсяцевъ. Съ пятидесяти дымовъ доставляться долженъ былъ конный рекрутъ, съ конемъ, стоющимъ не менѣе 150 злот., съ сбруею, съ саблею, парою пистолетовъ и пикою, причемъ слѣдовало поставлять такихъ, которые умѣли ѣздить на лошадяхъ, напр. отдать въ рекруты курьера или охотника. Обыватели должны были доставлять рекрутъ въ порядковыя коммиссіи своихъ повѣтовъ. Для содержанія войска, каждый дымъ долженъ доставлять 24 фунта сухарей, 8 гарнцевъ овса и 24 фунта сѣна. Сверхъ того всѣ жители отъ 18 до 40 лѣтъ должны вооружаться карабинами, ружьями, саблями, пиками или косами, и каждое воскресенье всякая деревня, мѣстечко или городъ должны упражняться въ военной наукѣ. Это слѣдовало привести въ исполненіе въ теченіе трехъ недѣль. Наконецъ, командующій генералъ имѣлъ право, гдѣ то окажется нужнымъ, въ городѣ, воеводствѣ, или землѣ, или повѣтѣ, созвать посполитое рушенье. Половина изъ составляющихъ это посполитое рушенье должна будетъ идти на бой немедленно, другая оставаться на хозяйствѣ, готовая помогать тѣмъ, которые выйдутъ въ походъ. Каждый обыватель обязанъ выходить съ своими крестьянами, а если онъ слабъ здоровьемъ, старъ, или занятъ другою службою, высылать сына на челѣ своихъ крестьянъ. Обязанность вооруженія падала и на духовенство, сообразно получаемымъ доходамъ, — съ двухъ тысячъ дохода должно ставить одного коннаго въ посполитое рушенье. Наконецъ, шляхта, не имѣющая другого дыма, кромѣ своего домашняго, должна идти сама лично, или высылать сыновей или братьевъ. Актомъ краковскаго повстанья, распространяемаго и на всю Польшу, возобновлялись всѣ налоги, постановленные и утвержденные бывшимъ конституціоннымъ сей-

момъ (между прочимъ и пожертвованіе десятаго, двадцатаго и тридцатаго гроша съ имѣній); земскія имѣнія облагались процентомъ съ суммъ получаемаго дохода въ такой пропорціи: съ получаемаго дохода въ количествѣ отъ ста зл. до 2,000—десять процентовъ; съ доходовъ отъ 2,000 до 10,000, отъ первыхъ двухъ тысячъ—десять, а отъ остальныхъ тысячъ—двадцать; съ дохода отъ 10,000 до 30,000, съ первыхъ двухъ тысячъ—десять, съ другихъ до 8,000—двадцать, а съ остальныхъ—тридцать. Тѣ, которые получали въ годъ больше 50,000 злот. должны были платить по 40 процентовъ съ суммы дохода. За предѣлами пятидесяти тысячъ въ цѣнности слѣдовало руководствоваться тарифомъ, составленнымъ при наложеніи офяръ (пожертвованія), десятаго гроша. Королевскія столовыя и экономическія имѣнія, свободныя до сихъ поръ отъ платы офяры, теперь подвергались тому же, по цѣнности, выводимой изъ контрактовъ, по которымъ они отдавались въ поссессію. Духовныя имѣнія должны были платить по 50 проц. отъ суммы доходовъ, превышающихъ 2,000 злотыхъ. Города обязаны были заплатить половину годового съ нихъ побора, и сверхъ того всю сумму платимаго подымнаго не въ счетъ. Нѣкоторые города, какъ напр. Вильна, Краковъ, Сендомиръ, Люблинъ, Брестъ-Литовскій, Ковно, Луцкъ, Новогродокъ, сами имѣли право составить у себя поборъ. Наконецъ, съ королевщинъ, отданныхъ уже въ поссессію, бралось съ пожизненниковъ — три кварты, а съ владѣвшихъ подъ иными условіями и выше. Для облегченія позволено было платить вещами, нужными для войска, указанными порядковымъ коммиссіямъ отъ военнаго отдѣленія высочайшаго совѣта. Все это должно было собираться чрезъ экзакторовъ и доставляться въ соотвѣтственныя порядковыя коммиссіи. Сверхъ того, для бо̀льшаго доставленія денежныхъ средствъ, высочайшій совѣтъ установилъ выпускъ билетовъ казначейства (skarbowych), стоимостью на шестьдесятъ милліоновъ польскихъ злотыхъ, которымъ хотѣлъ присвоить въ государствѣ курсъ наравнѣ съ звонкою монетою. Этотъ выпускъ обезпечивался народными имуществами, то-есть королевщинами. Тарговицкая конфедерація уничтожила законы конституціоннаго сейма о королевщинахъ, а теперь они возобновлялись, и чрезъ то число недовольныхъ повстаньемъ увеличивалось тѣми, которые теряли при этомъ законѣ. Такимъ образомъ, для погашенія долга, по выпущеннымъ билетамъ, положено было продавать каждый годъ на десять милліоновъ государственныхъ или народныхъ, какъ они теперь стали называться, имѣній, допуская къ покупкѣ не только поляковъ, но и иностранцевъ, но непремѣнно христіанской религіи. Такая оговорка была сдѣлана съ тою цѣлью, чтобы

не дать перейти множеству земель въ руки евреевъ. Билеты должны были приносить по десяти процентовъ. Кто не захотѣлъ бы принимать ихъ въ обращеніи, тому заранѣе опредѣлялось наказаніе денежною пенью. Кромѣ того, такъ какъ въ наличности денегъ было мало, то доставлявшихъ продовольствіе и вообще вещи, нужныя для войска, принуждали брать вмѣсто денегъ ручательства на бумагѣ, которымъ усвоивали хожденіе наравнѣ съ звонкою монетою.

Высочайшій совѣтъ опубликовалъ манифестъ 7 мая объ освобожденіи крестьянъ, съ подтвержденіемъ, чтобы это приводилось немедленно въ исполненіе. Вмѣстѣ съ этимъ универсаломъ опубликованъ былъ другой, касавшійся православнаго духовенства, черезъ которое Костюшко думалъ привязать къ Польшѣ русскій народъ.

Универсалъ этотъ гласилъ такъ: «Священнослужители! Вы каждый день испытываете, какова судьба людей, живущихъ подъ деспотизмомъ. Вы каждый день испытываете, что притворное вниманіе, которымъ васъ обольщаетъ московское правительство, истекаетъ не изъ искренняго уваженія къ вашему сану, а изъ недостойнаго намѣренія посредствомъ васъ держать народъ въ неволѣ; вы знаете, что престолъ московскаго государства, укрѣпленный на насиліяхъ, захватахъ, преступленіяхъ и коварствахъ, огорчаетъ цѣлый свѣтъ своимъ беззаконнымъ и безчеловѣчнымъ преслѣдованіемъ людей и народовъ, желая всегда поддерживать свои беззаконія святынею религіи, при помощи ея служителей.

«Вы, которымъ повѣрено просвѣщеніе народа, вы, которые должны заботиться о его счастіи, откройте ему глаза, и заботясь о его благѣ, также какъ и о своемъ собственномъ, убѣдитесь, что будучи вѣрными истинному своему отечеству, постоянно удерживая связь съ Польшею, вы содѣлаетесь достойными правъ и преимуществъ, свободы и всякихъ благодѣяній того прочнаго правленія, которое теперь покупаютъ себѣ поляки кровью.

«Такъ, священнослужители! Вы теперь, со всѣмъ народомъ, московскіе невольники, а вмѣстѣ съ нами будете почтенными священнослужителями; ваши обряды, ваша собственность, ваши доходы будутъ у насъ имѣть такую же цѣну, какъ и нашихъ собственныхъ священнослужителей. Не думайте, чтобы разница мнѣній и обрядовъ мѣшала намъ любить васъ, какъ братьевъ и соотечественниковъ; напротивъ, мы считаемъ своею главною обязанностію дать вамъ почувствовать разницу грубаго и неправосуднаго владычества, подъ которымъ вы находитесь, и владычества закона и свободы, къ которому мы васъ призываемъ.

Припомните, какое большое довѣріе оказалъ вамъ варшавскій сеймъ, когда созвалъ васъ на генеральную конгрегацію въ Пинскъ, выслалъ къ вамъ изъ своей среды коммиссаровъ, позволилъ вамъ устроить вашу греко-восточную церковь, принялъ съ удовольствіемъ все, что вы сами между собою постановили. Еслибы труды этого достославнаго сейма не были прерваны внезапно, то вы уже имѣли бы теперь лучшее содержаніе, свою церковную іерархію, своихъ епископовъ, и не терпѣли бы во главѣ церкви женщины, что противно св. вѣрѣ и правиламъ св. отцовъ. Но будьте увѣрены,—чего сеймъ не докончилъ, то будетъ докончено; мы думаемъ о свободѣ греко-неунитскаго обряда и о приличномъ содержаніи его священнослужителей.

«Привязывая васъ къ себѣ благодѣяніями, мы хотимъ привязать васъ, братья наши, къ общему отечеству»!

Костюшко стоялъ долго подъ Поляницами; въ войско его приходили новыя силы. Прибытіе генерала Гроховскаго изъ-подъ Люблина было важнѣйшимъ событіемъ. Кромѣ свѣжаго войска, онъ привезъ ему еще и восемьдесятъ тысячъ злотыхъ, но извѣщалъ, что на возстаніе въ Украинѣ, Подоліи, Волыни надежды нѣтъ, тѣмъ болѣе, что тамъ находятся русскія войска.

Теперь у Костюшки было до 16,000 регулярнаго войска и около десяти тысячъ вооруженныхъ крестьянъ. Корпусъ Денисова стоялъ неподалеку противъ него въ Сташовѣ. Были незначительныя стычки, оканчивавшіяся ничѣмъ. Костюшку безпокоили пожары, видимые издали: это русскіе опустошали селенія, пристававшія къ повстанью. Но какъ силы Костюшки увеличивались, то Игельстромъ боялся за Денисова и далъ приказаніе идти къ нему на помощь генераламъ Хрущову и Рахманову. Въ тоже время Игельстромъ послалъ къ прусскому генералу Фаврату, командовавшему арміею вмѣсто Шверина, просилъ его дѣйствовать противъ Костюшки вмѣстѣ съ русскимъ войскомъ. Фавратъ не только изъявилъ согласіе, но въ квартиру Игельстрома въ Ловичъ прислалъ князя Нассау, который объявилъ, что прусскій король самъ приметъ начальство надъ войскомъ.

Генералъ Денисовъ снялся изъ-подъ Сташова. Костюшко слѣдилъ за нимъ. Денисовъ сталъ у Щекоцинъ. Влѣво отъ него находился корпусъ Рахманова, вправо за семь верстъ Хрущовъ съ своимъ отрядомъ, а еще далѣе вправо, у Жарновицъ, прусское войско, куда прибылъ самъ прусскій король.

Костюшко, преслѣдуя Денисова, остановился у Ендржеіова, за 28 верстъ отъ Щекоцинъ, гдѣ былъ Денисовъ, и за 35 в. отъ пруссаковъ, ничего не зная ни о пруссакахъ, ни о ихъ королѣ. Костюшко сталъ у деревни Равки. На другой день, 5

іюня, появились противъ него непріятельскія войска. Онъ отодвинулся къ селу Прибышеву. Ночь замедлила битву. Утромъ 6 іюня, соединенныя силы русскихъ и пруссаковъ напали на поляковъ и окружили ихъ съ трехъ сторонъ. Два генерала, Водзицкій и Гроховскій пали въ битвѣ. Поляки смѣшались, отступили, потерявъ тысячу человѣкъ убитыми и восемь пушекъ. Союзники не стали ихъ преслѣдовать, потому что и въ ихъ диспозиціи также недоставало порядка.

За этою неудачею послѣдовала другая. Заіончекъ вмѣстѣ съ генераломъ Ведельстедтомъ хотѣлъ удержать движеніе русскаго генерала Дерфельдена, и сталъ подъ Холмомъ, выбравши позицію на двухъ горахъ. Но русскіе ударили на него изъ двадцати двухъ тяжелыхъ орудій, да изъ тридцати восьми полевыхъ, и послѣ пяти-часовой канонады разбили. Польскіе гренадеры и пикинеры состояли большею частію изъ непривычныхъ къ битвѣ новобранцевъ; они разбѣжались и въ паническомъ страхѣ выдумали и разгласили, что Заіончекъ измѣнникъ, взялъ отъ москалей подкупъ. Еслибы не храбрая конница полковника Вышковскаго, то у поляковъ отбили бы всѣ орудія.

Заіончекъ отретировался къ Люблину и тамъ хотѣлъ укрѣпиться, но увидѣлъ, что въ Люблинѣ не было большой охоты поддерживать возстаніе. «Въ засѣданіе порядковой коммиссіи—говоритъ очевидецъ, бывшій тогда членомъ ея—вошелъ человѣкъ высокаго роста въ байковой волошкѣ съ черною перевязью, и съ гладко причесанными волосами. «Я генералъ Заіончекъ, — сказалъ онъ. Я не былъ счастливъ противъ сильнѣйшаго непріятеля подъ Холмомъ, отступилъ,—и думаю биться подъ Люблиномъ. Приготовленъ ли городъ къ оборонѣ? Битва можетъ быть и на улицахъ».—А что же съ нашими домами станется? сказалъ Дедерко, старичекъ, владѣвшій деревяннымъ домомъ въ Люблинѣ. «А кто вы такой, сказалъ Заіончекъ, что думаете о своемъ домѣ, когда отечество требуетъ пожертвованія жизнію и имуществомъ; у васъ нѣтъ патріотическаго духа, и еще вы у другихъ его забиваете. Я васъ велю заковать въ кандалы и отослать въ Варшаву въ уголовный судъ».—Панъ-генералъ, сказалъ ему Грабовскій, не будемъ осуждать другъ друга.—«Это вы меня попрекаете, что я проигралъ битву? сказалъ Заіончекъ. Я буду защищаться въ Люблинѣ. Есть у васъ мокрыя кожи для закрытія кровель, есть огнегасительные снаряды»?—Все найдется, закричали всѣ, только нужно предводителя. Этимъ они опять кольнули Заіончека. «Прислалъ бы предводителя, да не зачѣмъ. Въ этомъ воеводствѣ нѣтъ патріотическаго духа», сказалъ Заіончекъ и вышелъ. Еще прежде посланный въ Люблинъ и Холмъ

полковникъ Хоментовскій доносилъ Костюшкѣ такими словами: «члены властей, установленныхъ въ хелмскомъ и люблинскомъ краяхъ далеки отъ революціоннаго духа, средства предпринимаются и исполняются лѣниво. Я не засталъ никакихъ приготовленій ни въ оборонѣ края, ни къ содержанію войска. Всѣ спокойно сидятъ, какъ будто ничего не происходитъ къ отечествѣ, а когда имъ говоришь о вооруженіи крестьянъ, то они кричатъ, что это беззаконіе, что тѣмъ нарушается ихъ вольность. Люблинская шляхта приступила къ повстанью только для вида, чтобы съ ней не обращались по-непріятельски.»

Дѣйствительно, люблинскіе обыватели и прежде показывали усердіе къ тарговицкой конфедераціи и поддѣлывались къ стоявшимъ у нихъ русскимъ войскамъ, даже другъ на друга доносили въ нерасположеніи къ Россіи и конфедераціи. Когда вспыхнуло возстаніе Костюшки, и русское войско оставило городъ, туда пріѣхалъ отъ Костюшки Казимиръ-Несторъ Сапѣга, наговорилъ объ успѣхахъ Костюшки, и люблинцы пристали къ повстанью. Ярые патріоты изъ тѣхъ же, которые прежде гнули шеи предъ русскими, въ знакъ патріотизма повѣсили русскаго деньщика, который, будучи пьянъ, заблудился и остался въ городѣ въ то время, какъ выходило изъ него русское войско. Направленіе жителей тотчасъ измѣнилось на прежній ладъ, какъ только почуяли, что возстаніе совсѣмъ не такъ сильно, какъ имъ наговорилъ краснорѣчивый Сапѣга. Самъ городъ Люблинъ, мѣсто трибунала, былъ запруженъ адвокатами, повѣренными, людьми, которые подъ различными видами терлись около трибунала, и содержали себя крупицами, падавшими отъ тяжбъ знатныхъ пановъ. Такой народъ естественно менѣе, чѣмъ всякій другой, способенъ былъ увлекаться любовью къ отечеству и жертвовать за него чѣмъ бы то ни было. Они готовы были служить возстанію, когда бы оно было сильнѣе, но тотчасъ же показывали расположеніе служить Россіи и кому бы то ни было, когда сила окажется на противной сторонѣ.

Теперь Заіончекъ потребовалъ отъ люблинской порядковой коммиссіи прислать ему три тысячи вооруженныхъ хлоповъ. Коммиссія исполнила требованіе, но вооруженные хлопы въ первую же ночь всѣ разбѣжались отъ Заіончека. Это неудивительно, когда вспомнить, что всѣ они были малоруссы, и потому естественно, по своимъ стариннымъ народнымъ антипатіямъ, не расположены были подставлять лбы за преуспѣяніе польско-шляхетской вольности. Заіончекъ подозрѣваетъ даже порядковую коммиссію въ злоумышленіи, что она прислала ему такую негодную для него толпу нарочно, угождая москалямъ. Едва-ли

коммиссія въ состояніи была прислать ему иныхъ. Впрочемъ, вѣрно и то, что обыватели сообразили, что повстанье не удастся съ такими предводителями, которые передъ ихъ глазами заявляютъ свое искусство проигрышами въ битвахъ съ русскими, и потому разсуждали, что для нихъ будетъ выгоднѣе, если русскіе, которые, по ихъ разсчету, должны взять верхъ, будутъ къ нимъ милостивѣе, чѣмъ повстанцы. Революція заявляла посягательство на права, которыя для нихъ были священнѣе всѣхъ правъ, —на власть надъ хлопами; Россія же не пугала ихъ ничѣмъ подобнымъ, а потому для нихъ, еслибы пришлось выбирать между властью той Польши, какую хотѣлъ устроить Костюшко, и властью Россіи, то выгоднѣе было пристать къ Россіи. Припомнить слѣдуетъ, что при первомъ распространеніи вѣсти о второмъ раздѣлѣ Польши, Холмская земля добровольно изъявила желаніе присоединиться къ Россіи. Теперь покорностью и безучастіемъ къ дѣлу возстанія, обыватели прежде всего могли спасти свои имѣнія отъ разоренія, и дѣйствительно, когда русскіе скоро опять вошли въ край, то щадили ихъ. Городъ Люблинъ былъ занятъ Дерфельденомъ; онъ обошелся съ жителями очень ласково, и хотя наложилъ на нихъ контрибуцію, но умѣренную, всего 30,000 зл., не допустилъ солдатъ до грабежа и даже не хотѣлъ принимать подарка отъ города. «Вы, говорилъ онъ, и такъ довольно несчастливы, къ чему вамъ тратиться. Я мало нуждаюсь, я все имѣю отъ моей государыни. Довольно для меня, если сохраните меня въ памяти». Русскіе разорили Пулавы, имѣніе Чарторыскихъ, и самый великолѣпный домъ его ограбили.

Заіончекъ отступилъ къ Курову. Тутъ ему прислали изъ Варшавы двадцать пушекъ. Онъ хотѣлъ снова идти противъ русскихъ, но войско его взбунтовалось; четыре полковника требовали, чтобы онъ отвелъ войско назадъ за Вислу. Проигрышъ Заіончека подъ Холмомъ, гдѣ онъ въ первый разъ командовалъ самостоятельно отрядомъ, не внушалъ увѣренности въ его высокомъ дарованіи военачальника. Заіончекъ долженъ былъ уступить и переправиться за Вислу. Куровъ былъ взятъ русскими, Дерфельденъ пощадилъ его, хотя онъ принадлежалъ самому важнѣйшему изъ сторонниковъ революціи, Игнатію Потоцкому. Дерфельденъ зналъ его лично и уважалъ. Другіе русскіе отряды не такъ гуманно обходились съ городами и имѣніями, которые пристали къ возстанію и которыхъ надлежало усмирять. Такимъ образомъ, въ селѣ Мѣдневицѣ жители убѣжали въ костелъ, и казаки перерѣзали ихъ тамъ съ женщинами и дѣтьми.

Вслѣдъ затѣмъ послѣдовала третья неудача для повстанья.

Пруссаки подступили подъ Краковъ. Костюшко оставилъ команду надъ этимъ городомъ молодому генералъ-маіору Винявскому и далъ ему пакетъ, который велѣлъ распечатать только тогда, когда на Краковъ нападетъ сильный непріятель. Городъ укрѣпляли наскоро. Обыватели трудились надъ возведеніемъ окоповъ. Военныя польскія силы въ Краковѣ простирались до семи тысячъ и состояли изъ вооруженныхъ мѣщанъ и новонабранныхъ въ войско рекрутъ. Было у нихъ нѣсколько пушекъ, изъ нихъ шесть большихъ.

3 (14) іюня, пруссаки приблизились. Шпіоны донесли, что ихъ восемь тысячъ. На самомъ дѣлѣ ихъ было съ небольшимъ тысячи три. Винявскій, до тѣхъ поръ показывавшій большую ревность и трудолюбіе, наблюдая надъ работами и военными упражненіями неопытнаго войска, въ этотъ день распечаталъ пакетъ и узналъ, что въ случаѣ превозмогающихъ силъ непріятеля, когда городъ Краковъ надобно будетъ неминуемо сдать, онъ долженъ отдать его австрійцамъ. Винявскій отправился въ Подгурное, принадлежавшее австрійцамъ, гдѣ былъ австрійскій генералъ Гарненкуръ, а надъ городомъ команду оставилъ подполковнику Калькэ. Въ тоже время онъ отправилъ курьера къ Костюшкѣ — извѣстить, что городъ не можетъ держаться противъ пруссаковъ и сообразно волѣ главнокомандующаго отдается австрійцамъ. Но австрійскій генералъ Гарненкуръ не имѣлъ окончательнаго права принять Краковъ на такихъ условіяхъ, на какихъ предлагалъ Винявскій, и отправилъ курьера въ Вѣну. Винявскій потребовалъ однако отъ Гарненкура обѣщанія не допускать пруссаковъ до разоренія Кракова, и воротился въ городъ вмѣстѣ съ адъютантомъ австрійскаго генерала; послѣдній предложилъ порядковой коммиссіи условія, на которыхъ австрійцы могутъ заступиться за Краковъ.

Эти условія не понравились порядковой коммиссіи; она нашла ихъ оскорбительными для обывательства и невыгодными для города. Напрасно Винявскій говорилъ: «Малѣйшая проволочка повлечетъ за собою печальныя послѣдствія; можно поручиться, что непріятель хочетъ брать Краковъ штурмомъ». Чтобы отвратить отъ Кракова гибель, Винявскій самъ поѣхалъ въ прусскій лагерь и тамъ условился сдать городъ на капитуляцію пруссакамъ.

Между тѣмъ вооруженные мѣщане, хлопы и войско стояли въ окопахъ съ оружіемъ и ожидали, на что́ рѣшатся командиры. Винявскій воротился изъ прусскаго лагеря и кричалъ: «бѣгите, оставьте, нѣтъ спасенія; городъ сдается пруссакамъ»! Изъ окоповъ онъ поскакалъ по улицамъ Кракова съ тѣмъ же зловѣ-

щимъ крикомъ, и первые набранные насильно хлопы, будучи рады, что можно не воевать, побросали свои косы и копья и разбѣжались по домамъ. За ними мѣщане бросили окопы и бѣжали къ своимъ женамъ и дѣтямъ, а между тѣмъ уже ихъ жены, услышавъ изъ оконъ своихъ домовъ крикъ Винявскаго, подняли вопль. Наконецъ и мужья и жены, ухвативъ изъ своего имущества что могли, пустились бѣжать въ Австрію, кто черезъ мостъ, а кто на лодкѣ, а кто вплавь черезъ Вислу. Войско, покинутое въ окопахъ вооруженными мѣщанами и хлопами, нѣсколько минутъ похрабрилось, а потомъ увлеклось общимъ порывомъ и также пустилось за мѣщанами черезъ Вислу, пѣхота черезъ мостъ, а конница вплавь. Австрійцы находились уже на другомъ берегу и требовали, чтобы поляки положили оружіе. Говорятъ, будто бы тогда у нихъ отобрали не только оружіе, но у многихъ взяли и деньги изъ кармановъ.

Только небольшая часть городской милиціи съ нѣсколькими мѣщанами вошла въ зàмокъ и стала отстрѣливаться, когда входилъ непріятель. Но это длилось не долго. Прусскій генералъ Эльснеръ, войдя въ городъ, объявилъ, что жители могутъ быть покойны; пруссаки не станутъ оскорблять ихъ и грабить, и далъ своимъ солдатамъ угрозу строжайшаго наказанія, въ случаѣ, если кому-нибудь изъ жителей нанесена будетъ обида. Оказалось, что всего прусскаго войска было какихъ-нибудь тысячи три.

Члены порядковой коммиссіи, Чехъ, Дембовскій и Солтыкъ, подали высочайшему совѣту, при описаніи этого событія, донесеніе, обвинявшее генерала Винявскаго въ измѣнѣ и подкупѣ. Говорили, что онъ взялъ съ пруссаковъ золота. Самъ онъ ушелъ въ Австрію. Нѣтъ никакихъ доводовъ, которыми можно бы было подтвердить это обвиненіе. Въ эпохи революцій, когда господствуетъ сильное напряженіе и терроръ, требующій, чтобы всѣ были за революціонное дѣло, всегда дѣйствуютъ сообразно объявленному тогда поляками правилу: кто не за насъ, тотъ противъ насъ. Тогда въ обычаѣ бываетъ обвинять въ измѣнѣ и продажности при всякой неудачѣ. Это тѣмъ естественнѣе было въ Польшѣ, когда въ этой странѣ дѣйствительно порокъ подкупа достигалъ высшей степени.

Костюшко, извѣщая націю о несчастіяхъ, постигшихъ возстаніе, приписывалъ Винявскому измѣну. «Непріятель — писалъ онъ — прибѣгнулъ къ прежнимъ своимъ способамъ, которые къ несчастію часто удавались ему. Краковъ сдѣлался добычею измѣны!» - Утѣшая поляковъ тѣмъ, что эти утраты не должны приводить сыновъ отечества въ уныніе, Костюшко выражался: «Обы-

ватели! помните, что первая добродѣтель свободнаго человѣка не отчаяваться о судьбѣ отечества. Этою добродѣтелью держалась и возрастала республика. Припомните себѣ древніе и новые примѣры, какъ народы, будучи на краю гибели, не потеряли мужества, и какъ близкіе къ паденію побѣждали непріятеля: орда варваровъ напала на Аѳинскую республику: аѳиняне оставили свое отечество и перешли на Саламинъ; но отвага не оставила ихъ, и они побѣдили персовъ и потомъ предписывали законы цѣлой Греціи. Аннибалъ истребилъ четыре римскія арміи; консулъ Варронъ послѣ пораженія при Каннахъ съ остатками недобитаго рыцарства воротился въ Римъ, а народъ римскій вышелъ къ нему на встрѣчу и благодарилъ за то, что онъ не отчаявался въ судьбѣ республики. Неудивительно, что такой народъ сдѣлался владыкою свѣта. И въ позднѣйшихъ вѣкахъ много подобныхъ примѣровъ. Генрихъ V, англійскій король, завоевалъ всю Францію и назвался королемъ французовъ, но французы не потеряли мужества и надежды и отбились съ отвагою. Но зачѣмъ чужіе примѣры? Вспомнимъ, въ какомъ ужасномъ положеніи была Польша во времена несчастнаго, но мужественнаго Яна-Казимира. Шведы, турки, казаки, татары и московитяне со всѣхъ сторонъ ударили на нее; не впалъ въ уныніе Чарнецкій, не пришли въ сомнѣніе храбрые и доблестные поляки, не стали вопить да сожалѣть, а взялись за оружіе, и освободили край отъ непріятельскаго наѣзда. Мы теперь въ меньшей опасности, — будемъ ли боязливѣе предковъ нашихъ?»

Непріязненныя дѣйствія пруссаковъ вызвали со стороны Костюшки и высочайшаго совѣта рѣшительныя мѣры. 12 іюня, Костюшко писалъ: «Войска короля прусскаго, соединясь съ москалями, переступаютъ черезъ тѣ границы, которыя сами узурпаторы намъ навязали насиліемъ. Поэтому, даю приказаніе всѣмъ комендантамъ регулярныхъ войскъ вступить въ прусскіе и московскіе предѣлы и провозгласить свободу и повстанье поляковъ, взывать къ народу, угнетенному и утѣсненному ярмомъ неволи, къ соединенію съ нами и къ вооруженію противъ насильниковъ, а также и всѣмъ охотникамъ и сельскому народу, если онъ можетъ отрываться отъ работъ, вступить не только въ края, отнятые отъ Рѣчи-Посполитой, но и въ края, издавна состоящіе подъ прусскимъ и московскимъ владѣніями и подавать руку помощи жителямъ, если они пожелаютъ даровать свободу ихъ собственному отечеству. Поручаю всѣмъ таковымъ командирамъ обходиться по-братски, особенно съ тѣми, которые для собственнаго счастія окажутъ намъ помощь. Подъ право добычи могутъ подпадать только имущества, принадлежащія прусскому и москов-

скому правительствамъ; именемъ народа, который опредѣлилъ казнить измѣнниковъ и награждать вѣрныхъ обывателей, каждому предводителю или командиру народной вооруженной силы и посполитаго рушенья, или ихъ наслѣдникамъ, даны будутъ народныя имущества въ награду, называемыя староствами, или же тѣ, которыя будутъ конфискованы у измѣнниковъ; поручаю поспѣшить перенести войну въ упомянутые края, а это тѣмъ удобнѣе, когда наши непріятели, вступивши въ наши края съ своимъ войскомъ, оставили собственный край безъ обороны, или съ небольшимъ войскомъ».

Высочайшій совѣтъ по этому универсалу написалъ свой, объяснилъ въ немъ несправедливость пруссаковъ и выразился такъ: «Оглашая прусскія присвоенія беззаконными, уничтожаемъ ратификаціи, вынужденныя на разбойничьемъ гродненскомъ сеймѣ, считаемъ воеводства и земли великопольской провинціи нераздѣльными частями Рѣчи-Посполитой, а ихъ жителей поляками и соотечественниками, и приказываемъ всѣмъ обывателямъ, подъ страхомъ конфискаціи имѣній, исполнять тѣ повинности, какія на нихъ возложитъ Рѣчь-Посполитая, и признаемъ измѣнниками отечества, достойными казни, тѣхъ, которые будутъ оказывать послушаніе беззаконнымъ присвоителямъ и наѣзднической власти.»

Объявлена формальная война Пруссіи, приказано Бухгольцу выѣхать изъ Варшавы. Бумаги въ посольствѣ были осмотрѣны. Бухгольцъ со всею нѣмецкою разсудительностью и хладнокровіемъ представлялъ Игнатію Потоцкому весь рискъ такой горячности, но Потоцкій былъ непоколебимъ и упрямъ. Бухгольцъ, чтобы втянуть его въ бесѣду, началъ хвалить его образованность, политическій умъ и безкорыстіе. Самолюбіе Потоцкаго было уловлено, и онъ сталъ говорить дружелюбнѣе, но оставался все съ тѣмъ же намѣреніемъ во что бы то ни стало возродить свое отечество и сдѣлать его независимымъ. «Вы слишкомъ слабы для этого, сказалъ Бухгольцъ. У васъ мало средствъ вести войну».—«Вы нашихъ средствъ не знаете, сказалъ Потоцкій. Кромѣ тѣхъ, которыя извѣстны, есть еще другія». Онъ, по замѣчанію Бухгольца, разумѣлъ здѣсь надежду на Францію и отчасти даже Австрію. «Варшаву осадятъ и возьмутъ приступомъ, сказалъ Бухгольцъ, и Польша должна будетъ покориться. Не лучше ли теперь? Тогда хуже будетъ». — Потоцкій отвѣчалъ: «Всѣ истинные патріоты рѣшились погибнуть въ такомъ случаѣ, но тогда невозможно будетъ удержать варшавскаго народа. Тогда перерѣжутъ всѣхъ плѣнныхъ русскихъ и подозрительныхъ поляковъ!»—«Такой поступокъ необузданной толпы, ска-

залъ Бухгольцъ, повлечетъ за собою мщеніе надъ цѣлою Польшею».—Не пугайте насъ мщеніемъ, сказалъ Потоцкій, Польшѣ нечего болѣе бояться. Хуже того, что сдѣлали, не могутъ ей сдѣлать. — «Ну, смотрите сами!» сказалъ ему Бухгольцъ.

Чтобы избавить Бухгольца отъ непріятностей со стороны раздраженнаго народа, назначили конвой, проводить его и членовъ прусскаго посольства до границы. Вслѣдъ затѣмъ высочайшій совѣтъ далъ приказаніе, въ вознагражденіе убытковъ, причиненныхъ военными дѣйствіями пруссаковъ, взять подъ секвестръ находящуюся въ Варшавѣ контору прусской компаніи, поручивъ это отдѣлу Безопасности.

Вѣсть о поступкѣ Винявскаго произвела въ Варшавѣ ужасающее впечатлѣніе. Всѣ съ увѣренностію говорили, что Винявскій измѣнникъ. За неимѣніемъ его на лицо, захотѣли излить месть на другихъ. 27 числа, нѣкто Казимиръ Конопка вошелъ въ окопы и говорилъ работающимъ варшавянамъ рѣчь, жаловался на потачку, которую правительство даетъ измѣнникамъ, указывалъ на то, что въ Варшавѣ держатъ много узниковъ, кормятъ ихъ, а не казнятъ. Слушатели пришли въ раздраженіе. Когда варшавяне разошлись, вечеромъ Конопка собралъ толпу на Старомъ Мѣстѣ передъ ратушею, и снова сталъ разжигать уличную громаду противъ сидѣвшихъ въ тюрьмахъ сторонниковъ тарговицкой конфедераціи, призвавшей русскую помощь, противъ преданныхъ Россіи лицъ, бравшихъ отъ русскаго посольства деньги, и называлъ по именамъ такихъ, которыхъ слѣдовало прежде всѣхъ казнить. Распаленная его словами толпа разнесла подобныя внушенія по городу. Ночью, въ разныхъ мѣстахъ города, поставили нѣсколько висѣлицъ, между прочимъ на Старомъ Мѣстѣ, на Краковскомъ предмѣстьѣ, въ Вержбовой улицѣ, у палаца Браницкихъ, на Сенаторской улицѣ: онѣ построены были стараніемъ кузнеца Себастіана Нанкевича; услыша желаніе вѣшать, онъ повелъ толпу къ плотнику Высоцкому, собралъ рабочихъ, присоединилъ своихъ, напоилъ пивомъ, и такимъ образомъ воздвиглись висѣлицы.

Утромъ, 27 іюля, толпа народа бросилась къ дому президента Закржевскаго, и кричала, чтобы имъ выдали на казнь злодѣевъ отечества. Нѣкоторые вступили къ нему въ домъ и вызывали его къ народу. Закржевскій не сталъ противорѣчить, соглашался, что ихъ требованіе казнить измѣнниковъ справедливо, но представлялъ необходимость въ такомъ случаѣ дѣйствовать путемъ законнаго судопроизводства; обѣщалъ, что судъ приступитъ къ надлежащему разбирательству по этому предмету, и просилъ только дать нѣсколько дней для того, чтобы президентъ и народный со-

вѣтъ имѣли возможность повести дѣло правильнымъ порядкомъ. Народъ разошелся. Но не всѣ были у президента; въ отдаленные циркулы города Варшавы не успѣли скоро дойти увѣщанія Закржевскаго. Оттуда толпы бросились на тюрьмы, отворили ихъ, и вывели семь лицъ, почитаемыхъ особенно виновными. Это были Боскампъ Ласопольскій, служившій агентомъ у русскихъ посланниковъ и получавшій жалованье отъ Россіи много лѣтъ; епископъ виленскій Масальскій, князь Антоній Четвертинскій,—оба корифеи тарговицкой конфедераціи; Рачинскій, котораго Игельстромъ назначилъ инстигаторомъ по дѣламъ о начинавшемся повстаньи; Грабовскій и Пѣнтка, считавшіеся русскими шпіонами, и Вульферсъ, бывшій членомъ провизоріальнаго совѣта и за что-то обвиняемый въ недоброжелательствѣ къ повстанью и въ сношеніяхъ съ русскими. Масальскаго вывелъ изъ тюрьмы брюлевскаго палаца Кльоновскій, пастухъ, пьяница; когда онъ тащилъ его на висѣлицу, то билъ кулаками въ спину; другіе стали подражать ему и такъ щедро надѣляли епископа виленскаго пинками, что онъ уже подлѣ висѣлицы упалъ въ обморокъ: его привели въ чувство все-таки ударами, подсадили на стулъ, а каменьщика Долгерта подсадили на верхъ висѣлицы, передали ему надѣтую на шею епископа веревку и онъ завязалъ ее около перекладины, а стоявшіе внизу выбили изъ-подъ ногъ казнимаго стулъ. Четвертинскій, вытащенный изъ тюрьмы брюлевскаго палаца, такъ оробѣлъ, что съ плачемъ и ревомъ цѣловалъ руки птичнику Дзекунскому, просилъ только дать ему хоть нѣсколько минутъ на приготовленіе къ смерти. Его не слушали и тащили на Краковское предмѣстье передъ домъ Браницкаго; сѣнопродавецъ Ясинскій подсадилъ его и когда снурокъ оказался коротокъ, добавилъ его привязаннымъ платкомъ. Стоявшіе кругомъ кричали и раздѣлили между собою одежду его. Повѣшеніемъ Вульферса заправлялъ каменьщикъ Буржинскій; онъ тотчасъ снялъ съ мертваго капотъ и продалъ за восемь злотыхъ.

Мимо разъяренной толпы, ликовавшей надъ смертію тѣхъ, которыхъ она признала врагами отечества, проходилъ Маевскій, служившій прежде инстигаторомъ въ маршалковской юрисдикціи. По приказанію высочайшаго совѣта онъ несъ въ судъ бумаги. Его остановили и потребовали у него эти бумаги. Онъ не давалъ ихъ. Тогда коновалъ Ставицкій, уже замѣченный въ кражѣ и сердившійся лично на Маевскаго, началъ кричать, чтобы его повѣсили, вырвалъ у барабанщика бубенъ и началъ бить тревогу, заохочивая толпу къ крови. Другой, Петровскій, сидѣвшій верхомъ на висѣлицѣ, билъ въ ладони и кричалъ: «вѣшать, вѣшать!» Маевскаго повѣсили.

Испуганный всѣмъ этимъ, Закржевскій, побѣжалъ въ брюлевскій дворецъ, гдѣ сидѣли другіе узники и русскіе военноплѣнные. Закржевскій сталъ убѣждать толпу, собравшуюся около брюлевскаго дворца. Варшавяне очень любили и уважали его и не только оставили свое намѣреніе убивать считаемыхъ измѣнниками, но понесли на рукахъ своего президента, а другіе въ угоду ему побѣжали и тотчасъ истребили поставленныя висѣлицы, на которыхъ еще не успѣли никого повѣсить. Бывшему маршалу Мошинскому надѣли уже на шею веревку и вели на висѣлицу, когда Закржевскій подбѣжалъ къ брюлевскому дворцу и спасъ его отъ смерти, увѣривъ народъ, что онъ не избѣгнетъ наказанія въ свое время, если окажется виновнымъ. Впослѣдствіи этотъ Мошинскій ловко оправдалъ себя передъ индигаціонною коммиссіею, а по окончаніи революціи писалъ къ Сиверсу, что за ту веревку, которая у него болталась на шеѣ, стоитъ повѣсить ему голубую ленту.

На другой день послѣ казней, высочайшій совѣтъ издалъ постановленіе, не иначе совершать казни преступниковъ, какъ послѣ очевидныхъ письменныхъ доказательствъ виновности и собственнаго сознанія преступника, а постановлять приговоры предоставлялъ только уголовному суду, долженствующему оканчивать дѣла, подлежащія его обсужденію, въ три дня.

Костюшко, находясь въ Голковѣ, 18 (29) іюня узналъ о происшедшемъ въ Варшавѣ и написалъ такое воззваніе къ жителямъ Варшавы: «Случившееся въ Варшавѣ третьяго дня наполняетъ сердце мое горестію и тоскою. Желаніе казнить преступника похвально, но зачѣмъ же преступники казнены безъ судебнаго приговора? Зачѣмъ нарушено уваженіе къ закону; зачѣмъ тотъ, кто посланъ къ вамъ именемъ закона, понесъ оскорбленіе и раны? Зачѣмъ позорно умерщвленъ невинный чиновникъ? Неужели это дѣло народа, который поднялъ оружіе противъ наѣздниковъ, съ цѣлью возвратить себѣ правильную свободу, господство закона и благосостояніе? Опомнитесь, обыватели! Коварныя, злобныя души, въ соумышленіи съ непріятелями, обольстили васъ, взволновали умы; нашимъ непріятелямъ того только и нужно, чтобы у насъ не было правленія, чтобы ваше увлеченіе стало выше закона и всякаго общественнаго порядка; тогда имъ легче будетъ побѣдить силу и доблесть вашу; среди безпорядка и смутъ, каждый изъ васъ, не надѣясь на безопасность жизни, не можетъ мыслить ни объ общественномъ дѣлѣ, ни объ общемъ спасеніи. Тогда, но уже несвоевременно, вы узнаете, что васъ обманывали, уразумѣете хитрость и обольщеніе тѣхъ лукавыхъ враговъ вашихъ, которые, будучи подкуплены непріятелемъ, внушаютъ вамъ, что у васъ нѣтъ правительства, домогаясь, чтобы его въ самомъ

дѣлѣ не было, и чтобъ вы его сами ниспровергли». Костюшко обѣщалъ скоро прибыть къ нимъ, порадовать ихъ, и выражался о себѣ такъ: «Можетъ быть образъ воина, который каждый день подвергаетъ за васъ жизнь свою опасности, будетъ вамъ милъ, но я не желаю, чтобы какая-нибудь печаль, отпечатавшись на лицѣ моемъ, отравила эту минуту; хочу, чтобы радость ваша была полная; хочу, чтобы появленіе мое напомнило вамъ, что насъ должна соединять оборона отечества и свободы». Такое высокое значеніе, какое даетъ себѣ самому Костюшко, предъ лицомъ всего народа, вызвано было почитаніемъ поляковъ, доходившимъ, какъ замѣчалъ Бухгольцъ, до идолопоклонства. Послѣ перваго успѣха Костюшку называли не иначе, какъ непобѣдимымъ.

Угождая народному ожесточенію противъ измѣнниковъ, онъ поручалъ высочайшему совѣту понудить уголовный судъ заняться неуклонно сужденіемъ содержавшихся подъ стражею, для наказанія виновныхъ и освобожденія невинныхъ. Въ концѣ своего отзыва Костюшко приказывалъ обращаться къ правительству не скопомъ, не съ оружіемъ въ рукахъ, не съ непристойнымъ крикомъ, а спокойно, благоприлично, черезъ посредство своихъ цирkуловыхъ начальниковъ; наконецъ, къ такимъ лицамъ, у которыхъ кровь черезъ-чуръ кипѣла и руки чесались, и которымъ хотѣлось кого-нибудь вѣшать, онъ взывалъ такъ: «о, вы, которыхъ горячая отвага увлекаетъ на мелкую дѣятельность! Для пользы отечества, обратите вашу горячность противъ непріятелей, прибывайте ко мнѣ въ обозъ, если вы свободны отъ обязанностей, наложенныхъ правительствомъ. Оставьте наблюдать за порядкомъ правительственную власть, а измѣнники не уйдутъ отъ казни».

Въ тѣ же дни (3 іюля н. ст.), какъ бы угождая народному требованію строгости надъ измѣнниками, военный судъ призналъ Винявскаго, за сдачу города безъ выстрѣла, виновнымъ въ нарушеніи присяги и народнаго къ себѣ довѣрія, и приговорилъ его къ лишенію чести и къ публичной казни чрезъ повѣшеніе, давая право каждой военной командѣ исполнить приговоръ, если виновный явится въ отечество, а до того времени осуждалъ повѣсить его портретъ на висѣлицѣ. Тому же подвергался подполковникъ Калькэ за то, что не арестовалъ возвращавшагося изъ непріятельскаго обоза Винявскаго, а когда въ то время штабъ-офицеры говорили ему, что лучше потерять жизнь, чѣмъ нарушить вѣрность, то сказалъ: «мнѣ милѣе жизнь». Костюшко на этомъ приговорѣ написалъ собственноручно: «Одобряю приговоръ до послѣдней буквы и поручаю напечатать его въ газетахъ». Но чтобы никто не оставался ненаказаннымъ, Костюшко вмѣстѣ

съ тѣмъ понуждалъ однако высочайшій совѣтъ наблюдать, чтобъ никто, совершивъ преступленіе, не остался безъ наказанія.

Вслѣдъ затѣмъ уголовный судъ послалъ требованіе явиться въ судъ виновникамъ тарговицкой конфедераціи (Щенсному Потоцкому, Браницкому, Ржевускому и другимъ) и потомъ позвалъ къ суду виновниковъ возмущенія 27 іюля въ Варшавѣ. Что касается до первыхъ, то призывъ ихъ къ суду былъ только одною формою: само собою разумѣется, что никто изъ нихъ не могъ явиться, чтобы его повѣсили.

Поляки заняли Либаву 10 (21) іюня. Городъ обязался уплатить сто тысячъ талеровъ на повстанье, дать и рекрута съ каждаго дома и сто пушекъ. Въ первыхъ числахъ іюня, поляки были обрадованы вѣстью, что курляндское дворянство и мѣщанство постановило актъ присоединенія къ краковскому повстанью, но эта радость очень скоро затмилась отъ другой неожиданной вѣсти.

Австрійцы, 30 іюня, вошли въ Польшу, и 9 іюля генералъ Гарнонкуръ занялъ Люблинъ и разослалъ полякамъ такого рода прокламацію: «Его императорское и королевское апостольское величество, во вниманіе къ возникшимъ въ Польшѣ безпорядкамъ, которые могутъ имѣть вліяніе на безопасность и спокойствіе земель его императорскаго и королевскаго величества, не можетъ болѣе оставаться равнодушнымъ, а потому приказалъ мнѣ съ войскомъ, находящимся подъ моимъ начальствомъ, вступить въ Польшу, отдаляя такимъ способомъ всякую опасность отъ галиційскихъ границъ и охраняя спокойствіе земель, принадлежащихъ его императорскому и королевскому величеству. Посему чиню вѣдомымъ настоящимъ универсаломъ, что тѣ, которые благоразумно, спокойно и дружелюбно будутъ относиться къ моему войску, найдутъ полнѣйшую протекцію и безопасность не только своихъ особъ, но и своихъ имуществъ и имѣній; въ противномъ случаѣ, тѣ, которые окажутся виновными въ какомъ-либо сопротивленіи, навлекутъ на себя строгость военныхъ правилъ».

Пока еще эта прокламація не сдѣлалась извѣстною въ Варшавѣ, Декаше выѣхалъ изъ столицы, подъ благовиднымъ предлогомъ посѣтить карлсбадскія воды для поправленія здоровья.

Костюшко, получивъ извѣстіе объ этомъ, написалъ Гарнонкуру, что Польша уважаетъ договоры и вступленіе австрійскихъ войскъ не можетъ быть слѣдствіемъ вины Рѣчи-Посполитой. Многіе изъ поляковъ въ то время, не подозрѣвая австрійское правительство въ намѣреніи присвоить польскія земли, думали, что австрійцы ввели свои войска, чтобы защищать Польшу отъ москалей.

Генералъ Мокроновскій, бывшій до того времени комендантомъ Варшавы, получилъ порученіе начальствовать дивизіей, а на его мѣсто назначенъ Орловскій. По мѣрѣ накоплявшихся опасностей, Костюшко дѣятельнѣе заботился о скорѣйшемъ собраніи посполитаго рушенья: нужно было врагамъ Польши внушить нравственное уваженіе къ революціи, нужно было показать имъ единодушную волю цѣлаго народа отъ мала до велика, а не одной какой-нибудь партіи. Но дѣло посполитаго рушенья шло какъ нельзя хуже; оно окончательно вооружало противъ революціи обывателей, которые болѣе имѣли склонности полиберальничать на словахъ, чѣмъ являть подвиги самоотверженія. Множество изъ нихъ, спасаясь и отъ посполитаго рушенья и отъ всѣхъ вообще несносныхъ тягостей, налагаемыхъ революціею, покидали свои имѣнія и бѣжали за границу. Высочайшій совѣтъ принужденъ былъ постановить и объявить во всеобщее свѣдѣніе универсаломъ, что тѣ, которые будутъ уклоняться отъ посполитаго рушенья, и самовольно, безъ вѣдома и позволенія правительства, убѣгать за границу, подвергнутся лишенію не только имуществъ, но даже и гражданскихъ правъ, а находившіеся уже за границею обязывались возвратиться въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ подъ опасеніемъ того же наказанія. «Кто же будетъ сражаться за ваши права, за вашу собственность, когда вы первые ее покидаете?—писалъ высочайшій совѣтъ. Что сказать о тѣхъ, которые вмѣсто того, чтобы соединиться съ войскомъ, и отправлять службу, которой требуетъ отъ нихъ Рѣчь-Посполитая, уходятъ за границу и оттуда спокойно смотрятъ на свою братію, на ихъ труды и усилія для пользы отечества,—неужели они поляки? У аѳинянъ въ случаѣ раздвоенія мнѣній смертная казнь угрожала тому, кто не пристанетъ къ той или другой сторонѣ; не заслуживаютъ ли по справедливости такой кары и тѣ, которые своихъ братій оставляютъ? Кто не соединится съ тѣми, которые присягнули пролить свою кровь за отечество, тотъ или врагъ отечества, или безразличенъ къ нему, но вѣдь и это преступленіе въ гражданинѣ».

Какъ плохо устроивалось посполитое рушенье, показываютъ тогдашнія записки Яна Немиры; 13 іюля онъ пишетъ, что до 12 числа, срокъ, назначенный для набора посполитаго рушенья, въ Константиновѣ не могли собрать и десятой части того, что слѣдовало по росписанію; конныхъ кантонистовъ могли взять только пять, а пѣшихъ сорокъ, и то съ недостаткомъ въ принадлежностяхъ.

Чтобы подвинуть дѣло, Костюшко назначилъ особаго коммиссара для надзора надъ посполитымъ рушеньемъ, находившагося

въ высочайшемъ совѣтѣ Гораина, поручилъ ему собирать посполитое рушенье въ краѣ на востокъ отъ Вислы до Гродно и въ Брестъ-Литовскомъ воеводствѣ, и доставлять дивизіямъ Сѣраковскаго и Циховскаго, съ правомъ верховной власти надъ всѣми порядковыми коммиссіями и надъ начальствомъ, устроеннымъ для посполитаго рушенья. Гораинъ отъ себя поручилъ въ разныхъ мѣстахъ заниматься этимъ дѣломъ офицерамъ, но послѣдніе на каждомъ шагу подвергались столкновеніямъ съ обывателями. Такимъ образомъ, въ Бѣльской землѣ жаловались на ротмистра Шиповскаго съ товарищами, который насильно забиралъ людей, оружіе, лошадей, врывался въ обывательскіе дома, такъ что порядковая коммиссія арестовала его товарищей, выдумавъ предлогъ, будто они не показали ордината (предписанія), и она считала ихъ за своевольную партію, быть можетъ и противную повстанью; она находила у нѣкоторыхъ ординаты будто бы фальшивыя. Посланный въ Брестъ, Пашковскій доносилъ, что брестская порядковая коммиссія уклоняется всѣми мѣрами отъ обязанности разсылать приказанія по приходамъ для доставленія конныхъ съ пятидесяти дымовъ. Коммиссія выдумывала, будто намѣрена держаться буквально смысла предписанія высочайшаго совѣта о томъ, что устройство посполитаго рушенья возложено на одного Гораина, и она хочетъ ему одному отвѣчать. «Дурно идутъ дѣла съ коммиссіями, еще хуже съ обывателями, а народъ, устрашенный, не хочетъ и думать составлять оборонную силу. Я сижу тутъ какъ на шильяхъ». Такъ писалъ Гораинъ, отъ 21 іюля. 29-го іюля, онъ послалъ выговоръ всему Брестъ-Литовскому воеводству. Видно было, что тамъ всѣ отдѣлывались отъ посполитаго рушенья и доставленія рекрутъ.

Въ другихъ мѣстахъ происходило почти то же. Костюшко отзывался съ большою похвалою и признательностью о дѣятельности Гораина, но удивлялся, видя въ отвѣтахъ порядковыхъ коммиссій явное желаніе дѣлать всякія затрудненія, холодность къ повстанью и равнодушіе къ судьбѣ отечества. Куда офицеры ни отправлялись на фуражировки, тамъ поднимались жалобы: офицеры жаловались, что обыватели имъ ничего не хотятъ давать, а обыватели кричали, что офицеры берутъ съ нихъ слѣдуемое не въ надлежащей пропорціи и дѣлаютъ своевольства.

Въ самомъ войскѣ приказанія главнокомандующаго исполнялись дурно; ему льстили, его восхваляли, увѣряли, что готовы во всемъ ему повиноваться, а на самомъ дѣлѣ отлынивали отъ его предписаній и перетолковывали ихъ. Онъ постоянно терпѣлъ недостатокъ въ средствахъ, потому что экзакторы, обязанные собирать налоги, повсемѣстно встрѣчали противодѣйствіе со стороны порядковыхъ коммиссій и обывателей. Чѣмъ энергичнѣе

Костюшко и высочайшій совѣтъ хотѣли подвинуть впередъ возстаніе, тѣмъ больше оно теряло приверженцевъ и тѣмъ удобнѣе открывался путь русскимъ задушить повстанье.

IX.

Битва у Голкова. — Костюшко подъ Варшавою. — Осада Варшавы прусскимъ королемъ. — Печальное положеніе польскаго войска. — Недостатокъ средствъ. — Новый уголовный судъ. — Отступленіе пруссаковъ.

Силы союзныхъ державъ направлялись къ Варшавѣ. Чтобы предупредить ихъ и не допустить осады столицы, Костюшко приказалъ своимъ отдѣльнымъ дивизіямъ стянуться къ Варшавѣ и самъ пошелъ къ ней. Заіончекъ стоялъ на лѣвомъ берегу Вислы, у Голкова, съ бригадами Мадалинскаго, Вышковскаго и Пинскаго.

Здѣсь на него наступили русскіе генералы Денисовъ и Хрущовъ. Битва продолжалась восемь часовъ, съ 5 часовъ вечера до ночи, и потомъ возобновилась на другой день утромъ. Когда казаки стали заходить полякамъ въ тылъ, Заіончекъ отступилъ. Эта стычка прославлена была побѣдою. Въ то же время Мокроновскій, подъ Блонею, выдерживалъ битву съ прусскимъ генераломъ Эльснеромъ. Послѣ этихъ стычекъ Мокроновскій и Заіончекъ соединились съ Костюшкою и подошли къ Варшавѣ 11 іюля. Костюшко сталъ у Мокотова, Мокроновскій съ противоположной стороны города, у Маримонтской заставы, Заіончекъ у Чистова и Воли. Силы ихъ простирались до двадцати двухъ тысячъ человѣкъ, изъ которыхъ только пять тысячъ было конныхъ. Регулярнаго войска было не болѣе девяти тысячъ, остальное все состояло изъ новобранцевъ. Сѣраковскій съ своею дивизіею, простиравшеюся до 5,000, сдѣлалъ диверсію къ Бресту-Литовскому, а генералъ Цихоцкій ко впаденію Наревы, чтобы стеречь движеніе пруссаковъ.

Поляки двумя днями предупредили своихъ непріятелей. 13 іюля, явились подъ Варшавою пруссаки и стали у Бабья противъ Мокроновскаго, а русскіе у Служева, противъ Костюшки. Раннее прибытіе польскаго войска было полезно для поляковъ тѣмъ, что у Варшавы оставалось свободное сообщеніе съ правымъ берегомъ Вислы, откуда могли пока получать продовольствіе. Двѣ недѣли не было ничего особеннаго, кромѣ передовыхъ перестрѣлокъ между егерями. Въ главномъ обозѣ отправлялось празднество освященія знаменъ для батальона краковскихъ косинье-

ровъ, выдуманныхъ воеводшею брестъ-литовскою, панею Зибергъ [1]).

Въ это время уголовный судъ окончилъ слѣдствіе надъ виновниками безпорядка, произведеннаго 28 іюня, и приговорилъ Піотровскаго, Долгерта, Дзекунскаго, Буржинскаго, Кльоновскаго, Ясиньскаго, Ставицкаго къ повѣшенію. Приговоръ былъ исполненъ 15 іюля. Другіе—Романъ Нанкевичъ, Дембовскій осуждены на тюремное заключеніе. Конопку приговорили навсегда удалить изъ отечества; но исполненіе этого отложили на дальнѣйшее время, а теперь заключили въ тюрьму. Конопка былъ покровительствуемъ Коллонтаемъ; въ началѣ Коллонтай на него такъ разсердился, что кричалъ въ совѣтѣ: непремѣнно Конопку повѣсить, но потомъ заступился за него и спасъ отъ смерти. Всей остальной толпѣ сдѣлано внушеніе и предостереженіе на будущее время, съ надлежащими угрозами. Для предупрежденія всякаго безпорядка, велѣно было всѣмъ обывателямъ, у которыхъ было оружіе, взятое изъ арсенала во время изгнанія русскаго гарнизона, снести его въ арсеналъ для правильной раздачи тѣмъ, которые будутъ опредѣлены на защиту города; вдобавокъ, во все продолженіе осады запретили звонить въ колокола во всемъ городѣ: правительство боялось всякой тревоги, чтобы уличная толпа не повредила дѣлу обороны столицы какою-нибудь неблагоразумною выходкою.

Съ 28 іюля начинаются постоянныя военныя дѣйствія. Они сосредоточивались преимущественно у предмѣстья Воли. Поляки имѣли дѣло почти съ одними пруссаками. Пруссаки сдѣлали нападеніе на Волю, выбили изъ нея поляковъ, овладѣли ею; защищавшій ее маіоръ Липницкій былъ взятъ въ плѣнъ. Несмотря на то, что онъ былъ изъ края, принадлежавшаго Пруссіи, съ нимъ обращались какъ съ плѣннымъ, и дали ему на честное слово свободу. Воспользовавшись этимъ, Липницкій ушелъ къ своимъ. Тогда генералъ Шверинъ написалъ Заіончеку письмо, и требовалъ, по военному обычаю, чтобы бѣжавшій плѣнникъ былъ возвращенъ, увѣряя, именемъ короля, что ему за то ничего не будетъ. Костюшко, которому донесли объ этомъ, немедленно приказалъ Липницкому ѣхать въ плѣнъ.

Генералъ Шверинъ написалъ къ коменданту Варшавы письмо и убѣждалъ сдать городъ. На это не было отвѣта. 2 августа, самъ король прусскій написалъ къ польскому королю такое письмо:

---

[1]) Знамена эти имѣли такой видъ: на пунцовомъ полѣ вышитъ былъ въ кругу изъ лавроваго вѣнка снопъ, перекрещенный съ пикою и косою, и покрытый сверху красивою шапкою, съ надписью «живутъ и охраняютъ».

«Расположеніе войскъ около Варшавы и средства, употребляемыя для ея покоренія, увеличивающіяся по мѣрѣ безполезнаго сопротивленія, должны убѣдить ваше величество, что судьба жителей этого города не подлежитъ сомнѣнію. Спѣшу передать ее въ руки вашего величества; скорѣйшая сдача города и строгая дисциплина, которую я прикажу соблюдать моимъ войскамъ, назначеннымъ войти въ Варшаву, обезопасятъ жизнь и собственность всѣхъ мирныхъ жителей этой столицы. Отказъ на первое и послѣднее предложеніе нашего генералъ-лейтенанта Шверина, обращенное къ коменданту города Варшавы, непремѣнно повлечетъ за собою и оправдаетъ ужасныя крайности, ожидающія незащищенный городъ, вызывающій своимъ упрямствомъ ужасы осады и мщенія двухъ войскъ. Если въ вашемъ положеніи вамъ позволено увѣдомить жителей Варшавы о такомъ обстоятельствѣ, если имъ позволено быть судьями своего размышленія, я заранѣе предвижу, что ваше величество будете ихъ освободителемъ. Въ противномъ случаѣ, мнѣ останется пожалѣть о безполезности настоящаго моего поступка, котораго я ни въ какомъ случаѣ не повторю, при всемъ живомъ участіи къ сохраненію вашего величества и всѣхъ тѣхъ, которые узами крови и долга собраны около вашего величества».

На другой день прусскій король получилъ такой отвѣтъ:

«Польское войско, находясь подъ начальствомъ генералиссимуса Костюшки, отдѣляетъ Варшаву отъ стана вашего величества. Варшава не въ такой обстановкѣ, чтобы могла распоряжаться своею сдачею. Въ такомъ положеніи ничто не оправдаетъ крайностей, о которыхъ ваше величество меня предупреждаете, ибо этотъ городъ не находится въ возможности ни принимать, ни отвергать предложенія, сдѣланнаго генералъ-лейтенантомъ Шверипомъ варшавскому коменданту. Мое собственное положеніе занимаетъ меня менѣе, чѣмъ положеніе столицы, но такъ какъ Провидѣнію угодно было возвысить меня на такую степень, которая позволяетъ мнѣ изъявить вашему величеству братскія чувствованія, то я обращаюсь къ нимъ, чтобы отвратить васъ отъ мысли о жестокостяхъ и мщеніи, противныхъ тому примѣру, какой короли должны оказывать народамъ, противныхъ, какъ я думаю искренно, и вашему личному характеру».

Послѣ этого отвѣта, пруссаки усилили бомбардированіе города. Почти каждый день пускали пруссаки бомбы и гранаты по Варшавѣ, но въ теченіи мѣсяца почти никакого вреда не нанесли, кромѣ того только, что пугали любившихъ болѣе всего спокойствіе мѣщанъ и отвращали ихъ еще болѣе отъ повстанья.

Осаждающіе дѣйствовали чрезвычайно плохо. Русскіе дурно

помогали пруссакамъ; у короля не было хорошей артиллеріи, не было и согласія между пруссаками и русскими. Когда намѣревались начинать штурмъ, то прусскій король хотѣлъ выставить впередъ русскихъ, а Ферзенъ хотѣлъ уступить первенство пруссакамъ. Прусскій король сердился на то, что Австрія вмѣшивается въ дѣла Польши, а императрица Екатерина уже заявляла прусскому послу черезъ своихъ государственныхъ людей, что считаетъ справедливымъ, если Австрія получитъ на счетъ Польши вознагражденіе. Екатеринѣ очень не нравилось, что прусскій король оставилъ лично поле войны съ Франціею и стоитъ подъ Варшавою. Пруссія желала въ этой суматохѣ прибавить еще нѣсколько земель къ недавно пріобрѣтеннымъ польскимъ владѣніямъ. Россія не хотѣла дѣлать новыхъ уступокъ Пруссіи, на счетъ Польши.

Такимъ образомъ, стоя подъ Варшавою почти два мѣсяца, союзники ничего не сдѣлали, только напрасно потеряли съ обѣихъ сторонъ до тысячи человѣкъ. Враги по временамъ входили между собою въ дружелюбныя сношенія. Такъ русскій генералъ Хрущовъ писалъ къ Костюшкѣ и просилъ освободить его супругу и дѣтей, арестованныхъ вмѣстѣ съ прочими русскими въ день возстанія Варшавы. Костюшко исполнилъ его просьбу, но счелъ за нужное поставить на видъ великодушіе поляковъ и вообще превосходство ихъ надъ своими врагами. «Чувство человѣколюбія такъ глубоко укоренилось въ сердцѣ поляка, что принуждаетъ его на минуту забыть грабежи, опустошенія и пожоги, учиненные по приказанію тирановъ. Ваша жена съ дѣтьми осталась задержанною въ Варшавѣ потому, что таковъ удѣлъ ослѣпленныхъ людей, терпящихъ надъ собою власть несправедливыхъ владыкъ, — отвѣчать за ихъ злодѣянія и погибать за ихъ прихоти. Я возвращаю вамъ ваше семейство. Пусть наше человѣколюбіе дастъ себя почувствовать и вамъ, и вашимъ соотечественникамъ». Генеральшу Хрущову привезли изъ города въ каретѣ съ опущенными занавѣсками, а прислугѣ завязали глаза, чтобы она, при выѣздѣ изъ Варшавы, не увидала и не замѣтила укрѣпленій. Впослѣдствіи, судьба устроила такъ, что генералу Хрущову довелось везти плѣннаго Костюшку въ Петербургъ.

Поступокъ Костюшки съ Хрущовымъ далъ смѣлость и другимъ, и къ Костюшкѣ обратились русскіе съ подобною просьбою о своихъ ближнихъ; но Костюшко не былъ къ нимъ такъ внимателенъ, какъ къ Хрущову, и уже при окончаніи осады (3 сентября) издалъ объясненіе относительно этого предмета. «Польское правительство, писалъ онъ, должно обращать вниманіе на судьбу своихъ обывателей. Пусть знаетъ вся Европа, пусть знаютъ и

тѣ, которые просятъ меня объ увольненіи особъ, имъ близкихъ, что московское войско увезло изъ домовъ спокойныхъ обывателей еще предъ началомъ войны, и до сихъ поръ держитъ ихъ въ неволѣ, а жены и дѣти этихъ невинныхъ жертвъ со слезами прибѣгаютъ къ покровительству народнаго правительства и просятъ о мужьяхъ и отцахъ, не вѣдая о судьбѣ ихъ; эти несчастныя особы видятъ въ задержанныхъ здѣсь русскихъ единственные залоги безопасности тѣхъ, которые безъ причины томятся подъ московскимъ насиліемъ. Поэтому я объявляю: какъ скоро будутъ возвращены отечеству обыватели, находящіеся въ московскихъ рукахъ, тогда и я отошлю изъ Варшавы плѣнныхъ обоего пола, не принадлежащихъ, какъ и означенные выше наши соотечественники, къ разряду военноплѣнныхъ». Подъ поляками, возвращенія которыхъ домогался Костюшко, разумѣлись арестованные Игельстромомъ предъ началомъ повстанья.

Характеристична переписка Мадалинскаго съ русскимъ полковникомъ Волковымъ. Польскій полковникъ Добекъ былъ взятъ въ плѣнъ. Мадалинскій пытался какъ-нибудь устроить его освобожденіе. Мадалинскій былъ прежде коротко знакомъ съ Волковымъ, и теперь послалъ къ нему дружественное письмо, а при немъ въ подарокъ десять бутылокъ шампанскаго и арбузовъ. «Какъ мнѣ жаль, писалъ онъ, встрѣтить въ васъ врага, при увѣренности въ вашей искренней дружбѣ. Сами разсудите, кто изъ насъ виноватъ; вы ли, которые напали на нашъ край, насилуете наши права, и въ противность всякому уваженію къ человѣчеству, сожигаете и грабите села, — или мы, охраняющіе противъ наѣздниковъ свое отечество? Впрочемъ, это не касается нашей личной дружбы, съ какою я остаюсь къ вамъ». Волковъ благодарилъ польскаго генерала за его дружеское къ нему обращеніе, послалъ ему въ подарокъ турецкій карабинъ, обѣщалъ стараться о судьбѣ Добека, о которомъ извѣщалъ, что онъ не въ русскихъ рукахъ, а у пруссаковъ, присылалъ письма взятыхъ въ плѣнъ польскихъ офицеровъ, свидѣтельствовавшихъ, что съ ними обращаются хорошо, и замѣчалъ такъ: «Хотя вы и приписываете намъ грабежи и пожоги селъ, но смѣю увѣрить васъ, что я съ своей стороны всегда стараюсь о сохраненіи собственности каждаго, предоставляя остальное добровольно накликанной на себя судьбѣ». Въ концѣ онъ приписалъ: «Соображаясь съ стариннымъ обычаемъ, металла не слѣдуетъ дарить, а мѣнять на металлъ же, прошу прислать мнѣ за карабинъ мѣдный грошъ». Мадалинскій написалъ ему послѣ того такъ: «Очень жалѣю, что — не имѣю мѣднаго гроша. У насъ въ обозѣ только желѣзо; мы на него надѣемся, и потому посылаю вамъ саблю, которую прошу при-

нять въ знакъ дружбы. Какая ужасная мысль! Можетъ быть, эта сабля на самого меня обратится. Но кого винить? Спрошу я у вашего высокаго ума и у добраго сердца. Мы охраняемъ нашу землю, насилуемую свободу, опустошенныя имѣнія; виновны не вы, но та, которая вами повелѣваетъ. Зачѣмъ она не довольствуется неизмѣримымъ краемъ, которымъ владѣетъ? Зачѣмъ тридцать лѣтъ проливаетъ потоками кровь вашу, насыпаетъ огромные курганы изъ труповъ вашихъ? Зачѣмъ истребляетъ племя ваше, вмѣсто того, чтобы сохранять и счастливить васъ? Зачѣмъ ожесточилась она на поляковъ, народъ единаго съ вами происхожденія? Вѣдь и вы, и мы, происходимъ отъ однихъ славянъ. Отчего эта великая и очевидная истина не предстанетъ вашему разумѣнію? Зачѣмъ, вмѣсто того, чтобы убивать насъ, не отдадите намъ нашего? мы вашей собственности не алчемъ. О, еслибы наконецъ пришелъ тотъ свѣтлый моментъ, когда вы почувствуете, что вашъ народъ, состоящій изъ милліоновъ человѣческихъ существъ, не сотворенъ для прихотей, гордости и алчности одной женщины, что люди созданы для того, чтобы любить людей и быть другъ другу полезными! Этотъ моментъ счастія для обоихъ народовъ, какъ былъ бы отраденъ для меня, когда я могъ бы въ уважаемомъ человѣкѣ обнять не наѣздника, а друга моего и моего отечества!»

Уже незадолго до снятія осады происходило любопытное объясненіе прусскаго генерала Манштейна съ Заіончекомъ. Генералъ-адъютантъ Манштейнъ прибылъ къ Заіончеку подъ предлогомъ повидаться съ плѣннымъ полковникомъ Вульфертомъ, но, какъ видно, былъ посланъ прусскимъ королемъ узнать о духѣ поляковъ. «Обстоятельства принуждаютъ насъ воевать,—говорилъ прусскій генералъ,—не нашелся ли бы способъ прекратить нашу вражду?»—Вы могли бы сдѣлать предложенія, сказалъ Заіончекъ, и можно было бы ихъ принять, еслибы они были справедливы.— «Съ этимъ вамъ первымъ слѣдуетъ начинать, сказалъ Манштейнъ. Вы знаете великодушіе нашего короля и можете безопасно ему довѣриться». Заіончекъ возразилъ: «Нужно, чтобы мы находились въ болѣе стѣсненномъ положеніи. Притомъ, смѣшно было бы съ нашей стороны полагаться на великодушіе государя, который уже нарушилъ договоръ, заключенный съ польскимъ народомъ. Было время, когда прусскій король внушалъ всеобщую привязанность къ себѣ польскому народу. Это было въ 1788 году. Тогда онъ могъ всего надѣяться отъ насъ». — «А чего же онъ могъ надѣяться отъ Польши?» спросилъ Манштейнъ.—Она была ревностною и вѣрною его союзницею, и быть можетъ, польскій тронъ достался бы одному изъ его сыновей.—«Различіе религіи, сказалъ

Манштейнъ, преградило бы путь къ вашему трону нашимъ принцамъ».—Въ XVIII вѣкѣ, сказалъ Заіончекъ, религія не можетъ служить препятствіемъ, если бы только здравая политика этого требовала.—«А множество друзей московскихъ?» замѣтилъ Манштейнъ.—Они уже пошли на висѣлицу, сказалъ Заіончекъ. Скажите лучше, что вашъ государь предпочелъ наѣздъ на насъ мирнымъ и выгоднымъ договорамъ.—«Я не мѣшаюсь въ политику, сказалъ Манштейнъ, и не могу сказать, что̀ побудило короля нашего къ такому способу дѣйствій; но вѣдь вы, господа, первые открыли непріятельскія дѣйствія».—Какъ! сказалъ польскій генералъ,—развѣ не вашъ король напалъ на насъ подъ Щекоциномъ?—«А развѣ не первый Мадалинскій переступилъ прусскія границы?» замѣтилъ нѣмецъ. Заіончекъ отвѣчалъ:—Мадалинскій вошелъ въ край, принадлежавшій издавна Польшѣ; вашъ король не имѣлъ на него никакого права, а если онъ имѣлъ великодушіе его взять, то у насъ достанетъ смѣлости биться за него до послѣдней капли крови.—«Не всѣ офицеры такъ думаютъ, сказалъ Манштейнъ,—у насъ есть на то доказательство въ бумагахъ, найденныхъ въ карманѣ убитаго маіора Зужулинскаго». Заіончекъ отвѣчалъ:—Не знаю, что тамъ есть въ тѣхъ бумагахъ, но могу присягнуть, что всѣ такъ думаютъ, какъ я.—«Скажите,—перемѣнилъ разговоръ нѣмецъ,—какъ вы думаете, могутъ ли французы съ своими началами быть счастливыми?»—Вполнѣ въ этомъ убѣжденъ, сказалъ Заіончекъ.—«Жаль, что такія мнѣнія распространяются въ Польшѣ», сказалъ Манштейнъ.—Это мое личное убѣжденіе, сказалъ Заіончекъ. Цѣль нашего повстанья возвратить конституцію 3-го мая, которую въ 1792 года всѣ находили черезъ-чуръ монархическою, а теперь черезъ-чуръ якобинскою. А что, какъ поживаютъ покровительствуемые москали вами? спросилъ наконецъ Заіончекъ.—«Очень присмирѣли», сказалъ улыбаясь Манштейнъ.

Полякъ могъ замѣтить, что у пруссаковъ господствуетъ недовѣріе къ своимъ союзникамъ и они бы не прочь были войти въ особыя сдѣлки съ Польшею. Но поляки не могли и не умѣли извлечь для себя изъ этого никакой пользы въ данную минуту. Прямодушный и отважный Костюшко былъ вовсе не политикъ.

Въ теченіе осады Костюшко чрезъ высочайшій совѣтъ сдѣлалъ нѣсколько важныхъ распоряженій по управленію ходомъ повстанья; съ проектированнымъ въ іюнѣ выпускомъ билетовъ казначейства только въ августѣ стали приступать къ исполненію; опредѣлили цвѣтъ и достоинство выпускаемыхъ билетовъ отъ 5 злот. до 1,000 злот. Назначили директоровъ для выпуска билетовъ; изъ нихъ семь было безплатныхъ, а семь получали жало-

ванье; установили для нихъ форму присяги. Такъ какъ долгъ, выражаемый выпускаемыми новыми билетами, гарантированъ былъ королевщинами, опредѣленными къ непрерывной продажѣ, поэтому высочайшій совѣтъ въ августѣ издалъ распоряженіе о порядкѣ продажи народныхъ имуществъ. Всѣ средства эти шли очень медленно. Поборовъ не собирали и десятой части. Войско нуждалось сильно. 12-го августа, верховная рада, по приказанію Костюшки, издала воззваніе къ обывателямъ всѣхъ земель. «Обыватели! писалъ совѣтъ, братья ваши бьются за васъ уже шестой мѣсяцъ. Какія у нихъ были одежды и обуви, все поизносилось, порвалось. Приближается осень; воздухъ по ночамъ дѣлается рѣзкимъ, а братья ваши по бо̀льшей части безъ рубахъ и сапоговъ. Пусть каждый хозяинъ дастъ имъ пару рубахъ и пару сапоговъ. Смотрите, что̀ въ другихъ странахъ свободные люди дѣлаютъ для войска. Подражайте ихъ примѣру, и высочайшій совѣтъ отъ себя начинаетъ эту обывательскую складчину и приглашаетъ къ этому же обитателей Варшавы черезъ магистратъ, а обывателей земель и повѣтовъ черезъ порядковыя коммиссіи. Варшавскіе обыватели могутъ приносить свои пожертвованія въ домъ краковскаго епископа».

На другой день, 13-го августа, Костюшко написалъ такого рода универсалъ: «Осенняя пора и непогоды, наставшія раньше, чѣмъ можно было ожидать, даютъ себя чувствовать; худо войску безъ шатровъ и почти безъ одежды. Вотъ уже четыре мѣсяца, я безпрестанно пишу о плащахъ, а ихъ нѣтъ, и не знаю, когда дождусь ихъ. Забота о здоровьи воиновъ, боязнь, чтобы лишенія и бѣды не сдѣлались причиною побѣговъ, принуждаютъ меня обратиться къ высочайшему совѣту; если нельзя найти плащей хотя бы изношенныхъ, то нашли бы сколько-нибудь хлопскихъ сермягъ, попонъ, оставшихся отъ лошадей, которыхъ, думаю, много въ Варшавѣ, или простыхъ ковровъ (коцовъ), словомъ, чего бы то ни было, чѣмъ можно прикрыться. Кажется, каждому слѣдуетъ подумать о жизни воина, осужденнаго терпѣть непогоду и холодъ, ради охраненія жизни и собственности обывателей».

Это показываетъ, какъ польское обывательство помогало дѣлу возстанія. Всякія сильныя мѣры начальника казались ему невыносимою тягостью и склоняли его въ противную сторону. Ужасное распоряженіе Костюшки 7-го мая не было приведено въ исполненіе нигдѣ; въ іюлѣ, предъ началомъ жатвы, высочайшій совѣтъ укорялъ за медленность владѣльцевъ порядковыя коммиссіи, приказывалъ исполнить распоряженіе 7-го мая и прислать свѣдѣнія о томъ, какимъ образомъ, исполнялись въ имѣніяхъ, вмѣсто обяза-

тельныхъ, наемныя работы гдѣ и сколько дней по условіямъ хлопъ будетъ работать, во сколько можетъ быть оцѣненъ рабочій день, и за какого рода работы; внушалось коммиссіямъ поступать такъ, чтобы ни наниматель, ни наемникъ не имѣли причины жаловаться, напротивъ, чтобы и тѣ и другіе восхваляли настоящее повстанье, которое только приводитъ въ исполненіе то, что уже много вѣковъ ожидалось. Одной гродненской порядковой коммиссіи принадлежитъ честь присылки требуемыхъ свѣдѣній; во всѣхъ другихъ воеводствахъ требованіе отстранялось.

Костюшко заохочивалъ правительство къ дѣятельному судебному преслѣдованію измѣны. Уголовный судъ началъ слѣдствіе надъ тарговичанами и участниками гродненскаго сейма. Тѣ, которые принуждали другихъ насиліемъ или подкупомъ къ тарговицкой конфедераціи, а равно и тѣ, которые на гродненскомъ сеймѣ подавали проекты о раздѣлѣ края и брали за то вознагражденіе отъ Россіи и Пруссіи, обрекались на смерть; другіе, менѣе виновные, которые изъ боязни мирволили силѣ и подавали голоса, благопріятные видамъ союзныхъ дворовъ, наказывались, смотря по мѣрѣ вины, конфискаціею имѣній, или же только устраненіемъ впредь отъ занятія должностей. Разсмотрѣли архивъ, доставшійся послѣ Игельстрома. Русскій генералъ сожигалъ свои бумаги, видно, плохо: полякамъ достались квитанціи, которыя давали русскому посольству сеймовые послы, получавшіе отъ Россіи пенсіоны, и записки расходовъ, изъ которыхъ оказывалось, куда и кому давались деньги. Все это публиковалось въ правительственной газетѣ и перепечатывалось въ «Народной вольной газетѣ». Между прочимъ, извѣстили публику и о томъ, что его величество король Станиславъ-Августъ въ 1773 году, въ годъ перваго раздѣла Польши, взялъ отъ трехъ союзныхъ дворовъ 6,000 червонцевъ, и кромѣ того, на поддержаніе большинства голосовъ на сеймѣ, 6,000. Король, отъ 26 августа, заявилъ отъ себя протестъ и просилъ напечатать его въ газетахъ. Король объяснялъ, что дѣйствительно союзные дворы желали, чтобы онъ старался о подготовкѣ сеймиковъ и выборѣ пословъ, которые бы на сеймѣ легко утвердили раздѣлъ, но король не имѣлъ ни малѣйшаго участія въ сеймикахъ, которые тогда отправлялись подъ страхомъ иноземнаго оружія. Король объяснялъ, что онъ получилъ отъ дворовъ суммы за недоимки, которыя слѣдовали ему за прежніе годы съ королевскихъ имѣній, поступившихъ во владѣніе государствъ, овладѣвшихъ польскими землями.

Коммисаръ, назначенный Костюшкою для княжества Мазовецкаго, Дунинъ, донесъ ему въ концѣ августа о чрезвычайныхъ налогахъ, утѣсненіяхъ и всевозможнѣйшихъ несправедливостяхъ,

которыя чинили обыватели крестьянамъ, особенно при раскладкѣ повинностей, поборовъ и пожертвованій, наложенныхъ исключительно на дворянство. Высочайшій совѣтъ, по приказанію Костюшки, въ своемъ универсалѣ по этому поводу писалъ: «Такое несообразное обращеніе дворовъ (т.-е. обывательскихъ) съ ихъ крестьянами, препятствуетъ распространенію того духа, на которомъ народное повстанье можетъ утвердиться. Если тѣ руки, которыя должны своимъ трудомъ кормить и охранять насъ, не найдутъ въ правительствѣ защиты, напрасны будутъ всѣ наши намѣренія освободить отечество. Высочайшій совѣтъ, проникнутый сознаніемъ этой истины, не только желаетъ облегчить тягости, до сихъ поръ понесенныя крестьянами, но и убѣдить ихъ, что онъ сильно сочувствуетъ ихъ судьбѣ и желаетъ видѣть ихъ счастливыми и свободными. Сообразно полученнымъ донесеніямъ, онъ поручаетъ порядковой коммиссіи княжества Мазовецкаго, какъ можно скорѣе изслѣдовать несправедливости, нанесенныя крестьянамъ, вознаградить ихъ, донести радѣ объ упорныхъ владѣльцахъ, и послѣднихъ, по мѣрѣ ихъ преступленій, отослать въ уголовный судъ. Распоряженія начальника и совѣта через-чуръ ясны, чтобы можно было на минуту сомнѣваться, какого рода обязанности наложены на владѣльцевъ, и какія на крестьянъ. На будущее время порядковая коммиссія княжества Мазовецкаго должна наблюдать, чтобы владѣльцы не раскладывали на крестьянъ того, что положено на нихъ самихъ». Это стараніе отдѣлить принадлежавшее панамъ отъ принадлежавшаго крестьянамъ, было преждевременно и идеально. Оно могло быть умѣстно только тогда, когда бы съ теченіемъ значительнаго времени установились и окрѣпли новыя отношенія между владѣльцами и ихъ крестьянами, когда и тѣ и другіе уже привыкли бы смотрѣть на себя, какъ на людей равныхъ одни другимъ передъ закономъ. Въ два мѣсяца невозможно было установить такихъ отношеній: они образоваться могли только въ продолженіе десятковъ лѣтъ. Крестьянинъ съ своею работою составлялъ предметъ дохода помѣщика. Когда что-нибудь требовали съ помѣщика, то помѣщикъ естественно долженъ былъ обратиться туда, откуда онъ получалъ прежде свои доходы.

Костюшко недоволенъ былъ уголовнымъ судомъ, и 23 августа въ своемъ универсалѣ обвинялъ его такъ: «Судъ уголовный, установленный для наказанія виновныхъ, вдаваясь въ продолжительныя юридическія формальности, не оказываетъ необходимой во времена революціи поспѣшности относительно примѣрнаго наказанія виновныхъ и увольненія невинныхъ. Невинные могутъ терпѣть отъ промедленія судопроизводства, а нерасположенные

къ революціи, находя въ этомъ поблажку себѣ, могутъ питаться надеждами на возможность затѣвать новыя преступленія». Поэтому онъ уничтожалъ этотъ судъ, и вмѣсто его устроилъ военный судъ, назначивъ въ него генералъ-лейтенантовъ Заіончека и Мадалинскаго, генералъ-маіоровъ Тошицкаго и Лажневскаго, и шесть другихъ лицъ меньшихъ чиновъ. «По причинѣ непреложной необходимости спасать отечество, всѣ обыватели призваны къ посполитому рушенью,—объяснялъ Костюшко свой поступокъ,—а чрезъ это призваніе всѣ должны считать себя воинами, поэтому и подчиняться военному суду». Отдѣлу Безопасности предписывалось усилить свою дѣятельность, открывать людей, нерасположенныхъ къ повстанью, заводящихъ съ непріятелемъ сношенія, распускающихъ угрожающія фальшивыя вѣсти, противящихся распоряженіямъ начальства, и доставлять таковыхъ въ военный судъ. «Наше отечество погибало отъ продажныхъ измѣнниковъ и отъ подлецовъ, пресмыкающихся передъ непріятелемъ. Оно не можетъ иначе возстановиться, какъ посредствомъ истребленія вредныхъ членовъ народа», такъ выражался Костюшко.

Этотъ новый судъ показалъ свою дѣятельность тѣмъ, что осудилъ на смертную казнь холмскаго епископа Скаржевскаго. Ему вмѣнили въ вину то, что онъ, присягнувъ конституціи 3 мая, передался тарговичанамъ, сдѣлался совѣтникомъ конфедераціи, на гродненскомъ сеймѣ безропотно стоялъ на томъ, чтобы дѣлать угодное двумъ дворамъ, побуждалъ принять проектъ, предложенный прусскимъ королемъ, внесъ въ Избу проектъ о принесеніи Сиверсу благодарности за участіе въ дѣлахъ Пруссіи, и старался провести постыдный союзный договоръ съ Москвою. Папскій нунцій представлялъ, что св. отцу уже и такъ больно, что на польскихъ епископовъ падаетъ смертная казнь за измѣну народу, и что онъ будетъ въ этомъ видѣть преслѣдованіе религіи. Поэтому Костюшко измѣнилъ смертную казнь на вѣчное тюремное заключеніе. Эта гуманность вооружила противъ Костюшки ревностнѣйшихъ революціонеровъ въ Варшавѣ: кричали и даже собирали подписи къ протестаціи. Это очень огорчило Костюшку, а неблагопріятели Коллонтая представляли ему доводы, что все это дѣлается по интригамъ этого хитраго человѣка, который хочетъ захватить въ свои единственныя руки верховную власть. За два дня передъ осужденіемъ Скаржевскаго, смертный приговоръ постигъ главныхъ составителей тарговицкой конфедераціи, важнѣйшихъ ея совѣтниковъ: Щенснаго Потоцкаго, Ржевускаго, Ксаверія Браницкаго, Юрія Вельгорскаго, Антонія Злотницкаго, Адама Мощенскаго, Яна Сухо-

ржевскаго, Яна Швейковскаго и Франца Гулевича; но такъ какъ ихъ достать было невозможно, то опредѣлили на 29 день сентября повѣсить черезъ палача ихъ портреты или подписи, если портретовъ не найдутъ. Не лишнее здѣсь замѣтить, что уваженіе къ высокимъ именамъ до того укоренилось въ полякахъ, что въ это время нашлись голоса, разсуждавшіе, что Щенсному Потоцкому, Браницкому и другимъ слишкомъ богатымъ и важнымъ панамъ слѣдуетъ оказать вниманіе, потому что они за собою имѣютъ большую партію, и простить ихъ, если они загладятъ свои прежнія преступленія сочувствіемъ къ повстанью.

Начинались дожди, приближалась осень, въ прусскомъ войскѣ появились болѣзни. Пруссаковъ побуждало оставить осаду Варшавы вспыхнувшее повстаніе въ Великой Польшѣ.

X.

Возстаніе въ Великой Польшѣ.—Взятіе русскими Вильны.—Дальнѣйшее охлажденіе къ возстанію.

Начало возстанію Великой Польши положилъ каштелянъ куявскій Мнѣвскій. Цѣль его была во что бы то ни стало заставить прусскаго короля отойти отъ Варшавы; онъ боялся, чтобы ему, какъ носились слухи, не привезли къ Варшавѣ лучшей артиллеріи. Мнѣвскій могъ сперва только восемьдесятъ человѣкъ обывателей склонить къ вступленію въ заговоръ, потомъ онъ назначилъ собраніе военныхъ, но когда на условленномъ мѣстѣ они должны были собраться, то не оказалось ихъ болѣе тридцати человѣкъ. Эта горсть, подкрѣпленная патріотами-обывателями, напала въ Брестѣ Куявскомъ на маленькій прусскій гарнизонъ, состоявшій всего изъ сорока человѣкъ. Прусское правительство было увѣрено, что Великая Польша не осмѣлится поднять мятежа, и потому не считало нужнымъ держать въ новопріобрѣтенныхъ земляхъ много войска. Несмотря на свою малочисленность, прусскій гарнизонъ защищался упорно и былъ побѣжденъ въ Брестѣ только тогда, когда поднялись люди, служившіе у каноннковъ тамошняго капитула, и увеличили собою число повстанцевъ. Послѣ этого успѣха Мнѣвскій овладѣлъ прусскимъ транспортомъ съ военными запасами, который плылъ по Вислѣ до Варшавы, для доставки въ королевскій лагерь. Затѣмъ возстаніе вспыхнуло въ другихъ городахъ Великой Польши. Въ Сѣрадзѣ, 23 августа, собралась небольшая толпа жителей въ лѣсъ и условилась напасть оттуда на прусскую команду, находившуюся въ городѣ. Пруссаки защищались

одиннадцать часовъ и сдались. Поляки овладѣли магазиномъ и казною, и въ тотъ же день огласили приступленіе Сѣрадзьскаго воеводства ко краковскому повстанью, а со взятыхъ въ плѣнъ пруссаковъ потребовали присягу, что они не будутъ болѣе биться съ поляками, и отослали ихъ всѣхъ съ прусскими чиновниками на границу Силезіи. Затѣмъ возсталъ Калишъ; тамъ вооружилось двѣсти мѣщанъ: они свергли съ себя прусскую власть; но имъ не долго удавалось. Такое же возстаніе началось и въ Равскомъ воеводствѣ. Прусскій король далъ приказаніе полковнику Шекули идти на повстанцевъ съ малымъ отрядомъ кавалеріи. Этотъ полковникъ отличался большою суровостію, и водилъ подъ висѣлицу не только мужчинъ, но и женщинъ. Въ Піотрковѣ прусская власть выдала (1 сентября) манифестъ, объявлявшій, что каждый, схваченный съ оружіемъ, безъ различія званія будетъ повѣшенъ; менѣе виновные осуждены будутъ на работы, а подозрительные заключены въ тюрьму. Кто будетъ знать о замыслахъ къ повстанью и не донесетъ, того постигнетъ смертная казнь безъ слѣдствія.

Эти извѣстія о повстаньи перепугали прусскаго короля. Онъ опасался болѣе всего, чтобы повстанцы не пересѣкли ему пути сообщенія съ Берлиномъ, и это побудило его поспѣшно снять осаду.

Въ Литвѣ, между тѣмъ, патріотическому дѣлу былъ нанесенъ роковой ударъ. Послѣ удачнаго дѣла въ Вильнѣ, вся Литва кинулась въ повстанье съ горячечною поспѣшностію. Туземный механикъ Заливскій устроилъ въ Вильнѣ литейный заводъ, на которомъ дѣлали оружіе, и тамъ смастерили одиннадцать пушекъ; болѣе не могли сдѣлать, форму у нихъ разорвало. Вездѣ, гдѣ только позволяло отсутствіе русскихъ военныхъ силъ, составлялись ополченія и вступали въ стычки съ русскими. Всѣ эти стычки были неудачны, но поляки старались утѣшать себя разсказами о своемъ мужествѣ въ этихъ битвахъ и о множествѣ погибшаго непріятеля, и жаловались на звѣрство русскихъ солдатъ. Литовскій высочайшій совѣтъ написалъ прокламацію къ русскимъ солдатамъ, гдѣ обвинялъ за ихъ жестокости не ихъ самихъ, а ихъ командировъ и особенно Тучкова, которымъ особенно были недовольны. Но между польскими генералами въ Литвѣ происходило несогласіе и соперничество. Ясиньскій, признанный начальникомъ возстанія, былъ слишкомъ молодъ; старшіе генералы находили для себя унизительнымъ повиноваться ему. Тогда Костюшко прислалъ Вьельгорскаго, брата того, который былъ однимъ изъ видныхъ участниковъ тарговицкаго союза. Этотъ генералъ не имѣлъ ни дарованій, ни умѣнья вести

войну, и притомъ былъ слабаго здоровья. Онъ выступилъ изъ Вильны съ войскомъ, оставивъ въ городѣ комендантами генераловъ Павла Грабовскаго, Мейена и Гурскаго. Въ это время, 8 іюля, подступилъ къ Вильнѣ съ войскомъ русскій генералъ Кноррингъ. Недоброжелатели Вьельгорскаго распространили про него слухъ, будто онъ, выступивъ изъ Вильны, сообщилъ тайно Кноррингу, что теперь удобно взять городъ, и получилъ за то деньги.

Городъ былъ обведенъ ретраншаментами со многими баттареями, отъ оврага, который находится выше воротъ Острой Брамы до рѣки Виліи. Русскіе, послѣ кровопролитнаго штурма, ворвались за эти ретраншаменты и расположились на высотахъ, окружающихъ городъ. Входъ въ предмѣстье былъ открытъ. Кноррингъ послалъ трубачей требовать сдачи, но поляки не допустили ихъ до города, стрѣляли по нимъ и одного ранили. Послѣ этого, на другой день въ семь часовъ утра, Кноррингъ отправилъ Тучкова съ двумя пушками подъ прикрытіемъ егерскаго батальона къ Острой Брамѣ, чрезъ предмѣстья, съ порученіемъ разбить ворота, а состоявшій подъ командою Зубова полковникъ Діевъ, съ пѣхотнымъ казанскимъ полкомъ и двумя пушками, отправленъ по другой улицѣ къ Зарѣчной Брамѣ, также для отбитія тамошнихъ воротъ. Противъ Тучкова, у Острой Брамы, защищалъ городъ Мейенъ, противъ Діева — Гурскій.

Проходъ по предмѣстьямъ былъ чрезвычайно затруднителенъ; изъ домовъ, съ крышъ, съ чердаковъ стрѣляли изъ ружей и бросали каменьями въ русскихъ. Русскіе подъ градомъ пуль двигались впередъ и пошли на обѣ стороны, но скоро должны были податься назадъ. Кноррингъ послалъ имъ на помощь нарвскій пѣхотный полкъ подъ начальствомъ полковника Миллера. Тогда русскіе опять пошли впередъ и съ большими усиліями достигли до воротъ, но увидѣли, что ворота окружены наскоро сдѣланнымъ каменнымъ больверкомъ. Къ ихъ счастію поляки оставили небольшое отверстіе; черезъ него прошли русскія войска, овладѣли больверкомъ и разметали его, потомъ ударили изъ пушекъ по затвореннымъ воротамъ: затворы раздробились и обрушились. Поляки сосредоточили всѣ свои силы у Острой Брамы, и русскіе, съ потерею, еще разъ подались назадъ. Храбрый полковникъ Діевъ былъ убитъ какимъ-то монахомъ съ башни у Острой Брамы. Другой полковникъ, Короваевъ, ворвался въ Зарѣчье, но также былъ убитъ. Поляки хвастались своимъ мужествомъ въ отраженіи приступа, но по ихъ собственному сознанію онъ обошелся имъ не дешево. Бомбы повредили много домовъ; нѣкоторые разрушены до основанія; пострадалъ монастырь бернардиновъ; Зарѣчье сожжено.

Послѣ этого неудачнаго приступа русскіе оставили не только Вильну, но и тотъ ретраншаментъ, за который перешли съ такимъ усиліемъ, и стали въ пятнадцати верстахъ отъ города. Поляки тѣшили себя и другими стычками въ Литвѣ, приписывая своей сторонѣ побѣду. Къ большему ободренію національнаго духа, носились отрадные слухи, будто въ Константинополѣ народъ скопомъ приходилъ къ сераю султана, принуждалъ его заступиться за поляковъ и объявить Россіи войну.

Русское войско, стоявшее подъ Вильною, усилилось между тѣмъ отрядомъ генералъ-маіора Германа. Предпринято вторичное нападеніе на городъ. На помощь повстанцамъ, въ Вильну прибылъ, 9 августа, польскій генералъ Хлевинскій съ подкрѣпленіями. Вьельгорскаго уже тамъ не было. Артиллеріею командовалъ Казимиръ-Несторъ Сапѣга, знаменитый ораторъ.

11 августа, въ 7 часовъ утра русскіе начали аттаку и овладѣли ложементомъ, который простирался отъ оврага, отдѣлявшаго городскую стѣну отъ ретраншамента выше Острой Брамы, и шедшаго чрезъ Богухвальскую гору до входа на равнину на Погулянкѣ. На Богухвальской горѣ устроили баттареи, и начали палить въ городъ, а генералъ-маіоръ Бенигсенъ натискомъ кавалеріи истребилъ собравшуюся на Погулянкѣ непріятельскую пѣхоту. Это произвело такой страхъ въ Вильнѣ, что польскія войска стали выступать изъ города черезъ Зеленый мостъ за Вилію. Русскіе непрестанно палили въ городъ съ высотъ. Предмѣстья облиты были пламенемъ. Уже въ самомъ городѣ повреждены были зданія и картечью убивали людей. Собравшись на совѣтъ, жители рѣшились отдать городъ побѣдителю. Для этого употребили они въ дѣло находившагося подъ арестомъ генерала Еленскаго. Генералъ этотъ, получивъ приказаніе Костюшки идти съ татарскимъ полкомъ въ Вильну, ослушался и сказалъ: «если король или военная коммиссія мнѣ велитъ идти, я пойду, а Костюшки я не знаю». Такая выходка могла произойти оттого, что Еленскій еще не зналъ назначенія и признанія Костюшки главнымъ начальникомъ возстанія. За это онъ уже нѣсколько мѣсяцевъ сидѣлъ подъ арестомъ въ Вильнѣ. Теперь ему отдали саблю и послали вмѣстѣ съ трубачемъ просить милости у русскихъ отъ имени городской ратуши.

Генералъ Кноррингъ обѣщалъ городу совершенную амнистію.

Городъ сдался. Русскіе входили въ него. «Я увидалъ, пишетъ Тучковъ, по обѣ стороны дороги къ предмѣстью, двѣ толпы народа. Одна, состояла изъ людей обыкновеннаго роста, другая казалась толпою карловъ. Первая находилась на правой сторонѣ и тамъ были: грекороссійское духовенство, обыватели, исповѣду-

ющіе нашу религію, и вообще не участвовавшіе въ мятежѣ; другая состояла изъ поляковъ: они стояли на колѣняхъ». Послѣдніе потому показались Тучкову карлами. Русскій генералъ соскочилъ съ лошади, поцѣловалъ крестъ, поднесенный ему русскимъ игуменомъ, потомъ опять сѣлъ на лошадь и обратившись къ полякамъ, сказалъ: «Императрица Екатерина объявляетъ вамъ прощеніе. Вставайте»! Всѣ закричали: виватъ! Поляки бросились за русскими генералами и офицерами и униженно цѣловали имъ стремена.

Въ монастырѣ св. Духа отправлено благодарственное молебствіе, и троекратный залпъ изъ восьмидесяти пушекъ возвѣстилъ, что Вильна покорена оружіемъ россійской имперіи.

Варшавскій высочайшій совѣтъ, узнавъ о такомъ великомъ ударѣ для возстанія, написалъ утѣшительное воззваніе къ литвинамъ, и ободрялъ ихъ патріотическій духъ. «Пусть—писалъ онъ—тиранъ, перевѣсомъ вооруженной силы занявши столицу литовской провинціи, выдаетъ свои приказанія, пусть именемъ своей владычицы обѣщаетъ прочное правленіе, а на непослушныхъ мечетъ перуны,—неужели эти обольщенія тронутъ сердце поляковъ? Неужели, много разъ испытавши обманъ, вы развѣсите уши передъ обѣщаніями ея посланниковъ? Не города насъ защищаютъ отъ непріятельскихъ ударовъ, не стѣны намъ твердыня и оборона; въ насъ самихъ непреоборимое обиталище свободы и независимости. Перси—наше предстѣніе, руки—щитъ и оборона». Совѣтъ объявлялъ измѣнникомъ, достойнымъ кары, того, кто въ Литвѣ вступитъ въ какую-нибудь юрисдикцію или администрацію, учреждаемую русскими, или вообще станетъ входить съ русскими въ дружелюбныя сношенія, хотя бы его имѣнія были заняты русскими войсками.

По отступленіи прусскаго короля отъ Варшавы, высочайшій совѣтъ, по истинно польскому обычаю, хотѣлъ прежде всего устроить празднество, и его прославленнымъ героемъ долженъ былъ быть Костюшко. Обратились къ нему. Главнокомандующій отвѣчалъ, что онъ оставляетъ на волю высочайшаго совѣта избрать время и способъ для устройства такого празднества, но ему самому дѣло препятствуетъ принять въ немъ участіе. «Смѣю надѣяться,—писалъ онъ—Богъ, освободившій столицу, освободитъ и отечество; тогда, какъ обыватель, а не какъ должностное лицо, я буду благодарить Бога и дѣлить со всѣми всеобщую радость». Праздникъ этотъ, какъ видно, не состоялся, вѣроятно по нежеланію Костюшки принять въ немъ участіе. За то высочайшій совѣтъ написалъ велерѣчивое и длинное посланіе великополянамъ, прославлялъ ихъ за подвиги, за смѣлость, а въ отместку

прусскимъ властямъ, которыя угрожали казнить безъ слѣдствія участниковъ въ повстаньи, приказывалъ въ Великой Польшѣ хватать, арестовать и вѣшать всякихъ гражданскихъ прусскихъ чиновниковъ, отплачивая такимъ образомъ за повѣшенныхъ поляковъ. Самъ Костюшко ставилъ въ примѣръ великополянъ, и написалъ воззваніе къ волынцамъ, которые до сихъ поръ ничѣмъ не показали сочувствія къ повстанью, оставаясь какъ будто неизмѣнно вѣрными своему первому нерасположенію къ замысламъ четырехлѣтняго сейма. «У великополянъ — писалъ онъ — не было войска, а составился святой заговоръ, и въ одинъ день въ семи воеводствахъ уничтожили наѣздниковъ и уже на нѣсколько тысячъ умножили свою силу». Это была патріотическая ложь. «А вы, волыняне, — продолжалъ начальникъ — вы до сихъ поръ остаетесь въ гнусномъ спокойствіи. Что это? или вамъ отечество стало уже чужимъ, или святая вольность болѣе не привлекаетъ васъ? или духъ мужества, который жаромъ своимъ охватилъ сердца всѣхъ воеводствъ, въ вашемъ воеводствѣ совершенно погасъ?» Обывательскій польскій духъ еслибъ и тлѣлъ въ сердцахъ волынскихъ поляковъ, то все-таки ему трудно было блеснуть. Суворовъ съ двадцатью пятью тысячами готовился идти черезъ Волынь на Польшу. а туземный русскій народъ, какъ и прежде, болѣе склоненъ былъ вспомнить давно прошедшую, казацкую борьбу съ Польшею, чѣмъ подставлять лобъ за Рѣчь-Посполитую. Тогдашній губернаторъ Берхманъ, сообщая Суворову о духѣ, господствовавшемъ на Волыни и въ Украинѣ, говоритъ: «Пріобыкши жить въ непозволительныхъ оборотахъ, они хотѣли бы играть роль въ прежнемъ многовластномъ и безначальномъ правленіи, не довольствуются нынѣ въ тишинѣ подъ сѣнію милосердаго престола ея императорскаго величества пользоваться своею принадлежностію и оную законно пріумножать. Самоуправіе, происки, право сильнѣйшаго заграждены, а сіе было первое преимущество дворянства, слѣдовательно порядокъ и правильное повиновеніе законамъ въ новомъ правленіи кажется имъ угнетеніемъ или по крайней мѣрѣ отнятіемъ знатной части старой ихъ неогражденной вольности. По разнымъ моимъ развѣдываніямъ со времени пребыванія здѣсь, и по неусыпнымъ примѣчаніямъ, утвердительно могу сказать, что изъ чиновныхъ подданныхъ нѣтъ почти ни одной души, искренно намъ преданной; мелкую же шляхту, живущую на дискреціи богатаго дворянства, пріобыкшую слѣдовать всегда, безъ дальнихъ разсужденій, всякимъ вдохновеніямъ, льстящимъ хоть мало ихъ состоянію и легкомыслію, врожденному сему народу, потерявшему съиздавна съ

порядкомъ и первобытный свой нравъ, мало надѣяться можно, хотя (она) теперь довольно себя слыветъ, и кажется забываетъ мечтательное свое благополучіе, три дни только ежегодно во время сеймиковъ внушаемое. Въ противоположеніе тому предстоятъ гораздо выгоднѣйшія средства, требующія однако къ прочному ихъ утвержденію времени и преобразованій. Сіе относится до крестьянъ, которые конечно къ намъ привержены, но не безъизвѣстно, что знатная часть народа лишена вездѣ средствъ къ изъявленію настоящихъ своихъ расположеній. Они до крайности тѣснимы польскими помѣщиками своими, при всемъ недремленномъ правительства стараніи; не терпятъ ихъ душевно, и ожидаютъ только той минуты, въ которую они могутъ, оставя уніатскій обрядъ, насильно ими принятый, обратиться въ православную греко-россійскую вѣру, искони праотцами исповѣдуемую».

Несчастія въ Литвѣ казалось наверстывались надеждами на возстаніе въ Великой Польшѣ; на первыхъ порахъ отъ него ожидали много. Но на это нужны были деньги, а ихъ давали мало. Костюшко рѣшился прибѣгнуть еще къ одной крайней мѣрѣ и, десятаго сентября, приказалъ высочайшему совѣту издать повелѣніе забрать на дѣло спасенія отечества всѣ суммы, хранимыя въ серебрѣ и золотѣ въ магистратахъ и всякихъ городскихъ юрисдикціяхъ, въ воеводствахъ и повѣтахъ, подъ какимъ бы то ни было видомъ, хотя бы на удовлетвореніе кредиторовъ; всѣ духовныя сокровища, лежащія въ различной монетѣ или въ вещахъ въ монастыряхъ, костелахъ, капитулахъ, коллегіатахъ, суммы, хранящіяся у частныхъ лицъ, превышающія количество тысячи червонныхъ, суммы купеческія, назначенныя для удовлетворенія кредиторовъ и остающіяся невыплаченными по причинѣ перерыва торговыхъ сообщеній съ заграницею. Всѣ лица, у которыхъ на дому сложены чужія имущества, должны, подъ страхомъ отвѣтственности собственнымъ имуществомъ, донести объ этомъ порядковымъ коммиссіямъ въ теченіе семи дней. Взятыя такимъ образомъ сокровища отдаются скарбовому отдѣлу высочайшаго совѣта, который въ обмѣнъ за нихъ будетъ выдавать пятипроцентные билеты. Вмѣстѣ съ тѣмъ, высочайшій совѣтъ объявлялъ, съ цѣлію усиленія войска, на спасеніе отечества, обывательскій заемъ съ процентами, по 6% со ста, на что давалась вкладчику облигація, которую онъ всегда, если захочетъ, можетъ вымѣнять на 5% билетъ, съ причетомъ за лишній процентъ, значущійся на облигаціи.

На объявленное посполитое рушенье уже перестали полагать надежду, оно только раздражало обывателей и простой народъ. 18

сентября, начальникъ приказалъ уничтожить посполитое рушенье, и тамъ, гдѣ оно уже начало собираться, распустить его по домамъ, а вмѣсто него усилить рекрутскій наборъ и собрать еще по прежнимъ правиламъ съ десяти дымовъ одного пѣшаго, и съ пятидесяти дымовъ одного коннаго рекрута, съ тѣмъ, что снаряженіе ихъ будетъ на казенный счетъ, и порядковымъ коммиссіямъ выплатится, для передачи кому слѣдуетъ, за всѣ необходимыя при поставкѣ рекрутъ съ оружіемъ вещи, по назначенной таксѣ. Городъ Варшава, въ видахъ недавно понесенныхъ жителями большихъ трудовъ и утратъ во время осады, освобождался отъ поставки рекрутъ.

Но энтузіазмъ ослабѣвалъ. Обыватели не видѣли успѣховъ отъ повстанья, а видѣли и чувствовали только одно собственное разореніе. Если они не хотѣли находиться подъ властію иноземныхъ государей, то все-таки идеалъ ихъ былъ не иной, какъ старая шляхетская Польша, а Костюшко сулилъ имъ какую-то другую, имъ чуждую Польшу, съ основами, которыя пахли французскою революціею, которой одно имя ужасало сердца добродушныхъ католиковъ, привыкшихъ жить для святой церкви на счетъ хлопа, созданнаго для того, чтобы вѣчно ходить въ ярмѣ. Для воспитанныхъ въ польскихъ понятіяхъ, равенство было что-то богопротивное, разрушающее всякія основы порядка, и не даромъ революціонное польское правительство, перенявъ у французовъ революціонный девизъ: liberté, égalité, fraternité, замѣнило слово «равенство» (égalité) словомъ «цѣлость»; подобіе польской революціи съ французской было ясно, какъ ни старались его закрывать, и потому не мало было такихъ, которые изъ двухъ золъ для своего отечества готовы были избирать меньшее, и скорѣе покориться, лишась сеймиковъ и сеймовъ, русской императрицѣ, которая по крайней мѣрѣ оставляла за ними драгоцѣнное право власти надъ хлопомъ и возможность жить обычною католическою жизнію, чѣмъ разориться до послѣдняго, ради возсозданія такой Польши, гдѣ они должны потерять свои шляхетскія преимущества въ угоду новомоднымъ идеямъ и даже, быть можетъ, подвергнуть самую религію той опасности, какой она уже подверглась тамъ, откуда приходили въ Польшу идеи, потрясавшія вѣковыя привычки ея общественной жизни.

Въ то время, какъ Костюшко требовалъ исполненія своего универсала 7 мая, и грозилъ карою тѣмъ, которые возлагали на крестьянъ то, чего революціонная власть требовала отъ нихъ самихъ, къ нему посылались жалобы на своеволіе пановъ отъ такихъ общинъ, которыя и по прежнимъ правамъ могли искать

на панахъ управы, и которыхъ прежде всего должны были уважать паны, приспособляясь сколько-нибудь къ новому строю вещей. Такимъ образомъ, Богуфалъ, уполномоченный въ гродненскомъ повѣтѣ, сообщилъ Костюшкѣ просьбу мѣщанъ города Соколки, которые пользовались нѣкогда свободными правами, а впослѣдствіи превращены были аристократическимъ правительствомъ въ убогихъ хлоповъ королевской экономіи. Они превосходно исполняли разныя повинности, положенныя на нихъ уполномоченными повстанья, но экономическое правленіе гоняло ихъ на панщину. «Такимъ образомъ, не только крестьянъ утѣсняютъ, но и дѣлу повстанья препятствуютъ»,—говорилъ Богуфалъ. Это было не въ одномъ мѣстѣ, а почти вездѣ, по извѣстію современниковъ.

Провозгласивъ освобожденіе крестьянъ, Костюшко думалъ найти со стороны хлопской громады сильную опору революціонному движенію противъ равнодушія, эгоизма и двуличности обывателей. Но хлопы ненавидѣли повстанье не меньше, если не больше, самихъ обывателей. Объ освобожденіи народъ не зналъ и не вѣрилъ ему, даже тамъ, гдѣ и слышалъ о немъ; отъ панскаго ига онъ не видѣлъ никакого облегченія, а повстанье только увеличило его тягости; оно тащило у хлопа послѣднюю лошадь, послѣднюю корову, опустошало его ниву, сожигало или разоряло его усадьбу, тянуло сыновей или самого хозяина на бойню,—за что̀, онъ, самъ не зналъ, и понять не могъ. Отчизны у него не было, какъ ея никогда не бываетъ у невольника. Рѣчь-Посполитая не представляла ему ничего такого, за что̀ стоило бы ее сохранять и защищать. Состояніе его не могло сдѣлаться хуже, когда ея не будетъ, напротивъ оно скорѣе могло улучшиться; въ повстаньи онъ видѣлъ одну свою близкую бѣду и ничего отраднаго въ будущемъ. Какъ мало Польша сочувствовала своему повстанью, показываетъ то, что силы вооруженнаго народа были далеко не тѣ въ натурѣ, какими предполагались на бумагѣ. Онѣ были не только малы,—онѣ были ничтожны въ сравненіи съ тѣмъ, чѣмъ они должны были сдѣлаться, еслибы въ самомъ дѣлѣ въ Польшѣ было воодушевленіе и всеобщая ясная потребность спасать Рѣчь-Посполитую. Посполитое рушенье могло поставить до четырехсотъ тысячъ защитниковъ отечества, а ихъ число едва доходило до сорока тысячъ, и тѣ, по скудости средствъ, содержались крайне плохо и безпрестанно бѣгали. Въ столицѣ, гдѣ сосредоточивалось риторическое геройство, не только не уничтожалось, но расширялось то тайное нерасположеніе къ повстанью, которое замѣчалось въ мѣщанствѣ при самомъ началѣ революціи, когда мѣщане съ ужа-

сомъ испытали, какъ дорого она обходится, и какъ далекъ ея конецъ. Патріоты замѣчали это и усиливали свой терроръ. Варшава совершенно потеряла свой прежній разгульный, веселый характеръ. Только и рѣчи было, что о тайной измѣнѣ, о предательствѣ; одинъ указывалъ на другого, другъ на друга возбуждали подозрѣніе, каждый день появлялись афиши, взывающія къ открытію тайныхъ недоброжелателей повстанья; бѣдные изъ зависти кричали на богатыхъ; каждый день уголовныя слѣдствія да суды, и только благоразумію и прямодушію Костюшки и его друзей Варшава обязана тѣмъ, что въ ней, какъ въ Парижѣ, не полились потоки крови. Если такое напряженное состояніе возбуждало и раззадоривало записныхъ друзей революціи, то оно естественно располагало громаду жителей къ желанію избавиться отъ тревогъ и возвратиться къ какому бы то ни было спокойствію. Явно всѣ хвалили Костюшку; одинъ передъ другимъ старался выставить свой патріотизмъ, великодушную готовность жертвовать и состояніемъ и жизнію за отечество, а въ глубинѣ сердца многіе только того и ожидали, чтобы либо русскіе, либо пруссаки скорѣе вошли въ столицу и спасли ее отъ революціоннаго обирательства и террора.

Костюшко, слыша, что ропотъ усиливается по всей Польшѣ съ каждымъ днемъ, принужденъ былъ, 13 (24) сентября, написать успокоительный универсалъ. «Знаю—писалъ онъ,—что обывательскія имѣнія очень терпятъ, но помните, что всѣ непріятности—мимоходныя, а свобода будетъ продолжительна и дастъ намъ рядъ спокойныхъ и счастливыхъ дней. Поручаю порядковымъ коммиссіямъ успокоивать обывателей и увѣрить ихъ, что временное правительство не желаетъ нарушать ничьей собственности, напротивъ, хочетъ ее уважать и защищать. За все, что обыватели доставляли, будетъ имъ немедленно заплачено; наконецъ, если теперь много такихъ тягостей, которыя чувствительны обывателямъ, то по окончаніи войны и по освобожденіи отечества собранные представители народа установятъ такое правленіе, какое только окажется удобнѣйшимъ для безопасности и благоденствія».

Вслѣдъ затѣмъ, высочайшій совѣтъ 18 (29) сентября издалъ универсалъ, въ которомъ объявлялъ, что усиленные поборы соберутся съ обывателей только одинъ разъ, а болѣе повторяемы не будутъ, и обыватели обязаны будутъ вносить только то, что было прежде постановлено сеймомъ. До того же времени существовало постановленіе, чтобы обыватели платили наложенные на нихъ поборы не иначе, какъ на половину звонкою монетою; теперь дозволяли платить тѣми билетами, которые предположили выпускать. Такимъ образомъ,

видно и начальникъ и высочайшій совѣтъ пришли къ тому убѣжденію, что не слѣдуетъ раздражать обывателей, а напротивъ надобно пріобрѣтать ихъ расположеніе. За то они отнеслись строго къ тѣмъ, которые находились въ чужестранной службѣ. 11 (22) сентября, Костюшко объявилъ: «Съ огорченіемъ и удивленіемъ вижу, что множество поляковъ не стыдятся сражаться противъ собственнаго отечества, омывая оружіе въ крови соотечественниковъ, находясь преимущественно въ прусской службѣ. Объявляю: если, отъ настоящаго дня черезъ мѣсяцъ, полякъ, находящійся въ непріятельской службѣ, будетъ пойманъ, то подвергнется суду и казни, какъ измѣнникъ и врагъ отечества». Черезъ нѣсколько времени (4 октября) высочайшій совѣтъ принужденъ былъ громить и тѣхъ, которые вообще находятся за границею и уклоняются отъ участія въ повстаньи. Уже два раза, 6 іюня и 7 іюля, имъ было приказано возвратиться, но воззваніе высочайшаго совѣта осталось безъ послѣдствій. Этого мало; послѣ того еще множество обывателей бѣжало изъ Польши; на этотъ разъ назначили новый терминъ возврата, къ 15 января 1795 г., подъ опасеніемъ конфискаціи имуществъ. Недостатокъ финансовъ страшно препятствовалъ патріотическому дѣлу, но нельзя сказать, чтобы у поляковъ тогда совсѣмъ уже не было средствъ; именно тѣ паны, которые уѣзжали за границу, имѣли ихъ достаточно, а другіе, хотя не удалялись изъ отечества, но припрятали свои сокровища.

Н. Костомаровъ.

ОБЩИНА-СОБСТВЕННИКЪ

и

ЕЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦІЯ.

Изучая исторію бытового развитія земледѣльческихъ поселеній въ России иностранцевъ, мы можемъ легко доискаться такой сельско-общественной организаціи, въ составѣ которой массы нашихъ крестьянъ, независимо отъ національности, вѣры, обычаевъ и въ полномъ согласіи со всѣми сущими и грядущими силами и усовершенствованіями ново-европейской культуры, являлись-бы людомъ политически-самостоятельнымъ, граждански-полноправнымъ и экономически-обезпеченнымъ. А только такое сельское населеніе можетъ и должно служить главнѣйшею, самою существенною основою для всякаго нормально развивающагося государства. Это убѣжденіе наше не встрѣтитъ конечно возраженій; даже наиболѣе закоренѣлые приверженцы разныхъ крѣпостническихъ поползновеній тщательно драпируются нынѣ въ либеральные, хотя, къ сожалѣнію, въ одни лишь слишкомъ общіе принципы. Но, работая надъ своимъ кореннымъ обновленіемъ, общество и, во главѣ его, законодательство должны направить всѣ свои заботы къ тому, чтобы парализовать всякія вольныя и невольныя извращенія сущности и цѣли преобразованій, а для вполнѣ успѣшнаго дѣйствія въ этомъ отношеніи необходимо прежде всего окончательно уяснить себѣ ту почву, на которую насаживаются извѣстныя начала, тѣ корни, которыми эти начала могутъ и должны укрѣпиться въ почвѣ, и наконецъ, тѣ охранительныя условія или гарантіи, при которыхъ изъ этихъ корней появятся

ростки, способные впослѣдствіи дать и желаемый плодъ. Общая всѣмъ наукамъ цѣль та, чтобы, разлагая явленія физическаго и нравственнаго міра на ихъ составные элементы, доискаться основныхъ элементарныхъ законовъ, взаимодѣйствіемъ которыхъ обусловливается всякое явленіе, какъ прямое, необходимое послѣдствіе извѣстныхъ причинъ. При этомъ мы видимъ, что разъ открытый нами законъ дѣлается уже навсегда покорнымъ слугою человѣка, работая на него въ самыхъ различныхъ примѣненіяхъ къ человѣческой дѣятельности, въ разнообразнѣйшихъ формахъ и комбинаціяхъ. Соціологіи, какъ наукѣ о человѣческомъ обществѣ, присуща та же цѣль; иначе она не заслуживала бы названія науки. Но соціологія и до сего времени еще пребываетъ въ младенчествѣ, въ области ея повсюду нагромождены кучи сырого матеріала, мусора и обломковъ; ея отдѣльныя составныя части лишены пока еще общихъ связующихъ и руководящихъ нитей; словомъ, соціологія не доискалась еще нормальной комбинаціи элементарныхъ законовъ человѣческаго общежитія, той комбинаціи, которая не фиктивно только, а въ дѣйствительности была-бы способна прочно гарантировать человѣчеству, въ массѣ, хотя-бы наименьшую долю его естественныхъ, прирожденныхъ правъ. И вотъ сюда-то должна-бы дружно направиться вся интеллектуальная сила общества, въ той увѣренности, что закрѣпощеніемъ себѣ не личности человѣка, а законовъ природы, мы создадимъ такое обиліе средствъ жизни и наслажденія, что ихъ хватитъ на всѣхъ отъ мала до велика, для знатнаго и убогаго.

Озираясь на западный цивилизованный міръ, мы на первыхъ порахъ пожалуй могли-бы подумать, что человѣчество и теперь уже благоденствуетъ: столько въ его высшихъ сферахъ кажущагося свѣта, наружнаго лоска, даровыхъ средствъ и заманчиваго благоприличія. Но вглядываясь глубже въ практику жизни, мы изъ сферы кажущагося благоденствія переходимъ постепенно въ болѣе обширную сферу полусвѣта, полупорядка, скудости средствъ и усиленнаго, бо̀льшею частію слишкомъ своекорыстнаго труда, а затѣмъ уже и въ обширнѣйшую область мрака, хаоса, нищеты, безустанной работы, не знающей ни отдыха, ни справедливаго воздаянія. Само собою понятно, что, опускаясь изъ одной сферы человѣческой пирамиды въ другую, низшую, мы должны быть очень осторожны и крайне внимательны, иначе зрѣніе измѣнитъ намъ и мы легко станемъ спотыкаться на каждомъ шагу, а наконецъ ослѣпнемъ и вовсе. И къ сожалѣнію, такова участь весьма многихъ, совершающихъ этотъ путь, не говоря уже о тѣхъ, которые, оставаясь неподвижно во главѣ пирамиды, пы-

таются умственнымъ окомъ проникать въ бытовыя условія низшихъ сферъ, анализировать ихъ и выводить тѣ основные законы, при воздѣйствіи которыхъ свѣтъ, правда и благоденствіе широкимъ потокомъ могли-бы охватитъ всю пирамиду, съ ея основанія до вершины. Но,—и опять-таки къ сожалѣнію, иные слишкомъ не рѣдко забываютъ, что «сытый голоднаго не разумѣетъ», что человѣку вообще, при всей его развитости и образованности, очень часто не дано способности вдумываться, войти вполнѣ въ чуждую ему обстановку, въ условія быта непривычнаго или даже антипатичнаго; что, наконецъ, даже люди, одаренные способностію глубокаго анализа, въ силу преобладающихъ свойствъ своей природы, въ силу такъ-называемаго соображающаго способа мышленія, готовы мѣрить все на свой аршинъ, налагая на анализируемое явленіе печать своей индивидуальности, не всегда конечно вѣрную. Поэтому-то намъ кажется, что изслѣдованіе, подобное предпринятому нами, должно имѣть главнѣйшею цѣлью непосредственное воспріятіе (перцепцію) анализируемыхъ фактовъ, ихъ добросовѣстную установку и вѣрную классификацію, а также возможное ихъ обиліе и разнообразіе, такъ какъ, по тѣмъ или инымъ свойствамъ нашей индивидуальности, было-бы слишкомъ рисковано, и во всякомъ случаѣ ненаучно, разсчитывать на безусловную непогрѣшимость своихъ собственныхъ выводовъ и заключеній.

Намъ кажется, что такая, избранная нами позиція, отъ которой исходя и на которую опираясь, мы предпринимаемъ наше изысканіе, принадлежитъ къ позиціямъ наиболѣе благопріятнымъ для сущности дѣла, для того, чтобы нашъ трудъ не оставался вовсе безслѣднымъ. Позиція эта находится въ ближайшемъ соприкосновеніи съ дѣйствительною жизнію народной массы, гдѣ глазъ наблюдателя, не парализованный ни избыткомъ свѣта сверху, ни густотою мрака снизу, способенъ болѣе или менѣе ясно различать и здѣсь, и тамъ, и около себя, наконецъ, всѣ явленія жизни, ихъ взаимодѣйствіе, ихъ цѣли и послѣдствія. Вооруженные, такимъ образомъ, фактами дѣйствительной жизни, мы скоро увидѣли, что и наука не всегда даетъ намъ средства къ разрѣшенію тѣхъ противорѣчій, которыя возникаютъ на каждомъ шагу даже въ бытѣ нашихъ колоній. Мы должны были также убѣдиться, что иныя изъ такъ-называемыхъ основныхъ непогрѣшимыхъ научныхъ положеній находятся въ прямомъ, непримиримомъ разладѣ съ потребностями и чаяніемъ низшихъ классовъ; что другія изъ этихъ положеній, будучи на самомъ дѣлѣ непогрѣшимыми, извращаются до неузнаваемости въ ихъ практическомъ приложеніи, и что вообще въ итогѣ, въ теоріи и на дѣлѣ, нѣтъ ни строгой

связи, ни сознательно-разумнаго взаимодѣйствія хотя-бы главнѣйшихъ факторовъ народнаго быта. И при такомъ-то шаткомъ положеніи соціальной науки по отношенію къ животрепещущимъ запросамъ жизни наступила у насъ пора коренныхъ реформъ, пора труда кипучаго до болѣзненности, грандіознаго до восторга. Съ отмѣною крѣпостного права русское общество встрепенулось отъ вѣковой летаргіи; воспрянуло все живое, все благородное, но возстали въ тоже время и эгоизмъ, рутина, словомъ, всѣ наименѣе одобрительные, плотоядные инстинкты, рѣшившіеся до-нельзя отстаивать прежніе порядки, при которыхъ имъ жилось такъ хорошо. На всѣхъ пунктахъ завязалась крайне упорная борьба, и въ самый разгаръ этой борьбы ковались, одна за другой, наши реформы. Понятно, что при такихъ условіяхъ нельзя было ожидать всесторонней, окончательной отдѣлки частностей. Но тамъ, гдѣ лозунгомъ реформы служитъ поговорка: «куй желѣзо, пока оно горячо», — нельзя задумываться надъ деталями; благо были-бы спасены главнѣйшія условія болѣе разумнаго общественнаго устройства, даны необходимыя средства для окончательныхъ додѣлокъ впослѣдствіи, когда сама жизнь заявитъ на нихъ свои требованія, уже какъ логическій выводъ укореняющихся въ почвѣ основныхъ началъ новой общественной организаціи.

Въ такомъ именно положеніи находится у насъ и дѣло крестьянской реформы. Вернуться назадъ положительно нѣтъ возможности. Это сознается, конечно, даже противниками реформы, которыхъ вольныя и невольныя усилія клонятся поэтому къ тому, чтобы сбивать теченіе дѣлъ съ нормальнаго пути, въ особенности по разнымъ частнымъ, но капитальнымъ вопросамъ, требующимъ нынѣ окончательнаго разрѣшенія для завершенія крестьянскаго устройства. И главнѣйшіе изъ этихъ вопросовъ слѣдующіе:

1) Признавать-ли угодья крестьянскаго надѣла *собственностію коллективною*, т.-е. сельскаго общества, или же *личною* — каждаго отдѣльнаго домохозяина?

2) Кѣмъ замѣнить отжившихъ свое время мировыхъ посредниковъ и въ какія вообще взаимныя отношенія поставить администрацію и крестьянское самоуправленіе?

3) Отмѣнить-ли волостной судъ вовсе, или же только преобразовать его примѣнительно къ общимъ основаніямъ современнаго судоустройства?

4) Совершенно-ли отмѣнить, или только преобразовать систему подушныхъ налоговъ?

Строго-послѣдовательное, вполнѣ согласованное съ бытовыми условіями и уроками исторіи, разрѣшеніе этихъ вопросовъ при-

ведетъ къ тому, что наши крестьяне въ дѣйствительности и навсегда-окажутся состояніемъ политически-самостоятельнымъ, граждански-полноправнымъ и экономически-организованнымъ; тогда какъ противное этому разрѣшеніе низведетъ реформу почти до нуля и мало-по-малу замѣнитъ прежнюю личную крѣпость крестьянъ капитало-кабалою, подъ давленіемъ которой и политическая самостоятельность, и гражданская полноправность являются для массъ рабочаго люда только злою мистификаціею.

Въ виду четырехъ вопросовъ, только-что указанныхъ нами, всѣ остальные вопросы въ области сельскаго устроенія отступаютъ на второй планъ. Поэтому-то и насъ долженъ по преимуществу занимать вопросъ о поземельно-общинной организаціи; детали не представятъ за тѣмъ затрудненій.

Для *администратора-рутинера* не можетъ не казаться страннымъ, какимъ образомъ въ нашихъ колоніяхъ сбѣжавшіяся съ разныхъ концовъ толпы низшаго закала людей съумѣли воспользоваться правами *самоуправленія* и добиться благопріятныхъ результатовъ *безъ непосредственнаго* вмѣшательства въ ихъ дѣла административнаго попечительства, безъ права административныхъ лицъ держать «въ ежевыхъ» выборныхъ старостъ и старшинъ, подъ страхомъ наложенія на нихъ, *единоличною* властью, разныхъ «исправительныхъ» каръ, хотя-бы только въ родѣ ареста до 7-ми дней. Еще болѣе страннымъ покажется ему широкая, почти средневѣковая карательная власть общинъ, идущая рядомъ съ полнымъ безправіемъ въ этомъ отношеніи чиновъ административнаго попечительства, которымъ, помимо судебнаго приговора общины, нельзя поучать отеческою розгою или иною исправительною мѣрою хотя-бы самаго послѣдняго, простого колониста. Было же тутъ, особенно въ началѣ поселенія, на лицо достаточное число всякаго рода негодяевъ и развратниковъ, съ которыми, казалось-бы, не стоило гуманизировать и пускаться въ разныя формальности!

Но, съ другой стороны, и *администраторъ-либералъ-гуманистъ* невольно замѣтитъ: «странно, какимъ образомъ колонисты, владѣя весьма нерѣдко огромными состояніями и во множествѣ случаевъ проживая постоянно внѣ колоній—во всѣхъ мѣстахъ имперіи, не оставляютъ своихъ общинныхъ союзовъ, которые, *по закону*, не имѣютъ даже права отказать въ увольненіи своихъ членовъ?! Казалось-бы, что колонисту выгодно избавиться, чѣмъ скорѣе тѣмъ лучше, отъ такого, повидимому, трудно выносимаго общиннаго гнета надъ личностію, гнета, вооруженнаго не только правомъ надзора за частною жизнію и хозяйственною дѣятельностію членовъ общины, но и страшною ка-

рательною властію: публичною работою, арестомъ, позорною выставкою у столба, колодками, рогатками, розгами»?!

Наконецъ, оба администратора должны-бы обратить одинаковое вниманіе *на порядокъ непосредственныхъ сношеній* между колонистскими окружными приказами и ихъ мѣстнымъ попечительствомъ, а также *на роль* «смотрителя колоній», какъ ближайшаго мѣстнаго органа послѣдняго. Вникая въ подробности этихъ отношеній, наши администраторы, быть можетъ, нашли-бы здѣсь исходную точку для правильнаго разрѣшенія вопроса о мировыхъ посредникахъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ представилась-бы имъ, въ должномъ свѣтѣ, и существенная важность нѣкоторыхъ обязанностей главныхъ колонистскихъ попечительствъ, какъ-то: принятія и водворенія поселенцевъ, на основаніи постановленныхъ правилъ, на земляхъ, отведенныхъ и впредь отводимыхъ подъ колонизацію; *охраненія* всѣхъ дарованныхъ и впредь даруемыхъ поселянамъ *выгодъ, правъ и преимуществъ;* попеченія о хозяйствѣ и домостроительствѣ, и *поощренія къ усовершенствованію* земледѣлія, садоводства и скотоводства, *и къ разведенію* фабрикъ, свойственныхъ климату и мѣстной возможности (ст. 37 и 38 уст. о кол.). Кстати замѣтимъ здѣсь, что не разъ уже, и притомъ съ различныхъ сторонъ, раздавались у насъ голоса о пользѣ и потребности въ учрежденіи такого центральнаго управленія, которое главною, или даже исключительною своею заботою имѣло-бы одни интересы разумной колонизаціи, земледѣлія и промышленности, и во всѣхъ высшихъ правительственныхъ совѣтахъ отстаивало-бы эти интересы противъ всѣхъ вольныхъ и невольныхъ попытокъ ихъ нарушенія какими-либо мѣрами или распоряженіями другихъ органовъ администраціи. Съ своей стороны, мы присоединяемъ къ этимъ голосамъ и свой голосъ, тѣмъ охотнѣе и рѣшительнѣе, что едва-ли не одно изъ главнѣйшихъ и самыхъ благотворныхъ условій дѣятельности колонистскихъ попечительствъ заключалось именно въ обязательномъ для нихъ радѣніи о хозяйственныхъ и промышленныхъ нуждахъ колоній. Вполнѣ соглашаясь такимъ образомъ съ г. Вешняковымъ, когда онъ говоритъ, что «тотъ государственный человѣкъ, на долю котораго выпало-бы исполненіе этого дѣла, снискалъ-бы себѣ тѣмъ полное право на ту признательность потомства, на которую (еще въ 1833 г.) указывалъ графъ Мордвиновъ графу Канкрину», мы однако не можемъ не прибавить, что попеченія о хозяйственно-промышленной дѣятельности нашихъ сельскихъ хозяевъ дѣйствительно принесутъ ожидаемую громадную пользу только въ такомъ случаѣ, если, параллельно съ центральнымъ хозяйственнымъ управленіемъ и его мѣстными органами, окончательно,

и именно въ нашемъ смыслѣ завершится дѣло устройства нашихъ крестьянъ.

Далѣе, *юристъ*-представитель нашего гражданскаго кодекса, вдумываясь въ организацію колонистской поземельной общины, быть можетъ, вполнѣ сознаетъ глубокій смыслъ протестовъ со стороны средневѣковаго крестьянства западной Европы, когда это крестьянство, съ непримиримою ненавистію въ душѣ и съ оружіемъ въ рукахъ, возставало противъ «докторовъ римскаго права», требуя безусловной замѣны ихъ «докторами имперскаго права» и возвращенія крестьянству его «древнихъ правъ». На бытовыхъ условіяхъ колоній нашъ юристъ долженъ убѣдиться, что понятія Рима о «полной личной собственности», особенно въ сферѣ поземельнаго владѣнія, о «наслѣдованіи» въ землѣ и имуществахъ, о «народномъ самосудѣ» и т. д. были весьма своеобразны и далеко не соотвѣтствуютъ тому гражданскому праву, на которомъ народная масса основываетъ и только можетъ основать свою экономическую обезпеченность, свою гражданскую и политическую полноправность. И это убѣжденіе приведетъ нашего юриста, быть можетъ, къ тому, что онъ перестанетъ ратовать противъ волостного суда, а напротивъ займется вопросомъ о реорганизаціи этого суда въ соотвѣтственности съ основными правилами новаго судоустройства и мѣстными бытовыми условіями. Ставъ же на эту дорогу, по всей вѣроятности окажется и вполнѣ возможнымъ дать нашему судебно-мировому институту такое устройство, которое болѣе соотвѣтствовало-бы мѣстнымъ пространственнымъ, денежнымъ и интеллектуальнымъ средствамъ нашихъ губерній и уѣздовъ, облегчая даже и удовлетворительное разрѣшеніе вопроса о мировыхъ посредникахъ.

Финансистъ, въ свою очередь, будучи заинтересованъ въ наибольшей простотѣ и возможно меньшей отяготительности его фискальнаго аппарата, обрадуется открытію, что «поголовная» подать (но только не съ душъ, а съ работниковъ) и «круговая порука», эти enfants terribles нашихъ почтенныхъ экономистовъ-фермеровъ, оказываются напротивъ дѣтьми не только очень милыми, но и безусловно необходимыми какъ для фиска, который, говоря откровенно, едва-ли когда обойдется безъ податной солидарности плательщиковъ, такъ главнымъ образомъ и для рабочаго, *безъимущественнаго* люда, котораго политическая самостоятельность, гражданская полноправность и экономическая обезпеченность базируются, съ одной стороны, именно на *поголовномъ* участіи въ несеніи податной тяги, а съ другой—именно на *круговой солидарности* сообщинниковъ. Сознавая, что всякая *дѣйствительная обязанность* является не насиліемъ един-

ственно только въ такомъ случаѣ, если этой обязанности соотвѣтствуетъ не менѣе *дѣйствительное право*, и что слѣдовательно фискальныя требованія непремѣнно обусловливаютъ соотвѣтствующую имъ политическую правоспособность, финансистъ нашъ придетъ къ совершенно логическому заключенію, что настоянія экономистовъ уничтожить какъ *мірскую* поземельную собственность, такъ и естественный принципъ ея — податную солидарность, неминуемо повлекли-бы за собою возрожденіе древне-русскаго класса «гулящихъ людей», которые должны ускользать отъ фиска, лишая его весьма выгодной и притомъ вполнѣ раціональной податной единицы, самихъ же себя политической полноправности, а затѣмъ въ большинствѣ, de facto, и гражданской правоспособности.

Точно также *представители политико-экономической науки* должны безусловно признать полную несостоятельность тѣхъ quasi-научныхъ, фермерскихъ воззрѣній, которыя С.-Петербургское Общество сельскихъ хозяевъ привели къ извѣстному [1]) вердикту противъ общинной поземельной собственности, вердикту, съ такимъ апломбомъ заявленному, какъ непогрѣшимый выводъ «западной» науки и *столѣтней практики русскаго* «И. В. Э. Общества». По нашему мнѣнію, этотъ вердиктъ есть худшій изъ худыхъ аттестовъ этому почтенному учрежденію, вполнѣ уясняющій почти безслѣдное вѣковое существованіе послѣдняго въ смыслѣ практическихъ успѣховъ нашего народнаго хозяйства.

Наконецъ, *законодательная власть*, послѣдовательно подводя общіе итоги, не можетъ не придти къ окончательному заключенію, что базисомъ крестьянскаго устроенія должна быть именно *общинная поземельная собственность*, но что нашу *общину-собственника* слѣдуетъ преобразовать *въ организмъ юридическій*.

Такимъ образомъ, мы стали лицомъ къ лицу съ тѣмъ вопросомъ, изслѣдованію котораго, по преимуществу, посвященъ нашъ посильный трудъ.

Многое, и даже слишкомъ многое уже высказано по поводу этого вопроса; но мы не намѣрены вступать въ лабиринтъ многоразличныхъ мнѣній за и противъ общинной поземельной собственности. Замѣтимъ только, что для подробнаго разбора всей безконечной путаницы этихъ мнѣній было бы необходимо, по меньшей мѣрѣ, еще то шестое чувство, которое такъ кстати открылъ Тиндаль. Несмотря на живое участіе нашихъ лучшихъ представителей науки и литературы, спорный вопросъ объ общинной позе-

[1]) С.-Петербургскія Вѣдомости, 1866 г. № 346: «Краткій очеркъ» и т. д. Н. М. Сольскаго.

мельной собственности и до настоящаго времени не приведенъ еще къ положительному разрѣшенію: споривщія стороны разошлись, тщетно истощивъ весь запасъ своихъ аргументовъ, не разубѣдивъ одна другой и не добившись даже взаимныхъ уступокъ. Впрочемъ, здѣсь нѣтъ ничего особенно непонятнаго. Сущность аргументаціи противниковъ общины ниже всякой критики въ смыслѣ политическомъ и юридическомъ. Они, повидимому тоже нуждаясь въ «шестомъ чувствѣ», не хотятъ или не могутъ понять тѣхъ неисчислимыхъ въ пользу общественнаго самоуправленія послѣдствій, тѣхъ ничѣмъ незамѣнимыхъ административно-фискальныхъ удобствъ и гарантій, которыя неразрывно связаны съ признаніемъ со стороны закона *полной* имущественной правоспособности за коллективною личностію, обществомъ, общиной. Они не признаютъ, или не понимаютъ всей важности порядковъ, при которыхъ, въ сферѣ имущественныхъ и фискальныхъ интересовъ, и органы государства, и его подданные соприкасаются преимущественно только въ качествѣ юридическихъ лицъ. Они, наконецъ, отвергаютъ политико-экономическую и даже правовую разумность ст. 514 зак. гражд., отрицая возможность *безсрочнаго* или «вѣчнаго» отдѣленія отъ права *собственности* его составной части— права *потомственнаго* «владѣнія или пользованія», какъ особаго права, встрѣчаемаго во французскомъ «emphytéose», нѣмецкомъ «Erbpacht», польскомъ «вѣчномъ чиншѣ» и, въ заключеніе, въ правѣ нашего общиннаго колониста-хозяина. По мнѣнію доктринеровъ-экономистовъ и «докторовъ римскаго права», собственникъ, отрѣшаясь отъ права владѣнія или пользованія въ пользу другого лица, хотя бы и на опредѣленныхъ условіяхъ, но *навсегда*, перестаетъ быть собственникомъ: желая оставаться имъ, онъ-де можетъ распорядиться своимъ правомъ владѣнія *только срочно*. Но почему же это такъ?.. Почему же эта срочность *должна стѣснять* личный произволъ землевладѣльца въ его правѣ распоряженія именно этою составною частію его вотчинныхъ правъ?.. Положимъ, что А, какъ землевладѣлецъ, передалъ свое поземельное владѣніе, по договору, въ потомственное пользованіе В и С. Развѣ акты, укрѣпляющіе за А его собственность, теряютъ отъ этого свою силу и развѣ, на основаніи этихъ актовъ, земство, напримѣръ, не признаетъ за А правъ ценза, или А не можетъ перепродать свое право собственности? Итакъ, гдѣ же «научное» основаніе этой пресловутой срочности, обязательность которой для землевладѣльцевъ еще никому изъ «имущихъ» не приходилось именовать ни «стѣсненіемъ права собственности», ни «опекою», ни «регламентаціею» и т. п. эпитетами. А почему?.. потому что эта *обязательная* для собствен-

ника *срочность* его договоровъ, о передачѣ «права пользованія или владѣнія собственностію» имѣетъ *единственно* и *исключительно* лишь политическій характеръ. Срочность эта своего рода «круговая порука» собственниковъ, при помощи которой они, въ сферѣ поземельнаго владѣнія, путемъ столь хорошо извѣстнаго «срочно-арендннаго» винта, эксплуатируютъ рабочую массу въ пользу немногихъ избранныхъ, удерживая за этимъ же меньшинствомъ и постоянное и болѣе или менѣе безусловное преобладаніе надъ массою. Крайнимъ фокусомъ этой «круговой поруки» представляется поземельный майоратъ.

Рѣшительный поворотъ, наступившій у насъ съ 19-го февраля 1861 г., не можетъ не кончиться тѣмъ, что въ Россіи масса народная сдѣлается такимъ же вотчинникомъ, съ тѣми же вотчинными правами и обязанностями по отношенію къ государству, какимъ до сего времени являлось одно меньшинство. Иначе говоря, русскій народъ, во всей его совокупности, мало-по-малу, по прежнему, обратится въ одну земскую массу, регулируемую сверху обще-государственнымъ режимомъ, а снизу общественнымъ, земскимъ самоуправленіемъ, основаннымъ на гражданской и политической равноправности всѣхъ и каждаго.

Таковъ, по нашему мнѣнію, долженъ быть конечный исходъ предпринятыхъ у насъ реформъ. И безъ этого убѣжденія приходилось бы смотрѣть на нашу ломку, какъ на работу безъ смысла и сознанія.

Но разсматривая, съ этой точки зрѣнія, Положеніе 19-го февраля 1861 г., намъ кажется, что оно не вполнѣ соотвѣтствуетъ тѣмъ конечнымъ результатамъ, которые имѣетъ въ виду преобразовательное законодательсгво. Съ одной стороны, крестьянская реформа носитъ осязательно несомнѣнный признакъ того, что право государственное сознательно стремится стать выше вотчиннаго права, чтобы такимъ образомъ окончательно занять подобающее ему мѣсто во главѣ государственнаго организма. Съ другой же стороны, государственное право, отрѣшаясь отъ вотчинныхъ воззрѣній и пріемовъ, не съумѣло на первыхъ порахъ вполнѣ уяснить себѣ свою задачу, допустивъ въ устройствѣ крестьянъ такое смѣшеніе основныхъ правовыхъ понятій и такія существенныя недомолвки въ частностяхъ, что распутать возникающія отсюда недоразумѣнія и выяснить ихъ практическія послѣдствія можетъ только самый пытливый анализъ.

Основнымъ организмомъ общественнаго устройства поселянъ, какъ по крестьянскимъ положеніямъ, такъ и по уставу о колоніяхъ, является «сельское общество». Что́ же законъ разумѣетъ подъ сельскимъ обществомъ?.. «Колонисты *каждаго селенія*, от-

вѣчаетъ ихъ уставъ, составляютъ мірское онаго общество, которое, обще съ другими подобными же селеніями, образуетъ въ свою очередь округъ (волость)». «Крестьяне, говоритъ общее положеніе 1861 года, составляютъ, *по дѣламъ хозяйственнымъ*, сельскія общества, а для *ближайшаго управленія и суда* соединяются въ волости». Затѣмъ уже, и у колонистовъ, и у крестьянъ, «въ каждомъ сельскомъ обществѣ и въ каждой волости *завѣдываніе общественными дѣлами* предоставляется міру и его избраннымъ», на основаніяхъ, изложенныхъ въ уставѣ и положеніяхъ. Здѣсь сразу поражаетъ насъ, съ одной стороны, полная логичность устава о колоніяхъ, а съ другой — явная непослѣдовательность крестьянскаго положенія, которое въ одномъ случаѣ (ст. 17) лишаетъ сельское общество, именно въ качествѣ *хозяйственной единицы*, собственныхъ органовъ «ближайшаго управленія и суда», относя эти органы исключительно къ «волости», но тутъ же (въ той же самой статьѣ) прибавляетъ, что «завѣдываніе общественными дѣлами» не только въ каждой волости, но и въ каждомъ *сельскомъ обществѣ*, предоставляется «міру и его избраннымъ», какъ будто бы «ближайшее управленіе и судъ» не касаются вовсе «общественныхъ и хозяйственныхъ» дѣлъ и возлагаются притомъ не на «избранныхъ отъ міра», а на какіе-то иные, *невыборные* чины! Но это, по меньшей мѣрѣ странное, смѣшеніе понятій вполнѣ объясняется тѣмъ отрицательнымъ отношеніемъ, въ которое, какъ увидимъ ниже, становятся крестьянскія положенія къ своей же «хозяйственной» единицѣ, къ сельскому обществу, какъ поземельному собственнику. Поэтому, не останавливаясь на настоящемъ обстоятельствѣ, замѣтимъ только, что въ этомъ первомъ коренномъ отступленіи отъ устава о колон. кроется, по нашему убѣжденію, и *первая коренная ошибка* крестьянской реформы. Прямымъ послѣдствіемъ этой ошибки являются: неестественный и практически непригодный *малый* составъ волости (отъ 300 до 2,000 рев. душъ), невозможность организовать волостной судъ въ *двухъ судебныхъ* инстанціяхъ, *дороговизна* волостной администраціи и вообще матеріальное и интеллигентное *слабосиліе* волости, парализующее въ свою очередь силы и развитіе сельскаго общества, какъ по преимуществу хозяйственнаго организма. Очевидно, что наша крестьянская волость не можетъ служить тѣмъ же естественно нормальнымъ звеномъ между сельскимъ обществомъ съ одной, и уѣздною земскою единицею съ другой стороны, какимъ представляется колонистская волость въ 6—12 и даже болѣе тысячъ рев. муж. пола душъ.

«Сельское общество, читаемъ далѣе въ ст. 31 и 32 поло-

женія 1861 года, составляется изъ крестьянъ, *водворенныхъ на землѣ одного помѣщика* (курсивъ въ законѣ): оно можетъ состоять либо изъ цѣлаго селенія (села или деревни), либо изъ одной части *разно*-помѣстнаго селенія, либо изъ нѣкоторыхъ мелкихъ, по возможности смежныхъ, и, во всякомъ случаѣ, ближайшихъ между собою поселковъ (какъ-то: выселковъ, починковъ, хуторовъ, застѣнковъ, односелій или отдѣльныхъ дворовъ и т. д.), *владѣющихъ всѣми угодьями или нѣкоторыми изъ нихъ сообща, или же имѣющихъ другія общія хозяйственныя выгоды*. Крестьяне имѣній, въ коихъ числится не болѣе 20 рев. муж. пола душъ, если крестьяне эти живутъ въ селеніи, принадлежащемъ разнымъ владѣльцамъ, или хотя и въ отдѣльныхъ разнопомѣстныхъ поселкахъ, но не въ дальнемъ одни отъ другихъ разстояніи, соединяются въ *одно* сельское общество, либо присоединяются къ другимъ обществамъ, съ *согласія* сихъ послѣднихъ». Эта редакція, какъ само собою разумѣется, уже по наступленіи 19 февраля 1870 года, окажется анахронизмомъ. Съ устраненіемъ отъ крестьянъ непосредственныхъ отношеній «помѣщика», *единственною основою* сельскаго общества останутся: владѣніе «всѣми или хотя нѣкоторыми угодьями» и «другія общія хозяйственныя выгоды». Итакъ, *общее* землевладѣніе и *общіе* хозяйственные интересы — вотъ нормальный фундаментъ сельскаго общества. Поэтому, казалось бы, что, принявъ это исходное начало, законодательству оставалось направить всѣ свои усилія именно къ тому, чтобы вездѣ и повсюду этотъ общественный фундаментъ организовался также, какъ устраиваются всѣ фундаменты въ цѣломъ мірѣ, т.-е. какъ одно, неразрывно-сплоченное цѣлое, въ томъ конечно убѣжденіи, что рыхлый песокъ или даже бутъ, но бутъ, не скрѣпленный «неприкосновенною» общею связью, не могутъ служить надежнымъ фундаментомъ, особенно для такого громаднаго зданія, какимъ представляется русское государство.

Всѣ бытовые и хозяйственные интересы крестьянъ, а слѣдовательно и ихъ общественная организація, самымъ тѣснымъ, вполнѣ неразрывнымъ образомъ связаны съ *землей*: за какую бы сторону поселянскаго быта мы ни взялись, всегда окажется, что корни ея сидятъ крѣпко въ землѣ, и къ ней же возвращаются всѣ отпрыски этихъ корней. И вотъ почему именно за крестьяниномъ признано безусловное право на земельный надѣлъ. Впрочемъ, права этого и нельзя было не признать за крестьяниномъ уже въ силу 514 ст. зак. гражд., такъ какъ вотчинники, оставивъ за собою право собственности, уже давнымъ давно сами отрѣшились въ пользу крестьянъ отъ права владѣ-

нія или пользованія, хотя-бы только частью своей собственности. Казалось бы, что при такихъ условіяхъ наша крестьянская реформа, опредѣляя поземельные порядки крестьянъ, могла имѣть задачею главнѣйшимъ образомъ одно: перенести вотчинное право казны и помѣщика на коллективную личность — общину, внутреннія же по землѣ правовыя отношенія сообщинниковъ организовать уже въ силу *не частнаго,* а государственнаго права.

Не то встрѣчаемъ мы въ крестьянскихъ положеніяхъ. Допуская «сельское общество», какъ коллективную личность, но въ смыслѣ какой-то своеобразной, не совсѣмъ понятной *хозяйственной единицы*, и отличая пріобрѣтенныя «крестьянскимъ обществомъ или крестьяниномъ» въ собственность «земли мірского надѣла» отъ земель, ими же пріобрѣтенныхъ въ порядкѣ частнаго укрѣпленія, общее положеніе 1861 года стремится, какъ увидимъ ниже, подчинить и тѣ и другія угодья, по праву владѣнія и распоряженія, одинаково и вполнѣ *праву частному*, предоставляя и обществу, и отдѣльнымъ крестьянамъ безпрепятственно «отчуждать оныя, отдавать ихъ въ залогъ и вообще распоряжаться ими, съ соблюденіемъ *общихъ узаконеній*, установленныхъ на сей предметъ для *свободныхъ сельскихъ обывателей*».

Напротивъ, уставъ о колоніяхъ подчиняетъ тому же *частному* праву *однѣ лишь земли*, пріобрѣтенныя колонистами *частнымъ же* порядкомъ, путемъ *частнаго* же укрѣпленія. Что же касается угодій «мірского надѣла», то опираясь на право государственное и руководствуясь политико-экономическими соображеніями, вполнѣ оправданными опытомъ, уставъ о колоніяхъ создалъ *особое мірское поземельное право*, которое оказалось настолько благопріятнымъ для сельскаго быта, что наиболѣе интеллигентныя колонистскія общества всячески хлопочутъ о томъ, чтобы тому же праву подчинить и частное землевладѣніе свое, состоящее внѣ мірского надѣла. Мірское поземельное право *основною хозяйственною единицею* признаетъ не сельское общество, а поселянскій *дворъ-хозяйство*, для котораго дѣйствительно нѣтъ надобности установлять особыхъ «ближайшихъ управленія и суда», но въ то же время не требуется и особаго «міра съ его выборными», такъ какъ здѣсь вступаютъ въ свои права начала семейныя и порядки наслѣдованія, опредѣляющіе правовыя по имуществу отношенія членовъ семьи. Такимъ образомъ, уставъ о колон., въ силу того же государственнаго права и въ полномъ соотвѣтствіи съ насущными интересами народныхъ массъ, призналъ возможнымъ и необходимымъ, во-первыхъ, прерогативы вотчинника на мірской на-

дѣлѣ присвоить одной только *коллективной личности, общинѣ равноправныхъ поселянъ*, за исключеніемъ однако права на *самопроизвольное отчужденіе* общиной своихъ вотчинныхъ прерогативъ, такъ что «мірской надѣлъ» образовалъ здѣсь своего рода *мірской майоратъ*; во-вторыхъ, освободить сообщинниковъ изъ-подъ гнета «обязательной срочности», этого классическаго винта частнаго поземельнаго права, постановивъ нормальный порядокъ, на основаніи котораго право потомственнаго владѣнія или пользованія угодьями мірского надѣла переводится, въ частности, на отдѣльныхъ членовъ общины-собственника; въ-третьихъ, комбинировать эти порядки и прерогативы общины-собственника такимъ образомъ, что отдѣльный членъ общины, какъ непосредственный, на опредѣленныхъ условіяхъ, эксплуататоръ *на себя* извѣстнаго, неизмѣннаго количества мірскихъ угодій, является и полнымъ распорядителемъ—не права собственности, а лишь права потомственнаго пользованія или владѣнія его дворомъ-хозяйствомъ (который онъ только въ этомъ смыслѣ продаетъ, закладываетъ, передаетъ по завѣщанію или инымъ путемъ, и даже дробитъ, но не ниже нормальнаго minimum'а, при чемъ вообще и «неимущему» сообщиннику гарантируется тотъ minimum общинныхъ выгодъ, которымъ гарантируется minimum его политической и гражданской полноправности и экономической обезпеченности, и благодаря которому въ колонистской общинѣ не могутъ возродиться ни древнее рабство, ни близнецъ его новоевропейскій пролетаріатъ, эти выжимки изъ-подъ срочно-арендного пресса частнаго права); и въ-четвертыхъ, вооружить общину-собственника всѣми органами самоуправленія и самосуда, завершая эти порядки въ округѣ или волости, какъ второй инстанціи общественнаго самоуправленія поселянъ и естественно посредствующаго звена между сельскимъ обществомъ и уѣзднымъ земствомъ. Такимъ образомъ, даже и въ хозяйственномъ смыслѣ, колонистская община является вполнѣ юридическимъ организмомъ, и только въ округѣ или волости собственно хозяйственные регулятивы доводятся уже до minimum'а, переходя здѣсь по преимуществу въ отправленія спеціально-ассоціаціонныя и государственныя.

Но возвратимся къ нашимъ доктринерамъ-экономистамъ. Только указанный нами отрицательный взглядъ на правовую и политическую стороны общиннаго вопроса, только взглядъ на наши бытовыя условія, сложившійся путемъ воспріятія чуждыхъ этому быту элементовъ, давалъ противникамъ общины возможность довольствоваться своими исключительно фермерскими воззрѣніями. И они выступали тѣмъ самоувѣреннѣе, что въ ихъ,

повидимому, пользу говорятъ какъ быстрые успѣхи въ сельскомъ хозяйствѣ тамъ, гдѣ срочно-уравнительные передѣлы крестьянскихъ земель уступили мѣсто подворно-участковой собственности свободнаго поселянина (хотя и здѣсь далеко не вездѣ, какъ увидимъ ниже), такъ и относительная отсталость хозяйства нашихъ крѣпостныхъ или полусвободныхъ крестьянъ-общинниковъ. Обѣгая по возможности всесторонняго анализа общинной поземельной собственности, какъ принципа политическаго и гражданскаго, и постоянно указывая одною дланью на востокъ, другою на западъ, наши экономисты этого разряда окончательно увѣровали въ полную непогрѣшимость ихъ выводовъ. Напротивъ, ихъ противники, не зная такого corpus delicti, который осязательно и наглядно подтверждалъ бы ихъ возраженія выводамъ экономистовъ, мало-по-малу умолкли, хотя главнымъ образомъ только вслѣдствіе «не зависѣвшихъ» отъ нихъ обстоятельствъ.

Крестьянское дѣло взяла въ руки сама законодательная власть; всѣ недоразумѣнія, вся путаница понятій, высказавшіяся въ обществѣ и печати, цѣликомъ вошли въ стѣны канцелярій и правительственныхъ совѣтовъ, чему примѣровъ видимъ не мало. Начиная съ 19-го февраля 1861 года, изданъ извѣстный рядъ крестьянскихъ положеній, циклъ которыхъ въ ближайшемъ будущемъ имѣетъ быть пополненъ еще нѣсколькими «мѣстными положеніями». Вообще же говоря, черную работу по устройству крестьянъ нужно считать почти оконченною; настала пора додѣлокъ начисто, подведенія общихъ итоговъ, пора дѣйствительнаго слиянія нашихъ сельчанъ всѣхъ возможныхъ и невозможныхъ наименованій въ одно «сельское состояніе», подчиняющееся одному праву, одному закону, равному для всѣхъ вообще и для каждаго въ отдѣльности.

Но, прежде чѣмъ начать эту отдѣлку, не полезно-ли положительнымъ образомъ провѣрить прочность зданія въ его грубомъ видѣ, начиная съ фундамента и не исключая всѣхъ частностей его? Не желательно-ли строго-критически вглядѣться въ это зданіе, снявъ предварительно всѣ временные лѣса и подпорки, убравъ весь лишній мусоръ и хламъ?... Дѣло, кажется, вполнѣ заслуживаетъ такого вниманія. И сдѣлавши это въ отношеніи крестьянскаго устройства, мы, взамѣнъ огромнаго тома крестьянскихъ положеній, получимъ въ концѣ концовъ относительно весьма небольшую книжку, подъ наименованіемъ *сельскій* или, если угодно, *сельско-судебный уставъ*, книжку, которая должна составить для крестьянъ своего рода евангеліе, обнимать въ *основныхъ*, категорически формулированныхъ, чертахъ

всю ихъ посемейно-общинную организацію и быть вполнѣ доступною пониманію простого человѣка.

Мы не можемъ, конечно, войти здѣсь во всѣ подробности дѣла, но постараемся, въ наиболѣе существенныхъ положеніяхъ новаго крестьянскаго устройства, сдѣлать краткій анализъ собственно ихъ поземельныхъ распорядковъ. Во всѣхъ положеніяхъ 19-го февраля 1861 года, мы прежде всего встрѣчаемся съ основнымъ началомъ, по которому «земля, отведенная въ крестьянскій надѣлъ, на основаніи уставной грамоты, предоставляется, подъ названіемъ *мірской земли*, за установленныя повинности, *въ постоянное пользованіе сельскаго общества*». Здѣсь, въ полномъ согласіи съ ст. 514 зак. гражд. [1]), право постояннаго пользованія, опредѣляемое ближайшимъ образомъ уставною грамотою, передается отъ вотчинника-помѣщика сельскому обществу, которое можетъ затѣмъ сдѣлаться и само вотчинникомъ, т.-е. *полнымъ собственникомъ* отведенной ему земли, или по соглашенію, или на основаніи установленныхъ правилъ. Отсюда, если остаться на почвѣ *частнаго* права, прямой выводъ тотъ, что сельское общество, сдѣлавшись полнымъ собственникомъ, станетъ и къ государству, казнѣ, фиску, и къ своимъ собственнымъ отдѣльнымъ членамъ въ такія же правовыя по землѣ отношенія, въ какихъ находился прежній вотчинникъ-помѣщикъ.

Казалось бы, что, оставаясь вполнѣ послѣдовательнымъ, нужно было постановить, что *сельское общество*, пріобрѣвшее въ собственность поземельныя угодья на основаніяхъ, въ положеніяхъ изложенныхъ, именуется *обществомъ-собственникомъ*. Такъ и сдѣлано въ общемъ положеніи, слова котораго мы привели здѣсь буквально поставивъ только: «сельское общество, общество-собственникъ», вмѣсто употребляемыхъ положеніемъ терминовъ: «крестьяне» и «крестьяне-собственники». Усвоеніе именно этихъ, а не нашихъ, терминовъ имѣетъ, какъ намъ кажется, цѣлью получить какъ бы правовое основаніе (не научное, конечно), въ силу котораго «мірская» земля, и *внутри* общины, исключительно и вполнѣ подчиняется *частному* праву, и *каждому члену* сельскаго общества присвоено *право требовать*, чтобы «изъ состава земли, пріобрѣтенной въ общественную собственность, былъ ему выдѣленъ, въ *частную собственность*, участокъ, соразмѣрный съ

[1]) Въ этой статьѣ сказано: «Но когда частный владѣлецъ, удержавъ за собою право собственности по укрѣпленію, отдѣлитъ отъ него владѣніе и передастъ или уступитъ оное другому по договору, дарственной записи или другому какому-либо акту, тогда сіе отдѣльное владѣніе составляетъ само по себѣ особое право, коего пространство, пожизненность, или срочность опредѣляется тѣмъ самымъ актомъ, коимъ оно установлено».

долею его участія въ пріобрѣтеніи сей земли», или же, взамѣнъ участка натурою, стоимость его въ деньгахъ, по взаимному соглашенію, или по оцѣнкѣ.

Какъ болѣзненно затрогивается здѣсь община, какое обширное поле открывается здѣсь для хищническихъ инстинктовъ личнаго стяжанія, это сознаетъ, повидимому, и законодательство, поспѣшившее тутъ же замѣтить, что «разборъ могущихъ возникать въ сихъ случаяхъ споровъ предоставляется уѣздному мировому съѣзду». Ясно, что указанное право отдѣльныхъ членовъ общины-собственника есть не иное что, какъ своего рода «брешь-баттарея» нашихъ экономистовъ, направленная въ самое сердце общины, именно какъ поземельнаго собственника, такъ что, по мнѣнію экономистовъ, мірская земля должна обратиться не въ общинную собственность, какъ требуютъ того ихъ противники, а въ чисто географическій терминъ, въ миѳъ.

Но кто же изъ сообщинниковъ будетъ въ состояніи и съумѣетъ воспользоваться этимъ правомъ? Конечно, лишь ничтожное меньшинство, именно тѣ «кулаки-міроѣды», которые и безъ того слишкомъ часто, свыше мѣры, сосутъ потъ и кровь большинства своихъ сообщественниковъ, а теперь, съ этимъ *новымъ* правомъ въ рукахъ, окончательно стопчутъ себѣ подъ ноги и «мірскую землю», этотъ до сего времени *единственный* оплотъ противъ ихъ стяжаній. И тогда-то, по увѣреніямъ экономистовъ, Русь покроется сѣтью цвѣтущихъ фермъ, сельское хозяйство воспрянетъ отъ летаргіи, сброситъ рутину и т. д.! Не думаемъ однако, чтобы послѣдніе 7 — 8 лѣтъ не успѣли отрезвить многихъ наивныхъ экономистовъ-утопистовъ, отрезвить по крайней мѣрѣ настолько, что они не окажутся, по прежнему, глухо-слѣпыми къ заявленіямъ дѣйствительной жизни, сборникъ которыхъ мы представили въ книгѣ «Наши колоніи». Напротивъ, мы увѣрены, что знаменательные факты бытовой жизни народовъ, обнаружившіеся даже за этотъ лишь краткій періодъ времени и у насъ, и на западѣ Европы, не могли остаться совершенно безслѣдными, по крайней мѣрѣ въ отношеніи такихъ изъ экономистовъ, которые неспособны злорадствовать въ виду неудачъ, постигающихъ наше освобожденное изъ личной крѣпости крестьянство.

Повидимому, нѣсколько благопріятнѣе обстановлено землевладѣніе бывшихъ «казенныхъ» или государственныхъ крестьянъ, которыхъ новыя о нихъ положенія eo ipso причисляютъ къ разряду «крестьянъ-собственниковъ». Казалось бы, что здѣсь уже ничего не могло быть послѣдовательнѣе, какъ еслибы прежнее вотчинное право казны передать *общинамъ*; но и здѣсь употреб-

денъ терминъ «крестьяне собственники» и тщательно обѣгается терминъ «община-собственникъ». И это, какъ надо полагать, допущено въ томъ предположеніи, что, по мѣрѣ очищенія крестьянскаго надѣла отъ «оброчной подати» и перечисленія его въ разрядъ земель, этой подати неподлежащихъ, «мірская» поземельная собственность должна будетъ и здѣсь подчиниться тому же общему положенію 19-го февраля 1861 года, т.-е. дѣйствію той же брешъ-баттареи, о которой мы упомянули выше; спрашивается: какое же именно значеніе могутъ имѣть «владѣнныя записи» и «люстраціонные акты» въ смыслѣ укрѣпленія за крестьянами ихъ *мірского* землевладѣнія?...

Къ сожалѣнію, мы и здѣсь еще не видимъ того прочнаго устройства или улучшенія быта крестьянъ *по землѣ*, которое было и остается существенною задачею крестьянской реформы. И главнымъ образомъ мы думаемъ, что настоящій *способъ* превращенія внутреннихъ поземельныхъ распорядковъ общины изъ обычныхъ въ юридическіе, т.-е., способъ разчлененія сельско-общественнаго устройства, весьма неудаченъ, повернувъ прямо на дорогу, по которой идя, plebs rustica, этотъ наиболѣе охранительный элементъ древняго Рима, мало-по-малу терялъ свою земельную собственность, а съ нею и свои муниципальные порядки и консервативную политическую силу. И земля, и богатства, и власть, въ силу исключительно *частнаго права*, постепенно стягивались въ руки оптиматовъ, а прежній plebs rustica—въ составъ plebs urbana, capite censi, являясь здѣсь уже элементомъ не силы и охраненія, а напротивъ, главнѣйшимъ орудіемъ и источникомъ тѣхъ трагическихъ послѣдствій, которыя привели римскую имперію къ соціальному разстройству и политическому паденію. По той же дорогѣ, какъ выше указано, давно шелъ и самый Западъ, хотя конечно въ нѣсколько иныхъ формахъ и комбинаціяхъ. Ядро же римской имперіи—Италія, и до настоящаго времени, болѣе другихъ странъ, испытываетъ особенно роковыя бѣдствія главнымъ образомъ по причинѣ отсутствія въ ней организованнаго plebs rustica, который служилъ бы противовѣсомъ противъ инстинктовъ плебса городского.

Первый несомнѣннѣйшій признакъ всякаго улучшенія бытового *права* — это положительная ясность, строгая опредѣлительность закона, а этихъ-то существенныхъ признаковъ мы не встрѣчаемъ въ крестьянскихъ положеніяхъ, какъ встрѣчаемъ въ опредѣленіи поземельныхъ правъ колонистовъ. И въ самомъ дѣлѣ, что могло бы быть яснѣе, опредѣлительнѣе положенія: «всѣ отведенныя подъ поселеніе колонистовъ земли присвоены имъ въ неоспоримое и вѣчно потомственное владѣніе, но не въ личную кого-либо,

а въ общественную каждой колоніи собственность». Или: «посему, какъ далѣе сказано въ уставѣ о колон., колонисты не могутъ ни малѣйшаго участка изъ земель ихъ, подъ какимъ бы то видомъ ни было, безъ воли учрежденнаго надъ ними начальства, ни продавать, ни уступать и никакихъ на то крѣпостей совершать, дабы оныя земли никогда въ *постороннія* руки достаться не могли». Это послѣднее правило, впрочемъ столь же ясное какъ и первое, очевидно отзывается «попечительствомъ», этимъ третьимъ предметомъ ужаса у нашихъ экономистовъ. Но еслибы выкинуть здѣсь слова «безъ воли учрежденнаго надъ ними начальства», замѣнивъ эту чиновничью опеку *попечительствомъ закона*, и еслибы вмѣсто «колонисты» сказать «община-собственникъ», обративъ этимъ путемъ «мірской надѣлъ» въ безусловный «мірской поземельный майоратъ», то развѣ такой законъ повредилъ-бы свободному хозяйственно-имущественному развитію нашихъ крестьянъ?... Даже *безъ* нашихъ *поправокъ*, т.-е. при лишь условномъ «мірскомъ майоратскомъ началѣ», приведенный законъ во всякомъ случаѣ не помѣшалъ нашимъ колонистамъ достигнуть такого *обезпеченнаго* благоустройства, какого трудно пріискать даже на западѣ Европы. Не могъ законъ этотъ служить и препятствіемъ ни къ продажамъ и переуступкамъ хозяйственныхъ участковъ между однообщественниками, съ полученіемъ хозяиномъ-продавцомъ по меньшей мѣрѣ *полной стоимости* хозяйства со всѣми его угодьями и улучшеніями, ни къ введенію въ колоніяхъ ипотекарной системы и вообще разумнаго *поземельнаго* кредита. Напротивъ, мы готовы думать, что именно это ограниченіе общинъ-собственниковъ въ правѣ отчужденія своихъ земель и способствовало здѣсь скорѣйшему и столь успѣшному введенію системы ипотекъ. Нынѣ, и давно уже, наилучше организованныя колонистскія водворенія вовсе не нуждаются въ подобномъ попечительномъ законѣ, какъ впрочемъ вообще колонисты не могутъ нуждаться и въ правѣ *продажи* своихъ земель, если напрягаютъ всѣ силы для пріобрѣтенія *новыхъ* земель десятками тысячъ десятинъ.

Но таково-ли положеніе нашихъ крестьянъ въ смыслѣ какъ экономическаго устройства, такъ и интеллектуальнаго развитія? Кто же рѣшится утверждать, что наши безграмотные крестьяне не нуждаются въ законодательныхъ гарантіяхъ несравненно болѣе чѣмъ крупные, высокообразованные землевладѣльцы, которые однако не считаютъ излишнимъ для себя *ограниченіемъ* ни «обязательную срочность» ихъ поземельныхъ договоровъ, ни поземельный майоратъ, испрашиваемый ими, напротивъ, какъ «осо-

бая милость»?... Подражая нашимъ экономистамъ, мы одной рукой, укажемъ на наши крестьянскія общины, а съ другой — на наши же общины-майораты колонистскіе, но отнюдь не на Западъ, отъ поземельныхъ условій котораго сознательно отворачивается общинникъ-колонистъ, русское же крестьянство, въ массѣ, инстинктивно открещивается. Этого не могутъ не знать только тѣ, которые, имѣя уши, не слышутъ, и имѣя глаза, не видятъ. (Нѣсколько важныхъ фактическихъ указаній о значеніи «неотчуждаемой общинной земли» читатель найдетъ въ книгѣ «Наши колоніи» стр. 133—139 и 302—304).

Ставя, какъ выше объяснено, общинную поземельную собственность подъ роковые удары кулаковъ-міроѣдовъ, законодательство не могло конечно имѣть цѣлью—подорвать въ самомъ корнѣ сущность громадной реформы. Очевидно, оно имѣло лишь въ виду ввести въ среду самой общины начала личнаго почина, вызвать въ пей легальнымъ путемъ мирную борьбу двухъ началъ, личнаго и общиннаго, и такимъ образомъ побудить нашихъ общинниковъ къ усиленной самодѣятельности умственной, гражданской и экономической. Именно въ этой, а не въ иной цѣли законодательства убѣждаетъ насъ новѣйшее царанское положеніе, по словамъ котораго «земля, состоящая въ надѣлѣ поселянъ, ни вполнѣ, ни частію, не можетъ, ни въ какомъ случаѣ, поступить въ окончательное распоряженіе землевладѣльца, а образуетъ *неприкосновенную* землю поселянскаго надѣла, предназначенную *для постояннаго обезпеченія быта всего земледѣльческаго сословія*. Вообще, замѣтимъ кстати, по краткости, ясности и полной послѣдовательности, мы должны отдать полную справедливость прежде всего положенію царанъ (6 сентября 1868 г.), а затѣмъ положенію трехъ югозападныхъ губерній. Всѣ же остальныя положенія отличаются чрезвычайною сбивчивостію, доходящею въ великороссійскомъ до апогея, такъ какъ здѣсь преобладаетъ забота объ устройствѣ большихъ и малыхъ брешъ-баттарей противъ общинной поземельной собственности.

Если окончательному, безповоротному закрѣпленію за «цѣлымъ земледѣльческимъ сословіемъ» земель крестьянскаго надѣла принадлежитъ наше полное, искреннѣйшее сочувствіе, то съ другой стороны не можемъ не содрогаться, раздумывая о тѣхъ крайне печальныхъ послѣдствіяхъ, къ какимъ *неминуемо* приведетъ реформа, если не будетъ исправлена роковая ошибка въ самомъ *способѣ*, усвоенномъ въ законодательствѣ какъ для замѣны общинныхъ передѣловъ наслѣдственно-участковою системою, такъ и для упроченія послѣдней.

«Обыкновенно, говоритъ Блунчли [1]), ставятъ вопросъ такъ: индивидуализмъ или соціализмъ; индивидуальная свобода или централизованная власть?... Но, по нашему убѣжденію, ошибка кроется уже въ самой постановкѣ вопроса, который всегда выдвигаетъ только одну сторону, скрывая въ тоже время другую. Вся логическая и практическая опасность заключается здѣсь въ *односторонности* обоихъ принциповъ, на *взаимной связи* которыхъ зиждется *истинное* право». Мы крайне далеки отъ того, чтобъ заявлять себя поклонникомъ Блунчли; но въ этихъ немногихъ словахъ выраженъ, по нашему мнѣнію, вполнѣ тотъ общій основной законъ, котораго *правильное* примѣненіе ведетъ народы неуклонно по пути дѣйствительнаго, прочнаго прогресса. Напротивъ, отрицаніе или хотя бы только *ненормальное практикованіе* этого же закона есть своего рода mala fide судьбы того народа, который постигается такимъ несчастіемъ.

Но что же имѣетъ общаго этотъ законъ съ вопросомъ о крестьянской поземельной собственности?... спросятъ иные. Намъ кажется, отвѣтимъ мы, что основной процессъ, открываемый какъ въ мірѣ физическомъ и экономическомъ, такъ и въ области политико-соціальныхъ интересовъ, повсюду одинъ и тотъ же: взаимодѣйствіе и ассоціація разнородныхъ элементарныхъ силъ. Этотъ процессъ, одинаково повторяющійся въ органической и неорганической природѣ, въ человѣкѣ и его имущественныхъ интересахъ, состоитъ изъ непрерывной цѣпи построеній параллелограмма силъ, словомъ, изъ непрерывнаго ряда попытокъ — въ той или иной комбинаціи достигнуть устойчивости и равновѣсія, не жертвуя, такъ сказать, *легальною* самобытностію какого бы то ни было изъ дѣйствующихъ агентовъ. Но абсолютной устойчивости, безусловнаго равновѣсія нѣтъ и быть не можетъ; абсолютное равновѣсіе равно полной парализаціи силъ, а эта парализація, будучи лишена всякихъ видимыхъ признаковъ жизни, есть смерть. Слѣдовательно, жизнь и ея проявленія обусловливаются прежде всего постоянною, никогда не прерывающеюся борьбою основныхъ элементовъ, ассоціировавшихся въ организмъ. Безъ этой борьбы не было бы жизни ни индивидуальной и общественной, ни нравственной и экономической.

«Но, говоритъ Руссдорфъ [2]), природа въ тоже время и философъ, мысль котораго развивается въ идеяхъ гигантскихъ, неизмѣримыхъ; для изолированнаго ограниченнаго принципа здѣсь

---

[1]) Russische Fragmente, von Fr. Bodenstedt. 1862. Band II, pag. 42.

[2]) Die gesammten Naturwissenschaften von Dippel, Gottlieb etc. Band II, pag. 3—5.

нѣтъ мѣста; постоянно открывается новый циклъ, циклъ болѣе обширный, но въ тоже время и менѣе сложный, менѣе искусственный, въ которомъ исчезаетъ прежняя спутанность. Въ неорганической природѣ открываютъ живыя, физіологическія силы; элементы представляются одушевленными способностію своеобразной, живой самодѣятельности, и невѣсомые агенты великой природы—свѣтъ, теплота и электричество—заявляютъ себя главнѣйшими двигателями органической жизни. Даже въ физіологіи мы теперь уже не отказываемся признавать только такіе аналитическіе выводы или законы, которые, по меньшей мѣрѣ приблизительно, имѣютъ характеръ физикальный, т.-е. ту наглядность и ясность, которыя вносятся въ естествознаніе мѣрою и вѣсомъ. Поэтому, лучшіе наши мыслители и въ области физіологіи именуютъ свои достовѣрныя, научныя изслѣдованія—просто физическими, и, по моему мнѣнію, если неуклонно слѣдовать по этому направленію, не далеко то время, когда начнетъ выработываться *физіологія космоса*, такъ что для науки и сферы познаванія повсюду будетъ одна лишь жизнь и ничего мертваго».

Итакъ, спросимъ мы въ свою очередь читателей, могутъ ли человѣкъ и общество, послѣднее какъ личность коллективная, отрѣшиться отъ воздѣйствія на нихъ физической природы? И можетъ ли, въ свой чередъ, земля-территорія не подчиниться тому же основному закону, который господствуетъ, проникаетъ и поддерживаетъ самобытность и саморазвитіе общества, занимающаго эту территорію?... Слѣдовательно, нормальнымъ основаніемъ для истиннаго права можетъ служить только тотъ именно законъ землевладѣнія, въ которомъ заключается правильная комбинація двухъ элементарныхъ началъ — общиннаго и личнаго. Но общество немыслимо безъ нѣкотораго ограниченія личнаго произвола каждаго изъ его сочленовъ, или, иными словами, общество только и мыслимо тамъ, гдѣ общественному началу гарантируется извѣстное главенство надъ началомъ личнымъ, также какъ существованіе государства обусловлено извѣстными прерогативами государственнаго права предъ частнымъ. И вся трудность соціальной задачи заключается главнымъ образомъ именно въ томъ, чтобы для каждаго общественнаго организма, начиная съ поселянскихъ двора и общины, и кончая государствомъ, найти и установить закономъ тѣ демаркаціонныя линіи, которыми опредѣляются какъ взаимныя права и обязанности государства, коллективныхъ обществъ, общинъ и отдѣльныхъ дворовъ, такъ и взаимныя же права и обязанности ихъ составныхъ частей или личностей. Для правильнаго же разрѣшенія этой, до крайности сложной задачи, необ-

ходимо постоянно имѣть въ виду, что, какъ уже замѣчено, абсолютное равновѣсіе силъ въ организмѣ равнялось бы параличи силъ, застою, смерти. Не допускать общественной организаціи до подобнаго результата, опять есть прямая обязанность законодательства, такъ какъ колебательное, въ опредѣленныхъ закономъ, строго обусловленныхъ свойствами даннаго организма границахъ, движеніе двухъ главныхъ агентовъ общества, т.-е. началъ общиннаго и личнаго, есть весьма существенное условіе его прогрессивнаго саморазвитія, его самобытной жизни или самоуправленія, точно также, какъ колебательное движеніе земной оси по отношенію къ солнцу составляетъ одно изъ существенныхъ условій обитаемости и органической жизни нашей планеты.

Но объяснимъ нашу мысль примѣромъ, которымъ пусть послужитъ молочанскій меннонитскій округъ, подробно описанный въ книгѣ «Наши колоніи». Населеніе раздѣляется здѣсь на слѣдующіе, въ принципѣ, *безусловно равноправные* классы (стр. 154):

1) владѣльцевъ 65-ти десят. двора	1290	1612 хозяевъ, Wirthe
2) » $32\frac{1}{2}$ »	322	
3) Anwohner'овъ съ $\frac{1}{2}$ дес. усадьбою и 12 д. надѣла	1304	1493 Anwohner'а
4) » » безъ надѣла	189	
5) Работниковъ, не имѣющихъ ни усадебной осѣдлости, ни полевого надѣла, но платящихъ поголовный окладъ,		1304 Einwohner'а.

Главный органъ общественнаго самоуправленія—это, какъ извѣстно, сельскій сходъ, на который въ настоящее время допускается одинъ представитель отъ каждаго *двора*. Слѣдовательно, 1304 работника политически-безправны, что́ конечно положеніе ненормальное и требуетъ исправленія. Затѣмъ остаются у насъ Wirthe и Anwohner'ы, численное отношеніе которыхъ указываетъ въ тоже время и политическую силу каждаго класса, по вліянію на дѣла общественнаго самоуправленія. Кромѣ того ясно, что воззрѣнія и интересы обоихъ политически-полноправныхъ классовъ далеко не вполнѣ тождественны, и что интересы политически-неполноправныхъ работниковъ несравненно ближе совпадаютъ съ интересами Anwohner'овъ, стремящихся подвинуться въ званіе Wirth'а, хозяина.

При настоящемъ численномъ отношеніи, на сходѣ первенствуютъ хозяева, которые могли бы довести свое первенство даже до полнаго господства (до $\frac{2}{3}$ голосовъ на сходѣ), допустивъ раздѣлъ своихъ 65-ти-десятинныхъ дворовъ на дворы половинные, а затѣмъ, смотря по обстоятельствамъ, частью и на четвертные,

т.-е. до *крайняго предѣла* дробленія, допускаемаго въ колоніяхъ. Anwohner'ы въ этомъ отношеніи безсильны, такъ какъ число ихъ можетъ увеличиваться только путемъ пріобрѣтенія *отъ хозяевъ же новыхъ малыхъ усадебъ.*

При такой постановкѣ дѣла, хозяева—своего рода консерваторы, Anwohner'ы—умѣренные прогрессисты, Einvohner'ы—радикалы, въ смыслѣ демократическомъ. Исключенія есть, конечно, но въ общемъ наша характеристика вѣрна.

Теперь, чтобы оживить сходъ, въ смыслѣ легальнаго прогрессивнаго самоуправленія, необходимо усилить въ немъ прогрессивный элементъ, придавъ къ нему нѣкоторый процентъ радикаловъ, т.-е. представителей отъ рабочихъ. Правовымъ основаніемъ служатъ здѣсь общинная поземельная собственность, поголовный налогъ и круговая порука. Итакъ, *законъ* постановляетъ: «взрослые работники, не владѣющіе ни усадебною осѣдлостью, ни полевымъ надѣломъ, но платящіе поголовный окладъ, посылаютъ на сходъ по одному выборному отъ каждыхъ 10-ти человѣкъ сихъ работниковъ». Такимъ образомъ, мы получимъ 1612 хозяевъ противъ 1613 An- и Einwohner'овъ. Хозяева, желая удержать за собою преобладаніе, могутъ, какъ сказано, дробить свои хозяйства до извѣстнаго нормальнаго minimum'а, но къ этой мѣрѣ они прибѣгаютъ вообще крайне неохотно, да она къ тому же является и безполезнымъ палліативомъ, такъ какъ число окладныхъ рабочихъ постоянно растетъ путемъ нарожденія. Поэтому-то остается одно: пріобрѣтать по мѣрѣ надобности новыя земли и выдѣлять на нихъ неудобный въ коренномъ поселеніи избытокъ An- и Einwohner'овъ, а этого-то именно и нужно было добиться послѣднимъ, которые, водворившись особымъ обществомъ-собственникомъ, сразу обращаются въ хозяевъ-консерваторовъ.

Такимъ образомъ, процессъ этотъ можетъ продолжаться до того времени, когда и негдѣ и не отъ кого будетъ пріобрѣсти новыя земли. Но тогда уже, и вѣроятно гораздо ранѣе этого отдаленнаго періода, на нашихъ общинныхъ поляхъ будетъ работать паръ, излишки же общинныхъ рабочихъ силъ будутъ заняты на общинныхъ же паровыхъ фабрикахъ, заводахъ и т. д. Во всякомъ случаѣ, загадывать не будемъ; все это явится само собою, сообразуясь съ обстоятельствами и бытовыми потребностями. Разные «всемірные культиваторы», наборщики-автоматы, воздухоплавательныя и подводныя лодки и т. д. и т. д. хотя до сего времени все еще для практика почти одно лишь «мечтаніе пустое», но недалеко то время, когда эти и подобныя имъ мечтанія человѣческаго генія получатъ такое же обширное зна-

ченіе, какое на нашихъ глазахъ вытребовало себѣ дѣло желѣзно-дорожное. Паръ уничтожитъ мелкое ручное земледѣліе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и мелкую поземельную собственность, также безпощадно, какъ въ свое время поглотилъ и продолжаетъ поглощать всѣ цеховыя ручныя мастерства и промыслы. Но для нашей поземельной общины эта грядущая сила пара не страшна; наша община съумѣетъ овладѣть ею и обратить ее въ свою пользу, тогда какъ весь классъ мелкихъ собственниковъ потеряетъ изъ-подъ себя почву и обратится въ общую массу капитало-кабальнаго, безпріютнаго пролетаріата.

Вотъ то колебательное движеніе въ общинѣ, о которомъ мы упомянули и которымъ обусловливается возможность общиннаго саморазвитія и самоуправленія, безъ опеки и вмѣшательства административныхъ властей. И понятно само собою, что тоже условіе необходимо приложить и къ личному составу волостного схода.

Но теперь, быть можетъ, и нашихъ доктринеровъ-экономистовъ посѣтитъ сомнѣніе—не на самомъ ли дѣлѣ они напрасно ратовали и противъ общинной поземельной собственности, и противъ поголовнаго налога, и наконецъ противъ круговой поруки? Они, быть можетъ, поймутъ также ту, повидимому, странную игру въ великодушіе, которая разыгрывается на Молочнѣ между хозяевами съ одной, An- и Einwohner'ами съ другой стороны, когда первые, обезпечивая за послѣдними различныя общинныя выгоды, отвергаютъ однако ихъ настоятельныя требованія допустить и ихъ тоже къ несенію повинностей («Наши колоніи», стр. 211 — 222). Не вполнѣ ли объясняется этимъ примѣромъ и извѣстная мысль Лассаля, когда онъ, отстаивая одновременно и принципъ «всеобщаго народнаго голосованія» и систему «пропорціональнаго подоходнаго обложенія», добивался передачи въ руки народной массы того податного винта, которымъ распоряжается въ настоящее время поземельная и денежная аристократія?...... Наконецъ, не дѣлаются ли здѣсь вполнѣ понятными и слова А. Леонгарда, когда онъ говоритъ: «Петру Великому нужно было, — а это-то онъ и сдѣлалъ, — *перевернувъ* податной рычагъ Солона, ухватиться за его *новоклассическій конецъ*, для проложенія *обще-равноправія во всемъ человѣческомъ составѣ государства*» [1]. Впрочемъ, кажется, и нѣкоторыя изъ нашихъ земствъ съумѣли отлично направить этотъ податной винтъ, раздѣливъ земли на разряды, включивъ въ первый разрядъ *всѣ*

[1]) «Нѣсколько словъ о нашихъ финанс. учрежденіяхъ». А. Леонгарда. Спб. 1869, стр. 16.

крестьянскія земли, а владѣльческія преимущественно во 2 и 3 разряды. Обложивъ первый разрядъ относительно весьма высокимъ окладомъ, они, т.-е. земства, съумѣли главную тягу земскихъ сборовъ навалить на крестьянъ, «обѣливъ» болѣе или менѣе всѣ прочія земли. Но не долженъ ли подобный порядокъ тоже повести къ Лассалевской пропагандѣ?! Объ этомъ не мѣшало бы нашимъ земскимъ дѣятелямъ подумать заблаговременно, пока крестьянство наше еще не окончательно разорено и придавлено.

Та же самая «игра въ великодушіе», а также возникавшія за послѣднее время частныя жалобы относительно стѣсненія хозяевами, при рѣшительномъ преобладаніи ихъ въ нѣкоторыхъ обществахъ, права An- и Einwohner'овъ на безплатный выпасъ скота, относительно стремленія тѣхъ же хозяевъ не допускать слитія полевого надѣла Anwohner'овъ съ ихъ мірскимъ надѣломъ и т. д., подаютъ, какъ кажется, достаточный поводъ желать еще нѣсколько специальныхъ гарантій собственно въ пользу Einwohner'овъ, такъ какъ ихъ насущные интересы очевидно еще не вполнѣ обезпечены при *настоящемъ* личномъ составѣ сельскаго схода. Именно, мы признаемъ положительно необходимымъ, независимо отъ указаннаго выше представительства отъ Einwohner'овъ на сельскомъ сходѣ, постановить еще:

1) На мірскія надобности, и въ томъ числѣ на составленіе постояннаго фонда на предметы устройства избытка населенія, сверхъ сборовъ съ предметовъ обложенія, община вправѣ, приговоромъ не менѣе двухъ третей поселянъ, имѣющихъ право быть на сходѣ, установлять и дополнительный поголовный налогъ, но съ тѣмъ ограниченіемъ, чтобы къ этому налогу были *уравнительно* привлекаемы непремѣнно всѣ работники общины, отъ 18-ти до 60-ти лѣтъ включительно, и чтобы годичный мірской окладъ работника ни въ какомъ случаѣ не превышалъ рабочаго оклада въ пользу казны (или же того оклада, какой получится по разверсткѣ на работниковъ годичнаго итога уплачиваемой обществомъ подушной подати).

2) Къ безплатному выпасу на общественномъ выгонѣ, общество отъ каждой семьи, не исключая и проживающихъ на наемныхъ квартирахъ безземельныхъ, обязано безпрепятственно допускать не менѣе двухъ головъ крупнаго скота, или же соотвѣтственное число мелкаго (считая каждые 5-ть штукъ мелкаго скота за одну голову), и

3) Всѣ сборы съ предметовъ обложенія и вообще всѣ повинности, за исключеніемъ одной лишь общей рекрутской, относятся до однихъ домохозяевъ, владѣющихъ угодьями мірского надѣла.

Какъ скоро положительное законодательство усвоитъ себѣ эти нормы, тогда уже въ *колонистской* общинѣ окажутся окончательно гарантированными наиболѣе насущные интересы *всѣхъ* классовъ населенія, и общинное самоуправленіе не можетъ не работать надъ своимъ саморазвитіемъ съ полнымъ успѣхомъ, если, конечно, нормальному теченію дѣлъ не помѣшаетъ грубое насиліе извнѣ — фискальное, юридическое или иное.

Теперь читатель, съ книгой «Наши колоніи» въ рукахъ, можетъ и самъ достроить себѣ ту *юридическую поземельную общину*, которую мы рекомендуемъ, какъ нормальный общественный организмъ нашихъ крестьянъ. «Но,—приходилось намъ слышать,—почему мы такъ усердно рекомендуемъ нашимъ младшимъ братьямъ общинное построеніе, когда сами для себя заботимся о преобладаніи личности? Не будетъ ли это коварно съ нашей стороны? Вы указываете намъ на колоніи нѣмцевъ у насъ; но не состоитъ ли ихъ преимущество главнымъ образомъ въ томъ, что колонисты наши собственно дѣти той Европы, которой порядки вы рисуете такими мрачными красками»? На вопросы эти отвѣтимъ вопросами же. Рекомендуя общинное построеніе, развѣ мы не имѣемъ въ виду обстановить необходимыми гарантіями *именно личность* «младшихъ братьевъ»?... Если же мы не заботимся, а напротивъ возстаемъ противъ преобладанія личности надъ общиннымъ принципомъ, то это не потому ли только, что *иного нѣтъ* способа обезпечить за *личностью* «младшаго брата» хотя бы той ничтожной доли благъ, которая для насъ съ вами, любезный оппонентъ, по отношенію *къ самимъ себѣ*, показалась бы уже конечно не благомъ? И не въ томъ ли вся бѣда, что преобладанія личности мы искали до сего времени главнымъ образомъ, или даже исключительно, только для самихъ себя, а не для массы тружениковъ?... А примѣръ колоній не важенъ ли въ нашемъ вопросѣ именно потому, что колонисты — дѣти той Европы, но дѣти, *бѣжавшія* отъ тамошнихъ стѣсненій и нашедшія себѣ у насъ общественную организацію, которую сами же прославляютъ теперь, какъ идеалъ земледѣльческаго устроенія? Спрашивается: на чьей же сторонѣ коварство и противъ кого именно? Или, съ точки зрѣнія и государственной пользы, и собственныхъ интересовъ младшихъ братьевъ, ихъ «мірской поземельный майоратъ» оказывается менѣе полезнымъ, нежели «единоличный майоратъ» для *частныхъ* землевладѣльцевъ, которые, по словамъ Милля, «обогащаются, такъ-сказать, во время сна, ничего не дѣлая, ничѣмъ не рискуя, ничего не сберегая»?...

Итакъ, поселянскій дворъ, не подлежащій дробленію ниже

извѣстнаго minimum'а и вполнѣ огражденный, въ этомъ отношеніи, закономъ; закономъ же опредѣленная невозможность стягивать въ однѣ руки два или болѣе нормальныхъ двора; рядомъ съ земледѣльческими дворами извѣстное число ремесленно-промысловыхъ усадебъ; наконецъ, болѣе или менѣе значительное число тѣхъ и другихъ дворовъ, состоящихъ въ *потомственномъ пользованіи* ихъ хозяевъ и неразрывно связанныхъ по землѣ *принципомъ общиннымъ* въ одно мірское общество-собственника,— вотъ въ существеннѣйшихъ чертахъ то ядро крѣпкой, богатой и благоустроенной юридической поземельной общины, которая является краеугольнымъ камнемъ всѣхъ хозяйственныхъ и интеллигентныхъ успѣховъ нашихъ южныхъ колонистовъ. По самой сущности этой организаціи, хозяева составляютъ здѣсь своего рода поземельную аристократію, въ составѣ которой могутъ удержаться только земледѣльцы-спеціалисты и около которой ассоціируются спеціалисты же ремесленники, промышленники и торговцы, а также нѣкоторый процентъ безземельныхъ работниковъ. Эти послѣдніе, численно увеличиваясь постояннымъ приливомъ въ ихъ разрядъ бо̀льшей части всего вновь нарождающагося населенія цѣлой общины и представляемые на сходахъ чрезъ своихъ выборныхъ, число которыхъ должно сообразовываться исключительно съ численностью рабочаго класса, т.-е. постепенно и неуклонно возрастать, являются тѣмъ рычагомъ, благодаря которому подворные хозяева, *ради собственныхъ интересовъ*, побуждаются къ заботѣ объ устройствѣ избытка населенія внѣ общины. И эта забота удовлетворяется уже въ волостной организаціи. Сельское общество, въ настоящемъ составѣ, ассоціируя свои средства, смотря по надобности, въ волостяхъ значительнаго размѣра (до 6 — 15 тыс. рев. муж. пола душъ), выводитъ наслоивающійся вокругъ общинно - земледѣльческаго ядра избытокъ населенія на сторону, въ составѣ такихъ же общинъ, на земли, вновь пріобрѣтаемыя на счетъ волости. Слѣдовательно, здѣсь общинно-земледѣльческій организмъ, такъ-сказать путемъ естественнымъ, рождаетъ организмы совершенно однородные съ нимъ по плоти, крови и конструкціи. И понятно само собою, что дѣло это не всегда можетъ обойтись безъ пособія акушера, особенно тамъ, гдѣ общество не готовилось къ кризису заблаговременно. Впрочемъ, и въ такихъ случаяхъ главнѣйшія усилія родо̀въ требуются, конечно, не отъ акушеровъ (закона—государства), получающихъ напротивъ свой законный гонорарій, а отъ самой общины-родильницы, при посредствѣ волостныхъ банковъ.

Западъ Европы, въ силу историческихъ судебъ, утерялъ сель-

ско-ассоціаціонный по землѣ принципъ и естественное основаніе его — мірскую или общинную поземельную собственность. Но Европа, какъ въ свое время и Римъ, осталась вполнѣ послѣдовательна: вмѣстѣ съ общинною поземельною собственностію, она уничтожила и сельскую «муниципію» или, въ нашемъ смыслѣ, сельское общество, какъ самостоятельный органъ государственнаго организма. Она обращаетъ нарождающееся населеніе безповоротно въ мелкихъ, срочныхъ арендаторовъ, а затѣмъ уже и въ составъ бездомнаго пролетаріата — capite censi, plebs urbana — со всѣми ужасающими аттрибутами этой среды. Оба класса сельскаго и городского пролетаріата не иное что, какъ прежніе крѣпостные рабы; это — экономическое рабство, облеченное только въ новую, болѣе современную форму, рабство, изъ котораго почти единственный выходъ есть или соціальный переворотъ, или выселеніе изъ родины навсегда, въ края съ территоріальнымъ просторомъ. Правда, западный простолюдинъ — арендаторъ или пролетарій — de jure вполнѣ свободенъ и граждански полноправенъ; но кровавый трудъ его безжалостно эксплуатируется капиталомъ во всѣхъ видахъ. На долю несчастнаго труженика достаются одни жалкіе объѣдки, не всегда достаточные даже для спасенія его отъ голодной смерти; и благо, и бѣды раба западнаго поземельнаго строя ни до кого, въ особенности, не касаются. Всѣ, предоставленныя ему, «личныя» права приводятъ его лишь къ болѣе ясному сознанію всей тягости его положенія, нисколько не содѣйствуя измѣненію дѣла къ лучшему. Безвыходно удрученный нравственной и матеріальной нищетой, онъ фактически и безнадежно лишенъ всякой возможности дать своимъ правамъ дѣйствительное примѣненіе. Съ актами и хартіями въ рукахъ на личную свободу и полное гражданское равноправіе, пролетарій цивилизованнаго Запада или умираетъ съ голоду, или ссылается въ каторгу за кусокъ хлѣба, украденный имъ только ради спасенія себя и семьи своей отъ голодной смерти, и никому нѣтъ дѣла ни до безвременной погибели его, ни тѣмъ менѣе до благовременнаго и прочнаго устройства его судьбы. Принимаемыя со стороны государства и частныхъ обществъ мѣры къ предупрежденію пауперизма въ массахъ пролетаріата оказываются, въ концѣ концовъ, только жалкими палліативами, нисколько не останавливающими ужасныхъ, но логическихъ выводовъ историческаго хода развитія — въ цѣломъ [1]).

---

[1]) Ассоціацій по системамъ Шульце-Делича, Лассаля и др., задавшихся организаціею ремесленныхъ и промысловыхъ силъ и труда, мы не касаемся, какъ элементовъ по преимуществу *городскихъ*, а не *сельско-земледѣльческихъ*, у которыхъ главную

Въ виду этого, самъ собою представляется вопросъ: заслуживаетъ ли безземельное населеніе, и въ томъ числѣ батраки нашихъ колоній, названія пролетаріата въ западно-европейскомъ смыслѣ?... Конечно, нѣтъ. Во-первыхъ, въ составѣ безземельнаго населенія колоній мы находимъ немалое число людей капитальныхъ, иногда даже милліонеровъ; извѣстный богачъ Фальцъ-Фейнъ въ своей колоніи числится въ разрядѣ безземельнаго класса. Во-вторыхъ, безземельный колонистъ вообще вполнѣ равноправенъ со всѣми своими однообщественниками не только лично, по состоянію и общественному имуществу, но, *въ принципѣ*, и по праву на мірскую *поземельную* собственность. Въ-третьихъ, устраняемый *временно* отъ земледѣльческихъ занятій на земляхъ общественнаго владѣнія, безземельный колонистъ, въ чертѣ мірского надѣла, сохраняетъ за собою преимущественное право на производство всякаго рода ремеслъ, промысловъ и торговли, а существующій запросъ дѣлаетъ эти занятія выгодными. Къ тому же общество обезпечиваетъ за безземельнымъ своимъ членомъ и его потомствомъ необходимое воспитаніе въ церкви и школѣ, помощь и призрѣніе на случай неурожаевъ, болѣзни, старости и т. д, такъ что гордая фраза: «нищихъ въ колоніяхъ нѣтъ», фраза, стереотипно встрѣчаемая во всѣхъ отчетахъ о состояніи колоній, есть не фикція, а несомнѣнная истина. Наконецъ, въ-четвертыхъ, если указанными источниками не обезпечивается уже вся масса безземельнаго класса, въ такомъ случаѣ избытокъ ихъ, *какъ свои люди*, выдѣляется метрополіею на сторону; здѣсь уже каждая, выдѣляемая изъ кореннаго водворенія, семья дѣлается въ свою очередь полноправнымъ членомъ новой земледѣльческой общины. И мы вполнѣ увѣрены, что не очень далекое будущее укажетъ, кто пойдетъ дальше по пути экономическаго прогресса и гражданственности: западъ ли Европы, съ его исключительно личнымъ землевладѣніемъ, пауперизмомъ и пролетаріатомъ, съ его summum jus—summa injuria, или Россія, съ ея лично-общинной поземельной собственностью, которая, совмѣстно съ болѣе или менѣе крупнымъ фермерскимъ хозяйствомъ, должна, рано или поздно, окончательно вытѣснить у насъ и обычную крестьянскую общину, и мелкую поземельную собственность, основанную на исключительно личномъ началѣ. Таковъ, при нормальной организаціи нашихъ по-

---

роль играетъ *земля и ея отношеніе къ труду*. Потребность въ промыслово-ремесленныхъ ассоціаціяхъ широкихъ размѣровъ у насъ еще дѣло будущаго; пока удовлетворяетъ этой потребности первообразъ ихъ—артель, условія которой такъ глубоко укоренились въ характерѣ нашего работника, благодаря воспитательному вліянію все того же поземельно-общиннаго быта.

земельныхъ распорядковъ и при свободной конкурренціи, будетъ неминуемый результатъ указываемаго нами экономическаго строя. Что лично-общинное поземельное устройство сдѣлается у насъ нормальнымъ, увѣренность эту мы почерпаемъ не изъ одного только анализа результатовъ нашей колонизаціи. Прежде всего увѣренность эта основана еще на сущности нашего новѣйшаго законодательства, требующаго только тѣхъ исправленій и дополненій, на которыя нами указано выше. Но странно, насколько положенія 19 февраля 1861 г. интересовали всѣхъ и каждаго, настолько же, повидимому, послѣдующія мѣропріятія по поземельному устройству крестьянъ [1]) прошли какъ бы незамѣченными. И не одинъ разъ мы спрашивали себя: гдѣ же причина такого равнодушія къ практическому разрѣшенію того капитальнаго вопроса, который въ столь недавнее время составлялъ предметъ самыхъ оживленныхъ споровъ въ литературѣ и самомъ обществѣ?...

Споръ велся, какъ извѣстно, исключительно только о двухъ комбинаціяхъ крестьянскаго землевладѣнія: *одной*, основанной безусловно на личномъ началѣ и требующей обращенія каждаго крестьянскаго семейства въ полнаго, хотя бы мелкаго, землевладѣльца, *и другой*, идеаломъ которой является наша обычная община. О томъ, что искомая форма поселянскаго землевладѣнія можетъ и, по нашему убѣжденію, должна состоять *въ комбинаціи общиннаго принципа, какъ начала преобладающаго, съ принципомъ личнымъ, но подначальнымъ*,—объ этомъ можно бы найти болѣе или менѣе положительныя указанія только у противниковъ нашихъ, теоретиковъ-экономистовъ, у Кошелева, Самарина, Кавелина и др. Но въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ, наши научно-ученые споры нисколько не отличаются отъ западно-европейскихъ: какъ здѣсь, такъ и у насъ, споръ велся [2]) объ однихъ и тѣхъ же тезисахъ. И на Западѣ, и у насъ другъ другу противостоятъ двѣ партіи, отстаивающія въ крестьянскомъ вопросѣ одна—безусловно-личное, полное землевладѣніе, другая—безусловно-общинный принципъ. Но если на Западѣ такая постановка вопроса логически вытекаетъ изъ политико-соціальнаго строя общества, то нельзя сказать этого въ отношеніи быта нашихъ крестьянъ. Объ этомъ различіи въ бытовыхъ условіяхъ заявлено нашимъ законодательствомъ

[1]) Собр. узак. и расп. прав. 1866 г. № 104, и 1867 г. №№ 48 и 95.

[2]) Своего рода интересъ представляютъ въ этомъ отношеніи происходившіе въ 1865 г. дебаты съѣзда сельскихъ хозяевъ, въ С.-Петербургѣ, появившіеся особымъ изданіемъ: «Съѣздъ и т. д., по случаю столѣтняго юбилея И. В. Э. Общества». Спб. 1866 г., стр. 145—200.

еще съ 1861 года; но едва ли многіе на сущность этого факта обратили должное вниманіе. Правда, всѣ видятъ, что законодательство наше въ дѣлѣ поземельнаго устройства крестьянъ не придерживается безусловно ни одной изъ двухъ спорныхъ системъ крестьянскаго землевладѣнія—ни общинной съ ея подушными передѣлами, ни личной. Всякому ясна и причина этого: представители двухъ столкнувшихся системъ, упорно держась каждый своего воззрѣнія, не находили такого modus vivendi, который одинаково удовлетворялъ бы требованіямъ обоихъ началъ. Результатомъ является единственно возможный въ подобныхъ случаяхъ компромиссъ такого рода, чтобы, не насилуя исторически сложившихся формъ крестьянскаго землевладѣнія, предоставить самому населенію искать ту нормальную комбинацію, которую не могло установить законодательство, хотя послѣднее ясно даетъ понять, что оно склоняется на сторону *участковой системы.* Казалось бы, что именно теперь, когда само законодательство аппеллировало къ жизни, должна была особенно усердно закипѣть работа нашихъ экономистовъ, ученыхъ и практиковъ. А между тѣмъ вышло на оборотъ; какъ адепты личнаго начала, такъ и почитатели обычной общины успокоились, повидимому, вполнѣ. Первые остаются, конечно, въ упованіи, что участковая система законодательства тождественна съ полнымъ личнымъ землевладѣніемъ, и что за начальнымъ шагомъ не замедлитъ послѣдовать другой, болѣе рѣшительный въ томъ же направленіи. Вторые разсчитываютъ, повидимому, на испытанную косность нашихъ общинниковъ, въ увѣренности, что число ихъ—легіонъ, и обычай—несокрушимъ.

Только въ подобныхъ заключеніяхъ мы находимъ удовлетворяющій насъ отвѣтъ на вопросъ о кажущемся безучастіи общества и литературы къ новѣйшимъ мѣрамъ поземельнаго устройства крестьянъ. Но, какъ сказано, адепты и личнаго, и обычно-общиннаго землевладѣнія не съумѣли, повидимому, ни оцѣнить по достоинству, ни даже замѣтить, что рекомендуемая законодательнымъ путемъ участковая система, будучи понята правильно, имѣетъ въ основаніи своемъ тотъ же спорный общинный принципъ, въ формѣ «мірского» надѣла, уставныхъ грамотъ, владѣнныхъ записей, люстраціонныхъ актовъ и т. д.; что эта система тамъ, гдѣ она реформою была найдена уже до извѣстной степени развившеюся, есть нѣчто весьма близкое къ той поземельной комбинаціи, мощь которой испытана въ нашихъ южныхъ колоніяхъ. Благодаря заявленіямъ дѣйствительной жизни, основныя положенія участковой системы высказались наиболѣе категорически, и, замѣтимъ кстати, не безъ осязательной,

не разъ уже засвидѣтельствованной пользы для крестьянъ, въ мѣстномъ положеніи трехъ юго-западныхъ губерній: Кіевской, Волынской и Подольской. Тамъ [1]) читаемъ между прочимъ: «Съ переходомъ въ другое сословіе или другое общество, крестьянинъ теряетъ право на пользованіе мірскою землею того общества, изъ котораго онъ вышелъ. Усадебные и полевые участки земли коренного и дополнительнаго надѣла, въ настоящемъ ихъ составѣ, остаются въ пользованіи крестьянскихъ семействъ, владѣющихъ ими, за установленныя повинности, *безъ всякаго, со стороны общества, вмѣшательства въ распоряженіе сими участками, пока причитающіяся съ нихъ повинности отбываются хозяевами исправно.* Право *потомственнаго пользованія*, въ отношеніи къ *размѣру* участковъ, ограничивается слѣдующими правилами: 1) одинъ домохозяинъ, въ предѣлахъ одного сельскаго общества, не можетъ содержать болѣе двухъ усадебъ, или двухъ пѣшихъ участковъ изъ коренного надѣла, съ принадлежащими къ нимъ усадьбами; 2) раздѣлъ участковъ между наслѣдниками допускается съ тѣмъ ограниченіемъ, что ни одна изъ выдѣляемыхъ частей не должна заключать въ себѣ менѣе пѣшаго надѣла наименьшаго размѣра, въ томъ селеніи существующаго [2]). При сдачѣ участковъ мірской земли (выморочныхъ, оставшихся праздными за выходомъ крестьянъ изъ общества и т. д.) преимущество дается хозяйствамъ, вновь образующимся посредствомъ семейныхъ раздѣловъ или перехода *огородниковъ и бобылей* (Anwohner'овъ и Einwohner'овъ) въ разрядъ пѣшихъ хозяевъ (Anwohner'овъ съ малымъ полевымъ надѣломъ). Выборъ хозяина изъ числа соискателей, въ указанномъ порядкѣ, дѣлается по приговору сельскаго схода».

Сравнивая это положеніе съ порядками лично-общиннаго поземельнаго устройства нашихъ южныхъ колоній, мы находимъ между ними только два, но за то весьма существенныя, различія. Одно изъ нихъ отмѣчено нами курсивомъ. Оно состоитъ въ томъ, что крестьянинъ-хозяинъ распоряжается на своемъ участкѣ совершенно независимо отъ общества или схода, тогда какъ въ колоніяхъ всѣ участковые хозяева, *образуя по землѣ общинное ядро сельскаго общества*, распоряжаются каждый въ чертѣ своего двора-хозяйства самостоятельно лишь въ тѣхъ именно предѣлахъ, въ какихъ личный произволъ не нарушаетъ установленной большинствомъ хозяевъ общей системы хозяйства. Если въ коло-

[1]) Ст. 76, 77, 87, 90 и др.

[2]) Наименьшій пѣшій надѣлъ $4^1/_2$ до $10^1/_2$ дес., слѣдовательно, высшій размѣръ нормальнаго двора колеблется между 9-ю и 21 дес.

ніяхъ сходъ хозяевъ, большинствомъ голосовъ, можетъ — de jure, установить во всякое время введеніе любой системы сѣвооборота, или иного усовершенствованія, и предпринять соотвѣтственный тому передѣлъ полей и подворныхъ паевъ, то, напротивъ, для крестьянъ, участковыхъ хозяевъ, такой возможности не существуетъ, такъ какъ у нихъ самая благая, самая полезная общая мѣра можетъ легко потерпѣть крушеніе объ единоличный, невѣжественный произволъ одного или нѣсколькихъ хозяевъ. Иными словами: колонистская участковая община, по системѣ хозяйства, составляетъ одну нераздѣльную единицу, въ которой частный произволъ подчиняется волѣ большинства; крестьяне же, на оборотъ, будучи лишены хозяйственной солидарной связи, зависятъ отъ добровольнаго, взаимнаго соглашенія. Но какъ не легко подобное соглашеніе, это доказываетъ, между прочимъ, то общеизвѣстное обстоятельство, что при полюбовномъ размежеваніи въ селеніяхъ однодворцевъ и малороссійскихъ казаковъ, положительно нельзя добиться даже въ сущности очень удобнаго устраненія такихъ неустройствъ, которыя очевидно и для всякаго осязательно вліяютъ разорительно на всѣхъ вообще и на каждаго въ отдѣльности. Успѣхи колонистскаго *лично-общиннаго* хозяйства — на лицо; оправдается ли система *единоличнаго* хозяйствованія у крестьянъ — покажетъ болѣе или менѣе близкое будущее. Мы, со своей стороны, не ожидаемъ отъ этой системы прочныхъ успѣховъ ни по хозяйству, ни по общественному благоустройству, особенно тамъ, гдѣ закономъ заблаговременно не нормированы порядокъ и условія раздѣла поселянскаго двора, захватъ въ однѣ руки мірской земли путемъ закупа подворныхъ надѣловъ, и мѣры устройства участи новыхъ поколѣній. Не говоря уже о рибенсдорфскихъ и бѣловѣжскихъ колонистахъ, насъ убѣждаетъ въ этомъ еще и примѣръ с.-петербургскихъ колоній. Здѣсь раздѣлы двора и семействъ давно уже не допускаются; соотвѣтственно тому прекратились и передѣлы угодій общественнаго землевладѣнія. Въ то же время (что необходимо принять во вниманіе) полевыя угодья сдѣлались здѣсь *равно-качественными:* болота осушены, прогалины, рвы и вообще низкія мѣста выравнены, лѣсная поросль уничтожена и тщательно преслѣдуется, камни изъ почвы выбраны и выбираются, дренажная канализація приведена систематически къ концу и ее остается только поддерживать, унавоживаніе производится болѣе или менѣе тщательно, такъ что только въ этомъ «болѣе или менѣе» заключается нынѣ разница въ паяхъ одного хозяина отъ паевъ другого. При такихъ условіяхъ подворный надѣлъ получилъ для каждаго хозяйства значеніе почти полной личной собственности, тѣмъ болѣе, что

неограниченное право продажи, заклада и вообще отчужденія земельнаго участка, имѣетъ практическое значеніе только для поселянина-мота, но отнюдь не для благонадежнаго хозяина, любимая мечта котораго обращена *не на отчужденіе, а на распространеніе* своего земельнаго владѣнія.

Такое положеніе дѣла содѣйствовало къ болѣе и болѣе замѣтному развитію въ с.-петербургскихъ колонистахъ личнаго начала и къ соотвѣтственному ослабленію въ ихъ наклонностяхъ мірского, ассоціаціоннаго принципа, для естественнаго дальнѣйшаго развитія котораго недостаетъ здѣсь *волостной организаціи*. Въ петербургскихъ колоніяхъ мы не находимъ ни *взаимнаго застрахованія, ни ссудо-сберегательныхъ кассъ, ни общественныхъ капиталовъ, ни покупныхъ за счетъ цѣлыхъ обществъ земель;* на пріобрѣтенныхъ же отдѣльными хозяевами или товариществами земляхъ поселенцы устраиваются *обрубными участковыми дворами*, которые, при сохраненіи нынѣ дѣйствующихъ законовъ о наслѣдованіи, будутъ дробиться безъ конца, приведутъ потомство нынѣшнихъ зажиточныхъ владѣльцевъ въ нищету, а затѣмъ уже къ безземелію и батрачеству, или мелкому арендаторству.

Въ то же время намъ представилась однако возможность лично на мѣстѣ убѣдиться, что въ старыхъ с.-петербургскихъ колоніяхъ, гдѣ общинный принципъ поддерживается закономъ, дренированіе полей, осушка болотъ, очистка полей отъ булыжника и лѣсной поросли и т. д. подчинены, по мірскимъ приговорамъ, твердымъ правиламъ, несоблюденіе которыхъ влечетъ за собою денежные штрафы. Кромѣ того, и здѣсь хозяева заняты вопросами: о сгруппированіи полевыхъ паевъ двора, по возможности, въ сплошныхъ поляхъ обрубными подворными участками; о введеніи взаимнаго страхованія, банка и т. д. И всѣ эти предположенія осуществятся, какъ скоро появятся и здѣсь болѣе обширные волостные союзы и *большинство* хозяевъ подпишетъ соотвѣтственный приговоръ, что даже въ общинѣ изъ 100 и болѣе хозяевъ состоится во всякомъ случаѣ *скорѣе*, нежели соглашеніе по тѣмъ же предпріятіямъ какихъ-нибудь 20—30, смежно живущихъ, мелкихъ собственниковъ.

Другое различіе между двумя подворно-участковыми системами, колонистскою и крестьянскою, состоитъ въ томъ, что крестьянское положеніе относится слишкомъ палліативно къ вопросу объ устройствѣ батраковъ и бобылей, или безземельныхъ. Но эта пальятивность, обусловленная *до времени* конечно безправностію батраковъ въ политическомъ и общинно-имущественномъ отношеніяхъ, а также матеріальнымъ безсиліемъ крестьянскихъ

обществъ, сдѣлала вопросъ о батракахъ уже теперь очереднымъ въ западномъ краѣ. И чтобы удовлетворительно устранить встрѣчающіяся затрудненія, *на первый разъ* неизбѣжна скорѣйшая и дѣйствительная матеріальная помощь правительства; иначе излишекъ батрачьяго населенія вновь накопитъ здѣсь массу безпокойнаго матеріала. На будущее же время, если батраки будутъ гарантированы, какъ Einwohner'ы колоній, окажется и здѣсь возможнымъ оставлять *на отвѣтѣ волостныхъ обществъ* значительную долю жертвъ въ пользу устройства молодого поколѣнія. При этомъ не слѣдуетъ конечно упускать изъ виду, что участки огромнаго большинства нынѣшнихъ хозяевъ края сразу перейдутъ въ руки ростовщиковъ, *тотчасъ* послѣ объявленія этихъ хозяевъ полными собственниками на *правѣ частномъ*, и что мало-по-малу все тамошнее крестьянство останется или безъ земли, или же при одной лишь субарендѣ или срочной поссессіи, а дѣйствительнымъ собственникомъ явится—кулакъ-капиталъ въ лицѣ еврея-корчмаря и т. д.

Чрезвычайно интересенъ въ этомъ отношеніи отзывъ [1]) одного изъ мѣстныхъ мировыхъ посредниковъ, который въ 1864 и 1865 гг., занимаясь повѣркою повинностей и опредѣленіемъ выкупныхъ платежей крестьянъ-собственниковъ въ сѣверо-западномъ краѣ, ближайшимъ образомъ ознакомился съ существующимъ тамъ подворнымъ хозяйствомъ. Отвѣчая на очередной вопросъ Имп. Вольн. Экон. Общества: общинное ли, или подворное владѣніе (въ смыслѣ *полной* собственности) болѣе благопріятствуетъ развитію сельско-хозяйственной производительности? г. Тихѣевъ (фамилія посредника) говоритъ слѣдующее:

«Подворное владѣніе часто смѣшиваютъ съ колоніальнымъ, что̀ служитъ причиною невѣрнаго пониманія вопроса. При подворномъ владѣніи крестьянскій надѣлъ дѣлится между домохозяевами на шнуры не только по тремъ полямъ, но и по всѣмъ видоизмѣненіямъ добротности почвъ. Шнуры эти узкими лентами тянутся по всѣмъ направленіямъ. Весьма поучительно и интересно взглянуть на планъ крестьянскаго надѣла въ западномъ краѣ: участокъ домохозяина, средняя величина котораго простирается до 15 десятинъ, состоитъ изъ 20 и болѣе, въ разныхъ мѣстахъ разбросанныхъ, шнуровъ. Такимъ образомъ, крестьянскій надѣлъ каждаго селенія, не связанный общиннымъ началомъ (по хозяйствованію?) представляетъ пора-

---

[1]) Съѣздъ сел. хоз. въ С.-Петерб. въ 1865 г., по случаю столѣт. юбилея Имп. В. Э. Общества. Спб. 1866 г. стр. 202—209.

жающую чрезполосность, которая со временемъ должна достигнуть такихъ размѣровъ, что всякое улучшеніе въ сельскомъ хозяйствѣ станетъ невозможнымъ. Перейти отъ общиннаго владѣнія къ подворному — значитъ закрѣпить навсегда послѣдній передѣлъ, который стремился безобидно для всѣхъ членовъ общины раздѣлить угодья, такъ что каждая душа имѣетъ до 30 полосъ. Разбивая крестьянскій надѣлъ подворно, нѣтъ возможности надѣлить каждаго члена общины *колоніально*, т.-е. *нарѣзать ему угодья въ одномъ обрубѣ* [1]: стремленіе къ безобидности породитъ нѣчто въ родѣ послѣдняго подушнаго передѣла, навсегда закрѣпитъ его и разомъ явится чрезполосность въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова. При общинномъ владѣніи чрезполосности нѣтъ, потому что хозяиномъ является міръ; хорошо-ли, дурно-ли онъ хозяйничаетъ, — это иной вопросъ; *но чрезполосности нѣтъ*. Слѣдовательно, чтобы сравнивать въ сельско-хозяйственномъ отношеніи общинное землевладѣніе съ подворнымъ, необходимо прежде всего имѣть въ виду, что участковое владѣніе есть чрезполосность, что колоніально крестьяне не могутъ владѣть землей. Каждое слово, сказанное за или противъ общиннаго начала, имѣетъ смыслъ только въ такомъ случаѣ, если въ основаніи лежитъ ясное пониманіе, что̀ такое подворное владѣніе. Легко говорить о недостаткахъ общины, когда многіе, при словахъ «подворное владѣніе», составляютъ себѣ идеальное понятіе о томъ, какъ каждый крестьянинъ сидитъ особнякомъ, окруженный всѣми потребными для него угодьями, замкнутыми въ одинъ обрубъ».

Рѣшивши, что обрубное или колоніальное хозяйство (въ томъ смыслѣ, какъ оно существуетъ въ западномъ и привислинскомъ краяхъ) невозможно для крестьянъ и не подозрѣвая затѣмъ ни ошибочности пониманія термина «владѣніе» въ смыслѣ *полной личной собственности*, вотчиннаго права, ни существованія иной сельско-поземельной комбинаціи, кромѣ обычно-общинной и подворно-участковой нашихъ крестьянъ, г. Тихѣевъ сравниваетъ эти два вида съ точки зрѣнія успѣховъ *сельско-хозяйственной* промышленности. Основными условіями этого успѣха онъ совершенно правильно признаетъ: 1) чтобъ поземельная собственность сложилась при благопріятныхъ условіяхъ такъ, чтобы всѣ угодья, входящія въ составъ ея, тяготѣли къ хозяйственному центру и составляли одно нераздѣльное цѣлое; 2) чтобъ человѣкъ, ведущій хозяйство,

[1]) Авторъ разумѣетъ здѣсь не наши колоніи, а исключительно тотъ видъ владѣнія, который въ западномъ и привислинскомъ краяхъ называется «колоніальнымъ».

чувствовалъ себя прочнымъ на землѣ, потому что результаты земледѣльческаго труда проявляются не тотчасъ же, а съ теченіемъ времени; чтобъ владѣніе или-пользованіе землею не было подвержено случайностямъ, при которыхъ каждый человѣкъ, вслѣдствіе произвола, можетъ быть вытѣсненъ съ земли, и 3) необходимы трудъ и капиталъ (и, прибавимъ, знаніе), для воздѣлыванія и улучшенія почвъ.

«Возможенъ-ли — спрашиваетъ г. Тихѣевъ — успѣхъ сельскохозяйственной промышленности *при чрезполосности*, неминуемо вызываемой подворнымъ владѣніемъ»?...

«Раздробленность поземельной собственности, — отвѣчаетъ онъ, — стѣсняя свободу пользованія ею и мѣшая всякому улучшенію въ хозяйствѣ, побудила всѣ германскія государства, за исключеніемъ Австріи, предпринять въ началѣ текущаго столѣтія обширныя работы сепарированія земель, имѣющія цѣлію хоть въ нѣкоторой степени уничтожить чрезполосность. До сихъ поръ продолжаются эти колоссальныя работы, поглощающія много труда и денегъ. Въ Россіи нигдѣ раздробленность угодій не достигла такихъ размѣровъ, какъ на сѣверо-и юго-западѣ, гдѣ крестьяне владѣютъ землею подворно. Малороссійское межеваніе обходится землевладѣльцамъ ежегодно въ 168,000 руб. Тѣснимый чрезполосностію, землевладѣлецъ повсюду съ готовностію откликается на призывъ правительства, заботящагося объ успѣхахъ хозяйства; но скоро онъ утомляется тяжестію и трудновыполнимостію работъ по разграниченію къ однимъ мѣстамъ, и приходитъ къ заключенію, что чрезполосность есть *неизлечимая болѣзнь* сельскаго хозяйства. Можно временнно помочь дѣлу, но радикальное исцѣленіе невозможно. Чрезполосность можетъ не быть только тамъ, гдѣ крестьяне владѣютъ землей общинно, или тамъ, гдѣ они земли вовсе не имѣютъ».

«Ясно, — продолжаетъ г. Тихѣевъ, — что при подворномъ владѣніи и трехпольномъ хозяйствѣ, каждый отдѣльный крестьянинъ неразрывно связанъ съ своими односельцами. Онъ можетъ сравнительно лучше воздѣлывать свой участокъ, лучше удобрить поля, получать высшіе урожаи; но, какъ бы способенъ и предпріимчивъ ни былъ онъ, ему нельзя приступить къ какому бы то ни было нововведенію, потому что каждый шагъ впередъ возможенъ только сообща всѣмъ населеніемъ деревни, а никакъ не отдѣльному домохозяину. Попытки, напримѣръ, разводить клеверъ давно уже усматриваются у крестьянъ сѣверо-западнаго края; но онъ разводится только въ тѣсныхъ предѣлахъ огородовъ, потому что въ противномъ случаѣ онъ будетъ вытравленъ скотомъ. Бросить

трехпольную систему и перейти къ иному способу не могутъ собственники-крестьяне, владѣющіе землею подворно, — слѣдовательно, чрезполосно въ полномъ смыслѣ этого слова. Всѣ виды улучшенія земель: дренажъ, проложеніе открытыхъ канавъ, орошеніе, регулированіе береговъ, осушеніе болотъ, воздѣлываніе песчаныхъ пространствъ, — однимъ словомъ всѣ нововведенія, неминуемо вызываемыя прогрессивнымъ движеніемъ сельско-хозяйственной промышленности, возможны только на болѣе или менѣе обширныхъ пространствахъ земли, слѣдовательно невыполнимы, если эти обширныя пространства состоятъ въ раздробленномъ, чрезполосномъ владѣніи мелкихъ собственниковъ. *Общинное владѣніе землею есть то же чрезполосность, но только не владѣнія, а общиннаго пользованія* [1]). Хозяиномъ всѣхъ общественныхъ земель является міръ, который можетъ быть и плохо хозяйничаетъ и туго поддается нововведеніямъ, но все же поддается, чему представлено много доказательствъ при обсужденіи вопроса объ общинѣ. Крестьяне, владѣющіе землею подворно, хозяйничаютъ каждый самъ по себѣ; между ними нѣтъ ничего связующаго, кромѣ опутавшей ихъ рутины и страшнаго зла — чрезполосности, непозволяющей имъ разстаться съ этой рутиной. Еслибы въ основаніи всѣхъ сужденій, высказанныхъ въ послѣднее время по вопросу объ общинѣ, лежало близкое знакомство съ подворнымъ владѣніемъ, то было бы понятно, что какъ при общинномъ началѣ *каждая отдѣльная личность* находится *въ рукахъ міра,* такъ при подворномъ владѣніи *масса крестьянъ-односельцевъ* находится *въ рукахъ каждаго отдѣльнаго крестьянина-собственника*, не подчиняющагося сходу въ своихъ хозяйскихъ дѣлахъ».

И вотъ эти-то двѣ крайности съумѣлъ обойти такъ счастливо уставъ о колоніяхъ.

Въ сѣверо-западномъ краѣ, поясняетъ г. Тихѣевъ, въ отношеніи спокойнаго пользованія земельной собственностію при томъ и другомъ видѣ крестьянскаго землевладѣнія, слѣдствіемъ подворной системы является батрачество, т.-е. масса безземельныхъ крестьянъ. Каждый батракъ въ былое время сидѣлъ на землѣ; слѣдовательно, онъ обезземеленъ. Громадное число нынѣ существующихъ обезземеленныхъ крестьянъ, по мнѣнію г. Тихѣева, служитъ лучшимъ доказательствомъ того, до какой степени не прочно положеніе хозяина при подворномъ владѣніи землею. Крестьяне обезземеливались или волею помѣщика, или

---

[1]) Мы замѣтили уже несогласное съ 514 зак. гражд., пониманіе термина «владѣніе».

волею самихъ крестьянъ. Первому виду лишенія хозяйствъ положенъ предѣлъ высочайшимъ манифестомъ 19 февраля; но за то второй видъ выступаетъ впередъ. До 1861 года, помѣщикъ слѣдилъ, чтобы каждая семья была исправной выполнительницей инвентарной повинности и не дозволялъ крестьянамъ самовластно изгонять другъ друга съ хозяйствъ. Помѣщикъ только по личнымъ соображеніямъ передвигалъ крестьянъ съ мѣста на мѣсто, отобранные у домохозяевъ участки отдавалъ въ аренду шляхтѣ и евреямъ, уничтожалъ цѣлыя деревни, обращая ихъ въ фольварки, поголовно приписывая все населеніе батраками къ другимъ домохозяевамъ. Съ 19 февраля 1861 по 1 мая 1863 года крестьяне сидѣли прочнѣе на землѣ: помѣщикъ обезземеливать не могъ; крестьянамъ не было разсчета, потому что инвентарная повинность господствовала въ полной силѣ. Высочайшимъ указомъ 1 марта 1863 года, всѣ обязательныя отношенія крестьянъ къ помѣщику были прекращены съ 1 мая; оброки уставныхъ грамотъ понижены на 20%; повѣрочныя коммиссіи открыли свои дѣйствія и крестьяне увидали, что обременительные оброки повсемѣстно замѣняются выкупными платежами, основанными не на произволѣ, но соотвѣтствующими добротности выкупаемыхъ земель. Крестьяне тотчасъ же пришли къ заключенію, что каждый лишній человѣкъ на землѣ тягость для остальныхъ членовъ семьи. Такъ, въ шести волостяхъ Ошмянскаго уѣзда (въ которыхъ г. Тихѣевъ производилъ повѣрку повинностей въ 1865 г.), послѣ 1-го мая 1863 года, слѣдовательно въ теченіи двухъ лѣтъ, обезземелено 18% всего числа крестьянъ, обезземеленныхъ помѣщиками въ промежутокъ времени отъ составленія инвентарей до 1861 года, слѣдовательно въ 20 лѣтъ. «Понятно, замѣчаетъ г. Тихѣевъ, что въ будущемъ, вмѣстѣ съ увеличеніемъ народонаселенія, число безземельныхъ крестьянъ увеличится такъ, что на землѣ останется меньшинство крестьянскаго населенія. Стремленіе обезземеливать уже и въ настоящее время достигло до крайнихъ предѣловъ безнравственности: братъ гонитъ брата, дѣти не задумываются изгонять старика-отца, отецъ отказывается кормить и гонитъ заболѣвшаго сына; однимъ словомъ, каждый членъ семьи рискуетъ быть изгнаннымъ съ хозяйства».

Разница между колонистскимъ бытомъ и этими порядками очевидна, и чтобы окончательно убѣдиться въ этомъ, достаточно вспомнить порядки наслѣдованія у колонистовъ [1]), которыми такъ

---

[1]) «Наши колоніи» стр. 131—139, 157—160, 190—229 и слѣд.

заботливо ограждается обезпеченное существованіе даже калѣкъ и другихъ неспособныхъ къ работѣ членовъ семьи, а также жалобы меннонитовъ-хозяевъ на *самовольное оставленіе сыновьями* отцовскаго хозяйства.

«Такой порядокъ вещей (продолжаетъ г. Тихѣевъ) не можетъ благопріятствовать успѣху сельско-хозяйственной промышленности. Каждый крестьянинъ хорошо понимаетъ непрочность своего положенія на землѣ и боится затрачивать капиталъ на хозяйство. Если при общинномъ началѣ успѣхъ земледѣлія замедляется передѣлами угодій, то при участковомъ владѣніи онъ замедляется несказанно болѣе ежеминутною для земледѣльца опасностію лишиться земли. Крестьянское общественное хозяйство дѣйствительно страдаетъ вслѣдствіе частыхъ передѣловъ; но это зло можетъ быть искоренено установленіемъ постоянныхъ, болѣе продолжительныхъ сроковъ передѣла. Воспретить же крестьянамъ изгонять другъ друга съ земли нѣтъ возможности, потому что жизнь въ одной хатѣ, преисполненная ссоръ и вѣчной колотни, невыносима. Раздѣлъ возможенъ въ рѣдкихъ случаяхъ, именно: когда каждая отдѣлившаяся часть будетъ не менѣе 10 десятинъ; да къ тому же раздѣлъ всегда вредитъ успѣху крестьянскаго хозяйства. Положеніе батраковъ тѣмъ болѣе ужасно, что они лишены усадебной осѣдлости, а потому обречены на вѣчное батрачество, на страшную нужду подъ старость лѣтъ, едва не на голодную смерть. Между тѣмъ, сознаніе въ своемъ правѣ на полученіе части отцовской земли до такой степени въѣлось въ батрацкое населеніе, что вызываетъ постоянно выражаемое неудовольствіе и ожесточеніе противъ всего окружающаго. Такимъ образомъ, при отсутствіи общиннаго начала, слагается населеніе враждебное правительству, обреченное на постоянную нужду и сознающее свое право на лучшую участь, это—пролетаріатъ, готовый воспользоваться всякимъ возникающимъ безпорядкамъ. Батрачество, вызванное участковымъ владѣніемъ, не только не можетъ быть поддержкою земледѣлія, но неминуемо должно въ будущемъ задерживать его преуспѣяніе. Батрачество есть источникъ смутъ, а земледѣліе любитъ тишину, спокойствіе. Батрачество пораждаетъ развратъ, уничтожаетъ семью, вызываетъ множество пороковъ, а земледѣліе требуетъ труда честнаго, добросовѣстнаго труда, выполняемаго съ любовію».

«Участковое владѣніе, свидѣтельствуетъ г. Тихѣевъ далѣе, вызываетъ *неподвижность* населенія. Бѣлоруссъ, литвинъ, жмудякъ тяжелы на подъемъ, между тѣмъ какъ великорусскій крестьянинъ не стѣсняется ни временемъ, ни разстояніемъ, лишь бы былъ

въ виду вѣрный заработокъ. При подворномъ владѣніи временное удаленіе съ хозяйства равносильно отреченію отъ него: стоитъ отлучиться крестьянину на годъ, и его послѣ не признаютъ не только владѣльцемъ земли, но не пустятъ и въ хату. Между тѣмъ великорусскій крестьянинъ ничѣмъ не рискуетъ: онъ идетъ далеко и надолго, зная, что онъ членъ общины, владѣющей землею, что его дома ждутъ хата и хозяйство въ полномъ ходу. Деньги, заработанныя на сторонѣ, хоть и частію, но все же поступаютъ на улучшеніе общественной земли. Благосостояніе семьи возрастаетъ, лишняя скотина заводится, удобреній больше, слѣдовательно урожаи выше. Если и не благопріятенъ исходъ заработковъ, то все-таки избытокъ народонаселенія выдѣляется на сторону, равновѣсіе возстановляется и легче прокормиться остающимся на мѣстѣ семьямъ и потребной для хозяйства скотинѣ. При подворномъ владѣніи иныя условія: крестьяне сидятъ на мѣстѣ, какъ бы тяжело имъ ни было. Эта неподвижность неминуемо вредитъ успѣху сельско-хозяйственной производительности, потому что населеніе лишено той бывалости, которою отличается великорусскій крестьянинъ; приливъ денегъ со стороны невозможенъ; ме́ньшая часть продуктовъ земледѣлія поступаетъ въ продажу; скота содержится менѣе; ме́ньшіе капиталы поглощаются землею».

Не находимъ-ли мы здѣсь полное объясненіе главнѣйшихъ причинъ того страшнаго положенія малороссійскихъ казаковъ, на которое указывалъ Капнистъ въ исходѣ тридцатыхъ годовъ? [1]...

«Наконецъ, успѣхъ сельско-хозяйственной промышленности зависитъ отъ труда и капитала, говоритъ г. Тихѣевъ. Земледѣліе требуетъ труда, выполняемаго съ любовью, труда сознательнаго. Любить земледѣліе можетъ только консервативное населеніе, въ которое глубоко пустили корни религіозныя убѣжденія, преданность къ престолу и семейныя начала. Любить земледѣліе можетъ человѣкъ, покойный за свою участь, а не батракъ, работающій изъ-за куска хлѣба, которому грозитъ подъ старость едва не голодная смерть, не крестьянинъ, котораго въ былое время загоняли палкой на барскія поля. Общинное начало благопріятствуетъ консервативному настроенію крестьянскаго населенія; оно благопріятствуетъ труду покойному, потому что каждый членъ общины обезпеченъ. Крестьянинъ-общинникъ идетъ работать къ крупному землевладѣльцу не вслѣдствіе гнетущей его

---

[1]) «Наши колоніи», стр. 146—147.

нужды, а потому, что работа для него выгодна, потому что она есть подспорье, а не исключительное средство къ жизни. Свободный трудъ крестьянина-общинника будетъ всегда выше обязательнаго труда батрака въ сѣверо-западномъ краѣ. Нужда можетъ заставить работать, но не можетъ возбудить любовь къ труду. Община всегда располагаетъ бо̀льшими капиталами для улучшенія зе́мледѣлія. Общинное начало, какъ уже было сказано, содѣйствуетъ выдѣленію избытковъ населенія на сторону, что̀ увеличиваетъ благосостояніе остающагося на мѣстѣ населенія и привлѐкаетъ капиталы со стороны. Хозяиномъ при общинномъ началѣ является міръ, который располагаетъ конечно бо̀льшими средствами сравнительно съ каждымъ отдѣльнымъ собственникомъ участковаго владѣнія, а потому и всякое нововведеніе въ хозяйствѣ, всякое предпріятіе, требующее большихъ средствъ, возможнѣе для крестьянъ, связанныхъ общиннымъ началомъ, и невыполнимо для крестьянъ мелкихъ собственниковъ, хозяйничающихъ каждый особнякомъ».

Изъ вышесказаннаго г. Тихѣевъ заключаетъ, что подворное владѣніе вызываетъ слѣдующія послѣдствія, препятствующія развитію сельско-хозяйственной производительности: 1) чрезполосность въ самомъ обширномъ значеніи этого слова; 2) непрочность положенія крестьянина на землѣ; 3) батрачество, лишенное усадебной осѣдлости, раздраженное противъ правительства и склонное сочувствовать всякому безпорядку; 4) неподвижность населенія, вызывающая отсутствіе заработковъ на сторонѣ, и 5) уменьшеніе крестьянскихъ капиталовъ. «Крестьяне сѣверо-западнаго края, говоритъ онъ, владѣютъ землею подворно; они обречены исключительно на земледѣльческое занятіе вслѣдствіе невозможности конкуррировать съ евреями на иныхъ путяхъ заработковъ; западная Европа, съ болѣе совершеннымъ хозяйствомъ, ближе, а между тѣмъ земледѣліе и хозяйственный бытъ крестьянъ находятся на несравненно низшей степени развитія, нежели въ великорусскихъ губерніяхъ. Плохія постройки, тощій скотъ, плачевное состояніе огородовъ, плохо воздѣланныя и мало удобренныя поля; обиліе брошенныхъ безъ обработки мѣстъ въ шнурахъ, все это поражаетъ человѣка, привыкшаго къ виду великорусскихъ селеній. Жалкое состояніе крестьянскаго хозяйства въ сѣверо-западномъ краѣ есть, прежде всего, слѣдствіе подворнаго землевладѣнія».

Если-бы мы не знали подворно-общиннаго поземельнаго устройства нашихъ колоній и если бы г. Тихѣевъ не высказывалъ убѣжденія, что наша обычная община, съ ея уравнительными передѣлами земли, способна удовлетворять всѣмъ требова-

ніямъ улучшеннаго хозяйства, то намъ оставалось бы только преклониться предъ его краснорѣчивыми, фактическими доводами, тѣмъ болѣе, что кромѣ одностороннихъ теоретическихъ воззрѣній и трескучихъ фразъ, чуждыхъ практическаго смысла, мы, за послѣднія 6—7 лѣтъ, мало слышали собственно по вопросу о формѣ крестьянскаго земельнаго владѣнія какъ со стороны общества, такъ и въ литературѣ. Но едва ли внимательный читатель нуждается въ поясненіи, что единственно вѣрная помощь, которая можетъ быть оказана крестьянству западнаго края, заключается прежде всего въ томъ, чтобы избытокъ батраковъ былъ надѣленъ землей по примѣру колонистовъ, т.-е. въ составѣ новыхъ земледѣльческихъ общинъ, и эти поселенія, какъ равно остающееся на мѣстѣ населеніе, получили такое же общинно-поземельное устройство, какое оправдалось въ лучшихъ нашихъ колонистскихъ водвореніяхъ. Свободныхъ земель у насъ не покупать; если бы ихъ не находилось на мѣстѣ, то развѣ нѣтъ у насъ Кавказа, Сибири и т. д.?... Нужны, правда, деньги, которыми ни крестьянство, ни правительство не особенно богаты; но для неумолимой необходимости, какъ въ данномъ случаѣ на войну противъ страшнаго врага—пауперизма, деньги *должны* найтись. Что-же касается до установленія у крестьянъ западнаго края подворно-общинныхъ порядковъ нашихъ колонистовъ, то это дѣло вовсе нетрудное. Если бы «мірскому надѣлу» присвоить то значеніе, которое ему подобаетъ, т.-е. значеніе «мірской собственности», а за люстраціонными и иными актами, опредѣляющими границы и количество угодій, была признана сила вѣчнаго договора, то оставалось-бы только, соотвѣтственно колонистскимъ порядкамъ, дополнить и частію измѣнить мѣстныя крестьянскія положенія и люстраціонныя правила. И это тѣмъ удобнѣе сдѣлать, что, кромѣ одного лишь вотчиннаго права общества-собственника, всѣ остальныя частныя правила поземельнаго устройства наилучше организованныхъ нѣмецкихъ колоній имѣются уже въ мѣстныхъ положеніяхъ 19-го февраля 1861 г. (за исключеніемъ великороссійскаго); но изложены они здѣсь безъ системы и должной взаимной связи, какъ-бы безъ яснаго сознанія всей жизненной важности ихъ. Правила эти просвѣчиваютъ отчасти и въ указахъ послѣдующаго времени. Такъ, въ указѣ 24-го ноября 1866 г., о позем. устр. госуд. крестьянъ 36-ти великор., малорос. и новорос. губерній, говорится, что община можетъ раздѣлить свои земли на постоянные подворные наслѣдственные участки и соотвѣтственно качеству и количеству сихъ участковъ распредѣлить между домохозяевами государственную оброчную подать; но тутъ

же упоминается, что «при раздробленіи участковъ подворнаго владѣнія посредствомъ продажи, даренія, перехода по наслѣдству и по другимъ случаямъ, опредѣляется, на основаніи имѣющихъ быть изданными для сего правилъ, какая часть оброчной подати причитается на каждую долю участка». Предоставляется ли общинѣ-собственнику право, не отказываясь отъ правъ собственника мірской земли, усвоить систему подворно-наслѣдственнаго пользованія или владѣнія (статья 514 зак. гражд.), оправдавшуюся такъ блистательно въ колоніяхъ?.. Остается ли на обществѣ отвѣтственность за исправное отправленіе казенныхъ и земскихъ податей и повинностей такими изъ крестьянъ, которые, продавъ свои земельные участки стороннимъ лицамъ, сдѣлаются батраками и несостоятельными членами общества?.. Ограничатся ли ожидаемыя особыя правила одною фискальною стороною, т.-е. однимъ распредѣленіемъ между дворами оброчной подати, или правила эти войдутъ нѣсколько глубже въ дѣло и постараются предотвратить какъ пагубное для крестьянскаго хозяйства измельченіе участковъ, такъ равно и ненормальное стягиваніе въ однѣ руки угодій мірского владѣнія?.. всѣ эти вопросы, какъ и многіе иные, возникающіе изъ существа дѣла, остаются неразъясненными. При такихъ условіяхъ поземельный вопросъ для общинниковъ представляетъ дилемму: или разбить поземельную общину и, сдѣлавшись подворно-личными собственниками, вступить въ область недоразумѣній, загадокъ и случайностей за себя и свое потомство; или же путаться въ старыхъ порядкахъ, переходъ отъ которыхъ къ участковой собственности до того крутъ и рискованъ, что нельзя надѣяться, чтобы осмотрительная община рѣшилась на этотъ шагъ, развѣ вынудятъ ее къ тому удары кулаковъ-міроѣдовъ. Далѣе, въ правилахъ 31-го марта 1867 г. (§ 30) о выдачѣ тѣмъ же крестьянамъ-общинникамъ владѣнныхъ записей, постановлено между прочимъ, что «*споры* [1]) между отдѣльными домохозяевами по праву владѣнія состоящими въ дѣйствительномъ ихъ пользованіи *четвертными землями*, наслѣдственными подворными участками или усадебными землями, *неподлежащими передѣлу*, разрѣшаются на основаніи ст. 95—100 общаго полож. о крест. 19 февраля 1861 года».

---

[1]) А этими спорами уже 150 лѣтъ *запружены* всѣ наши судебныя и административныя инстанціи, снизу до верху. Вообще же бытовая исторія «четвертныхъ владѣній» такъ поучительна, что разработкой ея можно-бы оказать обществу и законодательству немалую услугу. Послѣ нашихъ колоній, такая исторія можетъ послужить другимъ весьма острымъ орудіемъ противъ теоріи экономистовъ и «докторовъ римскаго права».

Здѣсь, равно какъ въ указанныхъ уже выше законоположеніяхъ, мы видимъ стремленіе законодательства оградить цѣлостность поселянскаго двора-хозяйства. Но эта цѣль достигается только въ прямой ущербъ кредиту крестьянина, лишеннаго возможности ввести въ своемъ обществѣ ипотечную систему колонистскихъ общинъ. Съ другой стороны, волостной судъ, на основаніи общ. положенія 1861 г., принимаетъ къ своему разбирательству только дѣла цѣною иска или спора до 100 руб. Но можетъ-ли дворъ во 100 рубл. быть названъ хозяйствомъ? Свыше же этой предѣльной цифры, волостной судъ принимаетъ къ своему разбирательству тяжебныя дѣла не иначе, какъ по взаимному *соглашенію самихъ тяжущихся.* Такое соглашеніе принадлежитъ однако *къ крайне рѣдкимъ исключеніямъ*, а потому понятно, что всѣ споры о дворѣ-хозяйствѣ стоимостію свыше 100 руб., т.-е. безъ малаго всѣ споры этого рода, должны будутъ подлежать вѣдѣнію даже не мирового института (ст. 31 п. 1 уст. гражд. судопр.), а окружныхъ судовъ и судебныхъ палатъ, для которыхъ, при отсутствіи иныхъ положительныхъ опредѣленій закона, обязателенъ порядокъ раздѣловъ и наслѣдованія, установленный въ ч. I т. X зак. гражд. А это обстоятельство равносильно повальному дробленію двора помимо всякихъ хозяйственныхъ соображеній; оно лишаетъ вообще мелкое землевладѣніе даже *всякой* судебной защиты, какъ о томъ уже заявляла наша періодическая печать въ отношеніи крестьянъ подворныхъ собственниковъ Малороссіи, да и мы сами убѣдились, принявъ на себя лично веденіе подобнаго дѣла въ петербургскихъ судахъ потому только, что наши обнищавшіе довѣрители-собственники не находили повѣреннаго, который согласился бы принять на себя веденіе ихъ «безспорнаго» иска убытковъ по хозяйству.

Въ виду всего сказаннаго, поселянскій дворъ едва-ли можетъ быть оставленъ безъ законодательныхъ гарантій: или нужно расширить вѣдомство волостного суда, какъ допущено это для гминныхъ судовъ привислинскаго края, вѣдающихъ *всѣ споры по наслѣдованію и раздѣламъ* движимыхъ и недвижимыхъ имуществъ крестьянъ; или же слѣдуетъ постановить особыя правила [1]), обязательныя въ этомъ отношеніи и для общихъ судовъ.

Вотъ на какихъ данныхъ и соображеніяхъ основана наша увѣренность, что время и сила обстоятельствъ сами собою при-

---

[1]) Проектъ такихъ правилъ, см. «Наши колоніи», стр. 241 и слѣд.

ведутъ къ повсемѣстному введенію у насъ той лично-общинной системы поселянскаго хозяйства, плоды которой мы видимъ въ нашихъ южныхъ колоніяхъ. И мѣра эта тѣмъ болѣе необходима и желательна, что только этимъ путемъ органически завершится окончательное и безповоротное сліяніе съ имперіею западныхъ губерній и даже привислинскаго края.

Лично-общинная поземельная комбинація, т.-е. община-собственникъ, мірскія земли которой раздѣлены на тягло-вытевые дворы-хозяйства потомственнаго владѣнія или пользованія отдѣльныхъ хозяевъ, н основаніи закона или мірского приговора (ст. 514 т. зак. гражд.), и съ ограниченіями, установленными равнымъ образомъ приговоромъ или закономъ (тамъ же ст. 394, 545, 546, 547, 548, 555, 1324, 1632 и 1633), сохраняетъ вполнѣ всѣ политико-соціальныя достоинства нашей обычной общины и воспринимаетъ въ себя *личное начало* именно лишь въ той мѣрѣ, насколько оно необходимо здѣсь для устраненія существенныхъ недостатковъ обычной общины: малой прогрессивности и косности въ хозяйствѣ, а также излишней и, при извѣстныхъ условіяхъ, даже пагубной эластичности.

Объ исключительно личномъ началѣ, какъ идеальной основѣ крестьянскаго поземельнаго устройства, мы не желали бы даже распространяться. По нашему мнѣнію, для неубѣдившихся еще въ полной несостоятельности для массы крестьянъ этого начала, казалось бы достаточнымъ обратиться къ ближайшему изученію причинъ страшнаго положенія въ первую половину текущаго столѣтія казаковъ-собственниковъ Малороссіи. Оно обнаружило-бы, что Капнистъ, въ извѣстномъ докладѣ своемъ, коснулся сущности дѣла только со стороны административно-фискальной, тогда какъ главный корень зла лежалъ не столько въ административной неурядицѣ, сколько въ условіяхъ соціальныхъ, по преимуществу же въ полномъ отсутствіи правильной общинно-поземельной организаціи. Но еслибы и этого примѣра было мало, то адепты личнаго начала пусть займутся еще изслѣдованіемъ грустнаго положенія другого разряда крестьянъ-собственниковъ, а именно однодворцевъ или четвертныхъ крестьянъ. Здѣсь представится имъ широкое поле для всесторонняго анализа за цѣлыхъ два-три вѣка, а въ результатѣ окажется почти всеобщее батрачество и «что ни дворъ, то тяжба», какъ отвѣтилъ намъ одинъ изъ мѣстныхъ мировыхъ посредниковъ, на вопросъ о хозяйственномъ положеніи этихъ крестьянъ.

Только по установленіи законодательствомъ указанныхъ гарантій, мы рѣшились-бы совѣтовать нашимъ общинникамъ, пе-

редѣляющимъ свои земли, а съ ними имущество *по душамъ*, устранить этотъ способъ передѣла и раздѣла навсегда, сохраняя за собою однако право собственности и отрѣшаясь въ пользу отдѣльныхъ членовъ своихъ только отъ права владѣнія на такихъ же приблизительно основаніяхъ, какъ это существуетъ въ колоніяхъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что поземельное владѣніе есть одинъ изъ тѣхъ видовъ собственности, въ отношеніи которыхъ законодательство обязано руководствоваться *по преимуществу* консервативными, охранительными началами. Именно здѣсь, какъ нигдѣ въ иномъ мѣстѣ, примѣнимо извѣстное правило, выработанное опытомъ исторіи: новый порядокъ вещей долженъ возникать не иначе, какъ на исторической почвѣ, на основахъ того, что̀ выработано жизнію, а не на развалинахъ ея прошедшаго и настоящаго. Другими словами: есть различіе глубокое между системою преобразованій, которая на мѣсто прежняго, отживающаго свой вѣкъ, воздвигаетъ лучшее, болѣе отвѣчающее потребностямъ времени, и системою преобразованій, которая съ корнемъ вырываетъ старое во имя кабинетной доктрины. Въ первомъ случаѣ, перемѣны совершаются *изнутри народной жизни: это есть собственно развитіе, требуемое каждымъ организмомъ*, слѣдовательно и государственнымъ; во второмъ — перемѣны берутся *извнѣ, изъ сферы отвлеченностей: это не развитіе, а насильственный переломъ, переворотъ.*

Только въ смыслѣ перваго изъ этихъ двухъ положеній, законодательство можетъ и, по нашему мнѣнію, должно-бы касаться поземельнаго устройства крестьянъ. Но если status quo этого устройства требуетъ полнаго вниманія, то, съ другой стороны, данный строй не долженъ служить препятствіемъ для прогрессивнаго движенія законодательства, стремящагося, на мѣсто прежняго, отживающаго свой вѣкъ, воздвигнуть нѣчто безусловно лучшее, вполнѣ оправданное опытомъ предшествовавшаго времени. Съ этой точки зрѣнія, мы не можемъ себѣ объяснить, почему въ положеніяхъ 19-го февраля 1861 г., и въ послѣдующихъ, касающихся поземельнаго устройства крестьянъ, законодательныхъ актахъ не сдѣлано никакого различія между двумя видами общиннаго передѣла земель: *подушнымъ*, *и повытно-тяглымъ*, тогда какъ это различіе имѣетъ самое существенное, и притомъ не только фискальное, но прежде всего и экономическое значеніе. Первый видъ передѣла читателю извѣстенъ; это повальное измельченіе земель, рабочихъ силъ, всего поселянскаго инвентаря и достоянія; всѣ экономическія соображенія и гарантіи хозяй-

ственнаго успѣха здѣсь до такой степени шатки и условны, что практика не въ силахъ ни уловить, ни осуществить ихъ на дѣлѣ. Каждый прогрессивный шагъ дается нашей обычной общинѣ слишкомъ медленнымъ, т.-е. слишкомъ дорогимъ путемъ.

Но совершенно иное дѣло — повытно-тяглый общинный раздѣлъ угодій.

Извѣстно, что подъ ферулою крѣпостного права самыми благоустроенными помѣстьями были имѣнія *оброчныя*, въ которыхъ оброки оплачивались по тягламъ, а земли и угодья раздавались отъ экономій, или дѣлились на міру повытно. Уже въ указѣ 21-го марта 1727 года мы видимъ, что учрежденной тогда коммиссіи вмѣнялось, между прочимъ, въ обязанность, разсмотрѣть, что́ «удобнѣе и сходнѣе» съ пользою народа: налогъ-ли съ душъ, «или съ двороваго числа, съ *тяголъ или съ земли?*». Изъ этихъ словъ указа видно, какъ при чисто фискальныхъ отношеніяхъ къ народу и правительства, и вотчинниковъ вообще, они мало-по-малу теряли понятіе объ истинномъ значеніи выти или обжи, этой нормальной *хозяйственной* единицы или двора-хозяйства, съ его угодьями, и какъ помнилось только тягло, какъ податной окладъ съ выти. Такимъ образомъ, выть и тягло получили на практикѣ почти тождественное значеніе. Но иначе смотрѣлъ на это дѣло крестьянинъ, для котораго вся сила заключалась именно въ выти, а тягло являлось—только ея неизбѣжнымъ, болѣе или менѣе тягостнымъ, придаткомъ.

Не одному, конечно, изъ нашихъ читателей приходилось слышать примѣненныя къ воззрѣніямъ «барина-вотчинника» слова крестьянъ, примѣрно въ слѣдующемъ родѣ: «я ужъ съ двадцати лѣтъ сижу на тяглѣ» (выти); или «нашъ баринъ добрый: у него двухдушныя тяглы; не такъ какъ у NN, который все норовитъ сажать на тяглы однодушныя». Наконецъ, встрѣчались и случаи, что крестьянинъ, представитель однодушной семьи, ходатайствуя самъ о томъ, чтобы дали ему выть или наложили тягло, подкрѣплялъ это ходатайство словами: «скотинки и иного добра у меня довольно; Богъ милостивъ—справлюсь». Если не по собственному опыту, то уже изъ этихъ словъ крестьянина всякій долженъ бы убѣдиться, что термины «тягло, выть» означаютъ въ поселянскомъ быту *опредѣленную, нормальную фискально-хозяйственную единицу*, однимъ словомъ, нѣчто если не вполнѣ тождественное, то во всякомъ случаѣ весьма близкое къ «двору-хозяйству» нашего колониста, съ тою лишь разницею, что цѣлостность этой единицы ограждали, въ одномъ случаѣ положительный законъ, а въ другомъ—произволъ вотчинника или по-

мѣщика; въ обоихъ же случаяхъ, и законъ, и воля благоразумнаго владѣльца руководствовались почти исключительно одними лишь экономическими соображеніями. Колонисты дошли до замѣчательнаго благосостоянія, но и оброчные крестьяне, не взирая на свое относительно безправное положеніе и безграмотность, жили несравненно лучше крестьянъ, состоявшихъ на барщинѣ, передѣлявшихъ земли и уплачивавшихъ сборы по душамъ. Фактъ этотъ общеизвѣстенъ и особыхъ доказательствъ отъ насъ не требуетъ. Но сохранился-ли этотъ порядокъ и послѣ 1861 года, а также, въ какомъ соотношеніи съ приростомъ душъ или тяглъ состоитъ въ настоящее время тягло-выть, объ этомъ намъ не удалось добиться положительныхъ свѣдѣній. Надѣясь, впрочемъ, возвратиться къ заявленному нами факту впослѣдствіи, мы ограничиваемся до времени однимъ замѣчаніемъ: тугой приростъ у насъ крестьянскаго населенія вообще и бывшаго крѣпостного въ особенности, право вотчинника перечислять крестьянъ во дворъ и избытокъ земель, дававшій возможность образовывать новыя дополнительныя тягло-выти, по мѣрѣ увеличенія личнаго состава крестьянскихъ семействъ или произвольнаго сажанія однодушныхъ семей на двухдушныя тяглы, все это приводитъ къ заключенію, что въ лучшихъ помѣстныхъ, нынѣ свободныхъ селахъ, экономическое значеніе тягла или выти, въ смыслѣ поселянскаго двора-хозяйства, еще и доселѣ должно быть нѣчто совершенно независимое отъ увеличенія числа душъ крестьянскаго общества; если же зависимость эта, въ принципѣ, существуетъ на практикѣ, то она едва-ли оказываетъ особенно чувствительное вліяніе на постепенное умаленіе того количества угодій, которымъ въ данной мѣстности болѣе или менѣе издавна опредѣлялась тягловая выть [1]). Заключеніе это подтверждается еще тѣмъ, что у бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ тягловая выть установилась въ размѣрѣ двухдушевого надѣла. И не отсюда ли взята норма, установленная въ ст. 125 и 126 мѣстнаго положенія 19 февраля 1861 года для губерній великор., новор. и бѣлороссійскихъ?

Если-бы тягло-вытевой раздѣлъ крестьянскихъ угодій существовалъ, или обязательно былъ введенъ у нашихъ крестьянъ-общинниковъ, какъ порядокъ общій, нормальный, и если-бъ законъ привелъ этотъ способъ внутренняго распредѣленія общинныхъ угодій въ хозяйственную систему, постановкою повытнаго

---

[1]) Ближайшее изслѣдованіе этого вопроса на мѣстахъ было-бы крайне интересно, и особенно въ нашихъ сѣверныхъ губерніяхъ.

двора въ тѣ же юридическія условія, въ какихъ находится дворъ-хозяйство нашего нѣмецкаго колониста, то нѣтъ сомнѣнія, что и въ велико-ново-и бѣлорусскихъ губерніяхъ хозяйственные результаты крестьянъ уже теперь были-бы не тѣ, какіе, къ сожалѣнію, встрѣчаются у нихъ на каждомъ шагу; словомъ, мы вскорѣ увидѣли-бы хотя какой-нибудь положительный успѣхъ, а не регрессъ въ хозяйствѣ поселянъ. Администраціи и суду, какъ по сіе время попечительству въ колоніяхъ, оставалось-бы только *слѣдить* неуклонно, чтобы *законодательныя гарантіи*, въ пользу цѣлостности изъ рода въ родъ повытнаго двора, не были нарушаемы ни обычнымъ правомъ наслѣдованія, ни произволомъ крестьянъ-хозяевъ, ни распоряженіями выборнаго начальства и приговорами сходовъ. Съ другой стороны земство, находя опору въ постепенномъ улучшеніи матеріальной состоятельности крестьянъ-хозяевъ, нашло-бы у нихъ и болѣе средствъ, и болѣе сочувствія въ стремленіяхъ къ улучшенію народнаго образованія, безъ чего нельзя ожидать ни особенно быстрыхъ, ни вполнѣ прочныхъ успѣховъ при какой бы то ни было хозяйственной комбинаціи.

Что касается насъ, мы положительно не видимъ существенныхъ препятствій къ принятію законодательствомъ подъ свое особенное покровительство именно повытно-общинной системы хозяйства, тѣмъ болѣе, что приступлено уже къ окончательному и повсемѣстному переложенію оброчной подати съ душъ на землю, сообразуясь съ доходностію послѣдней. Но этого мало; мы глубоко убѣждены, что единственно только указываемый нами путь *возможенъ и раціоналенъ* въ дѣлѣ поземельнаго устройства крестьянъ, такъ какъ онъ вполнѣ совпадаетъ съ охранительными условіями, которыхъ, не говоря уже о другихъ соображеніяхъ, слѣдуетъ держаться въ этомъ дѣлѣ, хотя-бы затѣмъ только, чтобы «развитіе», требуемое крестьянскимъ землевладѣніемъ, не приняло характера «насильственнаго перелома, переворота», угрожающаго нашимъ общинамъ при настоящемъ положеніи дѣлъ.

Не лишнимъ окажется, быть можетъ, поближе взглянуть еще и на причины, почему тѣ же однодворцы-собственники, поселенные, согласно ихъ желанію, на самарско-ставропольскихъ земляхъ, на обрубныхъ подворныхъ участкахъ [1]), съ правомъ майоратства, долгое время не мирились съ своею новою осѣдлостью, перепутывали свои надѣлы смѣщеніемъ дворовъ къ одному мѣсту и т. д. Наконецъ, не мѣшало бы приверженцу мелкой крестьянской собственности, основанной исключительно на

---

[1]) Св. зак. т. XII, ч. 2, уст. о благоустр. въ каз. сел., ст. 104—115.

личномъ началѣ, вникнуть поглубже въ смыслъ заявленій, дѣлаемыхъ представителями нашихъ передовыхъ государствъ. Такъ, предсѣдатель вашингтонскаго сената, радикалъ Веньяминъ Уэдъ [1]), путешествуя въ 1867 г. по западнымъ штатамъ, въ Канзасѣ произнесъ энергическую рѣчь противъ мотовства и праздности, обусловливаемыхъ, по его мнѣнію, неравномѣрнымъ распредѣленіемъ собственности между различными классами населенія. «Теперь—сказалъ онъ между прочимъ—когда мы порѣшили съ вопросомъ о невольничествѣ, конгрессъ не можетъ взирать хладнокровно на страшное неравенство, существующее между человѣкомъ трудящимся и человѣкомъ неработящимъ».... «Спустя нѣсколько лѣтъ—прибавилъ Уэдъ—у насъ образуется партія новаго распредѣленія собственности».

Мы вполнѣ вѣримъ въ пророчество Уэда, но не надѣемся, чтобы затронутый имъ вопросъ могъ быть разрѣшенъ безъ кроваваго кризиса, болѣе опаснаго и страшнаго, нежели только-что поконченная рабовладѣльческая война: и порукою служитъ преобладаніе въ Америкѣ индивидуальнаго начала.

Если же Американскіе Штаты еще далеки отъ указываемаго кризиса, благодаря имѣющемуся у нихъ территоріальному простору, то совершенно въ иныхъ условіяхъ находится Великобританія. Здѣсь дѣло идетъ уже не о будущихъ только затрудненіяхъ: ирландскій вопросъ не допускаетъ ни отсрочекъ, ни палліативовъ. Поэтому особенный интересъ возбуждаютъ отношенія къ этому вопросу аристократическаго правительства и слова одного изъ его представителей, лорда Стэнли, сказанныя въ Бристолѣ на банкетѣ «консервативной ассоціаціи». Указавъ на ненормальное положеніе церкви и землевладѣнія, какъ на главнѣйшіе источники золъ Ирландіи, бывшій англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ продолжаетъ такъ: «то, чего хочетъ ирландскій крестьянинъ, заключается не въ вознагражденіи за всѣ улучшенія, которыя производились имъ на арендуемой землѣ, но *въ безплатномъ превращеніи его изъ ежегоднаго арендатора въ собственника обработываемой имъ земли.* На такое требованіе, я полагаю, не можетъ согласиться ни одинъ британскій законодатель ни при какихъ обстоятельствахъ (?). Если такой принципъ хорошъ для Ирландіи, то онъ хорошъ и для Англіи. Мало того, допустивъ эту операцію однажды, ее нужно будетъ повторить безконечное число разъ, потому что арендаторъ, обратясь въ собственника, получитъ, конечно, право от-

---

[1]) «С.-Пет. Вѣдом.» 1867 года № 183.

давать ее въ наймы другимъ; у ирландцевъ это случится навѣрное, и вотъ у васъ окажется новый классъ срочныхъ арендаторовъ и въ тѣхъ же условіяхъ, въ какихъ другіе существовали прежде, съ тою только разницею, что вы удалили тѣхъ землевладѣльцевъ, которые находились въ хорошемъ положеніи, и замѣстили ихъ другими, людьми нуждающимися и, слѣдовательно, взыскательными (не въ родѣ ли нашихъ кулаковъ-будильниковъ?). Не должно забывать еще того, что при системѣ безчисленныхъ мелкихъ собственниковъ у васъ повторятся и усилятся наизлѣйшія бѣдствія Ирландіи прежнихъ дней. *Я разумѣю крайнее дробленіе земельныхъ участковъ и, слѣдовательно, безконечное размноженіе нищихъ.* Каждый землевладѣлецъ, дурной ли, или хорошій (но крупный?), старается, въ силу своихъ интересовъ, положить предѣлъ этому стремленію дѣлить участки до крайне малыхъ величинъ; отнимите это препятствіе, и въ 20 лѣтъ у васъ будетъ двойное населеніе, и каждый крестьянинъ будетъ существовать исключительно своимъ участкомъ земли, то-есть, картофелемъ, а если случится неурожай его, то вы опять придете къ голоду 1847 года» [1]). Итакъ, по словамъ лорда Стэнли, ирландскій крестьянинъ былъ когда-то собственникомъ земельнаго участка (plebs rustica); но, подчиняясь обычаю и пользуясь отсутствіемъ закона, полагающаго нормальный предѣлъ обычаю и личному произволу, потомство ирландскаго крестьянина-собственника допустило крайнее дробленіе своего наслѣдственнаго участка, что̀ было причиною «наизлѣйшихъ бѣдствій Ирландіи». Край сталъ питаться однимъ картофелемъ, нищенство размножилось до безконечности, несоразмѣрно усиливая городской пролетаріатъ (plebs urbana), и наконецъ крестьянинъ, окончательно обезземеленный, или оставлялъ родину, или вымиралъ съ голоду, или же, изъ-за права питаться при благопріятныхъ условіяхъ картофелемъ, дѣлался кабальнымъ срочнымъ мелкимъ арендаторомъ, требующимъ теперь безплатнаго обращенія его вновь въ земельнаго собственника. Конечно, лордъ Стэнли, благоразумно умалчивая объ уничтоженіи при порабощеніи Ирландіи существовавшихъ тамъ поземельныхъ клановъ, съ своей точки зрѣнія отвергаетъ спасительную силу юридическаго общиннаго принципа, задатки котораго лежали въ основѣ клана. Онъ признаетъ одну только личную, полную собственность; иного принципа по землевладѣнію для него не существуетъ. Вслѣдствіе того, достопочтенный лордъ совершенно правъ

[1]) «С.-Пет. Вѣд.», № 16, 1868 г.

и логиченъ, усматривая въ поземельномъ вопросѣ Ирландіи безконечный круговоротъ, фазисы котораго одинъ хуже другого. Однако, онъ едва ли на столько же логиченъ, прозорливъ и разуменъ, когда, въ надеждѣ выбраться изъ этого фатальнаго круговорота, онъ предпочитаетъ закрѣпостить ирландскихъ крестьянъ въ качествѣ срочныхъ арендаторовъ и высказываетъ свою увѣренность, что «ни одинъ британскій законодатель ни при какихъ обстоятельствахъ» иначе не поступитъ. Спрашивается: дѣйствительно ли вѣрно предположеніе, что «обстоятельства» будутъ всегда во власти британскаго законодателя, что, рано или поздно, такъ или иначе, ирландскій крестьянинъ не заставитъ признать свою волю?... Вѣдь привели же «лентовщики», «Молли-Магайры» и др. неуловимыя *артельныя* организаціи народнаго отчаянія и теперь уже къ абсентеизму, грустныя послѣдствія котораго уступятъ только радикальной реформѣ? [1]). И въ самомъ дѣлѣ, не есть ли феніанизмъ уже самъ по себѣ одинъ изъ многочисленныхъ, зловѣщихъ симптомовъ той соціальной революціи, которая, по прорицательствамъ нѣкоторыхъ мыслителей Запада, грядетъ въ будущемъ, грозя переворотомъ всему тамъ существующему?... Безъ сомнѣнія, было бы и гуманнѣе, и разумнѣе, и политичнѣе, по вопросу о поземельномъ устройствѣ Ирландіи обратиться къ той же соціальной реформѣ, какую совершила у себя Россія.... Вопросъ только въ томъ: допуститъ ли, способна ли вообще добровольно допустить такую мѣру британская поземельная и денежная аристократія, т.-е. само правительство?... [2]). Не дастъ ли въ этомъ случаѣ «образцовая» конституція Англіи та-

---

[1]) Желательно, чтобы экономисты наши вдумывались поглубже и посерьезнѣе въ безпощадную логику фактовъ, сообщаемыхъ въ книгѣ: Realities of Irish Life; by B. S. Trench. Но предваряемъ — не увлекаться при этомъ ненаучною мыслью тѣхъ, по мнѣнію которыхъ склонность къ демонстраціямъ, агитаціямъ, вооруженнымъ бунтамъ, убійствамъ изъ-за угла, поджогамъ и т. д. есть *прирожденное* свойство ирландца и едва ли не всей кельтической расы. Мнѣніе это столько же несостоятельно, какъ и предположеніе въ славянской крови какихъ-то исключительныхъ, лишь ей принадлежащихъ особенностей.

[2]) 12-го (24-го) февраля 1868 г., въ палату былъ внесенъ биль о «tenant of rights», который предлагаетъ: всѣ арендные договоры въ Ирландіи между землевладѣльцами и арендаторами *заключать письменно;* устроить *особые суды*, съ самой несложной процедурой, для разрѣшенія могущихъ возникнуть споровъ между заключившими контрактъ сторонами, и давать *законныя вознагражденія* со стороны землевладѣльца арендатору, за сдѣланныя имъ на фермѣ улучшенія. Не правда ли, довольно жалкій, и притомъ крайне сложный и дорогой палліативъ? Но болѣе отъ тогдашняго британскаго правительства нельзя было и ожидать. Посмотримъ, что скажетъ Гладстонъ.

кую же осѣчку, какую недавно дала баварская по поводу выбора своего президента? Впрочемъ, не вся же англійская интеллигенція одного мнѣнія съ лордомъ Стэнли.

«Когда говорится о священныхъ правахъ собственности,—разсуждаетъ Дж. Ст. Милль по тому же вопросу объ Ирландіи, то слѣдуетъ помнить, что качество «священности» не вполнѣ относится къ поземельной собственности. Земля не создана человѣкомъ. Она составляетъ наслѣдіе всего рода человѣческаго. Отдача ея въ частную собственность оправдывается только требованіями *общей пользы*. Частное владѣніе поземельною собственностію должно быть вполнѣ подчинено общимъ началамъ государственной политики. Начало собственности даетъ владѣльцамъ ненарушимое право не на землю, но единственно на вознагражденіе за ту часть земли, которой ихъ лишаетъ государство въ видахъ общественной пользы. Государство можетъ поступить со всею этой собственностью, какъ поступаетъ, когда строится желѣзная дорога, или прокладывается новая улица».

Эта теорія британскому обществу настолько же чужда, насколько она близко знакома намъ, русскимъ, *обязаннымъ* только ей освобожденіемъ изъ крѣпости крестьянъ *съ землей*. Другой англичанинъ (авторъ брошюры: Russia, Central Asia and Britisch India. London, 1865), предусматривая возможность непосредственнаго сосѣдства, въ Средней Азіи, владѣній Россіи и Англіи, говоритъ между прочимъ: «Для всѣхъ, видѣвшихъ благопріятные результаты крестьянской поземельной собственности въ Европѣ и цѣнящихъ этотъ принципъ по его благимъ послѣдствіямъ въ общественномъ, нравственномъ и религіозномъ быту народа, присоединеніе такой державы, какъ Россія, къ дѣлу свободнаго крестьянства будетъ могущественной поддержкой въ Азіи. Освобожденіе крѣпостныхъ въ Россіи основано на надѣлѣ крестьянъ землей и, что удивитъ многихъ въ Англіи, каждая русская деревня составляетъ маленькій муниципалитетъ, самостоятельный міръ, гдѣ сельскіе старшины отправляютъ правосудіе въ деревенскихъ распряхъ. Превосходная школа для самоуправленія! Русскіе крестьяне, при своей наклонности къ передвиженію, неизбѣжно разсѣютъ сѣмена этого улучшенія вездѣ, гдѣ только появятся; они ободрятъ азіатскаго поселянина въ его сопротивленіи этой пагубѣ, грызущей Азію, феодализму, и приведутъ на память индусскому крестьянину его собственную, прекрасную систему сельскаго устройства, которая столь долго поддерживала благосостояніе Индіи [1])». Но едвали-ли авторъ

[1]) Прежняя система сельскаго устройства въ Индіи имѣла въ основѣ принципъ

брошюры *вполнѣ сознательно уяснилъ себѣ*, что восхваляемый имъ принципъ, какъ и развиваемая Миллемъ теорія, не иное что, какъ наше родное начало общиннаго землевладѣнія, подчиненное праву государственному, а не частному, какъ бы слѣдовало по теоріи экономистовъ. Рѣзкое противорѣчіе этого начала съ вышеприведенными словами лорда Стэнли очевидно для всякаго. Нынѣ уже и «Times» находитъ, что неудачность церковнаго билля, неудовлетворившаго ирландцевъ, должна побудить правительство и парламентъ «обратить самое серьезное вниманіе на вопросъ поземельный и разрѣшить его раціональнѣе, чѣмъ былъ разрѣшенъ вопросъ церковный». Но если доводы Милля, Уэда и даже почтеннаго органа лондонскаго Сити, недостаточно убѣдительны въ глазахъ западно-европейскихъ и американскихъ капиталистовъ и землевладѣльцевъ-законодателей, то, напротивъ, мы съ своей стороны не можемъ не признать, что къ обычной нашей общинѣ слѣдуетъ относиться гораздо внимательнѣе, чѣмъ это многими принято у насъ. Община, безъ всякаго сомнѣнія, носитъ въ себѣ искони присущую народнымъ массамъ идею соціально-государственнаго устроенія и гражданственности, и идеѣ этой едвали можетъ быть отказано въ общечеловѣческомъ ея значеніи. Развить же общину окончательно до совершеннѣйшей практической организаціи, такимъ образомъ, чтобы къ избытку оборонительныхъ силъ ея присоединилась еще способность правильнаго, самобытнаго и безконечнаго саморазвитія, вотъ въ чемъ заключаются, по нашему мнѣнію, и заслуга и задача Россіи; вотъ къ чему идетъ и должно идти наше законодательство.

А. Клаусъ.

общинный, утерянный тамъ подъ владычествомъ англичанъ. Очеркъ стат. по Кольбу В. Покровскаго, стр. 17—19.

ИЗДАЛЕКА И ВБЛИЗИ

ПОВѢСТЬ.

VI.

РЕЗУЛЬТАТЫ ПЕРВАГО ВИЗИТА.

Часовъ въ десять вечера, семейство Карповыхъ сидѣло въ залѣ. Хозяинъ, по обыкновенію, заложивъ за спину подушку, закрывъ глаза, сидѣлъ на диванѣ и время отъ времени сдвигалъ свою ермолку то на одну сторону, то на другую. Онъ дѣлалъ это всякій разъ, когда его занимали какія-нибудь новыя мысли. Въ настоящее время онъ думалъ о томъ, какое направленіе слѣдуетъ дать возникающимъ отношеніямъ къ графу, и къ чему можетъ повести знакомство съ нимъ?

Его практическій умъ рѣшилъ, что «пѣшій конному—не товарищъ»: графъ—особа высшаго полета, между тѣмъ какъ Карповъ передъ нимъ человѣкъ маленькій, скромный землевладѣлецъ, мѣдными пятаками составившій себѣ *нѣкоторое* состояніе; хотя совѣсть подсказывала ему, что его состояніе поспоритъ съ любымъ графскимъ. Какъ бы то ни было, Карповъ не находилъ ничего общаго между собою и графомъ, и рѣшился ни на волосъ не измѣнять своей обыденной жызни, даже въ такомъ случаѣ, еслибы его сіятельству вздумалось влюбиться въ его дочь: не покупать лишняго вина, исключая лиссабонскаго, которое постоянно подавалось къ столу, не одѣвать лакея лучше того, какъ онъ одѣтъ всегда, т.-е. съ потертыми локтями на старомъ фракѣ и не совсѣмъ бѣлыми, нитяными перчатками.

Успокоившись на такомъ рѣшеніи, старикъ открылъ глаза и съ ласковой улыбкой посматривая на свою дочь, разглядывав-

шую съ своей тётей «Иллюстрацію» за большимъ круглымъ столомъ, началъ отбивать ногою тактъ подъ фортепьянную игру своей жены и припѣвать: «рыба-акъ не шуми!» (хозяйка играла отрывокъ изъ «Фенеллы»). Вдругъ на улицѣ залаяли собаки и черезъ минуту у самаго подъѣзда раздалось дружное фырканье лошадей.

— Наши пріѣхали! въ одинъ голосъ вскрикнули дамы.

Въ залу вошелъ Василій Егорычъ, за нимъ Новоселовъ.

— Вотъ мы и отъ графа! возвѣстилъ первый.

— Ну что̀, что̀?... наперерывъ спрашивали дамы.

— Погодите, дайте перевести духъ...

— Пили ли чай? спросилъ старикъ.

— Пили у Андрея Петровича, сказалъ юноша, указывая на Новоселова: мы къ нему заѣзжали, верстъ пять крюку сдѣлали.

— А у графа обѣдали?

— Какъ же! у его сіятельства и обѣдали, и завтракали и шампанское пили.

— Вотъ какъ! Значитъ онъ вамъ былъ радъ?

— Еще бы! произнесъ молодой человѣкъ, доставая сигару.

— Ну? разсказывай по порядку, сказали дамы, садясь всѣ на диванъ противъ разсказчика, который стоялъ среди залы.

— Вася! что̀, красивъ онъ? спросила Александра Семеновна.

— Чрезвычайно! если хотите, до тошноты красивъ... въ вашемъ вкусѣ! Ну-съ! пріѣзжаемъ, началъ Василій Егорычъ, закуривъ сигару:—камердинеры въ бѣлыхъ жилетахъ встрѣчаютъ насъ у подъѣзда. Спрашиваемъ: «дома графъ?» — Дома.—Доложите ему: сосѣди по имѣнію.

Хозяйка обратилась къ Новоселову, сидѣвшему у окна:

— Послушайте, Андрей Петровичъ: вы явились въ этомъ самомъ костюмѣ?

— А то въ какомъ же? возразилъ Василій Егорычъ.

— А я думала, что вы заѣдете къ себѣ домой, переодѣнетесь...

— Ну, ладно! по платью встрѣчаютъ, а по уму провожаютъ... не такъ ли Андрей Петровичъ? возразилъ старикъ.

— Оказалось, папаша, графъ васъ знаетъ, продолжалъ Василій Егорычъ: когда, говоритъ, онъ былъ предводителемъ, онъ ѣздилъ къ моему отцу.

— Я его помню! подхватилъ старикъ: ему было тогда лѣтъ двѣнадцать...

— Начались разговоры: на долго-ли? какъ и что̀? Зашла рѣчь о Петербургѣ, о заграничной жизни и т. п. Графъ былъ очень разговорчивъ. Я замѣтилъ, что пріѣздъ нашъ былъ кстати...

Графъ водилъ насъ по саду, по оранжереямъ; ну, ужъ садъ!... просто итальянская вилла! Показывалъ намъ памятникъ изъ каррарскаго мрамора, сооруженный его предками надъ одной собакой... показывалъ даже огромнаго медвѣдя, котораго онъ недавно купилъ за пятьдесятъ рублей у медвѣжатниковъ.

— На что̀ же онъ ему?

— Должно быть для сильныхъ ощущеній... Словомъ, графъ, какъ видно, жестоко скучаетъ. О Петербургѣ вспоминаетъ съ отвращеніемъ: эти Берги, Деверіи и т. п. ему ужасно надоѣли; разсказывалъ, какъ у кассы, въ большомъ театрѣ, когда въ афишахъ значилось, что будетъ пѣть Патти, двухъ любителей задавили до смерти. Чортъ знаетъ, что́ въ самомъ дѣлѣ творится!... Представьте себѣ: несмотря на всѣ увеселенія, въ Петербургѣ свирѣпствуетъ такая пустота, что однажды (разсказывалъ графъ) во время зимы два знакомые ему витязя ѣздили, ѣздили по Петербургу, наконецъ спрашиваютъ лихача: «послушай! что̀ возьмешь свезти насъ въ поле и тамъ заблудиться?

— Какъ заблудиться? спросили дамы.

— Очень просто: какъ плутаютъ въ полѣ?...

Всѣ захохотали.

— Ну что̀ же лихачъ?

— Лихачъ, разумѣется, сообразилъ въ чемъ дѣло, говоритъ: «заплатите мнѣ двѣсти рублей за лошадь и ступайте, куда знаете: мнѣ, говоритъ, пока жизнь не надоѣла; у меня жена, дѣти... А съ вами заблудишься, да и замерзнешь...»

— Значитъ, графъ рѣшился навсегда поселиться въ имѣніи? спросилъ старикъ.

— Навсегда. Ужъ если, говоритъ, очень скучно будетъ въ деревнѣ, то проѣдусь за границу, или куда-нибудь въ Бомбей, но ужъ никакъ не въ Петербургъ. Или, напримѣръ, такіе курьёзы разсказывалъ: «зайдешь, говоритъ, куда-нибудь въ ресторанъ — только и слышишь: «дюжину устрицъ! Sterlet à la minute, бутылку шампанскаго!» Заглянешь въ афиши — тамъ «въ Большомъ театрѣ «*Золотая рыбка*», въ Александринскомъ «*Всѣ мы жаждемъ любви*», у Берга «*Студенты и гризетки*», еще какія-то *греческія богини*. А ужъ какая скука царитъ въ аристократическихъ гостинныхъ; надобно имѣть желѣзное терпѣніе, чтобы выносить ее: разговоровъ никакихъ, исключая той же Патти, la belle Helène, да обычныхъ сплетней...»

— Удивительный, въ самомъ дѣлѣ, городъ! замѣтилъ старикъ: сколько денегъ поглощаетъ... А вишь чѣмъ занимаются? Ищутъ, гдѣ бы заблудиться?...

— Графъ показывалъ намъ свои ученыя принадлежности,

говорилъ разсказчикъ: микроскопъ, минералы, колбы. Въ кабинетѣ зашла рѣчь, гдѣ находится минералъ хризобериллъ? Графъ сказалъ, что въ Зеландіи; Андрей Петровичъ объявляетъ, что хризобериллъ вмѣстѣ съ изумрудомъ находится у насъ на Уралѣ. Графъ такъ и вытаращилъ глаза: ему показалось, что къ нему пріѣхалъ самъ академикъ Кокшаровъ... Да! тутъ замѣчательныя вещи были; я вамъ разскажу, какой ученый разговоръ велъ Андрей Петровичъ съ графомъ, когда мы гуляли по саду. Графъ началъ съ того, что онъ погрузился въ естественныя науки, такъ какъ онѣ однѣ и могутъ дать положительное знаніе. На это Андрей Петровичъ замѣтилъ, что не будь естественныхъ наукъ, мы бы долго еще летали въ эмпиреяхъ, упиваясь музыкой собственнаго краснорѣчія, трактуя объ идеальности въ реальномъ и, подобно Рудинымъ и Лаврецкимъ, ударяя по струнамъ женскихъ сердецъ. Съ этимъ графъ совершенно согласился. Пошли разсужденія объ эгоизмѣ, на тему:

Каждый себя самолюбьемъ измучилъ,
Каждому каждый наскучилъ,

что всѣ чего-то ждутъ, словно не ныньче, завтра наступитъ свѣтопреставленіе... Графъ спрашивалъ: «въ чемъ же секретъ?» А вотъ въ чемъ, сказалъ Андрей Петровичъ: если мы будемъ понимать эгоизмъ такъ, какъ понимали до сего времени, то мы не только ничѣмъ не будемъ отличаться отъ вандаловъ, но даже просто отъ акулъ, которыя тѣмъ только и занимаются, что пожираютъ слабѣйшихъ себя: тогда нечего и думать о прогрессѣ, о которомъ мы болтаемъ съ утра до ночи; тогда и самая жизнь-то человѣческая сдѣлается невозможною. «Что же дѣлать? Какъ выдти изъ этой пропасти?» спрашивалъ графъ. Заняться самоисправленіемъ, былъ ему отвѣтъ: отцы наши могли себѣ благодушествовать, подвергая всякаго рода экспериментамъ своихъ ближнихъ; теперь эти развлеченія мало кого удовлетворяютъ оттого, что всѣ начали сознательно относиться къ окружающему и нѣтъ сомнѣнія, что если общество не исправится, оно задохнется отъ скуки, — этой современной моровой язвы. Я съ своей стороны добавилъ, что кажется уже пришелъ судья милосердый — отдѣлить козлищъ отъ овецъ, пшеницу отъ плевелъ... не все-то намъ порхать по цвѣткамъ... Графъ сильно задумался. Наконецъ онъ спросилъ: «въ чемъ же должно заключаться самоисправленіе?» Тогда мы передъ нимъ выдвинули соху.

— Что это? какія глупости! воскликнули дамы: неужели вы не могли обойтись безъ вашей дурацкой сохи?...

— Нельзя, нельзя! mesdames! этотъ инструментъ краеуголь-

ный камень общественнаго благосостоянія... А по вашему если человѣкъ носитъ pince-nez, такъ и надо разсуждать съ нимъ объ однихъ сильфидахъ? Вы видите, что сильфиды ему надоѣли! что же остается ему предложить кромѣ сохи андреевны!

— Оставь свои глупости! перебила хозяйка: скажи лучше, что же онъ, къ намъ обѣщался пріѣхать?...

— На этихъ дняхъ непремѣнно пріѣдетъ... Какъ изволите видѣть, милостивыя государыни, порученіе ваше мы исполнили; за это вы должны благодарить насъ, заключилъ Василій Егорычъ.

— Merci, merci...

— Андрей Петровичъ, обратилась хозяйка къ Новоселову: какъ вы нашли графа?

— Мнѣ кажется, онъ человѣкъ со всѣми достоинствами...

— Короче—bel homme! подхватилъ молодой Карповъ; впрочемъ онъ добрый малый... Теперь я поведу рѣчь о томъ (про графа кажется уже довольно), что съ завтрашняго же дня я устраиваю во флигелѣ лабораторію, пора приниматься за дѣло; потомъ мы съ Андреемъ Петровичемъ рѣшили на счетъ васъ, сударыня,—обратился Василій Егорычъ къ сестрѣ:—мы хотимъ сдѣлать такого рода предложеніе: не угодно ли вамъ брать уроки по какой-нибудь отрасли знанія у меня или у Андрея Петровича? Намѣрены ли вы чѣмъ-нибудь заняться, кромѣ вашихъ куколъ и собачекъ? Мнѣ кажется, вамъ скоро наскучатъ дѣтскія игры...

— Да я готова, воскликнула Варвара Егоровна: кто-жъ тебѣ сказалъ, что я только способна играть въ куклы?

— Пожалуйста не обижайтесь.—Василій Егорычъ поцѣловалъ сестру.—Теперь позвольте спросить, какой предметъ вы желаете изучать?

— Я право не знаю,—сильно покраснѣвъ, сказала дѣвушка.

— Хотите я вамъ буду читать гигіену — умѣнье сохранять свое здоровье? предложилъ Новоселовъ.

— Съ удовольствіемъ, отвѣтила будущая ученица.

— Ахъ, Basile! чего ты не затѣешь? возразила мать: скажи ради Бога къ чему эти уроки? Вѣдь она читала много: напримѣръ, «Хижину дяди Тома», Островскаго, Тургенева, мало ли кого?

— Ну, пусть играетъ въ куклы, сказалъ молодой человѣкъ.

— Maman, я съ удовольствіемъ готова поучиться чему-нибудь...

Въ это время старикъ обратился къ Новоселову:

— Ничего! Займитесь съ нею... какъ сохранять здоровье, всякому надо знать... А то, признаться, мнѣ доктора наскучили.

Надо дѣлать такъ, чтобы обходиться безъ нихъ; я вѣкъ цѣлый прожилъ безъ всякихъ лекарствъ...

— А вы мнѣ, Егоръ Трофимычъ, позвольте у васъ брать уроки сельскаго хозяйства, сказалъ Новоселовъ.

— Съ большимъ удовольствіемъ, отвѣтилъ старикъ: вы какъ думаете на счетъ хозяйства? у насъ тутъ свой университетъ.

Хозяйка поднялась и объявила, что отправляется на верхъ; она пригласила съ собой сына, чтобы онъ разсказалъ ей кое-что про графа.

— Черезъ полчаса я буду во флигелѣ, сказалъ молодой Карповъ Новоселову: если соскучитесь, приходите.

VII.

БЕСѢДА ВЪ КАБИНЕТѢ.

Дамы съ Василіемъ Егоровичемъ отправились наверхъ; старикъ повелъ Новоселова въ свой кабинетъ, приказавъ слугѣ зажечь лампу.

Въ кабинетѣ на стѣнахъ висѣли фамильные портреты, связки ключей отъ кладовыхъ, барометръ, сабли съ портупеями и цѣлый рядъ старыхъ картузовъ, которые когда-то носилъ Карповъ; на столѣ лежали конторскія книги, очки, мѣшечки съ образцами овса и гречихи, молитвенники. Въ переднемъ углу, украшенные вербами, помѣщались образа въ золотыхъ кіотахъ, внутри которыхъ хранились бархатныя шапочки отъ святыхъ мѣстъ, вѣнчальныя свѣчи и аномаліи хлѣбныхъ злаковъ: двойные, тройные и даже семерные колосья ржи и пшеницы.

— Прошу покорно, сказалъ старикъ, указывая гостю на диванъ и самъ располагаясь въ креслахъ.

Новоселовъ закурилъ сигару и началъ:

— Мнѣ, Егоръ Трофимычъ, хочется поближе познакомиться съ положеніемъ сельскаго батрака. Сколько вы платите своимъ рабочимъ въ годъ?

— Цѣна разная, сказалъ старикъ, искоса поглядывая на собесѣдника: впрочемъ никакъ не болѣе тридцати пяти рублей въ годъ... харчи мои...

— А одежда?

— Ужъ это ихъ дѣло! какъ они хотятъ...

Наступило молчаніе.

— Да замѣтьте, продолжалъ старикъ: изъ этихъ тридцати пяти рублей крестьянинъ долженъ заплатить подушныя, пастуш-

ныя, пожарныя, мостовыя; сверхъ того одѣть, обуть себя, прокормить дѣтей...

— Такъ, задумчиво проговорилъ Новоселовъ.

— Что-жъ дѣлать? Такая цѣна вездѣ: оттого-то всѣ мужики и разорены. Придетъ время платить подати, мужикъ начнетъ метаться какъ угорѣлый; нанимается на заработки—за какую угодно плату; ужъ тутъ его бери руками. Ошалѣетъ совсѣмъ: ты ему даешь пять рублей за обработку десятины, а онъ проситъ четыре съ полтиной... Что говорить, сказалъ старикъ, вздохнувъ: положеніе безвыходное... Вотъ вамъ и воля, которой вы добивались, господа прогрессисты.

— А нѣтъ-ли между вашими мужиками такого господина, который вовсе не имѣетъ земли, слѣдовательно не знаетъ ни подушныхъ, ни пастушныхъ.

— Есть такой мужикъ: его зовутъ Андреяшкой. Онъ отказался отъ надѣла, выпросилъ у міра мѣстечко для избы и живетъ одинъ съ женою. Поутру придетъ къ моему старостѣ и спрашиваетъ работы. Ему нѣтъ дѣла, кормлена ли лошадь, которую ему даютъ; сломалась соха, давай другую. Такихъ бобылей стало появляться не мало, особенно въ послѣднее время. Да по-моему, Андреяшка—философъ. Вы чтò же, Андрей Петровичъ, хотите завести работниковъ?

— Сохрани меня Богъ, сказалъ Новоселовъ:—вѣдь, по вашимъ словамъ, я имъ долженъ платить по тридцати пяти рублей въ годъ?

— Разумѣется. Иначе какая же вамъ будетъ выгода? Такъ чтò же вы намѣрены дѣлать? спросилъ Карповъ, пристально глядя на гостя.

— Удалиться отъ зла и сотворить благо; другими словами продать землю.

— Какъ?..

— Непремѣнно...

— Послушайте, Андрей Петровичъ: я право никакъ не могу вѣрить тому, чтò вы говорите. Извините за нескромный вопросъ: чѣмъ же вы будете жить? Деньги, которыя вы получите за ваше имѣніе, конечно пролетятъ, служить вы не хотите, на чтò же вы разсчитываете?

— Дѣло вотъ въ чемъ, добрѣйшій Егоръ Трофимычъ: признаться сказать, надоѣли мнѣ эти родовыя наши имѣньица, съ которыхъ мы получаемъ доходъ, не помышляя о томъ, какими путями онъ достигаетъ нашего кармана... а главное—пользы-то намъ отъ него мало... хочется мнѣ хлебнуть горькой чаши, которую пьетъ нашъ народъ.

— Значитъ, хотите быть мужикомъ?

— Гдѣ мнѣ объ этомъ мечтать—изнѣженному баричу, просто потѣшить себя хочется: опротивѣлъ мнѣ нашъ пресловутый, незаслуженный комфортъ; попробую надѣть мужицкій армякъ...

Старикъ засмѣялся и вдругъ воскликнулъ:

— Да вы, я вижу, шутите мужицкимъ армякомъ-то? Знаете ли, на чтò вы рѣшаетесь?

— Знаю...

— Нѣтъ, не знаете... Вы, батюшка, съ позволенія сказать, мелко плаваете! Хотите я вамъ разскажу, чтó такое мужицкая жизнь?

— Сдѣлайте одолженіе. Я васъ предупреждалъ, что мнѣ хочется поближе познакомиться съ положеніемъ нашего крестьянина.

— Эй, человѣкъ! подай намъ вина! крикнулъ старикъ.

Слуга подалъ лиссабонское. Собесѣдники выпили по бокалу. (У Карпова и къ простой водкѣ подавались бокалы).

— Слушайте, почтеннѣйшій Андрей Петровичъ; я буду кратокъ, но выразителенъ,—такъ началъ старикъ, наполнивъ снова бокалы. Представьте себѣ мужицкую избу,—старикъ низко развелъ руками, желая представить убогую хижину: вóнь... мерзость... тараканы... Старикъ отплюнулся: н-нѣтъ, вы не знаете мужицкой жизни; я вамъ ее обрисую...

— Обрисуйте, пожалуйста.

— Выпьемъ! сказалъ старикъ. Я, батюшка, около сорока лѣтъ трусь около этого народа: я его изучилъ не по книжкамъ, какъ вы..! Про лѣтнюю пору я вамъ не буду говорить; вы ее болѣе или менѣе знаете; а я начну съ зимы, когда вы въ своемъ Петербургѣ слушаете Патти, а у насъ въ трубѣ своя Патти запѣваетъ.

— Вы разскажите, чтò я буду дѣлать зимою, живя въ крестьянской избѣ?

— Я къ тому-то и веду. Прежде всего надо встать съ пѣтуховъ, часа въ три утра, чтобы задать всей скотинѣ корму... слышите? а кормъ надо съ вечеру изготовить въ вязаночкахъ; потому въ три часа утра некогда его искать на гумнахъ; темно, да еще пожалуй на волка наткнешься, у насъ же волковъ пропасть, примите къ свѣдѣнію (они ходятъ по дворамъ—ловятъ собакъ)... На разсвѣтѣ опять принимайся за кормъ; тутъ надо идти въ одонья и отрывать его изъ-подъ снѣгу. Потомъ разносить этотъ кормъ по двору, по закутамъ; а замѣтьте, дверей вездѣ пропасть; иную отворишь—она изъ пятки вывернулась,—надо чинить, а то выскочитъ скотина. Далѣе, придете въ избу—

отдохнете, да поговорите съ бабами о томъ, когда начать — морозить таракановъ!... Вотъ вопросъ! А не забудьте, на дворѣ опять реветъ скотина, проситъ опять ѣсть!...

— Да вѣдь сейчасъ дали...

— Что жъ такое что дали? вѣдь кормъ-то не питательный— солома; скотина оберетъ колосокъ, да и опять кричитъ.

— Ну, а въ продолженіи дня?

— Въ продолженіи дня? Извольте послушать, какая музыка пойдетъ: надо избу отчистить отъ снѣгу, потому въ окнахъ темь; на дворѣ вырубить ледъ изъ корыта, обить бочку и ѣхать за водой. Потомъ бочка завязла, сидитъ въ сугробѣ; глядь, и завертка лопнула. Однимъ словомъ, вавилоняне что-ль строили памятникъ, когда было смѣшеніе языковъ?... вотъ тоже самое столпотвореніе идетъ и въ мужицкомъ быту... Я очень хорошо знаю, что вы фантазируете: вамъ мужикомъ не быть, это я напередъ скажу; тѣмъ не менѣе я подробно описываю вамъ мужицкую жизнь, чтобы вы не относились къ ней легкомысленно... Да! мужикъ нашъ—это, я не знаю, какая-то скала! гдѣ намъ! Старикъ махнулъ рукой.

— Но вы обѣщались разсказывать, такъ продолжайте, сказалъ Новоселовъ.

— Что-жъ разсказывать? Что разсказывать про адъ кромѣшный!... съ грустью проговорилъ старикъ.

— Вы мнѣ, Егоръ Трофимычъ, обѣщались читать лекціи по сельскому хозяйству: вотъ, что̀ вы теперь передаете, это-то я и желалъ слышать отъ васъ.

— А весна!... продолжалъ старикъ, покачавъ головой: всѣ больны, скотина безъ корму... хлѣба нѣтъ... Или вотъ, самое простое обстоятельство, напримѣръ, сошникъ наварить. Мужикъ приходитъ къ кузнецу; оказывается, что кузнецъ заваленъ работой; значитъ, прошатался задаромъ. Въ другой разъ идетъ; кузнецъ говоритъ: «еще не брался за твою работу». Ну, наконецъ справленъ сошникъ. Мужикъ выѣхалъ пахать, прошелъ нѣсколько бороздъ—хлопъ! палица пополамъ; надо ѣхать въ городъ; а тутъ на встрѣчу верховой съ извѣстіемъ: мировой судья требуетъ въ свидѣтели. Мужикъ ѣдетъ за двадцать верстъ къ мировому; а тамъ объявляютъ, что дѣло отложено *до пятницы*; ступай назадъ! Да что̀ тутъ разсказывать! Ясно какъ день, что вы забрали въ голову пустяки, Андрей Петровичъ... Извините за откровенность.

Новоселовъ молчалъ. Старикъ посмотрѣлъ на него и сказалъ:

— А вамъ, знаете, что̀ нужно?

— Что?

— Жениться, да обзавестись семейкой... вотъ чего вамъ недостаетъ.

— Гдѣ намъ мечтать о такомъ счастіи...

— Отъ чего же? съ участіемъ спросилъ старикъ.

— Вѣдь надо, я думаю, понравиться какой-нибудь барышнѣ: а это вещь невозможная. Нашимъ барышнямъ нравятся каменные дома, да люди, получающіе хорошіе оклады жалованья; а у меня нѣтъ ни того, ни другого. При томъ, какая же дура пойдетъ за человѣка, у котораго идеалъ — соха и армякъ? Вотъ, еслибы я проповѣдовалъ *теплую лежанку*, охотницъ нашлось бы много.

— Такъ, стало быть, вы все-таки рѣшились пахать?

— Непремѣнно!

— Ну, батюшка, вы неизлечимы.

— Пожалуй, что и такъ. Прибавьте къ этому, *дескать* всякій по-своему съ ума сходитъ. Покойной ночи.

— До свиданія.

VIII.

ПРІѢЗДЪ ГРАФА.

Черезъ нѣсколько дней, слуга Карповыхъ объявилъ барину, сидѣвшему за письменнымъ столомъ въ кабинетѣ: «графъ ѣдетъ!» Съ тѣмъ же извѣстіемъ онъ бросился въ дѣвичью и вскорѣ во всемъ домѣ, среди суматохи и бѣготни, на разные голоса раздавалось: «графъ ѣдетъ! ѣдетъ! ѣдетъ! Оля! Груша!...» — «Подайте мнѣ сюртукъ!» кричалъ баринъ, снимая съ себя камзолъ.

Все, что было въ домѣ, припало къ окнамъ и, затаивъ дыханіе, стало высматривать, какъ къ крыльцу подъѣзжала четверня вороныхъ, запряженная въ щегольскую коляску; на козлахъ красовался кучеръ въ форменномъ кафтанѣ и старый камердинеръ въ ливреѣ и шляпѣ съ позументами. Съ невыразимымъ наслажденіемъ, любуясь на это зрѣлище, хозяйка говорила своей горничной: «Грушка! да смотри, смотри»...

— Вижу, сударыня! просто на рѣдкость!...

На верху Александра Семеновна, въ какомъ-то упоеніи говорила, отходя отъ окна:

— Оля! мнѣ душно! подай капли!...

— Чортъ бы всѣхъ побралъ, кричалъ баринъ, съ трудомъ всовывая руку въ сюртукъ: — изволь исполнять бабьи прихоти...

— Оля! маши на меня вѣеромъ, опустившись на кушетку, говорила Александра Семеновна.

Одѣтый по послѣдней модѣ, въ шармеровскомъ фракѣ, въ черныхъ, узенькихъ панталонахъ съ лампасами, въ бѣлыхъ перчаткахъ, съ проборомъ на затылкѣ, графъ явился въ залу.

Лакей доложилъ, что господа скоро выйдутъ. Графъ началъ поправлять передъ зеркаломъ свою прическу.

Вошелъ, въ свѣтломъ клѣтчатомъ жилетѣ и въ длиннополомъ сюртукѣ, хозяинъ. Графъ быстро сбросилъ съ глазъ pince-nez и отрекомендовался.

— Прошу садиться, сказалъ старикъ, утирая на лицѣ потъ,

Зашуршали платья и въ залѣ явились дамы.

— Это моя жена.... моя свояченица, сказалъ старикъ.

Графъ, ловко придерживая шляпу, сдѣлалъ реверансъ съ глубокимъ поклономъ, при чемъ его pince-nez заблестѣлъ и закачался какъ маятникъ.

Всѣ усѣлись. Со стороны дамъ послѣдовали одинъ за другимъ вопросы, на которые графъ не зналъ какъ отвѣчать. Мало-по-малу бесѣда приняла плавное теченіе. Старикъ распространился о покойномъ отцѣ графа; спросилъ о его матери, которой досталась седьмая часть отъ мужнина имѣнія, и получилъ извѣстіе, что она постоянно живетъ за границей.

— Такъ вы теперь сами приглядываете за хозяйствомъ? сказалъ наконецъ старикъ.

— Да.... нельзя, знаете.... правда, управляющій у меня — честный малый.... но свой глазъ все-таки необходимъ.... Графъ очаровательно улыбнулся.

— О, безъ сомнѣнія! подхватили дамы.

— А много у васъ нынѣшній годъ въ посѣвѣ? спросилъ старикъ.

— Десятинъ около трехъ тысячъ, если не больше....

— Слава Богу!...

— Скажите, графъ, спросила хозяйка: вѣдь вы бывали за границей?

— Едва ли не всю Европу объѣздилъ, почтительно наклонившись, произнесъ графъ.

— Разумѣется, были въ Италіи?

— Чудная страна! какой климатъ! да притомъ Италія, — какъ вамъ извѣстно, страна искусствъ....

— А Флоренція — я воображаю, что̀ это такое!...

— Это скорѣе — женственный городъ.... знаете ли, мягкость какая-то во всемъ.... въ природѣ и въ людяхъ.... Тамъ этого нѣтъ, какъ у насъ въ Петербургѣ: всякій косится другъ на

друга.... тамъ все это поетъ.... плащъ черезъ плечо.... шляпа на бекрень.... Да вообще городъ замѣчательный самъ по себѣ: напримѣръ Lung'Arno.... il giardino di Boboli.... palazzo Pitti.... chef-d'oeuvre!

— А въ Андалузій вамъ не случалось быть? въ свою очередь спросила Александра Семеновна.

— Въ Андалузіи я былъ проѣздомъ, съ матерью; она любитъ Испанію.... тамъ такая природа, что право чувствуешь себя несчастнымъ при мысли, что родился на безпріютномъ, мрачномъ сѣверѣ....

— Ахъ! именно безпріютный.... мрачный сѣверъ....

— И не скучали за границей? спросилъ хозяинъ.

— Уже впослѣдствіи.... дѣйствительно началъ скучать....

— По Россіи?

— Мм-да.... если хотите....

— Само-собою разумѣется, подхватила Карпова: вы родились въ Россіи.... очень естественно.... да вѣдь всѣ, живущіе за границей, жалуются на тоску по родинѣ.... А кажется, чего бы тосковать?

Графъ вздохнулъ, промолвивъ:

— Что дѣлать! видно ужъ человѣкъ такъ созданъ.

Наступило молчаніе. Всѣ какъ будто хотѣли перевести духъ послѣ обильной умственной пищи, которою угостили себя.

— Ваши молодые люди дома? обратился графъ къ хозяйкѣ.

— Они во флигелѣ.... я за ними пошлю. Иванъ! Вошелъ слуга. Сходи во флигель и скажи господамъ, чтобы они пожаловали сюда.

— Молодой баринъ у себя-съ, доложилъ лакей, а Андрея Петровича кажись нѣту....

— Гдѣ же онъ?

— Они давеча собирались пахать....

Всѣ навострили уши и засмѣялись.

— Ступай, узнай! (лакей вышелъ). Вѣдь Андрей Петровичъ, нашъ знакомый,—чудакъ страшный, поспѣшила объяснить Карпова: явилась у него фантазія—labourer la terre.... vous comprenez, monsieur le prince.... mais certainement c'est une idée fixe....

— Вашъ сынъ и вашъ знакомый говорили мнѣ объ этомъ, улыбаясь сказалъ графъ: конечно, я не спорю, въ этой мысли есть много хорошаго.... гуманнаго даже, и вообще современнаго.... но съ другой стороны, какъ хотите.... Графъ пожалъ плечами: вѣдь это такой трудъ.... такой подвигъ, для котораго, мнѣ кажется, надо родиться героемъ....

— Просто утопія!... подхватила хозяйка: люди молодые.... жаждутъ дѣятельности.... а развернуться не надъ чѣмъ.... ну и составили теорію такую....

— Впрочемъ чтожъ? я готовъ! воскликнулъ графъ: чтожъ? пахать землю въ гигіеническомъ отношеніи — полезно.... Я совершенно согласенъ, что намъ работа нужна.... у насъ движенія мало.... Но предлагать для этой цѣли соху!!!. Дѣло въ томъ, что у насъ, къ несчастію, есть общественное мнѣніе — деспотъ, предъ которымъ всякій болѣе или менѣе преклоняется.... Дѣло другое, еслибы мы жили гдѣ-нибудь на необитаемомъ островѣ....

— Они оба дома! возвѣстилъ слуга: чѣмъ-то занимаются....

— Такъ я къ нимъ пойду. Надѣюсь, это недалеко отсюда? спросилъ графъ.

— Вамъ хочется къ нимъ? сказала хозяйка, поднимаясь. Иванъ! проводи ихъ сіятельство. Графъ! завтракать съ нами.... надѣюсь, вы не откажете намъ въ этомъ удовольствіи...

— Avec plaisir... au revoir.... Графъ удалился.

— Ахъ какая прелесть!... нараспѣвъ возопили дамы, всплеснувъ руками: какъ милъ!... charmant!... il est beau!

— Оля! подай мнѣ вѣеръ.... Какой bel homme!...

Восхищаясь дорогимъ гостемъ, дамы разошлись по своимъ комнатамъ. Старикъ отправился по хозяйству.

IX.

ЛЕКЦІЯ.

Въ сопровожденіи слуги Карповыхъ и своего камердинера, графъ шелъ черезъ садъ во флигель. Садовникъ съ лопаткою въ рукѣ и бабы, половшія клубнику, отвѣсили ему низкій поклонъ. Лакей, забѣжавъ впередъ, отворилъ калитку. Графъ увидалъ длинное зданіе съ двумя подъѣздами.

— Такъ они здѣсь живутъ, сказалъ онъ.

— Такъ точно! — подтвердилъ Иванъ: а энто вонъ ихнія сохи.... прибавилъ онъ, указывая къ воротамъ.

— Какъ?! воскликнулъ графъ.

— Дѣйствительно-съ! осмѣлюсь доложить, они дня съ четыре пашутъ.... Сначала по зорямъ... такъ какъ днемъ жарко— а вчера въ самый жаръ пахали....

Графъ смотрѣлъ на сохи съ тѣмъ выраженіемъ, которое обличало болѣе, чѣмъ ужасъ.

— Да-съ, продолжалъ лакей, замѣтивъ дѣйствіе своихъ словъ:

они шибко занялись.... потому соха не свой братъ! она всѣ руки отвертитъ.... особливо кто безъ привычки....

— Имъ никто не помогаетъ? спросилъ графъ.

— На счетъ пахоты-съ? Никто!... они какъ есть безъ всякой прислуги.... молодой баринъ двѣ палицы сломали, а Андрей Петровичъ подсѣкли-было ноги лошади.... Богъ дастъ, привыкнутъ, заключилъ слуга.

Черезъ минуту онъ ввелъ графа въ большую свѣтлую комнату, среди которой стоялъ Василій Егорычъ, одѣтый въ блузу, держа въ рукахъ пробирный цилиндръ и стеклянную палочку.

— Ба, ба!... воскликнулъ химикъ: — я-было только хотѣлъ идти въ домъ. Здравствуйте, графъ.

— Чѣмъ это вы занимаетесь?

— Дѣлаю анализъ почвы.

Графъ при помощи pince-nez пристально взглянулъ на цилиндръ.

— Это я осадилъ магнезію, объяснилъ Василій Егорычъ:— видите, какой получился осадокъ?

— Это магнезія?

— Она.

— А сѣроводорода сюда не нужно? спросилъ графъ.

— На что̀ же? Онъ испортитъ все дѣло.

— Значитъ, почва хорошая?

— Ну, нѣтъ! возразилъ химикъ, становя цилиндръ на окно: во-первыхъ, хлористый барій никакой мути не производитъ... ляписъ осадка не дѣлаетъ... соляная кислота шипѣнья не производитъ... Словомъ, почву надо удобрять известью, сѣрной кислотой и поваренной солью... вотъ какова земелька-то! да и фосфорныхъ солей очень мало...—Ну-съ, разсказывайте, какъ вы поживаете? медвѣдь живъ?

— Ничего... на-дняхъ скинулъ-было съ себя ошейникъ... поправили.... Гдѣ же Андрей Петровичъ?

— Онъ въ сосѣдней комнатѣ. Пойдемте къ нему.

Василій Егорычъ отворилъ двери и ввелъ графа въ другую комнату, въ которой за столомъ сидѣли Новоселовъ и Варвара Егоровна.

— Честь имѣю рекомендовать,—моя сестра, сказалъ Василій Егорычъ. Дѣвушка встала и сдѣлала книксенъ.

— Я, кажется, вамъ помѣшалъ, началъ графъ, смотря на тетрадку съ карандашемъ, лежавшую передъ барышней.

— О! нисколько! объявилъ Новоселовъ. Не угодно ли присѣсть!

— Андрей Петровичъ читаетъ моей сестрѣ гигіену...

— Да у васъ сильно процвѣтаетъ наука! объявилъ графъ, держась за спинку стула и приготовляясь садиться: если позволите, и я послушаю...

— Вы сдѣлаете намъ большую честь... но мы уже на половинѣ дороги, сказалъ Новоселовъ.

Графъ сѣлъ, сказавъ дѣвушкѣ, которая слегка отодвинула свой стулъ: «mille pardon, mademoiselle».

— А вы не слыхали новость, графъ, сказалъ Карповъ: Андрей Петровичъ продаетъ свою землю и удаляется въ пустыню...

— Какъ? куда же это вы?

— Кое-куда... впрочемъ это еще не скоро.

— Какъ жаль! вы останьтесь съ нами, Андрей Петровичъ...

— Объ этомъ мы поговоримъ; позвольте мнѣ кончить лекцію. Василій Егорычъ также сѣлъ послушать. Новоселовъ объявилъ: — предупреждаю васъ, графъ, что наша бесѣда ничего новаго не представитъ для васъ, все это вы тысячу разъ слыхали...

— Ахъ, напротивъ... я увѣренъ... я такъ мало знаю...

«Вотъ въ чемъ дѣло, обратился учитель къ своей ученицѣ:

«Въ природѣ, какъ я упомянулъ, разлита творческая сила; возьмите растеніе, кристаллъ какой-нибудь, мускулъ — все это созидалось вслѣдствіе творческой силы; изъ зерна является растеніе съ листьями и цвѣткомъ, наши пищеварительные органы изъ ржаной муки умѣютъ сдѣлать кровь.

«Люди богатые ѣдятъ кровавые ростбифы, другими словами, готовую кровь вливаютъ въ свою собственную, такъ что желудку не надъ чѣмъ и призадуматься; за то привыкшій къ ростбифамъ желудокъ станетъ въ тупикъ передъ ржанымъ хлѣбомъ, а какая-нибудь рѣдька повлечетъ за собою смерть.

«Такъ какъ человѣкъ существо всеядное, то и богатые люди прибѣгаютъ къ спаржѣ, трюфелямъ, салату, фруктамъ. Но у нихъ, какъ наука доказала, болѣе половины пищи остается неусвоенною организмомъ, потому что богатые люди по бòльшей части ничего не дѣлаютъ...

«Такимъ образомъ, если хотите имѣть исправный желудокъ, во-первыхъ, не балуйте его изысканной пищей, а во-вторыхъ, непремѣнно работайте.

«Въ этомъ направленіи и идите: не хотите простудиться, — привыкайте къ холоду; ибо въ настоящее время стало извѣстно, что радикальнымъ средствомъ противъ жабъ и катарровъ — служитъ холодная вода, точно также какъ отъ объяденія—діэта и трудъ.

«Вообще, природа все нужное даетъ тѣмъ, которые прибѣгаютъ къ ея помощи, и преслѣдуетъ нарушителей своихъ законовъ.

Звѣрей она одѣла въ шерсть, лошади дала копыто, между тѣмъ, тунеядца—прежде времени лишила волосъ, надѣлила подагрой и т. д. Я вамъ кажется упоминалъ, что въ природѣ существуетъ правда; во имя этой правды неумолимая природа жестоко наказываетъ всѣхъ, считающихъ ее не за мать свою, а за врага, отъ котораго надо скрываться; въ силу этой правды человѣчество, хотя и медленно, идетъ впередъ.

«Наши цивилизованные люди всѣ мѣры употребляютъ для того, чтобы удалиться или, вѣрнѣе, скрыться отъ природы. За то посмотрите, какъ эта псевдоцивилизація изнѣживаетъ, разслабляетъ и извращаетъ людей, дѣлаетъ ихъ трусами, жалкими отребьями...

«Послѣ сказаннаго вамъ не трудно убѣдиться, что надобно любить природу; а она на каждомъ шагу учитъ насъ умѣренности, труду, самоусовершенствованію, наконецъ тому, что жизнь не есть праздникъ, а высокій и тяжкій подвигъ.

«До сего времени мы не знали цѣны ничему, а какъ скоро исторія втащила насъ въ колею общечеловѣческой культуры, мы и забѣгали какъ клопы (насѣкомое паразитное), ошпаренные кипяткомъ.

«Задача цивилизаціи состоитъ не въ томъ, чтобы жить на чужой счетъ, подставлять другъ другу ногу (чего не дѣлаютъ даже самыя низшія сравнительно съ нами животныя, и притомъ гораздо болѣе способныя къ общественной жизни, нежели мы, напримѣръ пчелы, муравьи и пр.); а въ томъ, чтобы блага природы распредѣлить между возможно бо̀льшимъ числомъ людей, чтобы путемъ науки выяснить тунеядцу, что отъ жирнаго куска, который онъ схватилъ у ближнихъ, испортится желудокъ, его постигнутъ разныя болѣзни, а лѣнь и праздность доведутъ до смертной тоски.

Вѣрь, ни единый песъ не взвылъ
Тоскливѣе лѣнтяя,

говоритъ одинъ поэтъ. Словомъ, кусокъ, отнятый у ближняго, тунеядецъ схватитъ себѣ на погибель. Вы слыхали крестьянскую пословицу, что чужое добро впрокъ нейдетъ; эта пословица справедлива болѣе, чѣмъ думаютъ. Тотъ же поэтъ въ одномъ мѣстѣ говоритъ:

Роскошны вы, хлѣба заповѣдные
Родимыхъ нивъ —
Цвѣтутъ, ростутъ колосья наливные,
А я чуть живъ!

Ахъ, странно такъ я созданъ небесами,
Таковъ мой рокъ,
Что хлѣбъ полей, воздѣланныхъ рабами
Нейдетъ мнѣ впрокъ!

Тунеядцамъ пища служитъ отравой; вся жизнь ихъ не что иное, какъ патологическій процессъ; ихъ фешёнебельныя квартиры — больницы, гдѣ въ сильномъ ходу геморрои, желудочные катарры, изнуренія, разслабленія, «укрѣпляющіе эликсиры, питательные шоколады», сверхъ всего этого хандра и непомѣрная скука.... Никто изъ этихъ господъ не можетъ сказать, что его не грызетъ какой-то червякъ, который —

Въ сердцѣ уняться не хочетъ никакъ,
Или онъ старую рану тревожитъ
Или онъ новую гложетъ!»

— Какую глубокую правду вы говорите, Андрей Петровичъ! воскликнулъ графъ: позвольте пожать вамъ руку! Я не знаю, какимъ свѣтомъ!... Графъ не договорилъ и взялся за голову, какъ будто хотѣлъ оттуда вытряхнуть что-то.... Представьте себѣ, продолжалъ онъ: у меня есть одинъ знакомый въ Петербургѣ, богачъ страшный. Само собою разумѣется, какихъ-какихъ благъ онъ не испробовалъ въ своей жизни: онъ прежде времени облысѣлъ и согнулся, такъ что не можетъ сидѣть прямо, а поднявши ноги вверхъ.... этотъ человѣкъ обыкновенныхъ блюдъ уже не можетъ ѣсть: сидя спиной къ своему повару, онъ приказываетъ ему изготовить напримѣръ дупеля, но такъ, чтобы эта птица ни подъ какимъ видомъ не походила на самое себя: «Положи, говоритъ, въ него мозговъ, трюфелей».... вообще чортъ знаетъ чего.... Что-жъ бы вы думали? на этихъ дняхъ получаю извѣстіе, что этотъ господинъ хотѣлъ застрѣлиться....

Новоселовъ продолжалъ: «Несмотря на роскошь, которой окружены эти несчастные, они покоя себѣ не видятъ: то устремятся за границу, то опять на родину и т. д. Жизнь для нихъ не имѣетъ ни малѣйшаго смысла. Вотъ къ чему можно придти въ наше время. Привожу слова другого поэта:

Подъ бременемъ безплодныхъ лѣтъ,
Изнылъ мой духъ, увяла радость,
И весь я сталъ ни то ни сё.
И жизнь подъ часъ такая гадость,
Что не глядѣлъ бы на нее!

«Итакъ, обратился Новоселовъ къ Варварѣ Егоровнѣ: теперь мы съ вами узнали, отъ чего происходитъ вся эта кутерьма. Въ подтвержденіе сказаннаго приведу слова евангелія».

Учитель взялъ лежавшую на столѣ книжку съ золотымъ распятіемъ на переплетѣ, и съ разстановкой прочиталъ слѣдующее: «Блюдите и хранитеся отъ лихоимства: яко же не отъ избытка кому животъ его есть отъ имѣнія его: душа больши есть пищи и тѣло одежды. Продадите имѣнія ваша и дадите милостыню. Сотворите себѣ влагалища не ветшающа, сокровище не оскудѣемо (то-есть, займитесь самоисправленіемъ, добавилъ учитель): да будутъ чресла ваши препоясана и свѣтильницы горящіи (разумѣется нравственный міръ человѣка). Блажени раби тіи, ихъ же пришедъ Господь обрящетъ бдящихъ. Аще же речетъ рабъ въ сердцѣ своемъ: коснитъ господинъ мой пріити, и *начнетъ бити рабы и рабыни, ясти же и пити и упиватися.* Пріидетъ господинъ раба того въ день, въ онь же не чаетъ и въ часъ, въ-онь же не вѣсть (припомните Судію милосердаго, о которомъ говорилъ Василій Егорычъ). Той *же рабъ біенъ будетъ много».* Запишите эти тексты въ свою тетрадку, сказалъ Новоселовъ дѣвушкѣ:—еще присоедините слова апостола: «не трудивыйся—да не ястъ». На томъ мы пока и остановимся.»

Слушатели сидѣли въ раздумьи. Графъ раза два вздохнулъ, устремивъ взоръ въ уголъ аудиторіи и играя брелоками на своихъ часахъ. Василій Егорычъ обратился къ сестрѣ съ такими словами:

— Ну, что̀ же ты, убѣдилась въ необходимости труда?

— Еще бы! промолвила дѣвушка.

— Это главное! Я радъ, что изъ тебя не выйдетъ сахарная барышня.... Тебя можетъ быть занимаетъ вопросъ: кто эти дармоѣды, о которыхъ говорилось въ лекціи?

— Дармоѣды — это мы всѣ!... Положимъ, *наши предки Римъ спасли;* да мы что̀ сдѣлали такое?... Не правда ли, графъ?

— О! безъ сомнѣнія!... тономъ передового человѣка сказалъ графъ.

— Вотъ мы когда заговорили о дѣлѣ-то! объявилъ Василій Егорычъ. Всѣ встали изъ-за стола.—Что называется, добрались до самаго корня....

— Въ настоящее время, подтвердилъ графъ: когда, такъ-сказать, всѣ въ какомъ-то напряженіи.... чего-то ждутъ....

— И мечутся отъ скуки, добавилъ Карповъ. Графъ засмѣялся. Новоселовъ обратился къ Василію Егорычу:

— Какъ бы мнѣ найти покупателя на свою землю?

— Найдутся, не безпокойтесь! Я сегодня скажу отцу, не купитъ ли онъ?

— Андрей Петровичъ хочетъ послѣдовать словамъ евангелія: «продадите имѣнія ваша», замѣтилъ графъ.

— «И дадите милостыню», прибавилъ Новоселовъ.

— Что же, вы хотите буквально исполнить эти слова? спросилъ графъ.

— Я хочу одну половину имѣнія продать, а другую отдать мужикамъ.

Графъ окинулъ съ ногъ до головы проповѣдника, и взглянулъ на его учениковъ, какъ бы приглашая ихъ разъяснить слова своего учителя.

Василій Егорычъ, скрестивъ руки, началъ:

— Да что-жъ, графъ?... помочь крестьянамъ слѣдуетъ! Мы ѣдимъ устрицъ, гомаровъ, а мужики — лебеду. Мы отъ праздности едва не на стѣну лѣземъ, а у мужиковъ рубаха отъ поту не просыхаетъ....

— Да я — не спорю... я нимало на это не возражаю.... напротивъ, я убѣжденъ, что этимъ только путемъ и слѣдуетъ идти въ настоящее время, возразилъ графъ.

— Когда на то пошло, давайте, господа, всѣ послѣдуемъ евангельскому ученію: я скажу отцу, чтобы онъ отдалъ въ мое распоряженіе мою наслѣдственную часть; вы, графъ, конечно также заявите ваше сочувствіе крестьянамъ. Вѣдь ваша мать не можетъ запретить вамъ располагать своимъ имуществомъ, какъ вы вздумаете....

— Само собою разумѣется, сказалъ графъ.

— Значитъ, остается сказать: да здравствуетъ разумъ! воскликнулъ юноша: вотъ она, наконецъ, Америка-то! а мы искали выхода! вотъ гдѣ наше спасеніе!... пусть тамъ прогрессисты ломаютъ головы надъ экономическими и разными современными вопросами, воображая, что мужиковъ можно просвѣщать тогда, когда у нихъ желудокъ набитъ мякиной. Нѣтъ! сперва надо дать человѣку перевести духъ, а тамъ и книжку подкладывать. Знаете ли что, господа? Если наше рѣшеніе состоится (я въ этомъ и не сомнѣваюсь), откроемъ школы для народа и сами возьмемся его учить, только не латинскому языку, какъ того желаютъ просвѣщенные друзья народа, а естествознанію. Земли у насъ бездна, и земля давно выпахалась, скотоводства нѣтъ, удобрять почву нечѣмъ; шестьдесятъ милліоновъ людей задыхаются въ курныхъ избахъ, питаясь мусоромъ и не имѣя никакого понятія о сохраненіи здоровья. А мы, образованный классъ, бѣсимся отъ скуки, прикидываемся благожелателями родины, разсуждаемъ по-потугински, что Россія гвоздя не выдумала и сидимъ сложа руки гдѣ-нибудь за границей. Между тѣмъ, съ русскихъ земель получаемъ денежки, этимъ мы ничуть не брезгаемъ!... Еще за хлѣбъ за соль ругаемъ русскій народъ неисправимымъ холопомъ! Какіе мы

сыны отечества?!.. что мы для него сдѣлали хоть бы за то, что оно вспоило, вскормило насъ? Мы выучились à la Онѣгинъ, Печоринъ, Рудинъ — прикрывать міровыми вопросами и возгласами о гражданской дѣятельности свои любовныя интрижки, какими-то исполинскими замыслами объяснять свое тунеядство?... Итакъ, господа, выступимъ на честный путь.... Если не имѣли совѣсти отцы наши, изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ и въ насъ ея не было.... Подѣлимся съ несчастнымъ народомъ, чѣмъ можемъ.... Не все-то намъ ѣздить на его спинѣ!...

Слуга возвѣстилъ, что завтракъ готовъ. Онъ предложилъ графу зонтикъ, сказавъ, что заходитъ туча.

Въ комнатѣ становилось темнѣй и темнѣй; въ отворенныя окна повѣяло прохладой. Зашумѣлъ вѣтеръ. Молодые люди вышли изъ флигеля.

X.

НЕОЖИДАННЫЙ СЛУЧАЙ.

По дорогѣ неслась столбами пыль; вѣтеръ кружилъ солому, пухъ, и несъ къ рѣкѣ холсты, за которыми бѣжали бабы. По темному небосклону змѣйками скользили молніи. Слышались глухіе, замирающіе раскаты грома.

Въ саду шумѣли и волновались кусты сирени, бузины, яблони, съ которыхъ падали плоды. По направленію къ пасѣкѣ, стоявшей на краю сада, летѣли съ полей пчелы; къ калиткѣ съ люльками за плечами бѣжали поденщицы, прикрываясь кафтанами. Садовникъ закрывалъ парники соломенными щитами.

Близъ барскаго дома съ хлѣбнаго анбара, подъ который вперегонку спѣшили куры, сорвало нѣсколько притугъ и отворотило уголъ повѣти. По застрѣхамъ слетались воробьи и, недавно кружившіяся подъ небосклономъ, ласточки.

Удары грома слышались одинъ за другимъ. Наконецъ закапалъ крупный дождь и вскорѣ хлынулъ страшный ливень. Въ воздухѣ, кромѣ сплошной водяной массы, сопровождавшейся необыкновеннымъ шумомъ, ничего не было видно.

Вдругъ молнія, сдѣлавъ нѣсколько ослѣпительныхъ зигзаговъ, быстро упала внизъ и вслѣдъ затѣмъ раздался оглушительный ударъ грома; застонала земля и дрогнули зданія.

Сидѣвшіе въ отворенномъ сараѣ, кучера сняли шапки и набожно перекрестились....

— Не обойдется безъ грѣха, замѣтилъ одинъ изъ нихъ.

Вслѣдъ за ударомъ хлынулъ проливной дождь.

— У насъ случай былъ, разсказывалъ одинъ изъ кучеровъ: шелъ по дорогѣ мужичекъ съ косой; а тучка небольшая зашла надъ самой его головой. Вдругъ грянулъ громъ, и мужикъ потихоньку, потихоньку, словно нагибался.... и упалъ.... Мы все это видѣли....

Когда на небѣ сквозь легкія облачка выглянуло солнце, горничная прибѣжала въ конюшню и объявила графскому кучеру, чтобы онъ закладывалъ лошадей. Опуская въ карманъ трубку, кучеръ сказалъ:

— Будь хоть свѣтопреставленіе,—ни на что не посмотритъ: что-бы часокъ погодить? Теперь коляску испачкаемъ на отдѣлку.

— Видно обѣдать не останется, сказалъ другой.

— Господа упрашивали его, отказался.... говоритъ, дома есть дѣла...., объяснила горничная и ушла въ домъ.

— Какія дѣла? возразилъ графскій кучеръ:—никакихъ тамъ дѣловъ нѣту; одна забава — медвѣдь....

Лошади были поданы. На крыльцѣ происходило прощаніе Карповыхъ съ графомъ.

— Не забывайте насъ, графъ, говорили дамы: пріѣзжайте на Ильинъ день; отправимся въ лѣсъ....

— Непремѣнно, если не задержитъ что-нибудь. А вы, господа, обратился графъ къ молодымъ людямъ: пріѣзжайте безъ всякихъ церемоній....

— Какъ жаль, графъ, что вы не остались обѣдать.....

— И дорога грязна, сказалъ старикъ.

— Дорога почти высохла.... дождь шелъ не долго....

Коляска плавно покатилась отъ барскаго дома.

Небо было чисто, лишь кое-гдѣ неподвижно стояли бѣлыя облака. Подъ лучами ярко свѣтившаго солнца, все вдругъ ожило и встрепенулось: трава, которую съ наслажденіемъ щипали животныя, листья деревьевъ — покрылись яркою зеленью. Въ воздухѣ запѣли птицы; послышалось жужжанье пчелъ, стремившихся въ поле.

На селѣ, при громкомъ пѣніи пѣтуховъ, среди выгона, бабы разстилали холсты. За околицей, въ мокромъ кафтанѣ, босикомъ, мужикъ велъ за поводъ клячу, запряженную въ соху, на которой звенѣла палица, болтаясь между сошниками. Завидѣвъ коляску, мужикъ издали снялъ шапку и свернулъ лошадь въ сторону, графъ кивнулъ пахарю головой.

Въ полѣ наперерывъ весело распѣвали жаворонки. Мимо коляски потянулись хлѣбà; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ колосья ржи

спутались и поникли отъ бури. Въ воздухѣ пахнуло медовымъ запахомъ гречихи.

Душевное расположеніе графа не совсѣмъ гармонировало съ окружающей природой; его отъѣздъ изъ дома Карповыхъ, какъ читатель видитъ, былъ поспѣшенъ — и причиною этого было то обстоятельство, что во время завтрака молодой Карповъ съ энтузіазмомъ заговорилъ о пожертвованіи земли крестьянамъ. Такимъ поворотомъ дѣла графъ не очень былъ доволенъ. Впрочемъ, къ удовольствію графа, рѣчь молодого Карпова была замята старикомъ, нашедшимъ энергическую поддержку въ лицѣ дамъ. Отъѣхавъ на нѣсколько верстъ отъ дома Карповыхъ, графъ принялся разсуждать:

— Удовлетворитъ ли меня эта философія: «продаждь имѣніе и раздай нищимъ?» Успокоитъ ли она неугомонный пылъ моихъ сомнѣній, мучительную жажду чего-то осмысленнаго, вѣрнаго, яснаго? Неужели послѣднія слова науки совпадаютъ съ ученіемъ евангелія?

Камердинеръ доложилъ:

— Ваше сіятельство! а громовой ударъ — не прошелъ даромъ.

Камердинеръ указалъ на дымъ вдалекѣ. Графъ привсталъ и посмотрѣлъ впередъ.

— Кажется недалеко отъ Погорѣлова, сказалъ онъ.

— Да это оно и горитъ! съ увѣренностію воскликнулъ графъ.

— Чего добраго? вонъ изволите видѣть вѣтряную мельницу? она какъ разъ стоитъ противъ сельскаго старосты.... и пожаръ-то съ того конца идетъ....

— Такъ и есть, подтвердилъ кучеръ: смотри, какъ лижетъ.... все разгорается....

— Пошелъ! крикнулъ графъ.

И четверня полетѣла вскокъ. Въ деревняхъ, среди улицъ, группами стоялъ народъ. Мужики садились верхами на лошадей.

Въ послѣдней деревнѣ, подъ названіемъ *Сорочьи гнѣзда*, подлѣ барскаго дома — суетился господинъ въ соломенной шляпѣ и громко кричалъ: «живѣй! живѣй запрягайте!»

— Mesdames! обратился господинъ къ дамамъ, стоявшимъ на балконѣ, — и кивнулъ головой на графскій экипажъ: — «monsieur le prince... monsieur le prince».... Дамы навели на графа бинокли.

— Проворнѣй, кричалъ господинъ въ шляпѣ на пожарную команду, выдвигавшую изъ сарая бочки.

— Веди бураго! Стой! шумѣли кучера: хомутъ надѣли наизнанку!

— Mesdames! Семенъ Игнатьичъ! ѣдемте!

Вскорѣ загремѣли гайки, заскрыпѣли немазаныя колеса,—и пожарная команда вмѣстѣ съ господами устремилась на пожаръ.

Съ горы открылось Погорѣлово, объятое яркимъ пламенемъ; въ дыму виднѣлись черныя шапки пепла.... слышался глухой, нескончаемый шумъ народа, трескъ огня и разрушавшихся зданій.... надо всѣмъ этимъ звучалъ благовѣстъ въ набатъ.

Коляска пріѣхала на пожаръ. Надъ нѣкоторыми избами въ дыму виднѣлись люди съ граблями, попонами, веретьями, которыми прикрывались соломенныя крыши. Близъ самыхъ избъ толпились массы народа; крюками тащили бревна, ломали стропила, провозили бочки съ водой; вырывавшееся изъ оконъ пламя нещадно обхватывало зеленыя деревья, стоявшія у домовъ; въ народѣ раздавался отчаянный крикъ:

— Скорѣй, воды! воды!...

Толпа мужиковъ схватила за узду лошадь, запряженную въ водовозку и тащила ее въ разныя стороны.

— Твоя сгорѣла! Не спасешь! моя занялась...

— Поворачивай! дорогу заняли!

Въ другомъ мѣстѣ кричали:

— Не ломай!

— Отойди! убьетъ!

— Цѣпляй за слегу!...

Изъ сѣней одной избы тащили мертваго мужика и, пробираясь сквозь толпу, несли его на воздухъ.

По направленію къ выгону народъ выносилъ свое имущество; несли бороны, сохи; кто везъ сани, бабы вытаскивали гребни, ухваты, прялки; одинъ мужикъ, потерявъ всякое сознаніе, несъ въ полѣ своего кафтана осколки кирпичей. Среди убогаго имущества, обнявъ свою дочь, голосила мать:

— «Остались мы съ тобой безпріютныя!»....

Н. Успенскій.

ЧЕХИ

въ 1848 и 1849 годахъ.

III *).

Положеніе дѣлъ въ Моравіи и Силезіи. — Рейхсратъ въ Вѣнѣ: составъ его и положеніе партій; рѣшеніе крестьянскаго вопроса и проектъ конституціи. — Неловкость положенія чешскихъ депутатовъ. — Венгерскій вопросъ въ рейхсратѣ. — 6-е октября. — Положеніе сейма. — Волненіе Вѣны усиливается. — Чехи удаляются. — Взглядъ чеховъ на событія и отношенія къ нимъ. — Елачичъ и австрійское правительство. — Рейхсратъ перенесенъ въ Кромерижъ. — Императоръ Францъ-Іосифъ. — Впечатлѣніе, произведенное его вступленіемъ на престолъ. — Проектъ конституціи. — Бой съ министерствомъ отъ 6-го января (1849 г.). — Конецъ сейма. — Послѣднія попытки чешскихъ депутатовъ. — Эпилогъ: Карлъ Гавличекъ. — Общій выводъ.

Мы видѣли, что у чеховъ движеніе политическое усложнялось примѣсью національныхъ тенденцій, и въ то время какъ чисто чешскіе края становились безусловно подъ диктатуру Праги, гдѣ чешскій элементъ совершенно одержалъ верхъ надъ нѣмецкимъ, хотя отнюдь его не насиловалъ, въ сѣверо-западныхъ нѣмецкихъ окраинахъ является недовѣріе, оппозиція и протестъ. Изъ Хомутова (Komotau), городка хебскаго округа (по-нѣмецки Egger), отправленъ былъ въ Прагу депутатъ разузнать, не грозитъ ли нѣмцамъ какая опасность; а жители Жатца (Saaz) прислали цѣлый протестъ противъ дѣйствій народнаго комитета, видя въ нихъ стремленіе чеховъ оторваться отъ Австрійской имперіи, на что комитетъ далъ имъ удовлетворительное объясненіе; наконецъ въ тѣхъ краяхъ произведены были повсе-

---

*) См. выше: янв. 86 стр.

мѣстно выборы во Франкфуртъ, отвергнутые во всей чешской землѣ и даже большинствомъ нѣмцевъ въ Прагѣ.

Въ Моравіи и Силезіи дѣло усложнялось еще больше.

Въ Моравіи, кромѣ національной борьбы внутри ея, явилось еще тяготѣніе къ двумъ совершенно противоположнымъ центрамъ: одни тянули къ Прагѣ, другіе къ Вѣнѣ. Города, промышленность, торговля и чиновничество здѣсь были по преимуществу нѣмецкіе, слѣдовательно моральная сила была на сторонѣ нѣмцевъ и могла бы притянуть страну къ Вѣнѣ почти безъ борьбы, еслибъ въ тоже время здѣсь сельское населеніе, болѣе зажиточное, чѣмъ въ Богеміи, не было упорнѣе и не успѣло уже оказать нѣкоторое давленіе на города. Именно, славянскій элементъ здѣсь относился къ нѣмецкому, какъ 3: 1. Между дворянствомъ также былъ довольно сильно развитъ духъ автономіи. Понимая, что въ собраніи, состоящемъ изъ представителей однихъ славянскихъ земель, они будутъ имѣть больше значенія, чѣмъ въ томъ, гдѣ будутъ участвовать всѣ австрійскія земли, они также склонялись на сторону Праги, а не Вѣны. Вслѣдствіе этого мы встрѣчаемъ здѣсь борьбу, въ которой господствующій элементъ представляютъ нѣмцы, а славяне являются въ оппозиціи, но довольно сильной. Имъ много помогаютъ чехи и славянское общество въ Вѣнѣ.

Мартовскія событія выразились здѣсь тѣмъ, что два главные города Моравіи, Брно (Brünn) и Оломуцъ (Olmütz), начали пересылаться адресами, посланіями и депутаціями то съ Вѣной, то съ Прагой. При этомъ Брно, гдѣ населеніе на половину нѣмецкое и на половину славянское, больше тяготѣло къ Прагѣ; тогда какъ Оломуцъ, гдѣ славяне составляли только одну четверть, совершенно отрѣшился отъ славянства, чему особенно содѣйствовалъ существовавшій тамъ университетъ, который былъ какъ бы филіальнымъ учрежденіемъ вѣнскаго.

Въ Силезіи дѣла были еще сложнѣе, а славяне были еще слабѣе. Когда-то вся Силезія вмѣстѣ съ Моравіей и Лужицами составляла часть земель, принадлежавшихъ чешской коронѣ. Но послѣ войнъ Маріи-Терезіи съ Фридрихомъ II, самая большая часть ея отошла къ Пруссіи, а Лужицы были подѣлены между Пруссіею и Саксоніею, и за Австріею остались только два округа Опавскій (Tropau) и Цешинскій (Teschin). Въ первомъ народъ говоритъ видоизмѣненнымъ чешскимъ нарѣчіемъ, а во второмъ мѣстное нарѣчіе составляетъ переходъ къ польскому языку. Въ политическомъ отношеніи славяне Опавы тянутъ къ Прагѣ, а славяне Цешина къ Польшѣ. Но здѣсь нѣмецкій элементъ еще сильнѣе, чѣмъ въ Моравіи, и кромѣ тяготѣнія къ Вѣнѣ является

тяготѣніе къ Пруссіи, и послѣднее чуть-ли не сильнѣе, чѣмъ первое. Поэтому національное движеніе было здѣсь почти незамѣтно.

Въ обѣихъ этихъ земляхъ законнымъ порядкомъ, т.-е. через начальство, вездѣ было объявлено, что императоръ даруетъ своему народу конституцію и сзываетъ сеймы. По этому случаю въ церквахъ, а въ иныхъ мѣстахъ на площадяхъ, отслужены были молебны, оканчивавшіеся торжествомъ и приличными случаю рѣчами. Потомъ составлялись адресы императору, въ которыхъ выражалась благодарность и преданность, какъ династіи, такъ и идеѣ единства Австріи, и подавались петиціи, подобныя всѣмъ другимъ. Жители Брно въ этомъ случаѣ поступили нѣсколько оригинально: имѣя въ своемъ городѣ самую ужасную австрійскую тюрьму, Шпильбергъ, они прежде всего просили вице-губернатора Брно, гр. Лажанскаго, ходатайствовать предъ императоромъ объ освобожденіи всѣхъ находившихся тамъ политическихъ преступниковъ. Просьба была уважена, и больше сотни преступниковъ, итальянцевъ и поляковъ, выпущены были на божій свѣтъ. Это былъ истинный праздникъ въ цѣломъ городѣ, и лучшимъ дѣломъ нельзя было ознаменовать первые дни своей свободы, какъ освобожденіемъ людей, страдавшихъ за идею и народное дѣло [1]. Во внутренности, въ сельскомъ населеніи движеніе выразилось также тѣмъ только, что крестьяне отказались отъ обязательныхъ работъ и отъ повиновенія панскому начальству. Въ одномъ мѣстѣ (близь Простейова) по жалобѣ мѣстнаго начальства для приведенія крестьянъ къ повиновенію явился отрядъ гусаръ; но крестьяне не впустили ихъ въ свое селеніе; а послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ гусары были впущены и вмѣстѣ съ крестьянами отправились на панскій дворъ, прогнали тамошнее начальство, овладѣли погребами и кладовыми и предались пированью до поздней ночи. Попивши и поѣвши вдоволь, всѣ разошлись по своимъ мѣстамъ, и больше ничего не было.

Того раздвоенія между сословіями, тѣхъ интригъ, какія мы встрѣчаемъ въ Прагѣ, здѣсь совершенно не было. Дѣло шло такъ ладно, что 5 іюня въ Брнѣ открытъ былъ сеймъ. Въ сеймѣ засѣдали уже депутаты отъ крестьянъ, и 19-го іюня рѣшенъ былъ вопросъ, на какихъ основаніяхъ должны прекратиться обязательныя крестьянскія работы и всякія личныя отношенія къ помѣщикамъ. Проектъ былъ вполнѣ изготовленъ и поднесенъ на

---

[1]) Когда потомъ австрійское правительство начало ссылать арестованныхъ и плѣнныхъ итальянцевъ въ разныя мѣста чешской и моравской земель, тогда здѣсь всѣ оказывали имъ самый радушный пріемъ, и составлена была подписка для пожертвованій въ ихъ пользу.

утвержденіе императору. Мы не станемъ говорить о немъ, потому что особеннаго онъ въ себѣ ничего не заключалъ и не имѣлъ никакого значенія, такъ какъ впослѣдствіи правительство рѣшило этотъ вопросъ совершенно независимо отъ сеймовъ. Замѣтимъ только, что въ основаніе былъ положенъ выкупъ, какъ личной работы, такъ и поземельнаго участка, сообразно съ качествомъ почвы и по свойству работъ — конной, воловьей или пѣшей, разсчитанной по оцѣнкѣ одного дня; лица, владѣвшія однимъ дворомъ безъ поля, освобождены безъ всякаго вознагражденія, а также и тѣ, которыя имѣли земли не больше трехъ мѣръ, освобождались отъ платы тотчасъ, какъ только прекратятся государственныя повинности, лежавшія на самихъ владѣльцахъ за эти работы и участки.

До 14-го іюня въ Брнѣ было совершенно тихо, и вся особенность отъ прежняго порядка выражалась только свободой слова и непосредственными сношеніями съ Прагой и съ Вѣной. Иногда только раздавались *кочичины;* въ августинскомъ монастырѣ разбили окна, да на фабрикѣ Попра произведены безпорядки, принесшіе фабриканту нѣкоторые убытки. О «святодушныхъ событіяхъ» въ Прагѣ здѣсь почти ничего точнаго не знали, потому что пражскія газеты стали опять выходить только съ 18-го іюня; тѣмъ менѣе извѣстно было, что Прагу бомбардируютъ, что тамъ идетъ бой, и это темное извѣстіе произвело въ Брнѣ какое-то неопредѣленное, смутное движеніе. Именно 14-го іюня, послѣ 5 час. вечера собралась большая толпа народа, большею частію состоявшая изъ рабочихъ и женщинъ, дѣтей и молодежи, и пошла по улицамъ. Въ сторонѣ шли за ними многочисленныя толпы рабочихъ и мѣщанъ, которые, повидимому, готовы были въ случаѣ нужды поддержать первую толпу. Эти люди направились къ пекарямъ и съ угрозами потребовали, чтобъ они выдали собравшемуся народу весь готовый запасъ хлѣба; другіе требовали и денегъ. Пекаря, насколько могли, удовлетворили это требованіе. На другой день толпы были многочисленнѣе и грознѣе; онѣ напали на мучниковъ и продавцевъ хлѣба. Тогда выступила власть, сначала уговорила народъ разойтись, обѣщая исполнить его требованіе, потомъ сдѣлала нѣсколько арестовъ, при чемъ было употреблено въ дѣло войско, но все обошлось безъ убійствъ и даже безъ пораненія. Тѣмъ все и кончилось. Что̀ это было за движеніе, мы не находимъ объясненія въ современныхъ извѣстіяхъ, замѣтимъ только, что въ Брнѣ, городѣ по преимуществу фабричномъ, всякое потрясеніе Австріи вызываетъ движеніе рабочихъ противъ хозяевъ. Въ 1861 г. мнѣ привелось видѣть тамъ такое ожесточеніе рабочихъ, что многіе

изъ нихъ явно грозили повѣсить нѣкоторыхъ фабрикантовъ. Этимъ Брно значительно отличается отъ Праги, гдѣ по преимуществу движеніе бываетъ національное.

Этимъ мы можемъ ограничиться относительно Моравіи и Силезіи, и будемъ снова слѣдить за дѣятельностью чеховъ на имперскомъ сеймѣ въ Вѣнѣ.

Въ правительствѣ произошла перемѣна: Пиллерсдорфъ вышелъ изъ министерства; мѣсто его, какъ предсѣдатель, занялъ Вессенбергъ (министръ иностран. дѣлъ); другіе министры были: докторъ Александръ Бахъ (юстиціи), Латуръ (военный), Краусъ (финансовъ), Горнбастль (торговли) и Шварцеръ (публичныхъ работъ). Нѣмцы были очень недовольны цѣлымъ составомъ министерства и не ожидали ничего добраго.

Предварительныя засѣданія рейхсрата начались еще 18-го іюля, хотя многихъ депутатовъ недоставало, особенно чешскихъ. Здѣсь поднятъ былъ вопросъ о томъ, считать-ли выборы чешскихъ депутатовъ законными, такъ какъ они произведены во время осаднаго положенія. Впрочемъ, выборы эти для чеховъ были очень благопріятны, потому что главные представители ихъ народныхъ стремленій всѣ попали въ сеймъ; выбраны были даже нѣкоторые, сидѣвшіе еще въ тюрьмѣ, напр., Браунеръ. По поводу этого вопроса сейчасъ произошло столкновеніе между чехами и нѣмцами. Представитель послѣднихъ, депутатъ жатецкаго округа въ Богеміи, Лёнеръ, позволилъ себѣ нѣсколько рѣзкихъ выходокъ противъ Ригера, оподозривая его и его партію въ какой-то сдѣлкѣ съ правительствомъ, основываясь единственно на томъ, что выборы, несмотря на осадное положеніе, были благопріятны для чеховъ. Ригеръ протестовалъ и требовалъ удовлетворенія, и подобнымъ препираніямъ не было конца.

Выборъ предсѣдателя сейма былъ также въ пользу чеховъ: выбранъ былъ вѣнскій адвокатъ др. Шмидтъ, умѣренный нѣмецъ, и вице-предсѣдатель Штробахъ. Чехи заняли правую сторону, а нѣмцы лѣвую. Въ центрѣ засѣдала цѣлая когорта министровъ настоящихъ и бывшихъ. Торжественное открытіе сейма императоромъ или однимъ изъ эрцгерцоговъ назначено было на 26-е іюля, но, кажется, не послѣдовало вовсе.

По составу сейма можно было ожидать, что много времени и много усилій потратится на безполезныя препиранія, вслѣдствіе взаимнаго предубѣжденія двухъ противныхъ сторонъ, и при самомъ началѣ дѣло доходило до того, что нѣкоторые депутаты готовы были удалиться изъ сейма. Впрочемъ, дѣла все-таки подвигались впередъ. 31-го августа, прошелъ на сеймѣ проектъ уничтоженія крѣпостного права и всѣхъ соединенныхъ съ нимъ

отношеній на основаніи выкупа поземельнаго надѣла, размѣръ котораго и вообще подробныя условія поручено было опредѣлить особой коммиссіи; всѣ повинности, лежавшія на крестьянской землѣ относительно помѣщика, и личныя услуги тотчасъ же прекращаются, но за нѣкоторыя помѣщики должны получить вознагражденіе; за право собиранія по лѣсу дровъ, пастьбы, равно и другія права крестьянъ пользоваться на господскомъ участкѣ должны помѣщики получить вознагражденіе; а помѣщики отступаются отъ своего права пастьбы по крестьянскимъ залежамъ и стернищамъ— безъ вознагражденія; патримоніальные суды и другія учрежденія остаются на время до заведенія подобныхъ учрежденій земскихъ и государственныхъ, и содержатся на счетъ государства. Проектъ этотъ былъ вполнѣ принятъ министерствомъ и 7-го сентября подписанъ императоромъ, при чемъ вмѣсто прежняго титулованья: «Мы, Фердинандъ II, *божіею милостію* императоръ» и проч. стояло: «Мы, Фердинандъ I, *конституціонный* императоръ австрійскій».

Проектъ этотъ былъ тотчасъ же обнародованъ, несмотря на то, что онъ былъ далеко необработанъ и представлялъ только одни основанія, на которыхъ должно было совершиться окончательное уничтоженіе крѣпостныхъ отношеній. И время было поторопиться, потому что сельское населеніе, не видя, чтобы что-нибудь дѣлалось въ его пользу въ продолженіи почти 5 мѣсяцевъ со времени объявленія конституціи, начало недовѣрять правительству; особенно усилилось недовѣріе у чешскихъ крестьянъ послѣ пражскихъ іюньскихъ событій. Съ одной стороны народу непріятно было заведенное вездѣ военное управленіе, съ другой — панскіе чиновники, желая застращать крестьянъ, чтобъ хоть напослѣдяхъ попользоваться ими, распространяли слухъ, что прежнее состояніе продолжится. Поэтому одинъ изъ чешскихъ депутатовъ, патеръ Янъ Сидонъ, въ засѣданіи 24-го августа, изложилъ передъ сеймомъ положеніе дѣлъ въ провинціи и между прочимъ говорилъ: «Вы скажете мнѣ: что̀ было до марта настоящаго года, то послѣ много улучшилось. Нисколько! эта бюрократія не признаетъ никакихъ конституціонныхъ принциповъ. Старая система до сихъ поръ господствуетъ во всей силѣ, съ тѣмъ только различіемъ, что она теперь рѣзче выдается и стоитъ въ бо̀льшемъ противорѣчіи съ требованіями времени». Далѣе онъ представляетъ, въ подтвержденіе своихъ словъ, цѣлый рядъ случаевъ, изъ которыхъ видно, что чиновничество, обнадеженное признаками реакціи, подняло голову и возвратилось къ старымъ порядкамъ, а крестьяне все больше ожесточались.

Такимъ образомъ, обнародывая неполный актъ освобожденія

крестьянъ, правительство спасало себя отъ хлопотъ съ сельскимъ населеніемъ.

Другимъ важнымъ актомъ сейма былъ проектъ конституціи, который былъ уже почти готовъ къ 1-му октября, но еще не разсмотрѣнъ сеймомъ.

Во главѣ основныхъ правъ, конечно, стояла личная полноправность и безопасность, и свобода самоопредѣленія и духовнаго и матеріальнало развитія; государство должно помогать этому, и требовать отъ каждой личности уступки правъ не больше, какъ сколько необходимо для достиженія цѣли. «Совокупность гражданъ — говорится въ § 3, — составляетъ народъ; всѣ государственныя власти происходятъ отъ народа, и исполняютъ свое дѣло такъ, какъ то опредѣлено въ конституціи».

Въ Вѣнѣ, между тѣмъ, настроеніе умовъ было весьма неуспокоительное. Народъ зорко и съ недовѣріемъ слѣдилъ за всѣмъ, что дѣлалось въ сеймѣ. На правую сторону, т.-е. на чеховъ, смотрѣли, какъ на людей, предавшихся правительству подъ какимъ-то тайнымъ договоромъ. Этому подало поводъ то, что правительство объявило амнистію за святодушные дни и только нѣкоторыхъ, считавшихся главными виновниками, людей большею частію не занимавшихъ важнаго общественнаго положенія, предало суду присяжныхъ. Въ сущности амнистія эта ровно ничего не значила. Дано было прощеніе людямъ, вовсе не нуждавшимся въ немъ; а скорѣе еще они могли требовать удовлетворенія за напрасное долговременное содержаніе въ тюрьмѣ. Нѣмцы смотрѣли, однако, на это иначе, и чешскимъ депутатамъ не разъ дѣлались оскорбленія въ сеймѣ, а на улицахъ чисто грозила опасность. Еще бо̀льшее недовольство началось тогда, когда пришло въ сеймъ отъ Елачича требованіе выдачи денегъ на жалованье войску и присылки ему еще войска для подавленія мадьяръ, а отъ послѣднихъ явилась депутація съ жалобой на Елачича. Лѣвая сторона требовала, чтобъ мадьярская депутація допущена была въ сеймъ для изложенія ея жалобъ, а правая отвергала это, называя такое допущеніе депутатовъ отъ совершенно отдѣльнаго мадьярскаго сейма незаконнымъ. Правая сторона одержала верхъ, потому что съ нею заодно былъ весь центръ; лѣвая страшно ожесточилась. Мадьярская депутація не была допущена въ сеймъ, но нашла самый горячій отзывъ во всемъ населеніи Вѣны и въ большинствѣ депутатовъ лѣвой стороны.

Теперь въ сеймѣ шли дебаты о томъ, дать Елачичу денегъ и войско, или нѣтъ. Нѣмцы и поляки были противъ, чехи — за. Бой былъ упорный; правая сторона въ этомъ случаѣ оказывалась слабою; министры не знали, что̀ дѣлать. Ихъ вывела изъ

затрудненія изворотливость Ригера. Онъ съумѣлъ представить это дѣло, какъ исключительное, отъ котораго зависитъ спасеніе цѣлости государства, и потому предложилъ передать его на волю министровъ, а сейму перейти къ очереднымъ дѣламъ. Предложеніе его одержало верхъ.

Часть войска, по распоряженію министра Латура, отправилась изъ Вѣны на помощь Елачичу, какъ сказано было въ приказѣ, для подавленія возстанія мадьяръ и для охраненія славянъ отъ ихъ насилій.

Мадьярская депутація находилась еще въ Вѣнѣ, когда отправлялось войско на помощь Елачичу. Она обратилась съ жалобой къ цѣлому населенію Вѣны, и дѣло удалось. Толпа пришла въ ярость и кинулась на квартиру Латура. Его застали дома. Нѣсколькими ударами ножа онъ былъ убитъ; потомъ съ него сорвали платье, и изсѣченный и обнаженный трупъ вытащили на улицу, гдѣ и повѣсили на фонарномъ столбѣ. Это былъ первый насильственный поступокъ въ Вѣнѣ со стороны народа. То было 6-го октября.

Министру Баху угрожала та же участь, но онъ, переодѣвшись, бѣжалъ и тѣмъ только спасся. Императоръ, незадолго передъ тѣмъ вернувшійся въ Вѣну, опять долженъ былъ уѣхать съ своимъ дворомъ, и въ этотъ разъ отправился въ Оломуцъ.

Члены сейма еще до этихъ происшествій начали брать отпуски подъ разными предлогами, такъ что противъ этого сдѣланы были со стороны другихъ депутатовъ протесты, а теперь и подавно большинство думало о томъ только, какъ бы благополучно убраться. Чехамъ, особенно главнымъ ихъ вождямъ, оставаться не было никакой возможности, хотя должно замѣтить, что нѣмецкіе депутаты крайней либеральной партіи, вмѣстѣ со студенческимъ легіономъ, приняли на себя обязанность охранять ихъ отъ всякаго насилія. Но какія могли быть совѣщанія, когда зданіе сейма, окруженное вооруженными толпами, находилось въ осадномъ положеніи? Поэтому чехи, за весьма немногими исключеніями, удалились; а нѣмцы и поляки продолжали засѣданія.

Изъ Праги, по первому извѣстію о вѣнскихъ событіяхъ, отправлена была депутація для разузнанія дѣлъ. Прежде всего она увидѣлась со своими депутатами, а потомъ пришли для свиданія съ нею и члены нѣмецкой партіи, въ числѣ которыхъ явились даже лица, больше всѣхъ ратовавшія противъ чеховъ. Они старались увѣрить послѣднихъ въ безопасности ихъ депутатовъ. Шуселка увѣрялъ, что это борьба не національная, что противъ народности славянской они не имѣютъ ничего; что это борьба демократіи противъ той реакціи, которая стала на пути либераль-

нымъ реформамъ и произошла вслѣдствіе интригъ аристократіи; что они не желаютъ ни крѣпко-централизованной Австрійской имперіи, ни присоединенія къ Германіи, а цѣль ихъ образовать федерацію на самыхъ либеральныхъ началахъ. Теперь, кажется, настало полное примиреніе между партіями. Къ сожалѣнію, это было уже поздно. Движеніе на улицахъ съ часу на часъ становилось грознѣе. Народъ требовалъ, чтобы противъ Елачича приняты были мѣры, а мадьярамъ чтобъ дана была помощь. Въ Вѣнѣ уже устроился республиканскій комитетъ, который принялъ въ свое завѣдываніе управленіе городомъ. Однажды публицистъ республиканской партіи, Таузенау, вступилъ въ сеймъ и объявилъ, что народъ угрожаетъ ему, если онъ не объявитъ Елачича бунтовщикомъ и измѣнникомъ отечества. Сеймъ исполнилъ это требованіе, и отправилъ депутата Прато въ лагерь Елачича, съ требованіемъ, чтобъ онъ сложилъ съ себя званіе главнокомандующаго, на что Елачичъ отвѣтилъ, что «онъ не нуждается ни въ какихъ приказахъ нынѣшняго имперскаго сейма, а пришелъ сюда въ интересахъ цѣлой монархіи и ожидаетъ только приказаній императора, которому вполнѣ преданъ».

Въ это время шла рѣзня славянъ — хорватовъ, сербовъ и словаковъ — съ мадьярами. Война приняла совершенно народный характеръ и велась со страшнымъ ожесточеніемъ съ обѣихъ сторонъ. Въ то время, какъ Вѣна объявляла Елачича бунтовщикомъ и измѣнникомъ отечества, чехи въ назначеніи его главнокомандующимъ видѣли явленіе благопріятное для славянства, и газета «Славянская Липа» такъ отозвалась на это назначеніе: «Наконецъ начинаетъ выяснивать. Правительство наше, до сихъ поръ не рѣшавшееся, къ какой сторонѣ примкнуть, втайнѣ строившее намъ разныя козни, силою обстоятельствъ вынужденное принять опредѣленное направленіе, *стало во главѣ славянскаго движенія*».

Такіе странные, совершенно противорѣчившіе дѣлу, выводы изобличаютъ, до какой степени чехи увлеклись оптимизмомъ. Стоило только взглянуть на составъ тогдашняго министерства, въ которомъ не было ни одного лица, сколько-нибудь наклоннаго къ славянству, чтобъ убѣдиться, что дѣло шло не объ интересахъ славянства, а чисто объ интересахъ династіи и абсолютной монархіи. Къ сожалѣнію, этому заблужденію предалось все тогдашнее общественное мнѣніе чеховъ и раздѣлялось главными его политическими вождями; даже радикальные либералы, заявлявшіе, что свобода должна быть обезпечена прежде, чѣмъ народность, увлекались торжествомъ національности, за которымъ въ перспективѣ виднѣлось уже подавленіе свободы, воен-

ное самоуправство и т. д. Въ это время Гавличекъ, поставленный своею либеральною партіею въ число консерваторовъ, такимъ же консерваторомъ оказался и по отношенію къ правительству, и дѣйствительно былъ слишкомъ далекъ отъ того, чтобъ видѣть въ немъ славянскую политику. Когда общество «Славянской Липы» совѣщалось о томъ, какъ чехамъ держаться по отношенію къ Вѣнѣ, Гавличекъ, не видя никакой возможности оказать ей какую-нибудь помощь, предлагалъ по крайней мѣрѣ обратиться съ просьбою къ императору, чтобъ Вѣна пощажена была отъ произвола военной силы. Большинство однако было противъ того, и Ригеръ, представитель этого большинства, выразился объ этомъ такъ: «Мы убѣждены въ томъ, что это бой народный изъ-за равноправности всѣхъ народностей, и потому бой этотъ долженъ быть доведенъ до конца. Та сторона, которая вызвала на бой, должна быть сломлена; въ противномъ случаѣ мы очутимся въ томъ же загонѣ, въ какомъ были до этого. Войско должно побѣдить, чтобъ обезоружить не студенческіе легіоны, а толпы бунтовщиковъ, состоящія изъ рабочихъ, которыхъ должно выгнать изъ Вѣны. Наше спасеніе соединено съ выгодами династіи, и мы поэтому не будемъ противъ того, что оно употребляетъ войско для достиженія своихъ цѣлей; да это было бы и напрасно, потому что здѣсь дѣло идетъ о его бытіи: это бой народный не по виду, а по существу (non quoad formam, sed quoad rem). Наконецъ, *мы видимъ склонность династіи къ дарованію свободы;* по крайней мѣрѣ *безъ этого она не въ состояніи удержать власть*». Заключеніе рѣчи Ригера было крайней ошибкой въ принципѣ, не замедлившей обнаружиться на практикѣ; а весь тонъ ея поражаетъ неумѣстностью.

Чехи хотѣли помогать правительству, которое въ томъ совершенно не нуждалось. Они должны были это знать, потому, что не задолго передъ этимъ ихъ братья словаки, ополчившіеся противъ мадьяръ по тѣмъ же самымъ принципамъ, были разбиты не мадьярами, а императорскимъ войскомъ, и ихъ третировали, какъ бунтовщиковъ; они, бѣдные, должны были теперь бояться и мадьярскаго, и австрійскаго правительства. А какъ поступили съ ними самими за то, что они, во имя спасенія Австріи, возстали противъ сепаратизма, который раздѣляло въ то время и министерство? Съ ними также поступили, какъ съ бунтовщиками: сначала не дали созвать земскій сеймъ, а потомъ вызвали нѣсколько демонстрацій и, придравшись къ этому, разгромили Прагу. Всѣ эти уроки были напрасны.

Когда Вѣна была осаждена войсками, а императоръ съ дво-

ромъ явился въ Оломуцъ, у чеховъ явились новыя надежды и радости.

«Мы уже въ водоворотѣ—опять отзывалась «Слав. Липа»—куда-то насъ выброситъ? Alea jacta est. Настоящій ходъ событій никто не въ состояніи удержать. Императоръ разгнѣвался на Вѣну, и королевская Прага, какъ говорятъ, дождется той славы и радости, чтобъ дѣйствительно имѣть въ лонѣ своемъ короля и конечно съ цѣлымъ рыцарствомъ, этимъ гнѣздомъ непріязненнаго настоящему положенію дѣлъ дворянства. Будетъ-ли королевская Прага настолько королевскаго образа мыслей, чтобъ не поддаться лести и держаться гордо, не забывая своего достоинства? Она конечно не допуститъ нѣмецкій дворъ, чтобъ онъ онѣмечилъ ее, а скорѣе ославянитъ его, мы увѣрены въ этомъ, такъ какъ наконецъ *славянство добилось признанія своихъ правъ, хотя бы это было вслѣдствіе того только, что по недостаточной развитости славянъ на нихъ лучше можно опереться*. Намъ это все равно; мы развиваемся для себя, а не для другихъ, но если эти другіе держатся за насъ, покуда имъ то выгодно, зачѣмъ мы будемъ отталкивать ихъ отъ себя? Славянство уже не сказка, а дѣйствительность. Славянскія войска покорятъ дикаго мадьяра, который такъ насильственно сталъ на пути славянству. Вѣна не будетъ бомбардирована; но правительство будетъ держать ее въ особомъ положеніи до тѣхъ поръ, пока мѣщанство не обезоружитъ университетъ и пролетаріатъ, покуда они не перебьютъ другъ друга; а правительству самому не слѣдуетъ осквернять свои руки ихъ невинною кровью. Это вѣдь не Прага, бойня славянскаго народа! это Вѣна, пріютъ нѣмецкой интеллигенціи, лоно и колыбель императорскаго семейства и двора, и разрушить ее было бы крайнею неблагодарностью. Но Пештъ конечно испытаетъ весь гнѣвъ императора. Онъ долженъ быть обращенъ въ пепелъ. Въ этомъ рѣшительномъ шагѣ славяне не могутъ противиться ни словомъ. Правительству въ этомъ случаѣ должна быть дана полная свобода; съ тѣмъ согласится всякій, кому дорога будущность славянской свободы. Если же Австрія распадется, прежде нежели будетъ сокрушено мадьярство, тогда горе намъ. Мадьярство можетъ быть сломлено не народомъ, а желѣзною силою войска. Поэтому, *мы желаемъ успѣха войску противъ Венгріи, желаемъ нравственнаго покоренія Вѣны, потому что тогда только возможно свободное славянство*. Геній славянскій однако да охранитъ насъ отъ военнаго терроризма».

Въ этой тирадѣ, полной непослѣдовательности, доходящей до абсурда, нельзя уловить ничего, кромѣ мечтаній и желаній,

которыми воодушевлено было въ то время чешское общество. Я привелъ это мѣсто, какъ характеристичное представленіе того хаоса, который господствовалъ тогда въ умахъ. Конечно, намъ, теперь стоящимъ вдалекѣ отъ совершившихся событій, подвергающимъ все холодному обсужденію и имѣющимъ въ рукахъ всѣ происшедшіе изъ событій результаты, легко разсуждать, давать всему должную оцѣнку, не увлекаясь никакими пристрастіями или предубѣжденіями; но въ то время, когда все было возбуждено, когда неизвѣстно еще было навѣрное, восторжествуютъ ли въ цѣлой Европѣ старые принципы или доведена будетъ до послѣднихъ результатовъ вездѣ начатая ломка, было очень легко и извинительно, ощущая подъ собою колебаніе почвы, потерять голову. Поэтому, указывая на ошибки и несообразности въ дѣйствіяхъ боровшихся между собою народовъ и партій, мы слишкомъ далеки отъ абсолютнаго осужденія ихъ и отъ упрека, и указываемъ единственно съ цѣлію очистить факты отъ того оттѣнка, который придается имъ современной прессой. Кромѣ того, чехи въ это послѣднее время перестали быть активными участниками въ событіяхъ, и вся ихъ политическая дѣятельность выражалась только ихъ взглядами на происходящее въ сторонѣ отъ нихъ и отношеніемъ ко всему этому. Ни въ покореніи Вѣны, ни въ войнѣ съ мадьярами они не участвовали дѣломъ, но тѣмъ не менѣе они являются участниками во всемъ этомъ, принимая все очень близко къ сердцу и произнося свой приговоръ. Что такого рода участіе имѣло нѣкоторый смыслъ, это видно изъ того, что ему придавали значеніе сами дѣятели. Такъ Елачичъ, отъ 22-го октября, подъ адресомъ «Славному обществу Славянской Липы въ золотой Прагѣ», писалъ изъ военнаго стана слѣдующее: «Моя побѣда въ Пештѣ была бы неполна и положеніе враговъ нашихъ въ Вѣнѣ было бы еще прочнѣе, еслибъ я не подступилъ съ войскомъ къ самой Вѣнѣ, *чтобъ смирить врага славянства въ столицѣ Австріи*. Поэтому не могу вполнѣ выразить мою радость, когда я узналъ, что братья-чехи по одинаковому съ нами побужденію, что доказываетъ отозваніе чешскихъ депутатовъ изъ вѣнскаго сейма, развернули свои побѣдоносныя знамена передъ Вѣной, подавая мнѣ и войску моему братскую руку съ геройскою рѣшимостію, побѣдить или пасть со славой. Идя противъ Вѣны, я воодушевленъ одною мыслію, что иду противъ врага славянства, и утѣшаюсь надеждою, что вы мои дѣйствія не только оцѣните, но и поддержите».

«Липа» полнымъ довѣріемъ отвѣчала на любезность главнокомандующаго, и въ тоже время, какъ бы сознавая, что слова

его попали не по адресу, благодарила его за то, что онъ соблаговолилъ объяснить ей цѣль своихъ дѣйствій, и что она вполнѣ согласна съ когда-то высказанною имъ мыслью, что «еслибъ не было Австріи, то славяне должны бы были создать её». Такъ одинъ рядился въ народное чувство, скрывая подъ нимъ совсѣмъ иные, чисто эгоистическіе замыслы; другіе также, щеголяя любовію къ народу, но не понимая истинныхъ его интересовъ, служили орудіемъ тому, кто всегда былъ врагомъ ихъ народа.

Въ письмѣ Елачича съ перваго взгляда представляется чрезвычайно комичнымъ и даже похожимъ на насмѣшку, когда онъ говоритъ *о братьяхъ чехахъ, развернувшихъ свои побѣдоносныя знамена передъ Вѣной*: это были просто солдаты, которые шли, потому что по духу военной дисциплины не смѣли не идти, куда ихъ посылало начальство, а предводительствовалъ ими тотъ самый Виндишгрецъ, который недавно поколотилъ братьевъ-чеховъ для того, чтобъ доставить удовольствіе нѣмцамъ. Но слова Елачича не были простою любезностью; онъ дѣйствительно обрадовался тому, что Прага высказалась противъ Вѣны, что между ними посѣяна вражда, что чехи смирно сидятъ по своимъ угламъ, тогда какъ могли бы весьма значительно развлечь силы австрійскаго правительства. Злая шутка состояла въ томъ, что нѣмцы и славяне бились другъ съ другомъ и въ тоже время дружились съ своимъ общимъ врагомъ, который билъ и тѣхъ и другихъ. Мадьяры въ этомъ случаѣ были послѣдовательнѣе, они бились со славянами изъ за-того, что въ нихъ видѣли защитниковъ ненавистнаго имъ принципа австріанизма и погрѣшили только въ томъ, что были слишкомъ самоувѣренны и нетерпимы.

Нельзя не остановиться на личности Елачича, который все время игралъ весьма двусмысленную роль. Ему довѣряли и славяне, которымъ онъ обѣщалъ добыть признаніе ихъ національныхъ правъ, и нѣмецкое правительство, которому онъ былъ полезенъ именно тѣмъ, что придавалъ очень мало значенія національности. При немъ въ хорватскіе и граничарскіе полки опредѣлялись постоянно офицеры изъ нѣмцевъ, строго господствовала нѣмецкая команда, и бѣднаго граничара, грудью своей заслонявшаго когда-то Австрію отъ турецкихъ нападеній, а теперь во имя той же Австріи усмирявшаго Вѣну, били палками за то, что онъ не умѣлъ хорошо объясниться по-нѣмецки съ своимъ народнымъ начальствомъ. Отношенія его къ правительству чрезвычайно странныя. Онъ былъ человѣкъ придворный и пользовался личнымъ расположеніемъ императорскаго семейства. Правительство дѣлаетъ его хорватскимъ баномъ, вполнѣ пола-

гаясь на его преданность династіи и Австріи. Онъ ополчается противъ мадьяръ, пытавшихся выйти изъ-подъ гнетущей австрійской опеки; потомъ для личныхъ переговоровъ явился въ Инспрукъ, гдѣ былъ чрезвычайно благосклонно принятъ императоромъ и всѣмъ дворомъ; а между тѣмъ еще до его прибытія сдѣлано распоряженіе отнять у него команду и нарядить надъ нимъ судъ, о чемъ при личномъ свиданіи не сказано было ему ни слова. Воротившись, онъ не смутился и продолжалъ дѣйствовать, совершенно игнорируя и судъ, и правительственное распоряженіе. Онъ тогда оперся на народное сочувствіе и одержалъ верхъ. Тогда правительство признало всѣ его дѣйствія законными и облекло его еще большимъ довѣріемъ. Что же это была за комедія? Почему Елачичъ, оскорбленный коварствомъ правительства, не бросилъ его, или по крайней мѣрѣ зачѣмъ онъ такъ усердствовалъ ему? Намъ это понятно, потому что это черта спеціально австрійская. Объясняя образъ дѣйствій Елачича, нужно помнить, что онъ прежде всего былъ австріецъ, который глубоко былъ убѣжденъ, что все благо его жизни заключается въ австрійской системѣ. Поэтому онъ жертвовалъ и чувствомъ національнаго сознанія, и чувствомъ сознанія своего личнаго достоинства. Напрасно нѣкоторые подозрѣваютъ въ немъ великіе замыслы создать какое-то славянское государство, къ чему онъ не былъ вовсе приготовленъ и способенъ. Онъ вѣрно служилъ своему правительству, потому, что съ нимъ связано было и его личное существованіе; онъ шелъ наперекоръ его распоряженіямъ, увѣренный, что эти распоряженія дѣлались или только для вида подъ давленіемъ какой-нибудь посторонней силы, или вслѣдствіе того, что всѣ потеряли головы, и рѣшился дѣйствовать по своему убѣжденію, на свой страхъ, чѣмъ дѣйствительно правительству принесъ пользу, а себѣ заслужилъ его благодарность. Недовѣріе къ нему правительства не могло его оскорбить, потому что это существенная черта, основа всей господствующей тамъ системы: на взаимномъ недовѣріи и даже ненависти основано все существованіе Австріи. Не тоже ли самое мы видимъ и въ цѣломъ тогдашнемъ правительствѣ? Одно правительство распоряжается изъ Инспрука, другое изъ Вѣны, и оба противорѣчатъ другъ другу; главнокомандующіе различныхъ частей войскъ дѣйствуютъ во имя правительства, но не слушаются ни Вѣны, ни Инспрука. Въ этомъ наружномъ разладѣ вы, всмотрѣвшись, увидите единство дѣйствій; все это только различные пути, ведущіе къ одной цѣли. Мы не подозрѣваемъ въ тогдашнемъ правительствѣ какой-нибудь стачки, предварительнаго уговора дѣйствовать именно такъ, чтобъ обманывать народъ. Это была бы подлость, въ чемъ обви-

нять кого бы то ни было никто не имѣетъ права безъ самыхъ точныхъ доказательствъ. Да этого вовсе не было и нужно; это вытекало изъ духа той системы, которая была изстари заведена, и изъ положенія дѣлъ, изъ отношеній между собою различныхъ народностей и сословій, которыя были таковы, что вмѣшательство правительства дѣлалось необходимымъ слѣдствіемъ народнаго желанія. Говорятъ, что австрійское правительство довело до крайности принципъ «divide et impera». Мнѣ кажется, что оно къ тому вызывается и принуждается тѣми самыми элементами, которые находятся въ вѣчной борьбѣ. Къ чему правительству сѣять вражду, когда она давнымъ давно готова, когда еще части Австрійской имперіи жили каждая отдѣльно? Могутъ сказать: зачѣмъ оно не помиритъ ихъ, проводя всюду равноправность? Но этого опять-таки не допускаютъ сами составляющіе государство элементы, добиваясь постоянно господства другъ надъ другомъ. А требовать отъ правительства, чтобъ оно мирило, значитъ добровольно становиться подъ его опеку и отдаваться въ его полное распоряженіе, что̀ и осуществляется на самомъ дѣлѣ. Однимъ словомъ, въ несчастномъ положеніи Австрійской имперіи, при которомъ никакія либеральныя реформы не осуществлялись отъ національной вражды, не было виновато только правительство; а причина этого заключается именно въ томъ неестественномъ, насильственномъ союзѣ, какой представляетъ намъ Австрійская имперія. Покуда существуетъ этотъ неестественный союзъ, до тѣхъ поръ не прекратятся вѣчные стоны угнетенныхъ народностей, и дикое торжество господствующихъ. Мадьяры давно уже это поняли и добиваются того, чтобъ совсѣмъ выйти изъ этого союза; но и они до такой степени проникнуты тѣмъ же духомъ австрійской системы, что изъ своего Пешта создали вторую Вѣну, и Венгерское королевство теперь уже не что иное, какъ та же Австрійская имперія въ уменьшенномъ видѣ. Тоже самое было бы и со всякою другою частью Австріи. Поэтому, единственное спасеніе живущихъ тамъ народовъ въ радикальномъ переворотѣ и въ совершенномъ перевоспитаніи, что̀ для нихъ невозможно безъ толчка извнѣ и вообще безъ посторонняго вліянія.

Къ такимъ результатамъ приводятъ патологическое изученіе какъ цѣлаго организма Австрійской имперіи, такъ и отдѣльныхъ его частей или особей, въ родѣ Елачича.

Этимъ мы могли бы и закончить свои наблюденія надъ событіями и надъ факторами 1848 г.; но для полноты изложенія нужно нѣсколько переступить грань этого года, потому что последняя сцена этой драмы, начатой въ 1848 г., доиграна была уже

въ 1849-мъ и мѣсто дѣйствія также измѣняется,—оно переносится въ Моравію.

Въ то время какъ чешскія войска, подъ командою Виндишгреца осаждали Вѣну, распѣвая пѣсню «Шуселка намъ пишетъ», мадьяры бились съ сербами, хорватами и съ австрійскими генералами; когда Вѣна, наконецъ, напрасно прождавши помощи отъ мадьяръ, должна была сдаться и тотчасъ началось приведеніе дѣлъ въ порядокъ при содѣйствіи штыковъ, полицейскихъ розысковъ и скораго суда, незамедлившаго украсить столицу имперіи висѣлицами, — на берегу чешской Моравы, посреди ея плодородной равнины, такъ-называемой «благословенной Ганы», въ небольшомъ городкѣ Кромерижѣ, мы снова видимъ знакомыя намъ лица тѣхъ самыхъ народныхъ представителей, которые незадолго передъ тѣмъ рѣшали судьбу имперіи въ столицѣ ея Вѣнѣ. Сюда перенесенъ былъ тотъ самый рейхсратъ, который долженъ былъ прекратить свою дѣятельность вслѣдствіе застигшей ихъ октябрьской бури.

Здѣсь были тѣ же самыя лица, тоже раздѣленіе партій, только при другой внѣшней обстановкѣ, и въ министерствѣ появились двѣ новыя личности, гр. Стадіонъ (мин. внутр. дѣлъ) и князь Феликсъ Шварценбергъ (иностр. д.). Избранъ былъ также новый предсѣдатель, и выборъ палъ на поляка Смолку, человѣка, принадлежавшаго къ крайней лѣвой сторонѣ.

22-го ноября, начались засѣданія сейма, и тутъ мы видимъ повтореніе старой исторіи. Дебаты возникаютъ или изъ-за однихъ формальностей, или вслѣдствіе взаимнаго предубѣжденія и всеобщаго раздраженія.

Прежде всего возникъ споръ о томъ, считать этотъ сеймъ продолженіемъ перваго или нѣтъ, и потому, читать ли прежде всего протоколы послѣднихъ засѣданій. Это подало поводъ чехамъ и вообще правой сторонѣ высказать много оскорбительнаго на счетъ поведенія жителей Вѣны въ послѣднее время, что вызвало не менѣе рѣзкіе отвѣты съ лѣвой стороны. Наконецъ согласились послѣднія заключенія сейма признать недѣйствительными, такъ какъ въ то время многіе депутаты удалились, вслѣдствіе начавшихся волненій, а оставшіеся тоже не были свободны отъ страха, который внушала имъ вооруженная толпа, постоянно державшая сеймъ какъ бы въ осадномъ положеніи. Затѣмъ министерство выступило съ бюджетомъ на 1849-й годъ, изъ котораго оказывалось, что передержано въ 1848 г. 49 милліоновъ гульд., а, имѣя въ виду въ слѣдующемъ году большія военныя

издержки, оно требовало разрѣшить ему заемъ въ 80 милл. Это предложеніе не одинъ разъ поднималось и откладывалось, вызывая постоянно отчаянные споры, потому что лѣвая сторона не хотѣла объ этомъ и слышать, тогда какъ правая поддерживала министерство. Дѣло это рѣшилось только 22-го декабря, когда произведена была нѣкоторая перемѣна въ самомъ сеймѣ, именно произведены были новые выборы президента, его товарищей и секретарей. На этотъ разъ выборъ въ президенты палъ на приверженца чешской стороны Штробаха. Правая сторона отъ того стала сильнѣе, и заемъ въ 80 милл. разрѣшенъ.

Въ продолженіи этого времени произошла одна важная перемѣна въ правительствѣ: отреченіе Фердинанда, и вступленіе на престолъ 19-лѣтняго племянника императора, Франца-Іосифа, сына эрцгерцога Франца-Карла, который также отрекся отъ своего права на престолъ. Трудно опредѣлить, чтó было истинною причиною такой перемѣны. Въ актѣ отреченія старый императоръ мотивировалъ его такъ: высказавши, какія цѣли преслѣдовалъ онъ, вступивши на престолъ, какъ его добрыя стремленія народъ постоянно встрѣчалъ съ любовію и благодарностію и какъ, наконецъ, въ послѣднее время злоумышленная партія хотѣла вездѣ произвести анархію, чтó ей однако не удалось, потому что большая часть имперіи осталась вѣрна своему правительству, онъ утѣшается тѣмъ, что въ минуты тяжелыхъ испытаній получалъ изъ разныхъ частей имперіи заявленія, «льстящія его опечаленному сердцу»; «но—продолжаетъ манифестъ—сила событій, видимая и неотвратимая потребность великаго и всеобщаго преобразованія нашихъ государственныхъ формъ, къ которому мы приступили въ мартѣ мѣсяцѣ, и старались проложить ему путь, утвердили насъ въ томъ убѣжденіи, что нужны болѣе молодыя силы, чтобъ эта великая задача приведена была въ исполненіе быстро и удовлетворительно. Поэтому мы, послѣ зрѣлаго обсужденія и проникнутые сознаніемъ необходимости этого шага, пришли къ заключенію торжественно отречься отъ престола».

Изъ общаго изложенія событій, мы замѣтимъ одно только, что Фердинандъ, при всей его слабости, съ какой онъ соглашался на всѣ требованія народа, иногда оказывался довольно твердымъ по отношенію къ окружающимъ его министрамъ и другимъ придворнымъ чинамъ тамъ, гдѣ послѣдніе хотѣли прибѣгнуть къ насилію противъ народа. Это была одна изъ главныхъ причинъ, по которой въ высшихъ сферахъ сильно желали какъ-нибудь устранить его отъ дѣлъ, а для этого, какъ видно, не было никакого другого средства, кромѣ отреченія, потому что

безъ того онъ постоянно являлся помѣхою. Принудить его къ этому было конечно нетрудно. Изъ этого слѣдуетъ, что вновь вступающій императоръ долженъ былъ обладать качествами совершенно противоположными.

Заявленія высокопоставленныхъ лицъ при вступленіи ихъ на новый постъ не имѣютъ большой важности, потому что, какъ извѣстно, эти лица большею частію не считаютъ себя обязанными согласовать съ ними свои поступки, и часто все сдѣланное въ началѣ, впослѣдствіи времени, забравши силу, отмѣняютъ и дѣйствуютъ совершенно на иныхъ основаніяхъ, оправдывая такое противорѣчіе потребностію времени и обстоятельствъ, а иногда и вовсе не заботясь ни о какихъ оправданіяхъ, если не считаютъ себя отвѣтственными ни передъ кѣмъ. Примѣровъ этому тьма. Ни одинъ почти министръ или другой какой-нибудь высшій чиновникъ не вступаетъ въ должность безъ того, чтобъ не обѣщать много такого, чего онъ навѣрное не исполнитъ.

Тѣмъ не менѣе, манифестъ Франца-Іосифа, составленный видно въ строгомъ согласіи съ тою программою, которую выработало министерство, заключаетъ въ себѣ все то, чего должно было ожидать отъ его дѣятельности и что́ дѣйствительно сбылось. Видно, что онъ писанъ подъ наитіемъ вполнѣ наставшей реакціи и когда уже не было никакого сомнѣнія въ русской помощи, и что мадьяры будутъ покорены. Вотъ главныя мѣста изъ этого достопамятнаго манифеста 2-го декабря 1848 г., «Твердо рѣшившись сохранить корону во всемъ ея блескѣ и имперію во всей цѣлости, но въ тоже время готовые раздѣлить права свои съ представителями своихъ народовъ, мы надѣемся, что *съ божіей помощью и въ согласіи съ народами намъ удастся всѣ земли и народы имперіи слить въ одно великое государственное тѣло.* Намъ предстоитъ тяжелое испытаніе: миръ и порядокъ во многихъ краяхъ имперіи нарушены. Въ одной части имперіи до сихъ поръ свирѣпствуетъ гражданская война. Употреблены всѣ средства, чтобъ вездѣ возстановлено было уваженіе къ законамъ. Подавленіе бунта и возвращеніе внутренняго покоя — самыя главныя условія счастливаго выполненія великаго государственнаго дѣла». Въ этомъ заключается вся сущность манифеста. Въ немъ ничего не говорится ни о конституціи, ни о томъ, какъ считать всѣ начатыя реформы, а только въ общихъ выраженіяхъ обѣщаются «благодѣтельныя перемѣны и помолодѣніе цѣлой имперіи», при чемъ также признана, по собственному убѣжденію, потребность и важность свободныхъ и сообразныхъ съ духомъ времени учрежденій. Главнымъ образомъ манифестъ напираетъ на нарушеніе

порядка и необходимость его возстановленія, такъ что онъ выходитъ чѣмъ-то въ родѣ объявленія осаднаго положенія. Въ заключеніе новый императоръ говоритъ, что онъ полагается на разумное и искреннее соучастіе всѣхъ народовъ посредствомъ ихъ представителей, — на здравый смыслъ сельскаго населенія, недавно получившаго полную свободу, на вѣрныхъ своихъ чиновниковъ, на испытанную храбрость, вѣрность и непоколебимость славнаго войска. «Мы надѣемся, говоритъ онъ, что войско будетъ и намъ, какъ предкамъ нашимъ, опорой трона, а отечеству и свободнымъ учрежденіямъ необоримою стѣною». Упоминая о сельскомъ населеніи, манифестъ не безъ причины, кажется, пропустилъ населеніе городовъ, которое въ австрійскихъ земляхъ по числу составляетъ половину сельскаго, а по нравственной силѣ и вообще по вліянію на дѣла, главный элементъ имперіи.

Перемѣна эта на всѣхъ произвела впечатлѣніе весьма невыгодное. Торжествовало только министерство, да тѣ, кому привольно жилось до мартовскихъ событій безъ всякихъ реформъ и конституцій.

Правительство въ это время уже рѣшилось покончить всю эту игру въ свободныя учрежденія, и не распускало сеймъ только потому, что такое распущеніе могло произвести нѣкоторое волненіе въ народѣ, могшее отвлечь его силы отъ Венгріи; а потомъ ему нуженъ былъ только поводъ, найти который конечно всегда было весьма легко. Вступленіе на престолъ Франца-Іосифа парализовало все.

Сеймъ работалъ, но какъ-то медленно; секціи его трудились надъ отдѣльными проектами; засѣданія происходили только два раза въ недѣлю, и ни одинъ изъ проектовъ не поступилъ еще на разсмотрѣніе собранія; поэтому засѣданія проходили въ пустякахъ. Обществу казалось, что сеймъ вовсе ничего не дѣлаетъ, и въ газетахъ выражалось уже неудовольствіе противъ того. Въ это время однако выработывался проектъ конституціи.

Газеты не измѣнили своего тона, по прежнему продолжали подвергать придирчивой критикѣ каждый шагъ правительства, всякое распоряженіе мѣстнаго начальства; но уже не было ни прежняго увлеченія, ни откровенности: всякій какъ-то воздерживался и будто чего-то боялся, хотя со стороны новаго правительства не сдѣлано было ни шага, по которому можно бы было бояться его. Имя новаго императора привѣтствовалось слишкомъ оффиціально, хотя онъ не подалъ никакого повода къ такой холодности, и одна весьма придирчивая газета чешской либеральной партіи, «Вечерній Листъ», не могла сдѣлать никакого важнаго

замѣчанія на первый его актъ, на манифестъ, кромѣ того, что тамъ сказано: «Мы, божіею милостію» и т. д., вмѣсто «Мы, конституціонный государь», что всего только одинъ разъ было употреблено и прежнимъ императоромъ. Общественное мнѣніе высказалось противъ него тѣмъ, что съ особенною любовью всѣ относились къ Фердинанду, который прибылъ въ Прагу; готовилась какая-то великолѣпная демонстрація въ этомъ духѣ, но она не осуществилась. Однимъ словомъ, все, что народъ чувствовалъ и думалъ, подъ гнетомъ какой-то новой силы, оставалось затаеннымъ, не смѣло выступить наружу.

Императоръ, черезъ своего перваго министра, князя Шварценберга, выразилъ сейму, что онъ будетъ самъ разсматривать всѣ его предложенія и утверждать ихъ. И это не произвело ни на кого хорошаго впечатлѣнія. Сеймъ, кажется, началъ падать въ собственномъ мнѣніи. Депутаты то и дѣло брали отпуски подъ различными предлогами, а другіе вовсе не являлись, такъ что на это было обращено вниманіе, и присутствовавшіе члены предлагали принять противъ этого особенныя мѣры, чтобъ сеймъ вовсе не разбрелся. Нѣкоторые вовсе складывали свои мандаты, въ томъ числѣ и К. Гавличекъ, который на все это смотрѣлъ, какъ на комедію, и еще когда этотъ сеймъ былъ въ Вѣнѣ, писалъ въ «Народныхъ Новинахъ»: «Что это за сеймъ, на которомъ изъ 370 членовъ почти 100, отправляясь утромъ въ засѣданіе, не знаютъ, въ пользу какого мнѣнія должны будутъ подать голосъ! Что это за сеймъ, на которомъ 40 человѣкъ (сельскіе депутаты Галиціи и Буковины) не умѣютъ ни читать, ни писать, и не понимаютъ того языка, на которомъ идутъ разсужденія! Что это за сеймъ, когда въ немъ засѣдаютъ до 30 членовъ такихъ, которые стремятся къ ниспроверженію государства»! Сеймъ въ Кромерижѣ конечно былъ организованъ лучше, потому что разныя партіи успѣли изъ многочисленныхъ преній убѣдиться, что у нихъ у всѣхъ общій интересъ, а раздѣляютъ ихъ только предубѣжденіе и посторонняя интрига, и почти со всѣмъ согласились. Тѣмъ не менѣе видно было, что сеймъ былъ только pro forma, и всякую минуту должно было ждать со стороны правительства рѣшительнаго шага противъ него. Въ такомъ положеніи, единственная надежда оставалась на поддержку общественнаго мнѣнія; вотъ почему Гавличекъ сложилъ свой мандатъ, какъ членъ сейма, и возвращался къ прежней дѣятельности, какъ журналиста, когда дѣйствительно настало для того время, была потребность въ крѣпкомъ бойцѣ, и это время составляетъ самый блестящій и въ тоже время самый несчастный періодъ чешской журналистики.

Проектъ конституціи былъ уже настолько готовъ, что тотчасъ послѣ Рождества онъ могъ быть предложенъ сейму.

Такъ какъ конституція эта обработывалась по частямъ отдѣльными комитетами, то какъ скоро была изготовлена часть *объ основныхъ правахъ*, тотчасъ же она поступила въ сеймъ для преній по поводу ихъ. Докладчиками по этому отдѣленію были съ лѣвой стороны—Гайнъ, а съ правой—Ригеръ. О первомъ параграфѣ, гласившемъ, что «вся государственная власть происходитъ отъ народа», докладывалъ Ригеръ.

Министерству этотъ § не понравился; оно видѣло въ немъ нарушеніе основъ монархическаго правленія, и потому, на собраніи 4-го января (1849 г.), гр. Стадіонъ потребовалъ его уничтоженія. Въ тонѣ министра было что-то повелительное и очень рѣзко высказывалась рѣшимость настоять на своемъ. Отъ такого тона всѣ уже успѣли отвыкнуть и потому теперь всѣ съ удивленіемъ обратили вниманіе на свое новое правительство. Вѣсть о такомъ поступкѣ министерства быстро разнеслась по всѣмъ краямъ имперіи. Отовсюду послышались отзывы противъ министерства, а депутаты въ тоже время отъ разныхъ обществъ получали адресы, въ которыхъ одобрялась дѣятельность сейма и обѣщалась поддержка всѣхъ его заключеній. Славянскій клубъ положилъ выразить министерству свое сожалѣніе о томъ, что оно, кассируя сейма рѣшенія, нарушаетъ его права, и подтвердить, что сеймъ никогда не отступится отъ права свободно высказывать свое мнѣніе. Проектъ адреса былъ составленъ въ славянскомъ клубѣ чехомъ докт. Пинкасомъ, но подписались подъ нимъ чехи и нѣмцы вмѣстѣ, и всѣхъ подписавшихся было 177. Адресъ этотъ предложенъ сначала на разсмотрѣніе сейма, который его принялъ, и потомъ поданъ министерству.

Встрѣтивши такой сильный отпоръ, министры, сознавая должно быть, что еще не пришло время, рѣшились допустить пренія по этому параграфу, думая, что, можетъ быть, на дебатахъ онъ самъ собою пропадетъ.

Дѣйствительно, начался жаркій парламентарный бой. Иногда цѣлое засѣданіе проходило въ спорѣ двоихъ: такъ, 10-го января, все время ушло въ спорѣ министра Лассера съ Лёнеромъ. Въ этихъ дебатахъ выступали почти всѣ министры и, кромѣ ихъ, самыми горячими противниками проекта явились: Улепичъ, Селингеръ, Демель, Смрекеръ, но крѣпче всѣхъ держался жатецкій депутатъ Вильднеръ. Защитниками были: Боррошъ, Питтеръ, Гайнъ, Шабель, Брестль, Шуселка и Ригеръ. Послѣдній, какъ докладчикъ, заключилъ свой докладъ рѣчью, впечатлѣніе

которой было такъ сильно, что дальнѣйшимъ дебатамъ уже не было мѣста.

Рѣчь эта въ свое время доставила Ригеру европейскую извѣстность. Громадное число экземпляровъ ея отпечатано было въ Вѣнѣ, она перепечатывалась въ разныхъ заграничныхъ журналахъ, переведена была на итальянскій языкъ въ «Monitore Romano», выдержала въ Италіи нѣсколько изданій, читалась на улицахъ въ Римѣ и другихъ городахъ, производя вездѣ одинаково сильное впечатлѣніе. Даже самыя непріязненныя ему нѣмецкія газеты отзывались объ ней съ большими похвалами. Но этимъ ея дѣйствіе и кончилось; она не въ состояніи была поколебать австрійскихъ министровъ. Тѣмъ не менѣе, я думаю, нелишнимъ будетъ познакомиться съ содержаніемъ ея, по крайней мѣрѣ въ краткомъ изложеніи.

Прежде всего ораторъ поясняетъ смыслъ разбираемаго параграфа. Говоря, что всѣ власти въ государствѣ въ своемъ началѣ происходятъ отъ народа, сеймъ далекъ отъ того мнѣнія, что эти власти и въ настоящее время принадлежатъ исключительно народу. Онъ признаетъ, что, перенесши однажды часть своей власти на государя, народъ не имѣетъ уже никакихъ правъ на нее. И отъ этого принципъ монархизма не только ничуть не колеблется, но еще болѣе упрочивается тѣмъ, что не основывается на случайномъ нравѣ наслѣдованія, а становится на почву разумной законности. Возставая противъ этого взгляда на происхожденіе власти, министерство, по его мнѣнію, склоняется къ старой теоріи, по которой правительства смотрѣли на свои народы, какъ на живое имущество и подобно русскому помѣщику, владѣльцу нѣсколькихъ тысячъ душъ, считали себя въ правѣ продавать ихъ и закладывать, подобно тому какъ Сигизмундъ за извѣстную сумму денегъ заложилъ Бранденбургъ Цоллернскому дому. Но такой взглядъ не отвѣчаетъ ни достоинству свободныхъ народовъ, ни просвѣщеннымъ понятіямъ вѣка о сущности и цѣли государства, ни достоинству самого монарха. Въ доказательство шаткости этой теоріи происхожденія власти, зависящей не отъ воли народа, а единственно отъ наслѣдственнаго права, ораторъ указываетъ на рядъ историческихъ фактовъ, изъ которыхъ видно, что наслѣдственность не есть что-либо абсолютное, а зависитъ отъ воли народа, который переноситъ ее на тѣ лица, которыя онъ считаетъ достойными, и перемѣняетъ династіи. Напримѣръ, онъ указываетъ на прогнаніе императора Рудольфа, и возведеніе на его мѣсто младшаго брата его Матвѣя, что было необходимо для блага народа, такъ какъ Рудольфъ былъ совершенно неспособенъ, хотя право наслѣдства

было за нимъ. Потомъ указываетъ на судьбу домовъ Вазы и Бурбоновъ. Допуская зависимость власти единственно отъ наслѣдственнаго права, основаннаго на божіей волѣ, можно дойти до фатализма, такъ какъ ничего не дѣлается безъ божіей воли, и тогда никому не пришлось бы ничего дѣлать, ожидая, что все сдѣлается само собою по божіей волѣ. Взглядъ этотъ конечно христіанскій; но не менѣе христіанскаго духа и въ той теоріи, которая рядомъ съ тѣмъ признаетъ свободную волю человѣка и народовъ, отъ которой зависитъ устроить свое существованіе такъ, или иначе, сообразно съ понятіемъ о добрѣ и злѣ, о правѣ, законѣ и т. д. Сила также не можетъ быть источникомъ права, и кто ссылается на нее, тотъ постоянно рискуетъ, что явится другая болѣе могучая сила и отниметъ у него право, которымъ онъ до тѣхъ поръ пользовался... «Государь, опирающійся только на силу—деспотъ; а государь, основывающій свое право на волѣ народа, который ставитъ его надъ собою, есть истинный государь свободнаго народа». Далѣе Ригеръ обращаетъ вниманіе на происхожденіе власти собственно въ Австрійской имперіи, и для этого излагаетъ исторію, какимъ образомъ сложилась эта монархія. Изъ этого обозрѣнія видно, что она образовалась вслѣдствіе свободнаго договора народовъ съ габсбургскою династіею. Сеймъ не можетъ руководствоваться взглядомъ министровъ, во-первыхъ, потому что онъ представляетъ не министерскій органъ, а органъ избравшаго его народа, все равно какъ онъ не обязанъ соглашаться съ мнѣніемъ какой-нибудь одной части государства, и по мнѣнію одной части, напр. Вѣны или Пешта, нельзя заключать о волѣ цѣлаго народа; во-вторыхъ, мнѣніе министровъ такъ перемѣнчиво, что сеймъ изъ угожденія ему долженъ бы былъ то и дѣло опровергать самого себя. Прежнее министерство совершенно приняло этотъ параграфъ, и устами Баха высказало, что оно признаетъ демократическую, конституціонную монархію, и суверенность народа ставитъ на одну ступень съ суверенностію короны; нынѣшнее министерство смотритъ иначе, а какъ знать, что не произойдетъ еще какая-нибудь перемѣна въ министерствѣ, и тогда сеймъ долженъ будетъ еще разъ перемѣнить свой взглядъ.

Императоръ Фердинандъ, манифестомъ отъ 16-го мая 1848 г., созвалъ законодательное собраніе изъ представителей народа и поручилъ ему составить конституцію, по его убѣжденію и благоусмотрѣнію. Этотъ манифестъ оставленъ во всей силѣ и новымъ императоромъ. Ни манифестъ, созвавшій сеймъ, ни народъ, вручившій мандатъ своимъ представителямъ, ничего не говорятъ о томъ, чтобъ онъ долженъ былъ согласоваться съ мнѣніемъ ми-

нистровъ. Министры же хотятъ принудить сеймъ принять ту конституцію, которую они изготовили въ своихъ кабинетныхъ собраніяхъ. Это значило бы обмануть народъ, который ожидаетъ конституціи, выработанной его представителями. «Дѣйствуя не по собственному убѣжденію, а по взглядамъ министерства—продолжалъ ораторъ—мы по справедливости лишились бы довѣрія своихъ довѣрителей. Мы собрались сюда не для того, чтобы списывать министерскія распоряженія. Если же допустить это, тогда достоинство наше будетъ нисколько не выше достоинства сторожа въ славномъ магистратѣ, объявляющаго рѣшенія, сдѣланныя осторожнымъ собраніемъ въ тайномъ совѣщаніи. Я не отвергаю важности и значенія послѣднихъ политическихъ событій; знаю, что позади насъ 6-е октября со всѣми своими печальными послѣдствіями. Но тѣмъ ни на волосъ не сокращено наше право, какъ законныхъ представителей народа, засѣдающихъ здѣсь по волѣ императора; мы отъ того не перестали быть учредительнымъ сеймомъ. Считаю обязанностію упомянуть еще объ обстоятельствѣ, которому, къ сожалѣнію, вѣрятъ и нѣкоторые изъ членовъ сейма. Я имѣю въ виду молву, будто не только не послѣдуетъ санкціи рѣшенію сейма, но что даже будетъ распущенъ сеймъ. Я не вѣрю тому, чтобъ могли быть взяты назадъ вторично торжественно данныя обѣщанія; это было бы вѣроломствомъ, на которое я не считаю способною нашу корону. Если же то станется, тогда, конечно, мы не имѣемъ для своей защиты штыковъ; но мы уступимъ только по принужденію. Мы не припадемъ со страхомъ къ этимъ скамьямъ; мы оставимъ ихъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ; но унесемъ съ собою то утѣшительное сознаніе, что мы сдѣлали, что́ могли, и ничего не уступили изъ верховныхъ правъ народа. Пусть распустятъ сеймъ. Самое худшее, что́ насъ можетъ ожидать—это дарованіе намъ конституціи, несогласной съ либеральными началами. Но пусть же она будетъ прямо октроирована правительствомъ, а не проведена подъ прикрытіемъ нашего участія. Пусть же само правительство и отвѣчаетъ за такую конституцію; а мы не хотимъ рядиться въ чужія перья и не дадимъ своего имени чужой нелѣпицѣ. Пусть лучше распустятъ сеймъ, чѣмъ допустить его осрамить себя. Я стою на томъ, что сеймъ не будетъ распущенъ: нашъ государь добръ, и онъ хорошо знаетъ, что чрезъ то поколебалось бы довѣріе къ нему народовъ, особенно тѣхъ, которые еще не прислали сюда своихъ депутатовъ (сербы и хорваты). Эти народы доблестью своею и кровью завоевали себѣ свободу; они цѣлыя столѣтія имѣли свою конституцію и пользовались верховнымъ правомъ; имъ никакъ нельзя сказать, что

имъ дается доля власти изъ милости императора! Если насъ, представителей народа, теперь выгонятъ изъ этого зала, тогда трудно будетъ другой разъ зазвать представителей тѣхъ же народовъ на всеобщій сеймъ, и тогда напрасны будутъ всѣ усилія создать единую сильную Австрію. Еще разъ повторяю: на это никто не имѣетъ права. Корона сама перенесла право устройства монархіи на представителей народа, и если она возьметъ это право назадъ, тогда она нарушитъ главную основу существованія имперіи и тогда конецъ законному порядку! Это очень опасный шагъ. Легкомысленно оторвавшись отъ почвы законности, корона вступитъ на почву насилія, а эта почва—есть основа революціи. Поэтому, взываю здѣсь къ совѣтникамъ короны: videant consules, ne quid detrimenti capiat respublica!»

Рѣчь эта длилась полтора часа; но вниманіе слушателей не ослабѣвало ни на минуту. Правая сторона была въ восторгѣ; лѣвая примирилась съ ораторомъ, котораго считала главнымъ своимъ непріятелемъ, и рукоплескала. Не могъ удержаться отъ рукоплесканій и черно-желтый центръ, забывъ, что этимъ онъ оскорбляетъ правительство. Только министры сидѣли, какъ обваренные. Мрачно и зловѣще смотрѣли они на эти безполезные восторги, и рѣшились явно выступить со своимъ безапелляціоннымъ veto.

Въ сеймѣ произошла большая перемѣна: въ немъ не было уже ни правой, ни лѣвой стороны; мысль о предстоящей борьбѣ соединила всѣхъ въ одно; рѣшено было не уступать министерству.

Но рѣшимость эта была на одинъ моментъ. Мало-по-малу стали выступать люди, которые считали, что они уже все сдѣлали, высказавъ во всей полнотѣ и искренности свое мнѣніе передъ министерствомъ, и потому могутъ теперь уступить, находясь не въ состояніи бороться съ насиліемъ. «Да и не стоитъ— говорили эти миротворцы—изъ-за одного параграфа терять все.» А чтобъ это не имѣло вида прямого отступленія, они предлагали окончательное заключеніе объ этомъ параграфѣ отложить до слѣдующихъ засѣданій, и тѣмъ временемъ продолжать разсмотрѣніе другихъ, идущихъ по порядку статей. Подъ такимъ благовиднымъ предлогомъ сеймъ уклонился отъ открытаго боя съ министерствомъ и продолжалъ дебаты съ прежнимъ усердіемъ и даже съ нѣкоторымъ азартомъ, хотя вполнѣ зналъ, что все это была чисто комедія, забавлявшая министровъ.

Не станемъ обвинять сеймъ въ томъ, что онъ поступился своимъ верховнымъ правомъ, которымъ облекъ его народъ, что члены его не сложили своихъ мандатовъ, видя, что они не въ

состояніи провести своего мнѣнія во всей чистотѣ и принуждены принимать его въ искаженномъ видѣ, тамъ урѣзывая, тамъ наставляя, какъ понравится министерству; не станемъ обвинять его въ непослѣдовательности, потому что поступить иначе—значило бы идти на крайность, а человѣчество постоянно воспитывается въ духѣ умѣренности, и партія умѣренныхъ потому вездѣ и всегда была самая многочисленная, постоянно одерживала верхъ и помогала на своихъ плечахъ подниматься такимъ личностямъ, какъ Наполеонъ III.

Къ тому же, если не весь сеймъ, то нѣкоторые изъ его членовъ разсчитывали, что, опубликовавши весь свой проектъ конституціи, они найдутъ поддержку въ самомъ народѣ и, опершись на общественное мнѣніе, имъ тогда легче будетъ выдержать бой съ правительствомъ. Предчувствуя близость своего конца, сеймъ торопился. Основныя права были уже публикованы, а остальныя части параграфъ за параграфомъ проходили сквозь дебаты, и близокъ былъ уже конецъ работъ.

6-го марта, разсматривался вопросъ о свободѣ церкви и объ отношеніи ея къ государству. Докладчикомъ былъ опять Ригеръ, и завершилъ дебаты рѣчью, замѣчательной какъ по содержанію, такъ и по мастерскому изложенію. Засѣданіе кончилось въ 9-мъ часу вечера, и это былъ послѣдній день кромерижскаго сейма.

Въ тотъ же вечеръ въ 10 ч., пріѣхалъ въ Кромерижъ министръ гр. Стадіонъ, и тотчасъ же пригласилъ къ себѣ 16 депутатовъ сейма, между которыми со стороны чеховъ были: Браунеръ, Штробахъ, Пинкасъ и Палацкій. Онъ объявилъ имъ, что императоръ рѣшился, не дожидаясь окончанія работъ сейма, октроировать конституцію, такъ какъ дѣла съ Венгріею еще не окончены, а между тѣмъ приближается 11-е марта, годовщина начала австрійскаго переворота, и могутъ начаться при этомъ какія-нибудь демонстраціи; кромѣ того, конституція, надъ которою трудился сеймъ, не можетъ быть обязательною для этихъ земель, которыя на немъ не имѣли своихъ представителей. Приглашенные депутаты старались поколебать доводы правительства, и это имъ въ нѣкоторой степени удалось по отношенію къ министру; но прибывшій съ нимъ государственный секретарь Гельфертъ, тономъ холоднымъ и надменнымъ, прочиталъ этимъ народнымъ представителямъ такое наставленіе, которое должно было оскорбить не только ихъ, членовъ законодательнаго собранія, но и всякаго частнаго человѣка. По этому поводу докт. Пинкасъ имѣлъ съ нимъ горячее объясненіе. Депутатъ Нейваль объявилъ министру, что конституція уже готова и 15-го марта будетъ

цѣлымъ сеймомъ принята per acclamationem; слѣдовательно, можетъ быть тотчасъ же провозглашена.

Гр. Стадіонъ, немного подумавши, обратился къ депутатамъ и просилъ ихъ до времени никому не говорить объ этомъ, обѣщаясь просить императора, чтобъ онъ остановилъ октроированіе конституціи. «Обѣщать вамъ ничего опредѣленнаго не могу—добавилъ онъ—но завтра утромъ дамъ знать о результатахъ по телеграфу».

На другой день, едва разсвѣтало, послышался барабанный бой. Отъ казармъ двигалось войско къ зданію, въ которомъ происходили засѣданія сейма. Окруживъ его со всѣхъ сторонъ, войско стало, какъ будто ожидая какого непріятеля. Рано утромъ стали являться депутаты сейма и пытались пробраться во внутренность. Солдаты дерзко отгоняли ихъ оттуда, а если кто осмѣливался настаивать, того осыпали ругательствами и грозили штыками. Такой чести удостоилось народное собраніе, и тѣмъ закончился послѣдній актъ высокой комедіи.

Такимъ образомъ, разогнанный сеймъ, послѣ долгаго странствованія изъ своей родины въ Вѣну, изъ Вѣны въ Кромерижъ, разсыпался по разнымъ краямъ, и представители чешскаго народа снова очутились между своими, явились въ Прагѣ, гдѣ появленіе ихъ поразило всѣхъ, «какъ громъ изъ яснаго неба». Общество приняло ихъ по прежнему, оказывало имъ еще бо́льшее довѣріе и въ смущеніи, предвидя новую борьбу, ждало отъ нихъ отвѣта на вопросъ: что́ дѣлать? Никто не ждалъ ничего добраго, потому что, если такъ безчестно, жестоко поступили съ собраніемъ, которое и отъ народа, и отъ императора облечено было законодательною властію, которое призвано было устроить судьбу имперіи, то чего же было ждать народу и его мелкимъ единицамъ? Это сознавали всѣ и, можетъ быть, одного воззванія депутатовъ было бы достаточно, чтобъ поднять народъ и тогда только настала бы настоящая революція. Но депутаты остались вѣрны династіи и законному правительству даже въ то время, когда оно съ такимъ нахальствомъ попирало законъ, нарушало конституцію и оскорбляло гражданское чувство тѣхъ австрійскихъ народовъ, которыхъ никакія силы не могли увлечь на путь революціи. Правительство не поняло и не оцѣнило этихъ людей, которые должны были вооружиться всею силою самаго непоколебимаго консерватизма, чтобъ воздержаться отъ движенія въ тотъ моментъ, когда оно было возможно и находилось совершенно въ ихъ рукахъ. Еще такъ недавно уни-

чтоженное и растерявшееся въ минуту потрясенія, правительство это теперь смѣло подняло голову и надменно относилось именно къ тѣмъ людямъ, которымъ обязано было своимъ сохраненіемъ. Мало того, оно ихъ третировало какъ побѣжденныхъ, воздвигло на нихъ гоненіе и пользовалось малѣйшимъ поводомъ, чтобъ отнимать у нихъ право, давить морально, убивая свободу обществъ, свободу печати и образованія, и матеріально—обременяя непомѣрными налогами, которые шли на содержаніе солдатства и бюрократіи, этихъ паразитовъ человѣчества.

Одиннадцатое марта въ Прагѣ праздновалось бесѣдою въ залѣ конвикта (бывшее монастырское зданіе). Не было здѣсь обычнаго веселія; но за то гремѣло: «Слава бывшему сейму! pereat октроирка! vivat Ригеръ! слава Смолкѣ!»

На другой день Ригеръ отправился въ «студенческое общество» и, какъ членъ его, счелъ долгомъ объяснить причину преждевременнаго возвращенія депутатовъ сейма и обстоятельства, встрѣтившія ихъ дѣятельность. Въ краткихъ, полныхъ горечи выраженіяхъ, онъ передалъ, сколько положено было труда, сколько привелось имъ встрѣтить борьбы и препятствій. «Работа шла день и ночь, говорилъ онъ, а когда все было уже готово, тогда пришелъ къ намъ другой и сказалъ: вашъ трудъ не нужный, вы работали напрасно. Я надѣюсь однако, что трудъ нашъ все-таки не напрасенъ, потому что конституція, выработанная нами, публикована; народъ оцѣнитъ ее и признаетъ нашъ трудъ достойнымъ. А если австрійскіе народы настойчиво потребуютъ ея введенія, тогда никакая сила не въ состояніи будетъ отказать въ томъ».

Въ томъ же духѣ говорилъ онъ и въ комитетѣ «Слав. Липы». Онъ предлагалъ обществу обратиться къ правительству съ просьбою ввести въ дѣйствіе конституцію, выработанную сеймомъ.

Ожидать, чтобъ правительство добровольно согласилось на такія требованія, было бы крайнею наивностію, на которую Ригеръ не способенъ; но онъ конечно тутъ имѣлъ въ виду возбудить общественное мнѣніе настолько, чтобъ правительство нашлось вынужденнымъ уступить.

Неизвѣстно, насколько то было возможно; видно только, что Ригеръ самъ отказался отъ этого способа дѣйствія, и вслѣдъ за тѣмъ въ «Народныхъ Новинахъ» помѣщено было слѣдующее заявленіе, составленное Ригеромъ вмѣстѣ съ бывшимъ министромъ Пиллерсдорфомъ: «Члены распущеннаго сейма, хотя и лишены полномочія, не перестанутъ согражданамъ своимъ совѣтовать держаться въ мирѣ, покоѣ и законности. Они докажутъ такимъ образомъ на дѣлѣ, что у великодушнаго правительства есть еще

иные пути для того, чтобъ исполнена была воля монарха, не прибѣгая къ незаслуженному оскорбленію чувства законности подозрѣніями и вмѣшательствомъ военной силы. Дай Богъ, чтобъ путь, на который выступило правительство, послужилъ къ народному благу!»

Это впрочемъ, кажется, не столько искренняя исповѣдь, сколько вынужденное обстоятельствами объясненіе въ огражденіе своей личности.

Тамъ же, 25-го марта, появилось нѣчто въ родѣ политической исповѣди, написанной Палацкимъ и снабженной подписями членовъ бывшаго сейма, подъ названіемъ: «Политическіе принципы чешскихъ депутатовъ на учредительномъ имперскомъ сеймѣ въ Вѣнѣ и Кромерижѣ». Оно резюмировано въ концѣ въ слѣдующихъ словахъ: «Мы хотѣли создать новую Австрію на основѣ федераціи въ видѣ союза; государство это не называлось бы ни нѣмецкимъ, ни славянскимъ, ни мадьярскимъ, ни румынскимъ, и представляло бы союзъ свободныхъ и равноправныхъ народовъ. Хотѣли мы также, чтобъ этотъ союзъ былъ наслѣдственною монархіею, какая и теперь существуетъ, будучи убѣждены не только въ томъ, что безъ вреда нельзя уклониться отъ этой основы государства, которая необходима для истинно законнаго порядка, но что этотъ образъ правленія уже самъ собою представляетъ самое надежное ручательство въ прочности союза. Такъ какъ именно вслѣдствіе этого въ самомъ началѣ мы не имѣли въ мысли требовать, чтобъ каждая часть этого союза имѣла свою особую верховную власть, то слово «федерація» имѣло у насъ совсѣмъ особенный, болѣе тѣсный смыслъ, и употребляли мы его потому только, что для обозначенія того государственнаго порядка, какой мы имѣли въ виду, не было другого, болѣе точнаго слова. Мы считаемъ федеральное устройство Австріи необходимымъ и непремѣннымъ слѣдствіемъ разнохарактерности ея народовъ и ихъ полной равноправности. Но возможно-ли дѣйствительно сохранить равноправность, когда языкъ, а съ нимъ вмѣстѣ, само собою разумѣется, и народность одного какого-нибудь члена въ цѣломъ государственномъ организмѣ de jure или de facto возвышенъ на степень господствующаго? Не долженъ-ли необходимый для взаимныхъ сношеній *посредствующій языкъ* (когда не угодно или нельзя въ этомъ случаѣ прибѣгнуть къ индифферентному языку латинскому, французскому) быть ограниченъ тою только областію сношеній, которыми выражается единство государства, а напротивъ въ дѣлахъ, не касающихся этого единства, чтобъ выборъ языка предоставленъ былъ на волю отдѣльныхъ членовъ? Развѣ можетъ и впредь навсегда остаться такое нигдѣ

неслыханное и достойное сожалѣнія явленіе, что значительная часть законодательнаго собранія не понимала даже языка, на которомъ шли разсужденія? или можетъ быть, наперекоръ, какъ естественному праву, такъ и основѣ равноправности, въ избирательный уставъ долженъ быть внесенъ цензъ по языку?»

Читая подобныя исповѣди и объясненія, поневолѣ спросишь: къ чему было все это? Неужели люди, писавшіе ихъ, думали, что тѣмъ они могутъ убѣдить и склонить къ своему мнѣнію правительство? Обществу въ томъ также не было ни пользы, ни надобности, во-первыхъ, потому что оно въ этой теоріи деспотическо-династической свободной федераціи не поняло бы ничего и не нашло бы ничего удобоисполнимаго на практикѣ, а во-вторыхъ, потому, что оно въ то время стояло уже подъ абсолютной диктатурой, оперпіейся на войско и бюрократію.

Это опять не что иное, какъ огражденіе себя отъ разнаго рода поклеповъ и подозрѣній, которымъ правительство подвергало всѣхъ безъ разбора; и появленіе подобныхъ объясненій доказываетъ только, до какой степени всѣ чувствовали надъ собою мечъ Дамокла. До какой степени опасенія всѣхъ за свою свободу были основательны и до какой нелѣпости доходила подозрительность правительства и нахальство его доносчиковъ, можно судить уже потому, что Палацкаго обвиняли въ «святодушныхъ» происшествіяхъ и потомъ говорили, что онъ, по распущеніи сейма, въ одномъ мѣстѣ бунтовалъ крестьянъ.

Осадное положеніе, бывшее при Виндишгрецѣ, было ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что было теперь. Правительство въ своихъ преслѣдованіяхъ поднимало наново дѣла рѣшенныя и уже забытыя, чтобъ только имѣть поводъ карать ссылкой въ отдаленныя глухія мѣста, въ крѣпости, или тюремнымъ заключеніемъ. Больше всего страдали чехи, на которыхъ правительство не смотрѣло иначе, какъ на революціонеровъ и гусситовъ. Тутъ только чехи увидѣли, что Виндишгрецъ поступалъ съ ними милостиво, а что настоящая кара готовилась имъ впереди.

Біографъ Ригера такими словами характеризуетъ тогдашнее положеніе: «Оно представляло странное зрѣлище. Цѣлый край будто только-что вышелъ изъ-подъ воды послѣ всеобщаго потопа. Вода уже сбѣжала; но осталось отвратительное болото, въ которомъ кишили всякаго рода гады, и наполняя воздухъ своими испареніями, отравляло жизнь высшихъ организмовъ. Кто привыкъ къ чистому сельскому воздуху, тому эта смрадная атмосфера была невыносима; поэтому многіе отправились въ чужіе края, чтобъ тамъ выждать лучшихъ временъ, такъ какъ они были увѣрены, что такое положеніе долго продлиться не можетъ».

Уныло, мрачно и сиротливо смотрѣла въ это время Прага. У кого были средства и возможность, тотъ отправлялся за границу путешествовать или въ эмиграцію; кто имѣлъ имѣніе,—отправлялся въ село; и вообще всякій предпочиталъ Прагѣ какой-нибудь глухой уголокъ въ провинціи, чтобъ быть дальше и отъ своихъ прежнихъ друзей, и отъ главнаго врага—полиціи. Прага пустѣла. Все, что оставалось въ ней, молчало, и своеволію мѣстной власти былъ широкій просторъ. Но, хватаясь за уцѣлѣвшіе обрывки конституціи, люди смѣлые нѣкоторое время заявляли протестъ, покуда ихъ самихъ не придавили. Въ это время Гавличекъ продолжалъ еще говорить такъ, какъ будто въ положеніи дѣлъ не произошло никакой перемѣны: «Мы надѣемся доказать на дѣлѣ, что свобода слова еще не уничтожена. Что мы говорили прежде, то же самое скажемъ и теперь въ глаза правительству. Изъ-за денегъ и тюрьмы правда не должна молчать». И дѣйствительно, онъ не молчалъ до послѣдней минуты и всегда находилъ возможность высказать правительству горькую истину. Энергія его возрастала вмѣстѣ съ возраставшею опасностью его положенія. Позванный передъ судъ присяжныхъ, за разборъ октроированной конституціи, онъ защищалъ себя самъ, безъ помощи адвоката. «Я не прошу ни малѣйшаго снисхожденія, говорилъ онъ въ своей защитительной рѣчи, и требую одного: рѣшенія дѣла по совѣсти, безъ всякихъ предубѣжденій». Судъ его оправдалъ. Это былъ весьма чувствительный ударъ тогдашнему правительству, почувствовавшему свою силу. Гавличекъ изъ осторожности сталъ въ газетѣ помѣщать больше ученыя статьи, и все-таки не могъ избѣгнуть, чтобъ правительство не придралось къ чему-нибудь. За статью Палацкаго о централизаціи и равноправности въ Австріи, «Народныя Новины» были запрещены, и 18-го января 1850 г., вышелъ ихъ послѣдній нумеръ. Гавличекъ и тогда не замолчалъ. Въ Прагѣ нельзя было ему издавать новый журналъ, такъ какъ она находилась на военномъ положеніи, потому онъ хотѣлъ издавать чешскую газету въ Вѣнѣ, а когда и этого не позволили, на томъ основаніи, что тамъ живутъ нѣмцы и въ чешскомъ органѣ не нуждаются, тогда онъ сталъ издавать новый журналъ «Славянинъ» въ чешскомъ городѣ Кутной-Горѣ.

Въ первомъ нумерѣ онъ доказывалъ нелѣпость запрещенія газеты на томъ основаніи, что она высказываетъ мнѣнія несогласныя со взглядами правительства, и наконецъ сдѣлалъ такое заключеніе: «Оппозиціонныя газеты запрещаютъ подъ тѣмъ предлогомъ, что онѣ, будто бы, подрываютъ въ народѣ довѣріе къ правительству. Въ такомъ случаѣ нужно запретить все, что можетъ быть при-

чиною этого недовѣрія, тогда нужно запретить и нѣкоторые законы, и прежде всего нужно запретить оппозиціонныя газеты, которыя выходятъ подъ редакціей министра финансовъ Крауса: бумажки въ гульденъ, въ два, бумажные шестаки и десятки, которые больше всего подрываютъ народное довѣріе. Вѣдь ваши шестаки и десятки такъ и кричатъ во все горло: недовѣріе! недовѣріе! Въ настоящее время всѣ почти убѣждены въ томъ, что такой порядокъ вещей не можетъ продержаться долго. Со всѣхъ сторонъ слышится крикъ: нѣтъ! этого не должно быть! А правительство не обращаетъ никакого вниманія на этотъ искренній голосъ; оно не хочетъ даже считать его выраженіемъ общественнаго мнѣнія, голосомъ народа. Какое страшное ослѣпленіе!»

Человѣку, сохранившему бодрость духа и свободу мысли, нужно было бороться не съ однимъ ретроградныъ правительствомъ, а еще съ толпою тѣхъ убогихъ духомъ, которые неспособны ни къ самостоятельному мышленію, ни къ независимой дѣятельности, и единственное призваніе свое чувствуютъ въ покорномъ подчиненіи господствующей силѣ и безсмысленномъ исполненіи какихъ бы то ни было предписаній, дѣлаемыхъ по праву сильнаго. Гавличекъ встрѣтилъ противниковъ даже между людьми, которые прежде вполнѣ согласовались и съ его воззрѣніями, и съ его образомъ дѣйствій. Одинъ собратъ его, чешскій литераторъ, написавшій весьма много, и во всю жизнь не высказавшій ни одной самостоятельной мысли и не дошедшій ни до одного самостоятельнаго вывода, кромѣ того, что нужно писать много и о чемъ ни попало, чтобъ заработать больше денегъ или выслужиться, въ своей рабской покорности господствующей системѣ обвинялъ Гавличка въ томъ, что «онъ не умѣлъ твердо держаться однажды принятыхъ началъ и даже не зналъ, въ какой мѣрѣ слѣдуетъ ратовать за свободу»; что онъ слишкомъ легко относился къ народнымъ и государственнымъ вопросамъ и постоянно держался оппозиціи по страсти къ противорѣчію; что онъ, наконецъ, повредилъ чешской литературѣ, увлекши общество своимъ «поверхностнымъ взглядомъ и черезчуръ раздражительными статьями, такъ что оно потеряло всякую охоту читать что-нибудь дѣльное, и *нужно нѣсколько лѣтъ для того чтобъ поправить дѣло, чтобъ возвратить потерянное*», т.-е.-чтобъ система Баха замѣнила собою вполнѣ систему Франца и Меттерниха.

Это писалось впрочемъ уже въ то время, когда Гавличекъ былъ сосланъ въ Бриксенъ, гдѣ, по собственному выраженію, онъ лежалъ какъ минералъ, и когда пришло время и для тѣхъ пошляковъ, которые прежде не смѣли являться на свѣтъ, именно

потому, что Гавличекъ «порядкомъ ихъ пробиралъ и прогонялъ съ глазъ порядочной публики».

Этимъ людямъ, заодно съ правительствомъ, упрекавшимъ Гавличка въ «нескромности» и убѣждавшимъ всѣхъ съ покорностію предаться на милость министерства, онъ отвѣчалъ въ «Славянинѣ». Мы приведемъ это мѣсто, потому что изъ него видно, куда склонялось уже въ то время общественное мнѣніе подъ вліяніемъ новыхъ порядковъ.

Отвѣчая на упрекъ, будто оппозиція вредитъ народному дѣлу, Гавличекъ писалъ: «Еслибъ подобный упрекъ дѣлали мнѣ люди, стоющіе довѣрія, люди, любящіе народъ, я считалъ бы себя несчастнѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ. Быть виновникомъ страданій цѣлаго народа.... что можетъ быть хуже? Я отказался бы отъ всего, даже отъ публицистики, если не навсегда, то по крайней мѣрѣ на нѣкоторое время, покуда общественныя дѣла не придутъ въ лучшій порядокъ. Къ счастію, совѣсть моя совершенно покойна въ этомъ отношеніи. Никто не можетъ служить двумъ господамъ въ одно и то же время. Мои дѣйствія прямы; я не хочу служить и нашимъ, и вашимъ, *не хочу выдавать себя за приверженца и вѣрное орудіе теперешняго правительства, когда дѣйствую противъ него.* Вы же, напротивъ, дѣйствуя въ видахъ министерства, считаете себя служителями народа, по крайней мѣрѣ хотите, чтобъ другіе считали васъ такими. Но въ настоящее время подобное служеніе двоимъ не можетъ имѣть мѣста. Вотъ мой отвѣтъ тѣмъ изъ насъ, которые дѣйствуютъ такъ вслѣдствіе своей недальновидности, вслѣдствіе своего нераціональнаго убѣжденія, что можно служить двумъ враждующимъ сторонамъ. Что же касается тѣхъ, которые заняты исключительно своею личностію, преслѣдуютъ только свои личные интересы; что касается тѣхъ, которые, видя успѣхъ на сторонѣ народа, кричатъ во все горло: «все для народа!», а потомъ, когда народъ побѣжденъ и правительство осыпаетъ наградами своихъ приверженцевъ, бросаютъ народъ и становятся на сторону правительства; — тѣ, конечно, справедливо говорятъ, что они служатъ и правительству, и народу, но дѣло въ томъ, что они служатъ имъ обоимъ не въ одно время: и правительству, когда успѣхъ склоняется на его сторону, и народу, когда побѣда за нимъ.— И тѣмъ, и другимъ я совѣтую присмотрѣться ближе къ новѣйшимъ событіямъ. (Это было въ 1850 г., когда мадьяры были уже покорены). Что это?... Хорваты, помогавшіе правительству подавить революцію, мадьяры и итальянцы-революціонеры получаютъ теперь одинаковыя права. Мало того, мадьяры и итальянцы за революцію получатъ больше, чѣмъ хорваты за

оказанную правительству помощь. Чтò вы скажете на это, вы, совѣтующіе народу искать покровительства у министровъ?...»

Чтò значилъ голосъ одного человѣка, когда все или молчало, или было противъ него? Сознавая, что и общественное мнѣніе совершенно предалось правительству, Гавличекъ рѣшился покончить самъ со своимъ журналомъ, не дожидаясь запрещенія, которое было уже готово. Несмотря на то, его предали суду за нѣкоторыя статьи въ предпослѣднихъ нумерахъ. Судъ былъ назначенъ 12 ноября, въ Кутной-Горѣ. Прося докт. Фрича быть его адвокатомъ, Гавличекъ закончилъ свое письмо такъ: «Примите мое глубокое къ вамъ почтеніе, почтеніе преступника, который *наперекоръ всему останется честнымъ чехомъ, врагомъ деспотизма* и вмѣстѣ съ тѣмъ вашимъ покорнѣйшимъ слугою».

Еще разъ, и это былъ послѣдній, Гавличекъ явился на судъ присяжныхъ. Онъ былъ опять оправданъ; но вскорѣ послѣ того произошла сцена, которую описалъ самъ Гавличекъ въ своихъ «Тирольскихъ элегіяхъ», которою окончилась его дѣятельность и можетъ закончить наше изложеніе:

«Пошелъ уже третій часъ по-полуночи, какъ вдругъ у кровати моей появился жандармъ и привѣтствовалъ меня «съ добрымъ утромъ». Съ жандармомъ были чиновники — всѣ въ мундирахъ, съ шитыми воротниками, перетянутые шарфами. «Вставайте, господинъ редакторъ. Не пугайтесь насъ, мы не воры, хоть и ходимъ по ночамъ, мы только коммиссары. Вамъ кланяются всѣ *вѣнскіе*, а господинъ Бахъ приказалъ даже поцѣловать васъ, справиться о вашемъ здоровьѣ и передать вамъ вотъ это письмо».

«Что касается меня, я всегда вѣжливъ, хоть бы это было даже на тощій желудокъ: «извините, господа чиновники—говорю имъ—что я въ одной рубашкѣ». Но мой черный бульдогъ, Джонъ, большой грубіанъ, и, какъ англичанинъ, черезчуръ крѣпко держится habeas corpus; только-что одинъ изъ чиновниковъ успѣлъ прочитать первый параграфъ, какъ онъ изъ-подъ кровати залаялъ на почтенную коммиссію: врр...хамъ, хамъ!—Хорошо еще, что я догадался пустить въ него подъ кровать *законами*: послѣ этого бульдогъ мой больше уже не пикнулъ.

«Какъ гражданинъ, привыкшій къ порядку, я, въ присутствіи всѣхъ, надѣлъ сначала чулки—дѣло было въ декабрѣ—и затѣмъ сталъ читать поданную мнѣ бумагу. Бахъ, какъ докторъ, пишетъ мнѣ, что для меня нездорово жить въ Чехахъ; что мнѣ нужна перемѣна воздуха; что въ Чехахъ страшная духота, вредныя испаренія и очень много смраду послѣ октроированной конституціи; что, словомъ, тамъ самый заразительный воздухъ; что, вслѣдствіе та-

кихъ соображеній, онъ посылаетъ мнѣ карету, чтобъ я тотчасъ же отправлялся въ дорогу на казенный счетъ, и что онъ приказалъ жандармамъ принудить меня силою принять его предложеніе, еслибъ я, по свойственной мнѣ скромности, вздумалъ отказываться отъ него.

«Что дѣлать? у меня такая глупая натура, что я ни въ чемъ не могу противиться жандармамъ съ ружьями. Да и Дедера [1]) торопилъ меня ѣхать какъ можно скорѣе, а то вѣдь, пожалуй, бродскіе [2]) жители вздумаютъ ѣхать вмѣстѣ съ нами. Онъ говорилъ мнѣ также, чтобъ я не бралъ съ собою никакого оружія, потому что они будутъ охранять меня во время путешествія; что по чешской землѣ мы поѣдемъ инкогнито, чтобъ докучливые люди не надѣлали намъ тьму всевозможныхъ порученій. Господинъ Дедера надавалъ мнѣ еще много другихъ мудрыхъ совѣтовъ, которыми обыкновенно должны руководствоваться баховы паціенты. Онъ словно сирена манилъ меня, покуда я надѣвалъ сапоги, жилетъ, сюртукъ и шубу, и прежде, однако брюки. Лошади и жандармы давно уже стояли передъ домомъ. «Милые братцы! потерпите еще немного; сію минуту поѣдемъ».

«.......Подлѣ меня стояли въ слезахъ — мать, жена, сестра, дочка, маленькая Зденчинка. Тяжелая минута! Правда, я старый казакъ, закаленный въ битвахъ; но въ эту минуту чувствовалъ какое-то стѣсненіе въ груди, и въ глазахъ было ощущеніе жара.

«Крѣпко надвинулъ я на лобъ *подебрадку* (шапку), чтобъ не выдать передъ полицейскими повисшую на глазахъ слезу. А они стояли у дверей, на караулѣ, какъ будто желая и этой чисто-семейной сценѣ придать оффиціальный характеръ.

«Рожокъ трубитъ, колеса гремятъ.....»

14-го марта 1852 г., Гавличекъ писалъ одному изъ своихъ знакомыхъ изъ Бриксена: «Я лежу здѣсь какъ минералъ, но органическую жизнь веду все-таки въ Чехахъ, куда, надѣюсь, впослѣдствіи времени перевезутъ съ разрѣшенія сильныхъ міра сего и мое бренное тѣло. Вы не можете себѣ представить, какое великое наслажденіе доставляетъ мнѣ каждое письмо изъ дому, хоть бы то было отъ нѣмца. Читая ваше письмо, я невольно перенесся мыслію къ тому счастливому времени, когда мы еще

---

[1]) Полицейскій коммиссаръ.

[2]) Нѣмецкій-Бродъ — городъ въ восточныхъ Чехахъ, куда Гавличекъ удалился послѣ кутногорскаго процесса, и гдѣ неподалеку было мѣсто его рожденія.

смѣло могли воевать съ нашими противниками. Но теперь настали для нихъ счастливыя времена: нѣтъ никого, кто бы ихъ порядкомъ пробралъ и прогналъ съ глазъ почтенной публики. Человѣку порядочному теперь лучше всего сидѣть дома, чтобъ не загрязнить сапоговъ»... Вы, конечно, хорошо понимаете мое положеніе; оно невыносимо, потому что, хоть мнѣ повидимому и дана свобода, но свобода эта въ ссылкѣ хуже тюрьмы. Надѣюсь какъ-нибудь ускользнуть отсюда, только едва-ли ужъ приведется попасть въ Прагу....»

Четыре года спустя, по улицамъ Праги проходила весьма обыкновенная похоронная процессія: простой, можно сказать, бѣдный гробъ везли на катафалкѣ; за нимъ шла въ траурѣ молодая женщина—говорили, сестра покойника, а жена дожидалась ужъ его въ могилѣ; она вела за руку дѣвочку, семи или осьмилѣтнюю Зденчинку; было еще нѣсколько лицъ, вѣроятно родныхъ покойника, и небольшая кучка людей совершенно индифферентныхъ. Особенность этой бѣдной процессіи состояла въ томъ, что её провожала полиція со свитою жандармовъ. Пройдя городъ, она направилась къ вольшанскому кладбищу.

Еще четыре года спустя, 1-го ноября, когда католики поминаютъ всѣхъ усопшихъ, по дорогѣ къ вольшанскому кладбищу шла довольно многочисленная толпа людей — студентовъ, мѣщанства, вообще молодежи. Всѣ шли молча; въ природѣ также было невозмутимо тихо; только послѣдніе желтые листья медленно падали съ деревьевъ, посаженныхъ подлѣ дороги, да по сторонамъ нищіе играли на своихъ ручныхъ органахъ унылыя пѣсни, вымаливая тѣмъ подаянія. Толпа вступила въ ограду кладбища, прошла его поперегъ и остановилась у самой стѣны у какой-то незначительной могилы, надъ которой печально свѣшивала свои тонкія вѣтви плакучая ива и лежалъ простой камень съ едва замѣтною надписью. Изъ толпы выступилъ студентъ и прочиталъ обычныя молитвы, а хоръ пропѣлъ Requiem. Потомъ тотъ же студентъ провозгласилъ громкимъ голосомъ: «Слава Карлу Гавличку, чешскому писателю, бойцу и мученику за чешскую свободу»! Къ этой толпѣ тогда подошли уже всѣ, кто только былъ на кладбищѣ, и надъ бѣдною могилой, на которой лежалъ только камень съ скромною надписью «Карлъ Гавличекъ и жена его Юлія», изъ тысячи грудей раздавался троекратный кликъ «Слава»!

Гавличекъ дѣйствительно былъ послѣднимъ борцомъ за ту долю свободы, которую чехи добыли во время движенія 48-го года, а въ 60-мъ году громкое провозглашеніе его имени служило знаменіемъ, что опять настало лучшее время.

Что̀ же принесло чехамъ все это движеніе?... Вмѣсто автономіи, къ которой они стремились, имъ дали Баха; чешская народность всюду должна была спрятаться: на улицахъ городовъ не смѣла раздаваться чешская пѣсня и не терпима была ни одна чешская надпись; оффиціальнымъ языкомъ по прежнему сталъ нѣмецкій; школы, кромѣ низшихъ и сельскихъ, стали также исключительно нѣмецкими; и все это сдѣлалось не постепенно, а вдругъ, по приказанію, въ одинъ день. Приведу здѣсь одинъ разсказъ, какъ введенъ былъ нѣмецкій языкъ въ одной изъ пражскихъ гимназій.

Утромъ, въ обычное время собрались ученики въ староместской гимназіи. Одни шныряли между скамьями, другіе стояли у печки, въ которой весело горѣлъ огонь и трещали дрова. Былъ классъ исторіи. Явился учитель и началъ читать исторію чешскаго народа. Онъ читалъ съ воодушевленіемъ; воспріимчивая молодежь слушала его съ замираніемъ сердца. Вдругъ среди класса отворяется дверь и входитъ директоръ, человѣкъ весьма популярный и любимый учениками за его необыкновенную мягкость въ обращеніи съ ними. На этотъ разъ видъ его былъ необычно строгъ и даже суровъ. Всѣ были озадачены. Не меньше былъ озадаченъ и онъ самъ. Онъ держалъ въ рукахъ какую-то бумагу, которую долженъ былъ прочитать въ классѣ, на что̀ у него, повидимому, не хватало духа. Наконецъ онъ быстро прочиталъ её и тотчасъ же ушелъ, не взглянувъ ни на кого, какъ будто сдѣлалъ какое-то преступленіе или нанесъ кому тяжелую обиду. Это было распоряженіе министра просвѣщенія, бывшаго чешскаго патріота, гр. Льва Туна, чтобъ тотчасъ же всѣ предметы преподавались на нѣмецкомъ языкѣ; а въ этой гимназіи, надо замѣтить, въ то время все читалось на чешскомъ языкѣ; поэтому можно судить, какъ могло подѣйствовать такое распоряженіе. Въ классѣ была мертвая тишина. Учитель пряталъ глаза подъ каѳедру. У учениковъ показались въ рукахъ носовые платки. Послышалось что-то въ родѣ глухого рыданія. Видно, всѣмъ было какъ-то неловко. Первый опомнился учитель. Пройдясь нѣсколько разъ по классу, онъ снова взошелъ на каѳедру и началъ читать—уже по-нѣмецки. Сознавалъ ли онъ, что̀ чи-

талъ; но ученики навѣрное ничего не слышали и не понимали; а большинство изъ нихъ не было и приготовлено настолько, чтобъ понимать чтеніе на нѣмецкомъ языкѣ.

Литература опять ударилась въ изслѣдованія старины и въ филологію; съ этого времени до 60-го года чехи не имѣли ни одного политическаго органа, тогда какъ передъ тѣмъ газеты и разные журналы выходили не только въ Прагѣ, Брнѣ, Оломуцѣ, Опавѣ, Вѣнѣ, но и въ нѣкоторыхъ провинціальныхъ городахъ. Всевозможныя общества были, конечно, тотчасъ же уничтожены.

Политической жизни не было никакой. Настаъ періодъ мертваго сна. Октроированная конституція не была отмѣнена, но она не дѣйствовала, объ ней не было и помину. Городскіе выборы, какъ сдѣланы были въ 1850 г. подъ военной диктатурой, такъ и оставались до слѣдующаго пробужденія народа цѣлыхъ 10 лѣтъ. Какъ было заведено однажды военное положеніе, такъ оно и оставалось. Разные проекты, надъ которыми работали столько министровъ и сеймы, сданы въ архивъ.

Одно только было невозвратимо — это окончательное освобожденіе крестьянъ. Несмотря ни на какой политическій гнетъ, несмотря на всю тяжесть разныхъ налоговъ и повинностей, эти чернорабочія силы дѣлали свое дѣло. Среди общаго оцѣпененія, крестьяне въ этотъ тяжелый періодъ приготовляли почву для новой жизни. Они очищали свои поля отъ камня, которымъ постарались надѣлить ихъ помѣщики, разрывали его порохомъ и разбивали молотомъ; мостили имъ дороги, строили дома и школы, выводили изъ него цѣлыя стѣны кругомъ своихъ садовъ и огородовъ; осушали болота и доставшіеся имъ отъ помѣщиковъ обширные пруды обратили въ луга или поле. Матеріальное благосостояніе крестьянъ возрастало быстро, и дало правительству поводъ произвести народный грабежъ подъ именемъ «народнаго добровольнаго займа», когда ему понадобились деньги, чтобъ снарядить войско противъ Россіи въ 1854 г. Велѣно было занять у каждаго столько, сколько можно. Цифра такого рода пожертвованія опредѣлялась мѣстною администраціею съ находящимися въ ея распоряженіи органами: сельскими старшинами и писарями. При этомъ не у одного крестьянина отъ такого *добровольнаго займа* убыли со двора лошадь или корова, или что-нибудь изъ пожитковъ. Правда, все это взято было не даромъ, а въ заемъ за процентъ, въ обезпеченіе чего и выданы были какія-то облигаціи; но онѣ всѣ перешли въ руки евреевъ и другихъ спекулянтовъ, которые скупали ихъ почти за ничто и потому могли рисковать и довольствоваться постепенной уплатой

хоть части цѣлаго займа. Несмотря на это, въ какихъ-нибудь восемь лѣтъ общая сумма сельско-хозяйственныхъ произведеній утроилась. Крестьянинъ-землевладѣлецъ съ того времени сталъ маленькимъ помѣщикомъ и возбуждаетъ зависть въ бѣдной буржуазіи.

Сельская школа, подъ руководствомъ своихъ учителей и священниковъ, отъ 1848-го года проникнутыхъ духомъ горячаго патріотизма, дополнила благосостояніе народа, давши ему умственное развитіе и пробудивши въ немъ чувство самосознанія. На этой почвѣ создалась новая политическая жизнь чешскаго народа; отъ нея представители чешскаго народа почерпаютъ ту силу, съ какой они выдерживаютъ отчаянную борьбу противъ австрійскаго правительства.

Все это сдѣлалось уже послѣ 1848 года, и сдѣлалось именно вслѣдствіе тогдашняго движенія. Въ этомъ и заключается настоящая оцѣнка событій того времени, носящихъ на себѣ характеръ какого-то смутнаго броженія, неопредѣленныхъ, безцѣльныхъ стремленій къ ниспроверженію существовавшаго порядка, заключающихъ въ себѣ больше ломки и отрицанія, чѣмъ положительной, созидающей дѣятельности.

Но таково свойство всѣхъ революцій или коренныхъ народныхъ переворотовъ: они только выражаютъ собою настоятельныя потребности времени, указываютъ пути къ дальнѣйшимъ реформамъ, предоставляя послѣдующему періоду создать и осуществить то, что̀ было сначала предметомъ безотчетной воли и неопредѣленныхъ стремленій массъ.

П. Ровинскій.

ЕВРОПА И ЕЯ СИЛЫ
ВЪ 1869 ГОДУ.

L'Europe politique et sociale, par *Maurice Block*. Par. 1869.
L'Empire des Tsars au point actuel de la science, par *M. J. H. Schnitzler*. T. IV. Par. 1869.
Handbuch der vergleichenden Statistik der Volkszustands-und Staatenkunde, von *G. Fr. Kolb*. Leipz. 1868.

II*).

ОБЩЕСТВЕННЫЯ СИЛЫ.

При сравнительномъ изученіи общественныхъ силъ, двигающихъ цивилизацію западной Европы, необходимо обращать вниманіе главнымъ образомъ на условія быта, подъ вліяніемъ которыхъ эти силы должны дѣйствовать. Вопросы по движенію населенія, по личной полноправности и образованію гражданъ, вслѣдствіе особой связи этихъ элементовъ съ элементами государственной силы и устройства, мы разсмотрѣли въ предъидущей статьѣ. Потому теперь остановимся на нравахъ западнаго общества, какъ эти нравы выражаются въ статистическихъ данныхъ за послѣднее время, на экономическомъ прогрессѣ, и на главномъ отношеніи этого прогресса къ классу имущему и неимущему. Согласно такому плану мы начнемъ въ своемъ обзорѣ съ статистики преступленій, незаконныхъ рожденій и разводовъ, и за

*) См. выше, янв. 235 стр. и слѣд.

тѣмъ перейдемъ къ разсмотрѣнію потребленія, цѣнъ и заработковъ, самопомощи, общественнаго призрѣнія, и наконецъ, распредѣленія собственности и доходовъ.

I.

Въ статистикѣ уголовной, болѣе, чѣмъ въ какой-либо иной отрасли статистики, требуется тщательная критика сравниваемыхъ цифръ и осторожность въ выводахъ. Здѣсь, въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣлается сравненіе между разными странами, точные выводы даже невозможны, потому что самыя законодательства различны, различно распредѣленіе преступленій и проступковъ по категоріямъ; сверхъ того, имѣющіяся до сихъ поръ статистическія данныя здѣсь слишкомъ неоднородны. Такъ, напр., для однихъ странъ извѣстны цифры слѣдственныхъ дѣлъ, а для другихъ — цифры приговоровъ; въ нѣкоторыхъ случаяхъ — цифры преступныхъ дѣяній, независимо отъ того, были ли открыты ихъ виновники, а въ другихъ — только цифры уличенныхъ преступниковъ. Итакъ, выводы изъ сравненій между всѣми странами Европы возможны только тогда, когда ихъ можно основать на цифрахъ по возможности однородныхъ, да и то выводы эти, собственно для сравненія, могутъ быть только самаго общаго свойства.

Но даже и по отношенію къ одной и той же странѣ, цифры, хотя онѣ годъ отъ году и представляютъ тоже самое, но значеніе ихъ тѣмъ не менѣе измѣняется сообразно измѣненію разныхъ общественныхъ условій. Такъ, во Франціи, гдѣ правильная судебная статистика обнимаетъ наибольшее число лѣтъ, оказывается, что цифра преступныхъ покушеній противъ личности возрастаетъ, цифра покушеній противъ собственности замѣтно уменьшается. Въ періодъ 1826—1830 гг., преступленія противъ личности составляли 42 на милліонъ жителей, а въ періодъ 1861—1865 гг. это отношеніе выразилось уже цифрою 48. Сравнивая за тѣ же періоды число преступленій противъ собственности, мы находимъ, что во второмъ періодѣ оно вдвое меньше, чѣмъ въ первомъ. Первый фактъ, конечно, неутѣшителенъ во всякомъ случаѣ. Но второй можетъ ли служить основаніемъ для вывода утѣшительнаго? Очевидно нѣтъ, ибо еслибы число посягательствъ на чужую собственность дѣйствительно уменьшилось въ такомъ размѣрѣ, вслѣдствіе нравственнаго развитія общества, то какъ же могла бы увеличиваться цифра преступленій противъ личности, т.-е. такихъ именно посягательствъ и

правонарушеній, которыя, по грубости своей, наиболѣе оскорбляютъ нравственное чувство?

Но присматриваясь ближе къ цифровымъ картинамъ криминалистики, мы замѣчаемъ, во-первыхъ, что изъ покушеній противъ личности наиболѣе жестокія не увеличиваются, а уменьшаются, именно убійства; уменьшается и число случаевъ разбоя. Возраженіе, что разбой уменьшается оттого собственно, что увеличиваются средства открытія преступленій, было бы недѣйствительно, такъ какъ самое это увеличеніе средствъ имѣетъ прямымъ результатомъ раскрытіе бо́льшаго числа совершенныхъ преступленій, то-есть именно увеличеніе статистической цифры преступниковъ. Дѣло преслѣдованія преступленій до сихъ поръ находится въ такомъ положеніи, что страхъ наказанія можетъ входить въ сознаніе человѣка, посягающаго на преступленіе, только какъ элементъ второстепенный. По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, изъ 252 тысячъ преступленій и важныхъ проступковъ, во Франціи подвергаются судебному преслѣдованію 127 тысячъ, а 125 тысячъ избѣгаютъ преслѣдованія. Фактъ этотъ можетъ показаться благопріятнымъ въ криминальномъ смыслѣ, и во всякомъ случаѣ онъ представляетъ уже результатъ огромныхъ успѣховъ въ организаціи полиціи и слѣдственной части. Тѣмъ не менѣе, и по этому факту, человѣку, рѣшающемуся на преступное дѣяніе, предстоитъ такой же шансъ избѣгнуть суда, какъ и подвергнуться ему. Но вѣдь самая цифра 252 тысячъ — представляетъ преступленія извѣстныя; а кто же сомнѣвается въ томъ, что множество преступленій и проступковъ остаются неизвѣстными? Юридическая мзда есть только лотерея.

Такимъ образомъ, возрастаніе статистической цифры преступленій противъ личности, во Франціи, съ 42 до 48 на милліонъ населенія, едва ли не слѣдуетъ объяснить просто увеличеніемъ средствъ къ раскрытію преступленій, за послѣднее сорокалѣтіе. Точно также уменьшеніе числа покушеній противъ собственности за то же время на половину слѣдуетъ приписать бо́льшему искусству, съ какимъ эти правонарушенія успѣваютъ обходить законъ, избѣгать примѣненія его, наконецъ облекаться даже въ законныя формы, призывать самый законъ въ весьма могущественное орудіе мошенничества. Итакъ, сопоставленіе возрастанія цифры преступленій противъ личности съ уменьшеніемъ числа покушеній на собственность, во Франціи, не даетъ положительнаго вывода относительно измѣненій въ нравственномъ развитіи общества. Но сравненіе между видами разныхъ преступленій обѣихъ названныхъ категорій, по числовымъ даннымъ, даетъ возможность къ положительному вы-

воду, что нравы смягчаются, что число случаевъ наиболѣе жестокаго, грубаго насилія уменьшается, а также и число грабежей, кражъ со взломомъ и т. д. За то возрастаютъ все болѣе «мягкіе», если можно такъ выразиться, виды правонарушеній: преступленія противъ стыдливости и всякія утонченные способы мошенничества.

Все это, вмѣстѣ взятое, пока конечно еще не свидѣтельствуетъ объ *улучшеніи* нравовъ въ общемъ смыслѣ, но несомнѣнно свидѣтельствуетъ о вліяніи умственнаго развитія на нравы. Бо́льшаго, пока, невозможно было и ожидать. Вспомнимъ, что и тамъ, гдѣ почти все населеніе грамотное, огромное большинство имѣетъ все-таки еще образованіе самое элементарное, и — главное — что условія быта огромныхъ массъ населенія во всѣхъ странахъ Европы до сихъ поръ такого рода, что массы эти воспитаны и живутъ съ чувствомъ справедливаго недовольства, котораго и умственное развитіе нейтрализовать не можетъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что улучшеніе экономическихъ условій повліяетъ на дѣйствительное улучшеніе нравовъ въ Европѣ столько же, какъ и распространеніе образованія.

У Блока есть таблица, представляющая среднюю цифру числа преступленій и важныхъ правонарушеній вообще, приходящуюся въ главныхъ государствахъ Европы на милліонъ душъ населенія. Цифры эти представляютъ тѣмъ болѣе интереса, что онѣ новыя, бо́льшая часть ихъ относится именно къ только-что истекшему десятилѣтію. Но подобныя цифры, какъ мы уже сказали выше, имѣютъ только весьма условное значеніе. Мы представимъ однако нѣсколько сравненій, которыя можно вывесть изъ цифръ, помѣщенныхъ въ этой таблицѣ.

По численности убійствъ всѣхъ разрядовъ, за исключеніемъ только дѣтоубійства, первое мѣсто принадлежитъ Испаніи, въ которой приходится 88 убійствъ на милліонъ душъ въ годъ; но надо замѣтить, что цифра для Испаніи выведена изъ наблюденій всего за одинъ годъ, а не за нѣсколько, какъ для большей части другихъ странъ. Послѣднее мѣсто въ перечнѣ по убійствамъ должна занимать Баварія, въ которой приходится 5,5 убійствъ на 1 милл. населенія. Итакъ, вотъ какое огромное различіе представляетъ численность убійствъ въ разныхъ странахъ. За Испаніею, по многочисленности убійствъ, слѣдуютъ: Венгрія 64,4 на 1 м. д., и Италія 57. До сихъ поръ цифры могутъ быть объяснены южнымъ темпераментомъ. Но цифра 32, принимаемая Блокомъ для Россіи [1]), показываетъ, что если кли-

[1]) «Стат. Врем.» даетъ, по уголовной статистикѣ, цифры не преступленій, а подсу-

матъ и можетъ имѣетъ вліяніе въ смыслѣ ослѣпленія страстью, то вліяніе это вовсе не такъ безусловно, какъ вообще уголовные статистики склонны думать. Баварія имѣетъ климатъ болѣе южный, чѣмъ почти вся Россія, а между тѣмъ нашей цифрѣ убійствъ, 32 на 1 милл., въ Баваріи соотвѣтствуетъ цифра сравнительно ничтожная, 5,5 на 1 милл. Сверхъ климата здѣсь, то-есть именно по отношенію къ смертоубійству, важное вліяніе имѣетъ состояніе умственнаго развитія, которое наиболѣе неудовлетворительно именно въ названныхъ сейчасъ странахъ, стоящихъ во главѣ перечня среднихъ цифръ убійства.

Но и образованіе все-таки даже здѣсь не измѣняетъ тѣхъ отношеній, которыя обусловливаются экономическимъ положеніемъ, а воспалительное вліяніе климата въ сѣверныхъ странахъ отчасти замѣняется потребленіемъ спиртныхъ напитковъ, очень мало употребляемыхъ на югѣ. По нашему убѣжденію, въ числѣ убійствъ отражается между другими причинами и настоящая борьба за существованіе. Чѣмъ объясните вы такой фактъ, что очень видное мѣсто въ таблицѣ убійствъ — цифра убійствъ для Саксоніи — 18,6? Напомнимъ еще разъ цифру убійствъ для Баваріи — 5,5. Какъ объяснить эту разницу столь неблагопріятную для Саксоніи? Климатомъ — но Саксонія сѣвернѣе Баваріи; степенью умственнаго развитія — но Саксонія самая образованная страна въ Европѣ и страна протестантская, а Баварія — страна католическая, далеко уступающая Саксоніи въ образованности. Расою — но одна и та же раса обитаетъ въ обѣихъ этихъ странахъ. А между тѣмъ вотъ фактъ огромнаго различія по отношенію къ самому ужасному преступленію, къ убійству, и различіе совершенно неблагопріятное для Саксоніи. Сравнивая данныя для разныхъ государствъ, мы приходимъ къ убѣжденію, что число преступленій нѣкоторыхъ разрядовъ обусловливается между прочимъ и тѣмъ, что можно назвать борьбою за существованіе. Въ самомъ дѣлѣ, если мы обратимся къ статистикѣ населенія, то найдемъ, что тѣмъ странамъ, которыя пользуются климатомъ умѣреннымъ и значительною степенью образованности, а между тѣмъ все-таки отличаются многочисленностію убійствъ — *соотвѣтствуетъ наибольшая плотность населенія*. И изъ нихъ наибольшая цифра плотности населенія соотвѣтствуетъ именно Саксоніи: 162,85 жителей на 1 кв. вер-

---

димыхъ и обвиненныхъ. За 1863 годъ, онъ показываетъ цифру 7,663 подсудимыхъ, что приблизительно дало бы 100 на 1 милл. населенія. Предполагая по каждому дѣлу, подвергнутому суду (Блокъ старался находить цифру именно дѣлъ сужденныхъ), около 3 подсудимыхъ, мы получимъ подтвержденіе цифры Блока.

сту. Саксонія въ этомъ отношеніи занимаетъ въ Европѣ второе мѣсто, а Баварія стоитъ ниже, чѣмъ средній уровень плотности населенія, именно въ ней распредѣленіе населенія выражается цифрою 63,79. Нашъ выводъ основанъ не на одномъ примѣрѣ Саксоніи. Такъ, Бельгія и сѣвернѣе и образованнѣе Франціи, а между тѣмъ для Бельгіи цифра убійствъ на 1 милл. населенія 11, между тѣмъ какъ для Франціи она только 8,2. Это можно объяснить именно только сравненіемъ густоты населенія. По плотности населенія, Бельгія (164,29 чел. на 1 кв. версту) занимаетъ въ Европѣ первое мѣсто, а Франція (70,1) ниже средняго. Сравнивая Францію съ Баваріею, мы находимъ, что во Франціи, въ которой обитаетъ племя гораздо болѣе необузданное въ страстяхъ, чѣмъ въ Баваріи и Саксоніи, и гораздо менѣе образованное, убійствъ дѣйствительно больше чѣмъ въ Баваріи, но противъ Саксоніи несравненно меньше, что подтверждаетъ нашу мысль. Приведемъ еще одинъ цифровый примѣръ. Одна изъ значительныхъ цифръ убійствъ приходится на долю собственной Англіи, съ Уэльсомъ, именно 19,9. Между тѣмъ, Англія—и сѣверная страна, и образованіе въ ней довольно распространено, менѣе чѣмъ въ Баваріи, положимъ, но болѣе чѣмъ во Франціи, и болѣе чѣмъ въ Ирландіи. Между тѣмъ численность убійствъ въ Англіи гораздо болѣе, чѣмъ вдвое превышаетъ численность убійствъ во Франціи. Плотность населенія въ Соединенномъ Королевствѣ—96,19, т.-е. одна изъ наиболѣе значительныхъ, а во Франціи 70,1, т.-е. ниже средней цифры. Мало того, въ Соединенномъ Королевствѣ плотность населенія гораздо больше въ собственной Англіи, чѣмъ въ Шотландіи и Ирландіи. Между тѣмъ, если взять среднюю цифру убійствъ для всего Соединеннаго Королевства, то-есть считая и населеніе Ирландіи и Шотландіи, то тогда на 1 милл. населенія окажется убійствъ несравненно менѣе въ Шотландіи и Ирландіи, чѣмъ въ Англіи съ Уэльсомъ [1]).

Если теперь, послѣ уясненія вліянія плотности населенія на умноженіе числа убійствъ, мы обратимся къ цифрѣ 32 убійства на 1 мил. населенія *въ Россіи*, то увидимъ, до какой степени она важна, такъ какъ въ Россіи населеніе менѣе плотно распредѣлено, чѣмъ гдѣ-либо въ Европѣ. Цифры 88, 64, 57, относящіяся къ Испаніи, Венгріи (со славянскими землями) и

---

[1]) По отношенію къ Соед. Кор., Блокъ даетъ цифры столь неоднородныя, что мы не считаемъ нужнымъ ихъ приводить; но нашъ выводъ достаточно подтверждается и тѣмъ, что въ цѣломъ Соед. Кор. число *осужденныхъ лицъ* было 7,5 на 1 милл., а въ собственной Англіи число *убійствъ* было 19,9 на 1 милл. душъ.

Италіи, объясняются въ извѣстной степени и климатомъ, и политическими страстями, у насъ массѣ неизвѣстными, и наконецъ даже и значительной плотностью населенія, сравнительно съ Россіею, особенно Италіи (85,11)[1]. Наша же цифра самая значительная въ Европѣ послѣ сейчасъ приведенныхъ, не объясняется ничѣмъ подобнымъ, и она-то именно и можетъ показать огромное вліяніе необразованности на число наиболѣе грубыхъ преступленій. И дѣйствительно, у насъ, какъ извѣстно, весьма нерѣдки случаи убійства крестьянъ, возвращающихся съ рынка въ деревню, т.-е. убійства, производимыя безъ надежды пріобрѣсти болѣе нѣсколькихъ рублей.

Но, могутъ сказать намъ, если борьба за существованіе отражается въ томъ фактѣ, что тамъ, гдѣ, при равенствѣ прочихъ условій, населеніе плотнѣе, бываетъ болѣе убійствъ, то она должна выражаться въ подобномъ же фактѣ и относительно преступленій противъ собственности. На это мы отвѣтили бы, что въ преступленіяхъ противъ собственности надо строго различать роды. Нѣкоторые изъ этихъ видовъ связаны съ разными посторонними условіями, какъ-то: числительность поддѣлокъ векселей—съ развитіемъ торговли, разбоевъ на дорогахъ—съ устройствомъ полиціи, и т. д. Но вотъ родъ покушенія противъ собственности, который можетъ представить собою самымъ осязательнымъ образомъ борьбу за пространство по землѣ, за право жить, а это именно—поджоги.

Цифра поджоговъ, по нашему мнѣнію, одна изъ наименѣе случайныхъ и одна изъ наиболѣе доказательныхъ. Въ числѣ предразсудковъ, довольно распространенныхъ у насъ относительно собственнаго нашего народа, находится и тотъ предразсудокъ, что русскій народъ одержимъ особою страстью къ «красному пѣтуху», какъ будто такъ-называемая «пироманія», какъ и другіе виды умственнаго разстройства, могутъ быть преимущественнымъ достояніемъ цѣлой націи. Точно такой же предразсудокъ существуетъ у насъ и относительно мнимо-психической наклонности русскаго человѣка къ бродяжничеству. Успокойтесь; въ жизни цѣлаго народа «красный пѣтухъ» никогда не будетъ явленіемъ психическимъ, а всегда чисто соціальнымъ. Если въ нашей исторіи поджоги играютъ замѣтную роль, то, будь у насъ давно уголовная статистика, навѣрное оказалось бы, что особенно часты у насъ были именно только поджоги помѣщичьихъ мызъ.

Поджогъ представляетъ собою прежде всего неравномѣр-

---

[1] Въ Россіи 3,77.

ность, неправильность распредѣленія поземельной собственности. Тамъ гдѣ много людей, а мало земли, тамъ гдѣ много арендаторовъ, а мало собственниковъ, и тамъ въ особенности, гдѣ много батраковъ, а мало хозяевъ—поджоги и будутъ чаще, чѣмъ гдѣ-либо. Человѣка гонятъ изъ дому и ему негдѣ найти работу, потому что рукъ вездѣ слишкомъ много. Месть его очень легко можетъ выразиться именно поджогомъ; онъ разрушаетъ ту собственность, которой никогда не былъ участникомъ, а всегда былъ рабомъ и наконецъ сдѣлался жертвою. Это самый краснорѣчивый и, если можно такъ выразиться, наиболѣе простой видъ покушенія на самый принципъ собственности. И вотъ, сравнивая цифры Блока, мы замѣчаемъ, что число поджоговъ именно зависитъ отъ густоты населенія и отъ неправильности устройства землевладѣнія. Наибо́льшее число поджоговъ приходится именно на королевство Саксонію, какъ и наибо́льшее число убійствъ. Но здѣсь, т.-е. въ поджогахъ, зависимость числа преступленій отъ густоты населенія особенно правильна, такъ какъ отношеніе это не нарушается уже условіями климата и расы. Первою относительно числа поджоговъ, повторяемъ, стоитъ Саксонія—$63_{,8}$ на 1 милл. населенія. Непосредственно за нею стоитъ Италія—41 на 1 милл. населенія, въ которой и плотность населенія очень велика (см. выше) и поземельныя отношенія одни изъ самыхъ неудовлетворительныхъ [1]). За Италіею стоитъ Англія съ Уэльсомъ, въ которыхъ велика плотность населенія и масса сельскихъ жителей состоитъ изъ безземельныхъ батраковъ—цифра поджоговъ $24_{,6}$ на 1 милл. нас. Но въ такомъ случаѣ, скажетъ читатель, въ Россіи, гдѣ и плотность населенія мала, и крестьяне всегда имѣли право на землю, цифра поджоговъ должна быть, относительно, весьма мала, а между тѣмъ Россія славится ими! Что Россія славится ими, отвѣтимъ мы, это можно приписать только усердію тѣхъ ревнителей государственнаго благосостоянія, которые попеченія свои о благѣ строятъ на преувеличенныхъ опасеніяхъ собственно за крупную собственность. Въ дѣйствительности же въ Россіи, несмотря на удобство совершенія поджоговъ, при рѣдкости каменныхъ построекъ, средняя цифра поджоговъ въ годъ на 1 милл. населенія оказывается всего $8_{,7}$, что́ въ сравненіи съ такими цифрами, какъ 63 въ Саксоніи и 41 въ Италіи, весьма мало. Замѣтьте, притомъ, что эта цифра $8_{,7}$ относится къ 1861 году, а въ отношеніи поджоговъ сельскихъ (которые именно и важны) освобожденіе и надѣлъ крестьянъ должны имѣть весьма благопріятное дѣйствіе. И въ самомъ дѣлѣ, наша оффи-

[1]) См. первую статью.

ціальная уголовная статистика[1]) показываетъ, что сравнительно съ 1861 годомъ, цифра подсудимыхъ по поджогамъ, въ 1862 году *упала*[2]) съ 3,465 чел. до 3,195, а въ 1863 году возвысилась незначительно, именно съ 3,465 до 3,517, несмотря на ростъ населенія за два года и несмотря на то, что въ одной полосѣ имперіи происходили безпорядки.

Замѣтимъ еще, мимоходомъ, что съ 1861 по 1864 годъ, несмотря на ростъ населенія, цифра подсудимыхъ по разбоямъ и грабежамъ у насъ *уменьшилась* съ 5,606 до 5,395.

Замѣчаемое нами вліяніе густоты населенія на число преступленій, должно сказываться конечно и въ статистикѣ дѣтоубійства. Въ самомъ дѣлѣ, Саксонія и здѣсь занимаетъ первое мѣсто, за исключеніемъ Норвегіи, гдѣ къ дѣтоубійствамъ законодательство причисляетъ и изгнаніе плода. Но въ отношеніи къ дѣтоубійствамъ плотность населенія не такъ важна, какъ число незаконныхъ рожденій и положеніе женщинъ.

Разбой, грабежъ и кража со взломомъ наиболѣе процвѣтаютъ въ обѣихъ половинахъ Австрійской монархіи, въ Испаніи, Англіи, Пруссіи и Саксоніи[3]). На послѣднемъ мѣстѣ въ этомъ отношеніи стоитъ Франція, гдѣ средняя цифра такихъ преступленій всего 9,7, между тѣмъ какъ въ Австріи и Венгріи, она — 605 и 625. Простая кража наиболѣе развита въ собственной Англіи (1,868 на 1 милл. населенія), Бельгіи (1,070) и Норвегіи (1,012), наименѣе же въ Пруссіи (276) и Саксоніи (393)[4]).

Мы замѣтили выше, что на численность преступленій главное вліяніе имѣютъ условія экономическія. Наблюденія, сдѣланныя по этому предмету въ Англіи, представляютъ рядъ фактовъ, не оставляющихъ сомнѣнія, что экономическія условія служатъ главною причиною преступленій всякаго рода. Въ 1834 году, въ Англіи арестовано было по разнымъ преступленіямъ 22,451 чел. Число это, въ два послѣдующіе года, когда хлѣбъ подешевѣлъ и вмѣстѣ усилились заработки, тотчасъ уменьшилось. Въ 1837

---

[1]) Стат. Вр. 1866 г.

[2]) А въ этомъ-то году именно ссылались на поджоги, какъ на страшную организованную силу, и нѣкоторыя газеты требовали чрезвычайныхъ мѣръ!

[3]) Цифры для Россіи у Блока нѣтъ.

[4]) Мы уже сдѣлали выше оговорки относительно неоднородности многихъ изъ сравнительныхъ цифръ. Значительная численность преступленій вообще въ Саксоніи, сравнительно съ Франціею напр., зависѣла отъ того, что во Франціи взята цифра дѣлъ преданныхъ суду, а въ Саксоніи — всѣхъ дѣлъ объявленныхъ полиціи. Но тѣ цифры относительно Саксоніи, которыя мы привели выше, такъ велики, что онѣ сохраняютъ свое значеніе даже если ихъ уменьшить на половину.

году, хлѣбъ опять поднялся въ цѣнѣ и произошелъ торговый кризисъ: число арестованій тотчасъ увеличилось противъ предшествовавшаго года на 2,600 чел. Въ теченіи 1837—1841 гг. цѣны жизненныхъ припасовъ продолжали стоять высокія, торговля была слаба, и вотъ число арестованій за это время достигаетъ цифры 31,309 чел. въ годъ. Съ 1842 года начинаетъ дѣйствовать пилевская таможенная реформа; въ періодъ 1842 — 1846 гг. квартеръ [1]) пшеницы стоилъ всего 54 шиллинга; вмѣстѣ съ тѣмъ процвѣтало желѣзно дорожное строительство, и торговля была дѣятельна. И вотъ, несмотря на постепенный ростъ населенія, число арестованій въ этомъ періодѣ опять падаетъ до цифры 24 — 25,000 въ годъ. Въ 1847 году произошелъ извѣстный торговый кризисъ — и ему соотвѣтствуетъ уже 28,838, арестованій; въ 1848 г. число ихъ возросло до 30,249; затѣмъ, является отмѣна хлѣбныхъ законовъ, цѣна жизненныхъ припасовъ понижается и цифра арестованій опять уменьшается, несмотря на уменьшеніе эмиграціи и на возрастаніе населенія. Вотъ примѣръ изъ послѣдующихъ годовъ:

1853 г. квартеръ пшеницы стоитъ 53 шилл.—арестованій . . . . 27,057.

1854 г. квартеръ пшеницы стоитъ 72 шилл. 7 пенс.—арестованій. . . . . 29,359 [2]).

II.

Статистика нравственности обращаетъ между прочимъ вниманіе и на то, что̀ называется «нравственностью» въ тѣсномъ смыслѣ, то-есть собственно на цѣломудріе. Нѣкоторые статистики склонны смѣшивать цѣломудріе или половую воздержность съ узаконенностію половыхъ отношеній, а потому въ статистику нарушеній «доброй нравственности» вводятъ число незаконныхъ рожденій и даже разводовъ. Нѣтъ, кажется, надобности настаивать на томъ, что численностію разводовъ и незаконныхъ рожденій можетъ опредѣляться собственно только прочность брачнаго и вообще семейнаго союза въ разныхъ странахъ, и больше ничего. Въ этой статистикѣ отражаются только юридическія условія брака въ разныхъ странахъ. Къ этому предмету мы сейчасъ вернемся, но прежде покончимъ съ преступленіями.

Къ статистикѣ «доброй нравственности» въ тѣсномъ смыслѣ,

---

[1]) Квартеръ — 1 четверть и 3 четверика.

[2]) Kolb. Handb. vergl. Stat.

очевидно, относятся только цифры посягательствъ на цѣломудріе. Въ таблицѣ преступленій у Блока одна графа посвящена собственно цифрамъ насилованій, а другая общей цифрѣ посягательствъ на цѣломудріе и проступковъ противъ стыдливости. За этой второй графою мы не можемъ признать значенія, потому что цифры въ ней, очевидно, слишкомъ неоднородны. Какъ объяснить, напримѣръ, что по ней средняя годовая цифра всѣхъ такихъ преступленій и проступковъ на 1 милл. населенія для Испаніи показана въ 16, а для Пруссіи въ 114,8 и для Швеціи въ 274! Ясно (хотя Блокъ не оговариваетъ этого), что здѣсь относительно Пруссіи и Швеціи приняты въ разсчетъ всѣ нарушенія полицейскихъ постановленій, охраняющихъ не только стыдливость, но и приличіе, между тѣмъ какъ для Испаніи приняты въ разсчетъ только посягательства на цѣломудріе. Итакъ, для статистики «доброй нравственности» мы ограничимся только цифрами изнасилованій [1]).

Здѣсь нельзя вывесть заключенія относительно вліянія на цѣломудренность — климата, расы, религіи и образованности. Число насилованій въ странѣ рѣшительно не зависитъ отъ всѣхъ этихъ вліяній. Замѣчателенъ фактъ, что по цифрѣ преступленій этого рода первое—и даже внѣ всякаго сравненія первое—мѣсто принадлежитъ собственной Англіи съ Уэльсомъ. Соотвѣтствующая ей цифра 48,1 на милл. нас.,—почти вдвое больше непосредственно слѣдующей за нею цифры, которая относится къ Франціи. Правда, цифра для Англіи означаетъ число изнасилованій, объявленныхъ полиціи, а другія цифры, которыя мы сейчасъ упомянемъ, представляютъ число изнасилованій подвергнутыхъ судебному разбирательству. Но въ преступленіи, именно этого рода, это не можетъ составить большой разницы. Нѣтъ сомнѣнія, что именно въ Англіи, гдѣ не только за изнасилованіе, но даже за неисполненіе брачнаго обѣщанія назначаются въ пользу жертвъ высокія пени, цѣлые капиталы, — всѣ случаи изнасилованія, объявленные полиціи, доводятся до судебнаго разбирательства. Чѣмъ же объяснить такую необыкновенную численность изнасилованій въ Англіи сравнительно съ другими странами? Быть можетъ, именно тѣмъ же обстоятельствомъ, о которомъ мы только-что упомянули. Очень можетъ быть, что въ другихъ странахъ жертвы

---

[1]) Для этой статистики слѣдовало бы, конечно, принять въ разсчетъ и цифры пьянства. Но статистика пьянства, какъ порока, совершенно невозможна; другое дѣло — цифры потребленія крѣпкихъ напитковъ — но это скорѣе относится къ вопросу о потребленіи, потому что заключенія о распространенности пьянства изъ этихъ цифръ все-таки извлечь нельзя.

изнасилованія не всегда начинаютъ дѣло черезъ полицію и судъ. Въ Испаніи, напр., гдѣ число изнасилованій показано въ шесть разъ менѣе, чѣмъ въ Англіи, быть можетъ расправа ножомъ или пулею часто замѣняетъ судъ, такъ какъ судебное разбирательство не обѣщаетъ столь хорошаго вознагражденія, какъ въ Англіи. Но это только наша догадка.

Какъ бы то ни было, вотъ порядокъ, въ которомъ представляются разныя страны по числу изнасилованій: Англія съ Уэльсомъ — 48,1; Франція — 24,6; Италія — 21; Баварія — 19,5. Наименьшія цифры соотвѣтствуютъ Испаніи — 8 и Бельгіи 6,4. Итакъ, здѣсь страны болѣе образованныя перемѣшаны съ менѣе образованными, католическія съ протестантскими и южныя съ сѣверными.

Иные относятъ къ статистикѣ нравственности и число самоубійствъ. Нечего говорить о неосновательности такого мнѣнія. Число самоубійствъ доказываетъ, главнымъ образомъ, тоже самое, что и число преступленій вообще: неудовлетворительность условій общественнаго быта. Число самоубійствъ возрастаетъ съ числомъ другихъ преступленій. Но въ самоубійствахъ есть одна оригинальная черта: распространеніе образованности не уменьшаетъ ихъ числа, а скорѣе наоборотъ. Это не трудно объяснить, и именно въ пользу просвѣщенія. Дѣло въ томъ, что большинство самоубійствъ, какъ то доказывается цифрами, происходитъ отъ причинъ физическихъ, разстройства умственныхъ способностей, въ особенности. На эту массу самоубійствъ умственное развитіе не имѣетъ вліянія, развѣ если утверждать, что образованіе ведетъ къ разстройству умственныхъ способностей, что было бы нелѣпо. Въ остальной же части самоубійствъ, надъ которыми умственное развитіе можетъ имѣть дѣйствіе, очень важную долю составляютъ самоубійства взамѣнъ другого преступленія и вслѣдствіе другого преступленія. Человѣкъ разорился; обладая тою твердостію, какая все-таки нужна для того, чтобы наложить на себя руки, онъ могъ бы легко покуситься сперва на подлогъ или другое преступленіе, даже убійство, съ корыстною цѣлью. Если онъ предпочитаетъ покончить съ собою, чѣмъ рѣшиться на иное преступленіе, то такой результатъ нисколько не компрометтируетъ въ лицѣ его достоинство умственнаго развитія. Нерѣдки самоубійства вслѣдствіе совершеннаго уже преступленія: человѣкъ, растративъ чужія деньги, предпочитаетъ смерть наказанію или перенесенію безчестія. Тутъ тоже нѣтъ ничего, что компрометтировало бы въ его лицѣ образованность болѣе, чѣмъ она уже компрометтирована его прежнимъ преступленіемъ. Не мало бываетъ убійствъ и вслѣдствіе совершен-

наго прежде убійства другого лица, и о нихъ слѣдуетъ сказать тоже самое.

Вотъ средняя годовая цифра самоубійства по странамъ на 1 милл. населенія. Первое мѣсто занимаетъ Данія—288; Саксонія—251; Пруссія—123; Франція—110; Баденъ—109; Норвегія—94; Баварія—73; Англія съ Уэльсомъ—69; Швеція—66; Бельгія — 55; Австрія — 43; Италія — 26; Россія — 25; Испанія—14, и Португалія—8. Эти цифры точны, но не имѣютъ большого значенія, т.-е. не даютъ вывода. Другое дѣло подробная статистика самоубійствъ грамотныхъ и неграмотныхъ, въ разныхъ мѣстностяхъ. У Блока есть такая таблица для Франціи. Не приводя ея, скажемъ только, что во всѣхъ упоминаемыхъ департаментахъ, число самоубійцъ находится въ прямомъ отношеніи къ цифрамъ грамотности, какъ онѣ представляются наборами рекрутъ. Правда, есть два департамента изъ 8 наиболѣе богатыхъ самоубійствами, въ которыхъ число неграмотныхъ довольно велико, но общее правило, какое можно извлечь изъ таблицы Блока, то, что въ департаментѣ, гдѣ грамотность распространена наименѣе (напр. Верхняя Луара, Арьежъ, Корсика) и число самоубійствъ безъ всякаго сравненія меньше. Въ Сенскомъ департаментѣ самоубійствъ 806; неграмотныхъ рекрутъ при наборѣ 7%; въ Корсикѣ самоубійствъ всего 6, а неграмотныхъ рекрутъ 31,4%. Въ Арьежѣ самоубійствъ 10, а неграмотныхъ рекрутъ 66,6%. Но не надо забывать, что большая половина самоубійствъ (574 изъ 1000) совершается вслѣдствіе физическихъ страданій и умопомѣшательства. Вотъ въ какомъ отношеніи находятся другія причины: на 1000 самоубійствъ 163 отъ разврата, любви и ревности, надъ которыми умственное развитіе тоже не имѣетъ большого вліянія; затѣмъ 125 отъ разоренія и нищеты, и нѣсколько (въ одномъ періодѣ 8, въ другомъ 10) вслѣдствіе совершеннаго прежде убійства.

III.

Теперь бросимъ взглядъ на статистику разводовъ и незаконныхъ рожденій, не для того, чтобы судить о степени нравственности, а чтобы показать, какъ безсиленъ законъ противъ природы вещей. Брачныя отношенія охраняются закономъ весьма строго, а между тѣмъ на число рожденій внѣ брака имѣютъ гораздо болѣе вліянія общія экономическія условія, чѣмъ постановленія закона въ разныя времена и въ разныхъ странахъ.

Такъ, напр., слѣдовало бы полагать, что въ странахъ католи-

ческихъ, гдѣ нѣтъ развода и гдѣ самое разлученіе супруговъ юридически трудно, непремѣнно должно быть болѣе незаконныхъ рожденій, чѣмъ въ странахъ протестантскихъ; и сверхъ того, что такъ какъ легкость развода постепенно увеличивается, то число незаконныхъ рожденій должно было бы постепенно уменьшаться. Но факты не подтверждаютъ первой догадки, а второй прямо противорѣчатъ. По таблицамъ Кетле, страны Европы въ отношеніи численности незаконныхъ рожденій слѣдуютъ одна за другою въ слѣдующемъ порядкѣ: Баварія (всего болѣе), королевства Саксонія, Ганноверъ, Австрія, Швеція, Норвегія, Пруссія, Бельгія, Франція, Англія, Испанія и Нидерланды (всего менѣе). Испанія и Нидерланды—какое сопоставленіе! Въ Баваріи приходится одно незаконное рожденіе на $3{,}58$ законныхъ, то-есть изъ 7 рождающихся дѣтей 2 незаконныя. Въ Саксоніи отношеніе это—1 на $5{,}49$; во Франціи—1 на $12{,}51$, въ Англіи—1 на $14{,}12$, въ Испаніи — 1 на $16{,}98$, въ Нидерландахъ — 1 на $22{,}67$. У Блока находимъ цифры процентныя, совершенно подтверждающія тѣ, которыя мы взяли у Кетле [1]. Такое отношеніе какъ въ Баваріи, по всей вѣроятности, уничтожило бы мало-по-малу предразсудокъ противъ незаконнорожденныхъ, еслибы они дѣйствительно входили въ составъ взрослаго населенія (т.-е. доживали до зрѣлыхъ лѣтъ) въ такомъ же размѣрѣ, какъ дѣти законныя. Но оказывается, что смертность незаконныхъ дѣтей, большею частію оставляемыхъ, хуже содержимыхъ или оставляемыхъ безъ попеченія, несравненно больше. Кетле ссылается на вычисленіе для Берлина, что до 15-ти-лѣтняго возраста законныхъ дѣтей умираетъ 1 изъ $2{,}5$, а незаконныхъ 1 изъ $1{,}9$ (!).

Ежегодное отношеніе числа незаконныхъ рожденій къ числу законныхъ почти вездѣ постепенно увеличивается, несмотря на облегченія развода. Во Франціи, по цифрамъ Блока, процентъ незаконныхъ рожденій въ теченіи первой четверти столѣтія возвысился съ $4{,}75\%$ до $7{,}16$, а теперь колеблется около $7{,}25\%$.

Особенно замѣчателенъ тотъ фактъ, что въ Саксоніи, гдѣ разводъ легче чѣмъ гдѣ-либо, незаконныхъ дѣтей тоже больше чѣмъ гдѣ-либо, за исключеніемъ одной только Баваріи. Прежде, чѣмъ перейдемъ къ цифрѣ разводовъ, скажемъ, что на возрастаніе безотносительнаго числа незаконныхъ рожденій въ странѣ имѣютъ вліяніе также экономическія причины, которыя управляютъ чи-

---

[1] Въ общей средней цифрѣ у Блока есть различіе противъ Кетле: Блокъ принимаетъ ее въ 7%, а Кетле въ $^{10}/_{111}$. Но это зависитъ отъ того, что Блокъ, вѣроятно, вывелъ среднюю исключительно по послѣднимъ годамъ, а число незаконныхъ рожденій растетъ.

сленностію рожденій законныхъ; тѣ и другія возрастаютъ вмѣстѣ, хотя не всегда одинаково.

На 1000 браковъ въ Саксоніи разводовъ 26, и сверхъ того 10 разлученій. Во Франціи 6 разлученій (юридическихъ) на 1000 браковъ; въ Швеціи 4, Англіи и Нидерландахъ по 2 (на 1000), въ Пруссіи 1, въ Виртембергѣ менѣе 1. Изъ баварской статистики оказывается, что число разводовъ постоянно усиливается между католиками, а между протестантами уменьшается, несмотря на то, что разведенные католики не могутъ вступать въ новый бракъ, а протестанты могутъ.

Замѣчательно еще распредѣленіе требованій развода по поламъ и сословіямъ, которое мы находимъ у Блока для Саксоніи и Франціи (т.-е. для тѣхъ именно странъ, гдѣ всего чаще разводы). На 100 требованій о разводѣ 91 и до 93 предъявляются во Франціи женами, изъ чего очевидно, что въ несчастливыхъ супружескихъ отношеніяхъ виноваты въ огромномъ большинствѣ случаевъ мужья. Это подтверждается фактомъ, что изъ 100 такихъ требованій 87 дѣлаются вслѣдствіе насилія и тяжкихъ оскорбленій, а только 6 вслѣдствіе прелюбодѣянія женъ. Въ Саксоніи, на 100 требованій развода насиліемъ и тяжкими оскорбленіями оправдываются 60, а прелюбодѣяніемъ 20 [1]). Весьма замѣчателенъ также фактъ, что основанія къ разводу охраняютъ тоже процентное отношеніе и въ образованныхъ, какъ въ необразованныхъ классахъ, т.-е. что на 100 требованій развода тѣ же самыя цифры представляютъ грубое насиліе и т. д. въ либеральныхъ профессіяхъ, какъ и въ рабочей средѣ.

Число же самыхъ разводовъ по сословіямъ опредѣляется во Франціи слѣдующими процентными отношеніями: изъ 100 требованій о разводахъ приходится:

37 — на рабочихъ фабричныхъ и мастеровыхъ
26 — на капиталистовъ и собственниковъ (rentiers)
21 — на торговцевъ
16 — на крестьянъ (cultivateurs).

Въ Саксоніи, также какъ во Франціи, наибольшее число случаевъ развода приходится на «либеральныя профессіи» и на мастеровыхъ. «Съ нами согласятся, что надъ этими фактами стоитъ призадуматься», говоритъ Блокъ.

---

[1]) Поровну мужей и женъ. Во Франціи болѣе требованій о разводѣ вслѣдствіе прелюбодѣянія женъ, чѣмъ мужей, но это зависитъ отъ того, что по французскому закону жена имѣетъ право требовать развода вслѣдствіе прелюбодѣянія мужа только въ такомъ случаѣ, если мужъ держитъ любовницу въ домѣ.

IV.

Одну изъ наиболѣе поучительныхъ частей сравнительной статистики представляла бы статистика потребленія пищи, въ сравненіи съ постепеннымъ движеніемъ цѣнъ на хлѣбъ и другіе припасы, и вмѣстѣ съ колебаніями заработной платы. Къ сожалѣнію, именно вотъ этотъ послѣдній элементъ (т.-е. движеніе заработной платы) не можетъ быть введенъ въ такое сравненіе съ достаточною точностію. Прежде чѣмъ приведемъ сравнительныя цифры потребленія, остановимся немного на неравномѣрности заработной платы.

Размѣры платы за тотъ же самый трудъ такъ различны не только въ разныхъ странахъ, но и въ каждомъ рабочемъ дѣлѣ столько степеней платы, что сдѣлать общій выводъ изъ сравненія невозможно. Всѣ такіе выводы болѣе или менѣе произвольны или же основываются не на статистическихъ цифрахъ, а на нѣсколькихъ общеизвѣстныхъ фактахъ и политико-экономическихъ соображеніяхъ. Есть даже мнѣніе, высказанное въ Англіи именно наперекоръ простымъ статистическимъ цифрамъ, что заработная плата совсѣмъ неравномѣрна въ различныхъ странахъ, а только сообразна «достоинству рабочихъ», «внутренней цѣнности» труда, и что на этомъ основаніи англійскій рабочій получаетъ вообще высшую плату, потому что онъ есть самый лучшій рабочій. Указываемъ на это мнѣніе собственно съ цѣлью показать, какъ трудно точное сравненіе размѣровъ заработной платы, если до сихъ поръ могутъ высказываться такія, чисто-теоретическія воззрѣнія. Цифра высокая будетъ низка для Лондона, напр., гдѣ содержаніе такъ дорого, но можетъ быть очень высока для другой мѣстности [1]). Но заработки чрезвычайно различны въ одной и той же отрасли труда. Напримѣръ, въ Парижѣ (цифры 1860 г.) изъ около 8,400 рабочихъ-механиковъ одни получали въ день $2\frac{1}{2}$ фр., другіе (около 1,000 чел.) по 3 фр., третьи (около 3 тысячъ) по $4\frac{1}{2}$ фр., четвертые (болѣе 1 т.) по 5 фр., а нѣкоторые (160 чел.) по 10 фр., и даже до 20 франковъ.

Итакъ, судить о положеніи массъ въ разныя времена и въ разныхъ странахъ удобнѣе по цифрамъ потребленія и цѣнамъ припасовъ, чѣмъ по цифрамъ заработной платы. И притомъ

---

[1]) Шведскій писатель Форселль, около тридцати лѣтъ назадъ, сдѣлалъ подробный бюджетъ содержанія для рабочаго семейства изъ отца, матери и 4 дѣтей, въ Лондонѣ, Парижѣ и Стокгольмѣ. Итоги его, приблизительно: 500 р. въ Лондонѣ, 380 р. въ Парижѣ, и 280 р. въ Стокгольмѣ.

судить удобнѣе по цифрамъ потребленія не хлѣба собственно, котораго извѣстное количество безусловно необходимо для существованія, а стало быть будетъ измѣняться не очень много, и даже при возвышеніи благосостоянія скорѣе уменьшаться, чѣмъ увеличиваться, ибо хлѣбъ будетъ замѣняться другими припасами.

Количество потребленія хлѣба на душу населенія, въ годъ, измѣняется отъ 200 до 210 килограммовъ. Потребленіе мяса, за послѣдніе 20 лѣтъ, возрасло вездѣ. Во Франціи съ 20 килогр. на человѣка до 25, въ Пруссіи съ 16,9 до 18,5; въ Саксоніи съ 19 до 25; въ Бельгіи съ 16 до 18, и т. д. Въ перечнѣ странъ, по количеству потребленія мяса на каждую единицу населенія, первое мѣсто принадлежитъ Великобританіи—28 килогр. [1]); затѣмъ идутъ Франція, Саксонія и Швейцарія (послѣдняя 23 килогр.). Въ Испаніи и Италіи потребленіе говядины нѣсколько болѣе 9 кил. на человѣка, что зависитъ, конечно, не столько отъ бѣдности, сколько отъ климата.

Само собою разумѣется, что потребленіе мяса особенно велико въ городахъ. Такъ, въ Парижѣ, въ 1867 году, потреблено болѣе 140 милліоновъ кил. мяса, что составляетъ болѣе 79 кил. на человѣка. Потребленіе мяса постоянно возрастаетъ въ Парижѣ, какъ и вездѣ: начиная съ конца первой четверти столѣтія и до сихъ поръ, потребленіе мяса въ Парижѣ увеличилось съ 67,8 кил. до 79,6 килогр. Въ Лондонѣ потребленіе мяса (не считая копченой ветчины) составляетъ 60 кил., въ Берлинѣ только 52 кил. Замѣчательно, что потребленіе мяса въ Вѣнѣ въ послѣднее двадцатилѣтіе *не* возрасло, а въ Берлинѣ даже немного уменьшилось.

Изъ общаго возвышенія мясного потребленія въ Европѣ можно заключать съ нѣкоторою достовѣрностію, что положеніе массъ вообще улучшается, каковы бы ни были колебанія въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ. Для сравненія по странамъ, цифры потребленія сахара кажутся намъ еще удобнѣе, чѣмъ цифры потребленія мяса, а также кофе и чаю. Дѣло въ томъ, что потребность въ мясѣ зависитъ отъ климатовъ, зависитъ и отъ религіи, т.-е. отъ того, соблюдаются ли или нѣтъ посты. Потребленіе чая далеко не вездѣ одинаково въ обычаѣ, а даже кофе въ Испаніи, Италіи и Франціи въ значительной степени замѣняется шоколадомъ. Потребленіе табаку, конечно, можетъ служить дополнительнымъ мѣриломъ; но тутъ тоже очень много зависитъ отъ обычая. Итакъ, мы остановимся собственно на сахарѣ, приведя относительно чаю, кофе и табаку только крайніе пре-

[1]) Около 67 русскихъ фунтовъ. Килограммъ=2 ф. 42 зол.

дѣлы цифръ. Относительно потребленія сахару надо сдѣлать только одну оговорку, именно что въ Россіи оно дополняется болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, потребленіемъ меда.

Относительно потребленія сахару, на первомъ мѣстѣ стоитъ Соединенное Королевство, и именно внѣ всякаго сравненія. Количество сахара потребленное въ 1866 и 1867 годахъ, на единицу населенія, было: въ

Соединенномъ Королевствѣ	19,879	граммовъ.
Франціи	7,400	»
Нидерландахъ	7,030	»
Норвегіи	5,522	»
Швеціи	4,900	»
Швейцаріи	4,800	»
Даніи	4,500	»
Бельгіи	4,063	»
Пруссіи и Таможенномъ Союзѣ	3,750	»
Португаліи	3,160	»
Италіи	2,603	»
Австріи	2,463	»
Испаніи	2,116	»
Россіи.	1,200	»

Чаю потребляется болѣе всего въ Соединенномъ Королевствѣ (1,679 грам. на 1 д.), а въ Россіи сравнительно весьма мало (81), всего же менѣе въ Италіи (1 гр. на 1 д.). Кофе — наиболѣе въ Бельгіи (4,298 гр. на 1 д.), затѣмъ по порядку — въ Нидерландахъ, Норвегіи и Пруссіи, наименѣе же (35) въ Россіи. Табаку потребляетъ болѣе всего Бельгія (2,500 гр. на 1 д.) и Нидерланды (2,000); затѣмъ по порядку — Швейцарія, Австрія, Пруссія, Норвегія и Данія. Одна изъ странъ наименѣе потребляющая табаку — кто бы подумалъ? — Испанія (490). Въ Россіи — 833. Само собою разумѣется, что въ сравненіяхъ количествъ потребленія упускается изъ виду весьма важный элементъ, именно *качество* потребляемаго [1]). Количества потребленія сахару тѣмъ болѣе важны, что по исчисленію, сдѣланному въ Англіи, высшіе классы потребляютъ и сахару и чаю гораздо менѣе, чѣмъ низшіе. И это несомнѣнно такъ вездѣ, гдѣ возможна какая-либо роскошь для низшихъ классовъ, потому что

[1]) Напр., на каждаго русскаго оказывается *болѣе* потребленнаго табаку, чѣмъ на каждаго испанца. Это замѣчаніе должно относиться и къ потребленію напитковъ.

сахаръ для нихъ единственное лакомство, а чай единственная роскошь (гдѣ онъ въ обычаяхъ) [1]).

Обратимся къ потребленію напитковъ. Вина виноградняго потребляется болѣе всего во Франціи, именно 130 литровъ, въ годъ, на человѣка; въ Италіи 120, Португаліи 80; Швейцаріи 59; Австріи 53, Испаніи 30, Виртембергѣ 18,2, Нидерландахъ—4, Пруссіи—2,3; Соединенномъ Королевствѣ—2,1; Даніи—0,96, Норвегіи—0,66, Швеціи—0,36, Россіи—0,33 и Бельгіи—0,30. Само собою разумѣется, что страны, имѣющія богатое виноделіе, потребляютъ вина болѣе; въ этомъ спискѣ примѣчательнѣе всѣхъ не послѣдняя, Бельгія, потому что она за то стоитъ второю въ потребленіи пива, а Испанія. Огромное различіе въ потребленіи вина между этою страною и Франціею съ Италіею, свидѣтельствуетъ единственно о томъ, что испанцы — самый трезвый народъ въ Европѣ.

Если бы страны, которымъ пиво замѣняетъ вино, пили только пиво, то населеніе ихъ можно бы признать не болѣе нетрезвымъ, чѣмъ населеніе странъ южныхъ. Мы говоримъ объ Англіи, сѣверной Германіи, Скандинавіи и славянскихъ земляхъ, въ сравненіи со странами романскими и южною Германіею. Дѣло въ томъ, что высшая норма потребленія пива (приходящаяся на Великобританію) очень мало превосходитъ высшую норму потребленія вина (приходящуюся на Францію; именно пива 139 литровъ на 1 чел. въ годъ [2]), а вина 130 литр. на 1 чел. въ годъ.

Но такъ какъ Британія, Скандинавія и Германія потребляютъ, кромѣ пива, несравненно болѣе водки, то равновѣсіе это совершенно нарушается. Потребленіе пива въ Соединенномъ Королевствѣ — 139 литр. въ годъ на чел., Бельгіи 138, Баваріи 125; затѣмъ идутъ Виртембергъ, Швейцарія, Нидерланды, Австрія (24), Пруссія (20), Франція (19), Швеція, Россія (Россія только 6), и южныя страны (Португалія—0,8).

Потребленіе спиртныхъ напитковъ нельзя сравнивать по странамъ, за неоднородностію цифръ: въ однѣхъ странахъ извѣстно потребленное количество алькоголя, въ другихъ водокъ. Во Франціи количество потребленія алькоголя составляло въ 1829 году — 0,93 литра на единицу населенія; въ 1839 г.—1,57 литра;

---

[1]) Потребленіе сахару и чаю въ Англіи раздѣляется между классами такъ:

	сахару		чаю
Классы высшіе	22½ %		17½
Средніе	38	»	38
Низшіе	39½	»	44½

[2]) 1 Гектолитръ = 8,1 русскаго ведра.

въ 1849 г.—2,98 литра; въ 1866 году — 3,69 литра. Оказывается возрастаніе весьма значительное.

Что цѣны на продовольственные припасы постепенно и повсемѣстно возвышаются, на это мы указали уже въ первой статьѣ; это достаточно извѣстно изъ повсемѣстнаго наблюденія. Размѣръ этого повышенія цѣнъ Блокъ изслѣдуетъ собственно на Франціи. Средняя цѣна гектолитра пшеницы, во Франціи, съ 1841 по 1868 годъ возвысилась съ 19 фр. 68 сант. до 28 фр. 90 сант. Въ теченіи этого времени, цѣна пшеницы подвергалась очень значительнымъ колебаніямъ. Такъ, въ періодъ 1847—1850 гг. средняя цѣна падала до 15 фр. 94 сант., а въ періодъ 1853—1856 гг. доходила до 29 фр. 13 сант. и даже (въ 1846 году) до 30 фр. 77 сант. Цѣна зависѣла, конечно, болѣе всего отъ урожаевъ. Тѣмъ не менѣе, фактъ постепеннаго вздорожанія хлѣба, и независимо отъ урожая, кажется намъ несомнѣннымъ, потому что, сравнивъ періоды 1851—52 г. (урожай 86 милл. гектол.), 1866 г. (85 милл. гектол.) и 1867 г. (83 милл. гектол.), мы находимъ цѣны, соотвѣтствующія этимъ періодамъ урожая, постоянно возрастающими, именно 17 фр. 54 сант., 24 фр. 10 сант. и 28 фр. 90 сант., несмотря на то, что выписанные нами урожаи идутъ въ обратномъ порядкѣ, то-есть послѣдующій меньше предшествующаго.

Возрастаніе цѣнъ оказывается и вообще на всѣхъ главныхъ предметахъ потребленія, какъ для пищи, такъ и для одежды. Такъ, быкъ во Франціи стоилъ въ 1827 г. 200 франковъ, въ 1847 г. 280 фр., въ 1857 г.—400 фр., въ 1867 г.—440 фр., т.-е. цѣна его въ 40 лѣтъ болѣе чѣмъ удвоилась. Изъ таблицы Блока мы видимъ, что цѣна барана за тоже время болѣе чѣмъ удвоилась, а цѣна свиньи болѣе чѣмъ утроилась (въ 1827 г. 30 фр., въ 1867 г. 100 фр.) По подряднымъ цѣнамъ богоугодныхъ заведеній, во Франціи увеличеніе цѣнъ на пищу слѣдовало почти той же прогрессіи. Даже картофель, и тотъ съ 1824 года по 1855 годъ вздорожалъ съ 2 фр. 87 сант. за гектолитръ до 6 фр. 73 сант. [1]).

Теперь остановимся передъ вопросомъ, который важнѣе всѣхъ: увеличилась ли заработная плата *въ томъ же размѣрѣ*, какъ возрастали цѣны на предметы первой потребности? Къ сожалѣнію, мы можемъ именно только остановиться передъ этимъ вопросомъ. Экономисты-статистики не любятъ или въ самомъ дѣлѣ

---

[1]) Вздорожаніе хлѣба: 1824—1833, 1/2 килогр. хлѣба стоила 16 сант., 1834—1843 17 сант., 1844—1853 18 сант., 1855 23 сант. Говядина—съ 1824 до 1855 года: 1/2 килогр. 36 сант. до 52 сант.

не могутъ рѣшать его съ достаточною, по ихъ мнѣнію, увѣренностію. У Блока, и въ особенности у Кетлѐ, мы найдемъ самыя подробныя, иногда курьезныя разсужденія о довольно индифферентныхъ вопросахъ, напр. сколько именно самоубійствъ совершается лѣтомъ и сколько зимою, сколько помощью огнестрѣльнаго или холоднаго орудія, или веревки и воды, или еще сколько дѣтей рождается ночью, а сколько днемъ, и одинаково ли участвуютъ въ этой ночной и дневной пропорціяхъ дѣти незаконныя съ законными дѣтьми; — но рѣшать вопросъ о томъ, равно ли возрастаніе заработковъ съ возрастаніемъ цѣнъ—они уклоняются. Блокъ доказываетъ, правда, что заработная плата возвышается. Но изъ его же цифръ видно, что возрастаніе ея далеко не соотвѣтствуетъ вздорожанію предметовъ продовольствія.

Заработки увеличиваются; во Франціи, напримѣръ, въ 1847 году, изъ 195,062 рабочихъ, 27½ т. получали менѣе 3 фр. въ день; 157¼ т. отъ 3 до 5 фр., и только 10,393 болѣе 5 фр. Между тѣмъ, въ 1860 году, на 290,759 рабочихъ, хотя все еще 35,793 получали менѣе 3 фр., но 220,369 получали отъ 3 до 5 фр., а 34½ т. болѣе 5 фр. Или яснѣе, въ процентныхъ отношеніяхъ: менѣе 3 фр. получали въ 1847 году 14%, въ 1860 12% рабочихъ; болѣе же 5 фр. въ 1847 году получали только 6% рабочихъ, а въ 1860 году 12%.

Примѣры изъ англійской статистики, которые приводитъ Блокъ, тоже показываютъ, въ бо́льшей части случаевъ, повышеніе заработковъ.

Но для болѣе точнаго сравненія лучше всего взять въ примѣръ такихъ рабочихъ, которыхъ работа не измѣняется по множеству спеціальностей [1]) и не измѣняется механическими изобрѣтеніями, именно каменьщиковъ, т.-е. кладчиковъ камня, кирпичниковъ, плотниковъ и т. п. Каменьщикъ во Франціи въ 1833 году получалъ въ день 2 франка (среднія цифры), а въ 1855 году 2 фр. 34 сант. Въ Англіи, въ Ворстерѣ и окрестностяхъ, каменьщикъ въ 1839 году получалъ въ недѣлю 22 шиллинга, въ 1849 г. 24 ш., въ 1859 — 1860 г. 25 ш., въ 1861 г. 27 ш. Ворстерскіе кирпичники получали въ 1839 году въ недѣлю по 21 шиллингу, и плата къ 1861 году постепенно дошла до 24 шилл.

Во Франціи заработная плата въ день плотникамъ, съ 1833 до 1855 года, возвысилась съ 2 фр. 15 сант. до 2 фр. 52 сант.,

---

[1]) Напр., въ производствѣ суконъ 36 спеціальностей, и каждая оплачивается иначе.

а слесарей съ 2 фр. 26 сант. до 2 фр. 64 сант. Но есть примѣры, что заработная плата оставалась безъ измѣненія въ теченіе цѣлыхъ тридцати лѣтъ; такъ въ Ульвергэттонѣ, въ желѣзномъ дѣлѣ, съ 1831 до 1860 года, въ Ньюкестлѣ въ кирпичномъ дѣлѣ, съ 1840 до 1860 года, заработная плата не возвысилась нисколько.

Этихъ примѣровъ достаточно, чтобы убѣдить, что хотя, говоря вообще, заработная плата и возвышается, но возвышеніе ея идетъ туго и совсѣмъ не въ тѣхъ размѣрахъ, какъ вздорожаніе цѣнъ на предметы потребленія [1]). Да и можетъ ли быть иначе, когда то самое возрастаніе населенія, которое отчасти входитъ какъ элементъ во вздорожаніе припасовъ, съ другой стороны должно обусловливать и пониженіе заработной платы, увеличивая предложеніе работъ?

Но какъ-же согласить такіе факты: мы замѣчали, что цѣны припасовъ возвышаются, а заработная плата хотя тоже возвышается, но далеко не въ равной прогрессіи, а между тѣмъ потребленіе на единицу постепенно увеличивается? На вопросъ, который мы поставили, къ сожалѣнію, можемъ отвѣчать только догадкою: потребленіе многихъ предметовъ растетъ не только вслѣдствіе дѣйствительнаго увеличенія средствъ къ ихъ пріобрѣтенію, но и вслѣдствіе обычая, вслѣдствіе возвышающагося въ массахъ мнѣнія о минимумѣ совершенно необходимаго. Въ такомъ случаѣ, увеличеніе потребленія несомнѣнно должно отражаться на лишеніяхъ иного рода. И едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что если рабочіе въ большихъ городахъ нынѣ потребляютъ болѣе мяса, болѣе сахару и чаю, то жилища ихъ дѣлаются и тѣснѣе и неудовлетворительнѣе во всѣхъ отношеніяхъ. Сверхъ того, огромная масса тѣхъ, кто не можетъ соразмѣрить средствъ съ нынѣшнею необходимостію потребленія—эмигрируютъ въ другія части свѣта. Во всякомъ случаѣ, нельзя не замѣтить, что присяжные экономисты большіе оптимисты. Когда Блокъ говоритъ: «потребленіе несомнѣнно увеличивается, но такъ какъ чѣмъ больше ѣшь, тѣмъ больше хочется [2]), то все еще остается желать чего-либо, и это очень хорошо, потому что человѣкъ вполнѣ (далеко еще до этого) удовлетворенный, теряетъ энергію» и т. д. и т. д., то можно только сказать, что собственные его факты вовсе еще не оправдываютъ такого гимна.

---

[1]) Періоды, взятые здѣсь для сравненія заработной платы, нѣсколько меньше тѣмъ періоды для сравненія цѣнъ на припасы. Но за то увеличеніе заработной платы замѣчается за эти болѣе краткіе періоды всего на $^1/_5$ или $^1/_7$, между тѣмъ какъ вздорожаніе припасовъ и въ эти болѣе короткіе періоды представляетъ $1^1/_2$ раза ихъ стоимость.

[2]) L'appétit vient en mangeant (!).

Въ виду громадной массы бѣдствія, существующаго еще до сихъ поръ въ Европѣ и отражающагося во множествѣ преступленій съ одной стороны, а съ другой, въ несовершенствахъ и самой политической жизни народовъ, стало быть съ двухъ сторонъ угрожающей промышленному благопріобрѣтенію: въ личныхъ покушеніяхъ и въ попущеніи личнаго произвола, войнѣ и необходимости тяжелыхъ воинскихъ расходовъ,—нельзя не подивиться близорукости тѣхъ приверженцовъ промышленнаго прогресса, которые на всякіе проекты значительныхъ мѣръ въ пользу общественнаго призрѣнія и вспомоществованія постоянно отвѣчаютъ повтореніемъ знаменитаго девиза «help yourself». Принципъ self help благодѣтеленъ, естественъ и безусловно вѣренъ только въ смыслѣ личной побудительной силы, въ смыслѣ личнаго прилежанія, личной энергіи, въ томъ смыслѣ, чтобы каждый работалъ для себя и надѣялся на себя. Но принципъ self help дѣлается совершенно невѣрнымъ, когда его примѣняютъ въ томъ смыслѣ, что никто не долженъ разсчитывать ни на кого, кромѣ на самого себя и что мѣры государственнаго вспоможенія слабымъ, будто бы, нераціональны. Принятый во всей строгости, этотъ принципъ былъ бы уже не принципъ самопомощи, а принципъ безпомощности, принципъ анти - общественный и даже противогосударственный, такъ какъ цѣль государства есть не что иное, какъ взаимная охрана и взаимная помощь. Правда, строгіе приверженцы принципа help yourself дѣлаютъ разграниченіе и считаютъ обязанностію государства собственно охрану личностей и имуществъ и устраненіе препятствій къ развитію. Но это разграниченіе въ сущности ничего не значитъ. Гдѣ кончается охрана и начинается помощь, и въ особенности, какія препятствія государство устранять должно, и какія не должно? Это одни слова. Статистика показываетъ намъ, что главною причиною преступленій, угрожающихъ личности и собственности, служитъ именно безпомощность положенія многихъ людей въ государствѣ. Исторія и здравый смыслъ говорятъ намъ, что самое несовершенство политической жизни Европы до сихъ поръ, ея войны, ея страшные расходы на арміи и вооруженія, зависитъ болѣе всего именно отъ того, что въ массахъ еще недостаточно умственное развитіе. Затѣмъ спрашивается: можно ли государственныя мѣры къ призрѣнію и распространенію образованія въ массахъ считать чѣмъ-либо инымъ, какъ самымъ раціональнымъ стремленіемъ къ охраненію лицъ и имуществъ и къ устраненію именно тѣхъ препятствій, которыя болѣе всего тормозятъ и самый промышленный прогрессъ?

Ученіе self help или laisser-faire, если его доводить до край-

няго предѣла, найдетъ нераціональными всѣ тѣ учрежденія въ государствѣ и всю ту государственную дѣятельность, которыя наиболѣе благотворны. Замѣчательно, что Англія, на которую наиболѣе ссылаются крайніе приверженцы принципа самопомощи, есть именно первая страна, которая государственною помощью освободила рабовъ, и первая страна, въ которой былъ провозглашенъ и осуществленъ въ извѣстной мѣрѣ тотъ противоположный крайнему смыслу self help принципъ, что всякъ, кто не имѣетъ силы работать и средствъ содержать семейство, хотя бы и работалъ,—имѣетъ законное *право* на помощь отъ государства.

Въ великомъ вопросѣ общественнаго призрѣнія и въ Англіи, какъ во всѣхъ государствахъ, сдѣлано еще очень немного для правильной организаціи помощи безсильнымъ, больнымъ и непросвѣщеннымъ. Но именно Англіи принадлежитъ та честь, что въ то время, когда во многихъ другихъ государствахъ государственная благотворительность (для взрослыхъ) существуетъ только какъ государственная *филантропія*, въ Англіи она признана государственною *обязанностью*. По отношенію къ филантропіи, слабый и больной можетъ только просить милости. По отношенію же къ обязанности государственной, каждый безсильный и слабый имѣетъ юридическое право *требовать* себѣ помощи, и это право признано за бѣднымъ въ Англіи.

Уже съ царствованія Елисаветы англійское законодательство признало право принимать понудительныя мѣры противъ тѣхъ достаточныхъ гражданъ, которые не хотѣли платить пособій на содержаніе убогихъ. Въ Англіи, какъ извѣстно, существуетъ налогъ въ пользу бѣдныхъ. Помощь бѣднымъ изъ этого налога оказывается двоякая: помѣщеніемъ въ дома призрѣнія (workhouses), и пособіемъ въ собственныхъ жилищахъ (out-door relief). Сборъ налога въ пользу бѣдныхъ возложенъ на общину, и падаетъ на имущество или предполагаемый доходъ каждаго члена общины. Нѣсколько общинъ вмѣстѣ, составивъ union, содержатъ общій workhouse, причемъ каждая община несетъ издержку пропорціонально числу своихъ бѣдныхъ. Каждая община обязана помощью только бѣднымъ въ ней живущимъ, а потому бѣдные, получающіе помощь, вносятся въ списки и свобода мѣстопребыванія ихъ до нѣкоторой степени ограничена, хотя меньше чѣмъ прежде. Центральное учрежденіе—the Poor-Law-Board, въ Лондонѣ, наблюдаетъ за исполненіемъ законовъ о государственной благотворительности; оно имѣетъ мѣстныхъ агентовъ или инспекторовъ. Издержка государственной благотворительности, въ 1867 году, со-

ставляла слишкомъ 53 милліона рублей! [1]) Такимъ образомъ, исключивъ число бѣдныхъ, пользующихся пособіемъ, т.-е., около 1 милл. чел., изъ общаго числа населенія Соединеннаго Королевства, т.-е. 29 милл., мы получимъ, что на каждую душу остального населенія приходится почти по 2 рубля обязательнаго налога въ пользу бѣдныхъ.

Но этою безпримѣрною въ другихъ странахъ суммою еще далеко не исчерпывается вся благотворительность въ британскихъ островахъ, ибо сверхъ милліона бѣдныхъ, содержимыхъ пособіемъ общинъ на основаніи закона, считаютъ еще до 200,000 бѣдныхъ, содержимыхъ частною благотворительностью.

Во Франціи число бѣдныхъ, получающихъ общественное вспомоществованіе, доходитъ до $1^1/_2$ милліона душъ [2]); законъ постановляетъ, чтобы въ каждой общинѣ былъ хотя одинъ комитетъ благотворительности; но ихъ существуетъ въ дѣйствительности втрое менѣе, чѣмъ общинъ. Общій расходъ считается въ 118 милл. фр. ($29^1/_2$ милл. рублей); частная благотворительность, при этомъ, конечно, не считается. Въ Швеціи общины издерживаютъ около $1^1/_2$ м. рублей, слишкомъ на 55 т. бѣдныхъ; въ Даніи 675 т. рублей; въ Бельгіи до 6 м. 75 т. рублей на 650 т. бѣдныхъ. Въ Испаніи и Италіи помощь бѣднымъ лежитъ на духовно - благотворительныхъ обществахъ. Въ Испаніи такихъ обществъ болѣе тысячи и издерживаютъ они вмѣстѣ до 4 м. 400 т. рублей на 455 т. бѣдныхъ. Въ Италіи духовно-благотворительныя общества издерживаютъ на бѣдныхъ до 14 милл. рублей; но здѣсь, съ 1862 года, законъ требуетъ, какъ и во Франціи, учрежденія свѣтскаго благотворительнаго комитета въ каждой общинѣ. Бѣдныхъ въ Италіи болѣе 1 м. 365 т. Въ Португаліи издерживается около $1^1/_2$ м. рублей на 141 т. бѣдныхъ. Въ Австріи бѣдныхъ считается 1 м. 220 т., въ Нидерландахъ 560 т., въ Пруссіи (до присоединеній), до 600 тысячъ.

Вездѣ помощь бѣднымъ оказываютъ или общины, или духовныя общества. Въ нѣкоторыхъ странахъ, законъ требуетъ отъ общинъ учрежденія благотворительныхъ комитетовъ, въ дру-

---

[1]) А именно: Англія и Уэльсъ—6,959,840
Шотландія — 807,631
Ирландія — 797,134
8,564,605 фунт.

[2]) Блокъ, впрочемъ, не ручается, что эта цифра не представляетъ излишка отъ двойныхъ выдачъ одному лицу. Дѣло въ томъ, что благотворительность во Франціи не обязательна, какъ въ Англіи, а стало быть и цифры не такъ точны.

гихъ законъ даже провозглашаетъ обязанность оказывать помощь бѣднымъ, но обязанность только неопредѣленную, такую обязанность, которой со стороны бѣднаго не соотвѣтствуетъ право требовать ея. А между тѣмъ нищенство запрещено почти вездѣ, и запрещено вовсе не съ такою же неопредѣленностью, а очень опредѣленно, т.-е. подъ страхомъ наказанія.

Формальный налогъ существуетъ только въ Англіи. Итакъ, повторяемъ, Англіи, на которую любятъ ссылаться приверженцы истолкованія selfhelp, принадлежитъ честь перваго провозглашенія закономъ права бѣднаго на помощь. Сдѣлано это въ Англіи, конечно, не изъ чувства состраданія; такія чувства не управляютъ законодательствомъ и въ особенности налогами. Интересно, напримѣръ, что предоставленіе бѣднымъ помощи въ ихъ жилищахъ (out-door relief) [1]) издавна вело въ Англіи къ пониженію помѣщиками и фермерами заработной платы сельскимъ рабочимъ. Разсчетъ тотъ, что если пониженная плата не будетъ давать средствъ къ жизни рабочему и его семейству, то ему поможетъ общественная благотворительность. И это возмутительное явленіе недавно стало возобновляться. Само собою разумѣется, что приверженцы строгаго selfhelp доказываютъ этимъ фактомъ необходимость ограничить помощь, оказываемую внѣ рабочихъ домовъ.

Итакъ, въ общемъ мы видимъ, что для призрѣнія издерживаются вездѣ значительныя суммы, хотя и безъ всякаго сравненія меньшія, чѣмъ на содержаніе войскъ. Цифры сами по себѣ все-таки значительны. Но положеніе дѣла — самое неудовлетворительное. Даже право безсильнаго или убогаго требовать помощи нигдѣ не признано положительно закономъ, кромѣ Великобританіи. Устройство же самой раздачи пособій вездѣ не далеко ушло отъ простой, исконной раздачи милостыни, по рекомендаціи набожныхъ лицъ. Англійскіе workhouses, въ какомъ бы плачевномъ видѣ они ни находились (а извѣстно, что никакая печать не способна такъ преувеличивать свои безпорядки, какъ печать англійская)—при такомъ общемъ хаотическомъ состояніи общественной благотворительности — заслуживаютъ полнаго сочувствія, по своему принципу. Что̀ бы ни говорили крайніе приверженцы help yourself, въ смыслѣ государственнаго равнодушія къ безсилію отдѣльныхъ личностей, здравый смыслъ и самое простое понятіе не только справедливости, но и общественной безопасности требуетъ, чтобы ребенокъ, брошенный на

[1]) Т. е. out of the workhouse.

улицѣ, былъ вскормленъ обществомъ; чтобы человѣкъ неспособный къ работѣ былъ избавленъ отъ голодной смерти; наконецъ, чтобы даже для временныхъ случаевъ, когда человѣкъ остается безъ пищи, безъ крова на ночь, онъ могъ найти готовый пріютъ, гдѣ укрыться и съѣсть кусокъ хлѣба, отработавъ за это на другой день. Едва ли даже мы зайдемъ слишкомъ далеко, если скажемъ, что такіе пріюты должны быть открыты хотя на время для всѣхъ слабыхъ, бѣгущихъ отъ незаконныхъ дѣйствій всѣхъ сильныхъ, отъ злоупотребленія хозяйской и даже семейной власти, для женщины, ребенка, ученика, которыхъ уродуетъ, въ изступленіи пьянства, мужъ, отецъ или хозяинъ, или которыхъ онъ выгоняетъ на улицу—чему примѣровъ множество въ любой полицейской хроникѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что огромное число убійствъ, грабежей и въ особенности самоубійство женщинъ и дѣтей происходитъ отъ несуществованія такихъ пріютовъ.

Вотъ въ какомъ смыслѣ англійскіе workhouses достойны всякаго сочувствія. Устройство ихъ можетъ быть неудовлетворительно, регламенты слишкомъ строги, доступность слишкомъ ограничена, но принципъ ихъ также достоенъ уваженія и также важенъ для будущаго, болѣе раціональнаго устройства общественной благотворительности, какъ признанный въ Англіи же принципъ юридическаго права бѣднаго на помощь.

Въ большей части странъ Европы, право безсильнаго на помощь и на временный пріютъ, изъ всѣхъ категорій выше нами перечисленныхъ, признается только за новорожденными дѣтьми. Внѣ Англіи, собственно воспитательные дома только представляютъ тотъ принципъ, который представляютъ workhouses въ Англіи, т.-е. необходимость государственнаго пріюта безсильнымъ для спасенія ихъ въ крайнихъ, временныхъ случаяхъ. Другой вопросъ — каково содержаніе воспитательныхъ домовъ вообще и въ какой степени они въ самомъ дѣлѣ достойны той обязанности, которая возлагается на нихъ государствомъ. Но какъ бы ни былъ неблагопріятенъ отвѣтъ фактовъ на этотъ вопросъ, по отношенію какъ къ workhouses, такъ и къ воспитательнымъ домамъ, — благотворительность принципа несомнѣнна и стоитъ выше временныхъ недостатковъ устройства. Кетлѐ приводитъ оригинальное мнѣніе одного изъ старыхъ статистиковъ, г. де-Гурова, который, основываясь на въ самомъ дѣлѣ колоссальной смертности дѣтей въ воспитательныхъ домахъ [1]), говоритъ, что «дѣто-

---

[1]) У Кетлѐ есть страшныя цифры смертности въ воспитательныхъ домахъ въ концѣ прошлаго столѣтія: болѣе 50% въ первый же годъ жизни, и даже до 100%

убійство едва ли предотвращается этими учрежденіями, ибо отвращая нѣсколько дѣтоубійствъ, воспитательные дома сами уничтожаютъ несравненно бо̀льшее число дѣтей». Это очевидно — парадоксъ. Что̀ значитъ «нѣсколько» дѣтоубійствъ? И что̀ значитъ дѣтоубійство: мгно̀венное умерщвленіе ребенка или уничтоженіе его лишеніями, голодомъ, оставленіемъ на произволъ случая? Кетлѐ приводитъ же мнѣніе, высказанное докторомъ Галопеномъ, не далѣе какъ въ 1866 году, что въ деревняхъ есть кормилицы, у которыхъ *всѣ* дѣти, отдаваемыя имъ (по французскому обычаю) на вскормленіе, умираютъ, «что заставляло меня не разъ дивиться глупости тѣхъ парижскихъ дѣвушекъ, которыя рѣшаются на опасное дѣло дѣтоубійства, когда онѣ совершенно спокойно могли бы избѣгнуть законной кары, просто отдавая своихъ дѣтей на вскормленіе въ Монтиньи и нѣкоторые дома общины Илльѐ» — говоритъ откровенный докторъ.

Положеніе общественнаго призрѣнія, вообще говоря, гораздо постыднѣе для современной Европы, чѣмъ самыя войны. Что одно общество можетъ ополчаться на другое изъ-за цвѣта знаменъ, это, во всякомъ случаѣ, не такъ низко, какъ то равнодушіе, съ какимъ все общество сноситъ сознаніе о безконечныхъ страданіяхъ, истребляющихъ множество собственныхъ его членовъ, имѣя въ виду то соображеніе, что «желудковъ и безъ того много».

Тотъ самый фактъ, который представляетъ важнѣйшій успѣхъ новѣйшей исторіи, именно, что число имущихъ, владѣющихъ, пользующихся правами, постепенно возрастаетъ, обусловливаетъ особую трудность мѣръ для поправленія общественнаго положенія остальныхъ, т.-е. ничѣмъ невладѣющихъ и неимущихъ, которые поэтому во многихъ отношеніяхъ остаются безправными. Мы не согласимся съ Блокомъ, когда онъ ставитъ общее положеніе, что число владѣющихъ въ обществѣ больше числа невладѣющихъ, потому что понятіе о владѣніи или собственности вовсе не такъ растяжимо, какъ онъ его принимаетъ. Причислять къ собственникамъ всѣхъ, платящихъ подоходный налогъ, нельзя, такъ какъ, во-первыхъ, множество доходовъ представляютъ продуктъ личнаго труда, а не капитала, а во-вторыхъ, подоходный налогъ съ низшихъ категорій можетъ быть до нѣкоторой сте-

---

въ первые четыре года, т.-е. полное истребленіе. Но и за первую четверть нынѣшняго столѣтія смертность у Кетлѐ показана въ 1817 году въ Мадритѣ 67%, въ Вѣнѣ въ 1811—92%, въ Брюсселѣ 79%, а въ тридцатыхъ годахъ по 56%. Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ подъ рукою болѣе новыхъ цифръ.

пени разсматриваемъ, какъ личная подать. Во Франціи, напримѣръ (по цифрамъ 1861 г.), избавлены отъ налога съ движимыхъ цѣнностей только 1,666,941 бѣднѣйшихъ рабочихъ, колонистовъ и чиновниковъ, да есть около $1^1/_2$ милл. лицъ, признанныхъ прямо бѣдными (indigents). Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы всѣхъ остальныхъ французовъ, кромѣ этихъ двухъ категорій, можно было признавать капиталистами и собственниками.

Во всякомъ случаѣ слѣдуетъ признать, что число лицъ, владѣющихъ капиталами и болѣе или менѣе значительными доходами, постоянно возрастаетъ во всѣхъ обществахъ. Но относительно собственности земельной многія страны представляютъ изъятіе. Франція принадлежитъ къ числу странъ, въ которыхъ земельное владѣніе наиболѣе раздроблено. Число земельныхъ участковъ, платящихъ налогъ во Франціи, въ 1868 году было 14,317,065. Крупное землевладѣніе во Франціи (считая сюда имѣнія, платящія 500 фр. и болѣе налога) далеко не составляетъ и одного процента всей территоріи, а самый большой процентъ территоріи, именно около 26%, занимаетъ самое мелкое владѣніе (участки, платящіе налога 10—50 фр.). Извѣстно, что въ Великобританіи распредѣленіе земельной собственности совершенно противоположно.

Распредѣленіе капитала движимаго и доходовъ вообще, также гораздо равномѣрнѣе во Франціи, чѣмъ въ Англіи. Плательщиковъ подати съ движимости во Франціи теперь до 7 милліоновъ; неплательщиковъ же, какъ уже сказано, нѣсколько болѣе 3 милліоновъ. Между тѣмъ, какъ въ Соединенномъ Королевствѣ плательщиковъ подоходной подати — только около $2^3/_4$ милл., а освобожденныхъ отъ нея 11 милл. [1]).

Во Франціи (по цифрамъ 1835 года) распредѣленіе плательщиковъ [2]) подати съ движимыхъ цѣнностей было такое: все число плательщиковъ нѣсколько болѣе 6 милл.; платившихъ 400 фр. и свыше — всего 526; отъ 200 до 400 фр. — 2,726; отъ 120 до 200 фр. — 8,958; отъ 80 до 120 фр. — 18,694; отъ 40 до 80 фр. — 169,705 и т. д. Больше всего платящихъ отъ 3 до 10 фр. подати, именно около $3^1/_2$ милл.; платящихъ же менѣе 3 фр. уже на половину меньше, именно менѣе $1^1/_2$ милл. Нѣчто подобное мы видимъ въ Пруссіи; все число плательщи-

---

[1]) Не считая притомъ бѣдныхъ, содержимыхъ общинами; если число ихъ, около 1 милл., включить въ число неплательщиковъ, какъ мы сдѣлали это для Франціи, то неплательщиковъ въ Англіи будетъ 12 милл.

[2]) Собственно говоря, число оцѣнокъ, cotes mobilières.

ковъ подати съ доходовъ (Classensteuer) и въ Пруссіи немного болѣе 6 милл. (цифры здѣсь 1868 года); платящихъ выше 108 талеровъ—6,455; отъ 30 до 108 талеровъ — 66,438; отъ 12 до 24 тал. — 137,150, отъ 2 до 10 талер. — около $1^1/_2$ милл. Больше всѣхъ платящихъ $^1/_2$ талера подати, именно 4 милл.

Таблица англійской подоходной подати (income-tax), составленная Бэкстеромъ, показываетъ, во-первыхъ, колоссальность доходовъ въ Соединенномъ Королевствѣ, а во-вторыхъ, огромную неравномѣрность распредѣленія богатствъ. Подоходной подати подлежатъ только доходы свыше 100 фунтовъ. Доходъ въ 100 фунтовъ можетъ быть признанъ достаткомъ. И вотъ, въ Соединенномъ Королевствѣ $2^3/_4$ милліона достаточныхъ владѣютъ доходомъ въ сумму 489,474,000 фунтовъ, гораздо бо̀льшую, чѣмъ весь доходъ остальнаго, рабочаго населенія, и именно 11 милліоновъ, получающихъ только 324,645,000 фунтовъ доходу.

Приведемъ главныя цифры распредѣленія: имѣющихъ доходу болѣе 5 т. фунтовъ считается 8,500, и они одни владѣютъ болѣе чѣмъ 126 милл. фунтовъ доходу, т.-е. гораздо болѣе, чѣмъ *шестою* частію (около $6^1/_2$) *всей* суммы доходовъ страны, именно суммы не только обложенной податью, но включающей и заработки до 10 шиллинговъ въ недѣлю. Эта сумма доходовъ на 13 м. 720 тысячъ лицъ составляетъ 814,119,000. Вотъ изъ нея-то больше, чѣмъ шестою частію, и владѣютъ всего 8,500 лицъ.

Какъ ни неблагопріятно такое распредѣленіе, но тѣмъ не менѣе самый фактъ, что въ Соединенномъ Королевствѣ болѣе $2^3/_4$ милл. лицъ изъ 29-милліоннаго населенія имѣютъ доходы выше 100 фунтовъ въ годъ, то-есть, что̀ почти на 10 чел. одинъ — самъ по себѣ безспорно составляетъ важное пріобрѣтеніе новѣйшей исторіи: число достаточныхъ возрастаетъ и нигдѣ оно такъ не значительно, какъ именно въ Англіи, хотя, съ другой стороны, нигдѣ богатство не распредѣлено такъ неравномѣрно, какъ именно тамъ. Мы должны прибавить, что такъ какъ 11 милліоновъ рабочихъ въ Соединенномъ Королевствѣ получаютъ свыше 150 рублей доходу, то значитъ въ этой странѣ $13^3/_4$ милл. получаютъ несомнѣнно болѣе 150 рублей въ годъ [1]; а вѣдь эти $13^3/_4$ милл. имѣютъ семейства, стало быть представляютъ огромное большинство населенія. Средняя цифра дохода — 59,3 фунта, и 30% населенія имѣютъ доходъ выше этой средней, а 70% ниже.

[1]) Не въ средней цифрѣ, а какъ минимумъ для каждаго.

Заключая обзоръ государственныхъ и общественныхъ силъ западной Европы, какими онѣ представляются въ настоящее время, мы не имѣемъ надобности возражать той риторической публицистикѣ у насъ, которая развиваетъ на всѣ лады свою любимую тему о «гніеніи Запада». Современная европейская цивилизація не только достигла значительной высоты сравнительно съ недавнимъ прошлымъ, но что еще болѣе важно, эта цивилизація, если и заключаетъ въ себѣ недостатки и несовершенства, то въ свободномъ развитіи ея государственнаго и общественнаго организма всегда найдутся мѣры къ ихъ ослабленію и уврачеванію. Вотъ въ чемъ именно и состоитъ преимущество европейской цивилизаціи, а потому и для насъ важны не тѣ результаты, которыхъ западная Европа достигла, а тѣ пути и источники, откуда она черпаетъ свое благосостояніе и матеріальное, и нравственное. Мы должны желать себѣ не копированія внѣшнихъ формъ западной цивилизаціи, а усвоенія нашею государственною и общественною жизнью общеевропейскихъ началъ. Съ цѣлью уяснить эту истину,—доказательствъ она не требуетъ—мы и предприняли познакомить читателей съ фактическою стороною дѣла, затемненною у насъ риторикою и ложнымъ патріотизмомъ.

Л. П.

ОЧЕРКИ
ОБЩЕСТВЕННАГО ДВИЖЕНІЯ
ПРИ АЛЕКСАНДРѢ I.

Исторія понятій и вообще внутреннихъ процессовъ общественнаго развитія рѣдко укладывается въ такіе чисто внѣшніе періоды, какъ періоды царствованій; но въ настоящемъ случаѣ подобное опредѣленіе историческаго періода не было бы произвольно, и не служило бы только для внѣшняго удобства. Хотя въ общемъ историческомъ ходѣ русскаго образованія и общественной жизни этотъ періодъ не представляетъ никакихъ особенно замѣтныхъ измѣненій, потому что одни и тѣ же традиціонные принципы продолжали играть въ жизни господствующую роль, неограниченная опека государства продолжала тяготѣть надъ общественной мыслью, масса націи продолжала оставаться въ своемъ давнишнемъ пассивномъ застоѣ,—но въ частностяхъ развитія, въ томъ движеніи понятій, которое тѣмъ не менѣе совершалось въ образованномъ слоѣ общества и подготовляло новыя основанія общественной жизни въ будущемъ, этотъ періодъ представляетъ большую своеобразность характера и направленія. Эта своеобразность Александровскаго времени опредѣляется двумя главными обстоятельствами. Во-первыхъ, личностью самого императора, вліяніе которой, то возбуждающее, то ретроградное, многоразличнымъ образомъ вмѣшивалось въ ходъ общественныхъ понятій. Во-вторыхъ, въ царствованіе Александра, русская общественная жизнь стала въ особенно тѣсныя связи съ жизнью западно-европейской, и вліяніе европейскихъ идей, отличающее всю

новую русскую исторію, теперь особенно глубоко подѣйствовало на умы и въ первый разъ сообщило имъ политическія стремленія. Это была новая черта въ развитіи нашихъ общественныхъ понятій, возникновеніе которой принадлежитъ именно временамъ императора Александра.

Въ такихъ обществахъ, каково русское, личность правителя имѣетъ вообще несравненно больше значенія, чѣмъ то бываетъ въ обществахъ, владѣющихъ политической свободой и значительной степенью образованности. Въ самомъ дѣлѣ, въ обществахъ, гдѣ власть правителя не имѣетъ никакихъ границъ, его личные взгляды и даже капризы становятся могущественнымъ факторомъ всей жизни общественной и государственной: естественный ходъ развитія постоянно нарушается вмѣшательствами власти, иногда благотворными, иногда чрезвычайно вредными. Личность правителя пріобрѣтаетъ слѣдовательно особенную историческую важность. Но оцѣняя ее, нельзя забывать съ другой стороны, что она сама, при всей видимой независимости ея, не есть однако что-либо совершенно случайное. Напротивъ, если въ самыхъ самостоятельныхъ личностяхъ, какъ Петръ Великій, стоявшій съ своими планами почти одиноко, дѣйствовавшій съ чисто революціонными пріемами и наперекоръ огромной массѣ націи измѣнявшій всѣ привычныя формы общественной жизни, нельзя не видѣть глубокаго согласія съ основными потребностями націи и вѣка, то еще больше бываютъ связаны съ характеромъ времени люди обыкновенные. Они не господствуютъ надъ теченіемъ національной жизни, и напротивъ воспринимая впечатлѣнія общества, они сами очень часто становятся только тѣмъ, чѣмъ дѣлаетъ ихъ все окружающее, и при всей видимой возможности быть тѣмъ, чѣмъ они захотѣли бы быть, они подчиняются общему свойству времени, и въ борьбѣ общественныхъ элементовъ дѣлаются отголоскомъ того или другого направленія. Это въ особенности оказалось на Александрѣ. По мягкому личному характеру, по идеямъ, привитымъ воспитаніемъ, онъ сначала даже пугался того положенія абсолютнаго самодержца, которое ему принадлежало, и обнаруживалъ явную антипатію къ особеннымъ свойствамъ русской верховной власти; но жизнь сдѣлала свое, и среди всѣхъ своихъ либеральныхъ намѣреній, онъ окончилъ деспотизмомъ. Во всей его дѣятельности вообще, замѣчательнымъ образомъ отражались очень различныя, даже несовмѣстимыя внушенія и стремленія времени. Въ самомъ дѣлѣ, онъ представляетъ собой и либеральныя стремленія къ просвѣщенію и освобожденію общественной жизни, и онъ же представлялъ самую упрямую реакцію и при личной мягкости допу-

скалъ нестерпимый произволъ и угнетеніе; и притомъ онъ подчинялся этимъ различнымъ направленіямъ не только въ разные періоды своей жизни, — какъ случалось со многими правителями, которые бывали либеральны въ молодости, и становились реакціонерами подъ старость, — но нерѣдко въ одно и то же время онъ колебался между двумя различными настроеніями и дѣйствіями.

Эта черта сильно бросалась въ глаза современникамъ и позднѣйшимъ историкамъ Александра. Большею частію они не находили ей другого объясненія, кромѣ безсилія характера или двуличности; этимъ послѣднимъ особенно часто укоряли Александра, хотя едва ли было бы справедливо объяснять его колебанія и противорѣчія только отсутствіемъ доброй воли или сознательнымъ лицемѣріемъ. Характеръ Александра дѣйствительно отличался въ большой мѣрѣ двойственностью, нерѣшительностью, неувѣренностью, но значительная доля этой двойственности должна быть приписана и тѣмъ труднымъ положеніямъ, какія ставила ему самая жизнь. Одинъ изъ самыхъ умныхъ и самыхъ строгихъ его историковъ, Гервинусъ, признаетъ, что трудности этихъ положеній бывали таковы, что успѣшно преодолѣть ихъ было бы не подъ силу и человѣку съ гораздо бо̀льшимъ запасомъ нравственной энергіи. Обвиненіе въ чистомъ лицемѣріи трудно обратить противъ человѣка, который самъ страдалъ отъ предполагаемой имъ безъисходности противорѣчій, какъ это было несомнѣнно съ Александромъ. Окруженный трудными обстоятельствами, вызываемый рѣшать роковые вопросы, Александръ часто былъ не въ силахъ рѣшить въ самомъ себѣ борьбу враждебныхъ принциповъ и впадалъ въ ошибки, которыя потомъ мучительно его преслѣдовали: оттого, въ его внутренней исторіи были моменты истинно-трагическіе. Одушевленный въ началѣ наилучшими намѣреніями, онъ не въ состояніи былъ совладѣть съ обстоятельствами, которыя увлекали его на иную дорогу; онъ не отказывался отъ своихъ плановъ, но ни въ самомъ себѣ, ни въ жизни не находилъ средствъ для ихъ совершенія и поддавался заблужденіямъ, которыя приводили его къ самому печальному употребленію своей власти, къ поддержкѣ направленій и дѣйствій, самыхъ враждебныхъ общему благу, — однако не успокоивался на этой реакціонной политикѣ, и его внутреннія тревоги и сомнѣнія показываютъ въ немъ не безсердечнаго лицемѣра или тирана, какимъ его нерѣдко изображали, а человѣка заблуждавшагося, но способнаго вызвать къ себѣ сочувствіе, потому что во всякомъ случаѣ это былъ человѣкъ съ нравственными идеалами, которые были

выше обыкновенной рутины въ его сферѣ, и присутствіе которыхъ онъ не разъ доказывалъ своими дѣйствіями.

Поэтому личность императора Александра особенно тѣсно связывается съ исторіей его времени. Можно даже сказать, что онъ былъ однимъ изъ наиболѣе характеристическихъ представителей этого времени. Онъ самъ лично дѣлилъ самыя различныя настроенія этого времени, и то броженіе общественныхъ идей, которое начинало тогда проникать въ русскую жизнь, какъ будто отражалось въ немъ самомъ такимъ же нерѣшительнымъ броженіемъ, не покидавшимъ его, кажется, до послѣднихъ дней. Такъ, сперва онъ мечталъ о самыхъ широкихъ преобразованіяхъ, о какихъ только думали самые смѣлые умы тогдашняго русскаго общества; онъ былъ либераломъ, приверженцемъ конституціонныхъ учрежденій, самъ искалъ «оппозиціи»; въ другіе періоды, смущаясь передъ дѣйствительными трудностями и воображаемыми опасностями, онъ становился консерваторомъ, реакціонеромъ, піэтистомъ. Нѣтъ надобности, наконецъ, много говорить о томъ огромномъ значеніи, которое имѣлъ онъ какъ господствующая, центральная личность великихъ событій, совершавшихся въ Европѣ и въ Россіи и производившихъ потрясающее дѣйствіе на умы; внутри самой русской жизни, въ возрастаніи и борьбѣ общественныхъ понятій и направленій, его личность опять является могущественной силой, которая своей поддержкой давала перевѣсъ то однимъ, то другимъ элементамъ, и постоянно вмѣшивалась въ ихъ развитіе и ихъ взаимныя отношенія.

Таковы различныя обстоятельства, по которымъ личность императора Александра получаетъ свое характеристическое значеніе, а время его царствованія становится не однимъ только хронологическимъ періодомъ и въ исторіи общественныхъ понятій и умственнаго развитія русскаго общества.

Другая черта, по которой царствованіе Александра можетъ составить отдѣльный періодъ въ этой исторіи, заключается въ самомъ содержаніи понятій, проникавшихъ теперь въ умы. Результаты прежняго развитія и болѣе тѣсное, чѣмъ когда-нибудь прежде, соприкосновеніе съ жизнью европейскою, ея политическими и общественными интересами, произвели особенное броженіе общественныхъ идей какъ въ правительствѣ, такъ и въ средѣ самого общества, и вслѣдствіе различныхъ условій, соединившихся въ то время, это броженіе приняло направленіе политическое, которое до тѣхъ поръ оставалось обществу почти совершенно чуждо и неизвѣстно.

Дѣйствительно, этотъ наплывъ общественно-политическихъ идей въ царствованіе Александра представлялъ нѣчто совершенно

новое. Въ этомъ нетрудно убѣдиться, оглянувшись на предыдущую судьбу политическихъ понятій, дѣйствовавшихъ въ русскомъ обществѣ. Она была немногосложна. Новая Россія, основавшаяся при Петрѣ, вполнѣ и безусловно восприняла тотъ характеръ внутренняго устройства, какой образовался въ періодъ Московскаго царства. Этотъ характеръ извѣстенъ: нація потеряла свои политическія права или отказалась отъ нихъ въ пользу неограниченной верховной власти, которая казалась наилучшимъ средствомъ объединенія и для народной массы была вмѣстѣ защитой отъ боярской олигархіи. Старинные «соборы» еще въ московской Россіи потеряли всякое значеніе, кромѣ развѣ нѣкотораго совѣщательнаго значенія, и забылись очень скоро, когда власть нашла ненужнымъ больше собирать ихъ. Верховная власть Петра была власть готовая, наслѣдованная. Въ волненіяхъ, наполнявшихъ его царствованіе, дѣло шло нисколько не о политическихъ свойствахъ этой власти: причины волненій были — властолюбивые планы царевны Софьи, религіозный консерватизмъ старовѣрства и бытовой консерватизмъ приверженцевъ стараго порядка. Въ дѣятельности Петра его противникамъ была невыносима революціонная ломка этого стараго порядка, въ которой они боялись паденія самой націи, въ силу стараго изреченія: «которое царство начнетъ переставливати обычаи свои, и то царство недолго стоитъ». Приверженцамъ старины былъ ненавистенъ въ Петрѣ царь не довольно благочестивый, иногда совсѣмъ легкомысленный въ дѣлахъ вѣры, царь, унижавшій свое византійское достоинство всякой грубой работой, дружбой и гуляньемъ съ иноземцами и т. д.; они не имѣли ничего противъ самой власти, и имъ хотѣлось только прежняго царя въ византійско-азіатскомъ стилѣ XVI — XVII вѣка. Этотъ стиль исчезъ безвозвратно и вражда къ новымъ обычаямъ продолжалась; но въ этой глухой враждѣ ни при Петрѣ, ни послѣ не было и тѣни политическихъ элементовъ, а только тотъ-же бытовой и религіозный консерватизмъ, позднѣе усложнившійся новыми развитіями раскола. Вся масса оставалась, по прежнему, безгласной и безправной, въ чисто пассивномъ положеніи, которое продолжалось въ теченіе всего XVIII вѣка и перешло въ XIX. Единственныя движенія, которыми она заявляла свою оппозицію разнымъ тяжелымъ для нея порядкамъ, были крестьянскія возстанія, очень часто съ какимъ-нибудь самозванствомъ, представлявшимъ для массы единственный доступный для нея авторитетъ; этотъ авторитетъ имѣлъ для нея чрезвычайную убѣдительность, какъ единственная политическая идея, подъ которой народъ издавна соединялъ всѣ свои надежды и благія ожиданія. Но если

никакого движенія не представляла народная масса, то со временъ Петра начало создаваться подъ европейскими вліяніями новое общество, которое носило въ себѣ зародышъ будущей русской общественной жизни; развитіе общественной самодѣятельности и самостоятельности возможно было только въ немъ. Общественная мысль пробуждалась очень медленно; у Петра нашлось только немного помощниковъ, которые искренно и серьезно понимали дѣло реформы и видѣли въ немъ залогъ общественнаго блага, и новое общество, представителями котораго были тогда люди какъ Ѳеофанъ или Кантемиръ, было весьма немногочисленно. Въ мрачный періодъ отъ смерти Петра до Екатерины II, въ эти «сатурналіи деспотизма», по выраженію Карамзина, общество наравнѣ съ народомъ оставалось пассивнымъ зрителемъ придворныхъ переворотовъ, хотя уже въ это время являются сильные политическіе умы, какъ Волынскій, люди съ обширнымъ знаніемъ внутреннихъ отношеній Россіи, какъ Татищевъ, и наконецъ является и нѣкоторое броженіе политическихъ понятій въ самомъ обществѣ: въ той оппозиціи, которая при воцареніи Анны высказалась со стороны русскаго «шляхетства» противъ замысловъ олигархіи и которая закончилась полнымъ возстановленіемъ самодержавія, въ этой оппозиціи были однако и мысли объ ограниченіи монархическаго правленія. Одно время казалось, что онѣ могутъ даже осуществиться. Но затѣмъ продолжался опять тотъ-же порядокъ вещей; общество и народъ отличались тѣмъ-же пассивнымъ подчиненіемъ, которое, сравнительно съ XVII вѣкомъ, быть можетъ, даже усилилось. Это время, по преимуществу, было временемъ тайной канцеляріи, «слова и дѣла». Эта политическая инквизиція наслѣдована была еще отъ XVII вѣка; петровскій преображенскій приказъ былъ печальнымъ орудіемъ, которое Петръ считалъ необходимымъ для утвержденія своего дѣла: онъ не находилъ иного средства подавить враговъ реформы, которыхъ онъ видѣлъ много. Впослѣдствіи, эта причина существованія тайной канцеляріи, безъ сомнѣнія, значительно ослабѣла, потому что для продолженія самой реформы нельзя было бы предвидѣть никакой опасности; тѣмъ не менѣе, тайная канцелярія дѣйствовала съ прежней ревностью: къ старой традиціи прибавились теперь новыя побужденія; съ одной стороны была перенята рутина нѣмецкаго канцелярскаго деспотизма, съ другой—безпрестанные перевороты, борьба придворныхъ партій заставляли всюду видѣть опасность, и въ каждомъ невыгодномъ отзывѣ о дѣйствіяхъ правительства находить государственное преступленіе. Общество стало окончательно безгласно. Но, какъ ни убивало все это

общественные интересы, пониманіе и обсужденіе обществомъ его собственныхъ дѣлъ и потребностей, это время не пропадало однако даромъ для общественнаго развитія. Преемники Петра мало думали о достойномъ продолженіи реформы, и, до Екатерины II, даже не были къ этому способны, но тѣмъ не менѣе форма вошла уже въ жизнь такъ глубоко, что даже эти тяжкія времена не остановили ея развитія. Имя Петра сохраняло свой авторитетъ: дѣятельность Ломоносова и академіи наукъ, основаніе московскаго университета, первые опыты новой литературы свидѣтельствовали, что потребность образованія продолжала дѣйствовать и въ правительствѣ и пробуждалась въ обществѣ, что школьное образованіе покидало устарѣлую схоластическую колею и новыя понятія уже требовали себѣ того особеннаго органа, который представляетъ собою литература въ европейской формѣ и въ европейскомъ смыслѣ. Все это были впрочемъ только зачатки, когда наступило царствованіе Екатерины. Это царствованіе, отличавшееся такимъ шумомъ и блескомъ, было вполнѣ выраженіемъ того «просвѣщеннаго деспотизма», который и въ западной Европѣ нашелъ тогда представителей въ лицѣ многихъ просвѣщенныхъ государей и министровъ, и которымъ, незадолго передъ французской революціей, сама монархія свидѣтельствовала о необходимости преобразованій, какихъ требовало время, потому что онъ былъ въ сущности попыткой примиренія старой средневѣковой монархіи съ просвѣтительными идеями вѣка. Дѣятельность Екатерины въ этомъ смыслѣ также выполняла глубокую историческую потребность русскаго государства и общества; со временъ Петра это было почти первое дѣятельное стремленіе власти къ распространенію европейскаго просвѣщенія: присвоивъ себѣ исключительную иниціативу устройства общественныхъ интересовъ, власть тѣмъ самымъ конечно брала на себя дѣлать для этого все необходимое, и дѣятельность Екатерины вспоминала наконецъ объ этой задачѣ. Съ Петра Великаго судьба русскаго общественнаго образованія почти предоставлена была случаю, и власти предстояло сдѣлать въ этомъ отношеніи еще слишкомъ многое. Царствованіе Екатерины было осыпано панегириками современниковъ, и дѣйствительно, выгодно отличалось отъ предыдущихъ, какъ и отъ послѣдующаго царствованія, хотя далеко не исполнило того, что̀ могло бы исполнить, вовсе не отличалось послѣдовательностью, и несмотря на весь внѣшній блескъ и литературно-философскіе вкусы, не могло похвалиться безкорыстной заботой о просвѣщеніи. Екатерина въ началѣ самымъ ревностнымъ образомъ принимала и хотѣла примѣнять къ дѣлу просвѣтительныя идеи французской философіи, хотѣла даже

поручить д'Аламберу воспитаніе наслѣдника престола, и слѣдовательно обезпечить вліяніе французскихъ идей и на будущее время; впослѣдствіи воспитателемъ Александра она выбрала человѣка такихъ же понятій, философа и республиканца Лагарпа; Монтескьё, Мабли и Беккаріа доставили главное содержаніе ея «Наказа», и ея тогдашнее философское свободолюбіе внушило ей даже необыкновенное для самой тогдашней Европы учрежденіе знаменитой Коммиссіи объ уложеніи; дружеская переписка съ знаменитостями французской литературы и щедрое покровительство имъ доставили ей еще одно лишнее средство прославиться покровительствомъ наукамъ, философіи и свободѣ мнѣній. Нельзя отвергать, что это настроеніе императрицы отозвалось и въ русской общественной жизни благопріятными послѣдствіями: въ управленіи чувствовалось больше мягкости, чѣмъ когда-нибудь было видано въ послѣднія царствованія; Коммиссія, хотя и кончилась неудачно, указывала однако, что для общества могутъ быть серьезные интересы въ обсужденіи общественныхъ предметовъ; одновременно съ ея открытіемъ, въ литературѣ разбирался вопросъ о крѣпостномъ состояніи, на извѣстную тему Вольно-Экономическаго Общества; настроеніе императрицы и заявляемые ею взгляды подѣйствовали и на литературу, которая даже начала знакомить русскую публику съ европейскими идеями и начала свои критическіе опыты и наблюденія надъ русской жизнью. Люди болѣе образованные уже въ то время могли хорошо познакомиться теоретически съ новыми философскими общественными взглядами, и хотя тогдашнихъ «вольтеріянцевъ» обвиняютъ обыкновенно въ большомъ легкомысліи и непрочности ихъ скептицизма, но конечно не всѣ эти вольтеріанцы были легкомысленны, и ихъ скептицизмъ во всякомъ случаѣ указывалъ, хотя и не глубоко, на дѣйствительные недостатки общественной жизни и ея преданій. Въ то же время развивались и идеалистическія стремленія, исходившія тогда изъ двухъ главныхъ источниковъ: той же французской философіи, которая говорила о совершенствованіи общества, о благѣ человѣчества, о правахъ человѣка и т. д., и изъ франкмасонства. Правда, это новое общественное движеніе, начинавшееся въ русской жизни, представляется теперь еще слишкомъ ограниченнымъ, мало реальнымъ, даже ребяческимъ, но, принявъ въ соображеніе весь характеръ времени и нравовъ, господствовавшихъ въ большинствѣ, мы увидимъ, что оно все-таки составляло большой успѣхъ. Внѣшній блескъ царствованія, болѣе частыя сношенія съ европейскимъ міромъ, какъ и распространеніе французскихъ обычаевъ и литературы сильно способ-

ствовали измѣненію понятій, и въ обществѣ составился наконецъ довольно обширный слой людей, настолько образованныхъ, что европейскія идеи могли находить себѣ достаточно приготовленную почву. Иностраннымъ наблюдателямъ [1]) казалось, что русскіе по образованности и нравамъ какъ будто составляютъ двѣ различныя націи. Подразумѣвается, что одна изъ нихъ твердо хранила старые обычаи и старую неподвижность; другая представляла новые нравы и обычаи, и образованность въ европейскомъ духѣ. Это новое общество при Екатеринѣ значительно размножилось, отчасти подъ вліяніемъ ея просвѣтительныхъ плановъ, отчасти уже независимо отъ нихъ, или даже наперекоръ ея намѣреніямъ, по собственной силѣ начавшагося развитія. Дѣло въ томъ, что въ обществѣ стали высказываться извѣстныя понятія, которыя уже не отвѣчали ея желаніямъ: эти понятія не исчезали, не смотря на ея заявленное неудовольствіе, и наконецъ вызвали съ ея стороны преслѣдованіе, когда, подъ конецъ жизни, она была напугана французской революціей и вооружилась противъ тѣхъ самыхъ правилъ и идей, которыя прежде такъ поощряла. Просвѣщенный деспотизмъ Екатерины, къ сожалѣнію, не былъ такъ широкъ и искрененъ, какъ былъ напр. у Іосифа II или Фридриха, и уже въ самомъ началѣ Екатерина впадала въ противорѣчіе съ собой и отвергала свои же философскія идеи, какъ скоро онѣ переходили въ общество и обнаруживались въ немъ какими-нибудь ничтожными проявленіями самостоятельности. Едва-ли сомнительно, что нѣчто подобное произошло съ Коммиссіей объ уложеніи, которая осталась однимъ театральнымъ эффектомъ; несомнѣнно, что это произошло въ ея отношеніяхъ къ литературѣ, которая допускалась только до тѣхъ поръ, пока знала свое мѣсто, или къ масонскимъ ложамъ, которыя (еще до Новиковской исторіи) были непріятны Екатеринѣ тѣмъ, что имѣли притязаніе на общественную роль и на тайну, слѣдовательно извѣстную независимость, хотя Екатерина хорошо знала невинность или пустоту этой тайны. Въ ея литературной полемикѣ обнаруживались всегда не только мнѣнія писательницы, но и повелительный авторитетъ императрицы, такъ что споръ становился невозможенъ. Подъ конецъ царствованія нетерпимость перешла въ преслѣдованіе, мало согласное съ тѣмъ духомъ философской свободы, къ которому нѣкогда императрица показывала такое расположеніе. Радищевъ и Новиковское Дружеское Общество не представляли конечно никакой политической опасности, которою можно было

---

[1]) Mém. secr. 3, 356.

бы объяснить суровость ихъ осужденія. Одинъ былъ идеалистъ, воспитавшійся на отвлеченныхъ понятіяхъ о правахъ человѣчества, и въ его смѣлости поражаетъ простодушіе, съ которымъ онъ считалъ выраженіе своихъ мнѣній возможнымъ на русскомъ языкѣ въ тогдашнія времена. Всѣ помышленія Дружескаго Общества сводились къ піэтистической филантропіи и наивному исканію алхимическихъ таинствъ. Между тѣмъ, это были два наиболѣе рѣзкія проявленія общественныхъ стремленій во времена императрицы Екатерины. Основное ихъ содержаніе—нѣсколько отвлеченныхъ положеній тогдашней нравственной и политической философіи, и здравое пониманіе нѣкоторыхъ отдѣльныхъ золъ и недостатковъ общественнаго устройства, какъ крѣпостное право, продажный судъ и управленіе, невѣжество и т. п.,—опредѣляетъ и весь запасъ общественныхъ понятій, пріобрѣтенныхъ къ концу XVIII столѣтія. Общество несомнѣнно обнаруживаетъ признаки самодѣятельности и критическаго отношенія къ своей жизни; но эта критика всего чаще приписываетъ общественные недостатки нравственнымъ недостаткамъ и думаетъ помочь имъ, читая мораль для исправленія порочныхъ людей. Кажется только въ вопросѣ крѣпостного права сознана была необходимость измѣненія самаго учрежденія; въ другихъ случаяхъ общественная мысль не шла дальше поверхности дѣла, и за немногими отдѣльными исключеніями, политическая сторона вопроса оставалась ей совершенно чужда.

Времена императора Александра въ этомъ отношеніи уже рѣзко отличаются отъ временъ Екатерины. Въ обществѣ сначала слабо, но потомъ все сильнѣе и замѣтнѣе обнаруживается положительный интересъ къ его внутреннимъ дѣламъ; общественная мысль болѣе и болѣе сознательно вникаетъ въ нихъ и старается найти причины тѣхъ золъ, которыя уже давно чувствовались, но противъ которыхъ оказывалась безсильна сама неограниченная власть правительства, и наконецъ найти средства, которыя были-бы въ состояніи помочь наконецъ этому печальному положенію вещей. Въ этомъ исканіи общественная мысль въ первый разъ приходитъ къ нѣсколько ясной постановкѣ внутренняго политическаго вопроса.

Отыскивая начало этого новаго направленія, нельзя прежде всего не видѣть, что это было во всякомъ случаѣ не случайное возбужденіе или мода, а явленіе, естественно выросшее среди общества, имѣвшее свои внутреннія и внѣшнія причины и оставившее свои вліянія въ послѣдующей исторіи общества. Главнымъ образомъ, оно было слѣдствіемъ общаго увеличенія образованности, которое наконецъ приводило общество къ подоб-

нымъ вопросамъ и въ отдѣльныхъ личностяхъ дѣлало это сознаніе общественныхъ отношеній особенно живымъ и дѣйствительнымъ. Съ другой стороны, это направленіе прививалось отъ европейскаго движенія конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія. Тотъ умственный и общественный переворотъ, который изъ Франціи распространялся на всю Европу, коснулся своими послѣдними вліяніями и Россіи; въ образованной части общества этотъ переворотъ отразился значительнымъ умственнымъ движеніемъ, которое усилилось отъ непосредственныхъ встрѣчъ, дружескихъ и враждебныхъ, съ европейскимъ Западомъ. Въ русскомъ обществѣ является новый вопросъ, который обозначалъ для него первые признаки общественной зрѣлости: это былъ вопросъ объ его устройствѣ, причинахъ и послѣдствіяхъ этого устройства, и средствахъ къ его исправленію и усовершенію. Старыя традиціи въ первый разъ потеряли, для значительнаго круга образованныхъ людей, свою прежнюю обязательность; онѣ отвергались иногда не только лучшими людьми общества, но и самимъ императоромъ, такъ что ихъ несостоятельность становилась полупризнанной истиной; понятно, какимъ возбуждающимъ образомъ должно было дѣйствовать на умы подобное положеніе дѣла. Настояла необходимость искать для общественнаго устройства новыхъ началъ и новыхъ ручательствъ общаго блага.

Эти первыя стремленія общественной мысли, какъ мы сказали, и составляютъ отличительную черту Александровскаго періода нашего общественнаго развитія. Въ это время она въ первый разъ съ извѣстной силой направилась на предметы внутренней политики. На этой дорогѣ наше общество движется и до сихъ поръ: общественная мысль стала шире и яснѣе, просторъ ея больше, кругъ общества, въ которомъ она дѣйствуетъ, несравненно обширнѣе, но самые предметы, на которыхъ она останавливается, еще не были исчерпаны съ тѣхъ поръ, какъ они въ первый разъ указаны были во времена Александра. Многія реформы нынѣшняго царствованія, какъ напр. три основныя— освобожденіе крестьянъ, судебная реформа и извѣстное улучшеніе въ положеніи печати—были уже въ тѣ времена предметомъ разсужденій и горячихъ желаній; другія, болѣе широкія реформы, о которыхъ мечтали лучшіе люди тогдашняго общества, остаются вопросомъ и до сихъ поръ. Царствованіе Александра заключилось трагической развязкой, которая рѣзко отдѣлила пройденный путь развитія. Дѣйствительно, тайныя политическія общества и дѣло декабристовъ были естественнымъ результатомъ броженія идей въ Александровское время: съ этой развязкой прежнее поколѣ-

ніе, носившее эти идеи, сошло со сцены, и съ новымъ царствованіемъ наступилъ новый поворотъ въ исторіи понятій.

Указывая это развитіе *политической* мысли какъ отличительную черту общественнаго движенія въ царствованіе Александра, мы вовсе не преувеличиваемъ ея глубины и размѣровъ ея вліянія въ обществѣ. И то, и другое не было велико; политическая незрѣлость общества была такова, что въ первое время всего сильнѣе это направленіе заявлено было самимъ императоромъ и его ближайшими сотрудниками; само правительство питало болѣе смѣлые планы, чѣмъ кто-либо изъ передовыхъ людей тогдашняго общества; и впослѣдствіи, кругъ людей, въ средѣ которыхъ совершалось это движеніе, не былъ особенно обширенъ. Но движеніе осталось однако важнымъ историческимъ моментомъ въ нашемъ общественномъ развитіи. Извѣстныя идеи проникли въ русское общество и усвоились въ немъ; съ тѣхъ поръ онѣ получаютъ все больше ясности, обнимаютъ бóльшій кругъ общества, и единство мотивовъ, которыми занята была общественная мысль со временъ Александра, показываетъ, что уже и въ то время дѣло шло о дѣйствительныхъ потребностяхъ общества, неизбѣжно вытекавшихъ изъ его исторіи. Возвращаясь къ тѣмъ временамъ и вспоминая тогдашніе интересы, борьбу мнѣній, начинавшееся столкновеніе двухъ порядковъ жизни, стараго и новаго, мы найдемъ новое подтвержденіе законности тѣхъ современныхъ стремленій къ общественному преобразованію, которыя и до сихъ поръ остаются непонятны для большинства и на которыя съ такою щедростію бросаютъ свои клеветы ретроградные агитаторы.

Недостаточность существующихъ матеріаловъ конечно дѣлаетъ еще невозможной послѣдовательную исторію выбраннаго нами предмета; мы ограничимся нѣсколькими общими очерками и нѣсколькими указаніями на любопытныя явленія этой исторіи, до сихъ поръ мало находившія мѣста въ нашей литературѣ.

I. Воспитаніе и характеръ Александра.

Характеръ императора Александра вызывалъ самыя разнообразныя сужденія современниковъ и позднѣйшихъ историковъ; въ то время, какъ одни считали его человѣкомъ безъ сердца и принциповъ, хитрымъ до коварства деспотомъ, другіе — и въ томъ числѣ напримѣръ знаменитый Штейнъ, котораго нельзя было упрекнуть ни въ лицемѣріи, ни въ желаніи льстить—съ увѣ-

ренностью говорили о высокихъ качествахъ его характера, безкорыстіи и великодушіи, глубокомъ стремленіи ко благу человѣчества; когда одни признавали за нимъ только умъ самый обыкновенный, неспособный къ широкому взгляду, другіе видѣли въ немъ кромѣ рѣдкихъ достоинствъ сердца и умъ чрезвычайно обширный и проницательный.

Эти противорѣчія тѣмъ поразительнѣе, что такіе отзывы исходили не отъ однихъ враговъ или слѣпыхъ панегиристовъ, которые довольствуются голословнымъ осужденіемъ или похвалой, но и отъ людей, которые хотѣли высказывать безпристрастное мнѣніе и основывать его на фактахъ. Мы не беремся разъяснять вполнѣ характеръ, вызывавшій эти противорѣчія, потому что подробности исторіи Александра слишкомъ мало извѣстны теперь и для рѣшенія этого противорѣчія еще мало данныхъ; но его нельзя и обойти, потому что, дѣйствительно, обѣ стороны имѣютъ каждая долю правды; личность Александра и его дѣятельность въ самомъ дѣлѣ представляли столько несходныхъ качествъ и разнорѣчащихъ проявленій, что въ нихъ необходимо дать себѣ по возможности отчетъ, потому что онѣ слишкомъ часто оказывали свое вліяніе на движеніе понятій въ русскомъ обществѣ.

Этотъ характеръ дѣйствительно поражаетъ своими неровностями и противорѣчіями; непостоянство было основная его черта, и легко себѣ представить, что проявленія этого непостоянства въ серьезныхъ дѣлахъ и въ критическія минуты, когда извѣстное рѣшеніе получало чрезвычайную важность, могли производить самое тяжелое впечатлѣніе и возбуждать сильную антипатію, которая и производила указанные нами недружелюбные отзывы; но собирая различныя подробности біографіи Александра и вникая въ руководившія имъ побужденія, мы примиряемся съ его личностью, потому что въ источникѣ его недостатковъ находимъ не дурныя наклонности сердца, а недостатокъ воспитанія воли и недостатокъ пониманія отношеній, что въ глубинѣ побужденій Александра лежали самыя лучшія стремленія, которымъ не доставало только школы и благопріятныхъ условій. Александръ почти съ самаго рожденія поставленъ былъ въ очень сложныя и мудреныя отношенія, которыя рано раздвоили его сознаніе и его чувства; воспитаніе его кончилось въ такую пору, когда обыкновенно оно только-что начинаетъ свои первыя серьезныя заботы, когда наступаютъ первыя серьезныя занятія юноши и знакомство съ жизнью; въ эту пору Александръ былъ уже предоставленъ самому себѣ, и въ обстоятельствахъ, требовавшихъ большого нравственнаго усилія, которое было бы не легко и для человѣка, лучше приготов-

леннаго и болѣе опытнаго въ жизни. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что его воспитаніе при Екатеринѣ, жизнь и «служба» при Павлѣ уже создали всѣ задатки его характера, какъ онъ обнаруживается впослѣдствіи, и уже съ этихъ поръ надломили эту восторженную и благородную натуру.

Извѣстное стихотвореніе Державина «на рожденіе порфиророднаго отрока» множество разъ цитировалось какъ поэтическое предвидѣніе рѣдкихъ качествъ Александра, его душевной и физической красоты и его будущей славы. Муза Державина, которая любила пріятно польстить и прилгнуть, на этотъ разъ какъ будто захотѣла говорить правду, потому что въ самомъ дѣлѣ Александръ росъ чрезвычайно привлекательнымъ ребенкомъ и юношей. Таковы были общіе отзывы о немъ въ первую пору его молодости.

Но условія, въ которыхъ шло его развитіе, съ самаго начала не могли благопріятно дѣйствовать на образованіе характера. Прежде, чѣмъ онъ въ состояніи былъ сознавать окружающее, онъ поставленъ былъ въ очень странныя и фальшивыя отношенія въ самой семьѣ. Съ самаго рожденія Екатерина взяла его къ себѣ, какъ потомъ и другихъ дѣтей Павла, такъ что дѣти только изрѣдка и на самое короткое время могли бывать у родителей. Павелъ жилъ въ Гатчинѣ, и его отношенія съ Екатериной въ это время были крайне натянутыя и почти враждебныя. Утверждаютъ, что у нея былъ планъ устранить Павла отъ престола и сдѣлать Александра своимъ непосредственнымъ преемникомъ, и что только внезапная смерть помѣшала ей исполнить этотъ планъ [1]). Александръ могъ догадываться объ этихъ намѣреніяхъ, и во всякомъ случаѣ для него были очевидны недовѣріе и вражда, раздѣлявшія дворы петербургскій и гатчинскій, между которыми онъ самъ былъ поставленъ въ трудное, страдательное положеніе. Ни тамъ, ни здѣсь онъ не могъ быть вполнѣ искрененъ; ему вѣроятно очень трудно было и вообще съ кѣмъ-нибудь дѣлиться своими впечатлѣніями и размышленіями, и это очень рано сообщило ему такую сдержанность и скрытность, которыя казались удивительны въ его лѣта. Одинъ наблюдатель, близко видавшій Александра въ молодости и замѣчанія котораго относятся къ 1796 году, говоритъ о немъ: «Онъ наслѣдовалъ отъ Екатерины возвышенность чувствъ, вѣр-

---

[1]) См. разсказъ кн. С. М. Голицына о завѣщаніи Екатерины въ этомъ смыслѣ которое найдено было въ ея кабинетѣ и сожжено Александромъ. Фактъ передается здѣсь совершенно положительно. Р. Архивъ 1869, стр. 642 — 643. Mém. secr. I, 182 — 183.

ный и проницательный умъ и рѣдкую скромность; но его сдержанность, его осторожность таковы, какихъ не бываетъ въ его возрастѣ, и они были бы притворствомъ, еслибы не слѣдовало приписать ихъ скорѣе тому натянутому положенію, въ какомъ онъ находился между своимъ отцомъ и своей бабушкой, чѣмъ его сердцу, отъ природы искреннему и открытому» [1]).

При Павлѣ положеніе его стало еще затруднительнѣе. Извѣстно, какой подозрительностью и какими бурными капризами отличался этотъ императоръ; онъ наводилъ страхъ на все окружающее и на самое семейство вспышками своей раздражительности, не знавшими никакихъ предѣловъ. Павелъ подозрѣвалъ существованіе упомянутыхъ плановъ Екатерины, и его недовѣрчивость, которую онъ впрочемъ старался скрывать, обратилась на Александра. Говорятъ, что въ послѣдніе часы императрицы и въ слѣдующіе дни отецъ удерживалъ сына при себѣ съ изъявленіями нѣжности, походившими на подозрительность. Павелъ удалилъ его прежнихъ друзей, окружилъ его офицерами, на которыхъ считалъ возможнымъ вполнѣ положиться, далъ ему, вмѣсто прежняго, другой полкъ и т. д. Ихъ личныя отношенія мѣнялись различнымъ образомъ, но Александръ не могъ чувствовать себя свободно въ продолженіе царствованія, которое своими свойствами противорѣчило всѣмъ его тогдашнимъ понятіямъ. Принужденіе продолжалось въ еще болѣе тягостныхъ формахъ чѣмъ прежде, а еще больше было основаній для скрытности и недовѣрчивости. Конецъ царствованія Павла довелъ до послѣдней степени внутреннюю безпомощность и тревогу Александра. Онъ былъ свидѣтелемъ раздраженія, собиравшагося противъ императора, былъ не въ силахъ помочь кризису и самъ былъ увлеченъ имъ. Эти событія оставили навсегда свой слѣдъ на его характерѣ; мрачный жизненный опытъ еще больше усилилъ апатію, задатки которой были въ немъ уже издавна, и недовѣрчивость къ людямъ, которая къ сожалѣнію имѣла столько основаній въ обстоятельствахъ его жизни съ самой ранней его молодости.

Такова была въ общихъ чертахъ неблагопріятная обстановка, въ которой должно было совершаться нравственное развитіе Александра. Его врожденныя качества подвергались здѣсь трудному испытанію. Объ этихъ качествахъ всѣ существующія извѣстія говорятъ самымъ благопріятнымъ образомъ. Александръ обнаруживалъ живой умъ и прекрасныя нравственныя свойства. Сохранились, между прочимъ, записки одного изъ его воспитателей, писанныя въ 1789—94 годахъ, когда Александру было 12—17

---

[1]) Mém. secr. I, 270.

лѣтъ, замѣтки, писанныя авторомъ для себя и безпристрастныя [1]). Этотъ воспитатель, описывая характеръ Александра, съ восторгомъ говоритъ о его привлекательныхъ чертахъ, его справедливости, честности, правдивомъ сознаніи ошибокъ, его добромъ и мягкомъ нравѣ, снисходительности и пр.; онъ разсказываетъ различные случаи, гдѣ выказывались прекрасныя свойства его души; но въ тоже время онъ съ прискорбіемъ указываетъ его недостатки, и между ними указаны такіе, которые остались и потомъ въ характерѣ Александра. «Замѣчается въ его высочествѣ— пишетъ онъ въ апрѣлѣ 1792 — лишнее *самолюбіе*, а отъ того *упорство во мнѣніяхъ* своихъ, и что онъ во всемъ будто увѣритъ и переувѣритъ человѣка, какъ захочетъ. Изъ сего открывается нѣкоторая *хитрость*, ибо въ затмѣваніи истины и въ желаніи быть всегда правымъ, неминуемо нужно приступать къ подлогамъ». Фраза очень неясная, но описываемое свойство было повидимому то самое, которое стоило потомъ Александру столькихъ обвиненій въ двуличіи. Въ умѣ Александра несомнѣнно была черта извѣстнаго дипломатическаго лукавства, хотя она вовсе не была такой господствующей, какъ это нерѣдко представляютъ; какъ въ его юношескомъ характерѣ съ его лукавствомъ и хитростью соединялась и искренность, такъ и потомъ его характеръ никогда не терялъ вполнѣ своихъ лучшихъ прежнихъ свойствъ. Жизнь конечно сильно нарушила ихъ правильное развитіе, но и въ позднѣйшіе годы его недостатки были не столько лицемѣріе или макіавелизмъ, сколько нерѣшительность и отсутствіе твердой воли, происходившія въ значительной степени и отъ отсутствія ясности понятій въ предметахъ, въ которыхъ ему приходилось имѣть верховный рѣшающій голосъ. Прежде всего, на его умъ и характеръ наложило свой отпечатокъ воспитаніе.

Это воспитаніе было предметомъ большихъ заботъ Екатерины. Она составила извѣстныя наставленія, для руководства лицамъ, которымъ ввѣрено было это воспитаніе. Въ этихъ наставленіяхъ, какъ въ Наказѣ, она опять обратилась за теоретическими основаніями къ своимъ философскимъ авторитетамъ, и воспользовалась идеями Локка и Руссо. Поручивъ надзоръ за воспитаніемъ графу Н. И. Салтыкову, Екатерина выбрала главнаго наставника въ той европейской сферѣ, съ которой она такъ любила поддерживать сношенія. Швейцарецъ Лагарпъ былъ не только философъ въ смыслѣ французскаго просвѣщенія, но и настоящій, не теоретическій только республиканецъ; посредникомъ въ его

[1]) Р. Арх. 1866, стр. 94—111. Кто былъ этотъ воспитатель — неизвѣстно; но онъ былъ русскій.

приглашеніи былъ философскій агентъ и фактотумъ тогдашнихъ либеральныхъ дворовъ, Гриммъ, извѣстный авторъ «Корреспонденціи». Лагарпъ (онъ былъ при Александрѣ въ теченіи 1783 — 1795 г.) стоялъ, безъ сомнѣнія, выше всѣхъ наставниковъ Александра по уму, свѣдѣніямъ и характеру, и конечно оказалъ всего больше вліяніе на складъ понятій и направленіе Александра. Положеніе Лагарпа было очень трудно: это былъ человѣкъ убѣжденій, понявшій свою обязанность очень строго и не желавшій дѣлать уступокъ тѣмъ придворнымъ соображеніямъ, которыхъ, понятнымъ образомъ, представлялось очень много. Стараясь охранять Александра отъ вліяній придворной атмосферы и не скрывая своего образа мыслей, онъ конечно долженъ былъ тѣмъ самымъ дѣлать себѣ враговъ, которыхъ кромѣ того создавала и его политическая дѣятельность для своего отечества, продолжавшаяся и при дворѣ Екатерины. Эта вражда, шедшая отъ его швейцарскихъ непріятелей и русскихъ придворныхъ, мѣшала наконецъ и трудамъ его какъ воспитателя. Противъ него пущены были наконецъ политическія обвиненія, поводъ къ которымъ давала его дѣятельность по швейцарскимъ дѣламъ, хотя она и не была публичной; эти обвиненія были особенно опасны въ послѣдніе годы, когда французская революція въ своемъ террористическомъ фазисѣ навела страхъ на Екатерину. Императрица вообще была довольна Лагарпомъ и поддерживала его, и теперь, выслушавъ его объясненія противъ взведенныхъ на него обвиненій, оставила его при Александрѣ, но наконецъ, повидимому, поддалась также опасеніямъ; послѣ свадьбы великаго князя Лагарпъ оставался въ Петербургѣ не долго и былъ отпущенъ довольно холодно.

Несмотря на затруднительность этого положенія Лагарпа при дворѣ, особенно въ послѣдніе годы, когда Александъ именно былъ бы всего больше способенъ понимать его уроки, несмотря на то, что вліяніе Лагарпа, такимъ образомъ, дѣйствовало только въ очень ранніе годы его воспитанника, это вліяніе было очень сильно. Александръ чрезвычайно привязался къ своему воспитателю, потому конечно, что его уроки всего больше отвѣчали тѣмъ благороднымъ юношескимъ стремленіямъ, которыми Александръ былъ проникнутъ, и давали всего больше пищи его возвышеннымъ идеалистическимъ мечтаніямъ о свободѣ и счастіи людей. По вступленіи на престолъ онъ вызвалъ Лагарпа въ Петербургъ; во время наполеоновскихъ войнъ, онъ опять призывалъ его какъ стараго друга и дѣлился съ нимъ своими чувствами и своими политическими заботами.

Лагарпу принадлежитъ, безъ сомнѣнія, большая доля тѣхъ

отвлеченныхъ представленій Александра о человѣческомъ благѣ, о гражданской свободѣ, о равенствѣ людей, о справедливости, о гнусности деспотизма и рабства и т. д., которыя въ первое время Александръ высказывалъ съ такимъ одушевленіемъ и которыя даже впослѣдствіи, когда онъ былъ далеко не прежнимъ, никогда въ немъ не изглаживались совершенно. Этотъ идеализмъ могли поддерживать въ немъ и другіе его воспитатели, въ особенности извѣстный М. Н. Муравьевъ, обучавшій его русскому языку. Муравьевъ (отецъ извѣстныхъ декабристовъ Никиты и Александра Муравьевыхъ), извѣстный въ свое время писатель въ сантиментально-философскомъ родѣ, покровительствовавшій историческому предпріятію Карамзина, и по вступленіи Александра на престолъ назначенный попечителемъ московскаго университета, былъ человѣкъ умный и образованный, съ характеромъ, возбуждавшимъ большое уваженіе, и съ убѣжденіями въ духѣ французской философіи. Въ своихъ сочиненіяхъ онъ проповѣдовалъ любовь къ человѣчеству, необходимость господства закона, обуздывающаго деспотизмъ, и «свободу въ разбирательствѣ мнѣній», т.-е. свободу изслѣдованія; тѣ же идеи онъ старался внушать и своему воспитаннику: когда Александру было еще только 10—12 лѣтъ, Муравьевъ, занимаясь съ нимъ русскимъ языкомъ, читалъ съ нимъ собственныя идиллическія сочиненія и давалъ ему переводить «Эмиля» Руссо, Гиббона, Монтескьё (о вольности гражданской) и т. п. [1]).

Эти вліянія конечно сдерживались и ограничивались другими воспитателями, и прежде всего Н. И. Салтыковымъ. Его изо-

---

[1]) «Мих. Ник. Муравьевъ былъ примѣромъ всѣхъ добродѣтелей и послѣ Карамзина, въ прозѣ, лучшимъ у насъ писателемъ своего времени. Онъ вмѣстѣ съ Лагарпомъ находился при воспитаніи имп. Александра, платилъ дань своему вѣку и мечталъ о народной свободѣ: кроткую душу его возмущало слово тиранство. Свои правила передалъ онъ женѣ, и они сдѣлались наслѣдіемъ его семейства». Вигель, Зап. II, IV, 131—132. См. также Р. Арх. 1866, ст. 111—113. Приводя записки Вигеля, объ нихъ должно сдѣлать одну оговорку. Онѣ вообще представляютъ источникъ, къ которому въ нѣкоторыхъ случаяхъ можно обращаться только съ неохотой: до такой степени непріятенъ ихъ тонъ вездѣ, гдѣ рѣчь касается оцѣнки направленій и людей не того разряда, къ которому самъ авторъ принадлежалъ. Записки не современны описываемымъ событіемъ, и Вигель подложилъ подъ свой разсказъ позднѣйшій тонъ чиновническо-булгаринской благонамѣренности тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, и злобно относится ко всему, что не подходило подъ его мѣрку. Но онъ многое видѣлъ и слышалъ, въ разсказѣ много любопытныхъ подробностей и мѣткихъ наблюденій. Читая его, надо помнить, что онъ отличается особой аттенціей къ своимъ знакомымъ, дошедшимъ послѣ до важныхъ чиновъ, но что о людяхъ тогдашняго либеральнаго направленія имъ будетъ сказано все дурное, что можно только придумать сказать о нихъ. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ его желчныя выходки попадаютъ и въ настоящую цѣль.

бражаютъ человѣкомъ добрымъ и религіознымъ; по словамъ Грибовскаго, онъ «почитался человѣкомъ умнымъ и проницательнымъ, т.-е. весьма твердо зналъ *придворную науку,* но о дѣлахъ государственныхъ имѣлъ знаніе поверхностное,... раболѣпствовалъ случайнымъ и чуждался впадшимъ въ немилость»; затѣмъ управляла имъ жена, а въ дѣлахъ—письмоводитель. По словамъ Массона, который былъ въ числѣ учителей великаго князя, «главное занятіе Салтыкова при вел. князьяхъ состояло въ томъ, чтобы предохранять ихъ отъ сквозного вѣтра и отъ засоренія желудка». По всей вѣроятности, Салтыковъ, не имѣлъ никакого особеннаго вліянія на умственное развитіе своего воспитанника, но онъ все-таки не былъ лишнимъ человѣкомъ и Екатерина не даромъ поручила ему главный надзоръ. Какъ человѣкъ изучившій придворную науку, Салтыковъ былъ вѣрнѣйшимъ ея слугой, исполнялъ всѣ ея приказанія, слѣдилъ за всей внѣшней обстановкой своего воспитанника, а въ придворномъ смыслѣ неспособенъ былъ ни къ какому упущенію, которое было бы непріятно Екатеринѣ. Потомъ, онъ точно также пользовался милостью Павла. По всей вѣроятности онъ именно знакомилъ Александра съ придворной политикой, и въ этомъ смыслѣ противопоставлялъ идеалистическому воспитанію Лагарпа свои житейскія нравоученія: по крайней мѣрѣ Александръ уже очень рано пріобрѣлъ качества, помогавшія ему маскировать свои мысли и чувства. Остальной персоналъ преподавателей и гувернеровъ игралъ второстепенную роль.

Такимъ образомъ, Лагарпу надо приписать преобладающее вліяніе въ умственномъ воспитаніи Александра. Каково же было это вліяніе? Лагарпа цѣнили нѣсколько различно, по результатамъ его воспитанія. Одни говорили о немъ только съ похвалами, какъ образцѣ безкорыстной гражданской добродѣтели; другіе винили его, что, внушая Александру свою республиканскую философію, онъ забывалъ о русской жизни и дѣлалъ Александра мечтателемъ и космополитомъ. Оба мнѣнія нуждаются въ ближайшемъ опредѣленіи. Воспитательная дѣятельность Лагарпа представляетъ много сторонъ, заслуживающихъ полнаго уваженія; нѣтъ сомнѣнія, что его прямодушный, независимый характеръ, строгая выдержанность убѣжденій, нравственное достоинство оказывали на Александра самое благотворное дѣйствіе; Лагарпъ былъ человѣкъ, способный стать нравственнымъ авторитетомъ; но едва ли сомнительно также, что его философское воспитаніе содѣйствовало развитію мечтательности. Сколько можно судить по извѣстнымъ до сихъ поръ даннымъ, таково дѣйствительно было его воспитаніе, хотя неблагопріятныя послѣдствія

этого воспитанія вовсе не должны считаться только виной Лагарпа [1]).

До сихъ поръ, къ сожалѣнію, еще мало извѣстны подробности воспитательныхъ трудовъ Лагарпа. Въ первое время они впрочемъ и не представляютъ особеннаго интереса; о послѣднихъ годахъ мы имѣемъ нѣсколько любопытныхъ указаній. Къ тому времени, когда Лагарпъ могъ начать серьезные уроки и бесѣды съ своимъ воспитанникомъ, начать ему изложеніе общественныхъ и политическихъ предметовъ, французская революція напугала дворъ и общество и поставила Лагарпа въ то трудное положеніе при дворѣ, о которомъ мы упомянули; оно естественно должно было затруднить и самое преподаваніе, когда принципы, какіе онъ только могъ сообщать въ этомъ преподаваніи своему воспитаннику, впередъ уже были заподозрѣны. Французскія событія были предметомъ безпрестанныхъ разговоровъ, вызывали оживленные споры о принципахъ, и Лагарпу нельзя было избѣжать участія въ нихъ. «Когда приходилъ мой чередъ,—разсказываетъ онъ,—я откровенно высказывалъ свое мнѣніе, и если разговоръ происходилъ въ присутствіи великихъ князей, я старался *оправдать принципы* и приводилъ такіе примѣры изъ древней и новой исторіи, которые лучше всего могли бы подѣйствовать на ихъ чистый здравый смыслъ и молодыя сердца». На преподаваніи, это положеніе вещей отразилось такимъ образомъ:

«Вмѣсто того, говоритъ Лагарпъ, чтобы предлагать имъ обыкновенный курсъ естественнаго и человѣческаго права, я предположилъ себѣ подробно и вполнѣ свободно изложить великій вопросъ о происхожденіи обществъ. Это произведеніе было набросано, но нападки, направленные противъ меня, помѣшали мнѣ продолжать его, потому что одно время оно слыло даже за *якобинское*. Пришлось пріостановиться, что я и сдѣлалъ, принявшись читать съ своими учениками сочиненія, въ которыхъ вопросъ о *свободѣ человѣчества* былъ энергически защищаемъ людьми замѣчательными и притомъ умершими *прежде революціи*. Это удалось, и благодаря рѣчамъ Демосѳена, Плутарху, Тациту, исторіи Стюартовъ, Локку, Сидни, Мабли, Руссо, Гиббону, посмертнымъ запискамъ Дюкло, я могъ исполнить мою задачу, какъ человѣкъ, сознававшій свои обязательства передъ великимъ народомъ».

Такимъ образомъ, систематическое изложеніе было оставлено

---

[1]) См. о Лагарпѣ: Mémoires de Fréd. Cesar Laharpe etc. Paris et Genève 1864. Р. Арх. 1866, стр. 75—94; 1869, стр. 75 — 82. Mém. Secr. II, 159 — 163, 195. La Russie et les Russes, I, 431—442. См. также Русск. Старину, 1870, I, стр. 34—44.

и замѣнено объяснительнымъ чтеніемъ писателей; отсутствіе систематическаго объясненія Лагарпъ старался восполнить также историческимъ преподаваніемъ. Съ характеромъ послѣдняго знакомятъ насъ записки, которыя Лагарпъ составлялъ для своихъ историческихъ уроковъ Александру (эти записки хранятся въ публичной библіотекѣ въ Лозаннѣ). Курсъ исторіи былъ у Лагарпа курсомъ общественной и политической нравственности; описывая событія, онъ обыкновенно дѣлалъ ихъ темой для нравственныхъ разсужденій, которыя примѣнялъ къ особенному положенію своего воспитанника. Съ особеннымъ сочувствіемъ онъ говорилъ о греческой и римской исторіи, которая доставляла ему всего больше случаевъ развивать свои идеи о гражданской свободѣ. По тогдашнимъ понятіямъ, это былъ вѣроятно лучшій способъ историческаго преподаванія, и именно древняя исторія грековъ и римлянъ казалась наиболѣе благодарнымъ отдѣломъ предмета въ воспитательномъ отношеніи. Литературный классицизмъ былъ еще въ полной силѣ, и въ то время любили поучаться древностію; «Телемакъ» и «Путешествіе Анахарсиса» были популярнѣйшими книгами, Плутархъ неизбѣжнымъ спутникомъ раціональнаго воспитанія,—къ «добряку Плутарху» обращался въ трудныхъ случаяхъ своей петербургской жизни и Лагарпъ, и въ исторіи Катона, Брута, Демосѳена, Арата и т. д. онъ находилъ опору своему упадавшему мужеству. Словомъ, Лагарпъ употреблялъ педагогическій пріемъ, не представлявшій тогда ничего исключительнаго; и невозможно сказать, чтобы методъ самъ по себѣ представлялъ что-нибудь ошибочное. Если самъ Лагарпъ привязывалъ свой кодексъ морали къ идеаламъ древности и могъ почерпать въ нихъ нравственное возбужденіе, то это была вещь въ то время очень нерѣдкая, образчикъ тогдашнихъ вкусовъ и воспитательныхъ пріемовъ, которыми въ концѣ концовъ цѣль нравственнаго и политическаго воспитанія могла быть достигнута вполнѣ. Александръ дѣйствительно воспринялъ очень многое изъ этой школы; но тѣмъ не менѣе она не принесла ему всего, чего надо было желать, и осталась для него слишкомъ отвлеченна.

Въ самомъ дѣлѣ, для успѣха воспитанія нужно вообще, чтобы оно было доведено до конца и чтобы рядомъ съ идеализмомъ шло практическое знакомство съ жизнью и приготовленіе къ ея испытаніямъ. Примѣры Катона и Арата, чтеніе Плутарха и Тацита могли стать жизненнымъ руководствомъ развѣ для человѣка, который уже умѣлъ примѣнять отвлеченные идеалы гражданской добродѣтели къ практическимъ случаямъ и понимать ихъ требованія при различіи новыхъ обстоятельствъ и усло-

вій. Но для юноши, какимъ былъ Александръ, мало было познакомиться съ этими, хотя и возвышенными, идеалами. Воображеніе, переносясь въ эпоху Сципіоновъ и Катоновъ, витало, собственно говоря, въ фантастической сферѣ, изъ которой мысль не умѣла переходить къ настоящему; разстояніе между идеалами и дѣйствительной практикой жизни было очень велико, и Александру мало помогли понять должнымъ образомъ ихъ отношенія. Тоже надобно сказать и о тѣхъ общественныхъ теоріяхъ, которыя излагалъ ему Лагарпъ по Гиббону или Сидни, Мабли или Руссо. Это были, безъ сомнѣнія, въ высшей степени освѣжающіе элементы для понятій и нравовъ такой жизни, какова была русская жизнь прошлаго столѣтія; но чтобы воспринять дѣйствительно эти элементы и выразить въ жизни ихъ благотворный смыслъ, нужны были сильный умъ и твердая воля, воспитанная нравственными усиліями и опытомъ жизни. Иначе, весь этотъ запасъ нравственнаго идеальнаго богатства долженъ былъ или остаться совсѣмъ непроизводительнымъ, или по крайней мѣрѣ не принести всѣхъ благихъ результатовъ, какихъ отъ него можно было бы ожидать. Въ большой мѣрѣ это и случилось съ Александромъ.

Несправедливо однако обвинять въ этомъ только Лагарпа. Если, быть можетъ, и въ его воспитательномъ трудѣ была извѣстная неполнота и непослѣдовательность, то гораздо больше надо приписать недостатки и односторонности этого воспитанія обстоятельствамъ, противъ которыхъ Лагарпъ не могъ ничего сдѣлать. Прежде всего, Екатерина должна была видѣть впередъ, чтó могъ Александръ получить отъ наставленій республиканскаго философа, и Лагарпъ далъ дѣйствительно то, чего только можно было ждать и чего желала Екатерина; это — воспитаніе общей отвлеченной нравственности, и отвлеченной идеалистической любви къ свободѣ. Но сама Екатерина, отдавая дань этому вкусу времени, измѣняла ему, когда нужно было примѣнять его на дѣлѣ. Отвлеченныя идеи, которыя проповѣдовалъ Лагарпъ, въ большинствѣ случаевъ тѣ же самыя, какія принимала Екатерина, оставались для нея чистой теоріей, принимались какъ модная философія, какъ умственная роскошь, какъ украшеніе царствованія, но не считались обязательными на практикѣ. Такимъ образомъ непослѣдовательность была уже привычна. Такъ не казалось противорѣчіемъ этой либеральной философіи обращеніе многихъ тысячъ свободныхъ людей въ крѣпостныхъ или, напр., стѣсненіе мнѣній и литературы. По всей вѣроятности, Екатерина предполагала такую же непослѣдовательность жизни съ теоріями и для Александра. Кромѣ того, едва ли сомнительно, что во

многихъ случаевъ императрица, и вообще тогдашніе поклонники этой философіи въ русскомъ обществѣ, даже не замѣчали противорѣчій между этими своими теоретическими правилами и житейской практикой. Такъ авторъ «Антидота» вѣроятно очень искренно писалъ свои возраженія французскому путешественнику, въ которыхъ вообще доказывалъ процвѣтаніе Россіи, хотя многія изъ этихъ возраженій бросаются въ глаза своей преувеличенностью и несостоятельностью. Дѣйствительная жизнь народа въ этихъ сферахъ всегда бываетъ очень мало извѣстна, и исторія декорацій, устроенныхъ Потемкинымъ на пути императрицы въ Крымъ, даетъ достаточное понятіе о томъ, до какихъ размѣровъ можетъ доходить самообольщеніе. Люди тогдашняго общества вообще еще не привыкли сколько-нибудь последовательно понимать свои идеи, и отвлеченное вольтеріянство зачастую мирилось съ самыми грубыми преданіями и нравами старой Россіи. Если эти противорѣчія теоретическихъ понятій съ дѣйствіями были уже такимъ обыкновеннымъ дѣломъ, то понятно, что онѣ могли переходить и къ новому поколѣнію, выроставшему подъ этими вліяніями, какъ готовая привычка. Въ самомъ дѣлѣ, чувство дѣйствительности, развитіе котораго могло бы помѣшать этой привычкѣ, у Александра было также слабо, и недостатокъ его былъ потомъ для него причиной многихъ печальныхъ заблужденій.

Но отвлеченная свободолюбивая мораль, которую проповѣдовалъ Лагарпъ Александру, не оставалась безъ возраженій. Въ упомянутыхъ замѣткахъ одного изъ его воспитателей мы находимъ образчики подобныхъ возраженій. Въ 1791 году, когда Александру было около 14 лѣтъ, этотъ воспитатель внушалъ ему о вредѣ той безусловной терпимости исповѣданій, какая была тогда введена во Франціи (и которой Александръ, подъ вліяніемъ Лагарпа, повидимому сочувствовалъ), потому что «полное равенство вѣръ есть равнодушіе ко всѣмъ или неимѣніе никакой»; а напротивъ говорилъ ему о превосходствѣ того порядка вещей, какой принятъ въ этомъ отношеніи въ Россіи, гдѣ вѣротерпимость существуетъ только въ ограниченномъ видѣ, гдѣ есть «первенствующій законъ», гдѣ «государь есть глава церкви», гдѣ «никто изъ вѣры греко-россійской другой, не только языческой или магометанской, но ниже прочихъ исповѣданіевъ христіанской (вѣры), принять не можетъ, или по крайней мѣрѣ *не смѣетъ»* и т. д. Въ другой разъ, опять по поводу газетныхъ извѣстій о французскихъ дѣлахъ, зашла рѣчь о дворянскихъ привилегіяхъ. Александръ говорилъ, что «равенство между людьми хорошо, и что французскіе дворяне напрасно безпокоятся лише-

ніемъ сего достоинства, понеже-де оно въ одномъ названіи состоитъ, не принося впрочемъ никакой за собою ощутительной пользы». Воспитатель не оставилъ конечно этой мысли безъ опроверженія. «Я за долгъ и честь почелъ,—говоритъ онъ,—доказать его высочеству несправедливость его по сей матеріи мыслей, видя, что оныя ему вложены человѣкомъ, любящимъ народное правленіе, хотя впрочемъ съ честнѣйшими намѣреніями. Я опровергалъ сіе умствованіе тѣмъ, что форма всякаго монархическаго правленія неотмѣнно требуетъ въ преимуществахъ разности, и что гдѣ нѣтъ дворянства, тутъ и государя быть не можетъ (?): поелику права дворянина *по собственной пользѣ* обязываютъ быть предану болѣе другихъ къ государю, и многія другія сильныя доказательства; что во Франціи уничтоженіе духовной и дворянской власти *всѣ безпорядки навлекло*, и что власть духовная, основанная не на суевѣріи, но на просвѣщеніи, можетъ служить хорошимъ вождемъ государю, при надеждѣ его на корпусъ дворянскій; что въ Россіи благородное дворянство еще болѣе уваженія достойно, по причинѣ: 1-е, что есть многія фамиліи, отъ государей россійскихъ происшедшія; 2-е, что государи вступали часто въ союзъ посредствомъ браковъ со многими дворянскими родами; 3-е, что многіе роды изъ выѣзжихъ равномѣрно отъ владѣтельныхъ особъ начало свое ведутъ; и что по выѣздѣ заслугами знаменитыми заслужили къ себѣ уваженіе и пр.; а наконецъ, что нынѣ владѣющее въ Россіи колѣно государей происходитъ отъ одной дворянской фамиліи. Повершилъ тѣмъ, что во всѣ времена смутныя, и даже въ послѣднее Пугачевское, дворянство приверженность свою къ престолу запечатлѣло кровію, и что великая Екатерина въ правахъ, благородному дворянству пожалованныхъ, сіе засвидѣтельствовала».

По всей вѣроятности, въ такомъ же родѣ были и всѣ возраженія, которыя представляемы были Александру для опроверженія или умѣренія идей Лагарпа. То-есть, противъ отвлеченныхъ положеній естественнаго права или положеній фактически существующаго права конституціоннаго, выставлялись не раціональныя логическія опроверженія, или не возраженія, извлеченныя изъ историческихъ особенностей страны или изъ требованій ея настоящаго состоянія, которыя если и не могли опровергать этихъ положеній, то по крайней мѣрѣ дѣлали бы необходимымъ извѣстное ограниченіе этихъ положеній въ примѣненіи къ русской жизни,—но противъ нихъ выставлялось только голословное указаніе порядковъ, существующихъ въ Россіи, и превосходство которыхъ не доказывалось никакими убѣдительными аргументами. Тотъ фактъ, что изъ греко-россійскаго исповѣданія ни-

кто *не смѣетъ* перейти въ другое христіанское исповѣданіе, былъ конечно не особенно сильнымъ доводомъ противъ теоретическихъ доказательствъ въ пользу вѣротерпимости. Тотъ аргументъ, что дворянство *по собственной пользѣ* должно быть особенно предано государямъ, былъ по меньшей мѣрѣ очень неловкой защитой дворянскихъ привилегій, и, ничего не доказывая противъ мысли, что «равенство между людьми хорошо», могъ скорѣе пробудить антипатію къ учрежденію, смыслъ котораго объяснялся только такими себялюбивыми побужденіями. Если бы Лагарпъ слышалъ такое объясненіе, ему не трудно было бы воспользоваться имъ, какъ новымъ доказательствомъ противъ этого учрежденія. Тотъ аргументъ, что во Франціи уничтоженіе его навлекло всѣ безпорядки, былъ невѣренъ исторически; и намъ случалось указывать въ другомъ мѣстѣ, что въ то время даже въ русскомъ обществѣ были люди (напр. Лопухинъ), совершенно понимавшіе, что безпорядки были навлечены совсѣмъ не этимъ, а именно, между прочимъ, испорченностью и несправедливостями этого учрежденія во Франціи, которыя и были основаніемъ для его уничтоженія во время революціи. Аргументы, почему въ Россіи дворянство *еще болѣе* заслуживало почтенія, неудовлетворительны были тѣмъ, что тѣ же самыя преимущества (различныя связи дворянства съ владѣтельными родами, по древнему происхожденію или новому родству) дворянство имѣло почти вездѣ. Относительно правъ дворянства, пожалованіемъ которыхъ была засвидѣтельствована приверженность дворянства, то, какъ замѣтилъ уже издатель «Архива», эти права даны были едва только за шесть лѣтъ передъ тѣмъ: самая новость этихъ правъ ослабляла силу свидѣтельства, которое онѣ должны были собою представлять.

По этимъ примѣрамъ можно, кажется, вообще составить понятіе о томъ другомъ направленіи, которое противопоставлялось въ воспитаніи Александра вліяніямъ Лагарпа. Это направленіе состояло, повидимому, только въ восхваленіи русскаго status quo, безъ достаточныхъ логическихъ основаній, которыя могли бы установить въ умѣ Александра какое-нибудь положительное мнѣніе о предметѣ. Напротивъ, онъ вѣроятно оставался безпомощенъ между двумя противорѣчіями, и не находя въ своихъ свѣдѣніяхъ и въ собственной мысли, еще слишкомъ молодой въ то время, никакой опоры для ихъ разрѣшенія, колебался между ними, и наконецъ разрѣшалъ ихъ тѣми инстинктами, которые вообще бываютъ такъ сильны въ образованіи мнѣній юноши. Въ этихъ инстинктахъ благородныя, безкорыстныя стремленія всего чаще берутъ верхъ надъ всѣмъ узкимъ, эгоистическимъ, несправедли-

вымъ, и нѣтъ ничего удивительнаго, что Александръ, въ природѣ котораго было именно много такой инстинктивности, увлекался больше Лагарпомъ, чѣмъ его противниками [1]: самая личность Лагарпа выдѣлялась изъ обстановки Александра и производила на него сильное дѣйствіе, и въ его наставленіяхъ Александръ находилъ именно тѣ идеи о справедливости, о свободѣ, о правахъ человѣчества, къ какимъ влекли его юношескія стремленія.

Впрочемъ и самъ Лагарпъ вовсе не былъ какимъ-нибудь крайнимъ мечтателемъ. «Я всегда замѣчалъ, — говоритъ по этому поводу г. Н. Тургеневъ, — что республиканцы по рожденію, которыхъ я назвалъ бы республиканцами практическими, во многихъ отношеніяхъ отличаются отъ республиканцевъ по мнѣніямъ, которыхъ я назвалъ бы теоретическими республиканцами. Первые никогда не затрудняются формами, предписываемыми этикетомъ и придворной лестью, которыя такъ не нравятся вторымъ. Я часто замѣчалъ, что республиканцы по рожденію, поселяясь въ странѣ, находящейся подъ правленіемъ, діаметрально противоположнымъ образу правленія на ихъ родинѣ, прекрасно умѣютъ уживаться и благоденствовать подъ деспотическимъ правленіемъ; они даже очень легко мирятся съ рабствомъ, одна идея котораго возмущаетъ теоретическихъ республиканцевъ». Такимъ образомъ, въ капитальнѣйшемъ вопросѣ русскаго общественнаго устройства, вопросѣ крѣпостного права, Лагарпъ, при всѣхъ республиканскихъ убѣжденіяхъ своихъ, даже и впослѣдствіи, по воцареніи Александра, не высказывалъ никакого особеннаго либерализма, не говорилъ о необходимости освобожденія и даже не соглашался съ тѣми русскими прогрессистами, изъ числа приближенныхъ друзей Александра, которые настаивали на необходимости и на полной возможности освобожденія. Точно также, въ своихъ различныхъ запискахъ, которыя онъ представлялъ императору въ началѣ царствованія, Лагарпъ, по свидѣтельству г. Тургенева, не говорилъ ничего о прочныхъ и серьезныхъ учрежденіяхъ, ничего объ исправленіи самыхъ крупныхъ злоупотребленій и недостатковъ управленія, которые не могли бы не поражать самаго равнодушнаго наблюдателя. Изъ этого видно, что старинные и новѣйшіе консерваторы, которые жаловались, что императоръ по винѣ Лагарпа черезъ мѣру увлекался западнымъ вольнодумствомъ, могли бы значительно успокоиться: его республиканскій наставникъ на основныхъ практическихъ вопросахъ былъ такимъ осто-

[1]) Надобно замѣтить, что упомянутый нами воспитатель былъ изъ самыхъ мягкихъ противниковъ Лагарпа, признававшій за нимъ «честнѣйшія намѣренія».

рожнымъ либераломъ, какого только они могутъ желать. Замѣтимъ притомъ, что это не была какая-нибудь перемѣна мнѣній; потому что и много времени спустя Лагарпъ оставался прежнимъ республиканцемъ, и «въ 1814 году выражался также, какъ онъ долженъ былъ думать и говорить въ 1793».

Итакъ, образованіе нравственно-политическихъ понятій Александра, которыми онъ долженъ былъ руководиться какъ правитель, совершалось съ одной стороны подъ вліяніемъ республиканской философіи въ духѣ Contrat Social, а съ другой подъ вліяніемъ внушеній самаго тѣснаго консерватизма, которыя въ иныхъ случаяхъ шли и отъ того же Лагарпа. Къ этому надо присоединить, наконецъ, практическое вліяніе всей обстановки Александра, впечатлѣнія придворной жизни и правительственныхъ традицій, которыя онъ конечно уже очень рано могъ замѣчать и вольно или невольно усвоивать. Но во всемъ этомъ не было существеннаго элемента, который неизбѣжно необходимъ для правителя, желающаго дѣйствовать сознательно, и который однако бываетъ вообще чрезвычайно рѣдокъ въ этой сферѣ; — не было простого реальнаго знакомства съ жизнью общества и народа, съ ихъ истиннымъ характеромъ и потребностями: подлѣ Александра не было человѣка, который бы раскрылъ ему простыя, непосредственныя черты этой жизни, и онъ постоянно видѣлъ ее только черезъ призму своего идеальнаго свободолюбія, или только съ тѣхъ точекъ зрѣнія, какія создаются административными и придворными взглядами. Въ собственной природѣ Александра было много искренняго энтузіазма и благородныхъ влеченій, но за отсутствіемъ реальнаго воспитанія и знанія дѣйствительности они не развились въ прочные, логически усвоенные принципы, а остались на степени идеалистическихъ, сантиментальныхъ влеченій. Такія влеченія могутъ производить много прекрасныхъ намѣреній, но къ сожалѣнію всегда отличаются недостаткомъ устойчивости и послѣдовательнаго осуществленія на дѣлѣ.

Александру еще не было 15 лѣтъ, когда въ Петербургъ пріѣхали (31 октября 1792) баденскія принцессы, одна изъ которыхъ стала вскорѣ его невѣстой; въ концѣ этого года «позволено ему отъ ея величества носить обыкновенный галстухъ»; 10-го мая 1793 года было его обрученіе съ Елизаветой Алексѣевной, а 28-го сентября, когда ему еще не было 16 лѣтъ, отпразднована была его свадьба. Воспитаніе оканчивалось — въ такую пору, когда оно только-что должно было бы серьезнымъ образомъ начаться. Научныя занятія и въ прежнее время, кажется, мало привлекали Александра; воспитатель его не разъ жалуется на его «праздность, медленность и лѣнь», — теперь для

наукъ осталось еще меньше времени, да и охоты. «Къ сожалѣнію моему, — пишетъ воспитатель въ маѣ 1793 г., — А. П. отсталъ нечувствительно отъ всякаго рода упражненія, пребываніе его у невѣсты и забавы отвлекли его высочество отъ всякаго прочнаго умствованія — положеніе безполезное для будущаго времени, но извинительное по его лѣтамъ и обстоятельствамъ». Потомъ опять упоминаніе о праздности. Далѣе: «Въ теченіи октября и ноября мѣсяцевъ (1793 г) поведеніе А. П. не соотвѣтствовало моему ожиданію....» «Въ началѣ сего 1794 года до марта мѣсяца не было большой перемѣны въ умоположеніи его высочества, хотя и начались упражненія съ Делагарпомъ и прочими, но о россійскомъ ученіи совсѣмъ забыто». Делагарпъ тоже оставался недолго послѣ этого; въ 1795 году онъ выѣхалъ изъ Россіи. Съ тѣхъ поръ, какъ Александру данъ былъ особый дворъ, когда Лагарпъ оставилъ Петербургъ, обстановка Александра вообще измѣнилась, и кажется не къ лучшему [1]); при Павлѣ она стала даже стѣснительна: онъ долженъ былъ разстаться съ нѣсколькими ближайшими друзьями, съ которыми прежде онъ дѣлился своими мыслями и мечтами.

На чемъ стояли идеи и внутреннее настроеніе Александра въ концѣ его воспитанія, въ послѣдній годъ жизни Екатерины, объ этомъ есть любопытный разсказъ князя Адама Чарторыскаго. Вмѣстѣ съ своимъ братомъ, Чарторыскій жилъ тогда въ Петербургѣ, какъ бы въ качествѣ польскаго аманата; братья назначены были Екатериной состоять при великихъ князьяхъ, одинъ при Александрѣ, другой при Константинѣ.

Между Александромъ и состоявшимъ при немъ Адамомъ Чарторыскимъ вскорѣ уже начались тѣсныя дружескія отношенія, въ которыхъ Александръ высказывался тогда со всѣмъ увлеченіемъ и которыя въ Чарторыскомъ вызвали сочувствіе и преданность Александру, намъ кажется болѣе искреннюю, чѣмъ обыкновенно у насъ признаютъ. Эти отношенія могли завязаться тѣмъ легче, что Екатерина сама повидимому желала ихъ, когда назначала Чарторыскаго къ Александру. Разсказъ Чарторыскаго объ этихъ далекихъ временахъ носитъ слѣды такой искренности и такъ живо рисуетъ Александра въ ту эпоху (1796), что цитата изъ его воспоминаній будетъ вѣроятно любопытна для читателя [2]).

---

[1]) Mém. secr. I, стр. 183... «Il étoit le plus mal entouré et le plus désoeuvré des princes. Il passoit ses journées dans des tête-à-tête avec sa jeune épouse, avec ses valets, ou dans la société de sa grand' mère: il vivoit plus mollement et plus obscurement que l'héritier d'un sultan dans l'interieur des harems du sérail; ce genre de vie eût à la longue étouffé ses excellentes qualités».

[2]) См. Alexandre I et le prince Czartoryski. Paris 1865, стр. X—XXVIII.

Великій князь съ самаго начала оказывалъ вниманіе къ Чарторыскому, и выбравъ случай для интимнаго разговора, высказалъ ему симпатію, которую внушало ему положеніе братьевъ Чарторыскихъ при дворѣ, спокойствіе и покорность судьбѣ, какія они обнаруживали; говорилъ, что онъ угадывалъ и раздѣлялъ ихъ чувства, считалъ нужнымъ не скрыть отъ нихъ своихъ мнѣній, которыя не были похожи на мнѣнія императрицы и двора,—что онъ не раздѣляетъ ея политики, сожалѣетъ о Польшѣ, что Костюшко въ его глазахъ есть великій человѣкъ по своей добродѣтели и по справедливости дѣла, которое онъ защищалъ.

«Онъ признавался мнѣ,—продолжаетъ Чарторыскій,—что онъ ненавидитъ деспотизмъ вездѣ и какимъ бы образомъ онъ ни совершался; что онъ любитъ свободу и что она должна равно принадлежать всѣмъ людямъ; что онъ принималъ живѣйшій интересъ во французской революціи; что, хотя онъ и осуждалъ ея страшныя заблужденія, но желалъ успѣховъ республикѣ и радуется имъ. Онъ съ почтеніемъ говорилъ мнѣ о своемъ наставникѣ, г. Лагарпѣ, какъ о человѣкѣ высокой добродѣтели, съ истинной мудростью, строгими принципами, съ энергическимъ характеромъ. Ему онъ обязанъ всѣмъ, что̀ въ немъ есть хорошаго, всѣмъ, что̀ онъ знаетъ; въ особенности онъ обязанъ ему тѣми правилами добродѣтели и справедливости, носить которыя въ сердцѣ онъ считаетъ своимъ счастьемъ, и которыя внушены ему г. Лагарпомъ.

«Въ то время какъ мы (въ теченіе этого разговора) проходили садъ вдоль и поперегъ, мы нѣсколько разъ встрѣтились съ великой княгиней (Елизаветой Алексѣевной), которая также гуляла. Великій князь сказалъ мнѣ, что его жена посвящена въ его мысли, что она знаетъ и раздѣляетъ его чувства, но что кромѣ нея я былъ первый и единственный человѣкъ, съ которымъ онъ рѣшился говорить со времени отъѣзда его воспитателя; что онъ не можетъ довѣрить своихъ мыслей никому, безъ исключенія, потому что въ Россіи еще никто не способенъ раздѣлить или даже понять ихъ; что я долженъ видѣть, какъ пріятно ему будетъ имѣть кого-нибудь, съ кѣмъ онъ можетъ говорить искренно и съ полнымъ довѣріемъ.

«Этотъ разговоръ, какъ можно себѣ представить, пересыпанъ былъ дружескими изліяніями съ его стороны, и удивленіемъ, благодарностью и изъявленіями преданности съ моей... Признаюсь, я уходилъ отъ него внѣ себя, глубоко тронутый, не зная, былъ ли это сонъ или дѣйствительность...

«Я былъ тогда молодъ, исполненъ экзальтированными идеями и чувствами; вещи необыкновенныя не удивляли меня, я охотно

вѣрилъ въ то, что казалось мнѣ великимъ и добродѣтельнымъ. Я былъ охваченъ очарованіемъ, которое легко себѣ вообразить; въ словахъ и манерахъ этого молодого принца было столько чистосердечія, невинности, рѣшимости повидимому непоколебимой, столько забвенія самого себя и возвышенности души, что онъ показался мнѣ привилегированнымъ существомъ, которое послано на землю Провидѣніемъ для счастія человѣчества и моей родины; я почувствовалъ къ нему безграничную привязанность, и чувство, которое онъ внушилъ мнѣ въ эту первую минуту, сохранилось даже тогда, когда одна за другой исчезли иллюзіи, его породившія; оно устояло впослѣдствіи противъ всѣхъ толчковъ, какіе нанесъ ему самъ Александръ, и не угасало никогда, несмотря на столько причинъ и печальныхъ разочарованій, которыя могли бы его разрушить...

«Надо припомнить, что такъ-называемыя либеральныя мнѣнія были тогда распространены гораздо меньше чѣмъ теперь, что онѣ еще не проникли во всѣ классы общества и даже въ кабинеты государей, что, напротивъ, все, что походило на нихъ, изгонялось и проклиналось при дворахъ, въ салонахъ большей части европейскихъ столицъ, а особенно въ Россіи и въ Петербургѣ... Найти въ такое время принца, предназначеннаго царствовать надъ этой націей, имѣть громадное вліяніе въ Европѣ, съ мнѣніями такими рѣшительными, благородными, такъ противорѣчащими существующему порядку вещей, не было ли это событіемъ величайшаго и самаго счастливаго значенія?

«Если черезъ сорокъ лѣтъ разсматривать событія, совершившіяся послѣ этого разговора, то слишкомъ ясно видно, какъ мало отвѣчали они тому, что обѣщало себѣ наше воображеніе. Въ то время либеральныя идеи еще были окружены для насъ ореоломъ, который впослѣдствіи такъ поблѣднѣлъ; опыты ихъ на практикѣ еще не приводили къ жестокимъ разочарованіямъ, которыя слишкомъ часто повторялись. Французская республика, освободившись отъ террора, казалось шла непобѣдимо къ изумительной будущности процвѣтанія и славы».

Близость Чарторыскаго съ великимъ княземъ болѣе и болѣе возрастала.

«Эти отношенія,—продолжаетъ онъ,—не могли не внушать живѣйшаго интереса; это былъ родъ франкъ-масонства, котораго не была чужда и великая княгиня; интимность, образовавшаяся въ такихъ условіяхъ,.... порождала разговоры, которые оканчивались только съ сожалѣніемъ и которые мы всегда обѣщали возобновить. То, что, въ политическихъ мнѣніяхъ, показалось бы теперь избитымъ и полнымъ общими мѣстами, въ то время

было животрепещущей новостью; и тайна, которую надо было хранить, мысль, что это происходило на глазахъ двора, застарѣлаго въ предубѣжденіяхъ абсолютизма,... прибавляли еще интереса и завлекательности этимъ отношеніямъ, которыя становились все болѣе частыми и интимными».

Чарторыскій предполагалъ, конечно справедливо, что императрица не догадывалась о настоящихъ предметахъ ихъ разговоровъ; но сближеніе ихъ было пріятно ей по ея собственнымъ разсчетамъ, и ея одобреніе поставило Чарторыскихъ и ихъ отношенія къ великому князю (замѣтимъ, что в. кн. Константинъ, отличавшійся совсѣмъ инымъ характеромъ и нравами, чѣмъ Александръ, былъ чуждъ этимъ отношеніямъ и не былъ въ нихъ посвященъ своимъ братомъ) внѣ вліянія придворныхъ сужденій или интригъ. Свиданія ихъ стали особенно часты лѣтомъ, когда дворъ находился въ Царскомъ Селѣ. Они видѣлись безпрестанно, часто вмѣстѣ обѣдали или ужинали, вмѣстѣ гуляли.

«По утрамъ мы нерѣдко дѣлали прогулки пѣшкомъ, иногда на нѣсколько верстъ; великій князь любилъ гулять, обходить сосѣднія деревни, и тогда въ особенности предавался своимъ любимымъ разговорамъ. Онъ былъ подъ очарованіемъ едва начавшейся юности, которая создаетъ себѣ образы, отдается имъ не думая о невозможностяхъ и строитъ безчисленные проекты будущаго, которое кажется ей безконечнымъ.

«Его мнѣнія были мнѣнія юноши 1789 года, который хотѣлъ бы видѣть повсюду республики и считаетъ эту форму правленія единственной, сообразной съ желаніями и правами человѣчества. Хотя я самъ также былъ очень экзальтированъ, хотя родился и воспитался въ республикѣ, гдѣ съ жаромъ приняты были принципы французской революціи, но въ нашихъ бесѣдахъ я однако былъ разсудительнымъ человѣкомъ, умѣрявшимъ крайнія мнѣнія великаго князя [1]). Онъ утверждалъ между прочимъ, что наслѣдственность есть учрежденіе несправедливое и нелѣпое, что верховная власть должна быть ввѣряема не по случайности рожденія, а по подачѣ голосовъ націей, которая съумѣла бы выбрать наиболѣе способнаго управлять ею. Я представлялъ ему, что можно сказать противъ такого мнѣнія, трудность и случайности избирательства, что потерпѣла отъ этого Польша, и какъ мало Россія способна и мало приготовлена къ такому учрежденію. Я прибавлялъ, что на этотъ разъ по крайней мѣрѣ Россія ничего бы отъ этого не выиграла...»

---

[1]) Чарторыскому (1770—1861) было тогда двадцать шесть лѣтъ; онъ былъ семью годами старше Александра.

Они безпрестанно возвращались къ этимъ и подобнымъ предметамъ. Иногда разговоръ обращался на природу, красотами которой Александръ восторгался, несмотря на всю бѣдность этихъ красотъ въ окрестностяхъ Петербурга. Онъ восхищался цвѣткомъ, маленькимъ пейзажемъ, открывавшимся съ небольшого холма.

«Александръ любилъ поселянъ и ему нравилась грубая красота крестьянокъ; занятія, сельскіе труды, простая, спокойная и уединенная жизнь въ хорошенькомъ сельскомъ домикѣ, въ уединенной и красивой мѣстности—таковъ былъ романъ, который ему хотѣлось бы осуществить и къ которому онъ постоянно со вздохомъ возвращался.

«Я чувствовалъ, что это было не то, что̀ было ему нужно; что для такого высокаго назначенія и для совершенія счастливыхъ и великихъ перемѣнъ въ общественномъ порядкѣ вещей, надо было больше возвышенности, силы, ревности, увѣренности въ самомъ себѣ, чѣмъ можно было замѣтить въ великомъ князѣ; что на его мѣстѣ непозволительно было желаніе освободиться отъ громадной тяжести, ему предстоявшей, и вздыхать о лѣнивыхъ досугахъ спокойной жизни; что недостаточно было судить о трудности своего положенія и страшиться ея, но что нужно было бы воспламениться страстнымъ желаніемъ преодолѣть ихъ[1]).

«Такія разсужденія представлялись мнѣ только отъ времени до времени и даже тогда, когда я чувствовалъ ихъ справедливость, онѣ не уменьшали во мнѣ моего чувства удивленія и преданности къ великому князю. Его искренность, его прямота, легкость, съ какой онъ отдавался прекраснымъ иллюзіямъ, имѣли такую прелесть, противъ которой невозможно было устоять. Притомъ, онъ былъ еще молодъ и могъ пріобрѣсти то, чего ему недоставало; обстоятельства, необходимость могли развить въ немъ способности, которыя не имѣли времени и средствъ высказаться; но его взгляды, его намѣренія оставались драгоцѣнны какъ чистѣйшее золото, и хотя онъ сильно перемѣнился впо-

[1]) Эти замѣчанія, конечно, были очень справедливы. Странно поэтому читать, какой оборотъ даетъ этимъ словамъ г. Богдановичъ въ своей «Исторіи» (I, стр. 19). Упомянувъ объ идиллическихъ вкусахъ Александра, онъ замѣчаетъ: «князь Чарторижскій считалъ такое настроеніе духа несовмѣстнымъ съ высокимъ назначеніемъ Александра. И дѣйствительно, умѣренность великаго князя была непонятна польскому магнату, въ глазахъ котораго крестьяне были немногимъ выше безсловесныхъ тварей». Это послѣднее навязано здѣсь Чарторыскому совсѣмъ не кстати; онъ говоритъ только о крайностяхъ сантиментальности Александра, отвлекавшихъ его отъ серьезныхъ предметовъ и разслаблявшихъ его энергію. Дѣйствительно, эта сантиментальность заставляла Александра осуждать крѣпостное право и другія подобныя вещи, но не дала ему энергіи — уничтожить ихъ.

слѣдствіи, онъ сохранилъ однако до конца своихъ дней извѣстную долю вкусовъ и мнѣній своей молодости».

Чарторыскій говоритъ, что впослѣдствіи многіе упрекали его, что онъ слишкомъ полагался на обѣщанія Александра. Но онъ утверждаетъ, что мнѣнія Александра были искренни, и что у него самого не могло изгладиться впечатлѣніе ихъ прежнихъ отношеній.

«Когда Александръ, въ девятнадцать лѣтъ, говорилъ со мной, въ величайшей тайнѣ, съ откровенностью его облегчавшей, о своихъ мнѣніяхъ и чувствахъ, которыя онъ скрывалъ отъ всѣхъ, онъ дѣйствительно испытывалъ ихъ и имѣлъ потребность комунибудь ихъ довѣрить. Какой другой мотивъ онъ могъ тогда имѣть? кого онъ могъ бы хотѣть обманывать? Онъ безъ сомнѣнія слѣдовалъ влеченію своего сердца и довѣрялъ свои настоящія мысли».

Это и были безъ сомнѣнія его настоящія мысли. Всего искреннѣе онѣ были въ немъ въ это время и въ первую эпоху царствованія, когда Александръ былъ въ первой порѣ своихъ увлеченій и еще не видѣлъ, что онѣ не такъ легко осуществляются въ жизни. Онъ высказывалъ свои настоящія мысли такого рода и тогда, когда его либеральныя идеи уже начали сильно колебаться и его практическая дѣятельность переставала соотвѣтствовать имъ, и когда поэтому его стали обвинять въ двуличіи. Трудно было конечно и удерживаться отъ сомнѣній въ его правдивости, когда дѣла часто не отвѣчали намѣреніямъ и словамъ; но тѣмъ не менѣе въ его біографіи есть факты, свидѣтельствующіе, что въ его задушевныхъ мысляхъ еще въ послѣдніе годы, когда онъ слишкомъ измѣнился, сохранились порывы молодости, среди уступокъ реакціи еще дѣйствовали прежнія идеальныя стремленія, и эти противорѣчія, которыя такъ легко объясняютъ двуличіемъ, вѣрнѣе, кажется, объясняются тѣмъ отсутствіемъ воли и ясности самыхъ идей, которое не давало ему самому исхода изъ этихъ противорѣчій. Въ его мысляхъ шли рядомъ два разныя теченія, изъ которыхъ брало верхъ то одно, то другое, но ни одно не одолѣвало другого совершенно. Въ Александрѣ было, правда, съ самаго начала много скрытности и неискренности въ личныхъ отношеніяхъ, но съ либеральными влеченіями своими онъ не лицемѣрилъ, потому что онѣ дѣйствительно въ немъ были; противорѣчія, въ которыя онъ впадалъ вольно и невольно, были тяжелы для него самого, и его собственная внутренняя борьба и страданіе отъ этихъ противорѣчій доказываютъ, что онъ былъ только не въ силахъ быть послѣдовательнымъ.

Мы говорили выше, какъ самый ходъ воспитанія не далъ ему той ясности идей, которая бы дала его идеямъ логическую неизбѣжность твердаго убѣжденія. Съ тѣхъ поръ, какъ мы видимъ отсутствіе этой ясности и реальности его политическихъ понятій въ бесѣдахъ съ Чарторыскимъ, внѣшнія условія жизни Александра всего меньше способны были дать ему досугъ и поддержку для восполненія этого недостатка. Въ царствованіе Павла онъ долженъ былъ еще больше прежняго скрывать свои мысли: эта замкнутость усиливала сантиментальный идеализмъ, и увеличивала его недостатки самой невозможностью провѣрять его обмѣномъ мыслей и жизненнымъ опытомъ.

Если съ приведеннымъ сейчасъ эпизодомъ изъ тогдашней внутренней жизни Александра мы сравнимъ другой отзывъ о его характерѣ въ это время, отзывъ лица, также видѣвшаго его очень близко, мы встрѣтимъ тѣ же черты. Замѣчательное совпаденіе двухъ характеристикъ, совершенно одна отъ другой независимыхъ, можетъ свидѣтельствовать о томъ, что черты переданы вѣрно.

«Этотъ молодой принцъ, — говоритъ авторъ, писавшій еще въ царствованіе Павла, — чистотой своихъ нравственныхъ качествъ и своей физической красотой возбуждаетъ родъ изумленія. Въ немъ почти находили осуществленнымъ тотъ идеалъ, который восхищаетъ насъ въ Телемакѣ: но, хотя его мать отличается домашними добродѣтелями Пенелопы, онъ далеко не имѣетъ въ отцѣ Улисса, и въ воспитателѣ Ментора [1]). Его можно было бы упрекнуть и въ тѣхъ же недостаткахъ, какіе божественный Фенелонъ приписываетъ своему идеальному воспитаннику [2]): но это, быть можетъ, не столько даже недостатки, сколько отсутствіе нѣкоторыхъ качествъ, которыя еще не развились въ немъ, или которыя были подавлены въ его сердцѣ его обстановкой»... Мы приводили выше отзывъ о его чрезвычайной осторожности и скрытности. «Природа надѣлила его щедро самыми любезными качествами; и то обстоятельство, что онъ есть наслѣдникъ престола обширнѣйшей имперіи въ мірѣ, не должно дѣлать ихъ индифферентными для человѣчества. Быть можетъ, небо предназначаетъ его сдѣлать тридцать милліоновъ рабовъ болѣе свободными, и болѣе достойными свободы.

«Впрочемъ, онъ отличается счастливымъ, но пассивнымъ ха-

---

[1]) Здѣсь подразумѣвается конечно графъ Салтыковъ.

[2]) «Avec un coeur noble et porté au bien, il ne paraissait ni obligeant, ni sensible à l'amitié, ni libéral, ni reconnaissant des soins qu'on prenait pour lui; ni attentif à reconnaitre le mérite» etc. Télémaque, liv. XVI.

рактеромъ. У него нѣтъ смѣлости и увѣренности, чтобы найти достойнаго человѣка, всегда скромнаго и сдержаннаго: можно опасаться, чтобы имъ не овладѣлъ самый назойливый или самый безстыдный, который обыкновенно бываетъ и самый невѣжественный и самый злой. Слишкомъ поддаваясь чужимъ внушеніямъ, онъ недостаточно отдается внушеніямъ собственнаго ума и собственнаго сердца. Онъ какъ будто потерялъ желаніе учиться, когда потерялъ своихъ учителей и особенно полковника Лагарпа, своего перваго наставника, которому онъ обязанъ своими знаніями. Слишкомъ ранній бракъ могъ истощить его энергію; и, несмотря на его счастливыя свойства, ему грозитъ опасность сдѣлаться когда-нибудь добычей своихъ придворныхъ и даже своихъ слугъ» [1]).

Его будущее царствованіе возбуждало надежды, что наконецъ для России наступитъ время, когда, вмѣсто произвола, получитъ силу законъ и безправному народу дана будетъ разумная общественная свобода [2]). Эту надежду, безъ сомнѣнія, питало все общество въ тяжкіе годы послѣдняго царствованія: вступленіе Александра на престолъ дѣйствительно встрѣчено было съ энтузіазмомъ, какого до тѣхъ поръ не было видано.

Царствованіе Павла наложило на его характеръ новый слой, еще больше стѣснившій правильное развитіе его лучшихъ задатковъ. Съ одной стороны, Александръ долженъ былъ еще больше уходить въ самого себя, скрывать свои мысли и играть роль; съ другой — начались столкновенія съ дѣйствительною жизнью. Вступленіе Павла на престолъ измѣнило все теченіе придворной и городской жизни: вездѣ водворились военные гатчинскіе порядки, началась ломка того, что сдѣлано было Екатериной, удаленіе вліятельныхъ людей прежняго двора, появленіе новыхъ, и т. д. «Одну минуту дворецъ имѣлъ такой видъ, какъ будто онъ былъ взятъ чужеземцами, —разсказываетъ одинъ современникъ:—до такой степени войска, занявшія теперь караулы, не были похожи по своему тону и костюму на тѣ, которыя занимали ихъ наканунѣ». Тоже произошло отчасти и въ общественной жизни. Строгія мелочныя военныя формальности стали господствующимъ правиломъ, которому Александръ долженъ былъ подчиниться прежде всѣхъ. Это была новая школа, которую ему надо было проходить послѣ занятій съ Лагарпомъ и мечтаній съ Чарторыскимъ. Друзья его удалились или были удалены изъ Петербурга: Новосильцевъ прожилъ это время въ

[1]) Mém. Secr. I, 269—272.

[2]) Тамъ же, II, 23—24.

Лондонѣ, Чарторыскій назначенъ былъ посланникомъ при сардинскомъ королѣ, у котораго тогда не было королевства, и жилъ въ Италіи. Александръ получилъ нѣсколько военныхъ должностей, изъ которыхъ въ одной, въ должности петербургскаго военнаго генералъ-губернатора, онъ долженъ былъ дѣлить труды съ извѣстнымъ Архаровымъ, въ другихъ съ Аракчеевымъ—личностями, какъ извѣстно, мало склонными къ идеальностямъ. Извѣстно, какое смутное положеніе вещей переживало общество въ царствованіе Павла: Александру приходилось видѣть жизнь въ самомъ странномъ и уродливомъ видѣ, власть въ самыхъ непривлекательныхъ ея формахъ, подавлять въ себѣ и видѣть подавленнымъ въ другихъ всякое свободное выраженіе мысли и чувства. Павелъ хотѣлъ знакомить его съ дѣлами и ходомъ правленія, и кромѣ упомянутыхъ военныхъ должностей, Александръ долженъ былъ присутствовать въ совѣтѣ и сенатѣ, но правительственная опытность, которую онъ могъ пріобрѣтать при этомъ порядкѣ вещей, могла быть развѣ только отрицательная; подъ конецъ самъ Александръ долженъ былъ почувствовать себя не въ безопасности. При такомъ ходѣ вещей Александръ еще меньше, чѣмъ прежде, имѣлъ возможности спокойно изучать настоящее положеніе и потребности общества и народа, — ему видно было только тягостное давленіе правительства, но онъ не находилъ никакихъ намековъ на то, чѣмъ еще, кромѣ удаленія грубѣйшихъ золъ деспотизма, могутъ правильнымъ образомъ быть удовлетворяемы общественныя потребности. Онъ по прежнему долженъ былъ довольствоваться своими одинокими либеральными мечтами; Павелъ ненавидѣлъ все, что только имѣло какое-нибудь отношеніе къ «якобинству»; онъ не любилъ Лагарпа, котораго причислялъ къ тѣмъ же вреднымъ якобинцамъ, и Александру было бы очень неудобно чѣмъ-нибудь высказывать свой образъ мыслей; собственныя мысли и наставленія Павла были иногда такія, какихъ Александръ вѣроятно прежде никогда не слыхивалъ [1]. Понятно, что при этой необходимости скрывать самыя любимыя мысли и при недостаткѣ реальныхъ свѣдѣній, либеральное настроеніе Александра должно было еще больше получить тотъ характеръ неопредѣленной, не установившейся ни на чемъ прочномъ, сантиментальности, которая осталась потомъ навсегда недостаткомъ его политическихъ мнѣній. Александръ сильно тяготился своимъ положеніемъ. Въ одномъ письмѣ къ Лагарпу онъ жалуется на жизнь въ Петербургѣ, гдѣ, по словамъ его, «капралъ предпочитается человѣку образованному

---

[1]) Mém. secr. II, 169—170.

и полезному». До чего дошло это положеніе вещей къ концу царствованія Павла, извѣстно изъ различныхъ современныхъ записокъ, между прочимъ изъ напечатанныхъ недавно отрывковъ записокъ Саблукова.

Если вспомнить, что эта тягостная жизнь продолжалась около четырехъ съ половиной лѣтъ и обнимала лучшіе юношескіе годы Александра, и что ея безотрадныя впечатлѣнія падали на человѣка, мало приготовленнаго къ тяжелымъ опытамъ жизни, то кажется надо признать, что все это были обстоятельства, способныя испортить самый счастливый характеръ, и если потомъ Александръ нерѣдко непріятно поражалъ своими подозрительностью, недовѣрчивостью, двойственностью, то этому было, къ сожалѣнію, много причинъ въ его прошедшемъ. Съ другой стороны, все это время проходило безплодно для серьезнаго изученія; время уходило на вахтпарады и военныя упражненія, и они, кажется, наконецъ привили и самому Александру вкусъ къ милитаризму, котораго прежде у него не было замѣтно.

Съ такимъ прошедшимъ Александръ вступалъ на престолъ. Въ немъ уже съ самаго начала обнаруживались всѣ задатки позднѣйшаго царствованія. Онъ исполненъ лучшими намѣреніями и самыми возвышенными планами, но они остаются на степени сантиментальныхъ мечтаній, съ которыми онъ такъ сжился въ прежнее время, и медленный упорный трудъ, необходимый для выполненія этихъ предпріятій, пугаетъ его и онъ скоро охладѣваетъ къ вещамъ, которыми еще недавно увлекался. Едва начавши царствованіе, онъ уже утомляется имъ, и мечтаетъ о томъ времени, когда, осчастлививъ Россію, будетъ наслаждаться плодами своихъ трудовъ. Въ письмахъ къ Лагарпу, вскорѣ послѣ вступленія на престолъ, онъ говоритъ уже о томъ, что сдѣлавши Россію свободной и счастливой, его первой заботой будетъ отказаться отъ престола и поселиться въ уединеніи въ какомъ-нибудь уголкѣ Европы, наслаждаясь добромъ, сдѣланнымъ отечеству [1]). Его планы были самые широкіе; но какъ прежде ему не было случая и возможности серьезно обдумывать и практически выполнять что-нибудь изъ своихъ мечтаній, такъ и теперь исполненіе никогда не достигало широты плановъ; тотъ недостатокъ энергіи, твердой рѣшимости, упорнаго преслѣдованія идеи, недостатокъ, который прежде былъ необходимымъ условіемъ его жизни, остался его качествомъ и теперь, когда онъ былъ полнымъ господиномъ самого себя и всего окружающаго. Онъ хочетъ преобразовать коренныя государственныя

---

[1]) La Russie et les Russes, I, 433.

учрежденія Россіи, но то, что такъ ясно было въ его мечтахъ, становится темно и трудно на дѣлѣ; изъ задуманныхъ преобразованій выполняются только вещи менѣе важныя. Въ его мечтахъ господствуетъ великодушное стремленіе сдѣлать Россію свободной; но воспитаніе не дало ему ясныхъ теоретическихъ понятій о томъ, въ чемъ могла бы заключаться эта свобода, и онъ, только-что заявивъ свои либеральныя намѣренія, раздражался, когда видѣлъ какой-нибудь слабый проблескъ этой свободы, и напоминалъ о безусловности своего самодержавія тѣмъ, кто хотѣлъ полагаться на высказываемые имъ либеральные принципы.

«Я никогда не буду въ состояніи привыкнуть къ идеѣ царствовать деспотически», писалъ онъ тогда же Лагарпу, жалуясь на безграничность власти, которою онъ былъ облеченъ. Дальнѣйшая исторія доставляетъ не мало фактовъ, которые могли бы служить опроверженіемъ; но дѣйствительно, въ Александрѣ было больше слабости характера, доходившей до крайней степени, чѣмъ деспотизма. «Я убѣжденъ,—говоритъ безпристрастный современникъ,—что во многихъ случаяхъ полнота власти истинно стѣсняла Александра, хотя ему легко было бы освободиться отъ нея болѣе или менѣе, еслибы у него была на это твердая воля. Онъ не всегда умѣлъ быть самодержцемъ; онъ хотѣлъ иногда оставаться человѣкомъ. Часто у него не доставало мужества, если не власти, чтобы поступить деспотически, какъ бы онъ могъ, съ людьми, которые ему не нравились. Извѣстно, что онъ на самыхъ важныхъ постахъ, напр. на мѣстахъ министровъ, терпѣлъ людей, которыхъ вполнѣ презиралъ, но которые дѣлали видъ, что не понимаютъ его холодности и его презрѣнія. Но наконецъ приходилъ день, когда имъ волей-неволей приходилось оставлять мѣсто: тогда они начинали кричать о мнимой двуличности Александра, который продолжалъ сношенія съ ними еще наканунѣ ихъ немилости» [1]).

Но, какъ ни было велико непостоянство и неустойчивость его характера, были однако времена и случаи, когда онъ напротивъ обнаруживалъ замѣчательную твердость, удивлявшую даже строгихъ цѣнителей. Такую энергію онъ выказалъ главнымъ образомъ во время наполеоновскихъ войнъ, вообще эпоху наибольшаго развитія его нравственной силы. Александръ, обыкновенно нерѣшительный и перемѣнчивый, не находившій въ себѣ силы одолѣвать препятствія, въ это время удивлялъ своимъ твердымъ стремленіемъ къ разъ положенной цѣли, хотя событія шли да-

---

[1]) La Russie II, 206.

леко не всегда удачно, и ему приходилось выдерживать самыя трудныя положенія. «Императоръ Александръ—писалъ Штейнъ въ началѣ 1814 г. въ одномъ дружескомъ письмѣ—постоянно дѣйствуетъ блестящимъ и прекраснымъ образомъ: нельзя достаточно изумляться тому, до какой степени этотъ государь способенъ къ преданности дѣлу, къ самопожертвованію, къ одушевленію за все великое и благородное; пусть не удастся низости и пошлости задержать его полетъ и помѣшать Европѣ воспользоваться во всемъ объемѣ тѣмъ счастіемъ, какое предлагаетъ ей Провидѣніе [1])».

Штейнъ близко зналъ дѣятельность Александра за эти годы, и свидѣтельство его тѣмъ любопытнѣе, что его вообще не легко было увлечь. Это развитіе характера Александра объясняли тѣмъ, что его борьба съ Наполеономъ, рѣшеніе судьбы Европы представляли дѣятельность, завлекавшую его тщеславіе и честолюбіе; но несомнѣнно, что энергія Александра возбуждена была тѣмъ, что на этотъ разъ онъ былъ вполнѣ убѣжденъ въ своемъ предпріятіи, въ его необходимости и благотворности для человѣчества. Эта полнота убѣжденія и вызывала всѣ его нравственныя силы, и создавала твердыя рѣшенія и упорную дѣятельность, какихъ не было ни въ одномъ изъ его другихъ предпріятій. Къ этому присоединился еще новый возбуждающій элементъ, не дѣйствовавшій прежде,—элементъ религіозный. Въ первомъ періодѣ своего развитія, эта религіозность усиливала его преданность своей идеѣ, еще не переходя окончательно въ піэтистическій фатализмъ. Въ 1815 году, Александръ наравнѣ предавался и своему библейскому благочестію и либеральнымъ планамъ; потомъ эти послѣдніе уже исчезли.

Періодъ наполеоновскихъ войнъ повелъ за собою новыя черты во взглядахъ Александра. Воротившись въ Россію послѣ долговременнаго отсутствія, законченнаго блестящими тріумфами, онъ какъ будто охладѣлъ къ Россіи: европейская политика заслонила домашніе интересы, въ которыхъ онъ не находилъ удовлетворенія и въ которыхъ онъ долженъ былъ окончательно сознать себя безсильнымъ для какого-нибудь широкаго преобразованія. Апатическая лѣнь и безучастіе къ дѣламъ сдѣлали наконецъ то, что уже давно считалъ возможнымъ Массонъ: всемогущимъ человѣкомъ въ государствѣ сдѣлался Аракчеевъ. Всего больше вниманія оказывалъ Александръ только къ военнымъ дѣламъ, именно по связи ихъ съ европейской политикой: мысль создать огромную армію, которая бы обезпечивала вліяніе Россіи и спокойствіе

[1]) Pertz, Stein's Leben III, 541.

Европы, произвела одно изъ несчастнѣйшихъ созданій Александровскаго времени — военныя поселенія. То незнаніе дѣйствительности и народной жизни, которое Александръ получилъ отъ всего своего воспитанія и которое впрочемъ не было только его исключительнымъ недостаткомъ, никогда не дало ему понять всей зловредности и безчеловѣчности этого учрежденія, и тѣхъ неблагопріятныхъ мнѣній, какія ему приходилось слышать относительно поселеній. Недостатки управленія, множество злоупотребленій, грабежъ казны, продажность суда — все это вызывало въ немъ только желчное негодованіе, и никакихъ дѣйствительныхъ мѣръ къ ихъ искорененію. Эти мѣры могли быть только однѣ: распространеніе образованія и введеніе извѣстныхъ, болѣе совершенныхъ учрежденій, какъ освобожденіе крестьянъ, извѣстная свобода печати, гласный судъ и т. п., — мѣры, на которыя указывали уже въ то время лучшіе представители общественнаго мнѣнія.

Но для Александра это было невозможно. Въ началѣ царствованія онъ оказалъ незабвенныя услуги русскому образованію основаніемъ университетовъ и другихъ учебныхъ заведеній, но истинныя задачи и ходъ просвѣщенія были ему мало знакомы; піэтисты и обскуранты вопіяли тогда о ложномъ направленіи просвѣщенія, и Александръ, какъ очень часто люди его положенія, былъ, къ сожалѣнію, настолько некомпетентенъ въ этомъ дѣлѣ, что далъ напугать себя мнимыми опасностями отъ просвѣщенія, — которое было еще въ пеленкахъ. Конецъ царствованія ознаменовался полнымъ господствомъ самаго грубаго обскурантизма. Съ другой стороны была таже некомпетентность: либеральныя учрежденія занимали его издавна, но мечтально-идеалистическій характеръ его либерализма дѣлалъ то, что его привлекали только грандіозные планы, которыми онъ могъ за одинъ разъ облагодѣтельствовать Россію; онъ занимался планами полныхъ конституціонныхъ учрежденій — и опасался допустить то, что было возможно безъ всякой конституціи. Дѣло въ томъ, что вопросъ учрежденій не представлялъ ему ничего реальнаго и онъ затруднялся разсчитывать ихъ практическое дѣйствіе; самая жизнь, требовавшая преобразованій, также была ему мало знакома, такъ что съ одной стороны онъ не отличалъ въ ней существенныхъ явленій отъ частностей и мелочей, съ другой предполагалъ въ ней элементы, которыхъ въ ней не было. Такъ онъ мечталъ о возможности улучшенія жизни провозглашеніемъ началъ Священнаго Союза и механическимъ распространеніемъ библіи; или считалъ русское общество проникнутымъ революціонными идеями и карбонарствомъ. Вслѣдствіе этого, онъ былъ чрезвычайно наклоненъ

къ той реакціи, которая потомъ овладѣла имъ; онъ наклоненъ былъ пугаться, и реакціонеры отлично этимъ подъ конецъ воспользовались.

Мы говорили въ другомъ мѣстѣ о ходѣ его мнѣній въ этотъ реакціонный періодъ, и здѣсь замѣтимъ только, что, несмотря на то, что онъ принималъ вполнѣ программу реакціи и въ европейской и во внутренней политикѣ, несмотря на піэтизмъ, онъ лично во многомъ оставался вѣренъ своимъ прежнимъ лучшимъ наклонностямъ, обнаруживалъ нерѣдко благородную терпимость мнѣній и оказывалъ любезную внимательность къ людямъ, образъ мыслей которыхъ положительно зналъ за опасно либеральный [1]).

Въ эти времена Священнаго Союза въ Александрѣ въ особенности стали обнаруживаться черты, которыя стали возбуждать къ нему антипатію даже въ средѣ русскаго общества. Безучастный къ интересамъ, волновавшимъ мыслящую часть отечества, онъ желчно относился къ русской жизни, которая казалась ему бѣдна и некрасива при сравненіи съ жизнью европейской, и напротивъ предавался чужимъ интересамъ и строилъ планы, въ которыхъ не было ничего сочувственнаго для лучшихъ людей русскаго общества. Таковъ былъ самый планъ Священнаго Союза. Въ русскомъ обществѣ произвело непріятное впечатлѣніе, что Польша, страна, которую можно было считать завоеванною, получала конституцію, въ то время какъ Россія оставалась при своихъ старыхъ порядкахъ. Александръ дѣйствительно не одинъ разъ выражалъ предпочтеніе Польшѣ: онъ сочувствовалъ ей еще со временъ Костюшки и съ тѣхъ поръ положилъ себѣ устроить ея судьбу; Польша казалась ему частію Европы въ русскомъ владѣніи, и онъ задолго до вѣнскаго конгресса высказывалъ свои симпатіи къ ней такимъ способомъ, который огорчалъ русскихъ или даже приводилъ въ негодованіе. Подъ вліяніемъ такого чувства Карамзинъ написалъ свою извѣстную записку о Польшѣ. Впослѣдствіи, отношенія Александра къ Польшѣ производили раздраженіе и въ совершенно иномъ лагерѣ, чѣмъ карамзинскій,—между либеральными патріотами. Складывалось мнѣніе, что Александръ не любитъ Россіи; говорили, что онъ не любитъ русскаго языка и литературы, даже мало знаетъ ихъ, и т. п. Это послѣднее было, кажется, справедливо; первое объясняется достаточно различными вспышками желчнаго раздраженія отъ тѣхъ неустройствъ, которыя Александръ видѣлъ въ русской жизни и которымъ не умѣлъ помочь, а иногда вспышками мелочной досады, гдѣ онъ самъ бывалъ неправъ.

---

[1]) См. примѣры въ La Russie I, 168—170; 181—182.

Сужденія о характерѣ Александра въ либеральномъ кружкѣ становились поэтому чрезвычайно неблагопріятны. Вотъ, напр., образчикъ, отчасти указанный нами прежде, изъ записокъ Фарнгагена. «У Александра никогда не было сильнаго ума,—говорилъ одинъ русскій (въ 1822);—это умъ совершенно посредственный и любитъ только посредственность. Настоящій геній, умъ и талантъ пугаютъ его, и онъ только противъ воли и отворотясь употребляетъ ихъ въ крайнихъ случаяхъ. У него никогда не бываетъ ни минуты искренности и простоты, но всегда онъ на сторожѣ. Самыя существенныя свойства его — тщеславіе и хитрость или притворство; еслибы надѣть на него женское платье, онъ могъ бы представить тонкую женщину.... По-русски онъ не могъ бы вести никакого обстоятельнаго разговора [1]).

Къ такимъ недружелюбнымъ заключеніямъ приходили люди, разочарованные бездѣйствіемъ и слабостью Александра во внутреннемъ управленіи: имъ казалось, что причина состоитъ просто въ отсутствіи ума. Заключеніе было слишкомъ рѣзко; но дѣйствительно, умъ Александра былъ развитъ не вполнѣ правильно, только въ одну сторону. «Императоръ Александръ,—говорила г-жа Сталь, на которую онъ произвелъ сильное впечатлѣніе,—человѣкъ замѣчательнаго ума и свѣдѣній, и я не думаю, чтобы въ своей имперіи онъ могъ найти министра сильнѣе его во всемъ томъ, что нужно для обсужденія и направленія дѣлъ» [2]),—и такое впечатлѣніе онъ производилъ на многихъ. Это былъ умъ быстрый, проницательный, но не глубокій; всего сильнѣе онъ былъ именно въ дипломатіи, которою Александръ и любилъ заниматься; онъ обнаруживалъ въ этихъ случаяхъ много ловкости и изворотливости, но ему не доставало реальной глубины, необходимой для пониманія практическихъ отношеній жизни и ихъ организаціи. Оттого и во внутреннихъ дѣлахъ и во внѣшней политикѣ, когда выступали очевидно практическія послѣдствія принциповъ, онъ нерѣшительно колебался, будучи не въ состояніи выбрать какую-нибудь одну дорогу. Такъ было въ дѣлѣ библейскаго общества, въ польской конституціи, и во множествѣ другихъ подобныхъ случаевъ, но всего больше кажется въ греческомъ вопросѣ, гдѣ противорѣчіе принятой имъ противъ грековъ реакціонной политики съ очевидными требованіями справедливости и человѣколюбія, сдѣлалось для него предметомъ мучительной душевной тревоги. За грековъ положительно говорило все, что только онъ думалъ когда-то о человѣческихъ и народ-

---

[1]) Blätter II, 188.

[2]) Dix années d'exil. Brux. 1821, стр. 229.

ныхъ правахъ, и свободѣ; онъ не могъ въ глубинѣ души отвергать этихъ оснований, но его увѣряли, что эта несправедливость противъ грековъ нужна для утвержденія спасительнаго принципа и спокойствія Европы, и онъ оставался безпомощенъ между противорѣчіями и выносилъ даже униженіе Россіи, дѣлая наконецъ недостойныя уступки Турціи. Во всемъ этомъ несомнѣнно виновата была и поверхностность его теоретическихъ понятій: допуская принципъ вѣротерпимости въ библейскомъ дѣлѣ, онъ не предвидѣлъ, что она можетъ повести къ столкновенію съ традиціонною нетерпимостью, и отказался отъ принципа при первомъ такомъ столкновеніи; давая Польшѣ конституцію, онъ не допускалъ мысли, что конституція потребуетъ отъ него какой-нибудь уступчивости, и т. д. Онъ выслушивалъ всякія мнѣнія, и наконецъ сталъ убѣждаться даже выходками Фотія.

Эта неувѣренность въ собственныхъ принципахъ дѣлала его политическую дѣятельность, и внутреннюю и внѣшнюю, неровной, колеблющейся, противорѣчивой. Въ дипломатіи Александра вообще винили въ неискренности, непослѣдовательности, не полагались на его слова, не довѣряли обѣщаніямъ. По словамъ Наполеона это былъ «сѣверный Тальма», «византійскій грекъ». Шатобріанъ говорилъ объ Александрѣ, что «онъ искрененъ какъ человѣкъ, въ томъ, что относится до человѣчества, но противенъ какъ полу-грекъ въ томъ, что касается политики». Любопытную характеристику его въ этомъ отношеніи мы находимъ въ отзывѣ французскаго посланника въ Петербургѣ, виконта Ла-Ферроннé, человѣка вообще ему сочувствовавшаго: «Что съ каждымъ днемъ мнѣ становится все труднѣе понять и узнать, это — характеръ самого императора, пишетъ Ла-Ферроннé къ Шатобріану, въ маѣ 1823 г. [1]). Я не думаю, чтобы можно было лучше, чѣмъ онъ, говорить языкомъ откровенности и прямоты: разговоръ съ нимъ всегда оставляетъ благопріятное впечатлѣніе; вы уходите отъ него въ полномъ убѣжденіи, что этотъ государь соединяетъ съ прекрасными качествами истиннаго chevalier всѣ качества великаго монарха, человѣка съ глубокимъ умомъ и одареннаго величайшей энергіей. Онъ разсуждаетъ превосходно, аргументы его самые убѣдительные, онъ говоритъ съ краснорѣчіемъ и жаромъ человѣка убѣжденнаго. Но въ концѣ концовъ, опытъ, исторія его жизни и то, чтò я вижу каждодневно, предостерегаетъ васъ

---

[1]) Это письмо было напечатано Шатобріаномъ въ его книгѣ о Веронскомъ конгрессѣ, но при изданіи книги въ свѣтъ эти страницы были выпущены, вѣроятно по какому-нибудь русскому вмѣшательству. Письмо это приведено у Шницлера, Hist. intime, I, 62—63.

не слишкомъ довѣрять всему этому. Многочисленные примѣры слабости доказываютъ вамъ, что энергія, которую онъ выражаетъ въ своихъ словахъ, не всегда есть въ его характерѣ; но съ другой стороны, этотъ слабый характеръ можетъ вдругъ испытать припадки (accès) энергіи и раздраженія, и такого припадка можетъ быть достаточно, чтобы принять вдругъ самыя рѣзкія рѣшенія, послѣдствія которыхъ становятся неизчислимы... Онъ немного ревнуетъ насъ; онъ не можетъ помириться съ тѣмъ, что Парижъ все еще есть столица Европы, а Петербургъ остается только великолѣпной постройкой на болотѣ, которой никто не хочетъ навѣщать, и всѣ жители которой убѣгаютъ и удаляются изъ нея какъ только можно чаще. Наконецъ, императоръ до крайности недовѣрчивъ, — доказательство слабости; и эта слабость есть тѣмъ большее несчастье, что этотъ государь, въ полномъ смыслѣ слова (я такъ думаю, по крайней мѣрѣ), есть самый честный человѣкъ, какого я знаю; быть можетъ, онъ часто будетъ дѣлать зло, но онъ всегда будетъ желать дѣлать добро».

Въ послѣдніе годы Александръ болѣе и болѣе впадалъ въ мрачное настроеніе духа, не уничтожавшее впрочемъ его личной мягкости, и въ религіозность. Это настроеніе, отчасти происходившее отъ условій его организаціи, имѣло и различныя нравственныя причины: онъ сознавалъ неудачи своего царствованія, потому что до него доходили голоса недовольства, и онъ самъ видѣлъ много грубой безпорядочности и злоупотребленій, исходившихъ нерѣдко отъ тѣхъ самыхъ людей, которымъ онъ довѣрялъ разныя части управленія; онъ не могъ примирить реакціонныхъ требованій внѣшней политики, казавшихся ему неизбѣжными, съ общественнымъ мнѣніемъ и своими собственными незабытыми мечтами; его честолюбіе страдало, когда онъ сравнивалъ незавидное настоящее съ прошедшимъ, свою Россію съ Европой; иногда онъ боялся внутреннихъ опасностей, потому что Меттернихъ указывалъ ему революціонные происки въ самой Россіи; наконецъ, передъ нимъ вставали мрачныя воспоминанія начала царствованія, кажется никогда его не покидавшія [1]) и теперь еще болѣе. Онъ мало занимался дѣлами, предоставляя ихъ министрамъ, во главѣ которыхъ стоялъ Аракчеевъ; искалъ развлеченія въ безпрестанныхъ путешествіяхъ за границу или внутрь Россіи, и старался найти успокоеніе въ религіозности. Мы разсказывали въ другомъ мѣстѣ, въ какихъ крайнихъ и странныхъ формахъ выражалась это его настроеніе. Онъ не удовлетворялся извѣст-

---

[1]) Въ 1812 г. это замѣчалъ кн. Козловскій. Dorow, Fürst Kosloffsky. Leipz. 1846, стр. 8.

ной оффиціальной религіозностью, которая такъ часто соединяется съ совершенной сухостью сердца и себялюбіемъ и искалъ въ религіи глубокаго и примиряющаго содержанія: такъ онъ увлекался геррнгутерами, г-жей Крюднеръ, квакерами; онъ бесѣдовалъ даже и съ Фотіемъ, въ которомъ предполагалъ высокое благочестіе; но кажется гораздо больше предпочиталъ именно квакеровъ, чистая человѣколюбивая религіозность которыхъ была ему извѣстна и согласовалась съ его собственнымъ настроеніемъ. Но какъ ни удивительно читать описанія его молитвъ съ квакерами, какой упадокъ духа ни выражался въ его смиренномъ уничиженіи, нельзя не отдать ему печальной симпатіи,—потому что здѣсь опять, въ новомъ видѣ, высказывались мягкія любящія движенія, лежавшія въ глубинѣ этого характера.

Такъ различны были проявленія этого характера, то свѣтлыя и благотворныя, то мрачныя и тяжелыя для общественной жизни. Каковы бы ни были личные источники его двойственности, она не случайнымъ образомъ совпадала съ двойственнымъ характеромъ самаго времени, въ которое приходилось дѣйствовать Александру: въ Европѣ это время было наполнено борьбой принциповъ, выставленныхъ революціей, съ обратнымъ движеніемъ консервативныхъ элементовъ, борьбой, которая въ политическихъ и общественныхъ понятіяхъ захватывала самыя коренныя представленія стараго общества, нанесла рѣшительный ударъ старой монархической традиціи, и передѣлала систему европейскихъ государствъ; въ русской общественной жизни начиналась также, подъ сильнымъ вліяніемъ европейскихъ идей и подъ непосредственнымъ дѣйствіемъ совершавшихся событій, борьба двухъ разныхъ направленій,—стремленія усвоить русской жизни европейскія общественно-политическія идеи и учрежденія, и консервативнаго застоя, который съ своей стороны начинаетъ пользоваться понятіями и пріемами европейской ретроградной и обскурантной реакціи. Александръ не стоялъ выше своего времени, и въ его дѣятельности отразилось безпокойное броженіе и борьба этихъ элементовъ, европейскихъ и домашнихъ. Но мы больше оцѣнимъ нравственное достоинство Александра, если вспомнимъ, что современные ему монархи, и его союзники особенно, не задумываясь и съ полнымъ удовольствіемъ отдавались реакціи; что они не имѣли и такихъ сомнѣній какъ Александръ, и что наконецъ стать открыто на либеральную дорогу и выдержать ее было въ то время, въ положеніи Александра и въ тогдашнихъ обстоятельствахъ Европы, дѣломъ, на которое былъ бы способенъ только истинно геніальный умъ и великая смѣлость.

Въ подобномъ положеніи вещей трудно опредѣлять, на сколько

эта дѣятельность способствовала общественному развитію одними своими сторонами, и насколько мѣшала и препятствовала ему другими. Свести подобный счетъ конечно очень трудно, хотя по нашему мнѣнію онъ скорѣе въ пользу этой дѣятельности. По своему непосредственному отношенію къ общественной жизни, Александръ, при всѣхъ недостаткахъ, вообще представлялъ собой явленіе весьма необычное въ русскихъ нравахъ. Самодержавная власть и въ его рукахъ была иногда суровая и деспотическая, но вообще говоря, Александръ обнаруживалъ столько терпимости и человѣчности, столько искренняго желанія добра и справедливости, что возбуждалъ къ себѣ теплое чувство даже въ людяхъ, которые видѣли обманутыми свои надежды на его общественныя преобразованія. Нѣтъ сомнѣнія, что его личныя стремленія сильно способствовали самому возбужденію общественныхъ интересовъ. Но кромѣ этой инициативы, большое вліяніе имѣла его разумная терпимость мнѣній, — по крайней мѣрѣ въ его лучшій періодъ. Въ русскихъ нравахъ, эта терпимость была нѣчто новое; правда, Екатерина смягчила старинную суровость правительственныхъ нравовъ, и повидимому желала уничтожить старинную безгласность общества (отчасти вслѣдствіе естественнаго благоразумія, удалявшаго ненужную грубость и жестокость, отчасти вслѣдствіе философско-филантропической моды, отчасти эта мягкость ограничивалась вещами индифферентными), но Екатерина вовсе не отличалась терпимостью къ мнѣніямъ, даже въ литературныхъ мелочахъ противорѣчіе вызывало съ ея стороны неудовольствіе, которое было вѣроятно довольно страшно, потому что немедленно внушало молчаніе; у Александра, въ его лучшія времена, эта терпимость къ мнѣніямъ была внушаема искреннимъ желаніемъ безпристрастія, которому онъ нерѣдко подчинялъ даже свое личное раздраженіе; противорѣчіе его идеямъ и даже положительно вредный, по его мнѣнію, образъ мыслей онъ не хотѣлъ считать за оскорбленіе себя или за государственное преступленіе, какъ это бывало обыкновенно и прежде и послѣ. Таковы были его отношенія къ Парроту, Карамзину, Н. Тургеневу. Уничтоживши въ началѣ царствованія тайную экспедицію, онъ имѣлъ слабость допустить потомъ возобновленіе тайно-полицейскаго вѣдомства, но это вѣдомство никогда не имѣло при немъ такого значенія, какимъ обыкновенно пользуется; онъ не любилъ шпіонства, какъ говорятъ, оставлялъ безъ вниманія политическіе доносы, и дѣйствительно, не преслѣдовалъ тайныхъ обществъ, существованіе которыхъ было ему извѣстно, или, закрывши масонскія ложи, какъ вещь политически опасную, не думалъ дѣлать изъ нихъ предмета для инквизиціонныхъ розысковъ. Хотя и въ этомъ отношеніи Александръ

не былъ послѣдователенъ и было нѣсколько прискорбныхъ исключеній, но при всемъ томъ, общественная мысль въ его время имѣла возможность существовать: первые проблески ея развились при немъ на столько, что могли выдержать потомъ гнетъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, и положили начало тѣмъ стремленіямъ къ самостоятельной дѣятельности, въ которыхъ заключается единственное ручательство общественнаго блага.

Современникъ Александровской эпохи, разсказывая между прочимъ о множествѣ записокъ и мнѣній, которыя подавались Александру по разнымъ предметамъ частными лицами, замѣчаетъ: «Конечно, самодержецъ можетъ избавить себя отъ затрудненій, которыя необходимо долженъ былъ испытывать Александръ, видя себя осажденнымъ этой массой представленій, записокъ, мемуаровъ, и т. д., — онъ можетъ разъ навсегда запретить подавать ихъ ему. Но именно потому, что Александръ не сдѣлалъ этого; потому, что его сердце не позволяло ему оставаться совершенно недоступнымъ для тѣхъ желаній, которыя диктовало стремленіе къ общему благу; именно поэтому онъ заслужилъ почтеніе и уваженіе честныхъ людей. Это чувство и эта ревность къ общему благу, хотя и не были обильны полезными результатами, тѣмъ не менѣе сдѣлаютъ то, что имя его будетъ съ честью жить въ исторіи» [1]).

Тѣмъ болѣе, что это стремленіе къ общему благу въ значительной мѣрѣ было вызвано его собственнымъ примѣромъ и возбужденіемъ.

А. Пыпинъ.

---

[1]) La Russie I, 519.

ФРАНЦУЗСКОЕ ОБЩЕСТВО

въ

НОВОМЪ РОМАНѢ ҐУСТАВА ФЛОБЕРА.

L'éducation sentimentale.—Histoire d'un jeune homme, par *Gustave Flaubert*. 2 vol. Par. 1870.

X *).

Фредерикъ, отдыхая въ домѣ матери отъ треволненій парижской жизни, могъ свободно уединяться съ Луизою Рокъ: и отецъ ея поощрялъ эти свиданія, надѣясь назвать Фредерика своимъ зятемъ. Луиза полюбила его тою первою любовью, которая съ непорочностію соединяетъ въ себѣ силу страсти. Онъ былъ ея другомъ, братомъ, учителемъ, онъ занималъ ея умъ, заставлялъ биться ея сердце и возбуждалъ въ ней постоянное упоеніе. Съ своей стороны, Фредерикъ чувствовалъ себя любимымъ въ первый разъ въ жизни, и это новое удовольствіе чрезвычайно занимало его. Они часто гуляли въ саду, предаваясь безконечнымъ разговорамъ. Разъ она за что-то на него разсердилась и надула губки. Онъ ласково сталъ утѣшать ее и сказалъ, что любитъ ее сильно.—«Правда ли это?» вскрикнула она, смотря на него съ улыбкою, которая освѣтила все лицо ея, усѣянное кое-гдѣ веснушками. Не отступая передъ смѣлостію этого чувства, передъ свѣжестію молодости, онъ отвѣчалъ:—«За чѣмъ же мнѣ лгать?..

*) См. выше, янв. 272 стр.

неужели ты сомнѣваешься?» и онъ обнялъ лѣвою рукою станъ ея. Сладостный, нѣжный крикъ, какъ воркованіе голубки, вырвался изъ груди ея; голова ея опрокинулась, и она изнемогала, а онъ вдругъ почувствовалъ страхъ передъ этой дѣвственницей, которая отдавалась ему. Поддерживая ее рукою, онъ помогъ ей сдѣлать нѣсколько шаговъ, вдругъ замѣнивъ ласковыя рѣчи ничтожной болтовней о предметахъ постороннихъ. Она оттолкнула его, потомъ, зарыдавъ, опустила голову на грудь его: — «Развѣ могу я жить безъ тебя?» Онъ растерялся и кое-какъ старался ее успокоить. Она положила ему на плечи обѣ руки и, пристально устремивъ на него зеленые зрачки свои, сказала: «Хочешь быть моимъ мужемъ?» — «Но...», возразилъ Фредерикъ, ища какого-нибудь отвѣта: «Безъ сомнѣнія.... Ничего лучшаго я не желаю». Въ это время показалась шапка папаши, г. Рока.

Фредерикъ не прочь былъ отъ женитьбы на Луизѣ; онъ рисовалъ себѣ пріятныя минуты съ нею, въ Италіи, на Востокѣ, куда отправятся они путешествовать; его не мало соблазняло и состояніе Рока; но рѣшиться на бракъ ему казалось слабостію, униженіемъ, и не зная какъ выбраться изъ противорѣчій, осаждавшихъ его, онъ почелъ за лучшее уѣхать на нѣкоторое время въ Парижъ, чтобъ тамъ обо всемъ поразмыслить на свободѣ.

Между тѣмъ, въ то самое время, какъ Луиза такъ энергически заявляла свою любовь къ нему, г-жа Арну томилась сомнѣніями: любитъ ли она его или нѣтъ? Этотъ вопросъ настоятельно предсталъ передъ нею вслѣдствіе выходки Делорье, который, пользуясь довѣренностію, оставленною ему Фредерикомъ, явился къ г-жѣ Арну съ смутной надеждой получить или деньги, занятыя у Фредерика, или—любовь ея. Да, любовь. Делорье казалось это легкимъ: вѣдь сила воли во всякомъ предпріятіи разыгрываетъ главнѣйшую роль. А это предпріятіе соблазняло его тѣмъ болѣе, что свѣтскую женщину онъ воображалъ себѣ символомъ неизвѣданныхъ, чудесныхъ наслажденій. Правда, Фредедикъ можетъ разсердиться, но развѣ онъ хорошо велъ себя относительно его, Делорье? Кромѣ того, вѣдь онъ увѣрялъ его, что она не была его любовницей, стало быть онъ свободенъ дѣйствовать, какъ заблагоразсудится. И, надо отдать ему справедливость, онъ дѣйствовалъ рѣшительно: заговоривъ сначала о деньгахъ, онъ попробовалъ уколоть ея мужа, потомъ Фредерика, потомъ польстилъ ея матери, портретъ которой попалъ ему подъ руки и въ то время, какъ Арну разсматривала альбомъ, онъ такъ близко наклонился къ ея лицу, что она покраснѣла. Этотъ румянецъ ободрилъ его и онъ жадно впился губами въ ея руку. — «Что вы дѣлаете?» закричала она, вспыливъ и устремляя на него

гнѣвные черные глаза свои.—«Выслушайте меня. Я васъ люблю». Она разразилась рѣзкимъ, горькимъ, отчаяннымъ смѣхомъ. Гнѣвъ душилъ Делорье, но онъ сдержалъ себя и съ миной побѣжденнаго, просилъ прощенія:—«Вы ошибаетесь на мой счетъ», сказалъ онъ: «я не поступилъ бы такъ, какъ онъ....»—«О комъ вы говорите?»—«О Фредерикѣ». — «Э, я мало интересуюсь г-номъ Моро!»—«О, позвольте.... позвольте. Я думалъ, что вы интересуетесь его особою настолько достаточно, чтобъ узнать съ удовольствіемъ....» Она поблѣднѣла. Делорье продолжалъ: «Онъ женится». — «Онъ?» — «Да, черезъ мѣсяцъ», и онъ сказалъ на комъ. Она приложила руку къ сердцу, потомъ ухватилась за колокольчикъ. Делорье поспѣшилъ стушеваться. Она задыхалась отъ волненія и, отворивъ окно, вдыхала въ себя свѣжій воздухъ. «Онъ женится! Возможно ли это?» Нервная дрожь охватила ее. «Что со мною? Неужели я люблю его?... Да я люблю, люблю его!...»

Можно себѣ вообразить удовольствіе Фредерика, когда Делорье, скрывъ свое покушеніе на г-жу Арну, разсказалъ своему пріятелю смущеніе ея при извѣстіи о женитьбѣ его.—«А, другъ любезный, попался», сказалъ Делорье: «ну, разсказывай мнѣ все, разсказывай — вѣдь она любовница твоя?» Фредерика объяло страстное желаніе похвастаться, но онъ удержался, стараясь съ сіяющимъ лицомъ увѣрить пріятеля, что онъ ошибается, но эти увѣренія были такъ двусмысленны, что Делорье попросилъ разсказать «подробности»; Фредерикъ поборолъ въ себѣ желаніе изобрѣсть подробности. Мало этого: добродѣтель свою онъ простеръ до того, что не хотѣлъ идти къ Арну, хотя предлогъ былъ у него превосходный, именно Луиза просила его купить для нея двѣ статуэтки и притомъ у Арну, имя котораго она вычитала въ объявленіяхъ. Фредерикъ просто послалъ лакея купить статуэтки и приказалъ ихъ отправить на имя г. Рока.

Подвиги добродѣтели этимъ не ограничились. Разъ вечеромъ пришла къ нему m-lle Ватнацъ предложить билеты на бенефисъ Дельмара, съ которымъ она успѣла уже примириться. Разговоривая съ нимъ и осмотрѣвъ его квартиру, она хвалила его вкусъ и, замѣтивъ дверь въ глубинѣ алькова, сказала: «Такъ въ эту-то дверь выпускаете вы женщинъ?» и она дружески взяла его за подбородокъ. Онъ содрогнулся отъ прикосновенія длинныхъ, худыхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣжныхъ пальцевъ: ея нарядъ, запахъ пачули, блескъ ея глазъ, вся обстановка наконецъ такъ настроили Фредерика, что онъ почувствовалъ неодолимое желаніе обладать этою некрасивою женщиною и, однако, воздержался. Узнавъ отъ нея, что Розанетта теперь живетъ съ

богатымъ русскимъ княземъ Черну́ковымъ, имѣетъ три экипажа, верховую лошадь, ливрею, грума, дачу, ложу въ итальянской оперѣ и бездну другихъ вещей, онъ отправился къ ней. Его побуждала къ этому просьба самой Розанетты, которая писала ему въ Ножанъ: благодаря его за то, что онъ рисковалъ изъ-за нея жизнію — она убѣждена была, что причиной дуэли его съ Сизи была именно она—она просила у него взаймы 500 франковъ. Деньги эти совсѣмъ ей не были нужны, но этою просьбою она думала завлечь къ себѣ Фредерика и отблагодарить его.

Квартира ея была блестяща; въ передней встрѣтилъ его ливрейный лакей и пошелъ докладывать. «Барыня приказала просить васъ», сказалъ онъ, возвратившись, и провелъ его черезъ другую переднюю и большую гостинную въ какой-то будуаръ, полуосвѣщенный дневнымъ свѣтомъ, пробивавшимся сквозь опущенныя сторы. Онъ засмотрѣлся на роскошное убранство комнаты; вдругъ появилась Розанетта въ атласной розовой курткѣ, въ бѣлыхъ кашемировыхъ панталонахъ и красной шапочкѣ, обвитой вѣткой жасмина. Усадивъ его возлѣ себя на диванъ, она принялась благодарить его за мнимое заступничество за нее. Фредерикъ не пытался ее разувѣрять, но и не обнаруживалъ поползновеній на благодарность съ ея стороны, хотя Розанетта принимала обольстительныя позы. Эта воздержность, которую она сочла за необыкновенную деликатность чувствъ, даже растрогала ее и въ сердечномъ порывѣ она приглашала его ѣхать вмѣстѣ съ *нами* на воды.—«Съ кѣмъ это, съ *нами*?» спросилъ онъ.—Со мной и моей русской птичкой; я васъ выдамъ за кузена, какъ въ старыхъ комедіяхъ».—«Нѣтъ ужъ, благодарю покорно».—«Ну, въ такомъ случаѣ вы наймете квартиру возлѣ насъ». Мысль о томъ, чтобъ прятаться передъ богатымъ человѣкомъ, казалась ему унизительной: — «Нѣтъ, это невозможно». — «Какъ хотите», и она отвернулась, скрывая слезы, которыя блеснули въ ея глазахъ. Фредерикъ замѣтилъ ихъ и, желая утѣшить ее, сталъ говорить, что онъ счастливъ тѣмъ, что видитъ ее въ такомъ блестящемъ положеніи. Она пожала плечами. — «Что-жъ огорчаетъ васъ? Развѣ васъ не любятъ?» — «О, меня всегда любятъ.... вопросъ только о томъ, какимъ манеромъ любятъ». Затѣмъ, жалуясь на то, что она задыхается отъ жары, она скинула куртку и, оставшись въ одной шелковой рубашкѣ, положила прекрасную голову свою къ нему на плечо съ видомъ невольницы, исполненной вожделѣній. Но Фредерика такъ часто водила она за носъ, что онъ не воспользовался своимъ положеніемъ и, поболтавъ съ нею, ушелъ.

XI.

Дюсардье приглашалъ пріятелей на вечеринку: онъ желалъ отпраздновать освобожденіе Сенекаля, котораго освободили, не предавая суду, за недостаткомъ уликъ. Кромѣ Делорье, Сенекаля, Фредерика и Гюсонэ, Дюсардье пригласилъ еще одного фармацевта, архитектора и двухъ приказчиковъ. Режамбаръ не могъ придти, и объ этомъ всѣ пожалѣли. Фредерика встрѣтила собравшаяся компанія съ радушіемъ, исключая Сенекаля, который подалъ ему руку съ холоднымъ достоинствомъ. Онъ стоялъ прислонившись у камина; другіе, сидя съ трубками въ зубахъ, слушали его рѣчи о всеобщей подачѣ голосовъ, которая должна служить торжеству демократіи, о приложеніи началъ Евангелія. Изъ рѣчей его вытекало, что «минута» приближается; реформистскіе банкеты умножаются въ провинціяхъ; Пьемонтъ, Неаполь, Тоскана...

— «Правда», прервалъ его Делорье, «минута» приближается. Мы пожертвовали Голландіей, чтобъ получить отъ Англіи признаніе Луи-Филиппа, а этотъ пресловутый союзъ съ Англіей пропалъ даромъ, благодаря испанскимъ бракамъ. Въ Швейцаріи Гизо поддерживаетъ трактаты 1815 года. Пруссія приготовляетъ намъ затрудненія съ своимъ Таможеннымъ Союзомъ; восточный вопросъ остается неразрѣшеннымъ. А что касается внутренней политики, то такого ослѣпленія и такой дури еще никогда не было.»

Власть сдѣлалась предметомъ энергическихъ нападокъ, частію основательныхъ, частію нѣтъ. Фармацевтъ жаловался на печальное положеніе флота; одинъ изъ приказчиковъ не могъ выносить двухъ часовыхъ у маршала Сульта; Делорье обвинялъ правительство за то, что оно допустило іезуитовъ въ Лилль; Сенекаль поражалъ Кузена за его эклектическую философію, которая, развивая эгоизмъ, разрушала солидарность; другой приказчикъ, мало понимавшій въ этихъ важныхъ матеріяхъ, замѣтилъ, что королевскіе вагоны на сѣверной желѣзной дорогѣ стоютъ восемьдесятъ тысячъ франковъ: «Кто ихъ заплатитъ?» спросилъ онъ.

— «Кто ихъ заплатитъ?» повторилъ другой приказчикъ съ такимъ гнѣвомъ, словно эти тысячи вынули у него изъ кармана. Накинулись на биржевую игру, на взяточничество чиновниковъ.

— «Поднимайте выше», сказалъ Сенекаль: «обвиняйте прежде всего принцевъ, которые воскрешаютъ нравы регенства, открыто живутъ съ любовницами, напиваются пьяными. Вы не видали пьяныхъ друзей герцога Монпансье, которые, возвращаясь съ

пирушки, смутили своими пѣснями рабочихъ Сентъ-Антуанскаго, предмѣстья?»

— «Имъ даже кричали: «прочь воровъ!» сказалъ фармацевтъ. «Я былъ тамъ и кричалъ».

— «Тѣмъ лучше: народъ, значитъ, просыпается. Знаете ли, что у герцогини Праленъ [1])....»

Въ это время вошелъ Гюсонэ. Онъ только-что вернулся изъ театра Дюма, гдѣ давали драму «le Chevalier de Maison Rouge» которую онъ обозвалъ глупою. Такое сужденіе удивило демократовъ, такъ какъ драма эта, по своимъ тенденціямъ, а еще больше по своимъ декораціямъ ласкала ихъ страсти. Они протестовали. Чтобъ кончить скорѣе, Сенекаль спросилъ, служитъ ли драма демократіи?

— «Да.... быть можетъ; но написана она такимъ слогомъ»....

— «Ну, значитъ, она хороша, ибо, чтó такое слогъ? Это идея!» И, не давая Фредерику высказаться на счетъ значенія слога, Сенекаль продолжалъ: «Я упомянулъ, что въ дѣлѣ Праленъ».... Гюсонэ прервалъ его:

— «Ахъ, вотъ еще дѣло, которое просто съ ума меня сводитъ».

— «И не васъ однихъ», сказалъ Делорье. «Изъ-за него схватили пять газетъ. Послушайте-ка, что я вамъ прочту. Со времени учрежденія лучшей изъ республикъ, мы имѣли 1,229 процессовъ о печати, вслѣдствіе которыхъ писатели были присуждены къ 3,141 году тюремнаго заключенія и къ легкому штрафу въ семь милліоновъ сто десять тысячъ пятьсотъ франковъ.... Не правда ли, красиво?»

Всѣ горько засмѣялись. Подобно другимъ воодушевился и Фредерикъ: «La Démocratie pacifique» предана суду за свой фельетонный романъ *Доля женщинъ*.

— «Каково!» съострилъ Гюсонэ. «Намъ запрещаютъ даже нашу долю у женщинъ».

— «Да что не запрещено?» воскликнулъ Делорье. «Запрещено курить въ Люксамбурѣ, запрещено пѣть гимнъ Пію IX, запрещено типографщикамъ устроить банкетъ!»

Гюсонэ принялся острить и насмѣшничать надъ Луи-Филиппомъ и его правительствомъ. Всѣ хохотали; веселости помогало вино и пуншъ, котораго особенно много хватилъ фармацевтъ, затянувшій во все горло:

---

[1]) Процессъ герцогини Праленъ, убитой своимъ мужемъ, надѣлалъ въ то время сильнаго шума въ Парижѣ.

Въ моемъ стойлѣ два быка,
Два большихъ бѣлыхъ быка....

Сенекаль зажалъ ему ротъ рукою: онъ не любилъ безпорядка. Вспомнили отсутствующихъ, между прочимъ Мартинона. Фредерикъ тотчасъ напалъ на него, на его умъ, характеръ, мнимое изящество. По его мнѣнію, это — выскочка изъ мужиковъ. Новая аристократія —буржуазія, не стоитъ прежней—дворянства. Онъ развивалъ эту мысль и демократы одобряли его, какъ будто составляли часть первой и посѣщали вторую. Вообще имъ были очарованы, а фармацевтъ сравнилъ его даже съ графомъ Альтонъ-Ше, который, будучи перомъ Франціи, защищалъ народное дѣло.

XII.

Порученіе Луизы Рокъ на счетъ статуэтокъ было исполнено плохо; отецъ ея писалъ Фредерику объ этомъ и просилъ его заняться имъ внимательнѣе. Фредерику пришлось идти къ Арну. Магазинъ былъ пустъ; очевидно, приказчики чуяли разореніе хозяина и небрежно относились къ своимъ обязанностямъ. Фредерикъ нарочно стучалъ ногами, чтобъ его услышали. Показалась г-жа Арну. — «Какъ, вы здѣсь! вы!» — «Да», прошептала она сконфузившись. «Я искала».... Онъ увидѣлъ платокъ ея на конторкѣ и отгадалъ, что она приходила сюда, чтобъ дать себѣ отчетъ въ какомъ-нибудь безпокоившемъ ее обстоятельствѣ. Они объяснились по дѣлу; она рѣзко выразилась о приказчикахъ; онъ, напротивъ, благодарилъ судьбу, что ихъ неисправность давала ему возможность видѣть ее наединѣ. Она съ насмѣшкой посмотрѣла на него: — «А ваша свадьба?» — «Какая свадьба?» — «Да ваша». — «Моя? И не думалъ никогда». — «Полноте, я знаю». — «А еслибъ и такъ? Съ отчаянія, что мечта о прекрасномъ исчезаетъ, поневолѣ обратишься къ посредственному». — «Ваши мечты, однако, не были всегда такъ.... скромны. Помните, на скачкахъ».... — «Забудемъ всѣ эти глупости». — «Это тѣмъ необходимѣе, что вы женитесь», и, закусивъ губу, она подавила вздохъ.

— «Повторяю вамъ, что это неправда,» заговорилъ онъ горячо. «На меня наклеветали! Можете ли вы повѣрить, чтобъ я, съ моими артистическими вкусами, съ моими интересами къ развитію, моими привычками, зарылся въ провинцію, чтобъ играть въ карты, присматривать за рабочими, за хозяйствомъ. Съ какою цѣлью могъ бы я жениться? Вамъ сообщили, что она богата? Смѣюсь я надъ деньгами! неужели, стремясь къ тому, что

есть самаго нѣжнаго, самаго прекраснаго, самаго очаровательнаго, желая рая въ человѣческой формѣ и найдя, наконецъ, этотъ идеалъ, это видѣніе, передъ которымъ меркнетъ все остальное....»

И, взявъ ея голову въ обѣ руки, онъ принялся цѣловать ея глаза, повторяя: «Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! никогда я не женюсь! никогда! никогда!» Очарованная и удивленная, она не противилась... Вдругъ послышались шаги. Она быстро оправилась, а онъ принялъ почтительную позу. Вошелъ приказчикъ.—«Имѣю честь кланяться, сударыня, сказалъ Фредерикъ, уходя; надѣюсь, что заказъ будетъ исполненъ». Она ничего не отвѣчала, но лицо ея все вспыхнуло.

На другой день онъ снова пришелъ къ ней. Она заговорила о своихъ обязанностяхъ, о необходимости разстаться навсегда. Онъ клялся, что любовь его безпритязательна, что она ничѣмъ не возмутитъ ея жизни:—«Что дурного въ томъ, что два бѣдныя существованія соединятся въ своей печали. Вѣдь вы тоже несчастливы. О, я васъ знаю, возлѣ васъ нѣтъ никого, кто бы отвѣчалъ на вашу любовь, на вашу преданность; я сдѣлаю все, что вы хотите. Клянусь вамъ, я не оскорблю васъ... Что станется со мною безъ васъ въ этомъ мірѣ? Другіе гоняются за богатствомъ, за славою, за властью! А у меня, кромѣ васъ, ничего нѣтъ, вы—моя единственная цѣль, мое исключительное занятіе, мое счастье, центръ моего существованія, моихъ мыслей. Я не могу жить безъ васъ, какъ безъ воздуха, и неужели не чувствуете вы, что душа моя стремится къ вашей, что наши души должны слиться воедино....» и упалъ на колѣни. Она дрожала всѣми членами и умоляла его встать и уйти. Онъ всталъ, но смущенное выраженіе лица ея остановило его. Онъ сдѣлалъ къ ней шагъ, она отшатнулась отъ него и сложила руки въ знакъ мольбы:—«Оставьте меня! ради Господа, оставьте меня.»

И Фредерикъ такъ любилъ ее, что вышелъ. Но вскорѣ онъ проникся гнѣвомъ къ самому себѣ, называлъ себя глупцомъ и на другой день отправился снова. Арну объявилъ ему, что жена уѣхала на дачу, въ Отейль. Фредерикъ полетѣлъ туда. Она встрѣтила его съ крикомъ радости, и съ этого времени они долгіе часы, ежедневно, проводили вмѣстѣ. Дочь ея была въ монастырѣ, мальчикъ послѣ полудня уходилъ въ школу, и никто не смущалъ ихъ счастія. Они условились, что не будутъ другъ другу принадлежать, и это условіе, охранявшее ихъ отъ опасности, давало имъ бо́льшую свободу на все остальное.

Они мечтали о жизни, наполненной исключительно одною любовью, безъ горя и страданій, о жизни, которая проходила бы

незамѣтно во взаимныхъ изліяніяхъ, о жизни чарующей, сладостной, возвышенной и сіяющей, какъ сверкающія звѣзды. Вѣчно другъ около друга, они говорили о чемъ ни попало, но съ наслажденіемъ невыразимымъ. Иногда, солнечные лучи, пробиваясь сквозь занавѣсы, протягивались по комнатѣ какъ струны лиры, и пылинки кружились въ этой свѣтлой полосѣ. Она забавлялась тѣмъ, что разбивала эту полосу рукою, которую нѣжно схватывалъ Фредерикъ и разсматривалъ на ней развѣтвленіе венъ, кожу, форму ногтей. Погруженная въ ту безпечность, которая характеризуетъ большое счастіе, она ничѣмъ не старалась возбуждать любовь его. Она приближалась къ тому возрасту женщинъ, къ концу лѣта женской жизни, эпохѣ размышленія и нѣжности, когда начинающаяся возмужалость освѣщаетъ взоры глубокимъ пламенемъ, когда сила сердца соединяется съ опытомъ и на закатѣ вполнѣ разцвѣтшей жизни все существо переполняется роскошью въ естественной гармоніи его красоты. Никогда не обнаруживала она такой нѣжности, такой снисходительности. Убѣжденная въ томъ, что не падетъ, она отдавалась чувству, которое казалось ей правомъ, завоеваннымъ ея страданіями. Кромѣ того, это было такъ хорошо, такъ ново! Какая пропасть между грубостью Арну и обожаніемъ Фредерика! Съ своей стороны, Фредерикъ, боясь какимъ-нибудь словомъ потерять все то, что пріобрѣлъ съ такимъ трудомъ, велъ себя осторожно, рѣшившись выжидать случая, когда она сама ему отдастся. При ней онъ погружался въ какое-то безконечное блаженство, въ такой восторгъ, что забывалъ о возможности полнаго счастія; но безъ нея онъ сгоралъ непреодолимымъ желаніемъ.

Ихъ разговоры вдругъ стали прерываться. Иногда какая-то половая стыдливость заставляла ихъ краснѣть другъ передъ другомъ. Всѣ предосторожности, которыя принимали они, чтобъ скрыть свою любовь, обнаруживали ее, и чѣмъ становилась она сильнѣе, тѣмъ обращеніе ихъ другъ съ другомъ дѣлалось сдержаннѣе. Но по мѣрѣ того, какъ упражнялись они въ этой лжи, ихъ чувственность раздражалась до крайности. Они наслаждались запахомъ влажныхъ цвѣтовъ, страдали отъ восточнаго вѣтра, раздражались безпричинно, наполнялись мрачными предчувствіями; они вздрагивали при всякомъ шорохѣ и чувствовали себя на краю пропасти.

Такъ длилось нѣсколько мѣсяцевъ и дошло до того, что Фредерикъ началъ придираться къ каждой малости и выходилъ изъ себя; ему пріятно было подозрѣвать ее, разспрашивать, мучить; онъ желалъ, чтобъ и она мучилась, подобно ему, и иногда пылалъ къ ней ненавистью.

XIII.

«Любезный другъ. *Груша* созрѣла. Согласно твоему обѣщанію, мы разсчитываемъ на тебя. Завтра собраніе на площади Пантеона. Приходи въ кафе Суфло. Мнѣ надо поговорить съ тобою прежде манифестаціи».

Такую записку получилъ Фредерикъ отъ Делорье. «О, знаю я эти манифестаціи,» подумалъ онъ. «Благодаримъ покорно. У меня назначено свиданіе болѣе пріятное.»

Это болѣе пріятное свиданіе было съ Мари Арну, на углу улицъ Тронше и Фермъ, между двумя и тремя часами пополудни.

Фредерикъ вырвалъ не безъ труда у нея согласіе на это свиданіе, повидимому самое невинное, но онъ готовилъ ей засаду. Подъ предлогомъ дождя или слишкомъ яркаго солнца, онъ надѣялся остановиться съ нею гдѣ-нибудь подъ воротами, а тамъ ужъ ничего не стóитъ заставить ее войти и въ домъ. Вся задача заключалась въ томъ, чтобъ найти приличное помѣщеніе. Онъ нанялъ его въ меблированной квартирѣ, самъ убралъ ее, накупилъ рѣдкихъ духовъ, приготовилъ маленькія изящныя туфельки и ждалъ вожделѣннаго дня съ сердечнымъ трепетомъ. Когда наступилъ этотъ день, онъ съ 11 часовъ вышелъ изъ дому.

Близъ улицы Тронше, онъ замѣтилъ толпы блузниковъ и буржуа. Манифестъ, обнародованный газетами, собиралъ въ это мѣсто всѣхъ подписчиковъ на реформистскій банкетъ. Министерство тотчасъ же публиковало запрещеніе; наканунѣ вечеромъ парламентская оппозиція отказалась отъ банкета, но патріоты, не знавшіе объ этомъ рѣшеніи, пришли на свиданіе, сопровождаемые большою толпою любопытныхъ. Депутація отъ школъ только-что отправилась къ Одилону Барро; она находилась теперь въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, и никто не зналъ, состоится ли банкетъ, исполнитъ ли свою угрозу правительство, выйдетъ ли національная гвардія. Толпа все увеличивалась и послышалась *Марсельеза*: то были студенты, подвигавшіеся колонною, въ два ряда, въ строгомъ порядкѣ, съ раздраженнымъ видомъ, голыми руками и по временамъ вскрикивавшіе: «Да здравствуетъ реформа! Прочь Гизо!» Друзья Фредерика, конечно, были тамъ, они увидятъ его и увлекутъ, и онъ скрылся въ улицу Аркадъ. Въ это время появилась пѣхота, выстроивавшаяся въ боевой порядокъ. Толпы между тѣмъ стояли; полицейскіе, переодѣтые въ буржуа, чтобъ разогнать народъ, грубо хватали самыхъ буйныхъ и влекли ихъ въ полицію. Фредерикъ негодовалъ, но молчаливо: онъ боялся, что его возьмутъ

вмѣстѣ съ другими и такимъ образомъ свиданіе съ Мари Арну не состоится. Немного спустя, показались каски муниципальной стражи. Она била кругомъ себя плашмя саблями и толпы разсѣялись. Наступила тишина. Мелкій дождикъ, накрапывавшій все время, перестаблагъ, проглянуло солнце. Фредерикъ бродилъ по улицѣ Тронше, поглядывая во всѣ стороны. Два часа уже пробило. «Сейчасъ она придетъ», думалъ онъ; но пробило и три, а ея все не было. Онъ начиналъ терять терпѣніе, сердился, посылалъ коммиссіонера узнать у привратника — выходила ли изъ дому г-жа Арну; оказалось, что не выходила. «Мятежъ что ли помѣшалъ ей?... Но не можетъ быть: ихъ кварталъ оставался спокойнымъ. А, она дала слово, чтобъ только отдѣлаться отъ меня», рѣшилъ онъ, наконецъ. Зажгли газъ, а Арну все не было.

Ночью ей снилось, что она на бульварѣ улицы Тронше и чего-то ждетъ, чего-то важнаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ боялась, что ее увидятъ; но вдругъ маленькая собачонка набросилась на нее, хватала ее за подолъ платья и лаяла все сильнѣе и сильнѣе. Арну проснулась. Собачій лай все слышался. Она насторожила ухо: онъ выходилъ изъ комнатъ ея сына. Она бросилась туда босыми ногами. Ребенокъ кашлялъ и задыхался. У него начинался крупъ. Цѣлую ночь она просидѣла у постельки его; утромъ барабанный бой національной гвардіи предупреждалъ Арну, что товарищи его ждутъ. Онъ быстро одѣлся и ушелъ, сказавъ, что пришлетъ доктора; но докторъ не приходилъ, а ребенку становилось хуже и хуже; онъ задыхался, вскакивалъ на своей постелькѣ съ судорожными движеніями и падалъ блѣдный, какъ смерть. Она послала сама за докторомъ; явился какой-то старичокъ, покачалъ головою и прописалъ какую-то микстуру, которая нисколько не помогла. Къ вечеру явился помощникъ ихъ домашняго доктора, скромный молодой человѣкъ, и прописалъ ледъ. Ребенокъ рвалъ воротъ своей рубашки, какъ будто желая удалить препятствіе, мѣшавшее ему дышать, царапалъ руками стѣну, схватывалъ занавѣсы своей постельки, повсюду ища точки опоры для дыханія. Лицо его было блѣдно и все тѣло, покрытое холоднымъ потомъ, казалось исхудало. Онъ съ какимъ-то ужасомъ останавливалъ блуждающіе глаза свои на матери и обхватывалъ ручонками шею ея, а мать глотала рыданія и шептала нѣжныя рѣчи: «Милый мой, ангелъ, сокровище мое!» Она сбирала ему игрушки, пробовала даже напѣвать пѣсенку. Послѣ невыразимыхъ мученій, ребенка, наконецъ, вырвало чѣмъ-то въ родѣ пергаментной трубочки. Что это такое? Она подумала, что это часть его внутренностей

и что сейчасъ онъ умретъ. Но ребенокъ сталъ дышать правильно, свободно и пришедшій докторъ объявилъ, что онъ спасенъ. «Спасенъ! Возможно-ли это?» и вдругъ мысль о Фредерикѣ ярко ей представилась. О, самъ Богъ предупредилъ ее этою болѣзнію сына: въ своемъ милосердіи онъ не хотѣлъ наказать ее строже! Какое раскаяніе ждало ее въ будущемъ, еслибъ она продолжала любить Фредерика. Ея сына могли бы оскорбить за нее; онъ дерется на дуэли, онъ раненъ, его несутъ въ носилкахъ умирающаго. Всѣ эти мысли охватили ее и она бросилась на колѣни съ жаркой молитвой, принося въ жертву Богу свою первую страсть, свою единственную слабость.

Фредерикъ вернулся къ себѣ усталый, изнеможенный и заснулъ въ креслѣ. Утромъ онъ снова послалъ коммиссіонера къ г-жѣ Арну, но онъ вернулся ни съ чѣмъ. Гордость и гнѣвъ заговорили въ Фредерикѣ; но онъ увѣрялъ себя, что любовь его исчезла и пошелъ бродить по улицамъ, чувствуя потребность дѣйствовать. Изъ предмѣстій шли толпы, вооруженныя старыми саблями и пѣвшія *Марсельезу* и «lès Girondins». Тамъ и сямъ національный гвардеецъ торопился въ свой участокъ. Издали доносились звуки барабановъ; у Сенъ-Мартенскихъ воротъ происходила свалка. Въ воздухѣ носилось что-то веселое и воинственное и городское движеніе развеселило Фредерика. Очутившись передъ окнами Розанетты, онъ перешелъ бульваръ; ея горничная, Дельфина, писала на двери углемъ: «Оружіе выдано». Увидавъ Фредерика, она бросилась къ нему:—«Ахъ, барыня въ ужасномъ положеніи. Она разсчитала сегодня своего грума, который оскорбилъ ее. Она боится, что будутъ грабить, и трясется отъ страха тѣмъ болѣе, что русскій князь выѣхалъ изъ Парижа». Фредерикъ вошелъ въ будуаръ. Розанетта вышла къ нему въ юбкѣ, съ распущенными по спинѣ волосами, разстроенная и растрепанная: — «Спасибо, спасибо! Ты опять меня спасаешь, въ другой ужъ разъ! и никогда не требуешь награды».

— «Нѣтъ, ужъ на этотъ разъ извини», сказалъ онъ, обхватывая ея талію рукою.

— «Какъ? чтó ты дѣлаешь»? проговорила она, удивленная и обрадованная его обращеніемъ.

— «Слѣдую модѣ и преобразуюсь»! отвѣчалъ Фредерикъ. Она дала опрокинуть себя на диванъ и продолжала смѣяться подъ его поцѣлуями.

Пообѣдали они въ кафе и возвращались домой пѣшкомъ, потому что кареты достать было невозможно. При извѣстіи о перемѣнѣ министерства, Парижъ принялъ праздничный видъ. Всѣ радовались, всѣ высыпали на улицы, зажгли иллюминацію и

было свѣтло какъ днемъ. Съ печальнымъ, разстроеннымъ видомъ возвращались солдаты въ казармы. Имъ кланялись и кричали: «Да здравствуетъ пѣхота»! Они, молча, продолжали путь. Напротивъ, въ національной гвардіи, офицеры, покраснѣвъ отъ восторга, потрясая саблями, кричали: «Да здравствуетъ реформа»! и это слово, каждый разъ, заставляло смѣяться любовниковъ. Фредерикъ шутилъ и былъ очень веселъ. Бульвары были заняты плотною толпой, среди которой кое-гдѣ блистали штыки; венеціанскіе фонари, спущенные у домовъ, составляли гирлянды огней; сильный шумъ стоялъ надъ этимъ движеніемъ. Любовники свернули въ сторону, такъ какъ пробиться сквозь толпу не было никакой возможности. Вдругъ они услышали за собою странный звукъ, словно разорвали гдѣ-то огромный кусокъ шелковой матеріи. То была перестрѣлка на бульварѣ Капуциновъ. —«Уничтожаютъ нѣсколькихъ буржуа», замѣтилъ Фредерикъ спокойно: бываютъ такія положенія, что человѣкъ самый добрый чувствуетъ себя такъ отдѣленнымъ отъ другихъ, что равнодушно посмотрѣлъ бы на истребленіе всего человѣческаго рода. Но Розанетта не попадала зубъ на зубъ и насилу волочила ноги. Фредерикъ повелъ ее въ улицу Тронше, въ ту самую квартиру, которую приготовилъ онъ для Мари Арну. «Вотъ, молъ, на зло тебѣ».

Около часу Розанетта проснулась отъ выстрѣловъ и барабаннаго боя, Фредерикъ уткнулъ лицо въ подушку и рыдалъ.

— «Что съ тобой, радость моя?»

— «Плачу отъ избытка счастія, отвѣчалъ Фредерикъ. «Я такъ давно мечталъ о тебѣ».

XIV.

Несмотря на просьбы Розанетты, Фредерикъ вышелъ посмотрѣть, что́ дѣлается на улицахъ, и побрелъ за толпою блузниковъ.

Наканунѣ, зрѣлище телѣги, нагруженной пятью трупами, подобранными на бульварѣ Капуциновъ, измѣнило расположеніе народа, и въ то время какъ въ Тюльери царствовала нерѣшительность и смущеніе, возстаніе, направляемое твердою рукою, составлялось грозно. Люди съ бѣшенымъ краснорѣчіемъ подговаривали толпы на углахъ улицъ; другіе били въ набатъ въ церквахъ; третьи лили пули, приготовляли патроны; деревья на бульварахъ, скамейки, рѣшетки, газовые рожки—все было поломано и опрокинуто; мостовыя взрыты, разбросаны черепки разбитыхъ бутылокъ и связки проволокъ для того, чтобъ помѣшать дѣйствію конницы; къ утру Парижъ былъ покрытъ баррикадами.

Сопротивленіе продолжалось не долго; національная гвардія всюду вмѣшивалась, и къ восьми часамъ народъ овладѣлъ уже пятью казармами, почти всѣми меріями и самыми важными стратегическими пунктами. Монархія сама собой, безъ потрясенія, быстро разлагалась и граждане осаждали теперь полицейскій домъ Шато д'О, чтобъ освободить плѣнниковъ, которыхъ тамъ вовсе не было. Фредерикъ принужденъ былъ остановиться при входѣ на площадь. Вооруженные толпы наполняли ее. Роты пѣхоты занимали улицы Сенъ-Томасъ и Фроманто. Огромная баррикада, заграждавшая улицу Валуа, вела перестрѣлку съ частью. Возлѣ Фредерика человѣкъ съ пантронташемъ сверхъ трико́ваго жилета, спорилъ съ женщиной въ повязкѣ. — «Пойдемъ отсюда, пойдемъ»! говорила она ему. — «Оставь меня въ покоѣ», отвѣчалъ мужъ. «Ты одна можешь уберечь входъ. Не правду ли говорю я, гражданинъ? Я всегда исполнялъ долгъ свой, въ 1830 году, въ 32, 34, 39. Сегодня сражаются — и я обязанъ сражаться! Убирайся прочь»! И жена портье́ должна была уступить убѣжденіямъ мужа и стараго національнаго гвардейца, который былъ возлѣ нихъ. Онъ заряжалъ ружье и стрѣлялъ, болтая въ тоже время съ Фредерикомъ, также спокойный среди возстанія, какъ садовникъ въ саду своемъ. Когда подошелъ къ нему мальчикъ съ отличнымъ карабиномъ въ рукахъ, который, по словамъ его, далъ ему «одинъ господинъ», и упрашивалъ одолжить ему нѣсколько патроновъ, чтобъ пострѣлять изъ ружья, гвардеецъ сказалъ ему: «Спрячься у меня за спиной, а то тебя убьютъ». Барабаны ударили въ аттаку. Поднялись пронзительные крики и торжествующее ура. Толпа задвигалась какъ волна, и Фредерикъ, схваченный двумя глубокими массами, не шевелился, испытывая какой-то неизъяснимый восторгъ. Ему казалось, что падавшіе раненые, распростертые убитые не были настоящими ранеными и убитыми и что онъ присутствуетъ на спектаклѣ.

Среди народной волны, поверхъ головъ, появился старикъ въ черномъ платьѣ и на бѣлой лошади. Въ одной рукѣ онъ держалъ зеленую вѣтку, а въ другой бумагу и усердно и долго потрясалъ ими. Наконецъ, потерявъ надежду на то, чтобъ его выслушали, онъ удалился.

Пѣхотинцы исчезли и защитниками полиціи остались одни муниципальные; волна отважныхъ бросилась на крыльцо, и дверь зазвучала подъ ударами желѣзныхъ полосъ; муниципальные не уступали. Къ стѣнѣ подвезли экипажъ наполненный сѣномъ, которое загорѣлось какъ огромный факелъ. Живо принесли соломы, хворосту, боченокъ со спиртомъ. Огонь забѣгалъ по камнямъ; зданіе задымилось повсюду, какъ сѣрная сопка, и широкое

пламя, на вершинѣ, между балясинами террассы, вырывалось съ шипящимъ шумомъ. Первый этажъ Пале-Рояля заняли національные гвардейцы. Выстрѣлы раздавались изъ всѣхъ оконъ площади; пули свистали; вода испорченнаго фонтана мѣшалась съ кровью и образовала лужи на землѣ; народъ скользилъ по грязи, по обломкамъ, по одеждѣ, оружію, шапкамъ; Фредерикъ почувствовалъ подъ ногою что-то мягкое—то была рука сержанта въ сѣрой солдатской шинели, лежавшаго лицомъ въ ручьѣ. Новыя народныя толпы постоянно прибывали и двигали сражавшихся на зданіе. Перестрѣлка сдѣлалась чаще; винные магазины были открыты; отъ времени до времени сражавшіеся уходили туда выкурить трубку, выпить стаканчикъ и потомъ снова принимались драться. Заблудившаяся собака визжала и возбуждала хохотъ.

Какой-то раненый ударился о плечо Фредерика и захрипѣлъ. При этомъ выстрѣлѣ, направленномъ быть можетъ въ него, Фредерикъ почувствовалъ ярость и бросился впередъ, но національный гвардеецъ остановилъ его словами: «Будетъ! король уѣхалъ, и если вы не вѣрите, подите сами посмотрите». Эта фраза успокоила Фредерика.

Карусельская площадь имѣла спокойный видъ. Нантскій отель продолжалъ возвышаться на ней одиноко, и дома позади его, луврскій куполъ противъ, длинная деревянная галлерея направо и пустая мѣстность, простиравшаяся до бараковъ мелкихъ торговцевъ, были словно погружены въ сѣрую массу воздуха, гдѣ отдаленный шумъ мѣшался, казалось, съ густымъ туманомъ; между тѣмъ, какъ на другомъ концѣ площади, солнечный свѣтъ, упавшій на фасадъ Тюльерійскаго дворца сквозь раздвинувшееся облако, выдѣлилъ бѣлизну всѣхъ оконъ. Возлѣ Тріумфальной Арки лежала убитая лошадь; за рѣшетками виднѣлись группы въ пять, шесть человѣкъ; двери дворца были растворены и лакеи, стоявшіе на порогѣ, пропускали желающихъ войти въ него.

Въ нижнемъ этажѣ, въ небольшой залѣ, приготовлены были чашки кофею съ молокомъ. Нѣкоторые любопытные усѣлись за столы, шутя и смѣясь; другіе оставались стоя, и между ними—извощикъ. Онъ взялъ въ обѣ руки хрустальную вазочку съ толченымъ сахаромъ, безпокойно оглянулся на право и на лѣво и принялся съ жадностію ѣсть, погрузивъ свой носъ въ хрусталь.

Внизу большой лѣстницы какой-то человѣкъ записывалъ свое имя въ книгу. Фридерикъ узналъ Гюссоннэ. «Я поступаю ко двору», сказалъ онъ. «Какова шутка-то, а»?—«Взойдемъ наверхъ». Они вступили въ залу маршаловъ. Портреты этихъ знаменитостей, исключая портрета Бюжо, проколотаго въ животъ, остались не-

прикосновенными. Огромная стрѣлка часовъ показывала двадцать минутъ второго. Вдругъ раздалась *Марсельеза*. Гюсоннэ и Фредерикъ нагнулись надъ перилами. То былъ народъ. Онъ шумно бросился на лѣстницу неудержимой, бурной волной, потрясая открытыми головами, касками, красными шапками, штыками. Взойдя, онъ разсыпался и пѣсня умолкла. Слышался только шумъ шаговъ и голосовъ. Безобидная толпа довольствовалась однимъ глазѣньемъ. Лишь изрѣдка, въ тѣснотѣ, локоть выбивалъ стекло, сталкивалъ вазу или статуэтку. Лица у всѣхъ были красны и потъ выступалъ на нихъ большими каплями. Гюсоннэ замѣтилъ: «Герои пахнутъ дурно».—«Вамъ только бы острить», возразилъ Фредерикъ. Тѣснимые со всѣхъ сторонъ, они, противъ воли, вошли въ залу, гдѣ возвышался надъ трономъ балдахинъ изъ краснаго бархата. На тронѣ, внизу, сидѣлъ пролетарій съ черной бородой, въ рубашкѣ, распахнутой на груди, съ глупымъ, но веселымъ видомъ. Другіе всходили по ступенькамъ, чтобъ сѣсть на его мѣсто. «Что за миѳъ»! сказалъ Гюсоннэ. «Вотъ народъ — государь»! Тронное кресло было поднято и, переваливаясь то въ ту, то въ другую сторону, пронесено по всей залѣ. «Saperlotte! Какъ онъ качается! Корабль государства колеблется на бурномъ морѣ. Посмотрите, онъ канканируетъ, канканируетъ»! Его поднесли къ окну и со свистомъ выбросили вонъ.— «Бѣдный старецъ»! сказалъ Гюсоннэ, глядя какъ тронное кресло упало въ садъ, гдѣ его живо подхватили, чтобъ пронести до Бастиліи и затѣмъ сжечь.

Яростная радость охватила толпу, словно на мѣстѣ трона уже явилось безграничное благоденствіе; и народъ, не столько изъ мщенія, сколько для того, чтобъ утвердить свою побѣду, билъ, ломалъ и рвалъ стекла, зеркала, люстры, подсвѣчники, столы, стулья, табуреты, всякую мебель, даже альбомы съ рисунками, даже рабочія корзинки. Побѣдителю отчего же и не позабавиться! Чернь закутывалась, смѣясь, въ кружева и кашемиръ. Золотая бахрома обвивала рукава блузъ, шляпы со страусовыми перьями украшали головы кузнецовъ, ленты Почетнаго Легіона опоясывали станъ проститутокъ. Каждый удовлетворялъ своему капризу: одни плясали, другіе пили. Въ комнатѣ королевы женщина наводила помадою глянецъ на свои повязки; за ширмою два любителя играли въ карты; Гюсоннэ показалъ Фредерику человѣка, который, облокотившись на балконъ, курилъ свою трубочку; сумасбродство увеличивалось подъ безпрерывный звукъ разбиваемаго хрусталя и фаянса. Затѣмъ оно приняло мрачный колоритъ; непристойное любопытство побуждало открывать всѣ комнатки, всѣ уголки, всѣ шкафики. Каторжники

запускали свои руки въ постель принцессъ и валялись на ней, утѣшая себя этимъ за то, что не могли ихъ изнасиловать. Фигуры, еще болѣе мрачныя, тихо бродили, отыскивая что-нибудь украсть; но народу было много, только онъ и виднѣлся во всей анфиладѣ комнатъ между позолотою, въ облакѣ пыли. Грудь ускоренно дышала, духота становилась невыносимою и пріятели уѣшились выдти на воздухъ. Въ передней, на кучѣ платьевъ, стояла публичная женщина, въ видѣ статуи свободы, неподвижная, страшная, съ широко-открытыми глазами. Полицейскіе снимали шапки и низко кланялись народу. Гюсоннэ и Фредерикъ радовались этому. Пройдясь немного, они вернулись въ Пале-Рояль. Передъ улицей Фроманто, на соломѣ, накиданы были трупы солдатъ. Друзья прошли мимо равнодушно и гордились своимъ спокойствіемъ. Дворецъ былъ полонъ народу. На внутреннемъ дворѣ горѣло семь костровъ. Изъ оконъ летѣли фортепіано, комоды, столовые часы. Пожарныя трубы выбрасывали воду до крышъ; нѣсколько бездѣльниковъ старались разрубить ихъ саблями. Фредерикъ просилъ одного политехника вступиться въ это, но тотъ его не понялъ. Вокругъ, въ двухъ галлереяхъ, овладѣвъ погребами, народъ пилъ въ волю; вино текло ручьями и подмывало ноги.—«Уйдемъ отсюда», сказалъ Гюсоннэ, «этотъ народъ противенъ мнѣ». Вдоль Орлеанской галлереи, лежали раненые на матрасахъ, покрытые пурпурными занавѣсами и маленькія буржуазки приносили имъ бульонъ и бѣлье. «Какъ бы то ни было, сказалъ Фридерикъ, а я нахожу, что народъ ведетъ себя превосходно». Большія сѣни были наполнены толпою, рвавшеюся въ верхніе этажи, чтобъ докончить истребленіе, а національные гвардейцы не пускали ее; впереди всѣхъ и съ особеннымъ азартомъ проталкивался Арну. Пріятели вошли въ Тюльерійскій садъ и сѣли на лавку; оба такъ устали, что не могли говорить. Во всѣхъ окнахъ чердаковъ дворца показались лакеи, которые рвали свои ливреи и бросали въ садъ въ знакъ отреченія. Народъ освисталъ ихъ. Они скрылись. Но вниманіе Гюсоннэ и Фридерика привлекъ къ себѣ высокій малый, который быстро шелъ между деревьями, съ ружьемъ на плечѣ; сумка съ патронами стягивала ему талію, лобъ былъ обвязанъ платкомъ. Это—Дюсардье; онъ бросился въ объятія къ нимъ:—«Ахъ, какое счастье! друзья мои!» сказалъ онъ, насилу переводя дыханіе отъ утомленія. Онъ былъ на ногахъ въ теченіи 48 часовъ, работалъ на баррикадахъ Латинскаго квартала, сражался въ улицѣ Рамбюто, спасъ трехъ драгуновъ, вступилъ въ Тюльери съ колонною Дюнойе, потомъ отправился въ палату, затѣмъ въ городскую ратушу.

— «Все идетъ отлично», сказалъ онъ отдохнувши. «Рабо-

чіе и хозяева обнимаются! ахъ, еслибъ знали вы, что я видѣлъ! что за храбрый народъ! какъ все это отлично»! И, не замѣтивъ, что собесѣдники его были безъ оружія, онъ продолжалъ: «Я былъ убѣжденъ, что встрѣчу васъ здѣсь! Одно время было очень трудно, но ничего». Капля крови заструилась по его щекѣ и, на вопросы друзей, онъ отвѣчалъ:—«О, пустякъ: царапина штыкомъ».—«Однако, вы бы позаботились о ней».—«Вотъ еще: я крѣпокъ! что за важность! Республика провозглашена! вотъ когда мы будемъ счастливы! Я сейчасъ слышалъ, какъ говорили журналисты: Польша, говорятъ, будетъ освобождена, Италія! Нѣтъ болѣе королей! понимаете ли? Вся вселенная свободна, вся вселенная!» И, окинувъ горизонтъ взглядомъ, онъ принялъ гордую осанку. Въ это время длинная вереница людей пробѣгала по террасѣ къ водѣ.—«Ахъ, чортъ возьми, я совсѣмъ забылъ, сказалъ онъ: вѣдь укрѣпленія еще заняты. Надо пойти туда! прощайте!» Онъ оглянулся потомъ и, потрясая ружьемъ своимъ, закричалъ: «Да здравствуетъ республика!»

Вскорѣ со всѣхъ сторонъ послышались выстрѣлы: то побѣдители разряжали ружья. Хотя Фредерикъ не былъ воиномъ, но гальская кровь въ немъ возрадовалась. Притягательная сила воодушевленной толпы овладѣла имъ. Онъ съ наслажденіемъ вдыхалъ въ себя воздухъ грозы, полный запахомъ пороха, и въ то же время содрогался подъ наплывомъ неизмѣримой любви, высокой, всеобнимающей нѣжности, словно сердце цѣлаго человѣчества билось въ груди его. Гюсоннэ зѣвалъ, но поспѣшилъ написать въ газету восторженный отчетъ о событіяхъ дня, и подписался.

Вечеромъ, при свѣтѣ факеловъ, провозглашено было временное правительство. Фредерикъ вернулся домой только къ полуночи, совершенно разбитый усталостію. — «Ну, сказалъ онъ своему лакею, собираясь раздѣваться, ты доволенъ?» — «Конечно, сударь, но я не люблю когда народъ волнуется».

XV.

Розанетта помирилась съ республикой, когда увѣрилъ ее Фредерикъ, что все будетъ мирно и тихо; она объявила себя за эту форму правленія съ такою же готовностію, какъ и монсиньоръ архіепископъ парижскій, какъ судебная власть, государственный совѣтъ, институтъ, маршалы Франціи, Шангарнье и Фаллу, всѣ бонапартисты, всѣ легитимисты и значительное число орлеанистовъ. Съ большимъ удовольствіемъ гуляла она съ Фреде-

рикомъ по улицамъ Парижа, который въ первые дни послѣ революціи представлялъ оригинальный видъ. Партіи притихли; въ теченіе перваго мѣсяца почти всѣ повторяли фразу Ламартина о красномъ знамени, «которое обошло только Марсово поле, между тѣмъ какъ трехцвѣтное знамя», и пр.; и всѣ устроились подъ его тѣнью, причемъ каждая партія видѣла только собственный цвѣтъ, разсчитывая усилиться впослѣдствіи и вырвать другіе цвѣта. Но пока вражда затаилась, надежды возростали. народъ выказывалъ необыкновенную тихость и добродушіе нрава, На лицахъ виднѣлась гордость побѣды. Никто ни сидѣлъ дома; небрежность костюма отмѣняла общественные ранги; въ петличкахъ у всѣхъ виднѣлись розетки; въ окнахъ — знамена; на стѣнахъ — афиши самыхъ разнообразныхъ цвѣтовъ, среди бульваровъ — кружки для раненыхъ; въ окнахъ магазиновъ — каррикатуры на Луи-Филиппа, котораго изображали пирожникомъ, фигляромъ, собакой, піявкой; духовныя процессіи, благословляющія республику; безсчетныя депутаціи къ временному правительству, отъ котораго каждое ремесло, каждая промышленность ожидали радикальнаго исцѣленія отъ ранъ. Депутація отъ художниковъ, гдѣ находился и Пеллеренъ, требовала учрежденія форума искусствъ, чего-то въ родѣ биржи, гдѣ-бы обсуждались эстетическіе вопросы. Гражданинъ Режамбаръ, услышавъ объ этомъ, разразился цѣлымъ потокомъ рѣчей противъ шутовства и какой-то безалаберности, которую онъ всюду замѣчалъ. Онъ былъ всѣмъ недоволенъ, особенно тѣмъ, что Франція тотчасъ-же не пріобрѣла Рейна, не вступила въ свои естественныя границы. При имени Ламартина онъ пожималъ плечами; Ледрю-Ролленъ «не удовлетворялъ положенію»; Дюпонъ (de l'Eure)— старый дуралей; Альберъ—идіотъ; Луи Бланъ—утопистъ; Бланки—человѣкъ чрезвычайно опасный. Онъ видѣлъ уже, какъ реакція поднимаетъ голову, какъ, въ угоду буржуазіи, «собственность» возводилась въ религіозное начало, и нападки на нее назывались святотатствомъ. «Берегитесь, какъ-бы не поддѣли у васъ республику», говорилъ Режамбаръ и съ яростью ловилъ неблагопріятныя для временного правительства вѣсти и распространялъ ихъ неутомимо.

Изъ всѣхъ французовъ едва-ли не болѣе всѣхъ трусилъ г. Дамбрёзъ. Новое положеніе вещей угрожало его состоянію и обманывало его опытность. Такая прекрасная система! такой мудрый король! можно-ли было ожидать!

На другой же день послѣ революціи онъ отпустилъ трехъ лакеевъ, продалъ своихъ лошадей, купилъ мягкую шляпу, чтобъ выходить въ ней на улицу, и даже думалъ отпустить себѣ бо-

роду. Окруживъ себя журналами, наиболѣе враждебными своимъ идеямъ, онъ запирался дома и погружался въ мрачныя думы. Въ это время, раздумывая о своихъ знакомыхъ, которые могли бы если не служить ему, то защитить его при случаѣ, онъ вспомнилъ о Фредерикѣ. Мартинонъ, часто посѣщавшій Дамбрёза, раздѣлялъ его мнѣнія на счетъ Фредерика: его можно предложить въ депутаты отъ Ножана и затѣмъ направить его надлежащимъ образомъ. Мартинонъ принималъ не безкорыстное участіе въ Дамбрёзѣ, онъ ухаживалъ за его некрасивой племянницей, въ которой совершенно основательно подозрѣвалъ его незаконную дочь. Съ своей стороны, m-lle Цецилія засматривалась на статнаго мужчину, который умѣлъ устроить свою карьеру такъ талантливо. Вмѣстѣ съ Мартинономъ, Дамбрёзъ пришелъ къ Фредерику, выразилъ свою радость по случаю революціи, говорилъ, что отъ всего сердца принимаетъ «нашъ возвышенный девизъ: *свобода, равенство* и *братство*, потому что въ душѣ всегда былъ республиканцемъ». Если же онъ вотировалъ, во время монархіи, съ министерствомъ, то единственно потому, чтобъ ускорить его паденіе; онъ даже напалъ на Гизо и восхитился Ламартиномъ. Мало этого, онъ заявлялъ свои симпатіи къ рабочимъ: «Вѣдь по правдѣ, мы всѣ рабочіе». И онъ простеръ свое безпристрастіе до того, что призналъ за Прудономъ логику. «О, у него много логики! чортъ!» Мартинонъ подтверждалъ эти рѣчи одобрительными замѣчаніями; онъ также думалъ, что слѣдуетъ «откровенно пристать къ республикѣ» и говорилъ о своемъ отцѣ-хлѣбопашцѣ и гордился тѣмъ, что вышелъ прямо изъ народа.

Не трудно было польстить самолюбію Фредерика и уговорить его предстать на выборы. Онъ обѣщался приготовить свою программу и черезъ нѣсколько дней дѣйствительно принесъ ее къ Дамбрёзу. Въ передней обратила на себя его вниманіе картина Пеллерена, изображавшая республику, или прогрессъ, или цивилизацію, подъ видомъ Іисуса Христа, управляющаго локомотивомъ, бѣгущимъ черезъ дѣвственный лѣсъ.—«Какая пакость»! воскликнулъ онъ громко. — «Неправда ли»? раздался за нимъ голосъ Дамбрёза, который воображалъ, что замѣчаніе Фредерика относилось не къ рисунку, а къ ученію, возвеличенному картиной. Но программа Фредерика разочаровала его: онъ требовалъ свободы торговли, налогъ на ренту, налогъ прогрессивный, европейскую федерацію, образованіе народа, широкое поощреніе искусствъ. «Гдѣ бѣда, если страна дастъ такимъ людямъ, какъ Викторъ Гюго и Поль Делакроа по сту тысячъ ежегоднаго дохода»? Рѣчь кончалась совѣтомъ высшимъ классамъ: «Не жалѣйте ничего, о богачи! давайте! давайте!» Дамбрёзъ слушалъ его

съ блѣднымъ лицомъ и расхвалилъ форму рѣчи, чтобъ не касаться ея сущности. Когда Фредерикъ ушелъ, онъ съ ужасомъ сталъ говорить о его программѣ Мартинону, который старался его успокоить. Вѣдь выборы назначены еще на 23 апрѣля, до того времени консервативная партія успѣетъ взять верхъ: вѣдь ужъ выгнали изъ многихъ городовъ коммиссаровъ временного правительства; но Дамбрёзу необходимо самому представиться на выборы, и Мартинонъ съ этого времени сдѣлался секретаремъ его и окружилъ его сыновними заботами.

Между тѣмъ Фредерикъ искалъ себѣ друзей и поддержки. Розанетта одобрила его планъ. Находившійся тутъ Дельмаръ объявилъ, что онъ явится кандидатомъ на выборы отъ сенскаго округа. M-lle Ватнацъ тоже высказалась въ пользу Фредерика. Она принадлежала къ тѣмъ парижанкамъ, которыя ежедневно либо даютъ уроки, либо хлопочатъ о томъ, чтобъ сбыть свои рисунки, свои статейки и вечеромъ, возвратившись домой, кое-какъ обѣдаютъ и потомъ, поставивъ ноги на грѣлку, при свѣтѣ бѣдной лампы, мечтаютъ о любви, о семьѣ, о счастіи, о состояніи, о всемъ томъ, чего имъ недостаетъ. Подобно многимъ, она привѣтствовала революцію, какъ эпоху мщенія, и предалась самой ярой пропагандѣ соціализма. Но освобожденіе пролетарія, по мнѣнію ея, было возможно только посредствомъ освобожденія женщины. Она желала допущенія женщинъ ко всѣмъ должностямъ, измѣненія законовъ о бракѣ и права женщинъ отыскивать отцовъ для незаконныхъ дѣтей. Она желала, чтобъ кормилицы и акушерки были чиновницами съ жалованьемъ отъ государства, чтобъ учреждены были присяжные для оцѣнки женскихъ произведеній, политехничная школа для женщинъ, національная гвардія для женщинъ, все для женщинъ, и такъ какъ правительство не признавало правъ ихъ, то онѣ должны были взять ихъ силою. Десять тысячъ гражданокъ, вооруженныхъ хорошими ружьями, могли заставить трепетать правительство. Кандидатура Фредерика казалась ей благопріятною такимъ идеямъ. Делорье пришлось написать въ провинцію. Онъ успѣлъ въ самый день революціи проникнуть къ Ледрю-Ролленю и получить мѣсто, «миссію» въ провинцію. Идіотская оппозиція, встрѣченная тамъ коммиссаромъ правительства, еще увеличила его либерализмъ и онъ немедленно прислалъ пріятелю надлежащія увѣщанія.

Надо было побывать въ клубахъ и поискать поддержки еще тамъ. Вмѣстѣ съ Дельмаромъ, они обошли всѣ, или почти всѣ, красные и голубые, яростные и спокойные, пуританскіе и непризнававшіе нравственности, мистическіе, тѣ, гдѣ декретировалась смерть королямъ, и тѣ, гдѣ обнаруживали мошенничество торгов-

цевъ; и всюду жильцы проклинали домохозяевъ, блуза задѣвала фракъ, богатые вооружались противъ бѣдныхъ. Многіе требовали вознагражденія въ качествѣ мучениковъ полиціи, другіе просили денегъ для того, чтобъ пустить въ ходъ свои изобрѣтенія, третьи излагали планы фаланстеровъ, проекты окружныхъ базаровъ, системы общественнаго благоденствія. Тамъ и сямъ, какъ молнія среди тучи вздора, вдругъ раздавалось разумное слово или изъ устъ проходимца безъ рубашки, съ перевязью сабли на голой груди, лился потокъ настоящаго краснорѣчія. Иногда являлись аристократы съ приниженнымъ видомъ, говорившіе плебейскія рѣчи и съ намѣреніемъ неумывшіе себѣ рукъ; но патріоты узнавали ихъ и гнали вонъ. Дельмаръ говорилъ иногда и получалъ рукоплесканія отъ своего кружка, которымъ руководила Ватнацъ; но Фредерикъ не рискнулъ: всѣ эти люди казались ему слишкомъ необразованными и слишкомъ враждебными. Тогда Дюсардье отыскалъ *Клубъ интеллигенціи.* Названіе обѣщало; подговорили знакомыхъ придти: одного архитектора, Пеллерена, Режамбара съ двумя его постоянными спутниками, изъ которыхъ одинъ былъ Компенъ, маленькій, рябой человѣкъ съ красными глазами, а другой былъ извѣстенъ подъ именемъ «барцелонскаго гражданина».

Они вошли въ большую комнату съ трибуною и лавками. На лавкахъ впереди сидѣли большею частію плохіе живописцы, непризнанные сочинители и артисты; кое-гдѣ виднѣлись женщины и рабочіе; вся глубина залы наполнена была рабочими, которые пришли сюда отъ бездѣлья или приведены были ораторами для рукоплесканій. Фредерикъ сѣлъ между Дюсардье и Режамбаромъ, а Дельмаръ остался стоять. На президентскомъ мѣстѣ появился Сенекаль, къ большому огорченію Фредерика; толпа привѣтствовала его радостно. Онъ былъ изъ тѣхъ, которые 25-го февраля требовали немедленной организаціи труда, а на другой день, въ Прадо, высказывались за нападеніе на ратушу; такъ какъ въ это время всякій копировалъ какого-нибудь извѣстнаго революціонера, Сенъ-Жюста, Дантона, Марата, Сенекаль старался походить на Бланки, подражавшаго Робеспьеру. Черныя перчатки, волоса щеткой придавали ему видъ строгій и чрезвычайно приличный. Онъ открылъ собраніе объявленіемъ правъ человѣка — это было обыкновеніе. Затѣмъ чей-то голосъ началъ-было напѣвать пѣсню Беранже «Народныя воспоминанія», но былъ прерванъ другими: «нѣтъ, нѣтъ, не эту!» — «Шапку!» завыли въ глубинѣ залы, и хоръ запѣлъ современное стихотвореніе:

Шляпу долой передъ шапкой,
На колѣни передъ рабочимъ!

По слову президента, собраніе смолкло. Тогда одинъ изъ секретарей сообщилъ содержаніе полученныхъ писемъ.

— «Молодые люди извѣщаютъ, что они сжигаютъ каждый вечеръ передъ Пантеономъ нумера газеты «*l'Assemblée Nationale*» и просятъ всѣхъ патріотовъ слѣдовать ихъ примѣру».

— «Браво! принимаемъ»! отвѣчала толпа.

— «Гражданинъ Жанъ-Жакъ Лангренё, типографщикъ, предлагаетъ воздвигнуть памятникъ мученикамъ термидора.»

Раздались рукоплесканія; нѣкоторые наклонились къ своимъ сосѣдямъ, чтобъ узнать, что это за мученики термидора.

— Мишель-Эваристъ Венсенъ, бывшій профессоръ, выражаетъ желаніе, чтобъ европейская демократія приняла единство языка. Можно бы избрать одинъ изъ мертвыхъ языковъ, напримѣръ усовершенствованный латинскій.

Послѣдовали противорѣчія и завязался споръ. Маленькій старичокъ, въ золотыхъ очкахъ, попросилъ слова для сообщенія весьма важнаго документа, и сталъ читать записку о распредѣленіи налоговъ. Цифры лились нескончаемо. Нетерпѣніе выразилось сначала шопотомъ, потомъ говоромъ; ничто его не смущало. Раздались свистки, стали кричать ему «Азоръ». Сенекаль обуздывалъ публику; ораторъ продолжалъ какъ машина. Пришлось взять его за локоть, чтобъ остановить. Добродушный старичокъ удивился и, тихо поднявъ очки, сказалъ: «Извините, граждане, извините! я удаляюсь! тысячу разъ прошу извиненія!»

Президентъ объявилъ, что переходитъ къ важному вопросу о выборахъ и просилъ желающихъ быть довѣренными народа заявить о себѣ. Прежде всѣхъ поднялъ руку человѣкъ въ сутанѣ, назвавшій себя священникомъ и агрономомъ и авторомъ сочиненія *Объ удобреніи*. Ему посовѣтовали удалиться въ земледѣльческій клубъ, а на трибуну вошелъ патріотъ въ блузѣ, широкоплечій, съ добродушнымъ, простоватымъ лицомъ и длинными черными волосами. Онъ бросилъ на собраніе взглядъ почти сладострастный, откинулъ назадъ голову и сказалъ: «Вы отвергли, о братья мои! священника, и вы хорошо сдѣлали; но вы отвергли его не потому, что не уважаете религіи, ибо мы всѣ религіозны; не потому также, что онъ священникъ, ибо мы всѣ священники! рабочій — такой же священникъ, какъ и основатель соціализма, Господь нашъ Іисусъ Христосъ. Настало время насадить на землѣ царство божіе, ибо Евангеліе прямо ведетъ къ началамъ 89 года. За уничтоженіемъ рабства должно слѣдовать уничтоженіе пролетаріата, ибо было время злобы — начинается время любви. Христіанство есть замковый камень свода и фундаментъ новаго зданія...»

Кто-то позволилъ себѣ колкую остроту. Ораторъ остановился и начался скандалъ. Почти всѣ вскочили на скамейки и, грозя кулаками, кричали: «Атеистъ! аристократъ! каналья!»

— «Я аристократъ? что̀ вы?» Колокольчику президента и крикамъ «къ порядку! къ порядку!» удалось возстановить тишину, и виновникъ безпорядка объяснилъ, что съ священниками никогда не сдѣлаешь дѣла, и такъ какъ граждане заинтересованы въ государственной экономіи, то было бы чудесно уничтожить церкви, святыя дароносицы и наконецъ всѣ вѣроисповѣданія. Кто-то выразилъ, что онъ идетъ ужъ слишкомъ далеко. — «Да, я иду далеко; но когда корабль подхваченъ бурею».... — «Позвольте, но уничтожить разомъ, однимъ ударомъ, безъ разбора, какъ каменьщикъ».... — «Вы оскорбляете каменьщиковъ!» воскликнулъ гражданинъ, запачканный глиной; онъ сталъ браниться и лѣзть въ драку; три человѣка насилу его выпроводили вонъ. Между тѣмъ рабочій продолжалъ оставаться на трибунѣ; секретари сказали ему, чтобъ онъ сошелъ; онъ протестовалъ: — «Вы не помѣшаете мнѣ восклицать: вѣчная любовь къ нашей милой Франціи! вѣчная любовь къ республикѣ!» — «Граждане!» сказалъ Компенъ, «граждане! Я думаю, что слѣдовало бы дать большее распространеніе телячьей головѣ».... Всѣ смолкли, полагая, что дурно разслышали. — «Да, телячьей головѣ!» Всѣ триста человѣкъ разомъ прыснули со смѣху. Зданіе затряслось. Компенъ сердитымъ голосомъ продолжалъ: — «Какъ! вы не знаете телячьей головы?» Смѣхъ усилился; многіе хватались за животъ, нѣкоторые упали подъ лавки. Компенъ бросился къ Режамбару и хотѣлъ его увести вонъ. — «Нѣтъ, я останусь до конца», сказалъ гражданинъ [1]). Пеллерену удалось вставить свое предложеніе: «Желалъ бы я знать, гдѣ же тутъ кандидатъ искусствъ? Я написалъ картину».... — «Намъ нечего дѣлать съ картинами», возразилъ ему одинъ; другой пошелъ дальше: «Развѣ правительство не должно было уничтожить указомъ проституцію и бѣдность?» Эта фраза тотчасъ снискала ему расположеніе народа и онъ разразился противъ разврата большихъ городовъ, говорилъ, что слѣдовало бы хватать буржуа при выходѣ изъ Maison d'or и плевать имъ въ лицо, что народъ несетъ налоги на распутство богачей, напр. содержаніе театровъ, большое жалованье актерамъ.... Дельмаръ вскочилъ на трибуну и объявилъ,

[1]) Англійскіе индепенденты, пародируя церемонію 30 января, которую праздновали роялисты, учредили годичный банкетъ, за которымъ ѣли телячьи головы и пили красное вино изъ телячьихъ череповъ, произнося тосты за истребленіе Стюартовъ. Послѣ термидора террористы основали подобное же братство.

что онъ презираетъ подобныя плоскія обвиненія, и распространился о цивилизаторской миссіи актера; но онъ желалъ реформы театровъ и прежде всего — уничтоженія всякихъ дирекцій, всякихъ привилегій. Толпа воодушевилась игрою актера и съ разныхъ сторонъ раздались голоса: «Долой академіи, институтъ, миссіи, университетскія степени!» — «Сохранимъ университетскія степени», сказалъ Сенекаль, «но пусть ихъ присуждаетъ всеобщая подача голосовъ, народъ, этотъ единственный справедливый судья!» Затѣмъ онъ гнѣвно заговорилъ о богачахъ и страданіяхъ бѣдняка. Толпа привѣтствовала эту рѣчь такими рукоплесканіями, что Сенекаль долженъ былъ на время остановиться. Когда все стихло, онъ продолжалъ догматическимъ тономъ, какъ будто читалъ законы; право наслѣдства должно быть уничтожено, для рабочихъ долженъ быть основанъ общественный фондъ, и проч. Возвращаясь къ выборамъ, онъ сказалъ:

— «Намъ нужны граждане чистые, люди совершенно новые! Кто желаетъ?» Фредерикъ поднялся; друзья привѣтствовали его одобреніемъ. Но Сенекаль, принявъ позу Фукье-Тенвиля, началъ его допрашивать объ имени, фамиліи, образѣ жизни и проч. Кусая губы, Фредерикъ отвѣчалъ ему общими мѣстами. — «Не видитъ ли кто-нибудь препятствій этой кандидатурѣ?» — «Нѣтъ, нѣтъ!» — «Такъ я вижу, сказалъ Сенекаль. Гражданинъ Моро отказался дать извѣстную сумму для одного демократическаго учрежденія и 22-го февраля, несмотря на предупрежденіе, не явился на свиданіе, назначенное на площади Пантеона». — «Клянусь, что я видѣлъ его въ Тюльери!» воскликнулъ Дюсардье. — «Можете ли вы поклясться, что видѣли его въ Пантеонѣ?» Дюсардье опустилъ голову. — «Не можете ли вы представить какого-нибудь патріота, который бы поручился за васъ?» — «Я», сказалъ Дюсардье. — «Васъ недостаточно». Фредерикъ толкнулъ Режамбара. — «Да, правда, правда — пора», сказалъ онъ, и повлекъ за собою на эстраду испанца: «Позвольте мнѣ, граждане, представить вамъ барцелонскаго патріота». Патріотъ низко раскланялся и, приложивъ руку къ сердцу, началъ: «Cuidadanos! macho aprecio el honor».... — «Я прошу слова», кричалъ Фредерикъ. — «Desde que se proclamo la constitucion de Cadiz», продолжалъ патріотъ по-испански. — «Но, граждане», пытался Фредерикъ заставить себя слушать. — «El martes prosimo tendra lugar», продолжалъ испанецъ. — «Это, наконецъ, глупо! никто ничего не понимаетъ.» Это выраженіе раздражило толпу. — «Вонъ, вонъ!» — «Кто вонъ, я?» спросилъ Фредерикъ. — «Вы!» величаво произнесъ Сенекаль: «выходите!» Фредерикъ поднялся, чтобы выдти и голосъ иберійца преслѣдовалъ его: «Y todos los espanoles ver alli reunidas los

deputaciones de los clubs y de la milica nacional». — «Аристократъ!» крикнулъ Фредерику одинъ изъ толпы, показывая ему кулакъ.

Оскорбленный и уничтоженный, Фредерикъ бросился на улицу, упрекалъ себя за преданность народу, но не думалъ о томъ, что обвиненія, выставленныя противъ него, были во всякомъ случаѣ справедливы. «Что за ослы! что за глупцы!» говорилъ онъ, и сравнивая себя съ ними, онъ нѣсколько успокоивалъ раны своей гордости.

XVI.

Возвратившись домой, онъ засталъ Розанетту за починкою платья. Такое занятіе удивило его. «Это все твоя республика», сказала она.—«Почему-жъ моя республика?»—«А то моя, что ли?» и она принялась упрекать его за все, что происходило во Франціи въ теченіи двухъ послѣднихъ мѣсяцевъ; обвиняла его за то, что онъ произвелъ революцію, что онъ сдѣлался причиною общаго разоренія, отъѣзда богатыхъ иностранцевъ изъ Парижа и что она умретъ, наконецъ, въ госпиталѣ все черезъ него же. Замѣтивъ изъ его словъ, что онъ потерпѣлъ пораженіе въ клубѣ, она продолжала: «Тѣмъ лучше! Впередъ наука! Ты поразмысли немножко. Вѣдь въ каждой странѣ, какъ и въ каждомъ домѣ, необходимъ хозяинъ, иначе все пойдетъ вверхъ дномъ. Кому неизвѣстно, что Ледрю-Ролленъ весь въ долгахъ? А что касается Ламартина, то какъ это можно, чтобъ поэтъ понималъ что-нибудь въ политикѣ? Ты не качай головой—вѣдь это правда. Посмотри, сколько магазиновъ разорилось съ твоею республикой. Да и я знаю этихъ республиканцевъ, каковы они».

Раздраженіе Розанетты возрастало. Ватнацъ приводила ее своими рѣчами въ негодованіе. Разъ, по поводу одной выходки Гюсоннэ въ женскомъ клубѣ, Розанетта стала хвалить его и говорила, что она надѣнетъ мужское платье собственно для того, чтобъ пойти въ женскій клубъ, вразумить женщинъ и пересѣчь ихъ. По ея мнѣнію, женщины созданы только для любви, для воспитанія дѣтей и веденія хозяйства. Ватнацъ возражала ей, ссылаясь на исторію культуры. — «А, ты теперь и культуру узнала»!—«Отчего же и не знать ее? Дѣло идетъ о человѣчествѣ и его будущемъ». — «Ты лучше бы о себѣ заботилась».— «Это мое дѣло». Фредерикъ вмѣшался въ разговоръ. Ватнацъ разгорячилась и стала поддерживать даже коммунизмъ. — «Что за дичь»! сказала Розанетта. «Развѣ это можетъ быть когда-

нибудь»?—«Отчего и не быть? Я укажу тебѣ на ессеніянъ, на моравскихъ братьевъ, на іезуитовъ въ Парагваѣ, на семейство Пеигонъ въ Оверни». Она развивала эту тему съ большою горячностію и, сильно жестикулируя, задѣла цѣпочкою своихъ часовъ за связку брелоковъ, между которыми Розанетта замѣтила золотого барашка, котораго она подарила когда-то Дельмару. Это обстоятельство вывело ее изъ себя, и двѣ женщины окончательно разсорились, причемъ Ватнацъ пригрозила Розанеттѣ, которая была должна ей нѣсколько тысячъ франковъ.

Причина раздражительности Розанетты заключалась именно не то, что въ недостаткѣ, а въ отсутствіи изобилія въ деньгахъ. У Фредерика она ни за что не стала бы просить, боясь потерять его любовь; Арну, съ которымъ она продолжала тайкомъ отъ Фредерика поддерживать любовныя связи, не могъ ей платить ничего, потому что дѣла его окончательно пришли въ упадокъ, хотя онъ не унывалъ и чувствовалъ какое-то особенное наслажденіе водить Фредерика за носъ. Онъ даже еще больше полюбилъ его. Состоя въ національной гвардіи, онъ однажды просилъ Фредерика побыть за него сутки, такъ какъ ему необходимо было по дѣламъ побывать въ провинціи. Фредерикъ согласился, никакъ не воображая, что Арну хотѣлъ провести это время у Розанетты, а вовсе не въ провинціи. Ночью, однако, онъ вернулся и, чтобъ вознаградить Фредерика, предложилъ ему отужинать вмѣстѣ. «Я только вотъ сосну немножко», сказалъ онъ, и растянулся на своей походной кровати. Фредерика кусали блохи и онъ занялся наблюденіемъ и размышленіемъ. Арну спалъ, раскидавъ руки; дуло ружья какъ разъ упирало ему подъ мышку, а прикладъ былъ въ сторонѣ. Фредерикъ замѣтилъ это и испугался.—«Нѣтъ, я напрасно безпокоюсь! Тутъ бояться нечего. А что, еслибъ онъ въ самомъ дѣлѣ умеръ». И тотчасъ передъ Фредерикомъ развернулись обольстительныя картины. Онъ вообразилъ себя съ нею, ночью, въ дорожной каретѣ; потомъ у берега рѣки лѣтнимъ вечеромъ и, наконецъ, у себя дома при свѣтѣ лампы. Онъ остановился даже на хозяйственныхъ разсчетахъ, на распредѣленіи прислуги, созерцая и предвкушая свое счастіе. И чтобъ осуществить его — стоило только поднять и опустить курокъ ружья. Это можно было сдѣлать большимъ пальцемъ ноги; раздался бы выстрѣлъ, который приписали бы случаю, и все кончено. Фредерикъ пространно разработалъ эту идею, какъ драматургъ, развивающій свой сюжетъ. Вдругъ ему показалось, что она не далека отъ своего осуществленія, что онъ этому способствовалъ бы, этого желалъ бы и ужасъ объялъ его; но и среди этого ужаса онъ испытывалъ удовольствіе, чувствуя,

что вмѣстѣ со страхомъ исчезаютъ и угрызенія совѣсти, какъ стѣны подъ наводненіемъ.

На другой день утромъ онъ пошелъ къ Розанеттѣ, но она съ кѣмъ-то вышла. Быть можетъ съ Арну? Фредерикъ узналъ про ихъ связь. Отправившись шататься по бульварамъ, онъ встрѣтилъ огромную толпу у Сен-Мартенскихъ воротъ. Предоставленное самимъ себѣ или вѣрнѣе бѣдности, значительное число рабочихъ приходило сюда каждый вечеръ. Вопреки закону противъ сборищъ, эти *клубы отчаянія* умножались съ ужасающею быстротою. Буржуа приходили сюда изъ моды или порисоваться своею дешевою храбростію. Отъ времени до времени въ толпѣ раздавались крики: «Да здравствуетъ Наполеонъ! да здравствуетъ Барбесъ! долой Мари!» Безсчетная толпа говорила очень громко и гулъ стоялъ надъ нею, какъ отъ прибоя морскихъ волнъ. Иногда голоса смолкали и вдругъ раздавалась *Марсельеза*. Подъ боковыми воротами люди таинственнаго вида предлагали трости съ стилетомъ. Группы праздношатающихся занимали тротуары; на мостовой волновалась густая толпа. Цѣлые отряды полицейскихъ выходили изъ переулковъ и тотчасъ же быстро исчезали. Тамъ и сямъ виднѣвшіяся красныя знамена казались пламенемъ.

Фредерикъ встрѣтилъ тутъ Дамбрёза и Мартинона. Они перестали уже кричать: «да здравствуетъ республика» и, нося въ карманахъ кастеты, ругали республику и народъ. Банкиръ съ особенной злобой говорилъ о Ламартинѣ (за то, что онъ поддерживалъ Ледрю-Роллена) и вмѣстѣ съ нимъ о Пьерѣ Леру, Прудонѣ, Консидеранѣ, Ламменэ, обо всѣхъ горячихъ головахъ, о соціалистахъ. — «И чего имъ нужно еще? восклицалъ онъ. Вѣдь уничтожили акцизъ съ мяса и личное задержаніе, — ну и довольно. Теперь пусть убираются вонъ. Счастливаго пути!»

Въ самомъ дѣлѣ, не зная чѣмъ питать сто тридцать тысячъ человѣкъ въ національныхъ мастерскихъ, министръ публичныхъ работъ, на этихъ дняхъ, подписалъ приказъ, приглашающій гражданъ, имѣющихъ отъ 18 до 20 лѣтъ, вступить въ солдаты или отправляться въ провинціи обработывать землю. Эта мѣра возмутила ихъ и въ ней они видѣли начало распаденія республики. Жить вдали отъ столицы огорчало ихъ, какъ ссылка, и въ перспективѣ ждала ихъ смерть отъ лихорадки. Кромѣ того, для многихъ изъ нихъ, привыкшихъ къ работѣ болѣе тонкой, землепашество казалось униженіемъ; надъ ними насмѣялись, ихъ обманули самымъ наглымъ образомъ. Въ случаѣ сопротивленія, противъ нихъ употребятъ силу; они не сомнѣвались въ этомъ и готовились предупредить ее.

Къ девяти часамъ прибыли новыя толпы и отъ Сен-Денисскихъ воротъ до Сен-Мартенскихъ образовалась одна темная масса. Зрачки этихъ людей были воспламенены, лица блѣдныя и исхудалыя отъ голода, искаженныя страданіемъ. Между тѣмъ сбирались тучи; грозовое небо воодушевляло толпу и она волновалась нерѣшительно, какъ широкое качаніе шара; въ нѣдрахъ ея чувствовалась неисчислимая животная сила и словно стихійная энергія. Вдругъ она запѣла: «Des lampions! des lampions!» (Плошки! плошки!) Окна многихъ домовъ не освѣщались и въ нихъ полетѣли камни. Г. Дамбрёзъ почелъ благоразумнымъ удалиться. Молодые люди сопровождали его. Онъ предвидѣлъ большія несчастія. Народъ снова могъ нахлынуть въ палату, и по этому случаю онъ разсказалъ, какъ 15-го мая его раздавили бы, еслибъ національный гвардеецъ, Жанъ Арну, не взялъ его на руки и не поставилъ къ сторонкѣ. Онъ сталъ хвалить Арну и прибавилъ, что на этихъ дняхъ надо будетъ пообѣдать вмѣстѣ.

Оставивъ Дамбрёза, Фредерикъ отправился къ Розанеттѣ и мрачно объявилъ ей, что она должна выбирать между нимъ и Арну. Она скромно отвѣчала, что ничего не понимаетъ въ этихъ намекахъ и что вовсе не любитъ Арну. Фредерикъ увезъ ее изъ Парижа въ Фонтенбло и тамъ нѣсколько дней они пріятно провели на лонѣ природы и искусства. Розанетта была необыкновенно мила, предупредительна и очаровательна. Они гуляли, говорили другъ другу нѣжности; она садилась на лугъ и распускала зонтикъ, а онъ ложился головою къ ней на колѣни; или оба ложились на землю, другъ противъ друга и по долгу смотрѣли другъ другу въ глаза, ничего не говоря. Иногда они слышали издали звукъ барабановъ, которые били въ деревняхъ, призывая жителей защищать Парижъ.

— «А, слышишь! мятежъ!» говорилъ Фредерикъ съ презрительной жалостью, такъ ничтожно и презрѣнно казалось ему все это движеніе въ сравненіи съ ихъ любовью и вѣчною природою.

И они болтали о разныхъ пустякахъ, возвращаясь къ одному и тому же предмету по сту разъ. Онъ служилъ Розанеттѣ горничной и парикмахеромъ. Разъ она забылась даже до того, что сказала свои годы — 29 лѣтъ.

Она вспомнила свое прошлое. Отецъ ея былъ рабочій, а она помогала ему. Но какъ бѣдняга ни старался, жена бранила его и все пропивала. Розанетта вспомнила ихъ комнату, со станками, разставленными врядъ противъ оконъ, горшками на печи, кроватью, шкафомъ и темными палатями, гдѣ спала она до 15 лѣтъ. Вспомнила, какъ однажды пришелъ какой-то толстый господинъ, одѣтый въ черное, съ манерами святоши. Мать стала съ нимъ

разговаривать, а потомъ черезъ три дня... Розанета остановилась и, бросивъ на Фредерика взглядъ, исполненный безстыдства и горечи, сказала: «Все было кончено».

— «Такъ какъ онъ былъ женатъ, то меня отвели въ нумеръ гостинницы, сказавъ, что я буду счастлива и что мнѣ сдѣлають хорошій подарокъ. Когда я вошла въ нумеръ — все для меня было тамъ ново, начиная съ мебели и кушаній, разставленныхъ на столѣ, который накрытъ былъ на два прибора. Сѣсть было негдѣ, кромѣ дивана. Пружины мягко опустились подо мной, отъ печки вѣяло тепломъ; я не знала что дѣлать. Стоявшій тутъ лакей приглашалъ меня ѣсть. Онъ тотчасъ налилъ мнѣ стаканъ вина; у меня закружилась голова, я хотѣла открыть окно—онъ мнѣ не позволилъ. Кушанья мнѣ не понравились и я набросилась на сласти и все ждала—не знаю, что его задержало; было уже очень поздно, около полуночи и я очень устала; поправляя подушку, чтобъ получше лечь, я нашла подъ нею что-то въ родѣ альбома; то были картинки... извѣстнаго содержанія. Я спала надъ ними, когда онъ вошелъ».

Она опустила голову и задумалась; ноздри ея вздулись.— «Такъ ты страдала, бѣдняжка!» — «Да, больше чѣмъ ты думаешь... даже утопиться хотѣла, но меня вытащили».—«Какъ?» —«Полно объ этомъ... Я люблю тебя, я счастлива — поцѣлуй меня!...»

XVII.

Узнавъ изъ газетъ, что Дюсардье раненъ, Фредерикъ рѣшился ѣхать въ Парижъ. Розанетта умоляла его, плакала; проѣздъ былъ очень труденъ, но они все-таки поѣхали. Розанетту пришлось оставить въ Мелюнѣ, въ гостинницѣ; самъ онъ кое-какъ добрался на извощикѣ до заставы; тутъ извощикъ ссадилъ его. Фредерикъ пошелъ пѣшкомъ по грязи. Едва онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, какъ часовой загородилъ ему дорогу штыкомъ и четыре человѣка схватили его, крича: «Держи его, разбойника, каналью!» Онъ былъ такъ удивленъ, что позволилъ безпрекословно тащить себя въ полицію. По дорогѣ встрѣчались ему баррикады, отряды пѣхоты и національной гвардіи, съ черными лицами, растрепанные, съ блуждающими глазами. Они только-что овладѣли площадью и разстрѣляли нѣсколько человѣкъ; гнѣвъ ихъ еще не прошелъ. Фредерику удалось убѣдить капитана, что онъ дѣйствительно изъ Фонтенбло пріѣхалъ, чтобы помочь раненому товарищу. Капитанъ приказалъ двумъ солдатамъ отвести его до

слѣдующаго поста, отсюда одинъ солдатъ проводилъ его до политехнической школы. Холодный вѣтеръ оживилъ Фредерика. Въ нѣкоторыхъ улицахъ не было ни газовыхъ фонарей, ни свѣта въ домахъ. Каждыя десять минутъ слышался протяжный крикъ: «Часовые!—Берегись!..:» И этотъ крикъ, раздававшійся въ тишинѣ, отражался вдали, какъ звукъ падающаго въ бездну камня. Изрѣдка слышались приближавшіеся тяжелые шаги патруля, всегда человѣкъ во сто. На углахъ улицъ неподвижно стояли конные драгуны. Время отъ времени, крупнымъ галопомъ, проносился верховой съ эстафетой, и опять все умолкало. Вдали слышался страшный и глухой грохотъ ѣдущихъ орудій, и сердце сжималось при этихъ звукахъ, не похожихъ на звуки обыкновенные. Казалось, они еще болѣе распространяли глубокую, черную тишину. Люди въ бѣлыхъ блузахъ подходили къ солдатамъ, говорили имъ что-то и исчезали какъ тѣни.

У политехнической школы толпилось множество народу. Женщины стояли у дверей, прося свиданія съ сыновьями своими или мужьями. Ихъ отсылали въ Пантеонъ, превращенный въ складъ труповъ, и не слушали Фредерика; онъ настаивалъ, клялся, что его другъ Дюсардье ждетъ его, что онъ при смерти. Наконецъ, ему дали капрала, чтобъ проводить его въ улицу Сен-Жанъ, въ мерію XII округа. Площадь Пантеона была занята солдатами, спавшими на соломѣ. Занималась заря. Бивачные огни тухли. Возмущеніе оставило въ этомъ кварталѣ ужасные слѣды. Улицы были взрыты. Въ разрушенныхъ баррикадахъ валялись омнибусы, газовыя трубы, колеса; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ чернѣлись кровяныя лужи. Дома были испещрены пулями, штукатурка съ нихъ обсыпалась; оторванныя ставни держались на одномъ какомъ-нибудь гвоздѣ и висѣли какъ лохмотья. Въ открытыя двери ничего не стало видно, такъ какъ лѣстницы обрушились. Внутри комнатъ виднѣлись оборванные обои и кое-гдѣ уцѣлѣвшія изящныя вещицы.

Когда Фредерикъ вошелъ въ мерію, національные гвардейцы вели неистощимый разговоръ объ убитыхъ, между прочимъ о парижскомъ архіепископѣ. Говорили, что герцогъ Омальскій отплылъ изъ Булони, Барбесъ бѣжалъ въ Венсенъ, между тѣмъ какъ артиллерія идетъ изъ Буржа, а изъ провинціи ожидаютъ подкрѣпленій. Около трехъ часовъ кто-то принесъ доброе извѣстіе, что парламентеры отъ возставшихъ отправились къ президенту собранія. Всѣ оживились, а такъ такъ у Фредерика оставалось 12 франковъ, то онъ послалъ за дюжиной вина, надѣясь этимъ ускорить свое освобожденіе. Вдругъ раздалась ружейная пальба; попойка остановилась, на Фредерика посмотрѣли

всѣ, недовѣрчиво: «А вдругъ это Генрихъ V».... Во избѣжаніе отвѣтственности, его перевели въ мерію XI округа, откуда и не выпускали до девяти часовъ. Вырвавшись, онъ бросился бѣжать до самой набережной Вольтера. У одного открытаго окна сидѣлъ старикъ и плакалъ, поднявъ глаза вверхъ. Молчаливо текла Сена; небо было ясное; въ Тюльерійскомъ саду раздавалось пѣніе птицъ. Проходя по Карусельской площади, Фредерикъ встрѣтилъ носилки. Солдаты тотчасъ сдѣлали на караулъ, а офицеръ, приложивъ руку къ козырьку, сказалъ: «Честь несчастному храбрецу!» Эта фраза сдѣлалась почти обязательной и произносившій ее всегда, повидимому, былъ торжественно умиленъ. За носилками шла толпа людей съ криками: «Мы отомстимъ вамъ! Мы вамъ отомстимъ».

По бульвару сновали кареты; женщины, сидя на порогахъ, щипали корпію, хотя бунтъ былъ почти усмиренъ: только-что вышедшая прокламація Кавеньяка извѣщала объ этомъ. Въ улицѣ Вивьенъ показался отрядъ подвижной гвардіи; буржуа встрѣтили ихъ восторженными криками, поднимали вверхъ шляпы, рукоплескали, плясали, лѣзли цѣловаться, предлагали вина, а съ балконовъ сыпались на нихъ цвѣты изъ дамскихъ ручекъ. Наконецъ, въ 10 часовъ, Фредерикъ пришелъ къ Дюсардье. Онъ нашелъ его спящимъ въ мансардѣ; изъ сосѣдней комнаты вышла m-lle Ватнацъ, отвела Фредерика въ сторону и разсказала ему, какъ ранили Дюсардье.

Въ субботу, въ улицѣ Лафайетъ, какой-то гаменъ, завернувшись въ трехцвѣтное знамя, взобрался на баррикаду и крикнулъ національнымъ гвардейцамъ: «пойдете ли стрѣлять въ своихъ братьевъ»! Дюсардье бросилъ свое ружье, протолкался впередъ, вскочилъ на баррикаду и, оттолкнувъ гамена, вырвалъ у него знамя. Послѣ его нашли подъ щебнемъ, раненымъ въ бедро. Ватнацъ пришла въ тотъ же вечеръ и съ тѣхъ поръ не покидала его. Фредерикъ посѣщалъ больного каждое утро въ теченіи двухъ недѣль. Читая въ газетахъ описаніе своего подвига, бѣдный малый сильно смущался: можетъ быть, ему слѣдовало бы сражаться вмѣстѣ съ блузниками, а не противъ нихъ, потому что имъ надавали столько обѣщаній и ни одного не исполнили. Ихъ побѣдители презирали республику и выказали относительно побѣжденныхъ столько безчеловѣчія. Нѣтъ сомнѣнія, блузники были виноваты, но не совсѣмъ. Дюсардье мучился при мысли, что онъ могъ сражаться противъ правыхъ. Сенекаль, сидѣвшій въ тюльерійскомъ казематѣ, у самаго уровня воды, не зналъ подобныхъ угрызеній совѣсти. Девятьсотъ заключенныхъ валялись здѣсь въ грязи, выпачканные въ порохѣ и крови, дрожа отъ лихорадки и

испуская крики отчаянія; мертвыхъ не выносили и трупы лежали между живыми. При каждомъ неожиданномъ стукѣ имъ казалось, что идутъ ихъ разстрѣливать, всѣ бросались въ разныя стороны, бились головами объ стѣну и опять падали на свои мѣста, до такой степени обезумѣвши отъ боли, что самое существованіе казалось имъ какимъ-то кошемаромъ, мрачной галлюцинаціей. Лампа, висѣвшая подъ сводомъ, казалась какимъ-то кровавымъ пятномъ, тамъ и сямъ свѣтились зеленые и желтые огоньки, порожденные испареніями погреба. Правительство, опасаясь эпидеміи, назначило коммиссію. Но едва предсѣдатель ея вошелъ въ тюрьму, какъ тотчасъ же бросился вонъ, испугавшись запаха экскрементовъ и разлагавшихся труповъ. Когда узники подходили къ отдушинѣ, то національные гвардейцы, стоявшіе на часахъ, тыкали въ нихъ штыками для того, чтобы они не-трогали рѣшетки. Побѣдители вообще стали безжалостны и старались отличиться изъ чувства страха, выступившаго изъ всякихъ границъ. Они мстили теперь своимъ противникамъ разомъ за все: за журналы, клубы, сборища, проповѣдь соціализма, за все, однимъ словомъ, что̀ происходило въ послѣдніе три мѣсяца, и какъ будто наперекоръ побѣдѣ, равенство (точно въ наказаніе своимъ защитникамъ и въ насмѣшку надъ своими врагами) высказывалось торжественно, но это было равенство безсмысленныхъ скотовъ, равенство въ кровавомъ безстыдствѣ, такъ какъ фанатизмъ собственниковъ уравновѣшивалъ неистовство неимущихъ: аристократы свирѣпствовали какъ ненасытные злодѣи и bonnet de coton показала себя столь же отвратительной, какъ bonnet rouge. Въ общественномъ мнѣніи произошла путаница, словно послѣ какого-нибудь громаднаго переворота въ природѣ. Разсудительные люди съ этого времени стали идіотами на всю жизнь.

Рокъ сталъ очень храбръ, даже безразсуденъ. Пріѣхавши въ Парижъ, 26-го числа, вмѣстѣ съ ножанцами, онъ, вмѣсто того, чтобы возвратиться съ ними назадъ, вступилъ въ національную гвардію, расположенную у Тюльери, и обрадовался, что его поставили на часы къ береговому каземату. По крайней мѣрѣ онъ теперь можетъ повелѣвать этими разбойниками. Онъ радовался, что ихъ разбили, презирали, и не могъ удержаться отъ ругательствъ надъ ними. Одинъ изъ нихъ, юноша съ длинными русыми волосами, подошелъ къ оконной рѣшеткѣ и попросилъ хлѣба. Рокъ приказалъ ему молчать. Молодой человѣкъ повторилъ свою просьбу жалобнымъ голосомъ — «хлѣба»!

— «Да гдѣ же мнѣ его взять»! Другіе узники, съ воспаленными зрачками, съ растрепанными бородами, тоже подошли къ

рѣшеткѣ и тоже закричали: «хлѣба»! Рокъ взбѣсился, что не признаютъ его власти и, желая напугать ихъ, прицѣлился; молодой человѣкъ, приподнятый напиравшей толпой къ самому верху, откинувъ голову назадъ, крикнулъ еще разъ: — «хлѣба»! — «На! вотъ тебѣ хлѣбъ»! сказалъ Рокъ, и спустилъ курокъ. Раздался страшный вой, и затѣмъ все замолкло. У края рѣшетки осталось что-то бѣлое. Послѣ этого Рокъ воротился домой, такъ какъ у него былъ свой домъ въ улицѣ Сен-Мартенъ, гдѣ онъ устроилъ себѣ временную квартиру; разстройства въ хозяйствѣ его, причиненныя возмущеніемъ, были не послѣднею причиною овладѣвшей имъ ярости. Теперь ему показалось, что бѣда не такъ велика: послѣдній его поступокъ, успокоилъ его немного, — точно онъ вознаградилъ себя этимъ.

Луиза отворила ему дверь. Она сказала, что его долгое отсутствіе сильно ее безпокоило: она думала, не ранили ли его или вообще не случилось ли съ нимъ какого несчастія. Эта дочерняя заботливость смягчила Рока; но вдругъ Луиза поблѣднѣла, чуть не упала въ обморокъ, пошептавшись съ Катериной, служанкой своей, которую она посылала развѣдать о Фредерикѣ.

— «Что съ тобой? Что съ тобой?» воскликнулъ отецъ. Она сдѣлала рукою знакъ, что пустое и, употребивъ необыкновенное усиліе, оправилась. Изъ трактира принесли супъ, но Рокъ былъ слишкомъ взволнованъ, такъ что за дессертомъ ему сдѣлалось дурно. Тотчасъ же послали за докторомъ, который прописалъ микстуру. Потомъ Рокъ легъ въ постель, велѣлъ себя покрыть потеплѣе, чтобы вспотѣть; онъ охалъ и вздыхалъ. — «Поцѣлуй своего бѣднаго отца, цыпленокъ мой! Охъ, эти революціи»! Дочь сѣтовала на него за то, что онъ заболѣлъ отъ безпокойства объ ней. — «Да, ты права! отвѣчалъ онъ, но вѣдь себя не пересилишь! Я слишкомъ чувствителенъ»!

XVIII.

Обѣдъ, о которомъ говорилъ г. Дамбрёзъ, состоялся. Фредерикъ увидѣлъ тутъ г-жу Арну и Луизу, но старался ихъ избѣгать. Послѣ обѣда, въ саду онъ вертѣлся около хозяйки и свѣтскихъ дамъ, и острилъ передъ ними надъ Луизой, которая не умѣла одѣваться. Его слушали съ удовольствіемъ, и тщеславіе его было польщено какъ нельзя болѣе. Онъ чувствовалъ себя въ настоящей, самой любезной ему средѣ. Возвращаться домой пришлось ему вмѣстѣ съ семействами Рокъ и Арну; онъ по-

шелъ впередъ съ Луизой и увѣрялъ ее, что «любитъ ее одну и любить не перестанетъ», но что сочетаться теперь бракомъ ему не дозволяютъ нѣкоторыя высшія соображенія и политическія препятствія, которыя, однако — по крайней мѣрѣ онъ надѣется—будутъ устранены.

Когда въ домѣ всѣ улеглись, Луиза встала и, разбудивъ Катерину, объявила ей, что она сейчасъ же хочетъ идти къ Фредерику. Напрасны были представленія Катерины и рѣшительный отказъ сопровождать барышню — Луиза бросилась на улицу одна. Катеринѣ пришлось догонять ее и идти вмѣстѣ. По дорогѣ встрѣчались имъ патрули, которые острили надъ двумя женщинами, говорившими, что идутъ за докторомъ. Привратникъ сказалъ имъ, что Фредерикъ не приходилъ домой; что онъ вообще дома не ночуетъ, да и днемъ рѣдко появляется на своей квартирѣ. Луиза сѣла на тумбу и горько плакала. Занималась заря. Катерина отвела ее домой, утѣшая, какъ умѣла, утѣшеніями жизненнаго опыта.

Фредерикъ, въ самомъ дѣлѣ, почти не жилъ дома, все время пропадая у Розанеты и наслаждаясь любовью. Чтобъ сократить расходы, она принуждена была перемѣнить свой отель на квартиру меньшихъ размѣровъ, но столь же изящную; денежныя средства ея продолжали быть неблестящими и особенно злило ее то обстоятельство, что Арну совсѣмъ разорялся на новую любовницу, ту самую работницу на его фаянсовомъ заводѣ, изъ-за которой онъ разсорился съ Сенекалемъ. Покупая ей на послѣднія деньги свои палисандровую мебель, онъ не заботился о Розанетѣ, которой онъ былъ долженъ. Безъ горечи она не могла говорить о немъ и даже объявила Фредерику, что начнетъ съ прежнимъ своимъ любовникомъ процессъ. Фредерикъ не обращалъ на это большого вниманія, но, желая выяснить дѣло, пошелъ однажды вечеромъ къ Арну, разсчитывая, впрочемъ, не застать его дома. Такъ и случилось. Мари Арну приняла его. Разговоръ сначала не вязался. Фредерикъ напомнилъ ей, что она не исполнила обѣщанія своего явиться на свиданіе. Она разсказала ему болѣзнь сына, и Фредерикъ воскликнулъ:— «О, благодарю, благодарю васъ. Я болѣе не сомнѣваюсь и люблю васъ по прежнему.»—«Не можетъ быть!»—«Почему же?»—Она холодно взглянула на него: — «Вы забываете другую, ту, что возили на скачки.»—«О, вы правы, я не отрекаюсь, я презрѣнный, но несчастный человѣкъ—выслушайте меня», и онъ сталъ говорить, что бросился къ Розанетѣ съ отчаянія, избравъ ее, какъ другіе избираютъ самоубійство. «О, еслибъ знали вы, какъ я страдалъ!» Арну протянула ему руку и оба они закрыли глаза,

погруженные въ тихій и сладкій восторгъ. Потомъ они стали смотрѣть другъ на друга пристально, долго.—«Могли-ли вы подумать, что я васъ болѣе не люблю?» И тихимъ, ласковымъ голосомъ она отвѣчала ему: «Нѣтъ! Несмотря ни на что, въ глубинѣ моего сердца я чувствовала, что это невозможно и что настанетъ день, когда препятствіе между нами исчезнетъ.» — «Я также! Мнѣ до смерти хотѣлось васъ видѣть. Жизнь моя такъ печальна!:.»—«А моя!.. Еслибъ еще только горе, безпокойства, униженіе, все, что переношу я какъ супруга и какъ мать — я бы не жаловалась, но ужасно это одиночество, никого...»—«Но я здѣсь!»—«Да, да!» и порывъ нѣжности поднялъ ее; они разставили руки и соединились въ долгомъ, страстномъ поцѣлуѣ.

Вдругъ возлѣ послышались шаги. Около нихъ стояла Розанета; Арну узнала ее. «Я хотѣла говорить съ г. Арну по дѣлу».—«Вы видите, что его нѣтъ дома».—«Правда», сказала Розанетта: «ваша прислуга не солгала. Извините». И, обратившись къ Фредерику:—«И ты здѣсь?» Это «ты» заставило г-жу Арну покраснѣть, какъ отъ пощечины: — «я вамъ сказала, что мужа нѣтъ дома, и опять повторяю». Розанета, посмотрѣвъ кругомъ, спокойно сказала:—«Пойдемъ, у меня фіакръ внизу». Онъ сдѣлалъ видъ, что не слышитъ.—«Пойдемъ же, говорю.»—«Въ самомъ дѣлѣ—хорошій случай вамъ уѣхать. Поѣзжайте!» Они вышли. Арну посмотрѣла на нихъ съ лѣстницы и рѣзкій, раздирающій хохотъ вырвался изъ устъ ея.

Фредерикъ молчалъ всю дорогу, но онъ готовъ былъ задушить эту «тварь», которая стала теперь на порогѣ его счастія.—«Красивую ты штуку сдѣлала», сказалъ онъ пріѣхавъ домой, бросивъ шляпу и сорвавъ съ себя галстукъ. Она гордо стала передъ нимъ: — «Ну, еще что? гдѣ-жъ бѣда-то?» — «Какъ? ты за мной подсматриваешь?»—«Чѣмъ же я виновата? Ты бы не развлекался у честныхъ женщинъ!»—«Я не хочу, чтобъ ты оскорбляла ихъ».—«Чѣмъ же я ее оскорбила?» Онъ замолчалъ, потомъ заговорилъ снова: — «А, помнишь, на скачкахъ...» — «А, ты опять за старыя исторіи...»—«Дрянь!» и онъ поднялъ надъ нею кулакъ. — «Не бей меня: я беременна!» Фредерикъ отступилъ: — «Ты лжешь!» — «Посмотри самъ!» и она, взявъ свѣчку, поднесла ее къ лицу своему, которое было усѣяно желтыми пятнами.

Фредерикъ открылъ окно, прошелся по комнатѣ и затѣмъ опустился въ кресло. Эта беременность разстроивала всѣ его планы, хотя онъ не прочь былъ сдѣлаться отцомъ. Но еслибъ вмѣсто Розанеты была та... И онъ погрузился въ такую глубокую думу, что на коврѣ, возлѣ него ему представилась маленькая дѣвочка,

какъ двѣ капли воды похожая на Мари Арну и говорила ему дѣтскимъ, нѣжнымъ голоскомъ: «Папа! папа!»

Розанета подошла къ нему и ласково стала шептать, что родитъ сына, что онъ будетъ весь въ Фредерика; она говорила потомъ, что вовсе не хотѣла за нимъ подсматривать, что она пошла къ Арну, чтобъ получить съ него свои деньги, потому что Ватнацъ требовала свой долгъ. — «Вѣдь я тебѣ далъ денегъ».—«Зачѣмъ же я буду тратить твои, когда гораздо проще заплатить долгъ своими».

Фредерикъ на другой день отправился къ Ватнацъ и засталъ у ней раутъ.

Стоя у фортепіано, за которымъ сидѣла дѣвушка въ очкахъ, Дельмаръ, серьезный, какъ жрецъ, декламировалъ стихотвореніе о проституціи. Нѣсколько женщинъ, одѣтыхъ въ платья темнаго цвѣта, безъ воротниковъ и рукавчиковъ, сидѣли около стѣны; было еще пять-шесть мужчинъ весьма серьезнаго вида. Тутъ же сидѣлъ и Дюсардье. Фредерикъ сказалъ, что ему надо переговорить съ Ватнацъ. Они вышли въ отдѣльную комнату и Фредерикъ отсчиталъ деньги.—«А проценты?» сказала Ватнацъ.— «Стóитъ объ этомъ вздорѣ толковать», замѣтилъ Дюсардье. — «Ну, ты молчи!» Фредерику было очень пріятно, что мужественный человѣкъ тоже попалъ подъ башмакъ. О случаѣ у Арну Фредерикъ не заикался болѣе передъ Розанетой, но за то недостатки ея онъ увидѣлъ теперь ясно: у нея дурной вкусъ, она страшно лѣнива, невѣжественна, по своему тщеславна. Раза два или три вернувшись къ ней не въ обычное время, онъ замѣчалъ быстро удалявшихся отъ нея мужчинъ; кромѣ того, она куда-то уходила довольно часто, скрывая это отъ Фредерика. Онъ не пытался хорошенько вникнуть въ эти обстоятельства, ибо мечталъ объ иной, болѣе благородной и веселой жизни. Подобный идеалъ заставлялъ его смотрѣть снисходительно на отель Дамбрёза, гдѣ хозяйка была привѣтлива, такъ умѣла говорить, правда, пустяки, но *какъ* эти пустяки высказывались; она не терялась ни въ какомъ обществѣ и благородная веселость всегда оживляла ея милое лицо.

Что касается мужского общества, то здѣсь онъ встрѣчалъ великаго А., знаменитаго В., глубокомысленнаго С., краснорѣчиваго Я., старыхъ теноровъ лѣваго центра, паладиновъ правой стороны, бургграфовъ средней партіи, вѣчныхъ простяковъ комедіи. Фредерика поражали ихъ отвратительный языкъ, ихъ низости, злословіе, недобросовѣстность; всѣ эти люди вотировали конституцію съ мыслью ее уничтожить; они агитировали, издавали манифесты, памфлеты, біографіи, вели пропаганду въ де-

ревняхъ. Дамбрёзъ, подобно барометру, постоянно служилъ выразителемъ всѣхъ измѣненій въ образѣ мыслей этой партіи. О Ламартинѣ онъ иначе не говорилъ, какъ цитируя его собственныя слова: «Лира въ сторону!» Кавеньякъ, по его мнѣнію, былъ измѣнникъ. Президентъ, которому онъ удивлялся цѣлые три мѣсяца, начиналъ падать въ его глазахъ, ибо не имѣлъ «достаточной энергіи», и такъ какъ ему постоянно нуженъ былъ какой-нибудь спаситель, то въ настоящее время онъ восторгался Шангарнье: «Слава Богу, Шангарнье... будемъ надѣяться, что Шангарнье... О, нечего бояться, покуда Шангарнье...» Тьеръ былъ въ модѣ за свое сочиненіе, направленное противъ соціализма, гдѣ онъ выказалъ себя мыслителемъ. Надъ Пьеромъ Леру, цитировавшимъ въ палатѣ философовъ, жестоко смѣялись; о фаланстеріяхъ нечего и говорить.

Политическое пустословіе и хорошіе обѣды притупляли нравственное чувство Фредерика. Какъ ни посредственны казались ему всѣ эти лица, онъ гордился ихъ знакомствомъ и внутренно желалъ пріобрѣсти уваженіе буржуазіи. Такая любовница, какъ г-жа Дамбрёзъ могла бы дать ему ходъ, и онъ принялся дѣлать все то, чтó для этого нужно было.

XIX.

Онъ старался встрѣчаться съ нею на гуляньяхъ, заходилъ въ ея ложу въ театрѣ, и, узнавъ тѣ часы, въ которые бывала она въ церкви, становился у колонны съ самымъ меланхолическимъ видомъ. Между ними завязался постоянный обмѣнъ записокъ о концертахъ, книгахъ, журналахъ. Кромѣ обычнаго вечерняго визита, онъ посѣщалъ ее иногда около полуночи, причемъ, по мѣрѣ того, какъ проходилъ онъ черезъ ворота, по двору, черезъ переднюю и двѣ залы, онъ чувствовалъ себя болѣе и болѣе въ хорошемъ расположеніи духа; наконецъ, вотъ и будуаръ ея, молчаливый какъ могила и теплый, какъ альковъ; здѣсь была шелковая мебель и множество всевозможныхъ вещицъ, то дорогихъ, то дешевыхъ, то совершенно простыхъ, какъ напр. три голыша для прессъ-папье. Но все это гармонировало между собою и въ цѣломъ даже поражало своимъ благородствомъ.

Она почти всегда сидѣла на маленькой козеткѣ, близъ жардиньерки, стоявшей въ амбразурѣ окна. Фредерикъ садился на кресло противъ нея и отсыпалъ ей самые отборные комплименты, а она смотрѣла на него съ улыбкой, наклонивъ нѣсколько голову на бокъ. Иногда онъ читалъ ей стихи, стараясь при этомъ

тронуть ее и заставить удивляться его умѣнью декламировать. Она останавливала его часто какимъ-нибудь замѣчаніемъ или практическимъ наблюденіемъ, и разговоръ постоянно переходилъ на нескончаемый вопросъ о любви. Они спорили о томъ, кто способенъ болѣе любить, — мужчины или женщины, и какое между ними въ этомъ отношеніи различіе. Фредерикъ старался высказать свое мнѣніе безъ приторности и рѣзкости. Подобныя бесѣды походили на борьбу, иногда доставлявшую имъ удовольствіе, иногда тяжелую и докучливую. Вообще, онъ не чувствовалъ возлѣ нея ни того очарованія, которое испытывалъ въ присутствіе Мари Арну, ни той веселости, которою плѣняла его въ прежнее время Розанета. Но онъ, тѣмъ не менѣе, сильно желалъ обладать ею, какъ чѣмъ-то ненормальнымъ и недоступнымъ, какъ великосвѣтскою, богатою и набожною женщиною, у которой чувства также деликатны, какъ рѣдки ея кружева, и которая, при всей испорченности своей, обладаетъ стыдливостью. Припоминая свою прежнюю любовь, онъ высказывалъ ей, какъ будто воодушевленный ею, все, что̀ ему когда-то внушала г-жа Арну: свои мученія, сомнѣнія и мечты. Она выслушивала все это, какъ давно ей знакомое, не отталкивала его, но и нисколько не уступала ему. Ему не удавалось ее соблазнить, какъ Мартинону не удавалось жениться на ея племянницѣ, то-есть на побочной дочери г. Дамбрёза.

Для того, чтобы покончить съ Мартинономъ, она обвинила его въ желаніи жениться на деньгахъ и просила своего мужа подвергнуть его испытанію. Дамбрёзъ объявилъ молодому человѣку, что Цецилія бѣдная сирота, не имѣющая никакого приданаго; Мартинонъ не повѣрилъ этому, или вслѣдствіе того, что уже слишкомъ далеко зашелъ, чтобы отказаться, или вслѣдствіе какого-то идіотскаго упрямства, свойственнаго геніямъ: онъ отвѣчалъ, что ему достаточно своего состоянія, приносящаго 15,000 франковъ доходу. Это непредвидѣнное безкорыстіе тронуло банкира, и онъ обѣщалъ ему свое поручительство для полученія должности сборщика податей, и обязался доставить ему это мѣсто. Въ маѣ 1850 г., Цецилія вышла замужъ за Мартинона. Не было никакого бала. Молодые люди въ тотъ же вечеръ уѣхали въ Италію.

Фредерикъ пришелъ на другой день съ визитомъ къ г-жѣ Дамбрёзъ. Она показалась ему блѣднѣе обыкновеннаго, и раза два или три рѣзко ему противорѣчила, жалуясь на людской эгоизмъ. Онъ замѣтилъ, что есть и преданные люди, разумѣя, конечно, себя. «—Э, всѣ одинаковы!» Ея вѣки были красны: она плакала. Потомъ, постаравшись улыбнуться, она сказала: — «Изви-

ните меня, я виновата! Мнѣ пришла въ голову очень печальная мысль!» Она позвонила, чтобы ей подали стаканъ воды, отпила одинъ глотокъ, и за что-то осталась недовольна лакеемъ. Чтобъ развеселить ее, Фредерикъ предложилъ себя вмѣсто лакея, говоря, что онъ умѣетъ подавать тарелки, выбивать пыль изъ мебели, докладывать о гостяхъ, вообще быть лакеемъ или даже егеремъ, хотя послѣдняя должность и вышла изъ моды. Онъ хотѣлъ стоять за ея каретой въ шляпѣ съ перьями. — «А какъ я величественно буду идти за вами, держа въ рукахъ маленькую собачку!»

— «Вы очень веселы», сказала г-жа Дамбрёзъ.

— «Не глупо-ли смотрѣть на все серьезно, отвѣчалъ онъ? Въ жизни и такъ много горя, и по моему рѣшительно ничѣмъ не стоитъ огорчаться!» Г-жа Дамбрёзъ одобрила эту мысль, и это одобреніе придало Фредерику болѣе смѣлости.

— «Наши дѣды жили лучше, продолжалъ онъ. Почему не слушаться тѣхъ побужденій, которыя являются въ насъ. Да, въ концѣ концовъ, и самая любовь еще не слишкомъ важная вещь». — «Но вѣдь ваши слова безнравственны». Она пересѣла на козетку, а онъ противъ нея. — «Вы, можетъ быть, думаете, что я лгу, — вѣдь для того, чтобы нравиться женщинамъ нужно выказывать либо беззаботность шута, либо неистовство трагика! Онѣ всегда смѣются, если имъ скажешь просто, что ихъ любишь. А между тѣмъ эти гиперболы только профанируютъ собой истинную любовь, и я не знаю, какъ ее выразить передъ тѣми.... кто... обладаетъ умомъ».

Она посмотрѣла на него, полузакрывъ рѣсницы. Онъ сталъ говорить тише, и наклонился къ ея лицу.

— «Да вы меня пугаете! Я васъ оскорбилъ, можетъ быть?... Простите!... У меня все это вырвалось невольно! Я не виноватъ въ этомъ—вы такъ прекрасны!»

Г-жа Дамбрёзъ закрыла глаза: онъ былъ удивленъ легкостію своей побѣды, и ставъ на колѣни и взявъ ее за руки, поклялся ей въ вѣчной любви. Когда онъ уходилъ, она отозвала его въ сторону и сказала шопотомъ:

— «Приходите обѣдать! Мы будемъ одни!»

Фредерикъ, сходя съ лѣстницы, почувствовалъ себя другимъ человѣкомъ, въ другой благоухающей, тепличной атмосферѣ: наконецъ-то вступилъ онъ въ высшій міръ патриціанскаго разврата и крупной интриги!

Обѣдъ ихъ вдвоемъ былъ упоителенъ; они говорили мало, но когда слуги оборачивали къ нимъ спины, они посылали другъ другу поцѣлуи. Когда онъ вернулся къ Розанеттѣ, лицо его сіяло такимъ счастіемъ и довольствомъ, что она съ наслажденіемъ

посмотрѣла на него и сказала: «какъ ты хорошъ», и въ припадкѣ нѣжности внутренно поклялась не принадлежать болѣе никому, хотя бы пришлось ей помирать съ голоду. Ея влажные прекрасные глаза свѣтились такою страстью, что Фредерикъ притянулъ ее къ себѣ на колѣни и, подумавъ: «какой я, однако, каналья!» одобрилъ свое поведеніе.

XX.

Жизнь Фредерика опять стала полнѣе, потому что онъ имѣлъ возможность раздѣлять свой досугъ между двумя женщинами, изъ которыхъ одною пользовался свободно, — для свиданія съ другою долженъ былъ изыскивать различныя средства. Г-жа Дамбрёзъ возила его всюду въ теченіе всей зимы: гдѣ была она, тамъ непремѣнно можно было встрѣтить и его; онъ обыкновенно являлся или немного раньше ея, или немного позднѣе.

Между тѣмъ политическая атмосфера мѣнялась замѣтно: Фредерикъ невольно замѣчалъ это, встрѣчаясь съ людьми разныхъ партій и съ своими старыми знакомцами. Коммиссаръ Ледрю-Роллена, Делорье, очутился снова въ Парижѣ и, по рекомендаціи Фредерика, получилъ мѣсто въ имѣніи Дамбрёза, около Ножана, гдѣ банкиръ разработывалъ каменно-угольныя копи. Эксъ-коммиссаръ сильно жаловался на всѣхъ и на все. Проповѣдуя братство консерваторамъ и уваженіе къ закону соціалистамъ, онъ достигъ того, что одни стрѣляли въ него изъ ружей, другіе хотѣли его повѣсить. Послѣ іюньскихъ дней, ему отказали отъ мѣста; тогда онъ вступилъ въ заговоръ и былъ арестованъ; освобожденный за недостаткомъ уликъ, онъ отправился, по порученію комитета дѣйствія, въ Лондонъ; не поладилъ тамъ и вернулся снова въ Парижъ.

— «Не надо отчаяваться, старый защитникъ народа», говорилъ ему въ утѣшеніе Фредерикъ.

«Нѣтъ, ужъ будетъ; предоставляю это другимъ», и онъ съ ненавистію отзывался о рабочихъ: — «Узналъ я теперь довольно этотъ народъ, который падаетъ ницъ то передъ эшафотомъ Робеспьера, то передъ сапогомъ императора, то передъ зонтикомъ Луи-Филиппа; я узналъ эту сволочь, вѣчно преданную тому, который бросаетъ ей въ пасть кусокъ хлѣба. Мы привыкли кричать о продажности Талейрана и Мирабо, а внизу ты найдешь людей, которые за три франка продадутъ родину. Какая ошибка, какая ошибка! Мы должны были бы поджечь Европу со всѣхъ концовъ!»

— «Искры не доставало! возразилъ ему Фредерикъ. А вы всѣ—только буржуа, и лучшіе изъ васъ—педанты. Рабочихъ нечего винить, они въ правѣ жаловаться, потому что для нихъ вы почти ровно ничего не сдѣлали, оставивъ ихъ по прежнему въ рукахъ хозяевъ. Только фразами вы щедро надѣлили ихъ. Впрочемъ, мнѣ думается, что республиканская форма устарѣла. Кто знаетъ? Быть можетъ прогрессъ осуществимъ только аристократіей или однимъ человѣкомъ. Иниціатива всегда идетъ сверху, и чтó ни говори, а народъ еще не созрѣлъ».

— «Ты, можетъ быть, и правъ», замѣтилъ Делорье.

Фредерикъ не мало удивился, когда встрѣтилъ преувеличеніе своихъ идей въ Сенекалѣ, который испыталъ тюремное заключеніе, потомъ ссылку и сдѣлался секретаремъ у Делорье. Онъ былъ доволенъ правительствомъ, потому что оно, по его мнѣнію, прямо шло къ коммунизму. Недоставало диктатора, который необходимъ для спасенія народа. «Я за тираннію, говорилъ онъ, лишь бы тиранъ дѣлалъ добро».

Въ другихъ кружкáхъ—одни хотѣли имперіи, другіе стояли за Орлеановъ, третьи за графа Шамбора, но всѣ были согласны въ необходимости децентрализаціи, для чего предлагались, между прочимъ, слѣдующія мѣры: разбить Парижъ на множество большихъ улицъ и превратить ихъ въ деревни, перенести мѣстопребываніе правительства въ Версаль, а школы въ Буржъ, уничтожить библіотеки и ввѣрить управленіе дивизіоннымъ генераламъ. Деревнями всѣ воодушевлялись, ибо неграмотный человѣкъ естественно болѣе обладаетъ здравымъ смысломъ, чѣмъ другіе. Ненависть усиливалась: ненависть противъ школьныхъ учителей и виноторговцевъ, ненависть противъ курсовъ философіи, противъ курсовъ исторіи, противъ романовъ, красныхъ жилетовъ, длинныхъ бородъ, противъ всякаго проявленія независимости и личности; ибо «надобно было возстановить авторитетъ власти», въ чьихъ бы рукахъ она ни была, откуда бы она ни исходила; все равно—лишь бы сила и власть! Консерваторы начинали говорить языкомъ Сенекаля. Фредерикъ пересталъ понимать что-нибудь, да и не тѣмъ былъ онъ занятъ.

Въ февралѣ 1851 года заболѣлъ Дамбрёзъ; сначала болѣзнь не представляла опасности, по словамъ «представителей науки», но вдругъ у него открылось кровохарканіе. Жена не отходила отъ него, сама отправляла письма къ Цециліи; она, впрочемъ, рвала ихъ. Для г-жи Дамбрёзъ наступила рѣшительная минута: она не любила Цециліи и, обманывая мужа, ведя любовныя шашни съ Мартинономъ, успѣла въ тоже время убѣдить его составить духовное завѣщаніе на свое имя: она дѣлалась вдовой-

милліонеркой, если устранить отъ умирающаго постороннихъ. Она достигла этого, благодаря тому, что агонія продолжалась недолго. Сама закрывъ ему глаза, она, ломая себѣ въ отчаяніи руки, ушла къ себѣ, упираясь на руки доктора и монахини-сидѣлки. Четверть часа спустя вошелъ къ ней Фредерикъ, тоже присутствовавшій при смерти ея мужа. Она стояла около камина и Фредерику показалось, что лицо ея печально: «Ты страдаешь?» сказалъ онъ.—«Я? Нисколько. Пожалуйста, не стѣсняйся. Кури, если хочешь—ты у меня». Минуту спустя, она глубоко вздохнула: «Ахъ, пресвятая Дѣва, какое облегченіе я чувствую! Еслибы ты зналъ, какъ я страдала при его жизни, сколько усилій мнѣ стоило, чтобъ вѣчно держать себя на сторожѣ отъ незаконной его дочери! Сколько усилій должна была я сдѣлать, чтобъ его трехмилліонное состояніе досталось мнѣ». Фредерикъ широко раскрылъ глаза при этой цифрѣ. Она продолжала рисовать свое положеніе и черными красками описывала мужа. Фредерику, сидѣвшему на бержеркѣ, становилось неловко отъ этихъ изліяній ненависти. Она подошла къ нему и тихонько сѣла къ нему на колѣни.

— «Только ты одинъ добръ и только тебя одного люблю я». И при взглядѣ на него, сердце ея разнѣжилось, глаза заблистали слезами и она ласково проговорила:

— «Хочешь жениться на мнѣ»?

Ему показалось сначала, что онъ не дослышалъ. Это богатство ослѣпляло его.

— «Хочешь жениться на мнѣ»? повторила она громче. Улыбаясь, онъ отвѣтилъ наконецъ:—«ты сомнѣваешься»? Потомъ ему стало стыдно и, желая чѣмъ-нибудь оправдаться передъ умершимъ, онъ сказалъ, что ночуетъ около него; но такъ какъ и этого религіознаго чувства было ему стыдно, онъ прибавилъ развязнымъ тономъ:

— «Мнѣ кажется, что такъ будетъ приличнѣе».

— «Да, можетъ быть, отвѣчала она — относительно прислуги».

У гроба онъ сталъ думать прежде всего о томъ, «что скажутъ о его свадьбѣ», потомъ о подаркѣ матери, который онъ сдѣлаетъ, о будущей упряжи, экипажахъ, ливреѣ, о своемъ кабинетѣ, въ который превратитъ онъ большой залъ, о картинной галлереѣ. Въ нижнемъ этажѣ не мѣшало бы устроить турецкія бани. Мечты его прерывались сморканьемъ священника и шорохомъ монахини, поправлявшей огонь; но дѣйствительность подтверждала ихъ, трупъ продолжалъ лежать на томъ же мѣстѣ. Вѣки немного приподнялись у него и зрачки имѣли какое-то загадочное,

нетерпѣливое выраженіе. Фредерикъ видѣлъ въ этомъ выраженіи какъ бы судъ на собой, и на совѣсти у него что-то шевельнулось; вѣдь этотъ человѣкъ всегда былъ съ нимъ такъ ласковъ... «Полно! старый бездѣльникъ»! и, посмотрѣвъ на него ближе, онъ внутренно прокричалъ ему: «Ну, что еще? развѣ я убилъ тебя»? Между тѣмъ священникъ читалъ молитвы, монахиня тихо дремала и свѣчи нагорали.

На могилѣ, многочисленные знакомые покойнаго, произнося рѣчи, воспользовались этою смертью, чтобъ обрушиться противъ соціализма, жертвою котораго будто палъ Дамбрёзъ. Его дни подкосило зрѣлище анархіи и преданность порядку. Хвалили его умъ, знанія, великодушіе, его добродѣтели, даже всегдашнее молчаніе его, какъ народнаго представителя: конечно, онъ лишенъ былъ ораторскаго дара, но за то обладалъ тѣми прочными качествами, которыя въ тысячу разъ предпочтительнѣе и проч... Всѣ надлежащія слова также были сказаны: преждевременная кончина, вѣчное сожалѣніе, другое отечество, невѣдомыя страны тамъ... прощай, миръ праху твоему, или нѣтъ: до радостнаго свиданія!

На другой день послѣ похоронъ, Фредерикъ засталъ г-жу Дамбрёзъ въ рабочемъ кабинетѣ покойнаго: она перерывала бумаги, отворяла ящики, бросала счетныя книги; лицо ея было блѣдно и встревожено.—«Что съ тобой?» спросилъ онъ.—«А, что со мной? Я разорена! слышишь ли—разорена»! Дѣло заключалось въ томъ, что нотаріусъ представилъ завѣщаніе, написанное до брака съ нею, которымъ все имѣніе завѣщано Циципіи. Она перерыла все и не нашла другого завѣщанія, которое сдѣлалъ покойный въ ея пользу. Конечно, онъ уничтожилъ его, уничтожилъ въ началѣ болѣзни. Она была въ такомъ отчаяніи, что Фредерикъ, несмотря на подлый мотивъ этого горя, сталъ ее утѣшать, говоря, что она все-таки не брошена въ жертву бѣдности.

— «Нѣтъ, это бѣдность, потому что я не могу предложить тебѣ большого состоянія. У меня только тридцать тысячъ ливровъ дохода и отель, стоющій тысячъ двадцать».

Хотя для Фредерика это было все-таки роскошью, но непріятное чувство охватило его: прощай мечты, картинныя галлереи, турецкія бани, жизнь на большую ногу! Однако чувство чести заставляло его жениться на г-жѣ Дамбрёзъ; онъ съ минуту подумалъ и сказалъ нѣжнымъ голосомъ: «я все-таки возьму тебя»! Она бросилась къ нему въ объятія и онъ сжалъ ее съ чувствомъ, въ которомъ не малую роль играло удивленіе къ собственному великодушію. Слезы немедленно высохли у г-жи Дамбрёзъ, она оправилась и сіяя радостью, сказала ему: «ахъ, никогда я въ тебѣ не сомнѣвалась, никогда»!

XXI.

Связь съ двумя женщинами ставила Фредерика въ положеніе не совсѣмъ ловкое; г-жа Дамбрёзъ хотѣла его видѣть часто, но Фредерикъ принужденъ былъ удѣлять значительное количество времени Розанетѣ, которая родила сына, потомъ поѣздкамъ въ деревню, куда мальчикъ отданъ кормилицѣ. Г-жа Дамбрёзъ спрашивала его, гдѣ онъ пропадалъ — ему приходилось лгать; она стала шпіонить за нимъ, узнала его связь съ Розанетою, его любовь къ Мари Арну; ревность иногда душила ее, но она не высказывалась явно, боясь потерять Фредерика, котораго и безъ того возмущалъ ея холодный эгоизмъ, ея высокомѣрное обращеніе съ прислугой, равнодушіе къ бѣднымъ и множество мелкихъ недостатковъ. Тѣмъ не менѣе, она еще ему нравилась и онъ послушно сопровождалъ ее, по воскресеньямъ, въ церковь и носилъ ея молитвенникъ. На вечерахъ ея по прежнему сбиралось много; но съ этого времени начали получать значеніе не одни салоны буржуазіи и аристократіи, а также «салоны тварей»; ихъ значеніе было тѣмъ значительнѣе, что они были нейтральной почвой, гдѣ сходились реакціонеры различныхъ партій. Гюсоннэ, занятый мыслью уничтожить современныя знаменитости (для возстановленія порядка — дѣло хорошее), возбудилъ въ Розанетѣ желаніе устроить вечера, о которыхъ онъ обѣщался давать отчеты въ газетахъ; онъ приводилъ на эти вечера болѣе или менѣе важныхъ лицъ, принадлежащихъ къ аристократіи и буржуазіи, между которыми былъ одинъ эксъ-префектъ, маркизы, графы; приходили прежніе любовники Розанеты, и свобода ихъ обращенія съ нею оскорбляла Фредерика. Чтобъ заставить уважать въ себѣ хозяина, онъ увеличилъ расходы на содержаніе дома, взялъ грума, заново меблировалъ квартиру, и все это значительно уменьшило его состояніе. Розанету удивляла эта щедрость, но она была довольна, что имѣетъ «свои дни», говорила о себѣ подобныхъ: «эти женщины!», стремилась сдѣлаться свѣтской дамой, просила Фредерика не курить въ ея салонѣ, заказывала постный столъ, какъ признакъ хорошаго тона. Она напустила на себя даже серьезность, а отправляясь спать, постоянно принимала меланхолическій видъ, который также шелъ къ ней, какъ кипарисы къ кабакамъ.

Фредерикъ узналъ, наконецъ, причину всего этого — она мечтала о замужествѣ, — она тоже! Онъ приходилъ въ отчаяніе, и, вспоминая ея появленіе у Мари Арну, ея долгое сопротивленіе его страсти, получаемые ею подарки — онъ бѣсился и,

въ то же время, чисто животное чувство влекло его къ ней. Иногда онъ приходилъ въ такое ожесточеніе противъ нея, что желалъ ей смерти; но она была такъ добра, такъ снисходительна, что поссориться съ нею было невозможно.

Ватнацъ представила на нее другой вексель въ четыре тысячи франковъ; платить было нечѣмъ, но эту сумму долженъ былъ ей Арну, и она упросила Фредерика сходить къ нему и потребовать отъ ея имени этихъ денегъ. Арну мечталъ два года тому назадъ объ устройствѣ кавалькады-монстръ, въ которой бы приняли участіе всѣ знаменитости Франціи: продажа мѣстъ для зрителей могла бы принести большія деньги; потомъ хотѣлъ завести кафе, гдѣ бы пѣлись исключительно однѣ патріотическія пѣсни; но не доставало денегъ; наконецъ, ему удалось провести какого-то патріота и занять у него значительную сумму, на которую онъ устроилъ магазинъ религіозныхъ предметовъ, четокъ, крестиковъ, картинъ, статуэтокъ, и прибилъ вывѣску «Магазинъ готическаго искусства». Фредерикъ засталъ его спящимъ на конторкѣ въ магазинѣ: онъ страшно постарѣлъ. Фредерикъ взглянулъ на него и жалко ему стало тревожить его; онъ вернулся домой, сказавъ, что не нашелъ его. Розанета злилась и рѣшилась судомъ получить деньги съ Арну. Тайкомъ отъ Фредерика, она поручила это дѣло Сенекалю, занимавшемуся теперь хожденіемъ по частнымъ дѣламъ. Между тѣмъ, платить надо было немедленно и нечаяннымъ спасителемъ явился Дюсардье.

Когда-то онъ вмѣстѣ съ Ватнацъ служилъ въ одномъ магазинѣ; на Ватнацъ лежала обязанность разсчитываться съ рабочими, для каждой изъ которыхъ были двѣ заработныя книжки: одна постоянно оставалась у Ватнацъ, другая у работницы. Разъ Дюсардье, хранившій у себя книжку одной работницы, уличилъ Ватнацъ въ утайкѣ у нея 600 фр; онъ смолчалъ объ этомъ воровствѣ; Ватнацъ просила у него, чтобъ онъ возвратилъ книжку, которая могла служить противъ нея уликою. «Я ее сжегъ», отвѣчалъ Дюсардье, но Ватнацъ не вѣрила, и когда узнала, что онъ раненъ, тотчасъ же пришла къ нему, перерыла всѣ его вещи и дѣйствительно ничего не нашла. «Онъ правду говорилъ», подумала она, и сначала уваженіе, потомъ любовь охватили ее къ этому тихому, благородному, мужественному молодому человѣку. Она отдалась этому чувству съ аппетитомъ людоѣдки, бросила все, литературу, соціализмъ, «утѣшительныя ученія и великодушныя утопіи», лекціи, которыя читала она «о необходимости женской эманципаціи», даже Дельмара, и предложила Дюсардье вступить съ нею въ бракъ. Хотя она была его любовницей, но онъ не любилъ ее. Кромѣ того, онъ не могъ забыть ея

воровства; затѣмъ она была слишкомъ богата для него, и онъ отказался. Ватнацъ плакала, умоляла его, разсказывала ему свои планы на счетъ устройства магазина, говорила, что у нея есть деньги на обзаведеніе и что на-дняхъ она должна получить съ Розанеты 4,000 фр. Дюсардье стало жаль не Розанету, а Фредерика, который такъ ласковъ всегда былъ съ нимъ, и просилъ Ватнацъ взять назадъ свой искъ. — «Ни за что на свѣтѣ», отвѣчала она, и разразилась ругательствами противъ Розанеты: «Я покажу ей, что я такое, я раздавлю ее своимъ богатствомъ, заставлю скрежетать отъ зависти при видѣ моей кареты». Эти непривлекательныя причины гнѣва, эта неукротимая злоба окончательно оттолкнули отъ нея честнаго малаго и онъ сконфуженно явился къ Фредерику: — «Я пришелъ просить у васъ извиненія», сказалъ онъ. — «Въ чемъ?» — «Вы должны считать меня неблагодарнымъ.... вы знаете.... я.... съ этой.... Но я навсегда разстался съ нею, я не хочу быть ея сообщникомъ». Фредерикъ не понималъ, о чемъ онъ говоритъ. — «Да вѣдь имущество вашей любовницы назначено къ публичной продажѣ».... — «Кто вамъ сказалъ?» — «Она сама, Ватнацъ. Но я боюсь оскорбить васъ». — «Полноте, милый другъ, — развѣ вы можете оскорбить меня!» — «Это правда — вы такъ добры!» И онъ вынулъ тихонько изъ кармана небольшой портфель и положилъ его передъ Фредерикомъ. Въ портфелѣ были 4,000 франковъ — все его состояніе, накопленное трудомъ и лишеніями. Фредерикъ отказывался. — «Вотъ видите», сказалъ Дюсардье, «я зналъ, что оскорблю васъ». Фредерикъ пожалъ ему руку и Дюсардье заговорилъ печальнымъ тономъ:

— «Примите, пожалуйста, эти деньги! сдѣлайте мнѣ это удовольствіе! Я въ такомъ отчаяніи! Вѣдь все кончено, все. Вѣдь я думалъ, когда пришла революція, что настало счастіе. Помните, какъ хорошо тогда было! какъ дышалось свободно! А теперь мы снова очутились въ положеніи еще худшемъ».

Онъ опустилъ глаза въ землю и продолжалъ:

— «Теперь они убиваютъ нашу республику, какъ убили ту, римскую! Бѣдная Венеція, бѣдная Польша, бѣдная Венгрія! Какія мерзости дѣлаются у насъ! Сперва посрубали деревья свободы, потомъ ограничили всеобщую подачу голосовъ, закрыли клубы, возстановили цензуру и народное образованіе отдали въ руки поповъ. Недостаетъ инквизиціи, да она еще придетъ! Вѣдь консерваторы готовы бы выпустить теперь на насъ казаковъ! Журналы предаютъ суду за то, что они говорятъ противъ смертной казни; Парижъ наполненъ штыками; шестнадцать департаментовъ объявлены въ осадномъ положеніи, а амнистію опять отвергли!»

Онъ опустилъ голову на руки и продолжалъ еще печальнѣе, голосомъ, полнымъ безъисходной грусти:

— Можно было бы еще сговориться, еслибъ существовало какое-нибудь взаимное довѣріе. Но его нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ, потому что и рабочіе не лучше буржуазіи. Слышали, что въ Эльбефѣ они отказались тушить пожаръ? Бездѣльники называютъ Барбеса аристократомъ! А чтобъ поднять народъ на смѣхъ, они хотятъ избрать въ президенты Надо, каменьщика, – можете себѣ представить это! И нѣтъ средствъ помочь горю: все противъ насъ. Я никому не сдѣлалъ зла, а между тѣмъ все это такъ тяготитъ меня, такъ тревожитъ, что я либо съ ума сойду, либо убью себя, если все и дальше такъ пойдетъ. Говорю вамъ, что мнѣ не нужно этихъ денегъ! Пожалуйста, возьмите ихъ. Ну, я ихъ взаймы вамъ даю — вы отдадите мнѣ ихъ».

Фредерикъ, согласился, наконецъ, взять ихъ, и такимъ образомъ могъ успокоиться со стороны Ватнацъ; но Розанета не покидала своего процесса, подбиваемая Делорье, который брался направлять Сенекаля и вообще велъ себя весьма двусмысленно. Распоряжаясь у Розанеты какъ дома, онъ въ то же время наѣзжалъ въ Ножанъ, разсыпался мелкимъ бѣсомъ передъ Рокомъ, заискивалъ довѣріе Луизы и понемногу сообщалъ о своемъ пріятелѣ все то, что могло подѣйствовать на бѣдную дѣвушку неблагопріятно. Когда она узнала о женитьбѣ его, то отчаяніе ея было такъ велико, что боялись за ея разсудокъ: нѣсколько дней она никому не показывалась, молча просиживая въ своей комнатѣ.

XXII.

Когда Фредерикъ узналъ, что Розанета выиграла свой процессъ, онъ вошелъ къ ней съ раздраженнымъ видомъ. — «Ну, теперь ты довольна», сказалъ онъ. Но она указала ему на своего ребенка, который лежалъ въ колыбелькѣ около камина, исхудалый и блѣдный, какъ смерть. Гнѣвъ Фредерика пропалъ. Розанета цѣлую ночь просидѣла надъ малюткой, и утромъ разбудила Фредерика: — «Поди посмотрѣть», сказала она: «онъ не движется». Ребенокъ былъ мертвъ. Она схватила его на руки, трясла, обнимала, шептала ему нѣжныя слова, покрывала личико его горячими поцѣлуями; но онъ остался недвижимъ. Рыдая и крича, она рвала на себѣ волосы, бѣгала, какъ безумная, по комнатѣ и въ изнеможеніи упала на диванъ, обливаясь слезами. Фредерикъ глазамъ своимъ не вѣрилъ — его поражала эта грусть и сердце его сжималось отъ жалости. Успокоившись немного,

она жалобно просила Фредерика, чтобъ онъ велѣлъ набальзамировать ребенка; но Фредерикъ убѣдилъ ея, что гораздо лучше снять съ него портретъ и послалъ за Пеллереномъ. Художникъ не заставилъ себя долго ждать, но, глядя на мертвое личико, онъ говорилъ, что надо талантъ, большой талантъ, чтобъ воспроизвесть его во всей прелести на полотнѣ. — «Лишь бы похожъ былъ», сказала Розанета. — «Э, смѣюсь я надъ сходствомъ! прочь реализмъ! надо изображать душу — вотъ что! Оставьте, оставьте меня — я соображу все какъ слѣдуетъ».

Работая и болтая, онъ сообщилъ между прочимъ, что сейчасъ встрѣтилъ Арну, что у него ужъ паспортъ въ карманѣ: не зная гдѣ достать 12,000 фр., которые задолжалъ онъ, онъ намѣревался эмигрировать. — «Съ семействомъ?» вырвалось у Фредерика. — «Еще бы! Онъ слишкомъ хорошій отецъ, чтобъ бѣжать одному». Фредерикъ вскочилъ, какъ ужаленный, прошелся раза два по комнатѣ, кусалъ губы и бросился вонъ. Онъ рѣшился достать во что бы то ни стало 12,000. Вѣдь иначе — *она* уѣдетъ, уѣдетъ навсегда. Этой мысли онъ не могъ перенести. Шатаясь, онъ пришелъ къ г-жѣ Дамбрёзъ и попросилъ у нея эту сумму, говоря, что одинъ другъ его, именно Дюсардье укралъ 12,000 франковъ, которые сегодня же слѣдуетъ внести, иначе онъ пропалъ.

Получивъ деньги, онъ поспѣшилъ къ Арну, но было уже поздно: они уѣхали. Убитый, онъ вернулся домой и печально думалъ о той несчастной судьбѣ, которая ждетъ его возлюбленную. Слезы, накопившіяся съ утра, хлынули у него изъ глазъ. Розанета увидѣла это: — «Ты тоже плачешь! тебѣ тоже горько!» сказала она, подходя къ нему. — «Да, да! мнѣ тяжело».... Онъ прижалъ ее къ сердцу и оба зарыдали, держа другъ друга въ объятіяхъ.

Г-жа Дамбрёзъ тоже плакала въ это время, плакала отъ ярости и досады. Черезъ свою повѣренную она узнала, для кого Фредерикъ взялъ у нея денегъ. Сначала она рѣшилась прогнать его вонъ, какъ лакея, потомъ перемѣнила свое намѣреніе. Когда на другой день Фредерикъ принесъ ей деньги назадъ, она просила его оставить ихъ, на случай, для своего друга и подробно о немъ распрашивала: кто побудилъ его на преступленіе? «Конечно, женщина. Женщины — причина всѣхъ вашихъ преступленій.» Этотъ насмѣшливый тонъ смутилъ Фредерика и онъ раскаявался въ своей клеветѣ, конечно, внутренно только. На слѣдующій день опять тѣ же вопросы о Дюсардье, потомъ спросила о Делорье: что это за человѣкъ? Фредерикъ хвалилъ его. — «Попроси его придти ко мнѣ; мнѣ надо съ нимъ посовѣтоваться объ одномъ дѣлѣ».

Разбирая бумаги своего мужа, она нашла связку протестованныхъ векселей Арну, на которыхъ поручительницей подписалась его жена. Покойный банкиръ не хотѣлъ ихъ представлять ко взысканію, но г-жа Дамбрёзъ увидѣла тутъ средство отомстить Фредерику, такъ какъ отвѣтчицей являлась г-жа Арну. Делорье посовѣтовалъ продать эти векселя какому-нибудь бѣдняку за ничтожную сумму; онъ брался доставить такого человѣка, который и начнетъ по нимъ взысканіе.

Въ концѣ ноября, Фредерикъ, проходя по улицѣ, гдѣ жила г-жа Арну, увидѣлъ на дверяхъ объявленіе, гласившее, что тутъ продается роскошная движимая собственность, состоящая изъ кострюль, носильнаго и столоваго бѣлья, кружевъ, юбокъ, кашемира, фортепіано Эрара и проч. Онъ справился, чье это имѣніе продается и кто продаетъ его. Имѣніе Арну, а продаетъ за долги г. Сенекаль. Онъ досталъ печатное объявленіе и пришелъ къ Розанетѣ. — «Прочти»! сказалъ онъ. — «Ну, чтожъ такое»? спросила она равнодушно. — «Какъ что? Вѣдь это ты продаешь»? — «И не думала». — «Говори мнѣ еще! Развѣ Сенекаль не былъ твоимъ повѣреннымъ? Ты мстишь ей, вотъ и все. Это все твои продѣлки. Развѣ ты не простирала свою дерзость до того, что оскорбила ее въ собственномъ ея домѣ, ты, ничтожная дѣвчонка, ее — святую, прекрасную и лучшую женщину! За что ты хочешь разорить ее»? — «Но увѣряю тебя, что все это вздоръ: я тутъ ни причемъ». Онъ вспылилъ еще больше. — «Лжешь! ты лжешь, презрѣнная... ты ревнуешь ее»! — «Даю тебѣ честное слово». — «Знаю я твое честное слово» и онъ сталъ называть ея любовниковъ по именамъ. Розанета поблѣднѣла. — «Тебя это удивляетъ! Ты воображала, что я слѣпъ, потому что закрывалъ глаза на твои продѣлки. Теперь довольно. Отъ измѣны женщинъ тебѣ подобныхъ не умираютъ, а только уходятъ отъ нихъ, когда онѣ становятся слишкомъ чудовищны; наказывать ихъ — значитъ унижать себя». Она ломала себѣ руки: — «Боже мой, чтó тебя такъ измѣнило»? — «Ты сама». — «И все это изъ-за г-жи Арну»! вскрикнула она и заплакала. «Я только ее одну и любилъ». Эта фраза показалась Розанетѣ ужъ слишкомъ обидной и она перестала плакать: — «Хорошъ же твой вкусъ — нечего сказать! Женщина зрѣлыхъ лѣтъ, съ цвѣтомъ лица лакрицы, съ толстой таліей, съ глазами какъ отдушины въ погребѣ — хороша, признаюсь. Если тебѣ нравится она — никто не удерживаетъ». — «Благодарю. Я это и сдѣлаю».

Розанета не повѣрила ушамъ своимъ и стала какъ вкопанная. Онъ уже вышелъ въ двери, когда она однимъ прыжкомъ догнала его и, обвивъ его руками, начала умолять: — «Ты съ ума-

сошелъ! я люблю тебя! Милый мой, останься ради Бога, ради нашего ребенка».—«Признавайся, что эта продажа—твое дѣло». Она увѣряла снова въ своей невинности.—«Такъ не хочешь признаться»? — «Нѣтъ». — «Въ такомъ случаѣ, прощай, и навсегда». — «О, ты воротишься ко мнѣ».—«Ни за что и никогда». Онъ яростно хлопнулъ дверью.

Розанета тотчасъ же написала къ Делорье, прося его придти къ ней и надѣясь, что онъ помиритъ ее съ Фредерикомъ; но Делорье пришелъ къ ней пять дней спустя, когда ужъ она узнала о женитьбѣ Фредерика и нѣсколько успокоилась. Делорье прочиталъ ей нотацію и старался развеселить ее, и такъ какъ было уже поздно, то попросилъ позволенія ночевать у нея. Утромъ онъ уѣхалъ въ Ножанъ, сказавъ, что не знаетъ, когда увидится съ нею снова, потому что въ жизни его предстоитъ большая перемѣна.

Между тѣмъ Фредерикъ не могъ скрыть своей печали и г-жа Дамбрёзъ, чтобъ развлечь его, удвоила свою внимательность. Ежедневно она каталась съ нимъ въ каретѣ и разъ, проѣзжая черезъ площадь Биржи, вздумала, для развлеченія, зайти въ отель аукціонной продажи. Это было 1-го декабря, въ тотъ день, когда назначенъ былъ аукціонъ имущества г-жи Арну. Фредерикъ помнилъ это число и выразилъ нежеланіе посѣщать это несносное по духотѣ и шуму мѣсто.—«Я только взглянуть — на одну минуту», сказала она. Пришлось за ней слѣдовать. Но она осталась вовсе не на минуту, внимательно разсматривала вещи, надъ нѣкоторыми легкомысленно смѣялась. Фредерикъ начиналъ злиться. Когда аукціонистъ вынулъ небольшой серебряный ящичекъ, который стоялъ у г-жи Арну на видномъ мѣстѣ, на который онъ обратилъ вниманіе въ первый же день своего знакомства съ нею — тысячи воспоминаній зароились въ его головѣ и наполнили все существо его неизъяснимой нѣжностью. Вдругъ г-жа Дамбрёзъ сказала, что она его купитъ; онъ старался ее отговорить. — «А, васъ это сердитъ»?—«Нисколько, я только не знаю, для чего онъ пригоденъ».—«Кто знаетъ? для того, напримѣръ, чтобъ класть туда любовныя письма», и она взглянула на него такъ, что намекъ на его любовь къ г-жѣ Арну былъ ему очень ясенъ.—«Въ такомъ случаѣ еще меньше основанія покупать его: зачѣмъ лишать мертвыхъ ихъ тайнъ»?—«Я не думала, что она совсѣмъ умерла». «Не хорошо вы дѣлаете», сказалъ онъ. Она смѣялась и постоянно набавляла цѣну, съ 800 до 1,000 франковъ. Ящичекъ остался за нею, и холодомъ обдало Фредерика. Онъ не сказалъ ни слова, но, посадивъ ее въ карету, раскланялся.—«Вы не ѣдете со мною»?—«Нѣтъ, сударыня».

Сперва онъ ощутилъ радость отъ чувства вновь пріобрѣтенной свободы и гордился тѣмъ, что такъ доблестно отмстилъ за г-жу Арну; но потомъ онъ удивился своему поступку и впалъ въ разслабленное, унылое состояніе. На утро слуга ему объявилъ новость: городъ былъ объявленъ въ осадномъ положеніи, національное собраніе распущено и часть депутатовъ заключена въ тюрьму. Но общественныя дѣла его безпокоили мало — онъ исключительно поглощенъ былъ своими, своею особою, своими мечтаніями о тихой, безмятежной жизни въ провинціи, на лонѣ природы и на груди наивной, но любящей женщины.

На бульварахъ стояли многочисленныя группы. Время отъ времени патрули разгоняли ихъ; они снова образовывались за ними; рѣчи были свободны, въ войска бросали насмѣшками и бранью.—«Развѣ не будутъ драться»? спросилъ Фредерикъ одного рабочаго. Блузникъ отвѣчалъ: «Не дураки мы, чтобъ подставлять свой лобъ за буржуазію! Пускай сами попробуютъ»!

Господинъ, стоявшій возлѣ, пронзительно посмотрѣлъ на блузника и проворчалъ: «Канальи соціалисты! еслибы и теперь можно было ихъ перестрѣлять!»

Фредерикъ ничего не понималъ въ этой враждѣ и глупости. Отвращеніе къ Парижу еще усилилось въ немъ и черезъ день онъ уѣхалъ въ Ножанъ, мечтая о любящей Луизѣ. По мѣрѣ того, какъ приближался онъ къ городу, образъ Луизы все ярче и ярче вставалъ передъ нимъ.

XXIII.

На церковной колокольнѣ раздавался звонъ и на площади передъ церковью стояла толпа нищихъ и коляска, единственная въ городѣ, въ которой обыкновенно невѣсту возили къ вѣнцу. Фредерикъ шелъ пѣшкомъ по городу. Вдругъ изъ церкви показалась толпа буржуа въ бѣлыхъ галстукахъ и пара молодыхъ. Фредерику показалось, что онъ бредитъ. Но нѣтъ, то была она, Луиза, въ бѣломъ покрывалѣ невѣсты, и рядомъ съ нею шелъ Делорье, въ шитомъ мундирѣ префекта. Что же это такое? Фредерикъ спрятался за уголъ одного дома и процессія прошла мимо.

Уничтоженный, разбитый онъ повернулся къ желѣзной дорогѣ и уѣхалъ въ Парижъ. Извощикъ сказалъ ему, что начиная отъ Шато д'Θ до Жимназъ построены баррикады и потому придется ѣхать предмѣстьемъ Сен-Мартенъ. На углу улицы Провансъ Фредерикъ вышелъ изъ экипажа и пошелъ къ бульварамъ.

Было пять часовъ вечера; шелъ мелкій дождикъ. Буржуа занимали троттуары со стороны Оперы. Домá противъ были закрыты. Въ окнахъ ни одного лица. По всей ширинѣ бульвара скакали съ саблями на-голо драгуны и ихъ султаны и бѣлые широкіе плащи развѣвались по вѣтру. Толпа, молча, въ ужасѣ смотрѣла на нихъ. За аттакой кавалеріи являлись отряды городскихъ сержантовъ, чтобъ отхлынуть толпу въ улицы.

На лѣстницѣ у Тортони стоялъ неподвижно, какъ статуя, Дюсардье, издали замѣтный по своей высокой фигурѣ.

Одинъ изъ агентовъ полиціи, шедшій впереди отряда, надвинувъ на глаза треуголку, погрозилъ ему шпагой. Дюсардье подвинулся впередъ и началъ кричать:

— «Да здравствуетъ республика»!

Онъ упалъ навзничъ, раскинувъ руки, какъ распятый на крестѣ.

Крикъ ужаса вырвался изъ толпы. Агентъ полиціи посмотрѣлъ вокругъ, и, разинувъ ротъ отъ удивленія, Фредерикъ узналъ въ немъ Сенекаля.

Тутъ собственно кончается разсказъ Густава Флобера; далѣе слѣдуютъ двѣ заключительныя сцены, одна въ 1867 г., другая — въ 1869. Г-жа Арну, первая любовь Фредерика, пріѣзжаетъ къ нему и привозитъ 15,000 франковъ, которые занялъ у него мужъ ея. Затѣмъ слѣдуетъ нѣжное объясненіе, воспоминанія о прошломъ, въ теченіе которыхъ Фредерикъ такъ разчувствовался, что заключилъ г-жу Арну въ свои объятія и... приливъ чувственной страсти къ 50-ти лѣтней женщинѣ такъ охватилъ его, что онъ остановился только потому, что ему пришло въ голову: ужь не для того ли пріѣхала къ нему г-жа Арну, чтобъ отдаться? На прощаньи она отрѣзала ему прядь своихъ сѣдыхъ волосъ.

Другая сцена происходитъ между Фредерикомъ и Делорье: они тоже вспоминаютъ прошлое и сообщаютъ другъ другу дальнѣйшую судьбу прочихъ дѣйствующихъ лицъ романа. Г-жа Дамбрёзъ вышла замужъ за англичанина; Розанета — за г. Удри и взяла себѣ пріемыша, котораго воспитываетъ; де-Сизи народилъ восемь человѣкъ дѣтей и живетъ въ своемъ помѣстьѣ, погрузившись въ хозяйство; Сенекаль исчезъ куда-то; Гюсоннэ занимаетъ очень важный административный постъ, на которомъ имѣетъ возможность держать въ своихъ рукахъ всю печать и театры; Мартинонъ засѣдаетъ въ сенатѣ. Луиза убѣжала отъ Делорье съ пѣвцомъ; тогда онъ, съ умысломъ, компрометтировалъ себя излишнимъ административнымъ усердіемъ и былъ отстав-

ленъ. Онъ служилъ потомъ въ Алжиріи и въ послѣднее время пристроился къ одному промышленному предпріятію. Фредерикъ не женился и скромно жилъ холостякомъ на бренные остатки своего состоянія.

Не знаемъ, приходили-ли нашимъ читателямъ на мысль нѣкоторыя сравненія между лицами романа Флобера и лицами нашихъ русскихъ извѣстныхъ романовъ, но намъ многія изъ нихъ напоминали родное, особенно Фредерикъ; не есть ли это представитель того разряда характеровъ, которые у насъ извѣстны подъ именемъ людей сороковыхъ годовъ? Тоже поклоненіе искусству во всѣхъ видахъ и формахъ, тотъ же избытокъ чувства, тоже отсутствіе иниціативы и упорства въ достиженіи цѣлей, великодушные порывы, трудно объяснимые, рядомъ съ такимъ же равнодушіемъ, порядочность и благородство рядомъ съ поступками, отнюдь не дѣлающими чести порядочному и благородному человѣку. Фредерикъ иногда невыразимо гадокъ и пошлъ, а иногда внушаетъ опять къ себѣ сочувствіе. Онъ напоминаетъ хорошо знакомаго нашимъ читателямъ Райскаго съ тѣмъ различіемъ, что Флоберъ отнесся еще объективнѣе къ своему герою, чѣмъ нашъ почтенный романистъ. Другія лица французскаго романа также намъ не чужды; въ миніатюрѣ и у насъ повторилось тоже движеніе, которое было во Франціи, и тѣже идеалы у насъ находили себѣ провозвѣстниковъ; представители реакціи и у насъ говорили почти слово въ слово тоже, что говорятъ они у Флобера; тоже у нихъ притворство и лицемѣріе, когда сила вещей ихъ ломитъ, и таже нахальная злоба, порывы къ неразборчивому мщенію, когда сила на ихъ сторонѣ. Если читатель не пропуститъ безъ вниманія маленькой сценки, гдѣ являются дѣвушки въ черныхъ платьяхъ, въ очкахъ, безъ воротничковъ и нарукавничковъ, то, быть можетъ, онъ вспомнитъ опять нѣчто родное. Но годы прошли и многое улеглось правильнѣе и разумнѣе. Мы могли бы указать хоть на женскій вопросъ, къ которому Флоберъ очевидно относится съ презрѣніемъ: печальныя и комическія стороны его рѣшительно исчезаютъ въ серьезномъ стремленіи къ наукѣ и къ утвержденію правъ и обязанностей общественныхъ и семейныхъ.

А. С—нъ.

ОРГАНИЗАЦІЯ

РАБОЧЕЙ СИЛЫ ЖЕНЩИНЫ ВЪ ГЕРМАНІИ.

Въ концѣ прошедшаго года, въ Берлинѣ собиралась конференція Германскихъ обществъ женскаго образованія и женскаго труда, въ которой приняли участіе, кромѣ значительнаго числа женщинъ изъ разныхъ частей Германіи, нѣкоторыя представительницы заграничныхъ женскихъ обществъ, и между ними была одна американка. Конференція занималась не только вопросами о принципахъ, но также, и главнымъ образомъ, предметами, имѣющими животрепещущій и непосредственный интересъ для всего нѣмецкаго общества, какъ напримѣръ, учрежденіемъ ремесленныхъ школъ для женщинъ, наиболѣе цѣлесообразною организаціею справочныхъ (для рабочихъ женщинъ) конторъ, женскими ремесленными союзами и залами для продажи разныхъ предметовъ женской промышленности. Отъ другихъ, особенно заграничныхъ собраній, эта конференція отличалась преимущественно тѣмъ, что въ ея совѣщаніяхъ принимали участіе и мужчины. Впрочемъ, надо отдать справедливость женскому движенію въ Германіи: оно никогда не отличалось особенною ожесточенностію противъ «тиранніи сильнѣйшаго пола», и всегда старалось пользоваться услугами «тирановъ» для достиженія своихъ практическихъ и весьма почтенныхъ цѣлей.

Это сравнительно спокойное настроеніе нѣмецкихъ женщинъ въ такомъ дѣлѣ, которое касается ихъ живѣйшихъ стремленій и желаній, и на такомъ поприщѣ, гдѣ особенно бурно проявляются страсти, придаетъ ихъ усиліямъ весьма солидный видъ, и во всякомъ случаѣ, нельзя приписать того одному лишь вліянію національнаго темперамента. Напротивъ, нѣмецкія женщины превосходно сознаютъ, что имъ можно будетъ занять подобающее мѣсто въ обществѣ не иначе, какъ путемъ

развитія женскаго труда, и вотъ онѣ стараются по мѣрѣ силъ и возможности завоевать мало-по-малу свое *право на трудъ*.

Само собою разумѣется, что вначалѣ нуженъ былъ бурный и сильный толчекъ для того, чтобы поставить этотъ вопросъ на очередь въ европейскомъ обществѣ. Подобно бо́льшей части другихъ замѣчательныхъ мыслей, пронизывающихъ до сихъ поръ весь образованный міръ, вопросъ объ эмансипаціи женщинъ ведетъ свое происхожденіе съ конца прошедшаго столѣтія. Политическія волны великаго переворота вывели и женщинъ изъ ихъ неподвижности, и вотъ онѣ, возбужденныя раздражительною атмосферою того времени, являются въ 1792 году въ Парижѣ съ требованіемъ политической равноправности. Когда конвентъ отклонилъ отъ себя это требованіе, женщины, подъ предводительствомъ знаменитой Розы Лакомбъ, учредили революціонный клубъ, и потомъ проникли въ залу засѣданія правительствующаго совѣта города Парижа, гдѣ и заявили притязаніе принять участіе въ дѣлахъ совѣта. Противъ этихъ требованій возсталъ генеральный прокуроръ Шометтъ, который произнесъ къ ворвавшимся женщинамъ строгую рѣчь объ естественныхъ правахъ,—рѣчь патетическую, какъ всѣ рѣчи того мечтательнаго, восторженнаго періода. «Съ которыхъ поръ—воскликнулъ онъ—дозволено женщинамъ отрицать свой полъ и превращаться въ мужчинъ? Съ которыхъ поръ вошло у васъ въ обыкновеніе жертвовать смиренными заботами домашняго блага, покидать колыбели вашихъ дѣтей,—все это вы дѣлаете для того только, чтобы захватить государственныя должности, взбѣгать на трибуны или проникать въ ряды арміи и принимать на себя такія обязанности, которыя природа возложила исключительно на мужчинъ. Что же,—развѣ природа намъ даровала груди, чтобы кормить нашихъ дѣтей? Нѣтъ!—Она сказала мужчинѣ: будь мужчиной! трудъ, политика и забота всякого рода—вотъ твои права.—Она сказала женщинѣ: будь женщиной! забота о дѣтяхъ, о домашнемъ хозяйствѣ, пріятныя тревоги матери—вотъ твои права. Неразумныя женщины, къ чему стремитесь вы сдѣлаться мужчинами? Развѣ міръ не хорошо распредѣленъ? Во имя природы, умоляю васъ, останьтесь тѣмъ, чѣмъ вы есть!...» Эти горячія слова, этотъ призывъ къ естественному чувству, который, впрочемъ, не имѣлъ ничего общаго съ господствовавшею въ то время дѣйствительностію и особенно практикою революціонныхъ трибуналовъ (которые отсылали подъ гильотину, какъ мужчинъ, такъ женщинъ), успѣлъ во всякомъ случаѣ отсрочить разрѣшеніе вопроса. Однако, скоро женскій вопросъ снова появляется на политической аренѣ, да оно и понятно, такъ какъ въ немъ дѣло идетъ не о требованіяхъ естественнаго чувства: въ этомъ вопросѣ скрывается глубокое историческое и экономическое значеніе. Вопросы съ подобнымъ содержаніемъ идутъ всегда обыкновеннымъ порядкомъ къ своей окон-

чательной цѣли, несмотря ни на какія препятствія, или воззванія къ чувству; остановить ихъ не въ состояніи ничто.

Бросьте бѣглый взглядъ на древнюю исторію Германіи, и передъ вами тотчасъ предстанетъ картина семейнаго быта, въ которомъ женщины всѣхъ сословій исполняютъ бо́льшую часть хозяйственныхъ работъ. Императоръ Карлъ приказалъ обучать своихъ сыновей употребленію военнаго оружія, а дочерей его учили ткать, вязать и прясть. Дочери императора Оттона прославились своимъ искусствомъ въ ткацкомъ ремеслѣ и шитьѣ платья, и старинная пѣсня Нибелунговъ доказываетъ, что эти ремесла исключительно свойственны женскому полу. Кримгильда приготовляетъ съ 30-ю мастерицами своего придворнаго штата свадебныя одѣянія Гюнтера. Алеманнское право заключаетъ въ себѣ формальный цехъ прядильщицъ и ткачихъ.

Разныя обстоятельства измѣнили этотъ порядокъ вещей [1]. Вскорѣ затѣмъ наступившее раздѣленіе труда ограничило кругъ женской ремесленной дѣятельности. Государственная жизнь Европы сопровождалась размноженіемъ бюрократическаго элемента, въ тѣсномъ семейномъ кругу котораго воспитались женщины, неспособныя ни на веденіе хозяйства, ни на бюргерскую дѣятельность вообще, — всѣ рабочія силы въ то время пребывали въ застоѣ отчасти вслѣдствіе ложныхъ взглядовъ на честь своего сословія какъ состоянія, вслѣдствіе ложнаго воспитанія, и т. п., а отчасти вслѣдствіе особыхъ общественныхъ и политическихъ порядковъ, которые принудили женщинъ проводить всю свою жизнь въ праздности, и заниматься одними лишь нарядами, что́, съ другой стороны, выработало въ нихъ тотъ пошлый взглядъ на бракъ, какъ на средство къ самообезпеченію и пріобрѣтенію хозяйской независимости. Еще позже, рукодѣліе стянулось въ самый ограниченный кругъ вслѣдствіе изобрѣтенія машинъ, такъ что женскій трудъ принялъ, наконецъ, весьма скромные размѣры. Правда, машинная работа привлекла потомъ на фабрики значительное число женщинъ; однако не слѣдуетъ забывать, что законодательство долго возставало противъ этихъ нововведеній и старалось всѣми силами ограничить кругъ женскаго фабричнаго труда. Въ средневѣковыхъ цехахъ, игравшихъ, какъ извѣстно, не промышленную роль только, но главнымъ образомъ политическую, женщины не могли имѣть участія уже по одной послѣдней причинѣ. Только одно исключеніе допускали въ этомъ отношеніи средневѣковые люди, а именно, женщинъ-торговокъ признавали они съ самыхъ раннихъ временъ, и эти послѣднія во всѣхъ большихъ торговыхъ городахъ, съ теченіемъ времени, росли все шире и шире. Тамъ, въ торговыхъ городахъ, всевозможныя сооб-

---

[1] Ср. сочиненіе д-ра Карла Томаса Рихтера: «Das Recht der Frauen auf Arbeit und die Organisation der Frauenarbeit». Wien. 1867.

раженія должны были уступить передъ главнымъ мѣстнымъ интересомъ, стремленіемъ вывести на рынокъ всѣ силы, какъ имущественныя, такъ и личныя. Нѣкоторые ремесленные цехи дозволяли, правда, вдовамъ умершихъ цеховыхъ членовъ продолжать ремесло покойнаго мужа, но этихъ женщинъ не допускали къ участію въ цеховыхъ совѣщаніяхъ, и имъ запрещено было держать учениковъ. Ремесленные уставы XVIII и нынѣшняго вѣка держались тѣхъ же эгоистическихъ правилъ, пока наконецъ новый ремесленный уставъ, проведенный въ сѣверо-германскомъ парламентѣ, не высказался прямо и отчетливо въ пользу равноправности половъ въ дѣлѣ промышленности вообще, какъ крупной, такъ и мелкой.

На взаимное отношеніе половъ въ дѣлѣ промышленной дѣятельности было обращено особое вниманіе во время народной переписи въ Берлинѣ, 3-го декабря 1867 года [1]). Въ числѣ многочисленныхъ таблицъ, составленныхъ статистическимъ комитетомъ по собраннымъ тогда цифрамъ, есть одна весьма важная для нашего предмета, такъ какъ она даетъ намъ необходимый матеріалъ для опредѣленія нынѣшняго круга женской промышленной дѣятельности въ Берлинѣ. Эта таблица составлена такимъ образомъ, что при каждой отрасли труда вы находите и отношеніе числа женщинъ, занимающихся этими работами, къ числу всѣхъ жителей въ городѣ. Во главѣ всѣхъ работъ эта таблица представляетъ дѣятельность прислуги;—оказывается, что мужчинъ, живущихъ въ услуженіи, приходится въ Берлинѣ по одному на каждые 23 жителя мужескаго пола, а женщинъ по одной на каждыя 8 женщинъ, проживающихъ въ городѣ. Выражаясь яснѣе, это значитъ, что изъ каждыхъ 8 обитательницъ Берлина, одна живетъ въ услуженіи, тогда какъ мужчины даютъ одного изъ 23 человѣкъ. Все число мужской прислуги опредѣляется 5,596, а женской — 42,639. Чрезвычайный перевѣсъ женщинъ надъ мужчинами по этой отрасли дѣятельности объясняется исключительно тѣмъ обстоятельствомъ, что существуетъ обычай содержать въ услуженіи женщинъ. Второй видъ работъ, которымъ занимаются женщины — портное ремесло. Этимъ ремесломъ занимаются весьма многія: по одной женщинѣ на каждую 31 женщину въ Берлинѣ, а мужчины — по одному на каждые 37. Прачечнымъ ремесломъ и пятновыводчествомъ занимаются женщины и мужчины въ слѣдующихъ пропорціяхъ: — женщины — 1: 108, мужчинъ — 1: 7473; торговлею женщины — 1: 115, а мужчины — 1: 12; воспитаніемъ и обученіемъ дѣтей — 1: 206, и — 1: 148; модистки, цвѣточнымъ производствомъ и фабрикаціею перьевъ — 1: 210, и 1: 3548 (опять громадный перевѣсъ женскаго труда надъ мужскимъ); содержаніемъ гостинницъ и квартиръ —

[1]) Die Berliner Volkszählung vom 3 december 1867. Von D-r juris H. Schwabe. Berlin. 1869.

1: 319, и 1: 62; уходомъ за больными — 1: 407, и 1: 168; искусствомъ, литературою, театромъ — 1: 734, и 1: 109. Во всѣхъ другихъ отрасляхъ дѣятельности, въ которыхъ принимаютъ участіе оба пола, мужчины положительно преобладаютъ. Однако, вышеприведенныя цифры достаточно доказываютъ, что женскій трудъ въ Берлинѣ играетъ весьма видную роль. Вообще говоря, занимающихся чѣмъ-нибудь мужчинъ и женщинъ приходится въ Берлинѣ по отношенію къ незанимающимся, какъ 1: 1,45 для мужчинъ, и какъ 1: 3,40 для женщинъ. При помощи весьма остроумныхъ вычисленій и соображеній, начальнику статистическаго комитета удалось опредѣлить, посредствомъ таблицъ, находившихся въ его распоряженіи, какіе именно классы въ обществѣ даютъ бо́льшую часть женщинъ, живущихъ собственнымъ трудомъ. Воспитанію дѣтей предаются обыкновенно дочери учителей и воспитателей; то же самое должно сказать и о дочеряхъ или женахъ и т. д. купцовъ, то-есть, что онѣ приступаютъ къ ремеслу своихъ родителей. Женщины, принадлежащія къ классу чиновниковъ, врачей, ученыхъ или духовнаго званія и т. п., оказываютъ весьма слабую наклонность къ самостоятельному труду, хотя и онѣ имѣютъ также мало шансовъ на вступленіе въ бракъ, какъ и всѣ другія женщины. Весьма интересно видѣть, какъ подобный ложный взглядъ на жизнь приводитъ къ печальнымъ результатамъ. Это становится очевиднымъ, стоитъ только изъ общей промышленной дѣятельности выдѣлить дѣятельность *вдовъ*. Въ Берлинѣ насчитано 30,636 вдовъ. Изъ нихъ 20,124 живутъ собственнымъ трудомъ, 3,660 имѣютъ доходы, 1,203 пользуются пенсіями, и 5,256 сидятъ безъ всякаго дѣла. Между тѣмъ, какъ на каждую сотню незамужнихъ женщинъ приходится 72 живущихъ собственнымъ трудомъ и 28 — безъ дѣла, на каждую сотню вдовъ приходится лишь по 17 неспособныхъ ни къ какой профессіи, и 83 живущихъ на собственныя средства. Эти бѣдныя женщины могли бы и прежде, еслибъ хотѣли, заниматься какимъ-нибудь дѣломъ, не ожидая того, пока нужда, по смерти мужа, не заставитъ ихъ обучиться какому-нибудь ремеслу; — нѣтъ никакого сомнѣнія, что многимъ изъ нихъ весьма тяжело вступать въ непривычный трудъ промышленной дѣятельности, послѣ разныхъ испытаній семейной жизни и по достиженіи старческаго возраста. Изъ вышеприведеннаго числа вдовъ, 2,265 занимаются ручными работами на фабрикахъ, 1,487 находится въ услуженіи, 1,453 прачки и пятновыводчицы, 1,168 занимаются портняжествомъ, 1,046—торговлею, 718—содержаніемъ гостинницъ, квартиръ и кухмистерскихъ 183 — уходомъ за больными, 116 — воспитаніемъ и обученіемъ дѣтей, 88 — обойнымъ мастерствомъ и шитьемъ.

Если сосчитать женщинъ, принадлежащихъ къ семействамъ, живущихъ *не* собственнымъ трудомъ, и имѣющихъ отъ роду болѣе 15 лѣтъ, то получимъ въ общемъ итогѣ всѣхъ сословій цифру 149,283.

Въ Берлинѣ существуетъ 110,913 замужнихъ женщинъ, изъ которыхъ, однако, 5,047 живутъ собственнымъ трудомъ. Если вычесть оставшуюся сумму изъ предъидущей, то останется еще 43,147 незамужнихъ женщинъ, о которыхъ можно сказать, что онѣ нисколько не способствуютъ развитію національнаго труда, или оказываютъ лишь ненужныя услуги въ домашнемъ быту. Существованіе безъ занятій, или, другими словами, зависимость отъ другихъ — это общественное зло, противъ котораго слѣдуетъ бороться, и вышеприведенная цифра показываетъ читателю, какъ много нужно еще сдѣлать Берлину на поприщѣ женскаго труда, чтобы уничтожить это зло съ корнемъ. Между тѣмъ, введеніе всѣхъ женщинъ въ область труда есть единственный вѣрный путь къ улучшенію ихъ общественнаго быта, о дурныхъ сторонахъ котораго постоянно и вездѣ раздаются жалобы, достигшія въ настоящее время до самой палаты депутатовъ. Во время преній по поводу бюджета министерства внутреннихъ дѣлъ (въ засѣданіи 26-го ноября), консерваторъ фонъ-Браухитшъ представилъ проектъ о необходимости усилить *нравственную* полицію въ Берлинѣ, такъ какъ публичный развратъ принимаетъ въ настоящее время крайне широкіе размѣры. Другой консервативный депутатъ, Штроссеръ, поддержалъ предложеніе Браухитша, изобразивъ передъ палатою мрачную картину берлинскаго распутства. «Что значитъ весь этотъ голосъ въ восточной Пруссіи — воскликнулъ онъ — въ сравненіи съ тѣмъ, что мы видимъ здѣсь, (т.-е. въ Берлинѣ). Въ началѣ 1867 года здѣсь находилось, по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, 10,860 женщинъ, извѣстныхъ полиціи какъ проститутки, и многія изъ нихъ славились роскошью своихъ туалетовъ. Обращаю ваше вниманіе также на тѣ безнравственныя картины, которыя мы видимъ нынѣ повсюду въ окнахъ. Неужели противъ этого нельзя предпринять никакихъ мѣръ? Убрать грязь съ улицы — это можно, къ этому полиція принуждаетъ домовладѣльцевъ, но когда та же грязь торчитъ въ окнахъ, мы идемъ мимо нея, какъ будто тамъ все обстоитъ благополучно, а между тѣмъ эти безнравственныя зрѣлища распространились такъ широко, что мнѣ пришлось слышать недавно отъ одного весьма порядочнаго человѣка жалобу на то, что нынѣ нельзя уже болѣе пускать своихъ дочерей черезъ улицу, не опасаясь за ихъ нравственную неиспорченность. Но позвольте, господа, я хочу сказать еще объ одномъ пунктѣ. Даже украшеніе и гордость нашего города, музей, и тотъ заключаетъ въ себѣ цѣлый рядъ картинъ, которыя оказываютъ на нравственность весьма губительное вліяніе. (*Ою! ою!*). Подобныя картины слѣдовало бы вѣшать такимъ образомъ, чтобы ихъ никто не видалъ. Милостивые государи, мы такъ часто не соглашаемся между собою во многихъ политическихъ и религіозныхъ вопросахъ, но въ этомъ вопросѣ, надѣюсь, мы должны думать одно и то же и дѣйствовать сообща».

Со стороны либераловъ говорилъ Лёве (Löwe). Онъ придерживается въ этомъ вопросѣ того убѣжденія, что поправлять нравственность посредствомъ полиціи — дѣло, по меньшей мѣрѣ, безполезное. «Я признаю, — сказалъ либеральный ораторъ — что зло, описанное докладчикомъ, существуетъ въ дѣйствительности, но я увѣренъ въ томъ, что у насъ оно нисколько не больше того, какое мы видимъ и въ другихъ не только большихъ, но и малыхъ городахъ. Усилить полицію значило бы только успокоить нашу совѣсть, нисколько не уничтожая самого зла. Общество должно знать, что всѣ эти вредныя стороны нашей жизни заключаются въ нашихъ общественныхъ учрежденіяхъ, въ нашемъ воспитаніи, во всѣхъ обстоятельствахъ, среди которыхъ мы живемъ. Оно должно глубоко прочувствовать весь этотъ вредъ, чтобы потомъ тѣмъ тверже взяться за дѣло улучшенія своего быта. Но назначеніемъ суммъ въ пользу содержанія лишней полиціи мы только ухудшимъ и безъ того дурное состояніе нашей общественной нравственности. Уголовная полиція знаетъ очень хорошо, что нигдѣ общественный порядокъ и спокойствіе не соблюдаются столь хорошо, какъ именно въ тѣхъ заведеніяхъ, которыя всего охотнѣе посѣщаются публичными женщинами. Съ нравственною полиціею, напротивъ, проститутки давно уже нашли способъ жить въ мирѣ и любви. Имѣя все это въ виду, я утверждаю, что всѣ проекты объ усиленіи нравственной полиціи поведутъ только къ новымъ подкупамъ полицейскихъ чиновниковъ. Слѣдуетъ обратить серьезное вниманіе совершенно на другой пунктъ. Нравственная полиція можетъ всегда ограничивать и замыкать ряды проституціи. Задача этой полиціи состоитъ въ томъ, чтобы оберегать здоровье жителей, и она исполняетъ эту свою обязанность насколько можетъ: состояніе здоровья въ Берлинѣ, лучше, нежели въ большей части другихъ городовъ. Но чтобы достигнуть *этой* цѣли, полиція должна захватывать всѣхъ лицъ, попадающихся въ ея руки;—въ такомъ случаѣ, она стала бы служить неодолимымъ препятствіемъ всѣмъ женщинамъ, желающимъ вернуться на нравственный путь. Подобная дѣятельность нравственной полиціи, положимъ, охраняла бы здоровье лицъ, ведущихъ знакомство съ проститутками, но не слишкомъ ли дорого обойдется такое охраненіе? Я не могу считать этихъ женщинъ столь ничтожными, чтобъ подвергать ихъ подобнымъ опытамъ изъ-за людей, ведущихъ съ ними сношенія. Чиновники нравственной полиціи не должны заходить дальше положенныхъ имъ предѣловъ,—они и безъ того заходятъ слишкомъ далеко. Съ другой стороны, это зло можно умѣрить лишь усиліями образованныхъ людей, которые должны наконецъ обратить свое вниманіе на этихъ несчастныхъ женщинъ, полиція тутъ ничего не сдѣлаетъ. Позвольте вамъ напомнить слова Беттины фонъ-Арнимъ: «Если намъ чего не достаетъ въ этомъ дѣлѣ, то никакъ не денегъ, и не средствъ»

намъ не достаетъ сочувствія къ несчастію, *мы должны дѣлать добро съ любовью* (*Браво!*). Позаботьтесь о томъ, чтобы бѣдная дѣвушка, которая тоже желаетъ какихъ-нибудь наслажденій, шла искать ихъ не въ распутныя заведенія, пособляйте образованію общества для образованія рабочихъ людей, и вы окажете нравственности гораздо болѣе услугъ, чѣмъ назначеніями суммъ на содержаніе полиціи!» (*Браво!*).

Какъ бы то ни было, Лёве не удалось привлечь на свою сторону большинства, и проектъ Браухитша принятъ 150-ю голосами противъ 146. Этотъ странный результатъ слѣдуетъ приписать особенно тому обстоятельству, что многіе депутаты, не привыкшіе къ жизни большихъ городовъ, не понимаютъ наблюдаемыхъ ими явленій распутства, почти неизбѣжныхъ въ такихъ центрахъ всякаго сброда, какъ Берлинъ. Я имѣю твердое убѣжденіе въ томъ, что въ Берлинѣ, несмотря на то, нравственность, особенно въ семейной жизни, нисколько не слабѣе нравственности въ мелкихъ городахъ, гдѣ семья значитъ все. Несомнѣнно также, что никакая полиція въ мірѣ не въ состояніи поднять уровень общественной нравственности; все, что она можетъ сдѣлать, это вогнать болѣзнь внутрь, и дать такимъ образомъ разврату еще болѣе широкое поле для распространенія. Многимъ можетъ показаться парадоксальнымъ, если сказать: «благосостояніе—это нравственность», а между тѣмъ этотъ парадоксъ почти весь истина. Я нарочно выражаюсь столь рѣзко, такъ какъ могу въ этомъ отношеніи сослаться на такой крупный авторитетъ, какъ Бокль (см. вторую главу въ его «Исторіи Цивилизаціи)». Изъ всѣхъ великихъ общественныхъ улучшеній самымъ важнымъ признаётъ онъ накопленіе богатствъ, такъ какъ отъ него зависѣло пріобрѣтеніе знаній. Впрочемъ, я могъ бы тоже сказать: «образованіе есть нравственность». Беспристрастное изученіе исторіи показало намъ, что добродѣтель рыцарскихъ временъ, столь сильно превознесенная романтическою поэзіею, существовала только въ воображеніи самихъ пѣвцовъ. Изъ древнихъ исповѣдальныхъ книгъ (Bussbücher), въ которыя церковь вносила всѣ отпускаемые ею грѣхи, мы узнаемъ, что и въ самыя первыя времена нѣмецкаго государства существовали всѣ тѣ пороки, которые приписываются многими утонченному разврату современной жизни. Выдумка также и то, будто-бы деревни нравственнѣе городовъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Эльберфельдѣ сдѣланъ былъ слѣдующій опытъ. Какой-то фабрикантъ, отчасти подъ вліяніемъ увѣреній о томъ, что молодыя дѣвушки въ селахъ ведутъ себя гораздо лучше городскихъ дѣвушекъ, и отчасти изъ желанія пріобрѣсть рабочихъ по болѣе дешевымъ цѣнамъ, перенесъ свое заведеніе за городскую черту. Но ему не удалось достигнуть ни того, ни другого. Оказалось, что городскія дѣвушки, которыхъ фабрикантъ считалъ слишкомъ безнравственными, могли служить настоящимъ нравственнымъ образцомъ, въ сравненіи съ сельскими. Весь

опытъ не имѣлъ никакого успѣха, и фабрикантъ снова перебрался въ городъ.

Первый шагъ въ области распространенія женскихъ обществъ или ферейновъ въ Берлинѣ сдѣланъ былъ извѣстнымъ Летте, умершимъ въ декабрѣ прошлаго года. Въ январѣ 1866 года собралось нѣсколько мужчинъ—для обсужденія женскаго вопроса, и они положили основаніе, «обществу для споспѣшествованія ремесленной дѣятельности женскаго пола» (Verein zur Förderung der Erwerbsthätigkeit des weiblichen Geschlechts). Цѣлью этого ферейна было, какъ сказано въ уставѣ, споспѣшествованіе ремесленной дѣятельности женщинъ и дѣвицъ, принужденныхъ жить на собственный счетъ. Для достиженія этой цѣли признано необходимымъ: 1) устраненіе всѣхъ предразсудковъ и препятствій, ограничивающихъ промысловую дѣятельность женщинъ; 2) устройство учебныхъ заведеній, въ которыхъ женщины могли бы обучаться ремесламъ и торговлѣ; 3) учрежденіе справочныхъ мѣстъ для всѣхъ женщинъ, желающихъ заниматься какимъ-либо ремесломъ, и для всѣхъ работодателей, желающихъ приспособить къ своему дѣлу женскій трудъ; 4) основаніе торговыхъ и выставочныхъ заведеній для женскихъ рукодѣлій и произведеній искусствъ; 5) охраненіе женщинъ, живущихъ собственнымъ трудомъ, отъ всякихъ бѣдъ въ нравственномъ или экономическомъ отношеніяхъ, посредствомъ предложенія имъ хорошей квартиры и хорошаго стола по дешевымъ цѣнамъ. Что касается до 3-го и 5-го параграфовъ, дѣятельность ферейна не распространяется на женщинъ, занимающихся на фабрикахъ или земледѣліемъ, или на находящихся въ услуженіи, въ прачкахъ и т. п. Въ члены обществъ принимаются всѣ взрослыя дѣти, къ какому бы полу и званію они ни принадлежали, если только могутъ платить *по одному талеру* ежегодно. Дѣла ферейна идутъ подъ надзоромъ отчасти особаго комитетомъ, отчасти управителей, и отчасти общаго собранія членовъ. Сначала, какъ комитетъ, такъ и управители—все были мужчины; но въ первый постоянно приглашали женщинъ, а въ дирекціи хотѣли дать женскому полу одно секретарское мѣсто (назначено было два секретаря). Покровительствовать этому ферейну взялась супруга наслѣднаго принца, принцесса Викторія. Общество начало свои труды въ крайне неблагопріятное для промышленной дѣятельности время. Ибо едва оно составилось, едва отдѣльные комитеты и коммиссіи принялись дѣлать свое дѣло, какъ въ газетахъ появились извѣстія о войнѣ, и общественное вниманіе устремилось на событія, которыя должны были произвести крутой переворотъ въ исторіи Германіи. Какъ бы то ни было, война только замедлила ходъ дѣятельности женскаго ферейна, но дѣятельность продолжалась. Его первымъ долгомъ было помочь профессору Клементу основать, подъ руководствомъ самого профессора, реальную торгово-ремесленную школу для дѣвочекъ. Бла-

годаря пособіямъ ферейна, профессоръ открылъ свою школу 23 апрѣля 1866 года, въ которую тотчасъ же поступило 14 учениць; вскорѣ это число возрасло до 28, и съ тѣхъ поръ все продолжаетъ подниматься. Это училище имѣетъ два отдѣленія: *реальное*, въ которомъ дѣвочки пріобрѣтаютъ, кромѣ дополненія ихъ общихъ научныхъ познаній, раціональную подготовку какъ къ призванію женщинъ въ практической жизни, такъ и для поступленія въ отдѣленіе *спеціальныхъ курсовъ*, гдѣ уже имъ предоставляется на выборъ заниматься или торговымъ дѣломъ (веденіе книгъ, корреспонденціи, счетовъ и т. п.), или ремеслами, искусствами и т. п., но школа не приготовляетъ ни гувернантокъ, ни учительницъ.

Вторая школа, присоединившаяся къ ферейну, существовала уже съ 1-го ноября 1865 года подъ именемъ института Лоффа (Lohff'sches Institut) для образованія и спеціальнаго подготовленія взрослыхъ дѣвицъ къ купеческому и ремесленному дѣлу; это заведеніе имѣетъ цѣлію дать своимъ воспитанницамъ практическое образованіе въ самый короткій срокъ.

Въ скоромъ времени послѣ основанія ферейна, въ связи съ нимъ былъ учрежденъ такъ-называемый «Базаръ Викторіи» —Victoria Bazar, центральный складъ женскихъ ручныхъ издѣлій и произведеній искусствъ, выставленныхъ тамъ на продажу; изъ всѣхъ учрежденій ферейна базаръ далъ самые благотворные результаты. Базаръ этотъ сданъ въ руки купца Вейсса, который ведетъ все дѣло на собственный счетъ и страхъ, но съ обязательствомъ руководствоваться во всѣхъ предпріятіяхъ совѣтами ферейнскаго комитета и не брать за свои труды болѣе 10—12 процентовъ. Въ этомъ базарѣ мы находимъ 10 разныхъ отраслей женскаго труда, ведущихъ свои дѣла сообща и могущихъ соперничать съ любою купеческою конторою. Главный управляющій дѣлами въ базарѣ, Карлъ Вейссъ, за день до открытія вышеупомянутой конференціи, прочелъ лекцію о нуждахъ женщинъ вообще. На этой лекціи, только-что появившейся въ печати [1]), почтенный авторъ основываетъ всѣ свои выводы главнымъ образомъ на высшей степени важныхъ и поучительныхъ фактахъ, замѣченныхъ имъ въ его базарной практикѣ. Изъ сообщеній Вейсса очевидно, что базаръ даетъ возможность 80 женщинамъ заработывать свой хлѣбъ. Столько же женщинъ находятъ въ базарныхъ работахъ временную поддержку въ своей дѣятельности внѣ базара. Итакъ, базаръ приноситъ положительную пользу 150—160 женщинамъ. Опытъ показалъ, что съ каждымъ годомъ базаръ въ состояніи поддерживать 20-ью женщинами больше прежняго, и есть основательныя надежды, сверхъ того, что это расширеніе

---

[1]) Der Nothstand unter der Frauen und die Abhülfe desselben. Ein Beitrag zur Frauenfrage, von Carl Weiss. Berlin. B. Brige.

базарной дѣятельности станетъ принимать съ каждымъ годомъ все бо́льшіе размѣры. Уже теперь базаръ успѣлъ доставить 50-ти другимъ дамамъ постоянныя мѣста съ хорошимъ жалованьемъ. Все это, конечно, явленія весьма отрадныя, но они слишкомъ незначительны въ сравненіи съ великимъ запросомъ на помощь. «Со времени открытія базара Викторіи—восклицаетъ въ одномъ мѣстѣ авторъ,—нуждающимся женщинамъ вдругъ представилось, что для нихъ открылся, наконецъ, тотъ чудотворный источникъ, къ которому сто́итъ только подойти, и всѣ желанія мигомъ удовлетворятся. Цѣлыми толпами эти несчастныя спѣшили изъ разныхъ мѣстностей искать спасенія и помощи у новаго источника; почта приносила тысячи слезами омоченныхъ писемъ, въ которыхъ мы читали множество грустныхъ біографій и еще больше жалобъ, которыя всѣ оканчивались ужаснымъ крикомъ: «дайте намъ хлѣба, дайте платья намъ и нашимъ дѣтямъ!» Но кто были эти просящія и умоляющія? Все это были люди не третьяго и четвертаго сословій, но по большей части члены средняго сословія и высшаго общества; часто среди нихъ находились женщины знатнаго происхожденія, весьма образованныя, — лица, служившія когда-то радостью и украшеніемъ своего сословія, и оставшіяся теперь въ тягость себѣ и другимъ. Особенно большой контингентъ нуждающихся представляли женщины чиновнаго міра».

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что во всѣхъ этихъ бѣдствіяхъ играютъ важную роль наши нынѣшнія общественныя отношенія, но отчасти виною въ этомъ являются сами женщины. Вейссъ дѣлаетъ въ этомъ смыслѣ нѣсколько весьма драгоцѣнныхъ и сильныхъ замѣчаній. Цѣлыя массы ручныхъ издѣлій, принесенныхъ въ базаръ—говоритъ онъ—оказались рѣшительно негодными для какого-либо употребленія. Тутъ были разныя бездѣлицы, игрушки и плохо приготовленныя вещи. Изъ сотни вещей едва пять были годны для продажи. Лишь въ рѣдкихъ случаяхъ приносили женщины какую-нибудь хорошую ручную работу или хорошо сшитую штуку шитья. Мы съ большою охотою давали разныя наставленія и поученія, но, къ несчастію, весьма часто у этихъ женщинъ не хватало ни пониманія, ни способности, и еще чаще желанія и готовности создать что-нибудь хорошее. Многія дамы бросали дѣло при первой неудачѣ и отстранялись отъ нашего учрежденія тотчасъ же, какъ только видѣли, что мы требуемъ дѣльной, дѣйствительной работы. Изъ обширнаго предложенія труда слѣдовало изслѣдовать только годное и достойное, какъ извлекаютъ серебро изъ шахты. Такимъ образомъ, базаръ сдѣлался скорѣе образовательнымъ (для труда) учрежденіемъ, чѣмъ купеческою конторою. Изъ 3,000 женщинъ, обращавшихся въ базаръ впродолженіи послѣднихъ 4 лѣтъ, только 200, или всего 7 процентовъ, получили тамъ работу. Изъ всего этого очевидно, какъ говоритъ почтенный управитель базара, что дѣло

стояло не изъ-за недостатка работы, но изъ-за неумѣнья женщинъ взяться за работу, изъ-за ихъ неподготовки къ правильному и усидчивому труду, изъ-за плохого, безцѣльнаго воспитанія.

Дѣвочки въ высшемъ и среднемъ сословіяхъ, по крайней мѣрѣ въ большинствѣ случаевъ, воспитываются вовсе не для труда, не на тотъ случай, когда имъ придется заработывать свой собственный хлѣбъ. И Вейссъ, по этому, совершенно справедливо говоритъ: «если всмотрѣться по-пристальнѣе во всѣ ремесла, въ которыхъ женщины могли бы найти добрый кусокъ хлѣба, то съ полнымъ убѣжденіемъ можемъ сказать, что для женскаго труда не нужно никакихъ новыхъ источниковъ, что нужно только, чтобы ферейнъ задался гуманнымъ стремленіемъ помочь женщинамъ подготовиться къ тѣмъ отраслямъ дѣятельности, которыя для нихъ открыты и теперь. Когда вся толпа неработающихъ женщинъ въ Берлинѣ пріучится работать какъ слѣдуетъ и какъ того требуетъ рынокъ, то всѣ онѣ тотчасъ же найдутъ прекрасныя мѣста въ промышленномъ и торговомъ мірѣ Берлина. Но дѣловой міръ требуетъ дѣльной и хорошей работы, безсиліе и недоконченность не найдутъ въ немъ помощи, и всякая слабость и усталость немилосердно смываются прочь широкимъ потокомъ жизни. Пора родителямъ и воспитателямъ подумать о томъ, что ихъ дочери и воспитанницы должны быть дѣльными людьми, а не пустыми игрушками. Молодымъ дѣвицамъ и женщинамъ тоже слѣдуетъ внушать, чтобы онѣ искали своего спасенія въ самихъ себѣ. У нихъ, какъ и у мужчинъ, есть всѣ задатки къ самодѣятельности и личной независимости, но слѣдуетъ знать, что эту независимость онѣ могутъ пріобрѣсть лишь на полѣ усерднаго труда».

При базарѣ и въ связи съ нимъ открыта справочная контора для нуждающихся въ работѣ и еще другое справочное мѣсто—дешевыхъ квартиръ. Это послѣднее заведеніе оказываетъ добрыя услуги всѣмъ женщинамъ, пріѣзжающимъ къ Берлинъ изъ провинцій и не знающихъ гдѣ остановиться. Бюро заботится не только о снабженіи женщинъ дешевыми и удобными квартирами, но также дешевымъ и сытнымъ столомъ.

Не по почину женскаго ферейна, но членами его устроено въ Берлинѣ, осенью 1866 года, нѣсколько народныхъ кухонь (Volksküchen), которыя процвѣтаютъ подъ руководствомъ дамъ, даютъ весьма отрадные результаты и постепенно расширяютъ свою дѣятельность. Недавно открыта даже особая кухня для евреевъ: *кошира.* Всѣ эти заведенія, основанныя на принципѣ самопомощи, ведутъ свои дѣла столь превосходно, что могутъ смѣло конкуррировать даже со старыми учрежденіями для снабженія пищею бѣдныхъ людей (Armen-Speisungs-Anstalt), которыя основаны на принципѣ благотворительности и зимою ежедневно снабжаютъ 3 — 5 тысячъ лицъ обоего пола. Было поэтому предположеніе передать и всѣ эти благотворительныя кухни въ управ-

леніе ферейна народныхъ кухонь (Verein für Volksküchen). Однако, послѣдній отклонилъ это предложеніе, опасаясь повредить своему собственному дѣлу, основанному исключительно на требованіяхъ самопомощи. Впрочемъ, въ ферейнѣ народныхъ кухонь принимаютъ важное участіе мужчины, они основали и ведутъ его, дамы же имѣютъ полный надзоръ за кухнею, то-есть, исполняютъ почти всю главную работу.

Кромѣ всѣхъ этихъ дамскихъ ферейновъ, мнѣ извѣстны въ Берлинѣ еще слѣдующіе: отечественный дамскій ферейнъ (Vaterländische Frauenverein), главная задача котораго заключается въ уходѣ за больными; ферейнъ фребелевскихъ дѣтскихъ садовъ, ферейнъ для семейнаго и народнаго образованія, общество женщинъ-художницъ, общество учительницъ и воспитательницъ, общество работницъ, общество бесѣды и взаимнаго обученія. Есть, вѣроятно, еще много и другихъ ферейновъ. Не забудьте, что Берлинъ—это какой-то эльдорадо всякихъ обществъ; въ концѣ 1866 года въ немъ существовало 653 разныхъ ферейна, въ концѣ 1867 года ихъ было уже 719, изъ которыхъ 107 признавали себя политическими; въ концѣ 1868 года число ферейновъ достигло 1313.

Берлинъ далъ толчекъ развитію подобныхъ же ферейновъ въ другихъ, городахъ, впрочемъ, нѣкоторые города, какъ напримѣръ, Лейпцигъ завели у себя ферейны по собственному почину, а иные даже превзошли Берлинъ въ этомъ отношеніи. На конгрессѣ женскихъ ферейновъ были представители многихъ городовъ: Брауншвейга, Бремена, Бреславля, Брига, Вѣны, Гамбурга, Ганновера, Глогау, Дармштадта, Дрездена, Карльсруэ, Касселя и Лейпцига; нѣкоторые изъ этихъ городовъ были представлены на конгрессѣ лицами женскаго пола.

Первымъ вопросомъ, которымъ занимался конгрессъ, было предложеніе объ установленіи правильныхъ сношеній между всѣми женскими союзами, какъ германскими, такъ и иностранными. Докладчикомъ по этому дѣлу былъ извѣстный юристъ и профессоръ государственнаго права Гольтцендорфъ (Holtzendorff). Онъ различаетъ въ этомъ вопросѣ три главные ингредіента: мѣстные ферейны, національные и международные. Что касается до установленія международныхъ сношеній, которыя можно было очертить лишь слабыми штрихами,—о нихъ докладчикъ говорилъ лишь вскользь, напирая больше на тотъ замѣчательный фактъ, что въ наше время каждый важный вопросъ, гдѣ бы его ни подняли, становится весьма скоро вопросомъ всего образованнаго міра. Такъ, напримѣръ, вопросъ о смертной казни сталъ теперь всеобщимъ вопросомъ, ибо о немъ говорятъ во всѣхъ цивилизованныхъ государствахъ; такъ, отмѣною тюремнаго заключенія за долги занимаются теперь всѣ законодательныя собранія въ Европѣ. Но какъ ни важно международное значеніе этихъ двухъ вопросовъ, международ-

ный характеръ для женскаго вопроса имѣетъ важность несравненно болѣе значительную. Женщина — это первая, высшая и наиболѣе способная носительница гуманности; — она должна воспитывать, но она дѣлается способною къ этому лишь въ томъ случаѣ, если вноситъ въ семью великія идеи государственной и общественной жизни, если она отстраняется какъ разъ отъ того, что такъ много стараются развить и укрѣпить въ ея душѣ: мелочной эгоизмъ. Видимымъ образомъ, международная сторона женскаго вопроса даетъ себя знать лишь въ одной отрасли дѣятельности — въ уходѣ за больными, особенно на войнѣ. Вторую форму международнаго характера находитъ Гольтцендорфъ въ выселеніи женщинъ, которое дало, особенно въ Англіи, весьма важные результаты, и которое обѣщаетъ пріобрѣсть современемъ еще болѣе важное экономическое значеніе. Въ берлинскія конференціи международная сторона вопроса не дала практическихъ послѣдствій, и конференція ограничилась пока заявленіемъ, что она желаетъ установить прочную связь по крайней мѣрѣ между всѣми женскими обществами въ Германіи, для какой цѣли и считается нужнымъ основать особую газету «Correspondenzblatt», которая бы усердно слѣдила за ходомъ женскаго движенія въ общемъ нѣмецкомъ отечествѣ и отчасти за границею, служа въ то же время дѣйствительнымъ органомъ женскаго вопроса въ Германіи.

Не столь важное значеніе имѣетъ другой вопросъ, поднятый на конференціи, вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли основывать справочныя для рабочихъ женщинъ конторы, и если слѣдуетъ, то на какихъ основаніяхъ. Однако, во время преній по этому вопросу возникъ слѣдующій весьма интересный вопросъ. Одна госпожа изъ Вѣны замѣтила мимоходомъ, что въ Англіи существуетъ типографія, учрежденная исключительно для однѣхъ женщинъ, и что то же самое рѣшительно невозможно въ Германіи, такъ какъ противъ этого возстаютъ всѣ типографскіе рабочіе. «Послѣдніе — сказала ораторша, фонъ-Литтровъ — издаютъ двѣ газеты въ защиту ихъ интересовъ, и они увѣрены, что эти интересы требуютъ не допускать женщинъ къ типографскому дѣлу. Всякая попытка въ этомъ родѣ послужитъ поводомъ къ чудовищной агитаціи, и нѣтъ никакой вѣроятности преодолѣть это препятствіе». Мистриссъ Доггетъ изъ Чикаго отвѣчала на это заявленіе по-англійски: «Печать на бумагѣ, которую я держу теперь въ рукѣ — на этомъ листѣ женскаго органа западныхъ штатовъ Америки — явилась на немъ изъ-подъ рукъ женщинъ. Правда, мужчины противились этому, но женщины въ Америкѣ научились не страшиться мужскихъ возраженій, и умѣютъ составлять и проводить свои собственныя убѣжденія во всемъ, что касается такихъ отраслей промышленности, которыя онѣ изучили, и тѣхъ ремеслъ, которымъ онѣ обучаются». Кромѣ этихъ смѣлыхъ заявленій, ораторша высказала еще много другихъ прекрасныхъ и прак-

тическихъ вещей. Во всякомъ случаѣ, мнѣ кажется, что г-жа Доггетъ совершенно права. Проявляющееся въ нѣкоторыхъ отрасляхъ промышленности стремленіе мужчинъ не допустить туда женскій трудъ, противопоставляя противъ него физическое насиліе, — есть не что иное, какъ остатки варварства.

Высшей степени интереса достигли пренія конференціи лишь на другой день, когда поднятъ былъ вопросъ объ учрежденіи спеціальныхъ школъ (Fachschulen). Два превосходные педагога, одинъ изъ Брига—директоръ Нёггератъ (Nöggerat), другой изъ Карльсруэ—профессоръ Эмминггаузъ (Emminghaus) были докладчиками по этому вопросу. Первый изъ нихъ уже основалъ въ Бригѣ, при дѣятельномъ содѣйствіи со стороны правительства и общины, ремесленную школу для дѣвицъ, и провелъ тамъ тѣ начала, къ которымъ питаетъ искреннее и горячее довѣріе. Онъ формулировалъ весь вопросъ въ трехъ положеніяхъ: 1) задача ремесленныхъ школъ для дѣвицъ состоитъ въ подготовленіи женскаго пола къ труду на поприщѣ домашней жизни, ремеслъ, торговли и художества; 2) эти задачи можно выполнить лишь путемъ систематически расположеннаго преподаванія по послѣдовательнымъ учебнымъ курсамъ; 3) общинныя власти обязаны, посредствомъ учрежденія и поддержанія ремесленныхъ школъ для дѣвицъ, дать возможность и женщинамъ образованныхъ классовъ развить въ совершенствѣ свою рабочую силу. Предлагая собранію принять эти резолюціи, Нёггератъ сказалъ: — «Женскій вопросъ придетъ къ своему разрѣшенію лишь тогда, когда женской мысли дана будетъ серьезная работа. Всѣ блага міра должны современемъ сосредоточиться въ трудѣ, и до тѣхъ поръ, пока женщины остаются внѣ области труда, пока онѣ пользуются благами міра въ видѣ подарковъ, — онѣ никогда не разрѣшатъ главной задачи своей жизни. Онѣ не должны пользоваться чужимъ, подареннымъ трудомъ, онѣ должны отказаться отъ мысли проводить свою жизнь безъ всякаго серьезнаго дѣла, и только тогда рѣшится и женскій вопросъ».

Другой докладчикъ, профессоръ Эмминггаузъ, обратилъ вниманіе еще на другія, болѣе общія стороны затронутаго вопроса. Сущность его рѣчи всего яснѣе выражается въ слѣдующихъ резолюціяхъ, которыя онъ представилъ собранію: 1) такъ какъ слѣдуетъ открыть женщинамъ доступъ во всѣ профессіи, то необходимо также доставить имъ возможность подготовиться ко вступленію во всѣ профессіи; 2) даже элементарныя школы могутъ служить подготовительными въ этомъ смыслѣ заведеніями, если ввести туда спеціальное обученіе ручному труду; 3) нужно учредить для женщинъ еще другой родъ *образовательныхъ училищъ* (Fortbildungsschulen), цѣлію которыхъ было бы отчасти дополнять образованіе ученицъ, окончившихъ курсъ въ элементарныхъ школахъ, отчасти развивать въ ученицахъ способности къ раз-

личнымъ спеціальнымъ занятіямъ. Эти училища должны отличаться другъ отъ друга, смотря по тому, учреждены ли они въ селахъ, или въ городахъ, такъ какъ въ селахъ требуются свои спеціальныя познанія, а въ городахъ—тоже свои; 4) для женщинъ, желающихъ вести какое-нибудь самостоятельное промышленное дѣло, или занять мѣсто управительницъ въ большомъ имѣніи, въ торговыхъ или промышленныхъ заведеніяхъ, требуется учредить особыя *спеціальныя школы*, которыя, не упуская изъ виду общаго образованія, главною цѣлію своей дѣятельности ставили бы, однако, подготовленіе ученицъ къ спеціальной дѣятельности; 5) для женщинъ, имѣющихъ средства къ пріобрѣтенію основательнаго и полнаго образованія, въ видахъ будущей спеціальной дѣятельности, или такихъ, которыя желали бы заняться наукою, слѣдуетъ учредить научныя и высшія училища. Цѣлію первыхъ должно быть формальное и матеріальное подготовленіе женщинъ къ самостоятельному научному труду, цѣлію послѣднихъ должны быть отдѣльныя отрасли науки; — тамъ, гдѣ учрежденіе высшихъ школъ (университетовъ) не можетъ состояться по недостатку средствъ, слѣдуетъ учредить женскіе курсы при высшихъ учебныхъ заведеніяхъ для мужчинъ.

Конференція не имѣла достаточно времени для обсужденія всѣхъ предложеній почтеннаго профессора, и потому рѣшилась принять пока всѣ три резолюціи Нёггерата и первое предложеніе Эмминггауза. Во время преній, особенно интересныя сообщенія сдѣлала г-жа Гольдшмидтъ изъ Гамбурга. Эта дама основала въ Гамбургѣ школу, названную ею училищемъ естественнаго призванія дѣвицъ (Schule für den natürlichen Beruf der Mädchen). Правда, что сообщенія г-жи Гольдшмидтъ слишкомъ скудны и отрывочны, но тѣмъ не менѣе они любопытны. У нея есть курсъ для *конфирмованныхъ дѣвицъ*, то-есть, такихъ, которыя уже признаны совершеннолѣтними и удостоились пріобщенія св. Тайнъ; эти дѣвицы обучаются тамъ домашнему хозяйству и уходу за дѣтьми. Для учрежденія этого заведенія г-жи Гольдшмидтъ приглашала извѣстнаго педагога Фрёбеля, который и принялъ въ немъ горячее участіе. Съ 9 часовъ утра и до 1-го часа пополудни воспитанницы обучаются тамъ, какъ обходиться съ дѣтьми отъ 3 до 7-лѣтняго возраста. Послѣ обѣда ихъ самихъ учатъ разнымъ предметамъ, входящимъ въ программу заведенія: рисованію, картоннымъ работамъ, склеиванію, модельному искусству, естественнымъ наукамъ, исторіи, нѣмецкому и французскому языкамъ. Спустя полгода или годъ, дѣвицы поступаютъ въ госпитальное отдѣленіе для того, чтобы научиться уходу за больными дѣтьми. Ихъ вводятъ также во всѣ подробности дѣтской комнаты, чтобы онѣ знали, какъ слѣдуетъ воспитывать дѣтей вообще. Весь курсъ продолжается годъ или два; запросъ на этихъ ученицъ въ городѣ громадный. Ежегодно выходятъ оттуда до

30 ученицъ, и всѣ онѣ тотчасъ же пріобрѣтаютъ хорошія, выгодныя мѣста. Въ нынѣшнемъ году двѣ ученицы приглашены въ Швецію, нѣкоторыя получаютъ мѣста въ Англіи и Франціи. Ученицы заработываютъ кое-какую плату уже во время посѣщенія курсовъ г-жи Гольдшмидтъ, такъ какъ многіе родители просятъ тѣхъ воспитанницъ, которыя уже прошли школу обращенія съ дѣтьми, приходить къ нимъ и заниматься съ дѣтьми.

Всѣ сообщенія г-жи Гольдшмидтъ были приняты собраніемъ съ особеннымъ одобреніемъ, и дѣйствительно дѣло стоитъ того, чтобы его похвалили,—только такимъ прилежнымъ, заботливымъ и добросовѣстнымъ трудомъ, а не фразерствомъ, можно достигнуть благотворныхъ результатовъ.

Вообще говоря, конференція вела свои пренія весьма хорошо, и никто не объявлялъ никакихъ эксцентрическихъ мнѣній о такъ-называемой эмансипаціи женщинъ. Никому и въ голову не приходило подрывать семью, или что-нибудь подобное. Напротивъ, въ слѣдующихъ словахъ г-жи Гольдшмидтъ даже слышится совершенно иная тенденція: «Я желаю, чтобы дѣвушки добросовѣстно выработывали свой хлѣбъ, и, если удастся имъ сдѣлаться когда-нибудь счастливыми женами и матерями, онѣ будутъ, по крайней мѣрѣ, подготовлены къ этому».

Многіе, конечно, успѣли уже прочесть замѣчательное сочиненіе Джона Стюарта Милля: «On the subjection of woman» (о подчиненности женщинъ). Отдавая всю справедливость таланту автора, я рѣшительно остаюсь при томъ убѣжденіи, что агитировать въ пользу политическихъ правъ женщинъ значитъ начинать дѣло съ другого конца. Когда женщинамъ удастся основательно измѣнить свое соціальное положеніе,—а единственнымъ путемъ къ этому служитъ *трудъ*—тогда, конечно, займутъ онѣ и другое положеніе въ государствѣ. Но все это вопросы, которые еще не затрогиваютъ насъ,—это лишь первые задатки будущаго могущественнаго развитія. Мы довольны и тѣмъ, что нынѣшнее движеніе спасаетъ многихъ женщинъ отъ всѣхъ ужасовъ нищеты и разврата.

—ръ.

Берлинъ. Январь, 1870.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-е февраля, 1870.

Отчетъ государственнаго контроля по исполненію бюджета 1868 года.—Новый заемъ.—Новая программа желѣзныхъ дорогъ.—Уральская дорога.—Второй періодъ крестьянской реформы.—«Московскія Вѣдомости» и прокламаціи.

Передъ нами отчетъ государственнаго контроля по дѣйствительному исполненію государственной росписи за финансовый 1868-й годъ. Это, какъ извѣстно, уже третій отчетъ о дѣйствительномъ исполненіи годовой росписи, и для сравнительныхъ выводовъ его служили данныя 1866, 1867 и 1868 годовъ. Чѣмъ бо́льшее число лѣтъ будетъ обнимать подобное сравненіе, тѣмъ, разумѣется, выводы его будутъ солиднѣе и интереснѣе, если только контроль будетъ постоянно стараться о сообщеніи своимъ отчетамъ бо́льшей полноты и цифрамъ этихъ отчетовъ болѣе точности. За нынѣшнимъ отчетомъ слѣдуетъ признать большую заслугу въ отношеніи полноты, сравнительно даже съ отчетомъ за 1867 годъ, и мы можемъ только рекомендовать очевидное стараніе контроля въ этихъ отчетахъ послужить примѣромъ министерству финансовъ при составленіи имъ самыхъ росписей. Впрочемъ, надо надѣяться, что отчеты контроля возымѣютъ дѣйствіе на росписи, въ смыслѣ бо́льшей правильности предвидѣній, такъ что послѣдующіе отчеты контроля будутъ представлять меньшія уклоненія дѣйствительности отъ предположеній министерства финансовъ, по крайней мѣрѣ настолько, насколько дѣйствительность въ самомъ дѣлѣ можно предвидѣть. Такъ, напримѣръ, окажется напраснымъ ставить въ роспись «на случай назначенія сверхштатныхъ расходовъ» всего—менѣе 5 милл. рублей, когда образуется такъ-сказать статистика нашихъ обычныхъ превышеній, которыя бываютъ въ шесть разъ болѣе этого оптимистическаго предвидѣнія; тоже самое можно сказать о предполагаемыхъ въ росписи цифрахъ дефицита.

Мы сейчасъ возвратимся къ сравнительной полнотѣ нынѣшняго отчета. Но прежде всего мы хотимъ коснуться наиболѣе интереснаго

здѣсь вопроса, именно вопроса о точности цифръ. Какая полнота ни будетъ придаваема отчетамъ, нѣтъ сомнѣнія, что для того, чтобы они были поучительны и оказывали возможно бо́льшее вліяніе на самое наше финансовое хозяйство, необходимо стремиться къ полной реальности цифровыхъ положеній (statements) въ отчетахъ контроля. Мы будемъ далѣе имѣть случай взглянуть съ этой именно точки зрѣнія на поставленные въ отчетѣ итоги государственнаго долга и цифру дефицита 1868 года.

Относительно полноты, въ нынѣшнемъ отчетѣ контроля особенно выигралъ собственно кассовой сводъ, который теперь обогащенъ отчетомъ о состояніи нѣкоторыхъ особыхъ источниковъ, изъ коихъ были дѣлаемы заимствованія государственнымъ казначействомъ. Правда, этотъ сводъ не есть дѣйствительно полный сводъ всѣхъ наличныхъ государственныхъ ресурсовъ (и мы, несмотря на признательность контролю за постепенное пополненіе его отчетовъ, должны все-таки оговориться, что безъ такого полнаго свода о состояніи чрезвычайныхъ ресурсовъ (т.-е. всѣхъ займовъ, насколько суммы ихъ поступили въ казначейство и насколько онѣ остаются въ распоряженіи правительства у иностранцыхъ банкировъ) невозможны ни полное понятіе о финансовомъ нашемъ положеніи, ни, стало быть, и дѣйствительный контроль надъ нимъ общественнаго мнѣнія.

Однако мы должны признать, что и въ томъ видѣ, въ какомъ кассовой сводъ является съ нынѣшними приложеніями, онъ уже представляетъ точный отчетъ собственно о движеніи суммъ въ кассахъ казначейства. Сводъ недоимокъ и долговъ также значительно пополненъ, во-первыхъ, занесеніемъ вновь нѣкоторыхъ долговъ по хозяйственно-административнымъ операціямъ, а во-вторыхъ, включеніемъ и долговъ самого государственнаго казначейства, въ порядкѣ заключенія займовъ, съ указаніемъ самыхъ ихъ условій—свѣдѣнія, которыя и прежде, положимъ, не были секретомъ для публики, но которыхъ включеніе въ отчетъ вполнѣ раціонально и представляетъ удобство для обозрѣнія всѣхъ нашихъ чрезвычайныхъ финансовыхъ мѣръ. Одно изъ весьма существенныхъ дополненій, внесенныхъ въ настоящій отчетъ, представляетъ еще подробное свѣдѣніе о томъ, изъ какихъ суммъ образовался спеціальный желѣзно-дорожный фондъ, причемъ показаны расходы, произведенные изъ этого фонда въ теченіи 1868 года и состояніе желѣзнодорожнаго фонда къ 1 января 1869 года.

Вотъ тѣ дополненія, которыми настоящій отчетъ контроля отличается отъ предшествовавшаго, и нельзя не признать ихъ очень значительными. Сверхъ того, нынѣшній отчетъ, будучи третьимъ, естественно представляетъ бо́льшую полноту въ выводахъ, потому что вмѣщаетъ въ себѣ сравнительныя данныя за три года. Указавъ на отличіе этого отчета со стороны полноты, мы, прежде чѣмъ перейдемъ

къ нѣкоторымъ замѣткамъ относительно желаемой реальности выводовъ, очертимъ, въ краткомъ сравнительномъ обзорѣ, самое исполненіе росписи за 1868 годъ.

По росписи, предположено было къ поступленію доходовъ обыкновенныхъ около 426 милл. р., спеціальныхъ рессурсовъ на постройку желѣзныхъ дорогъ около 36½ милл. и прежнихъ остатковъ 3½ милл., всего же свыше 468 милл. Соотвѣтственно всѣмъ этимъ распредѣленіямъ, расходовъ было предположено (включая предвидѣнный недоборъ и предположительную цифру сверхштатныхъ кредитовъ) около 480½ милл. р. Такимъ образомъ предвитенъ былъ дефицитъ за 1868 годъ около 12½ милл. р. Предвидѣнія относительно доходовъ оправдались въ существенныхъ своихъ элементахъ. Дѣйствительный недоборъ въ доходахъ превзошелъ предположеніе только на незначительную сумму. Въ частности, нѣкоторыя статьи дохода дали менѣе чѣмъ было предположено, и даже менѣе, чѣмъ въ 1867 году, но это произошло по бо́льшей части или отъ временныхъ причинъ (какъ продажа николаевской дороги), или отъ разницы кажущейся, то-есть состоящей въ перечисленіи. Изъ доходовъ, которыхъ паденіе собственно въ сравненіи съ 1867 годомъ замѣчательно, мы упомянемъ таможенный, который хотя противъ 1866 года и увеличился, но противъ 1867 года уменьшился, что̀ зависѣло отъ уменьшенія привоза заграничнаго сахару; доходъ отъ горныхъ промысловъ и заводовъ, шоссейный, наконецъ и питейный. Этотъ послѣдній въ сравненіи съ 1867 годомъ уменьшился почти на ½ милл. р. Но 1867 годъ представилъ возвышеніе питейнаго дохода собственно вслѣдствіе ограниченія размѣра безакцизнаго перекура, предоставленнаго заводчикамъ. Впрочемъ, отчотъ за 1868 г. выставляетъ ту благопріятную черту, что главные государственные доходы, именно акцизы, таможенный и лѣсной, пошлины за право торговли и т. д. поступили въ количествѣ значительно больше противъ предположенія росписи 1868 года. Налоги и регаліи были исчислены росписью около 306 милл. р., и поступили въ количествѣ сверхъ 317 милл., т.-е. превысили предположеніе слишкомъ на 11 милл. р. Дѣйствительное поступленіе доходовъ за три года, о которыхъ мы имѣемъ теперь отчеты, представляетъ, въ общемъ итогѣ, постоянное возрастаніе, именно: въ 1866 году поступило почти 352¾ милл., въ 1867 г. болѣе 419¾ милл., а въ 1868 г. болѣе 421½ милл. р.

Не желая слишкомъ вдаваться въ подробности, мы должны однако указать еще на увеличеніе, въ 1868 году, дѣйствительнаго поступленія податей. Этого дохода поступило въ 1868, въ сравненіи съ предшествовавшимъ слишкомъ на 6½ милл. болѣе, а въ сравненіи съ 1866 годомъ слишкомъ на 12¾ милл. р. болѣе. Мы не можемъ, конечно, подобно «С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ» удивляться увеличенію

количества поступленія налоговъ, «несмотря на увеличеніе подушной и оброчной податей», и должны даже признать съ отчетомъ, что самое превышеніе по податямъ въ 1867 году противъ 1866 года, въ 1868 противъ 1867 года, а въ 1867 году противъ смѣтнаго исчисленія, прямо зависѣло отъ установленія добавочнаго къ оброчной подати сбора и дополнительной подати, возымѣвшихъ свое дѣйствіе на поступленіе отчасти уже въ 1867 и вполнѣ только въ 1868 году. Возвышеніе подати разумѣется должно произвесть больше, хотя бы степень исправности взноса и не возрастала. Но въ конечномъ результатѣ все-таки замѣчательно, что податныя сословія смогли уплатить въ каждый изъ этихъ годовъ бо́льшую противъ прежняго сумму. Во всякомъ случаѣ возрастаніе суммы доходовъ представляетъ фактъ благопріятный въ финансовомъ смыслѣ, какъ замѣчаетъ отчетъ.

Но фактъ не совсѣмъ благопріятный въ финансовомъ смыслѣ представляется тотъ, что на удовлетвореніе потребностей 1868 года потребовалось болѣе 30 милл. р. сверхсмѣтныхъ ассигнованій. Правда, цифра сверхсмѣтныхъ ассигнованій, въ послѣднее время, годъ отъ году уменьшается. Но уменьшеніе это значительно только въ сравненіи 1867 года съ 1866 годомъ, такъ какъ въ 1867 году, вслѣдствіе принятыхъ мѣръ къ болѣе точному составленію росписи, цифра сверхсмѣтныхъ кредитовъ составила только 32½ милл., вмѣсто предшествовавшей ей, за 1866 годъ, цифры почти въ 50 милл. р. Но все-таки утѣшительно хоть то, что эта цифра, столь враждебная финансовому равновѣсію за 1868 годъ, не только не увеличилась, но даже уменьшилась противъ цифры 1867 г. почти на 2½ милл. р.

На цифры сверхсмѣтныхъ ассигнованій отдѣльно по разнымъ вѣдомствамъ стоитъ обратить вниманіе. Наибо́льшая доля ихъ приходится на министерство финансовъ (болѣе 30%) и военнаго министерства (около 20%); но такъ какъ изъ сверхсмѣтныхъ ассигнованій министерства финансовъ только одна пятая пошла собственно на потребности этого вѣдомства, то главное участіе въ ассигнованіяхъ сверхсмѣтныхъ принадлежало безспорно военному министерству. Обращаясь къ распредѣленію ихъ по потребностямъ военнаго вѣдомства, мы видимъ, что часть ихъ была обусловлена потребностями перевооруженія нашей арміи; о сверхсмѣтныхъ ассигнованіяхъ собственно на эту потребность нѣчего и говорить по спѣшности дѣла, хотя впрочемъ въ теченіи собственно 1868 года оно и не отличалась особою спѣшностію. Но сверхсмѣтное ассигнованіе по артиллерійскому вѣдомству составило только около четверти всего сверхсмѣтнаго итога по военному вѣдомству; наиболѣе же значительное превышеніе смѣты замѣчалось по смѣтѣ интендантской. Само собою разумѣется, что постоянное вздорожаніе продуктовъ должно было оказать вліяніе и за 1868 годъ. Но въ числѣ предметовъ, на которые въ 1868 году потребовались зна-

чительныя сверхсмѣтныя ассигнованія, странно найти, напр., сумму свыше полмилліона рублей на разъѣзды чиновъ военнаго вѣдомства. Отчего бы могло случиться, что чины военнаго вѣдомства, именно въ 1868 году, разъѣзжали на полмилліона рублей больше, чѣмъ было предвидѣно? По всей вѣроятности, это превышеніе, какъ и превышеніе на приварочное и кормовое довольствіе, и какъ вообще наибольшая цифра превышеній зависѣла просто отъ неполноты составленія росписей по разнымъ отраслямъ военнаго министерства. (Общее увеличеніе расходовъ по военному министерству въ 1868 г. сравнительно съ 1867 годъ около 4½ милл. р.).

Въ сверхсмѣтныхъ требованіяхъ министерства финансовъ дало себя знать и паденіе нашего курса; одно оно обошлось министерству въ 1868 году 1 м. 608 т. рублей, по платежу процентовъ за границею.

При обзорѣ сверхсмѣтныхъ ассигнованій по разнымъ вѣдомствамъ, мы нѣсколько разъ встрѣчаемся съ цифрами сверхсмѣтныхъ ассигнованій «на извѣстное Его Императорскому Величеству употребленіе». Такихъ ассигнованій было по министерству финансовъ 242 т. р., по военному министерству свыше 111 т. р., по министерству внутреннихъ дѣлъ на 33½ т. р.; по высшимъ государственнымъ учрежденіямъ на 370 т. р., по министерству иностранныхъ дѣлъ болѣе 417 т. р. Извѣстно, что ассигнованія подъ этимъ названіемъ по разнымъ министерствамъ представляютъ собственно сумму негласныхъ пособій. Между тѣмъ, почти каждому изъ этихъ вѣдомствъ присвоены въ бюджетѣ особые кредиты на «разныя издержки». Если негласныя пособія не могутъ войти сюда же, то не лучше ли было бы все-таки заносить ихъ въ роспись прямо, подъ названіемъ негласныхъ пособій.

Наибольшее превышеніе смѣты, пропорціонально ея итогу, замѣчается за 1868 годъ по министерству двора, гдѣ она составила 18% всего бюджетнаго ассигнованія. Но сама по себѣ вся эта сверхсмѣтная сумма по министерству двора, сравнительно съ нѣкоторыми другими министерствами, не очень значительна, именно представляетъ всего—менѣе 1 м. 650 т. р., такъ что вся смѣтная и сверхсмѣтная издержка по министерству двора составила не болѣе 10½ милл. р.

Общій итогъ нашихъ расходовъ за 1868 годъ составляетъ около 441¼ милл. р., между тѣмъ, какъ за 1867 годъ мы издержали немного менѣе 425 милл., а за 1866 годъ всего 413¼ милл. Итакъ, цифра нашихъ расходовъ тоже годъ отъ году ростетъ. Но цифры отчетовъ за эти три года несовсѣмъ однородны, что зависѣло отъ постепеннаго включенія бюджета царства польскаго и расходовъ на счетъ общественнаго сбора, которые въ бюджетѣ 1866 года не заключались. Отчетъ контроля, исключивъ соотвѣтствующее этому увеличеніе, показываетъ, что цифра расходовъ за 1868 годъ превышаетъ цифру 1866 только почти на 8½ милл. р., а цифру 1867 года на 16½ милл.

р., между тѣмъ, какъ въ 1867 году достигнуто было сокращеніе расходовъ противъ предшествовавшаго года на 7 милл. 700 т. р. Это сокращеніе расходовъ въ 1868 году «не повторилось», какъ замѣчаетъ отчетъ.

Остановимся теперь на цифрѣ долга и сдѣлаемъ здѣсь первое замѣчаніе относительно необходимости цифръ точныхъ и вполнѣ реальныхъ. Долговъ къ 1 января 1869 года въ отчетѣ показано на сумму 1,819 милл. 887 слишкомъ тысячъ рублей. Въ этой суммѣ заключаются и долги процентные и долги безпроцентные, т.-е. нарицательная стоимость бумажекъ или государственныхъ кредитныхъ билетовъ. Это послѣдняя сумма показана менѣе 568 мил. р. Бумажекъ было въ дѣйствительности на гораздо бо̀льшую сумму, но отчетъ заноситъ въ итогъ долга только ту ихъ сумму, которая не обезпечивалась металлическимъ фондомъ въ банкѣ. Допустимъ, что металлическій фондъ банка къ 1 января 1869 года уже былъ таковъ, что, въ совокупности съ 568 мил. въ кредитныхъ рубляхъ, равнялся всему ассигнаціонному итогу. Но затѣмъ спрашивается, вполнѣ-ли справедливо будетъ вычитать изъ ассигнаціоннаго долга казначейства металлическій фондъ банка, и дастъ-ли это вычитаніе реальную цифру, которою можно бы ограничиться въ исчисленіи всего государственнаго долга? Спрашивается, не слѣдуетъ ли въ случаѣ, если металлическій фондъ банка такимъ образомъ прямо заносится въ кредитъ государства, не слѣдуетъ ли занесть въ дебетъ его и долговъ его банку? Надо еще замѣтить, что цифра 1 мильярдъ 819 мил. р. уже потому не представляетъ реальной цифры государственнаго долга, что въ нее не включается итогъ государственной ренты по выкупной операціи. Правда, уплата этой ренты обусловлена особымъ податнымъ источникомъ. Но относительно кредита государственнаго тутъ нѣтъ различія.

Въ конечномъ результатѣ финансоваго 1868 года оказался дефицитъ, и результатъ этотъ, когда онъ составляетъ явленіе хроническое, разумѣется неблагопріятенъ, независимо отъ того, былъ ли дефицитъ предусмотрѣнъ при составленіи самой росписи, или нѣтъ, и насколько дефицитъ въ дѣйствительности оказавшійся превзошелъ предусмотрѣнный. Но это вопросъ финансовый, а мы теперь спеціально занимаемся собственно контрольнымъ вопросомъ, повѣркою счетовъ, которая весьма важна въ томъ смыслѣ, что даетъ указаніе для будущихъ предвидѣній. Вотъ въ этомъ отношеніи очень любопытно знать съ точностію, насколько реальный дефицитъ 1868 года превысилъ предусмотрѣнный росписью. Роспись 1868 года предвидѣла дефицитъ около $12^1/_2$ мил. р., а отчетъ контроля опредѣляетъ нынѣ цифру оказавшагося дефицита около $19^3/_4$ мил. р., такъ что дефицитъ, который контроль признаетъ дѣйствительнымъ, превзошелъ предположеніе почти на $7^3/_4$ мил. р. Какимъ образомъ добыта въ дѣйствительности приведенная цифра $19^3/_4$ м.? Для этого контроль беретъ предви-

дѣнную цифру дефицита $12\frac{1}{2}$ м. и присоединяетъ къ ней цифры: сверхсмѣтнаго ассигнованія, непокрытаго остатками, и того недобора въ доходахъ, который оказался свыше недобора предусмотрѣннаго.

Послѣдняя цифра маловажна и можемъ оставить ее въ сторонѣ; но присмотримся къ цифрѣ сверхсмѣтнаго ассигнованія, непокрытаго остатками. Сверхсметныхъ кредитовъ было 30 милл., но такъ какъ около 5 милл. были предвидѣны въ росписи, то сверхсмѣтныхъ было затѣмъ 25 милл. Вотъ изъ этой-то суммы вычитаютъ 18 милл. «свободныхъ остатковъ» и присоединяютъ къ предвидѣнной цифрѣ дефицита только непокрытый этими «остатками» излишекъ, т.-е. около 7 милл.; тогда вмѣстѣ съ предвидѣнною цифрою дефицита (12 милл.) и образуется «дѣйствительная» цифра дефицита. Но эта «дѣйствительная» цифра дефицита есть ли она цифра реальная, то-есть представляетъ ли она дѣйствительно нашу *передержку* въ 1868 году, ограничивается ли ею то, что въ этомъ году мы заняли изъ своихъ особыхъ рессурсовъ, то, насколько мы въ дѣйствительности уменьшили наши средства? Или же она есть не что иное, какъ цифра «счетная», справедливая въ ревизіонномъ смыслѣ, но не представляющая передержки въ нашихъ *средствахъ*? Въ такомъ случаѣ эта цифра не будетъ представлять *реальнаго* дефицита.

Чтобы получить увѣренность въ реальности цифры $19\frac{3}{4}$ милл. въ томъ смыслѣ, что это все, чѣмъ мы вновь отяготили себя въ 1868 году, или чѣмъ уменьшили свои рессурсы, лучше всего обратиться къ примѣру частнаго хозяйства. Какимъ образомъ хозяинъ станетъ въ концѣ убыточнаго года провѣрять, много ли онъ понесъ убытку? Для этого онъ употребитъ два пріема: во-первыхъ, онъ посмотритъ, сколько у него назначено было на этотъ годъ по смѣтѣ, сколько онъ въ дѣйствительности израсходовалъ и, наконецъ, сколько ему еще предстоитъ израсходовать впослѣдствіи, на окончаніе счетовъ по этому году. При этомъ онъ не будетъ останавливаться на такихъ призрачныхъ цифрахъ, какъ остатокъ отъ того, что онъ самъ долженъ былъ занять сверхъ предвидѣнія. Онъ остановится только на тѣхъ реальныхъ данныхъ, которыя мы только что указали. Теперь справимся съ таблицами отчета по этому (первому) пріему. Вотъ что окажется: назначено было по росписи $429\frac{1}{2}$ милл., въ дѣйствительности же мы уже издержали на 1868 годъ $420\frac{1}{4}$ милл., да еще предстоитъ намъ издержать за этотъ годъ въ слѣдующіе смѣтные періоды 21 милл. Сочтите, и выйдетъ, что 1868 годъ намъ обошелся и обойдется въ $11\frac{3}{4}$ милл. р. дороже, чѣмъ мы предвидѣли. А такъ какъ мы уже предвидѣли дефицитъ въ $12\frac{1}{2}$ милл., то вотъ уже у насъ дефицитъ въ $24\frac{1}{4}$ милл. р. Скажутъ, а можетъ быть доходовъ мы получили болѣе, чѣмъ ожидали? Нѣтъ, въ доходахъ мы ожидали небольшой недоборъ, и недоборъ оказался еще немного больше.

Во-вторыхъ, хозяинъ, для повѣрки своего убытка, справится со

своими капиталами, отложенными рессурсами. Онъ посмотритъ, сколько именно взято на покрытіе расходовъ собственно истекшаго года; вотъ это будетъ чистый убытокъ, дефицитъ реальный, т.-е. не въ счетахъ, а на дѣлѣ. Сдѣлаемъ и мы такъ за 1868 годъ. На покрытіе расходовъ по росписи этого года обращено, сверхъ обыкновенныхъ доходовъ: изъ суммъ 5% англо-голландскаго займа около 9½ милл. р.; изъ суммъ 2-го внутренняго выигрышнаго займа около 12 милл., да изъ остатковъ отъ заключенной росписи 1867 г. 9½ милл., итого изъ особыхъ (запасныхъ) рессурсовъ 31 м. 45,795 р. Вотъ не есть ли это скорѣе цифра *реальнаго* дефицита, т.-е. передержки или ущерба 1868 года?

Мы не думаемъ оспаривать цифру 18¼ милл. «свободныхъ остатковъ» 1868 года; смѣшно и сомнѣваться въ безусловной ея справедливости. Но мы не можемъ придавать ей реальнаго значенія; въ такой комбинаціи, гдѣ на ликвидацію одного года идутъ и остатки прежнихъ смѣтъ, и сверхсмѣтныя ассигнованія, и особые рессурсы, можетъ ли имѣть реальное значеніе цифра свободныхъ остатковъ за 1868 годъ, который кончается все-таки дефицитомъ? Это есть просто цифра «счетная», а не реальная, которая можетъ входить въ исчисленіе реальной передержки за годъ. Въ томъ же родѣ можно сказать, что на покрытіе расходовъ 1868 года «поступило» 452½ милл. р., а израсходовано всего 420 милл.; такъ что покажется, будто въ 1868 году поступило денегъ 32 милл. болѣе, чѣмъ требовалось. Эти цифры тоже безусловно справедливы, но онѣ не даютъ понятія о реальномъ результатѣ. А намъ собственно и надо знать реальный результатъ.

Сказаннымъ сейчасъ мы хотѣли только показать, какъ необходимо, чтобы контроль стремился давать выводы, представляющіе живые факты, показывающіе насколько мы въ году сдѣлали успѣха или понесли ущерба и обременили себя въ будущемъ. Чѣмъ точнѣе съ реальностью, проще и яснѣе будутъ эти выводы; тѣмъ они будутъ поучительнѣе и тѣмъ бо́льшее вліяніе они могутъ оказать на самое хозяйство наше, къ чему контролемъ уже положено начало, какъ то видно изъ уменьшенія ежегоднаго итога сверхсмѣтныхъ кредитовъ.

Давно уже носились слухи о предстоящемъ новомъ займѣ. Въ прошломъ мѣсяцѣ объявленъ заемъ у Ротшильдовъ въ 12 милл. фунтовъ, въ 5% облигаціяхъ. Заемъ этотъ имѣлъ успѣхъ, насколько мы можемъ судить по преміи, встрѣтившей его въ первые дни на европейскихъ биржахъ. Заемъ этотъ имѣетъ спеціальное желѣзно-дорожное назначеніе. При этомъ, въ первый разъ, въ самомъ указѣ министру финансовъ прямо дается распредѣленіе фондовъ займа на образованіе капиталовъ дорогъ иваново-кинешемской, либавской, грязе-царицынской и воронежско-ростовской. Значительная часть займа (4 м. 374

т. р.) обращается при этомъ на казенную московско-курскую дорогу, съ тѣмъ, чтобы затѣмъ дѣйствительное поступленіе по этой дорогѣ зачислялось сполна въ желѣзно-дорожный фондъ. Остатокъ желѣзно-дорожнаго фонда къ 1 января 1869 года составлялъ 31 милл. рублей.

Особый желѣзно-дорожный фондъ образовался въ 1867 году изъ суммъ, вырученныхъ продажею облигацій николаевской и курско-кіевской, дорогъ. Сверхъ того, въ теченіи 1868 года въ тотъ же фондъ зачислена сумма свыше $10^1/_2$ милл. р., вырученная отъ уступки Соединеннымъ Штатамъ нашихъ владѣній въ сѣверной Америкѣ. Такимъ образомъ, въ теченіи 1868 года, въ распоряженіи правительства находилось спеціальныхъ рессурсовъ на постройку желѣзныхъ дорогъ до $79^1/_2$ милл. р. Изъ нихъ въ теченіи того же года на потребности самаго фонда (реализацію) пошло 6 милл. р., на постройку казенныхъ дорогъ до 19 милл. р., и пособій на сооруженіе частныхъ желѣзныхъ дорогъ около $17^3/_4$ милл. р., да еще издержано изъ средствъ фонда заграницею на заграничные платежи (расходъ оборотный на смѣту 1869 г.) болѣе $5^1/_2$ милл. р., потому наличный остатокъ желѣзно-дорожнаго фонда къ 1869 г. и составлялъ, какъ выше сказано, 31 милл. р.

Относительно новаго займа замѣтимъ, что онъ не произвелъ на нашу биржу неблагопріятнаго впечатлѣнія.

Переходя къ желѣзно-дорожному дѣлу, мы прежде всего должны отмѣтить весьма важное и утѣшительное явленіе, именно, что сумма, доплачиваемая правительствомъ ежегодно по гарантіямъ частныхъ желѣзныхъ дорогъ клонится къ уменьшенію. Такъ, исключивъ новыя концессіи, по которымъ гарантія не платилась еще въ 1867 году, а въ 1868 г. уже уплачивалась, оказывается, что въ 1868 году затрачено на гарантіи около полутора милліона рублей менѣе, чѣмъ въ предшествовавшемъ году. Особенно уменьшился размѣръ доплаты по гарантіямъ Главному обществу, а также обществамъ динабургско-витебской и рижско-динабургской дорогъ. Нѣтъ нужды выяснять всей важности того факта, въ смыслѣ какъ обще-экономическомъ, т.-е. относительно возрастанія доходности нашихъ желѣзныхъ дорогъ, такъ и собственно камеральномъ, т.-е. относительно уменьшенія размѣра издержекъ казны и укрѣпленія надежды на возмѣщеніе современемъ жертвъ, принесенныхъ ею на желѣзно-дорожное дѣло.

Желѣзно-дорожное строительство у насъ еще далеко не замедляется. По программѣ, утвержденной въ 1868 году, предположено было линій, заслуживающихъ предпочтенія, восемь; изъ нихъ пять, представляющихъ протяженіе въ 2100 верстъ, еще и до сихъ поръ не строются. Теперь къ этимъ пяти предпочтительнымъ линіямъ присоединены дорога отъ Ростова на Дону до Владикавказа, которая одна составитъ 700 верстъ, да еще отъ 3 до 4 тысячъ верстъ новыхъ дорогъ, «полезныхъ въ торговомъ и промышленномъ отношеніяхъ». При этомъ

однако предписывается наблюдать, чтобы ежегодно строилось дорогъ собственно стратегическихъ примѣрно около 500 верстъ, такъ чтобы къ сооруженію линіи владикавказской было приступлено по возможности не позже 1872 года.

Владикавказская дорога соединитъ Кавказъ съ общею сѣтью въ имперіи, и будетъ имѣть значеніе преимущественно стратегическое, конечно. Но Владикавказъ, по всей вѣроятности, не долго останется аванпостомъ этой сѣти. По всей вѣроятности, Владикавказъ вскорѣ затѣмъ соединится съ Петровскомъ, на Каспійскомъ берегу, съ одной стороны, а съ другой, вѣтвью съ закавказской дорогой отъ Тифлиса къ Поти, чтó и представитъ желѣзно-дорожное соединеніе морей. Тогда кавказская линія не только много выиграетъ въ стратегическомъ отношеніи, но и пріобрѣтетъ весьма большое экономическое значеніе.

Итакъ, нашимъ желѣзнымъ дорогамъ предстоитъ новое, весьма значительное развитіе. Остается только пожелать, чтобы кризисъ, пережитый нашей биржею, не повліялъ на реализацію громадныхъ капиталовъ, которые потребуются на сооруженіе всѣхъ этихъ новыхъ линій.

Къ важнымъ фактамъ въ желѣзно-дорожной хроникѣ принадлежитъ совершившееся уже окончаніе постройки харьковско-азовской дороги и предстоящее обсужденіе направленія сибирской линіи, которое поставлено въ настоящую минуту на очередь съ пріѣздомъ въ Петербургъ главнаго начальника западной Сибири. Здѣсь предстоитъ выборъ не только между двумя главными направленіями, то-есть вести ли уральскую дорогу на Нижній-Новгородъ, или же изъ Екатеринбурга на Пермь, Кострому и Ярославль, но еще и между различными проектами южнаго, то-есть нижегородскаго направленія этой дороги. По этому вопросу давно уже происходитъ усиленная агитація въ средѣ земствъ, купечества и въ печати. Заявленія въ пользу сѣвернаго и южнаго направленія уральской дороги имѣются почти въ одинаковомъ числѣ приговоровъ, адресовъ и брошюръ. Сторонники сѣвернаго направленія ссылаются, между прочимъ, на весьма почтенные горнозаводскіе интересы, а сторонники нижегородскаго направленія доказываютъ, что за нихъ какъ интересъ внутренней торговли, такъ и обще-государственная польза, такъ какъ нижегородская линія была-бы и короче и проходила бы по болѣе богатымъ мѣстностямъ.

Мы не беремся за рѣшеніе этого вопроса, но не можемъ не замѣтить, что линія, которая соединитъ съ европейскою Россіею Сибирь, всего важнѣе конечно для самой Сибири. А для Сибири важно сообщеніе не только съ нижегородскою ярмаркою, но и съ Петербургомъ, и вообще съ балтійскими портами. Поэтому, линія отъ Екатеринбурга на Пермь и Кострому, Ярославль и Рыбинскъ и Петербургъ,

которая и охватывала бы горнозаводскіе округа, и не слишкомъ удлинняя транзитный путь изъ Сибири на Москву, ставила бы Сибирь въ кратчайшее сообщеніе съ Петербургомъ, по нашему мнѣнію, во всякомъ случаѣ тоже заслуживаетъ полнаго вниманія. Отъ этой линіи удобно отдѣлилась бы современемъ и вѣтвь къ сѣверной Двинѣ, и эта вѣтвь вмѣстѣ съ самою пермско-костромскою дорогою много способствовала бы къ оживленію нашего мертвѣющаго Сѣвера. Мы не рѣшаемъ вопроса, но въ виду особенно сильной агитаціи въ пользу южнаго направленія уральской дороги, считаемъ обязанностью напомнить, что за сѣверное направленіе ея стоятъ также весьма почтенные государственные интересы.

Наступившему году предлежатъ еще заботы по государственному вопросу первостепенной важности. Мы находимся теперь такъ-сказать наканунѣ новой эпохи въ крестьянскомъ вопросѣ, которая наступитъ 19 февраля. Съ этого дня предоставляются крестьянамъ новыя права по переходу въ другія сословія или по переселенію. По прошествіи девяти лѣтъ послѣ изданія положенія 1861 года, какъ извѣстно, отдѣльные временно-обязанные крестьяне имѣютъ право отказаться отъ пользованія отведенной имъ землею и возвратить ее помѣщику. Мы, признаться, не очень-то вѣримъ искренности нѣкоторыхъ опасеній, высказывавшихся по этому поводу. Едва ли опасенія эти не высказывались главнымъ образомъ съ цѣлью предупредительныхъ мѣропріятій, которыя вновь безвыходно прикрѣпили бы крестьянскій трудъ къ землѣ. Въ самомъ дѣлѣ, достаточно взглянуть на тѣ, которымъ положеніе обставило выходъ временно-обязанныхъ крестьянъ и по наступленіи 1870 года, чтобы убѣдиться въ химеричности опасеній какаго-то повальнаго переселенія. Для того, чтобы воспользоваться представляющеюся нынѣ льготою, то-есть перейти въ другое общество, временно-обязанный крестьянинъ долженъ: удовлетворить своими обязанностями по рекрутской повинности, уплатить всѣ казенныя, земскія или мірскія недоимки, лежащія на его семействѣ, и уплатить подати по 1 января слѣдующаго года, удовлетворить всѣ безспорныя частныя взысканія и обязательства, предъявленныя волостному правленію, не находиться подъ слѣдствіемъ и судомъ, получить на переходъ согласіе отъ родителей, обезпечить содержаніе всѣхъ остающихся въ обществѣ членовъ своего семейства малолѣтныхъ, старыхъ и увѣчныхъ, уплатить недоимки за пользованіе надѣломъ помѣщичьей земли и, наконецъ—представить пріемный приговоръ отъ того общества, куда переходитъ.

Такимъ образомъ, переходить въ другое общество можетъ только самый исправный крестьянинъ, а такой конечно выйдетъ не для того, чтобы бродяжничать. Но крестьянинъ можетъ, и не выходя изъ обще-

ства, отказаться отъ пользованія мірскою землею, если пріобрѣтетъ себѣ въ собственность, не болѣе 15 верстъ отъ мѣста водворенія своего общества, участокъ земли, равный по меньшей мѣрѣ двумъ душевымъ надѣламъ высшаго или указнаго размѣра, установленнаго для той мѣстности. Отказаться же отъ пользованія полевыми землями и угодьями, удерживая за собою только усадьбу, крестьянинъ имѣетъ право только въ такомъ случаѣ, если онъ эту усадьбу выкупилъ.

Совокупность всѣхъ этихъ условій ручается какъ за то, что послѣдствіемъ 19 наступившаго февраля не будетъ переселеніе временно-обязанныхъ крестьянъ массами, такъ и за то, что не послѣдуетъ общаго отказа временно-обязанныхъ крестьянъ отъ пользованія полевыми надѣлами и угодьями, такъ какъ если оставаться въ обществѣ, то надо же кормиться чѣмъ-нибудь.

Но другая сторона вопроса менѣе можетъ быть предрѣшена въ смыслѣ вполнѣ удовлетворительномъ. Спрашивается, какъ отнесутся къ льготѣ временно-обязанныхъ крестьянъ крестьяне-собственники, которые пріобрѣли свои земли съ помощью обязательнаго выкупа? Для такихъ крестьянъ увольненіе крайне затруднено. Между тѣмъ, они не были вольны отказаться или нѣтъ отъ выкупа, и теперь, быть можетъ, въ тѣхъ мѣстахъ съ завистью посмотрятъ на относительную свободу крестьянъ временно-обязанныхъ. Вотъ эта-то сторона вопроса можетъ быть выяснена только самою жизнью. Но нѣтъ сомнѣнія, что если въ такой сравнительной неравноправности окажется серьезное неудобство на дѣлѣ, то законодательство постарается пріискать способъ къ дарованію льготы и собственникамъ, пріобрѣтшимъ надѣлъ при обязательномъ выкупѣ, хотя бы это стоило и сопровождалось значительными матеріальными пожертвованіями со стороны самого государства.

Также въ настоящую минуту, болѣе нежели когда либо, слѣдуетъ обратить вниманіе на юридическій бытъ нашей сельской общины. Читатель найдетъ выше у насъ особую статью А. А. Клауса: «Община-собственникъ», спеціально посвященную этому важному вопросу. Не раздѣляя вполнѣ взглядовъ автора, мы тѣмъ не менѣе думаемъ, что его изслѣдованіе будетъ прочтено со вниманіемъ людьми даже совершенно противоположнаго мнѣнія.

Еще недавно такъ, кажется, мы находились только въ ожиданіи реформъ, жили наканунѣ, а теперь главнѣйшая изъ этихъ реформъ, крестьянская, начало всѣхъ началъ, осталась далеко назади насъ, и мы успѣли даже пережить ея первый періодъ. Въ эту минуту кстати будетъ припомнить дѣятельность нашей печати наканунѣ реформъ и

сравнить съ тѣмъ же въ настоящее время. Лучшая ея часть вмѣстѣ съ лучшею частью общества разчищала путь къ исполненію воли правительства и старалась разогнать привидѣнія, которыми думали затормозить или исказить великое начинаніе. Однѣ «Московскія Вѣдомости» въ ту памятную эпоху, въ небольшомъ союзѣ, разсказывали намъ о величіи англійскихъ лордовъ, *крупныхъ* землевладѣтелей, да горсть сумасбродовъ тревожила общество своею фантазіею. Нѣчто подобное повторилось и въ послѣднее время. Всмотримся ближе въ этотъ печальный фактъ.

Въ общественной жизни часто встрѣчаются явленія, люди, сами въ себѣ нравственно-несостоятельные, то-есть неспособные внести какую-либо лепту въ сокровищницу народныхъ умственныхъ силъ, изъ внутренняго своего содержанія, и которые однако пріобрѣтаютъ нѣкоторое, временное, чисто внѣшнее значеніе подъ вліяніемъ обстоятельствъ. Проходятъ обстоятельства, бросившія на нихъ нѣкоторый блескъ, и явленія эти блѣднѣютъ, забываются, люди эти лишаются ореола, созданнаго для нихъ оптическимъ обманомъ. Примѣры такихъ миражей, за которыми при перемѣнѣ освѣщенія оказался гладкій, безплодный песокъ, особенно многочисленны въ исторіи тѣхъ странъ, въ которыхъ общественное мнѣніе находится еще въ состояніи первоначальной формаціи: миражи свойственны пустынѣ. Въ исторіи нашихъ послѣднихъ лѣтъ двѣнадцати, намъ легко было бы указать на нѣсколько такихъ случаевъ, возводившихъ на степень событія—явленія маловажныя по внутреннему содержанію, и въ значительные общественные дѣятели—людей въ сущности пустыхъ.

Къ невыгодѣ ихъ, надъ ними, повидимому, тяготѣетъ какая-то фаталистическая потребность самообличенія. Прошло бы время миража, и эти фантомы могли бы опочить въ безвѣстности, соотвѣтствующей ихъ внутренней безцѣнности. Но нѣтъ, какой-то законъ справедливости, безсознательно для нихъ самихъ, гонитъ ихъ къ саморазоблаченію. Мишура, прежде чѣмъ сдаться въ кладовую, чувствуетъ неодолимую потребность доказать ясно всѣмъ и каждому, что она не золото.

Мы упомянули о призрачно-важныхъ явленіяхъ и призрачно-важныхъ дѣятеляхъ, и приведемъ примѣръ тѣхъ и другихъ. Такъ-называемыя у насъ «прокламаціи», то-есть возмутительные листки, разсѣеваемыя различными диллетантами революціонной идеи, безъ сомнѣнія, съ самаго начала своего появленія, точно такъ какъ и въ настоящее время, были попытками пустыми, непредставлявшими никакой силы, никакого серьезнаго значенія, имѣвшими характеръ собственно декораціонный, театральный, а не что-либо могущее дѣйствовать на здравый смыслъ. Тѣмъ не менѣе, было время, когда, подъ вліяніемъ обстоятельствъ, «прокламаціи» казались событіемъ, и такое

значеніе за этими пустяками признавалось не только молодежью, столь часто обвиняемою у насъ исключительно, какъ будто она какое-то отдѣльное племя, но и самыми властями. Авторы прокламацій не удовольствовались тѣмъ, что по минованіи времени недоумѣнія, навѣяннаго новизною явленія и неопытностью общества, на произведенія ихъ общество перестало обращать вниманіе; нѣтъ, они, въ силу какого-то психическаго закона, непремѣнно хотѣли довести свое дѣло до смѣшного и глупаго—и достигли своей цѣли.

Мишурнымъ важнымъ дѣятелямъ точно также, какъ и мишурнымъ важнымъ явленіямъ, повидимому, не суждено совершить благополучно перехода изъ незаслуженнаго величія въ заслуженную неизвѣстность; нѣтъ, подобные дѣятели стоятъ на томъ, чтобы совершить всенародно тотъ шагъ, который отъ великаго ведетъ ихъ—къ тому, что́ имъ подобаетъ. Мы не даромъ вспомнили о прокламаціяхъ: рядомъ съ распространителями прокламацій тайныхъ, незаконныхъ комитетовъ и судилищъ, являются порою, какъ нездоровый признакъ перемежающейся общественной лихорадки, распространители денунціацій, имѣющихъ цѣлью возбуждать въ правительствѣ недовѣріе къ обществу, къ народу, какъ въ прокламаціяхъ стараются возбуждать народъ и внушать ему недовѣріе къ правительству. Глашатаи личныхъ приговоровъ, эти дѣятели проскрипціи ставятъ себя также внѣ закона, какъ и агенты тайныхъ обществъ. Имъ нѣтъ дѣла до законности, они заботятся только о «направленіяхъ», объ «образѣ мыслей», о «степени благонамѣренности», и стараются всюду усмотрѣть враговъ правительства, хотя бы даже въ самомъ правительствѣ. Они громко заявляютъ, что служатъ только правительству, но они служатъ ему медвѣжьею службою, какъ медвѣжью услугу оказываютъ обществу составители прокламацій. Прямая цѣль и весь смыслъ ихъ нынѣшней дѣятельности заключаются въ томъ, чтобы предвосхищать у властей карательное и уголовно-предупредительное отправленіе; въ томъ, чтобы въ уразумѣніи тайнаго смысла печатнаго слова быть проницательнѣе и безпощаднѣе цензуры, а въ оговорѣ цѣлыхъ группъ людей быть распорядительнѣе иного жандарма. И дѣлать это весьма не мудрено: ибо и цензура и сама полиція, какъ правильныя административныя власти, несутъ отвѣтственность за свои дѣйствія и даже заявленія; волонтеры же политическо-сыскного дѣла никакой отвѣтственности за свои оговоры не несутъ, и даже на случай «промаха» у нихъ есть готовое оправданіе: «изъ любви-молъ къ отечеству». Повторяемъ, заниматься этимъ дѣломъ немудрено; мудрено только имѣть необходимую для него долю безсовѣстности. Но есть люди, для коихъ такое препятствіе—послѣднее дѣло.

Въ эпохи броженія, перехода, въ тѣ эпохи, когда можетъ еще

быть сомнѣніе, что правительство и народъ страны проникнуты одною общею, національною мыслію, и вполнѣ разумѣя солидарность свою, вполнѣ довѣряютъ другъ другу, такіе люди являлись и на Западѣ и у насъ. Имена этихъ патріотовъ особаго рода, этихъ возбудителей карательнаго духа, этихъ вѣчныхъ спасителей отечества, такія имена какъ Менцель, Граньè изъ Кассаньяка, а въ новѣйшее время въ Пруссіи Вагнеръ, пользуются почетною извѣстностью. У насъ въ такихъ именахъ тоже нѣтъ недостатка, именахъ нынѣ развѣнчанныхъ отъ мишуры, безславныхъ и смѣшныхъ.

Время броженія и недоумѣнія у насъ теперь миновало, солидарность между правительствомъ и народомъ въ Россіи выяснилась по-крайней мѣрѣ умнѣйшимъ изъ революціонныхъ мечтателей. За минованіемъ такой поры недоумѣнія или лучше сказать неизвѣстности, за прожитыми нами опытами, наступила пора искренняго довѣрія. Колебать это довѣріе, вѣчно открывать смуту и интригу въ обществѣ, указывать на возможность проникновенія несолидарной съ народнымъ дѣломъ мысли въ самыя правительственныя сферы—есть дѣло до такой степени нехорошее, что мы отказываемся пріискать для него названіе. Это значитъ вредить лучшему успѣху нашей новѣйшей жизни, стараться сбить общество и правительство съ прямого пути впередъ и питать эти нездоровыя сомнѣнія, которыя отстраняютъ самую мысль о развитіи благосостоянія, замѣняя ее заботливостію о безопасности.

Къ сожалѣнію, и до сихъ поръ существуетъ въ печати органъ, который спеціально и съ любовью занимается этимъ постыднымъ дѣломъ. Возобновленіе этой безславной дѣятельности въ печати всецѣло принадлежитъ редакторамъ «Московскихъ Вѣдомостей»; имъ принадлежалъ почпнъ, а нынѣ руководительство, послѣ того, какъ они успѣли достаточно кретинизировать два-три другихъ органа, чтобы тѣ посвятили себя на рабское имъ служеніе, отвернулись отъ славныхъ преданій нашей печати, отъ Россіи, которой сыскное отдѣленіе въ печати представляется вовсе ненужной роскошью, и поступили въ репетиторы московскихъ сплетниковъ. Эта темная фаланга двухъ Фамусовыхъ въ Москвѣ и нѣсколькихъ Репетиловыхъ и Загорѣцкихъ въ Петербургѣ можетъ похвалиться, что она одно время понадѣлала-таки шуму; но напрасно думаетъ она, что этотъ шумъ избѣгнетъ участи обыкновенныхъ скандаловъ. Сами скандалисты заботятся о томъ, чтобы даже легковѣрные уразумѣли въ «спасителяхъ общества» простыхъ самодуровъ, а въ ихъ Пьерро́ — обыкновенныхъ паяцовъ, исполнявшихъ на вѣку своемъ и не такія арлекинады.

Мы, сознаемся въ томъ, отступаемъ отъ литературныхъ приличій, относясь съ пренебреженіемъ, хотя и вполнѣ заслуженнымъ, къ газетѣ, которую недавно постигла административная кара. Но есть всему пре-

дѣлъ, и въ настоящемъ случаѣ мы имѣемъ предъ собою доказательство, что есть явленія и люди ниже всякихъ приличій и внѣ всякихъ льготъ которыя обыкновенно даруются лежачимъ и повинившимся. Намъ достаточно напомнить, что мы имѣемъ дѣло съ органомъ, по инсинуаціямъ котораго началось не одно преслѣдованіе въ печати, и не одному изданію сдѣлалось почти невозможно появляться въ свѣтъ подъ вызванною этимъ органомъ усугубленною строгостью. О какихъ же литературныхъ приличіяхъ можетъ быть рѣчь по отношенію къ опричникамъ литературы?

Впрочемъ, оставя «Московскія Вѣдомости» внѣ литературныхъ приличій, мы вовсе не намѣрены подражать недобросовѣстному и вмѣстѣ смѣшному пріему «Московскихъ Вѣдомостей», который состоитъ въ томъ, чтобы противниковъ своихъ представлять въ одно и тоже время людьми и бездарными, и опасными — и непользующимися никакимъ авторитетомъ, и могущими угрожать даже государственной безопасности, словомъ, тому школьническому пріему, который называется «бей чѣмъ попало», и который можетъ имѣть успѣхъ только въ глазахъ совсѣмъ не развитыхъ людей. Мы признаемъ за редакторами «Московскихъ Вѣдомостей» тѣ таланты, которые дѣлаютъ «ловкихъ» адвокатовъ: извѣстную гибкость ума, ловкость въ экзерциціяхъ съ аргументами, наконецъ складность рѣчи. Если бы однажды отказавшись отъ пресловутаго первоначальнаго либерализма «Русскаго Вѣстника», и выступивъ на почву реакціи, они твердо держались на этой почвѣ безъ притязанія быть чѣмъ-либо больше, чѣмъ журналистами, служащими извѣстному направленію, то мы могли бы несоглашаться съ ними, но не назвали бы ихъ людьми пустыми, и считали бы гг. Каткова и Леонтьева зауряда съ прежнимъ ихъ сотрудникомъ г. Скарятинымъ. Въ статьяхъ «Московскихъ Вѣдомостей» никогда не проглядываетъ менѣе внутренней фальши и болѣе искренняго убѣжденія, какъ именно тогда, когда онѣ приближаются къ направленію г. Скарятина. Всѣ ихъ истинныя сочувствія очевидно на этой сторонѣ, и они не разъ превзошли самого г. Скарятина на его особенномъ полѣ. Но г. Скарятинъ все-таки несомнѣнно выше гг. Каткова и Леонтьева, если не по нѣкоторымъ пріемамъ обличенія, которымъ онъ научился отъ нихъ, то потому, что онъ представляетъ собою опредѣленную, хотя и не большую мысль, въ то время какъ гг. Катковъ и Леонтьевъ представляютъ собою только самихъ себя, свое личное, мишурное величіе, добытое именно частою перемѣною декорацій, при блескѣ бенгальскихъ огней.

Могутъ ли сами московскіе публицисты измѣрить пространство, пройденное ими во время такихъ упражненій? Что есть общаго между участіемъ «Русскаго Вѣстника» въ такъ-называемой «обличительной» лите-

ратурѣ и нынѣшнимъ обличеніемъ «Московскими Вѣдомостями» цензуры за недостатокъ строгости? Какая умственная нить, какой логическій процессъ связуютъ прежнюю проповѣдь о правильномъ, либеральномъ развитіи, и нынѣшнимъ напоминаніемъ, что «главный ржондъ не въ Варшавѣ, а на берегахъ Невы», и сожалѣніемъ, что «по грустной ироніи судьбы самъ Муравьевъ спасовалъ предъ тайнымъ зломъ, когда оно было у него подъ рукою»? Какое серьезное, послѣдовательное убѣжденіе, какая микроскопическая доля мыслительной добросовѣстности можетъ ужиться съ такими діаметральными крайностями? Редакторы «Московскихъ Вѣдомостей» думаютъ согласить все это, увѣряя, что они служатъ интересамъ правительства, что такова единственная цѣль ихъ общественной дѣятельности. Они полагаютъ, что такое призваніе увольняетъ ихъ отъ служенія принципамъ и отъ всякой логической послѣдовательности.

Но мы никакъ не можемъ допустить такого раздѣленія; допустить его значило бы допустить, что искренность убѣжденія и опредѣленность мысли несовмѣстны съ полезнымъ служеніемъ государственнымъ интересамъ, то-есть интересамъ правительства. Напротивъ, мы не находимъ въ исторіи ни одного политическаго дѣятеля, съ истинною пользою служившаго правительству, который бы не былъ человѣкомъ твердыхъ принциповъ, опредѣленныхъ и искреннихъ убѣжденій. У насъ, какъ и вездѣ, были люди, которые имѣли притязаніе служить правительству именно самой измѣнчивостью своихъ принциповъ. Таковъ былъ, напр. Магницкій, который вѣчно доносилъ то на зловредность печати, то на неблагонамѣренность университетскихъ профессоровъ, который неподчинялся даже прямымъ приказаніямъ министровъ, когда не предполагалось за ними достаточно личной силы, и падалъ ницъ предъ тѣми, кого зналъ сильными; который доносилъ даже на мнимое несогласіе дѣйствій великихъ князей съ видами верховной власти. Магницкій могъ бы также оправдывать всѣ свои крайности и противорѣчія увѣреніемъ, что онъ всегда служитъ только интересамъ правительства, и потому въ сущности всегда вѣренъ себѣ. Но нельзя конечно сказать, что Магницкій принесъ пользу интересамъ нравительства такимъ служеніемъ, да никто нынѣ и не повѣритъ, что служилъ онъ въ самомъ дѣлѣ правительству, а не собственнному своему возвеличенію.

О нынѣшнемъ служеніи «Московскихъ Вѣдомостей», состоящемъ въ поголовномъ обличеніи въ анти-правительственныхъ цѣляхъ всей печати, за исключеніемъ ихъ самихъ и ихъ клевретовъ, можно сказать, что оно, призывая безпрестанно имя правительства противъ противниковъ «Московскихъ Вѣдомостей», представляетъ скорѣе злоупотребленіе именемъ государственныхъ интересовъ для цѣлей весьма мелкихъ, хотя

и великихъ лично для редакторовъ этой газеты, чѣмъ что-либо похожее на добросовѣстное служеніе. Возможно ли, при каплѣ добросовѣстности, утверждать, какъ это дѣлали «Московскія Вѣдомости» въ послѣднее время, что между органами нигилизма (т.-е. просто большинствомъ петербургской печати) и консервативною «Вѣстью» произошло полное сліяніе? Ставить на одной сторонѣ польское возстаніе, иностранныя газеты враждебныя Россіи, противниковъ «Моск. Вѣд.» въ печати, министерство внутреннихъ дѣлъ и цензуру, а на другой Россію (!) и «Московскія Вѣдомости?»

> Qui n'aime pas Cotin n'estime point son roi
> Et n'a, selon Cotin, ni Dieu, ni foi, ni loi.

Россію «Моск. Вѣд.» ставятъ рядомъ съ собою, но очевидно, что въ этой полной солидарности Россія играетъ роль подчиненную, а первостепенная роль принадлежитъ московскимъ собирателямъ казенныхъ объявленій. Въ самомъ дѣлѣ, что такое ужасное случилось въ Россіи въ послѣднее время? Совершено убійство близъ Москвы? Но убійства совершаются почти ежедневно. Появились прокламаціи? Но прокламаціи появляются неизвѣстно въ который разъ, и даже не обращаютъ на себя вниманія общества. Что же такое ужасное произошло теперь въ Россіи, что̀ давало бы право добросовѣстному публицисту сказать: «солидарность всѣхъ дурныхъ партій обнаружилась явственно и онѣ видимо для всѣхъ слились въ общемъ дѣйствіи, *равно направленномъ и противъ Россіи и противъ нынѣшняго царствованія*». Гдѣ это общее дѣйствіе, въ чемъ оно проявляется? Смыслъ этихъ словъ, очевидно, не можетъ относиться къ указываемымъ въ той-же статьѣ фактамъ, что нѣкоторыя сессіи земства не состоялись за неявкою законнаго числа гласныхъ, и что въ низшей администраціи западнаго края происходятъ перемѣны. Даже «Моск. Вѣд.» едва ли способны указать на солидарность между этими явленіями и какое-либо «общее дѣйствіе» ихъ «противъ Россіи и противъ нынѣшняго царствованія». Но объясненіе этихъ словъ легко найти въ другихъ статьяхъ, появившихся въ «Моск. Вѣд.» въ то же время, и изъ нихъ именно оказывается, что это «общее дѣйствіе» противъ Россіи и противъ нынѣшняго царствованія сводится собственно къ тому дружному протесту оскорбленнаго патріотизма, къ которому принудило наконецъ русскую печать сыскное пустозвонство и безпримѣрное нахальство «Московскихъ Вѣдомостей».

Спрашивается, есть-ли какая-либо возможность не признать редакторовъ этой газеты людьми дерзкими, но совершенно пустыми, преслѣдующими, помощью громкихъ фразъ и нахальныхъ сопоставленій, мелкіе интересы своего самолюбія?

Та бездна противорѣчій, въ которую давно впали эти люди, играя

то консерваторовъ, то либераловъ, то доносчиковъ на либеральныхъ государственныхъ людей, то снисходительныхъ защитниковъ самихъ «нигилистовъ», не могло быть наполнено ничѣмъ, кромѣ трескотни фразъ и разныхъ удивительныхъ фокусовъ, которыми пустота этой бездны заслонялась въ вящшему величію тѣхъ же «Московскихъ Вѣдомостей». И дѣйствительно, до послѣдняго времени могли еще быть люди, не особенно развитые конечно, которые видѣли въ «Моск. Вѣдомостяхъ» нѣчто, имѣющее право на вниманіе. Не имѣя ни принциповъ, ни добросовѣстности, которая останавливаетъ людей умственно-несостоятельныхъ, по крайней мѣрѣ на границѣ порядочности, редакторы «Моск. Вѣдомостей», давно что называется по-французски «перебросили свою шапку черезъ мельницу» и избрали себѣ вмѣсто убѣжденія, вмѣсто достоинства, одну спеціальность — ухорство. И этимъ они въ самомъ дѣлѣ держались до сихъ поръ. Но тотъ психическій законъ, о которомъ мы говорили выше, и который неумолимо гонитъ позолоченную пустоту къ самообличенію, возымѣлъ теперь надъ ними свое дѣйствіе. «Моск. Вѣд.» поставили себя въ одно положеніе съ глупѣйшими прокламаціями: чѣмъ спокойнѣе Россія, чѣмъ далѣе подвигается она на пути правильнаго развитія, тѣмъ невозможнѣе становится «Московскимъ Вѣдомостямъ» и прокламаціямъ носить свою мишурную мантію. Когда нѣтъ мятежа, имъ не представляется возможности ловить рыбу въ мутной водѣ.

И вотъ, какъ тѣ слишкомъ усердные полицейскіе агенты, которые бывало выдумывали преступленіе, для того чтобы имѣть случай отличиться, «Моск. Вѣд.» воспользовались самыми ничтожными уличными фактами и весьма значительнымъ, но весьма также неблагопріятнымъ для редакторовъ этой газеты фактомъ—отвращенія честной печати отъ ихъ продѣлокъ, чтобы забить снова въ набатъ патріотизма à la Магницкій, и пустили въ ходъ всю трескотню своего обличительнаго фейерверка. Но они разочли невѣрно; никакого безпокойства въ обществѣ не оказалось, и тревога, возбужденная московскою газетою, въ первый разъ уже рѣшительно всѣми оцѣнена была по достоинству. Всѣ поняли, что это тревога фальшивая, и что обличаемый редакторами «Моск. Вѣд.» пожаръ есть не что иное, какъ раздуваніе ими огня въ собственномъ ихъ каминѣ, въ ожиданіи, что толпа по прежнему будетъ таскать имъ дрова. Московскіе публицисты скоро увидѣли безуспѣшность своихъ усилій возвесть собственное уединеніе въ народное бѣдствіе; они поняли, что стараясь обличить всѣхъ и вся, они наконецъ вполнѣ обличили самихъ себя, свою нравственную несостоятельность и мелочность своихъ цѣлей.

Вотъ откуда происходитъ то смиреніе которое они вдругъ сочли необходимымъ высказать вслѣдъ за постигшею ихъ административной

жарою. Раскаяніе и самоуничиженіе составляли для нихъ единственный удобный исходъ изъ этой фальшивой тревоги, которую они хотѣли поднять своимъ фальцетомъ, и которая произвела на общество впечатлѣніе совершенно противоположное ихъ ожиданію. Законъ обязывалъ «Моск. Вѣд.» напечатать данное имъ предостереженіе и не требовалъ отъ нихъ ничего болѣе. Какъ павшій Магницкій говорилъ князю Голицыну: «Вы не знаете сколько я противъ васъ виноватъ», и вслѣдъ затѣмъ, благодаря смиренію, у него же просилъ ходатайства, такъ и редакторы московской газеты, никѣмъ не понуждаемые къ тому, отрекаются отъ своихъ послѣднихъ заявленій, и прямо говорятъ, что представленная ими картина «вышла столько же мрачная, сколько несоотвѣтственная истинѣ», и что они «сдѣлали промахъ». Административное предостереженіе, какъ оказалось, объяснило г. Каткову то, чего онъ не могъ понять собственнымъ умомъ, а именно, что онъ сфальшивилъ. Нашимъ мудрецамъ тогда представилась альтернатива: или,— произведя уже неблагопріятное впечатлѣніе на общество, которое вовсе не расположено думать, что «руки его слабѣютъ и никнутъ», потому только, что упало значеніе какой-то газеты въ Москвѣ, — вступить еще разъ въ борьбу съ администраціей, или же — смириться, такъ какъ увѣренности въ общественномъ мнѣніи не могло быть.

Редакторы «Моск. Вѣд.» благоразумно предпочли смиреніе. Но при этомъ они совершенно напрасно желаютъ доказать, что напечатаніе ими нынѣ предостереженія нисколько не противорѣчитъ не напечатанію ими прежняго предостереженія. Напечатать какъ то, такъ и другое, обязывалъ ихъ законъ, и если нынѣ онѣ объясняютъ свое подчиненіе закону «уваженіемъ къ обязательной силѣ закона», то нѣтъ никакой возможности видѣть въ прежнемъ поступкѣ ихъ чего-либо кромѣ неуваженія къ обязательной силѣ закона. Законъ одинаково обязателенъ, какъ бы ни было шатко или прочно положеніе главы администраціи, примѣняющей законъ въ данное время, и какъ бы исполненіе закона ни касалось существенно или несущественно дѣятельности частнаго лица.

Что «Моск. Вѣд.», при нынѣшнемъ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, сочли необходимымъ «доказать на дѣлѣ свое уваженіе къ обязательной силѣ закона», это главнымъ образомъ похвально потому, что этимъ они такъ-сказать загладили свое нарушеніе закона въ прежнее время. Что они «невоспользовались» правомъ передать свое изданіе университету, а только «удерживаютъ это право за собою»—то и это не удивило насъ, какъ не удивила бы рѣшимость щуки удержать за собою право утопиться въ прудѣ, каковымъ прудомъ могутъ представляться «Московскія Вѣдомости», благодаря казеннымъ объявленіямъ. Но важно то, что гг. Катковъ и Леонтьевъ начали наконецъ принимать предостереженія,

и даже не уступятъ Рейнеке-Фуксу въ искусствѣ покаянія; въ виду такого благодушія означенныхъ редакторовъ и мы съ своей стороны позволимъ дать маленькое предостереженіе вышеупомянутой газетѣ; можетъ быть, она вторично познаетъ свой промахъ и вторично раскается въ немъ: не слѣдуетъ безпрерывно кричать: пожаръ, пожаръ! Такія лица кончаютъ тѣмъ, что имъ не повѣрятъ и тогда, еслибы нечаянно имъ случилось сказать правду. Точно также не слѣдуетъ, уподобляясь извѣстному «историческому» герою Гоголя, садиться на полъ посреди комнаты и ловить всѣхъ проходящихъ за ноги—позиція «Московскихъ Вѣдомостей», занимаемая ими уже довольно давно въ русской печати, а понятая всѣми только недавно.

Личное и безцеремонное обращеніе «Московскихъ Вѣдомостей» къ «Вѣстнику Европы» и къ его редактору мы оставляемъ безъ всякаго вниманія, въ виду публичнаго ихъ покаянія: теперь намъ сдѣлалось извѣстно, что «Московскія Вѣдомости» дѣлаютъ промахи; а также въ виду того самоуничтоженія, на которое бываетъ осуждена всякая арлекинада, по опущеніи занавѣса. Повторяемъ, пироманія составителей прокламацій и гидрофобія передовыхъ статей «Московскихъ Вѣдомостей» представляютъ одинаковую судьбу: внутренняго значенія онѣ не имѣютъ и нуждаются для своего вліянія въ незрѣлости общественнаго мнѣнія и его несовершеннолѣтіи; съ наступленіемъ дневного свѣта, эти филины удаляются сами собою, и напрасно машутъ своими крыльями, чтобы ускорить приближеніе вѣчной ночи—реакціи.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-е февраля, 1870.

Настоящее положеніе дѣлъ во Франціи.—Наполеонъ III, Рошфоръ и Олливье.—Слова и дѣла новаго министерства. — Свобода печати и парламентаризмъ. — Стачка въ Крёзò.—Недовѣріе къ рабочимъ.—Программы англійскаго и австрійскаго министерствъ.—Новое министерство въ Италіи.—Кандидатура Бурбоновъ на испанскій престолъ.

Вниманіе всего цивилизованнаго міра обращено въ настоящее время на быстрый потокъ политическихъ событій во Франціи. Установленіе конституціоннаго образа правленія во второй имперіи совершается съ великимъ трудомъ и среди обстоятельствъ, отчасти непредвидѣнныхъ и необыкновенныхъ, которыя значительно затрудняютъ великое дѣло упроченія свободы тамъ, гдѣ до сихъ поръ, впродолженіи почти двадцати лѣтъ, господствовалъ личный произволъ одного человѣка, весьма умнаго, правда, но лишеннаго вѣры въ человѣческую добродѣтель, и потому крайне неразборчиваго въ своихъ средствахъ къ достиженію своихъ любимыхъ цѣлей. Во всякомъ случаѣ, пока, въ эту минуту, мы имѣемъ въ Европѣ, кромѣ Австріи, еще одну конституціонную имперію.

Интересъ образованныхъ людей всей Европы — и Россіи въ томъ числѣ — къ нынѣшней политической жизни Франціи, обусловливается не простымъ любопытствомъ, но и серьезною любознательностію, такъ какъ дѣло Франціи въ этомъ случаѣ становится дѣломъ всѣхъ, кто сочувствуетъ или содѣйствуетъ развитію свободы, расширенію человѣческихъ правъ, укрѣпленію мира между народами и между слоями каждаго отдѣльнаго народа. Только въ самой Франціи, гдѣ слишкомъ сильно возбуждены страсти, гдѣ люди теряютъ благоразуміе и увлекаются порывами неподдѣльнаго чувства, только тамъ могутъ думать теперь, что судьба страны связана непосредственно съ личностію Наполеона III, Олливье, или Рошфора, и что полный успѣхъ дѣятельности кого-либо изъ нихъ — какими бы средствами успѣхъ этотъ достигнутъ ни былъ — можетъ упрочить въ умахъ народа политиче-

скіе принципы, исповѣдуемые этими дѣятелями. Нѣтъ ничего удивительнаго, поэтому, въ томъ, что въ такую историческую минуту люди совершаютъ множество нелѣпостей, много насилій и несправедливостей надъ главными дѣйствующими лицами эпохи, много грубыхъ ошибокъ, сознаваемыхъ даже ими самими. Но можно ли строго осуждать ихъ за это, можно ли призывать ихъ къ отвѣтственности за каждое опрометчивое слово, за каждое неловкое движеніе? Да и есть ли какая-нибудь польза въ этомъ осужденіи?...

Намъ, взирающимъ на всѣ событія во Франціи со стороны и заинтересованнымъ лишь въ судьбахъ свободы, можно, и даже слѣдуетъ, относиться безпристрастно ко всѣмъ промахамъ французскихъ политическихъ дѣятелей, — для насъ важнѣе всего дѣйствительные результаты того или другого совершающагося факта; всѣ вѣрованія и надежды французовъ, изъ какихъ бы возвышенныхъ и благородныхъ помысловъ эти надежды и вѣрованія ни истекали, имѣютъ для насъ самое ничтожное практическое значеніе; любопытно знать, конечно, чѣмъ и какъ волнуются умы образованныхъ людей цѣлой націи въ критическую минуту перехода отъ деспотизма къ свободѣ, но *только* любопытно.

Рошфору очень важно представить Наполеона и Олливье, со всѣми ихъ чадами и домочадцами, по возможности, въ самомъ отвратительномъ видѣ, не то извергами рода человѣческаго, не то простофилями изъ простофилей, и онъ съ жадностью ловитъ всякій слухъ или разсказъ, могущій отозваться невыгодно на его противникахъ,—въ этомъ отношеніи онъ готовъ вѣрить всякой даже очевидной нелѣпости, и только эта слѣпая вѣра и даетъ ему возможность писать, и въ значительной степени оправдываетъ его пасквили, въ которыхъ онъ не щадитъ ни женщинъ, ни дѣтей, ни семейной жизни, ни тѣлесныхъ недуговъ. Точно также, Наполеону и Олливье весьма важно принизить во что бы то ни стало Рошфора, и они тоже пользуются всѣми средствами, находящимися въ ихъ рукахъ, и способными, по ихъ мнѣнію, нанести смертельный ударъ репутаціи и карьерѣ противника. Для Рошфора, Наполеонъ и Олливье—не люди, а кровавый принципъ 2-го декабря 1851 года; и для Наполеона и Олливье, Рошфоръ—это революціонное насиліе. Олливье видитъ въ этомъ насиліи гибель свободы, анархію; Наполеонъ блѣднѣетъ передъ нимъ, какъ передъ мщеніемъ за прошлое, котораго никто, ни одинъ честный человѣкъ, не признаетъ нравственнымъ.

Наполеону удалось сыграть роль Цезаря, хотя и пришлось добровольно отказаться отъ цезарскаго всемогущества и сознать всю тщету цезарскихъ стремленій. Очень можетъ быть, что, ввѣряясь Олливье, онъ все еще мечтаетъ о цезаризмѣ и надѣется другимъ путемъ возстановить его. Всю жизнь онъ постоянно писалъ и ратовалъ противъ

конституціоннаго образа правленія; откуда же теперь, на закатѣ дней, явились въ немъ серьезныя наклонности къ парламентаризму? Олливье можетъ вѣрить въ искренность новыхъ стремленій императора, увлекаясь надеждами совершить то, чего не удалось такимъ крупнымъ приверженцамъ представительнаго образа правленія, какими были Мирабо и Бенжаменъ Констанъ. Рошфоръ, въ свою очередь, можетъ грезить о величіи Вашингтона.

Всѣ заявленія императора, касающіяся образованія и дѣятельности новаго министерства, были составлены въ такомъ духѣ, что не оставляли никакого сомнѣнія въ полномъ отступничествѣ Наполеона III отъ прежней системы правленія; эти заявленія оправдываютъ всѣ увѣренія Олливье о томъ, что императоръ дѣйствительно сознаетъ негодность абсолютизма, и что самъ Олливье, принимая на себя обязанности перваго министра второй имперіи, нисколько не измѣняетъ своимъ прежнимъ политическимъ убѣжденіямъ. Тринадцать лѣтъ тому назадъ, когда Олливье рѣшался принять присягу на вѣрность имперіи, онъ писалъ своему отцу: «Невѣроятно, чтобы императоръ составилъ свой *добавочный актъ* [1]), однако это не невозможно. Этого достаточно для того, чтобы, до моего рѣшенія, я обсудилъ и такую случайность. Если онъ пребудетъ въ своемъ деспотизмѣ, мой образъ дѣйствій будетъ самый удобный. Я стану немилосердно нападать на него, мои удары будутъ тѣмъ опаснѣе, чѣмъ болѣе сдержанности будетъ въ моемъ поведеніи и чѣмъ яснѣе опредѣлится мое нежеланіе преслѣдовать какую-либо мысль о низверженіи. Но если онъ перемѣнится, я принужденъ буду помогать ему, хотя моя помощь станетъ упрочивать тотъ престолъ, который возникъ среди нашихъ проклятій. Вотъ куда ведетъ роковымъ образомъ присяга, и такъ какъ я никогда не останавливаюсь на полу-дорогѣ, то вотъ куда могу зайти я въ данномъ случаѣ, если вступлю въ законодательный корпусъ» [2]). Изъ новыхъ объясненій Олливье, изъ програмы его министерства, совершенно очевидно также, что онъ остался вѣренъ своимъ либеральнымъ убѣжденіямъ и вступилъ въ кабинетъ императора лишь съ искреннимъ желаніемъ осуществить всѣ тѣ реформы, которыя онъ считаетъ необходимыми для основанія и процвѣтанія свободы въ его отечествѣ. Только въ одномъ могутъ упрекать Олливье его прежніе сотоварищи по оппозиціи — именно въ его отступничествѣ отъ республиканизма; но и этотъ упрекъ имѣетъ лишь относительное значеніе, такъ какъ Олливье и теперь даже, въ послѣднемъ изданіи его «Le 19 Janvier», признаетъ респуб-

[1]) Намекъ на добавочный актъ, принятый Наполеономъ I, по возвращеніи съ острова Эльбы, и который долженъ былъ установить во Франціи конституціонный образъ правленія.

[2]) См. Le 19 Janvier. Compte-Rendu aux électeurs de la 3-me circonscription de la Seine par M. Émile Ollivier. Troisième edition. Paris, 1869. Стр. 157.

лику «единственно достойнымъ и великимъ образомъ правленія, единственно возможнымъ въ будущемъ» (стр. 94); но «республика только форма, только одѣяніе. Нужно, чтобы она опиралась на реальность». —«У меня мало склонности къ принципу наслѣдственности въ правительственномъ организмѣ» — говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ (стр. 118)—хотя допустить его возможно, не нарушая правилъ благоразумія». Когда демократъ Гамбетта упрекнулъ недавно (въ засѣданіи 18-го января) Олливье въ отступничествѣ отъ республиканизма, министръ оправдался слѣдующими словами: «Съ 1857 года, я старался о томъ, чтобы мое поведеніе соотвѣтствовало благороднымъ словамъ одного человѣка, который умѣлъ исполнять великія обязанности, — словамъ генерала Кавеньяка, отказавшагося принять присягу, какъ говорилъ онъ, оттого, что опасался скрытныхъ желаній и заднихъ мыслей. У меня не было ни скрытныхъ желаній, ни заднихъ мыслей; я остался вѣренъ моей присягѣ. Да, въ этой самой палатѣ, я назвалъ себя однажды республиканцемъ. Но при какихъ обстоятельствахъ? Это было въ 1861 году, послѣ декрета 24-го ноября [1]). Я говорилъ императору: «Государь, дайте свободу, и я, республиканецъ въ ту минуту, когда говорю, стану помогать вамъ, восхищаться вами». Императоръ далъ свободу, и я исполняю то, что обѣщалъ въ 1861 году». Само собою разумѣется, что среди тревогъ и раздражительныхъ волненій настоящаго времени, справедливый отвѣтъ министра не могъ произвесть желаннаго впечатлѣнія на возбужденные умы оппозиціи, которая въ дѣйствительности, по своимъ политическимъ принципамъ, весьма мало отличается отъ Олливье. Безтактность самого министра, дерзнувшаго замѣтить Гамбеттѣ, что ему недостаетъ будто бы патріотизма и чистой совѣсти, много способствовала тому, что отвѣтъ оказалъ благопріятное вліяніе лишь на людей, и безъ того убѣжденныхъ въ правотѣ Олливье. Таковы *слова* новаго министерства.

Что касается до *дѣлъ* новаго министерства, въ нихъ замѣтно нѣкоторое отступленіе отъ строгаго, безусловнаго либерализма, но вообще говоря, они не противорѣчатъ программѣ министерства, въ пользу которой высказался, кромѣ самого Олливье, и министръ иностранныхъ дѣлъ, графъ Дарю, бывшій вождемъ лѣваго центра въ палатѣ. Относительно свободы печати, министерство успѣло уже сдѣлать нѣсколько важныхъ облегченій: оно уничтожило цензуру иностранныхъ книгъ и періодическихъ изданій, оно допустило свободную продажу всѣхъ газетъ на парижскихъ улицахъ, оно склоняется въ пользу отмѣны штемпельной пошлины и внесло въ законодательный корпусъ законъ о передачѣ всѣхъ процессовъ по дѣламъ печати въ судъ при-

---

[1]) Декретъ 24-го ноября возстановлялъ гласность преній въ законодательномъ корпусѣ.

ссылкахъ. Оно распространило политическую амнистію и на такихъ лицъ, какъ Ледрю-Ролленъ и Тибальди, которыхъ французскіе суды признали виновными въ составленіи заговора на жизнь императора, и Ледрю-Ролленъ, кажется, уже прибылъ въ Парижъ [1]. Наконецъ, циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ, Шевандье де-Вальдрома, къ префектамъ подаетъ серьезную надежду на отмѣну оффиціальныхъ кандидатуръ, на полное освобожденіе поголовной подачи голосовъ отъ всякихъ злоупотребленій администраціи. Олливье, какъ министръ юстиціи, уже уволилъ въ отставку нѣсколькихъ мировыхъ судей, которые оказывали на прошлогоднихъ выборахъ незаконное давленіе на избирателей. Въ двухъ округахъ, гдѣ были произведены новые выборы, въ замѣнъ отвергнутыхъ законодательнымъ корпусомъ, мѣстныя правительственныя власти совершенно отступились отъ всякаго участія. Результатъ этихъ выборовъ прямо показалъ, что оффиціальное вмѣшательство въ выборы имѣло огромное вліяніе на исходъ избирательной борьбы; въ департаментѣ Верхней Соны бывшій оффиціальный кандидатъ, баронъ Гурго (Gourgaud), получившій прежде однимъ голосомъ больше оппозиціоннаго кандидата, герцога Мармье, получилъ теперь всего 8,765 голосовъ, тогда какъ за Мармье подано 11,318 голосовъ; другой оффиціальный кандидатъ, опороченный законодательнымъ корпусомъ, даже не рѣшился на честную избирательную борьбу съ своимъ противникомъ.

Отступленіе отъ либерализма мы замѣчаемъ въ преслѣдованіи Рошфора и другихъ республиканскихъ писателей за ихъ нападки на императора или воззванія къ народу. Эти нападки и воззванія приняли особенно рѣзкій характеръ по поводу умерщвленія молодого республиканскаго литератора, Виктора Нуара, однимъ изъ кузеновъ императора, Пьеромъ Бонапарте. Настоящія причины этого убійства еще не разъяснены судебнымъ слѣдствіемъ, но тѣмъ не менѣе оно успѣло произвести, отчасти при помощи республиканской печати, такое сильное волненіе умовъ въ Парижѣ, что еслибъ не благоразумная сдержанность самого Рошфора, главнаго вождя республиканской агитаціи, то похороны Нуара могли бы вызвать кровавое столкновеніе между народною толпою и императорскимъ войскомъ. Облить кровью парижскія улицы въ настоящую минуту [2] значило бы бросить Францію въ новую реакцію, такъ какъ кровь требуетъ мщенія, а гдѣ дѣло идетъ

---

[1] Теперь интересно вспомнить, что Ледрю-Ролленъ, будучи министромъ внутреннихъ дѣлъ въ 1848 году, приказывалъ захватить Луи-Наполеона, если онъ появится въ предѣлахъ Франціи, а будучи членомъ временнаго правительства, подалъ свой голосъ противъ отмѣны закона объ изгнаніи Бонапартовъ. Сдѣлавшись членомъ исполнительной коммиссіи, онъ съ жаромъ защищалъ этотъ законъ съ трибуны законодательнаго собранія.

[2] День похоронъ Нуара — 12-го января.

о мщеніи, тамъ не можетъ быть рѣчи о свободѣ. Какъ ни ненавистно Рошфору правительство императора Наполеона III, онъ во всякомъ случаѣ не хочетъ рискнуть всѣми шансами свободы изъ-за того только, чтобы новымъ кровопролитіемъ провесть между правительствомъ и республиканцами еще болѣе широкую черту взаимной ненависти и свирѣпаго озлобленія. Министерство, однако, не понимаетъ Рошфора и только хлопочетъ о томъ, какъ бы проявить свою силу надъ этимъ опаснымъ для него агитаторомъ. Въ палатѣ, напуганной похоронами Нуара, нашлось весьма мало голосовъ (34 изъ 260 [1]), постаравшихся воспрепятствовать правительству получить дозволеніе палаты на преслѣдованіе Рошфора передъ судомъ за его горячую статью въ «Марсельезѣ», въ которой онъ называетъ императорскую фамилію «разбойниками» (coupe-jarrets) и обращается къ французскому народу съ вопросомъ: «неужели ты рѣшительно не находишь, что пора положить этому (то-есть, царствованію Бонапартовъ) конецъ»? Вмѣстѣ съ газетою «Марсельёзою» подверглись судебному преслѣдованію и двѣ провинціальныя газеты, рѣшившіяся перепечатать въ свои столбцы статью Рошфора; сверхъ того, правительство набросилось еще на другую парижскую республиканскую газету «Reforme», и, какъ извѣщаетъ телеграмма отъ 29-го января, разослало ко всѣмъ генералъ-прокурорамъ циркуляръ, въ которомъ Олливье прямо говоритъ:—«Вы позволите выражать всякаго рода мнѣнія и предоставите здравому смыслу общества охраненіе (la police) нравственнаго порядка. Но вы должны преслѣдовать *всякое оскорбленіе личности императора и всякое подстрекательство къ преступленіямъ и проступкамъ.* Вы не должны терпѣть ни на улицахъ, ни въ періодическихъ газетахъ, ни наконецъ на сходкахъ, такого рода *дѣйствія*, которыя могутъ, по своей сущности, серьезно нарушить матеріальный порядокъ». Этотъ циркуляръ есть лишь простое слѣдствіе тѣхъ теорій, которыя излагалъ Олливье въ палатѣ въ его знаменитой рѣчи 17-го января, произнесенной во время преній о статьѣ Рошфора. Министръ отличаетъ въ печати мнѣнія отъ дѣйствій, и причисляетъ къ числу послѣднихъ всѣ оскорбленія личности государя, «какъ всякую диффамацію противъ частнаго лица», и «всѣ воззванія къ гражданской войнѣ». Ссылаясь на демонстрацію въ день похоронъ Нуара, Олливье приписалъ это *«journée»* единственно вліянію республиканской печати, и заявилъ корпусу, что правительство твердо рѣшилось не допустить второго такого же journée. «Мы не допустимъ,—сказалъ онъ,—чтобы депутатъ присвоилъ себѣ право дѣлать, когда ему угодно, призывы къ оружію и вызывать все населеніе (Парижа) на улицу. Мы рѣшились подавить, и я произношу не

---

[1]) Всѣхъ членовъ законодательнаго корпуса насчитываютъ 292.

безъ волненія это страшное слово—подавить,—это слово, полное боли и опасеній; подавить—значитъ пролить кровь, и мы просимъ у Бога единственной милости, чтобы мы могли удалиться отъ власти, не проливъ ни одной капли крови». Далѣе, въ своей рѣчи, министръ употребляетъ слово «сила».

Эти два роковыя слова: «подавить» и «сила», напоминаютъ французамъ уже двадцать лѣтъ сряду, что въ ихъ жизни что-то важное идетъ неладно, а они привыкли искать причину этого неладнаго въ самой системѣ императорскаго правленія, хотя несомнѣнно, что тѣ же два слова играли важную роль и во времена республикъ и бурбонскихъ монархій. Всѣ партіи во Франціи искали своего могущества въ насиліи и нетерпимости, всѣ французскія административныя учрежденія основаны на принципѣ отчужденія правительства отъ народа, власти отъ жизни; партіи одна за другою терпѣли пораженія, учрежденія измѣнялись все въ прежнемъ направленіи, и никто не догадывался, что прославленная на всю Европу французская централизація власти и есть почти единственная причина всѣхъ насильственныхъ переворотовъ, которымъ столь часто подвергалась Франція. *Le royaume est mort, vive la republique! La republique est morte, vive l'empire! L'empire est mort, vive le royaume!* Эти возгласы повторялись поочередно милліонами голосовъ, а администрація, даже личный составъ ея, оставалась почти та же, и та же машина приводила въ движеніе всю правительственную систему. Всѣ — и королевство, и республика, и имперія—старались лишь о правильномъ, мѣрномъ ходѣ централизаціоннаго механизма, и жертвовали въ пользу этой правильности свободнымъ развитіемъ національной жизни во всемъ ея роскошномъ и прихотливомъ разнообразіи; главную основу свободы—мѣстное самоуправленіе—всѣ гнали, и иногда съ такою яростію, какъ будто земское дѣло есть смертельный врагъ свободы. Въ настоящее время, централизація во Франціи доведена до такой степени, что министръ внутреннихъ дѣлъ, чрезъ посредство префектовъ и меровъ (сельскихъ и городскихъ) заправляетъ всѣми распоряженіями даже полевыхъ сторожей и общинныхъ пастуховъ. Мировые судьи тоже назначаются правительственными властями. Французъ свободенъ только во время поголовной подачи голосовъ, оттого-то и выборы во Франціи всегда рѣшаютъ не вопросъ о направленіи будущей политики, но вопросъ о существованіи всей правительственной системы и всѣхъ политическихъ правъ народа. Въ Англіи или Соединенныхъ Штатахъ, и вездѣ, гдѣ развито земское самоуправленіе, въ политическихъ выборахъ агитируются обыкновенно лишь нѣкоторые вопросы, требующіе въ данную минуту законодательной реформы,—во Франціи, напротивъ, избирателямъ предлагается простой вопросъ: за настоящую правительственную систему или противъ. Многіе публи-

цисты привыкли приписывать это печальное явленіе излишней живости и вѣтренности національнаго характера французовъ, но въ дѣйствительности въ этомъ фактѣ нѣтъ ничего особеннаго, чтобы не могло повториться и у другихъ народовъ. Въ самомъ дѣлѣ, если правительство захватываетъ въ свои руки не только его естественное право издавать законы и налагать подати, но и всю земскую жизнь, то оно же должно нести на себѣ отвѣтственность и за всѣ невзгоды, которыя выпадаютъ на долю гражданъ; — оттого-то всякій крестьянинъ, имѣющій зубъ противъ пастуха своей общины, хлопочетъ на выборахъ о низверженіи всего правительства, и ему рѣшительно все равно — императорское ли оно, или республиканское, или конституціонное: онъ знаетъ, что оно поддерживаетъ ненавистнаго ему пастуха, и спѣшитъ въ ряды оппозиціи.

Напоминая о «силѣ» и «подавленіи», Олливье, какъ видно, дурно понимаетъ необходимость измѣнить само настроеніе французскаго общества, понятіе французовъ о правительствѣ. Его слова вызываютъ искреннее одобреніе въ рядахъ друзей всякаго порядка, и страхъ или негодованіе въ рядахъ враговъ имперіи, они производятъ свое дѣйствіе, быть можетъ, весьма благопріятное для министерства, но они не успокоиваютъ страстей, не научаютъ людей терпимости и свободѣ—совсѣмъ напротивъ, они еще разъ убѣждаютъ французовъ, что правительство не можетъ существовать безъ того, чтобы кого-нибудь не подавить, чтобы надъ кѣмъ-нибудь не проявить свою силу, и что оно, сверхъ того, не только не стыдится такого своего положенія, но еще похваляется имъ, радуется своей могущественной, необузданной власти. Въ энергическихъ заявленіяхъ конституціоннаго министра французы слышатъ деспотическое: «за порядокъ я отвѣчаю», и если вѣрить газетѣ «Moniteur», то, какъ преслѣдованіе Рошфора, такъ и вся теорія Олливье о различіи между мнѣніемъ и дѣйствіемъ въ печати внушены министерству тѣми же устами, которыя брали на себя отвѣтственность за порядокъ. «Къ несчастію»—говоритъ «Moniteur», газета, преданная новому министерству — «приверженцы личнаго правленія (то-есть, Руэ и комп.) успѣли пробраться съ задняго хода къ императору и наговорить ему, что онъ, согласившись на всѣ либеральныя реформы, имѣетъ полное право требовать отъ новаго министерства, чтобы оно не дозволяло безнаказанно оскорблять его личность». Если это объясненіе справедливо, то преданная газета, обнародовавъ его, оказала министерству медвѣжью услугу: если Олливье началъ преслѣдованіе Рошфора не вслѣдствіе своихъ собственныхъ государственныхъ соображеній, а исключительно потому, что кто-то «успѣлъ пробраться съ задняго хода къ императору», то министръ несомнѣнно сыгралъ игру личнаго правительства и тѣмъ положилъ начало своему собственному паденію, какъ въ глазахъ импе-

ратора, такъ и въ глазахъ общества. Впрочемъ, Олливье и до вступленія въ министерство различалъ въ печати мнѣнія отъ дѣйствій, и Эмиль де-Жирарденъ напрасно упрекаетъ его, будто бы Олливье высказывался прежде въ пользу безусловной свободы печати.

22-го января, исправительный судъ парижской полиціи приговорилъ Рошфора къ шестимѣсячному тюремному заключенію и 3,000 франковъ штрафа. Вмѣстѣ съ Рошфоромъ подверглись тоже и такому же приговору еще двое сотрудниковъ «Марсельези»; къ тюремному же заключенію приговорены и многіе сотрудники газеты «Réforme», изъ которыхъ одинъ, Феликсъ Піа, бѣжалъ изъ предѣловъ Франціи, а другой, Верморель, подвергся диффамаціи со стороны Рошфора, заявившаго въ законодательномъ корпусѣ, что Верморель состоитъ будто бы въ тайныхъ сношеніяхъ съ полиціею или съ Руэ, «что все равно». Самъ Рошфоръ, въ свою очередь, обвиняется однимъ изъ его прежнихъ друзей, Гюставомъ Флурансомъ [1]) (Flourens) въ слабости воли и въ томъ еще, что онъ будто бы окруженъ агентами императорской полиціи. Въ этой перебранкѣ приняли участіе и другія радикальныя газеты въ Парижѣ, такъ что вся революціонная партія раздробилась бы окончательно на мелкіе кружки, еслибъ министерство не пустилось въ преслѣдованіе ея органовъ печати и тѣмъ не дало бы ей новаго повода къ дружному напору противъ правительства. Либеральная печать, начиная съ крайнихъ демократовъ и кончая буржуазіею, сильно негодуетъ на это обстоятельство, хотя значительная часть либераловъ поддерживала министерство въ палатѣ. Даже крайніе демократы, въ родѣ «непримиримыхъ» Гамбетты и Банселя, вовсе не держатъ стороны ревностныхъ республиканцевъ, какъ это доказало отсутствіе ихъ на похоронахъ Нуара. За то «Reveil» и обозвалъ ихъ «милыми болтунами» и «вралями» (blagueurs). Мы могли бы привесть еще множество другихъ столь же печальныхъ фактовъ изъ жизни французскихъ республиканцевъ и демократовъ въ настоящую критическую минуту, но мы полагаемъ, что и вышеприведенныхъ достаточно для того, чтобы убѣдить нашихъ читателей во внутреннемъ безсиліи ожесточенныхъ враговъ имперіи. Несомнѣнно, конечно, что «непримиримые» депутаты и органы печати служатъ честными представителями великаго дѣла и благородныхъ преданій, и хотя про нихъ нельзя сказать, что они запятнаны какими-либо преступленіями или ренегатствомъ, но они во всякомъ случаѣ повинны во многихъ нелѣпыхъ

---

[1]) Этотъ Флурансъ—сынъ извѣстнаго физіолога Флуранса; въ 1863 году онъ самъ читалъ лекціи въ Collége de France, съ каѳедры своего отца, и написалъ нѣсколько статей по вопросамъ физіологіи. Во время кандійскаго возстанія, Гюставъ находился въ рядахъ кандійскихъ инсургентовъ и пріобрѣлъ тамъ славу храбраго воина и горячаго приверженца національной независимости и свободы греческаго народа.

приключеніяхъ, необузданности воли, крайнемъ славолюбіи и фанатизмѣ старыхъ стремленій. Они—представители немилосерднаго мщенія за кровавыхъ жертвъ преступленія 2-го декабря 1861 года, но они не понимаютъ требованій новой жизни, которая стремится замѣнить демократическій деспотизмъ, основанный на голосованіи обманутаго и запуганнаго народа, правильнымъ представительнымъ правленіемъ чрезъ свободно избираемыхъ депутатовъ, и упроченіемъ свободы чрезъ передачу всѣхъ хозяйственно-административныхъ дѣлъ въ руки самихъ гражданъ, дѣйствующихъ въ своемъ кругу по предписаніямъ закона, но самостоятельно, безъ самовольнаго вмѣшательства правительственныхъ властей. Республика или монархія стоитъ во главѣ правленія—до этого земскимъ людямъ нѣтъ никакого дѣла;—новая жизнь требуетъ прежде всего полнаго и всесторонняго отдѣленія государственной власти отъ общественной, освобожденія общества отъ ложныхъ притязаній государства. Лѣвая партія въ законодательномъ корпусѣ могла бы много помочь новому министерству въ дѣлѣ возстановленія свободы во Франціи, еслибъ она серьезно занялась вопросомъ мѣстнаго самоуправленія; къ несчастію, она слишкомъ увлечена своею ненавистію къ Наполеону III, своею «милою болтовнею» и заигрываніемъ съ революціею, что у нея нѣтъ времени обдумать и понять свое положеніе и пріобрѣсть заслуживаемый ею авторитетъ въ законодательномъ корпусѣ.

Между тѣмъ, злобное отношеніе демократовъ къ новому министерству даетъ возможность консервативнымъ бонапартистамъ, сторонникамъ новаго *coup d'état*, поднять голову и испытывать свои силы надъ первымъ конституціоннымъ правительствомъ. По одному изъ важныхъ вопросовъ, этой «правой» сторонѣ удалось даже пріобрѣсть значительный, хотя и неполный, успѣхъ. 15-го января, законодательный корпусъ обсуждалъ свой новый уставъ; когда пренія подвинулись до 28-го параграфа, въ которомъ сказано, что «всякое предложеніе передается президенту, который даетъ о немъ знать законодательному корпусу и приказываетъ напечатать», вождь правой стороны, Жеромъ Давидъ, предложилъ прибавить: «въ случаѣ когда не былъ потребованъ и принятъ предварительный вопросъ». Изъ разсужденій по поводу этой поправки оказалось, что правая сторона хлопотала о возможности удалять изъ законодательнаго корпуса всѣ сужденія объ императорской конституціи, или другими словами, не дать министерству права напомнить его обѣщаніе о перенесеніи учредительныхъ правъ изъ сената въ законодательный корпусъ. Правда, поправка Давида отвергнута, но большинствомъ всего *пяти* голосовъ: 122-мя противъ 117. Это голосованіе ясно показываетъ, въ какомъ шаткомъ положеніи находится министерство, и какъ сильно нуждается оно въ поддержкѣ лѣвой стороны, чтобы съ успѣхомъ провести всѣ свои реформы.

И только шаткостію министерства въ палатѣ можно объяснить и постоянные слухи о разногласіи въ самомъ кабинетѣ, упорно державшіеся въ парижскихъ газетахъ до самаго послѣдняго времени. Недавно (28-го) «Constitutionnel» заявила, наконецъ, что «между всѣми членами министерства существуетъ полнѣйшее согласіе относительно всѣхъ вопросовъ, которые могутъ занимать *въ настоящее время* министровъ, — согласіе безусловное». Это заявленіе имѣетъ свою важность, но оно не можетъ служить ручательствомъ тому, что завтра же не возникнутъ какіе-нибудь новые вопросы, въ силу которыхъ согласіе министровъ обратится изъ безусловнаго въ условное, или просто въ несогласіе. Приверженцы Давида, Руэ, и другихъ сторонниковъ личнаго правленія не дремлютъ между тѣмъ, и стараются внушить публикѣ, что императоръ принялъ министерство Олливье лишь какъ «опытъ». Это злое словцо до того часто появляется на столбцахъ «Pays», «Public», и другихъ бонапартистскихъ газетъ, что уже начинаетъ не на шутку тревожить буржуазныхъ либераловъ, и одинъ изъ нихъ, Прево-Парадоль, даже выступилъ въ походъ противъ этой «диффамаціи» императора. Внушать публикѣ, что императоръ намѣренъ взять назадъ конституціонализмъ, значитъ, по мнѣнію Прево-Парадоля, наносить имперіи «послѣдній ударъ». Однако, этотъ писатель допускаетъ, что въ настоящее время правительство дѣйствительно совершаетъ опытъ, но не надъ парламентаризмомъ, а надъ безусловною свободою печати; смѣшивать же эти «двѣ вещи, совершенно отличныя другъ отъ друга» (deux choses fort differentes), никакъ не слѣдуетъ. Подобно Олливье, Прево-Парадоль тоже говоритъ объ «излишествахъ» безграничной свободы печати, и ему кажется, что эта свобода можетъ до того «встревожить публику, что она потеряетъ всякое терпѣніе и принудитъ правительство къ преслѣдованіямъ» журналистовъ; онъ нисколько не сомнѣвается въ томъ, что новый законъ о передачѣ процессовъ по дѣламъ печати въ судъ присяжныхъ поможетъ публикѣ подвергнуть писателей суровымъ приговорамъ [1]) (condamner avec rigueur), и прибавляетъ великодушно: «мы, можетъ быть, пожалѣемъ объ этомъ». Но если публика будетъ преслѣдовать печать, изъ этого никакъ не слѣдуетъ, по мнѣнію Прево-Парадоля, что ей не нравится и парламентарный образъ правленія [2]). Удивительное легкомысліе! Прево-Парадоль только и видитъ, что пресса занимается соціализмомъ, да оскорбле-

---

[1]) Къ сожалѣнію, Прево-Парадоль правъ, такъ какъ судъ присяжныхъ въ Парижѣ не можетъ служить защитникомъ свободы печати уже по той простой причинѣ, что въ присяжные засѣдатели попадаютъ лишь весьма немногіе люди (на два милліона жителей двѣ тысячи), да и тѣ утверждаются лишь послѣ многократныхъ повѣрокъ со стороны правительственныхъ агентовъ.

[2]) См. Journal des Débats, 25-го января 1870.

ніями императора; ему и въ голову не приходитъ, что лишить страну цѣлой группы талантливыхъ писателей, значитъ не только придавить представительство въ одномъ изъ его проявленій, но и возбудить всѣхъ сторонниковъ этихъ писателей къ той отчаянной оппозиціи противъ угнетенія, которая возбуждается въ людяхъ всякій разъ, когда ихъ лишаютъ возможности высказывать свои мысли. Процессы по дѣламъ печати были главною причиною погибели парламентаризма іюльской монархіи. Представительный образъ правленія только тогда хорошъ и проченъ, когда онъ поддерживается твердымъ общественнымъ мнѣніемъ, а развѣ общественное мнѣніе можетъ пріобрѣсть какую-нибудь органическую, спокойную силу въ государственной и общественной жизни страны, если главное орудіе его проявленія — печать — не пользуется полною свободою? Исторія Англіи, этой классической страны конституціоннаго образа правленія, превосходно доказываетъ, что свобода печати есть необходимый спутникъ конституціонализма, и что всякое пріобрѣтеніе, сдѣланное печатью на пути свободы, тотчасъ же отзывается и соотвѣтственнымъ успѣхомъ въ развитіи конституціонализма. Еще Мильтонъ, слишкомъ два столѣтія тому назадъ, отлично понималъ эту взаимную связь между свободою печати и свободнымъ правительствомъ; никакихъ «излишествъ» печати онъ не находилъ. Не Рошфоръ вызвалъ двухсотъ-тысячную толпу на похороны Нуара, и не Пьера Бонапарте преступленіе, а всѣ тѣ злоупотребленія второй имперіи, которыя давно безпокоили совѣсть честныхъ гражданъ и возбуждали въ нихъ негодованіе противъ наполеоновскаго порядка вещей. Гнусное преступленіе императорскаго кузена послужило лишь искрою для пороховаго магазина всеобщаго негодованія противъ прежнихъ дѣлъ бонапартовскаго владычества.

Кромѣ умерщвленія Нуара и статей Рошфора, министерство Оливье вынесло въ послѣднее время еще одно «journée» — стачку рабочихъ въ Крёзо. Стачка эта, какъ всѣ стачки, прошла бы совершенно спокойно, затронувъ интересы лишь хозяевъ и рабочихъ, но хозяиномъ оказался не кто иной, какъ предсѣдатель законодательнаго корпуса, Шнейдеръ. Враги правительства воспользовались этимъ случаемъ, чтобы имѣть предлогъ перенести на правительство отвѣтственность и за дурныя отношенія между хозяевами и рабочими. Нѣкоторыя газеты стали распространять слухи, что императоръ будто бы написалъ письмо къ Шнейдеру съ совѣтомъ не уступать требованіямъ рабочихъ, и что съ исключительною цѣлью поддержать фирму Шнейдера въ Крёзо отправлено было до 3 тысячъ солдатъ, пѣшихъ и конныхъ. Многіе говорили въ Парижѣ, что посланные въ Крёзо нумера газеты «Марсельезы» и другихъ республиканскихъ органовъ печати будто бы захвачены правительственнымъ агентомъ на станціи желѣзной дороги. Еще другіе увѣряли рабочихъ, что главный ру-

водитель стачки въ Крёзо, рабочій Асси, будто бы арестованъ и вывезенъ изъ взволновавшейся мѣстности. Кромѣ этихъ нелѣпыхъ сказокъ, на умы парижскихъ рабочихъ много вліяли не менѣе нелѣпыя нападенія буржуазныхъ газетъ на Асси и всѣхъ стакнувшихся рабочихъ, а также дѣйствительное вступленіе ліонскихъ пѣхотинцевъ и уланъ въ Крёзо. Къ счастію, Шнейдеру удалось убѣдить рабочихъ прекратить стачку и вновь приняться за свое дѣло. Въ законодательномъ корпусѣ, Олливье и Шевандье де-Вальдромъ подверглись справедливымъ упрекамъ демократовъ Эскиросы и Гамбетты за привлеченіе войска въ Крёзо; они отвѣчали, что признаютъ полное равенство между хозяевами и рабочими, и что призвали войско лишь для того, чтобы, въ случаѣ надобности, подавить угрозы, происки и насилія. Но вѣдь это дѣло полиціи, а не войска. Рабочіе (числомъ до 3,000) вели себя превосходно, и самъ Асси требовалъ, чтобы они сохраняли порядокъ и не нарушали общественнаго спокойствія. Есть слухъ, что нѣсколько уланъ вошли-было въ соглашеніе съ стакнувшимися рабочими, и что этихъ уланъ арестовали и отправили въ Ліонъ, гдѣ ихъ предадутъ военному суду. Вотъ еще новое насиліе, и новый поводъ къ политическимъ волненіямъ.

Недовѣріе къ благоразумію и добрымъ чувствамъ рабочихъ людей всегда служило характеристическою чертою французскихъ правительствъ, даже республиканскихъ, и въ этомъ-то недовѣріи слѣдуетъ искать значительную долю недоразумѣній между государственною властію и рабочими во Франціи. Наговорить рабочимъ цѣлую массу звонкихъ фразъ о равенствѣ и братствѣ, наобѣщать имъ множество льготъ — на это находилось много охотниковъ въ кругахъ всѣхъ партій; но дать имъ то, на что они имѣютъ неотъемлемое право, напримѣръ, полную свободу стачекъ, учрежденія рабочихъ союзовъ и всякаго рода артелей — на это согласны весьма немногіе даже изъ республиканцевъ, исповѣдующихъ коммунистическую теорію о личной собственности. И все это происходитъ отъ того, что стачка, рабочіе союзы и производительныя артели воспитываютъ личную независимость и общественную солидарность, основанную на общности матеріальныхъ интересовъ, между тѣмъ какъ всѣ французскія политическія партіи видятъ въ рабочихъ лишь превосходное орудіе для достиженія своихъ узкихъ цѣлей. Всѣ эти партіи деспотичны: онѣ стремятся такъ или иначе подчинить себѣ рабочихъ. Если принять теорію британскихъ государственныхъ людей и политическихъ философовъ о политическихъ партіяхъ, то всѣхъ французскихъ агитаторовъ, начиная съ красныхъ и заканчивая синими, пришлось бы признать консерваторами. Въ самомъ дѣлѣ, англичане (Милль, Гладстонъ и друг.) дѣлятъ всѣхъ политиковъ на такихъ, которые довѣряютъ народу, и на такихъ, которые недовѣряютъ,—первыхъ они называютъ либералами или радикалами,

вторыхъ—консерваторами. Англійскій либералъ, въ случаяхъ столкновеній народа съ государственными властями, прежде всего спрашиваетъ, какой видъ недовольства побудилъ гражданъ нарушить общественный порядокъ, и, узнавъ существенную причину недовольства, тотчасъ же старается удалить ее, хотя недовольство обнаружилось насиліемъ противъ того, что самъ либералъ привыкъ уважать. Французскіе политики, напротивъ, не могутъ терпѣть никакихъ «безпорядковъ», направленныхъ противъ чего-нибудь такого, что имѣетъ въ ихъ собственныхъ глазахъ какую-либо важность. Возьмите, напримѣръ, преступленіе Пьера Бонапарте,—что сказали объ этомъ преступленіи такія крайнія республиканскія газеты, какъ «Réveil» или «Réforme», которыя каждый день твердятъ властямъ о гуманности, о правахъ человѣка? Объ этомъ преступленіи идетъ судебное слѣдствіе, но о немъ въ публикѣ существуютъ два разсказа, крайне противорѣчивые: одинъ—самого Бонапарта, другой—друга Нуара. «Réveil» и «Réforme» уже рѣшили, что разсказъ Нуарова друга вѣренъ вполнѣ и хлопочать лишь о строгости наказанія. Сравнивъ преступленіе принца съ преступленіемъ герцога де-Пралэна (de Praslin), «Réveil» говоритъ: «Перъ Франціи избѣгъ эшафота посредствомъ самоубійства. Бонапарте слѣдуетъ, по крайней мѣрѣ, одѣть въ платье галернаго каторжника. На галеры, жалкая тварь!» *Réforme*, настаивая на томъ, что принца Мюрата (преданнаго суду за то, что онъ приказалъ своимъ слугамъ поколотить подрядчика Конта), слѣдуетъ посадить въ одну тюрьму съ Бонапартомъ, утверждаетъ, что въ противномъ случаѣ, «всякій честный человѣкъ имѣетъ право и *обязанность* убить его какъ собаку, гдѣ бы съ нимъ ни встрѣтился». Если такъ говорятъ передовые образованные люди во Франціи, то чего же ожидать отъ остальныхъ? Только глубокія соціальныя и политическія реформы, и непремѣнно свободная печать могутъ помочь этому хаотическому состоянію умовъ во Франціи.

Англійскіе государственные люди продолжаютъ идти въ Ирландіи путемъ широкихъ реформъ, въ которыхъ они видятъ единственное вѣрное средство противъ феніянизма и аграрныхъ убійствъ. 21-го января, Гладстонъ издалъ циркуляръ, въ которомъ извѣщаетъ всѣхъ членовъ парламента, что такъ какъ парламентъ откроется 8-го февраля, и въ первые же дни будетъ представлено ему «дѣло великой государственной важности», то членамъ слѣдовало бы поспѣшить въ Лондонъ ко дню открытія засѣданій. Это дѣло великой государственный важности—есть, конечно, билль о поземельныхъ отношеніяхъ между землевладѣльцами и земледѣльцами въ Ирландіи. Такъ, по крайней мѣрѣ, извѣщали своихъ избирателей другіе два министра: Форстеръ въ Брэдфордѣ, и Брайтъ въ Бирмингамѣ. Кромѣ

ирландскаго билля, Форстеръ обѣщалъ провесть, въ нынѣшнемъ же году, широкій билль о народномъ образованіи, законъ о признаніи рабочихъ союзовъ законными обществами, объ ограниченіи правъ на продажу крѣпкихъ напитковъ, о введеніи тайной баллотировки на парламентскихъ выборахъ, объ уничтоженіи университетскихъ присягъ— этого послѣдняго слѣда варварскихъ временъ религіозной нетерпимости. Брайтъ полагаетъ, что въ нынѣшней сессіи парламенту не удастся провести всѣхъ этихъ мѣръ, а только которую-либо изъ нихъ, кромѣ, разумѣется, ирландскаго поземельнаго билля, имѣющаго играть въ текущемъ году такую же важную роль, какую игралъ въ прошломъ году билль объ отмѣнѣ государственной церкви въ Ирландіи.

Въ Австріи министерскій кризисъ окончился торжествомъ нѣмецкихъ централистовъ, и сторонники примиренія съ чехами и поляками: графъ Шаафе, Бергеръ и Потоцкій, вышли въ отставку, а новое министерство, составилось подъ предсѣдательствомъ Гаснера, хотя главныя роли будутъ въ немъ играть, конечно, Гискра и Гербстъ. Обѣ партіи министерства, прежде отставки графа Шаафе, составили свои меморандумы, изъ которыхъ оказывается, что уволенные министры предлагали императору войти въ соглашеніе съ чехами и окончательно отказаться отъ преобладанія нѣмцевъ надъ другими національностями въ Цислейтаніи,—они утверждаютъ, что въ противномъ случаѣ правительству придется управлять въ чешскихъ земляхъ посредствомъ «исключительныхъ мѣръ». Этого мало, — «кто можетъ поручиться въ томъ—спрашиваютъ они—что провозглашеніе осаднаго положенія не станетъ необходимымъ и въ другихъ провинціяхъ? И откуда большинство (то-есть, остальные министры прежняго кабинета) почерпаетъ увѣренность въ томъ, что внѣшнія отношенія государства дадутъ ему достаточно долгій досугъ для того, чтобы покорить сопротивленіе мало-по-малу и постепенно». Большинство, напротивъ, совѣтуетъ императору возложить надежды на нѣмцевъ, такъ какъ изъ всѣхъ національностей, входящихъ въ составъ Цислейтаніи, нѣмцы составляютъ не только наиболѣе многочисленную, но также «наиболѣе сильную по своей умственной и матеріальной культурѣ и наиболѣе опасную по политическимъ отношеніямъ къ своему племени». Противъ притязаній поляковъ въ Галиціи меморандумъ большинства ставитъ справедливыя притязанія русиновъ;—мало того, дать Галиціи самостоятельное положеніе значитъ, по мнѣнію нынѣшнихъ министровъ Австріи, принять на себя, въ числѣ другихъ послѣдствій подобной политики, и «возможность столкновенія съ Россіею, которое подвергнетъ серьезной постановкѣ вопроса о соединеніи Галиціи съ Австріею». Что касается до чеховъ, меморандумъ большинства находитъ рѣшительно невозможнымъ засыпать зіяющую бездну между

конституціею и такъ-называемою «декларацiею», отъ которой чешская оппозиція не отступается пока ни на одинъ шагъ». Министры не хотятъ федерализма и увѣрены въ томъ, что имъ удастся примирить всѣ цислейтанскія національности съ конституціею, стоитъ только издать новые избирательные законы, въ силу которыхъ депутаты вѣнскаго парламента будутъ посылаться въ парламентъ не мѣстными сеймами, а прямо самими избирателями, которые въ настоящее время избираютъ лишь членовъ мѣстныхъ сеймовъ. Будущее покажетъ—оправдаются ли надежды министерства на всемогущество избирательныхъ законовъ, теперь же можно развѣ сказать, что торжество большинства имѣетъ и хорошую сторону: вѣрность императора конституціи и прочность всѣхъ реформъ, произведенныхъ при помощи этой конституціи. Далматское возстаніе прекратилось.

Въ Италіи министерскій кризисъ призвалъ къ кормилу правленія Ланцу съ министромъ финансовъ Селлою, и министромъ иностранныхъ дѣлъ Висконти-Веностою; другіе министры принадлежатъ къ той же скорѣе консервативной, чѣмъ либеральной партіи, нисколько не отличающейся отъ партіи прежняго министерства генерала Менабреа. Почему и зачѣмъ состоялись эти перемѣны министерства, сказать трудно, такъ какъ нынѣшніе министры точно также, какъ и прежніе, станутъ хлопотать лишь о томъ, какъ бы найти новый источникъ налоговъ, чтобы удержать армію и флотъ въ томъ же, несоразмѣрномъ со средствами Италіи, числѣ и положеніи. Вопросъ о Римѣ тоже нисколько не подвинется отъ того, что подъ дипломатическими нотами, посылаемыми въ Парижъ, будетъ стоять двойная фамилія Висконти-Веносты. Французскій министръ уже заявилъ, что Франція будетъ охранять папу во все время засѣданій вселенскаго собора, а это можетъ продлиться нѣсколько лѣтъ. Епископы любятъ разсуждать о матеріяхъ важныхъ; одинъ догматъ о непогрѣшимости папы вызвалъ, въ продолженіи какихъ-нибудь двухъ мѣсяцевъ, цѣлую литературу по этому вопросу, и все-таки нѣтъ никакой возможности предвидѣть, въ какую сторону склонится большинство съѣхавшихся въ Римъ епископовъ. Мы знаемъ только, что во главѣ оппозиціи стоятъ орлеанскій, парижскій и вѣнскій архіепископы, что значительная часть нѣмецкихъ, почти двѣ-трети французскихъ и почти всѣ венгерскіе епископы возстаютъ противъ провозглашенія новаго догмата. О современномъ положеніи политическихъ партій въ Италіи, и о ролѣ, которую играетъ итальянская пресса въ ихъ борьбѣ—читатели найдутъ ниже подробности у нашего корреспондента.

Въ Испаніи республиканцы, въ лицѣ своего вождя Кастеляра, предлагали кортесамъ заявить разъ навсегда, что ни одинъ членъ изъ

дома Бурбоновъ не можетъ вступить на испанскій престолъ. Примъ заявилъ, по этому случаю, что ни королева Изабелла, ни сынъ ея, принцъ астурійскій, никогда не займутъ вновь испанскаго престола, и что такъ какъ предложеніе республиканцевъ направляется, слѣдовательно, противъ одного герцога Монпансье, котораго поддерживаетъ лишь одинъ министръ, адмиралъ Топете, оказавшій великія услуги странѣ во время ея послѣдней революціи противъ Изабеллы, то одно приличіе требуетъ не издавать особыхъ законовъ противъ герцога Монпансье. Палата согласилась съ мнѣніемъ министра и отвергла предложеніе Кастеляра, 24-го января, 150-ю голосами противъ 37. Герцогъ Монпансье пытался въ двухъ мѣстахъ, Овіедо и Авилесѣ, поставить свою кандидатуру въ мадридскій парламентъ, но неудачно— и тамъ и тутъ побѣда выпала на долю другихъ монархистскихъ депутатовъ. Вообще, нынѣшніе выборы въ Испаніи дали значительный перевѣсъ приверженцамъ возстановленія монархіи.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ ФЛОРЕНЦІИ.

Январь, 1870.

Политическія партіи въ итальянскомъ парламентѣ и въ печати.

Министерскій кризисъ миновалъ въ Италіи уже съ мѣсяцъ тому назадъ, но предвидѣть, когда и чѣмъ окончится здѣсь борьба различныхъ партій,—все еще нѣтъ никакой возможности. Мы снова имѣемъ министерство, но оно въ одинаковой мѣрѣ нуждается какъ въ разумной поддержкѣ, такъ и въ хорошо организованной оппозиціи,—въ этихъ двухъ противоположныхъ, но столь необходимыхъ для правильнаго отправленія конституціонной дѣятельности, элементахъ. Самый способъ, какимъ составилось министерство Ланцы и Селлы, служитъ одной изъ главныхъ къ тому причинъ.

Чтобы поддержка и оппозиція, каждая со своей стороны, могли имѣть характеръ точный и опредѣленный, необходимо прежде всего, чтобъ министерство, съ которымъ онѣ борются или дѣйствуютъ за одно, тоже отличалось опредѣленностью и точностью своихъ взглядовъ и убѣжденій. Посмотримъ, на какихъ нравственныхъ и политическихъ началахъ воздвиглось министерство Ланцы и Селлы, и какое значеніе можетъ оно имѣть для Италіи при существующемъ въ ней порядкѣ вещей.

Джіованни Ланца, родомъ изъ Пьемонта, при вступленіи своемъ на политическое поприще, пользовался незавидной репутаціей весьма посредственнаго медика. Но покойный графъ Кавуръ при составленіи кабинета обыкновенно предпочиталъ всѣмъ другимъ такихъ министровъ, которые, не компрометтируя его слишкомъ смѣлымъ и оригинальнымъ образомъ дѣйствій, ограничивались чисто-бюрократической дѣятельностью и, машинально занимаясь разными административными мелочами, ни въ чемъ не касались сущности дѣла. Онъ въ этомъ отношеніи походилъ на нашихъ знаменитыхъ актеровъ и актрисъ, которые любятъ окружать себя на сценѣ самыми жалкими комедіантами, съ цѣлью ярче выставить собственные таланты и достоинства. Не мудрено послѣ этого, если докторъ Джіованни Ланца, не умѣвшій даже правильно писать имени своего отечества (онъ постоянно писалъ *Itaglia*, вмѣсто *Italia*) былъ назначенъ министромъ народнаго просвѣщенія. А нынѣ мы видимъ его во главѣ государственнаго совѣта, распоряжающагося судьбой всего Итальянскаго королевства. Нами невольно овладѣваетъ чувство нѣкотораго стыда и негодованія при мысли, что столь важный постъ занятъ въ настоящую минуту въ нашемъ отечествѣ такою ничтожною личностью. Подобное явленіе можетъ быть объяснено развѣ только превратностями политическихъ судебъ.

По смерти Кавура, синьоры Ланца, Ламармора и Кіавесъ, съ немногими другими, считались въ Піемонтѣ естественными наслѣдниками политики великаго графа, но это не потому, чтобы они заимствовали у него частицу его генія, а единственно вслѣдствіе того, что долгое время вращались около него. Что политика графа Кавура находилась въ неразрывной связи съ его геніемъ, и что подражать ей, не обладая обширными способностями покойнаго министра, можетъ въ концѣ концовъ оказаться не только пустымъ, но и вреднымъ донъ-кихотствомъ,—это, повидимому, никому и въ голову не приходило. Вслѣдствіе того, *политическіе наслѣдники* Кавура, окруженные ореоломъ его славы, всегда пользовались большимъ почетомъ со стороны массы, а въ парламентѣ, куда являлись въ качествѣ *продолжателей политики графа*, постоянно играли важную роль. Кавуръ умеръ въ 1861 году, и съ тѣхъ поръ по настоящій моментъ четыре событія одно за другимъ успѣли доказать несостоятельность трехъ правительственныхъ партій, считавшихъ себя вправѣ конкуррировать съ пьемонтской партіей кавуристовъ. Аспромонте и Ментана сразили Раттацци; сентябрьская конвенція 1864-го года и сентябрьскія же смуты въ Туринѣ сдѣлали невозможнымъ дальнѣйшее господство кабинета Перуцци - Спавенто - Мингетти; злоупотребленія, совершенныя графомъ Камбре Диньи въ операціяхъ съ табакомъ, нанесли правительственной тосканской партіи ударъ, отъ котораго ей нелегко будетъ опра-

виться. Правда, что пораженіе при Кустоцѣ совершилось на глазахъ пьемонтскаго генерала Ламарморы, а пораженіе при Лиссѣ было прямымъ послѣдствіемъ невѣжества другого пьемонтца, Персано, но во главѣ министерства, на котораго главнымъ образомъ падала отвѣтственность въ потерпѣнныхъ неудачахъ, стоялъ въ то время тосканецъ Рикасоли. Персано былъ наказанъ, а Венеція все-таки присоединена къ Итальянскому королевству, преимущественно стараніями Ламарморы, благодаря заслугамъ котораго состоялся союзъ съ Пруссіей, наиболѣе содѣйствовавшій этому присоединенію. Такимъ образомъ, пьемонтская партія кавуристовъ была, вообще говоря, мало скомпрометтирована политическими событіями послѣднихъ девяти лѣтъ. Но сила ея и авторитетъ особенно возрасли въ двухлѣтіе, въ теченіи котораго во главѣ итальянскаго правительства стояли графы Менабреа и Камбре Диньи. Со времени сентябрьской конвенціи 1864 г., то-есть со времени перенесенія столицы изъ Турина во Флоренцію, изъ рядовъ приверженцевъ правительства выбыло значительное число пьемонтскихъ депутатовъ, которые подъ предлогомъ, будто желаютъ, чтобы столица была перенесена не во Флоренцію, а въ Римъ, перешли на сторону оппозиціи. Вслѣдъ затѣмъ въ Туринѣ составилось цѣлое большое политическое общество, получившее названіе партіи *постоянной* (permanente), такъ какъ имѣло въ виду *постоянную* столицу, которая, по его мнѣнію, продолжала пребывать въ Туринѣ, несмотря на то, что правительство находилось во Флоренціи. Люди, подобные сенатору Санъ-Мартино и депутату Феррарисъ, бывшіе не только защитниками существующаго порядка вещей, но даже реакціонерами, тутъ вдругъ объявили себя либералами, и въ парламентѣ, за одно съ лѣвой стороной, начали громить всякое новое министерство, если оно составлялось изъ приверженцовъ умѣренной партіи. Но сама партія *постоянной* (столицы), возникшая изъ мелкихъ, муниципальныхъ интересовъ, не замедлила выказать такой недостатокъ искренности, который въ самомъ скоромъ времени уронилъ ее въ общественномъ мнѣніи. Наконецъ, одинъ изъ главныхъ предводителей ея, Луиджи Феррарисъ, видя, какъ авторитетъ ея все болѣе и болѣе уменьшается, вздумалъ положить ей конецъ благовиднымъ образомъ, а главное, самому себѣ пріобрѣсти министерскій портфель. Съ этою цѣлью онъ поспѣшилъ сблизиться съ графомъ Диньи, который со своей стороны встрѣтилъ его на половинѣ дороги, въ надеждѣ посредствомъ этого одного человѣка привлечь на свою сторону всю партію *постоянной*. Но депутатъ Феррарисъ, отвѣчавшій за готовность своихъ товарищей присоединиться къ правительственной партіи, и графъ Диньи, повѣрившій ему на слово, оба жестоко ошиблись въ своемъ разсчетѣ. Феррарисъ получилъ портфель министра внутреннихъ дѣлъ, а партія *постоянной* по прежнему осталась на сторонѣ оппозиціи. Сенаторъ

Санъ-Мартино, побуждаемый завистью къ своему болѣе ловкому бывшему товарищу, воспользовался первымъ удобнымъ случаемъ возвести на Феррариса обвиненіе въ томъ, будто онъ измѣняетъ *либеральному началу*, и тѣмъ самымъ окончательно возбудилъ къ нему недовѣріе всей своей партіи.

Но если графу Диньи не посчастливилось въ этомъ случаѣ, за то его старанія уничтожить другую, безпокоившую его партію увѣнчались полнымъ успѣхомъ. То была, такъ-называемая, средняя партія, состоявшая всего изъ четырехъ лицъ и ихъ главы, которые постоянно подавали голосъ въ пользу министерства, но въ тоже время ежедневно угрожали, если на ихъ требованія не будетъ обращено должное вниманіе, отпасть отъ правительственной партіи и составить вокругъ себя новый оппозиціонный кружокъ. Самыми дѣятельными членами этой гомеопатической, но безпокойной, партіи, были Анджело Бартони и Чезаре Корренти. Графы Диньи и Менабреа предложили первому министерскій портфель, и такъ-называемая средняя партія мгновенно слилась съ партіей правительственной, оставляя впрочемъ за собой право при первомъ удобномъ случаѣ снова выдти на свѣтъ божій и вернуться къ самостоятельному образу дѣйствій.

Между тѣмъ, какъ центръ и партія *постоянной* подвергались этимъ измѣненіямъ, правая сторона, или такъ-называемая правительственная партія, тоже не осталась въ покоѣ, и въ ней начали возникать разногласія. Составился небольшой кружокъ весьма умѣренныхъ депутатовъ, по бóльшей части пьемонтцевъ и кавуристовъ, которые объявили себя противниками внутренней политики графовъ Менабреа и Диньи, считая ее безнравственной и въ высшей степени гибельной для страны. Между этими новыми отщепенцами главную роль играли бывшіе министры Квинтино Селла, Джіованни Ланца, Дезидерато, Кіавесъ и Доменико Берти, всѣ родомъ изъ Пьемонта. Они громко возмущались финансовыми и административными мѣрами, къ какимъ счелъ нужнымъ прибѣгнуть министерство Менабреа и Диньи. Тотъ самый Квинтино Селла, который первый подалъ мысль о налогѣ на муку, теперь вдругъ возвысилъ въ парламентѣ голосъ противъ закона, изданнаго по этому случаю графомъ Диньи. Стараясь чѣмъ-нибудь объяснить такую странную измѣнчивость въ своемъ образѣ мыслей, онъ особенно напиралъ на дурное примѣненіе этого закона къ дѣлу. Докторъ Ланца съ своей стороны объявилъ войну графу Диньи за его предпріятіе съ табакомъ. Не умѣя логическими доводами доказать несостоятельность мѣры, дѣйствительно гибельной для страны, онъ ограничился громкими криками противъ ея безнравственности, и тѣмъ самымъ дешевой цѣной пріобрѣлъ себѣ репутацію человѣка честнаго, прямодушнаго и неподкупнаго. На него стали смотрѣть, какъ на личность, характеръ которой заслуживалъ полнаго довѣрія, и онъ боль-

льшинствомъ голосовъ лѣвой стороны и отчасти правой былъ избранъ въ президенты палаты депутатовъ. Министерство Менабреа и Диньи, теряя надежду одержать верхъ надъ своими противниками, подало въ отставку, а король Викторъ-Эммануилъ, основываясь на мнѣніи палаты, указывавшей ему на доктора Ланцу, какъ на человѣка вполнѣ заслуживающаго его довѣрія, поручилъ ему составить новый кабинетъ. Но для составленія кабинета необходимо имѣть опредѣленный образъ мыслей и носить въ головѣ ясную и отчетливую программу своихъ будущихъ дѣйствій. Благонамѣренный докторъ Ланца, правда, выражалъ твердое намѣреніе спасти страну съ помощью хорошой администраціи и строгой экономіи, но отъ такого рода общихъ мѣстъ до дѣла еще далеко. Въ теченіи двухъ недѣль онъ усердно трудился надъ выполненіемъ возложенной на него задачи, но всѣ усилія его не привели ровно ни къ какому результату. Тогда ему ничего болѣе не осталось какъ уступить мѣсто Квинтино Селлѣ и Чіальдини, къ которымъ король послѣ него обратился съ предложеніемъ дать Италіи новое министерство. Генералъ Чіальдини дѣйствительно составилъ кабинетъ и, окрестивъ его именемъ Селлы и Ланца, самъ благоразумно удалился со сцены. Пусть толкуютъ, что въ новомъ министерствѣ Квинтино Селла представляетъ голову, или умъ, а Джіованни Ланца сердце, или характеръ,—по нашему мнѣнію, плохое предзнаменованіе для кабинета, что во главѣ его стоятъ двѣ личности, долженствующія какъ бы пополнять одна другую.

Трудно себѣ представить, чтобъ два несовершенные человѣка могли составить нѣчто цѣльное, законченное и вполнѣ самостоятельное,—могли бы до такой степени слиться, чтобъ дѣйствовать всегда дружно, имѣя въ виду постоянно одну и ту же цѣль. Практическаго ума, какимъ славится Селла, и твердаго характера, какой приписывается Ланцѣ, врядъ-ли хватитъ на тѣ геройскія усилія и предпріятія, которыя одни въ настоящую минуту могутъ спасти наши финансы, достигшіе крайне плохого состоянія. Прошлый 1869 годъ заключился дефицитомъ въ 175 милліоновъ франковъ, которые увеличили собой нашъ, и безъ того значительный, національный долгъ. Новый министръ финансовъ, Квинтино Селла, ни мало не обманывается на счетъ трудностей, съ какими ему предстоитъ бороться. Напротивъ, онъ своимъ взглядомъ на вещи сильно напоминаетъ хирурга, преувеличивающаго опасность, въ которой находится больной, съ цѣлью приготовить его къ тягостной операціи. Селла угрожаетъ новыми налогами и въ тоже время обѣщаетъ заняться изысканіемъ средствъ, которыя могли бы побудить гражданъ къ наискорѣйшей уплатѣ старыхъ. Но этого еще недостаточно; ходятъ слухи о разныхъ экономическихъ мѣрахъ, къ какимъ намѣрено прибѣгнуть правительство для поправленія разстроенныхъ финансовъ. Ланца обѣщается на половину уменьшить расходы по министерству внутрен-

нихъ дѣлъ. Генералъ, Говоне одинъ изъ приверженцевъ Ламарморы, нынѣшній военный министръ, сначала предполагалъ сдѣлать тоже и, при вступленіи своемъ въ министерство, во всеуслышаніе объявилъ о своемъ намѣреніи. Но теперь, поближе познакомившись съ дѣломъ, онъ рѣшительно не знаетъ, какъ ему приняться за выполненіе своего обѣщанія. Военное министерство въ обыкновенное время ежегодно стóитъ государству болѣе 140 милліоновъ франковъ. Уменьшивъ на половину эту сумму, можно легко возбудить неудовольствіе въ войскѣ; съ другой стороны, новому военному министру нельзя также и оставить безъ вниманія требованій кабинета, къ которому онъ принадлежитъ. Изъ этого видно, что положеніе генерала Говоне въ настоящую минуту далеко незавидное. Да и всему министерству, видѣвшему въ экономіи единственное спасеніе, врядъ-ли удастся уменьшить расходы казны болѣе чѣмъ на какой-нибудь несчастный милліонъ. Въ Италіи уже начинаютъ это понимать и многіе съ неудовольствіемъ повторяютъ слова, которыми Шекспиръ озаглавилъ одну изъ своихъ комедій: *Много шуму изъ пустяковъ.*

Кромѣ финансовъ, составляющихъ камень преткновенія, о который за послѣдніе годы разбивались всѣ мудрыя соображенія нашихъ министерствъ, новому кабинету придется еще бороться съ трудностями чисто политическаго свойства. Надежды его встрѣтить сильную поддержку въ палатѣ депутатовъ, если онѣ и существуютъ, врядъ-ли могутъ исполниться. Джіованни Ланца нынѣ занимаетъ постъ президента совѣта, благодаря лѣвой сторонѣ парламента, которая въ прошломъ ноябрѣ избрала его президентомъ палаты депутатовъ. Но онъ при составленіи своего кабинета рѣшительно упустилъ это изъ виду. У него не хватило такта выбрать себѣ въ товарищи и ближайшіе помощники хоть одного изъ членовъ партіи, которая дала ему такое яркое доказательство своего довѣрія. Вмѣсто того, Ланца окружилъ себя исключительно министрами умѣренной партіи, объявившими себя противниками не правительства вообще, а только министерства Менабреа - Диньи, или такъ-называемой тосканской партіи. Кромѣ того, онъ безъ всякой причины отставилъ отъ должности Баргони, а мѣсто его предложилъ другой главѣ средней партіи, именно Чезару Корренти. Возбудивъ такимъ образомъ противъ себя неудовольствіе и въ лѣвой сторонѣ парламента, и въ приверженцахъ павшаго министерства, новый кабинетъ едва-ли можетъ разсчитывать на сильную поддержку со стороны палаты, безъ которой однако невозможно никакое правительство. Впрочемъ, пока еще трудно предвидѣть, какой оборотъ примутъ дѣла въ палатѣ депутатовъ. Ея правая и лѣвая стороны находятся въ какомъ-то неопредѣленномъ положеніи, а парламентскій центръ разстроенъ, или лучше сказать, почти цѣликомъ перенесенъ въ министерство. Правая сторона пока раздѣлена на два лагеря: въ

одномъ засѣдаютъ депутаты, друзья павшаго министерства, всѣ болѣе или менѣе подозрѣваемые въ интригахъ и подкупѣ, въ другомъ находятся тѣ, которые за одними собой признаютъ право на репутацію честныхъ, безкорыстныхъ и заслуживающихъ полнаго довѣрія людей. Лѣвая сторона распадается на пять партій. Къ первой относятся приверженцы партіи *постоянной*, оставшіеся на своемъ посту, несмотря на отпаденіе отъ нихъ Луиджи Феррариса; ко второй принадлежатъ послѣдователи Раттацци, демократы, когда власть не въ ихъ рукахъ, и ярые реакціонеры, лишь только становятся во главѣ правленія; третья группируется вокругъ депутата Франческо Криспи, и считаетъ въ своихъ рядахъ будущаго министра финансовъ Федерико Сенсмитъ-Дода; четвертая заключаетъ въ себѣ небольшое число федералистовъ, во главѣ которыхъ стоитъ философъ Джіузеппе Феррари: въ послѣднемъ впрочемъ приверженность къ федераціи вовсе не такъ сильна, чтобъ онъ, ради нея, отказался отъ министерскаго портфеля въ соединенномъ Итальянскомъ королевствѣ, еслибъ таковой былъ ему предложенъ; пятая, наконецъ, состоитъ изъ крайнихъ, «непримиримыхъ», подобно Рошфору, которые хвастаются тѣмъ, что еще никогда не поставляли правительству министровъ. Ихъ ненависть къ монархической власти впрочемъ не мѣшаетъ имъ присягать въ вѣрности королю. Понятно, что при такомъ составѣ палаты трудно, почти невозможно хорошо управлять страной. Для полноты картины надо еще прибавить ко всему этому личныя симпатіи и антипатіи, и грубыя, совершенно частнаго свойства, печатныя нападки однихъ депутатовъ на другихъ. У насъ всякая личная ссора между двумя членами парламента непремѣнно принимаетъ характеръ общій и дѣлается предметомъ распри цѣлыхъ партій, изъ которыхъ каждая считаетъ долгомъ брать на себя защиту всѣхъ своихъ сторонниковъ. Вслѣдствіе этого, партіи непрерывъ одна передъ другой стараются клеймить позоромъ своихъ противниковъ и дѣлаютъ это съ тѣмъ пыломъ и страстностью, какими вообще отличаются всѣ политическіе споры въ Италіи. Ослѣпленные гнѣвомъ, они часто такъ далеко заходятъ въ своихъ упрекахъ и обвиненіяхъ, что, думая вѣрнѣе унизить въ общественномъ мнѣніи врага, только самихъ себя роняютъ въ глазахъ всѣхъ порядочныхъ людей. Прошлый годъ особенно ознаменовался такого рода неприличными выходками. Можно себѣ представить, насколько вредитъ правильному отправленію конституціонной дѣятельности такой порядокъ вещей, гдѣ каждый депутатъ, вмѣсто того, чтобъ заботиться о выгодахъ своихъ избирателей, думаетъ только о своихъ мелочныхъ и чисто-личныхъ интересахъ! Дѣло между ними нерѣдко доходитъ и до суда, въ который вслѣдъ за истцомъ и отвѣтчикомъ являются ихъ поддерживать или опровергать цѣлыя партіи. Приговоры суда, въ подобныхъ случаяхъ, тоже не всегда отличаются безпристрастіемъ и не-

рѣдко бываютъ запечатлѣны духомъ партіи. Безъ преувеличенія можно сказать, что въ 1869 году весь парламентъ перебывалъ въ судѣ, гдѣ различныя партіи надѣялись вновь обрѣсти утраченную честь, но гдѣ вмѣсто того ее окончательно потеряли. Вслѣдствіе такой деморализаціи парламента, въ массахъ сильно понизилось къ нему уваженіе. Споры партій сдѣлались ходячими вопросами, которые обсуживаются на улицахъ и площадяхъ и служатъ поводомъ къ безчисленнымъ скандаламъ, которые, къ стыду нашему, находятъ себѣ постоянный отголосокъ въ иностранныхъ журналахъ и газетахъ.

Въ послѣднее время въ публикѣ распространились слухи, будто докторъ Джіованни Ланца, стоящій въ настоящую минуту во главѣ итальянской цивилизаціи, намѣревается пересмотрѣть законы о печати, дарованные Италіи Карломъ-Альбертомъ въ 1847 году, съ цѣлію сдѣлать въ нихъ нѣкоторыя измѣненія. Друзья нынѣшняго министерства увѣряютъ, что новые законы будутъ гораздо либеральнѣе старыхъ, и что главная ихъ задача, какъ можно болѣе расширить и оградить права гражданъ на свободу. Но вся печать, за исключеніемъ немногихъ журналовъ, преданныхъ Ланцѣ, благодаря почтеннаго министра внутреннихъ дѣлъ за его великодушное намѣреніе, въ тоже время единодушно просила его перенести свою заботливость на другіе предметы, болѣе требующіе радикальныхъ измѣненій. Что до нея касается, то она довольна той степенью свободы, какою пользуется теперь и вовсе не желаетъ бо́льшей. Печать конечно знаетъ, что свобода ея могла бы быть расширена и что не лишнее было бы, между прочимъ, положить приличныя границы вмѣшательству въ ея дѣла королевскаго прокурора, который ужъ слишкомъ часто затѣваетъ противъ нея процессы, почти всегда оканчивающіеся оправданіемъ обвиняемой книги или газеты, новыми болѣе или менѣе чувствительными потерями для государственной казны и наконецъ, нравственнымъ ущербомъ для самой судебной власти. Но, съ другой стороны, печать также хорошо знаетъ, что всякая реформа существующихъ законовъ, предлагаемая министромъ внутреннихъ дѣлъ подъ предлогомъ наилучшаго охраненія общественной и личной свободы гражданъ, не можетъ имѣть въ виду ничего кромѣ сильныхъ реакціонерныхъ мѣръ. И потому, не дожидаясь, чтобъ Ланца уже формулировалъ свой такъ-называемый либеральный проектъ, вся либеральная пресса поспѣшила предупредить его, какъ будетъ принятъ этотъ проектъ, если онъ осмѣлится хоть мало-мальски враждебно отнестись къ свободнымъ учрежденіямъ, какими въ настоящее время управляется Италія.

Доктору Ланца, если онъ дѣйствительно воодушевленъ добрыми намѣреніями, нечего далеко искать средствъ для дарованія печати новой и болѣе обширной свободы. Ему сто́итъ только вычеркнуть изъ бюджета тайныхъ издержекъ по министерству внутреннихъ дѣлъ всѣ

суммы, которыя ежегодно назначаются на субсидіи, не только итальянскимъ, но и иностраннымъ журналамъ. Кому неизвѣстно, что многія изъ краснорѣчивыхъ статей, время отъ времени появляющихся въ англійскихъ, вѣнскихъ и парижскихъ газетахъ и съ такой благосклонностью отзывающихся объ Италіи вообще, и объ ея министрахъ въ особенности, стóятъ намъ немалое количество фунтовъ стерлинговъ, талеровъ и наполеондоровъ. Графъ Кавуръ нерѣдко говаривалъ: «Если хочешь испортить хорошее дѣло, поручи его защиту наемнымъ писателямъ». Въ заказной статьѣ, гдѣ каждая строка продается на вѣсъ золота, непремѣнно чувствуется натяжка. Видно, что авторъ хвалитъ или порицаетъ по обязанности и потому самому холодно, безъ увлеченія. Иное дѣло, когда честный писатель говоритъ отъ себя, подъ вліяніемъ искренняго убѣжденія, повинуясь только голосу собственной совѣсти. Краснорѣчіе его тогда неотразимо дѣйствуетъ на читателя, и невольно возбуждаетъ въ немъ къ себѣ участіе и довѣріе. Правда, что графъ Кавуръ, въ теоріи столь хорошо и ясно видѣвшій вещи, на практикѣ иногда поступалъ вовсе не такъ, какъ говорилъ. Наилучшимъ доказательствомъ того служатъ его отношенія къ англійской прессѣ, которая до самой его смерти такъ вѣрно и хорошо ему служила. Но во времена великихъ политическихъ переворотовъ иногда оказывается невозможнымъ дѣйствовать съ строгой логической послѣдовательностью и приходится нерѣдко прибѣгать на практикѣ къ средствамъ, которыя порицаются въ теоріи. Принявъ въ соображеніе затруднительное положеніе, въ какомъ находился Кавуръ, почти можно согласиться съ тѣмъ, что онъ былъ правъ. Но между графомъ Кавуромъ и докторомъ Ланца есть нѣкоторая разница. Съ 1859 и 1860 по 1869 и 1870 г. прошло цѣлое десятилѣтіе, въ теченіи котораго многое измѣнилось. Чтò могло быть терпимо тогда, теперь оказывается вовсе несвоевременнымъ и даже вреднымъ. Если для обезпеченія великаго государственнаго переворота требовалась затрата большихъ денежныхъ суммъ, то нынѣ вовсе излишне тратить такія же суммы на восхваленіе посредственностей, которыя, достигая власти, какъ будто даютъ себѣ слово всячески уничтожать, или по крайней мѣрѣ замедлять благія послѣдствія этого самаго переворота.

Если синьоръ Ланца уже берется расширять свободу печатнаго слова, то онъ оказалъ бы ему дѣйствительную и немалую услугу, уничтоживъ вмѣстѣ съ субсидіями еще и нѣкоторыя другія привилегіи, въ родѣ печатанія за плату разныхъ оффиціальныхъ объявленій, какими пользуются журналы, наиболѣе преданные правительству. Парламентъ въ прошломъ году, большинствомъ голосовъ, порѣшилъ, чтобы префектуры сами отъ себя печатали бюллетени своихъ дѣйствій, а не отсылали ихъ въ провинціальныя газеты, у которыхъ такимъ образомъ былъ бы отнятъ оффиціальный характеръ, какимъ онѣ до-

сихъ поръ отличались. Министерство Ланцы, если оно въ самомъ дѣлѣ намѣрено дѣйствовать въ либеральномъ духѣ, непремѣнно должно одобрить это рѣшеніе.

Существуютъ у насъ еще и другіе способы покровительствовать газетамъ,—способы, если и не столь прямые, то все же не менѣе безнравственные. Многіе читатели газеты *Opinione*, мало посвященные въ журнальныя тайны, часто восхищались безкорыстіемъ, съ какимъ она, всегда по убѣжденію защищающая правительство, краснорѣчиво доказывала необходимость отнять субсидіи у тѣхъ періодическихъ изданій, которыя доселѣ ими пользовались. На дѣлѣ же выходитъ, что *Opinione*, ничего не получающая изъ министерства внутреннихъ дѣлъ, находится въ близкихъ отношеніяхъ съ національнымъ банкомъ, на разорительныхъ предпріятіяхъ котораго воздвиглась финансовая система, уже въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, ведущая насъ по пути къ банкротству. Понятно, что съ такимъ союзникомъ *Opinione* можетъ безнаказанно толковать объ уничтоженіи субсидій, въ которыхъ сама не нуждается. Но за исключеніемъ этого небольшого пятна на горизонтѣ своей политической жизни, *Opinione*, вообще чуть ли не съ бо́льшимъ достоинствомъ, нежели всѣ другіе итальянскіе журналы и газеты, постоянно служила интересамъ правительства. Тонъ ея спокойный, полемика никогда не заходитъ за границы приличій. Приверженная монархическому образу правленія, она однако чужда всякой лести; поклонница Наполеона, она всегда смѣло возвышаетъ голосъ, лишь только дѣло касается чести и интересовъ Италіи. *Opinione* мужественно пережила трудныя времена, постоянно поддерживая достоинство національнаго знамени и не давая упадать народному духу. Во главѣ ея, уже въ теченіи многихъ лѣтъ, стоитъ чрезвычайно образованный еврей Джіакомо Дина, который всегда съ особеннымъ удовольствіемъ печатаетъ въ своей газетѣ статьи, заключающія въ себѣ разумный протестъ противъ злоупотребленій римскаго двора. Кромѣ того, на столбцахъ *Opinione* часто встрѣчаются весьма дѣльныя статьи о положеніи вещей въ Германіи, интересныя корреспонденціи изъ Парижа, а по понедѣльникамъ блестящія и оживленныя театральныя хроники, выходящія изъ-подъ пера сардинца, маркиза Филиппа Д'Арканс́ъ. *Opinione* чуть ли не самый дешевый политическій журналъ въ Италіи: она состоитъ изъ одного листа большого формата, который сто́итъ всего пять сантимовъ. Въ настоящій моментъ она считается оффиціальнымъ органомъ министерства Ланцы и Селлы, торжество которыхъ она нѣкоторымъ образомъ подготовила своими полемическими статьями. *Opinione* особенно уважается за умѣренность своихъ взглядовъ и сужденій.

La gazzetta d'Italia, наоборотъ, читается почти исключительно вслѣдствіе рѣзкости и невоздержанности своего способа выраженія.

Преданная интересамъ партіи маркиза Гуальтеріо, графа Менабреа и Диньи, она преслѣдуетъ жестокими нападками нынѣшнее министерство. Но главный предметъ ея необузданной полемики составляютъ депутаты лѣвой стороны и газеты, служащія имъ органами. Она любитъ личности, съ жадностію бросаясь на свои жертвы, разоблачаетъ ихъ самыя тайныя дѣянія и, съ цѣлью увеличить число своихъ читателей, не пренебрегаетъ даже скандаломъ. Редакторъ ея, молодой человѣкъ, Карло Панкраци, обладаетъ энергическимъ и чрезвычайно живымъ перомъ. *Gazzetta d'Italia* умѣетъ еще привлекать себѣ подписчиковъ изобиліемъ разнаго рода свѣдѣній, какими она, собирая ихъ по другимъ журналамъ, ежедневно наполняетъ свои длинные столбцы.

Но вполнѣ оффиціальный, всѣми признанный органъ тосканской партіи есть *la Nazione*. Въ настоящее время ее издаетъ депутатъ Джіузеппе Чивинини, одинъ изъ героевъ парламентской траги-комедіи, разыгравшейся у насъ прошлымъ лѣтомъ. Чивинини всегда принадлежалъ къ партіи демократовъ и одно время былъ редакторомъ газеты *Il Diritto*, которая сама себя называла *демократической*. Въ 1866 г. онъ оставилъ изданіе этой газеты и поступилъ на жалованье къ Рикасоли, съ которымъ и не разставался, пока тотъ оставался министромъ. Подобно всѣмъ новообращеннымъ, онъ, чтобы скорѣе пріобрѣсти довѣріе своихъ новыхъ друзей, счелъ себя обязаннымъ съ чрезмѣрной силой нападать на ихъ противниковъ. Послѣдніе, чтобъ отмстить ему, воспользовались безпорядками, возникшими по поводу операціи съ табакомъ, и распустили слухъ, будто онъ тоже находится въ числѣ подкупленныхъ. Чивинини, оскорбленный несправедливымъ обвиненіемъ, обратился за удовлетвореніемъ въ судъ, который призналъ его невиннымъ, но въ тоже время открылъ многихъ другихъ дѣйствительно виновныхъ. Чивинини былъ оставленъ въ покоѣ, но возбужденное имъ дѣло еще тянулось въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, пока наконецъ не окончилось постыднымъ процессомъ Лоббіа. Затѣмъ, Чивинини, ставъ во главѣ редакціи газеты *la Nazione*, замѣнилъ собою депутата Бренну, который, будучи слишкомъ скомпрометтированъ въ глазахъ публики, ради интересовъ издателя газеты, принужденъ былъ сложить съ себя званіе ея редактора. Чивинини—человѣкъ съ обширнымъ образованіемъ; онъ пишетъ чрезвычайно бойко и въ сущности никогда не измѣняетъ либеральнымъ началамъ. Вся бѣда его въ томъ, что онъ слишкомъ упорно защищаетъ своихъ новыхъ политическихъ друзей, причемъ не рѣдко, ради ихъ, упускаетъ изъ виду свои политическіе принципы и ударяется въ полемику, гораздо болѣе остроумную, нежели убѣдительную. Несомнѣнно также и то, что газета *la Nazione*, перейдя въ его руки, читается съ гораздо бо́льшимъ удовольствіемъ, нежели во времена Бренны, писателя скуч-

наго, монотоннаго и лишеннаго всякой оригинальности. *La Nazione* особенно уважается за живость и остроуміе статей, печатающихся у нея въ прибавленіи подъ заглавіемъ *il Corriere* за фантастической подписью *Yorick*, подъ которой скрывается адвокатъ Ферриньи.

Во Флоренціи, подъ редакціей Жакотте, издается на французскомъ языкѣ вечерняя правительственная газета *l'Italie*. Каждое новое министерство, становясь во главѣ управленія страны, непремѣнно спѣшитъ оказывать этой газетѣ покровительство, въ надеждѣ, что она своими статьями расположитъ въ его пользу умы французскихъ читателей. Но холодный и формальный тонъ этихъ статей слишкомъ ясно изобличаетъ ихъ оффиціальный характеръ для того, чтобъ публика всегда могла имъ вѣрить.

La Gazetta del Popolo di Firenze, не совсѣмъ справедливо пользующаяся репутаціей правительственной, издается чиновникомъ военнаго министерства и офицеромъ на службѣ въ арміи, по имени Эдоардо Арбиба. Подобно *Nazione* и *la Gazetta d'Italia*, она считаетъ Ланцу и Селла недостаточно умѣренными, вслѣдствіе чего пророчитъ Италіи въ будущемъ много дурного.

Правительственной *in partibus* сдѣлалась недавно также и демократическая газета *il Diritto*, вслѣдствіе того, что ея редакторъ, депутатъ неугомонной лилипутской средней партіи, Чезаре Корренти, былъ призванъ управлять министерствомъ народнаго просвѣщенія. Еслибъ Корренти не сдѣлался министромъ, *Diritto*, требовавшая, чтобъ главой кабинета былъ избранъ сенаторъ графъ Понца ди Санъ-Мартино, непремѣнно была бы оппозиціонной газетой. Теперь же онъ намѣревается идти наперекоръ правительственнымъ интересамъ только въ томъ случаѣ, если товарищи Корренти вдругъ вздумаютъ не соглашаться съ нимъ въ его взглядахъ и мнѣніяхъ. Впрочемъ, новый министръ народнаго просвѣщенія обладаетъ обширнымъ умомъ и образованіемъ. Что касается общихъ, отвлеченныхъ вопросовъ, то, трактуя о нихъ, газета *il Diritto* постоянно остается вѣрна самой себѣ и своему имени, то-есть, всегда открыто и искренно защищаетъ демократическія начала. Ее въ настоящее время издаетъ другъ министра Корренти, инженеръ Клементе Мараини съ помощью нѣсколькихъ постоянныхъ сотрудниковъ и случайныхъ статей, которыя ему время отъ времени присылаетъ изъ Сіенны Джіузеппе Саредо, профессоръ права въ тамошнемъ университетѣ.

Къ числу издаваемыхъ во Флоренціи правительственныхъ газетъ принадлежитъ также *La Gazetta Ufficiale del Regno*, въ которой печатаются правительственные и парламентскіе акты. Кромѣ того она раза два-три въ годъ, въ особенныхъ, торжественныхъ случаяхъ возвышаетъ голосъ, съ цѣлью представить въ настоящемъ видѣ намѣренія правительства.

На столько правительственныхъ газетъ парламентская оппозиція располагаетъ во Флоренціи только однимъ органомъ и то такимъ, который съ трудомъ влачитъ свои дни. Органъ этотъ носитъ названіе *la Riforma*, издается главнымъ образомъ на иждивеніи депутата Франческо Криспи и редактируется депутатомъ Антоніо Олива. Подобно микроскопической партіи Криспи, которой она служитъ органомъ, газета *la Riforma* придерживается монархическаго порядка вещей, имѣя при этомъ въ виду расчистить своему главному покровителю дорогу ко власти. Но въ вопросахъ, касающихся иностранной политики, она съ особеннымъ удовольствіемъ вездѣ, гдѣ можетъ, любитъ включать фразы, восхваляющія республиканскій образъ правленія. Тонъ газеты *la Riforma* чрезвычайно торжественный. Она любитъ щеголять реторикой, которою надѣется прикрыть пустоту своихъ статей, забывая, что намъ въ настоящую минуту нужны вовсе не цвѣты краснорѣчія, а практическіе и дѣльные совѣты.

Затѣмъ въ Тосканѣ нѣтъ болѣе ни одной газеты, которая заслуживала бы того, чтобы объ ней упомянули.

Въ верхней Италіи печатное слово и по сю пору имѣетъ на умы гораздо болѣе вліянія, нежели въ остальныхъ частяхъ полуострова. Масса читающей публики тамъ несравненно многочисленнѣе.

Въ Туринѣ издаются, «*La Provincia*», «*La Gazetta Piemontese*», «*Il Conte di Cavour*», «*La Gazetta di Torino*» и «*La Gazetta del Popolo*».

La Provincia имѣетъ характеръ чисто оффиціальный и преимущественно печатаетъ правительственные акты. Газета «*il Conte di Cavour*», какъ то свидѣтельствуетъ ея имя, старается поддерживать умѣренную политику, примѣръ которой показалъ великій пьемонтскій министръ. Обѣ эти газеты получаютъ субсидіи, въ благодарность за что ежедневно воспѣваютъ правительству хвалебные гимны. Остальныя три газеты находятся на сторонѣ оппозиціи, но оппозиціи мелочной, чисто мѣстной, муниципальной. Съ перенесеніемъ столицы во Флоренцію, Туринъ сдѣлался городомъ страшно раздражительнымъ, постоянно недовольнымъ всѣмъ, что совершается въ правительственномъ мірѣ. Все, что бы ни дѣлалось во Флоренціи, въ его глазахъ заслуживаетъ только порицанія, всякій министръ, если онъ не пьемонтецъ, или подавалъ голосъ за перенесеніе столицы, служитъ предметомъ самыхъ ѣдкихъ съ его стороны нападокъ. Туринъ всегда отличался преданностью къ Савойскому дому, но съ 1864 года превратился въ отчаяннаго демагога. Онъ, на зло Флоренціи, гдѣ нынѣ пребываетъ король, восхваляетъ Гарибальди, Мадзини и республиканскій порядокъ вещей. Но крики его болѣе громки, нежели искренни, и потому самому возбуждаютъ мало къ себѣ довѣрія. И дѣйствительно, стоитъ только проживающему въ Туринѣ двоюродному брату короля, принцу Кариньянскому, показаться на улицѣ, какъ мгновенно всѣ

снимаютъ передъ нимъ шляпы и привѣтствуютъ его почтительнымъ поклономъ. Одного слуха о пріѣздѣ въ Туринъ короля достаточно, чтобы подвинуть весь городъ, который въ праздничномъ нарядѣ спѣшитъ встрѣтить его самымъ радушнымъ образомъ. Всѣ традиціи и симпатіи Пьемонта чисто монархическаго свойства и не могутъ быть въ одинъ день измѣнены, несмотря на усердныя подстрекательства оппозиціонныхъ журналовъ и обманутыхъ въ своихъ надеждахъ спекулянтовъ. Но съ другой стороны, журнальные толки принесли Турину свою долю пользы. Дѣйствуя на его самолюбіе, они развиваютъ въ немъ духъ независимости и побуждаютъ къ самостоятельности. Въ доказательство приведемъ одинъ примѣръ. Туринъ готовился открыть у себя, въ 1872 году, международную выставку искусства и промышленности. Онъ ждалъ только окончательныхъ распоряженій изъ Флоренціи и суммъ, необходимыхъ для предварительныхъ работъ. Вдругъ со вступленіемъ въ министерство Ланцы и Селлы, одержимыхъ маніей экономіи, изъ государственнаго бюджета была вычеркнута сумма, предназначавшаяся для международной выставки, а сама выставка признана безполезной и ненужной. Туринъ, узнавъ объ этомъ, пришелъ въ страшное смятеніе, и разразился гнѣвными криками. Но вдругъ *другой туринскій король* (l'altro re di Torino), какъ его шутливо называетъ Викторъ Эммануилъ, депутатъ Джіанбатиста Боттеро, редакторъ газеты *del Popolo*, напечаталъ въ ней статью, въ которой доказывалъ, что выставка во всякомъ случаѣ непремѣнно должна состояться и приглашалъ гражданъ къ подпискѣ. Онъ первый съ истинно королевской щедростію пожертвовалъ для этого сумму въ нѣсколько тысячъ лиръ. Его воззваніе и примѣръ сильно подѣйствовали на всѣхъ и международная выставка 1872 года дѣйствительно состоится въ Туринѣ, потому что Туринъ этого желаетъ и самъ платитъ за свое удовольствіе.

Не лишнее, чтобъ подобныя вещи почаще повторялись въ Италіи, гдѣ общество слишкомъ привыкло во всемъ полагаться на правительство. Оно съ непростительною непослѣдовательностію требуетъ себѣ безграничной свободы и въ тоже время безпрестанно призываетъ власть къ вмѣшательству въ свои самыя ничтожныя, почти семейныя, дѣла.

Большое сходство съ Пьемонтомъ имѣетъ другая, чрезвычайно отдаленная отъ него провинція Италіи, а именно Сицилія. Пьемонтъ съ графомъ Кавуромъ, Сицилія съ помощью Джузеппе Ла-Фарина въ одинаковой степени, если не съ одинаковымъ блескомъ, содѣйствовали сліянію Италіи въ одно государство. Но теперь, когда великая идея національнаго единства восторжествовала, Сицилія и Пьемонтъ выказываютъ болѣе всѣхъ другихъ итальянскихъ провинцій склонности къ отдѣльному, самостоятельному существованію. Три выше-

упомянутыя оппозиціонныя газеты доказываютъ справедливость нашего замѣчанія, что касается Турина. Въ Палермо правительственные органы *«il Giornale Ufficiale di Sicilia»* и *«il Corriere Siciliano»*, равно также какъ и демократическая газета *«Il Precursore»* почти никѣмъ не читаются, тогда какъ газета *«La Regione»*, проповѣдующая независимость и полную автономію, имѣетъ громадное число подписчиковъ. Партія, которой она служитъ органомъ, съ каждымъ днемъ становится многочисленнѣе, хотя и не имѣетъ особенной силы. Въ то время, какъ Пьемонтъ мститъ правительству за перенесеніе столицы самостоятельнымъ и независимымъ образомъ дѣйствій, Сицилія ограничиваетъ свою дѣятельность громкими криками и безплодными жалобами.

Главный городъ Ломбардіи служитъ новымъ доказательствомъ того, чего можетъ достигнуть разумная дѣятельность гражданъ, предоставленная самой себѣ и обходящаяся безъ постояннаго вмѣшательства въ ея дѣла правительства. Миланъ, правда, находится въ условіяхъ чрезвычайно благопріятныхъ для развитія въ немъ самостоятельности. Онъ лежитъ въ центрѣ самой плодородной въ Италіи страны, откуда въ него со всѣхъ сторонъ стекаются большія богатства. Но, независимо отъ этого, промышленная дѣятельность до того развита въ Миланѣ, что, доставляя ея жителямъ все необходимое для существованія, еще даетъ имъ средства удовлетворять свой вкусъ къ роскоши и образованію. Ни въ одномъ итальянскомъ городѣ не печатаютъ и не читаютъ такъ много, какъ въ Миланѣ. Конечно, не все, что тамъ печатается, безукоризненно, и любопытство читающей публики нерѣдко становится тамъ предметомъ эксплуатаціи для ловкихъ спекулянтовъ. Но, съ другой стороны, то, что почти каждый простолюдинъ считаетъ для себя возможнымъ и пріятнымъ истратить одинъ, другой су на покупку журнала, уже служитъ доказательствомъ матеріальнаго и умственнаго благосостоянія страны.

Въ Миланѣ печатаются слѣдующія періодическія изданія политическаго содержанія: *La Lombardia*, *La Perseveranza*, *Il Corriere di Milano*, *Il Pungolo*, *Il Secolo*, *Il Sole*, *La Gazetta di Milano*, *L'Unitá italiana*, *Il Gazzettino Rosa*.

La Lombardia печатаетъ оффиціальные акты города Милана. Характеръ ея правительственный, вслѣдствіе получаемой ею субсидіи. Вообще она представляетъ мало интереса.

La Perseveranza служитъ органомъ ломбардской правительственной партіи, поддерживаетъ министровъ, которые нравятся той, и съ самаго основанія своего, въ 1859 г., всегда высказывала сильную антипатію къ Раттацци. Редакторъ ея, депутатъ Руджіеро Бонги, переводчикъ платоновыхъ діалоговъ, философъ и профессоръ латинскаго языка и литературы въ учено-литературной миланской академіи. Онъ

отличается обширнымъ образованіемъ, чрезвычайно гибкимъ, пріятнымъ умомъ, и бойкой аргументаціей, которая его нерѣдко вовлекаетъ въ софизмъ. Онъ иногда любитъ щеголять своею діалектическою способностью и доказывать вещи самыя необычайныя, единственно съ цѣлью порисоваться своею ловкостью. Его тонкія саркастическія выходки съ удовольствіемъ читаются даже противниками, противъ которыхъ онѣ направлены. Бонги между прочимъ чрезвычайно любитъ проводить параллели между нашими и англійскими учрежденіями, но это вовсе не потому, чтобы считалъ возможнымъ и полезнымъ цѣликомъ перенести ихъ на итальянскую почву, а единственно потому, что имѣетъ пристрастіе ко всякаго рода параллелямъ, сравненіямъ, противоположностямъ. Вокругъ этой чрезвычайно замѣчательной личности, которой впрочемъ гораздо приличнѣе названіе артиста, нежели политика, группируется цѣлая плеяда даровитыхъ и образованныхъ сотрудниковъ, не мало содѣйствующихъ успѣху, какой имѣетъ въ Италіи *Perseveranza*. Несмотря на всю преувеличенную умѣренность ея политическихъ воззрѣній, я не колеблясь указываю на эту газету, какъ на лучшую изъ всѣхъ издающихся въ Италіи.

Съ недавнихъ поръ въ Миланѣ, рядомъ съ газетой *Perseveranza*, появилось новое періодическое изданіе *Il Corriere di Milano*, которое, будучи одинаковаго политическаго оттѣнка съ ней, однако высказываетъ иногда болѣе либеральныя стремленія. Редакторъ *Corriere*, еврей Эмиліо Тревесъ, человѣкъ съ горячимъ сердцемъ и предпріимчивымъ умомъ, оказалъ большія услуги народному образованію изданіемъ въ Миланѣ цѣлаго ряда книгъ подъ однимъ общимъ названіемъ *Полезной библіотеки* (Biblioteca utile). *Il Corriere di Milano* прекрасно издается, печатаетъ многочисленныя корреспонденціи, разнообразныя извѣстія и весьма интересныя прибавленія чисто литературнаго содержанія.

Если *Perseveranza* считается оффиціальнымъ органомъ правительственной аристократіи, то газета *Il Pungolo* должна по справедливости быть названа оффиціальнымъ органомъ правительственной буржуазіи въ Ломбардіи. Она издается очень популярно и успѣхъ ея заключается преимущественно въ городскихъ новостяхъ. Каждый порядочный гражданинъ судитъ о политическихъ вопросахъ и ближайшихъ къ нему городскихъ интересахъ согласно съ мнѣніемъ, высказаннымъ въ *Pungolo*, редакторъ которой, умный и даровитый критикъ, Леоне Фортисъ, пользуется также извѣстностью драматическаго писателя.

Другой драматургъ, пишущій преимущественно эффектныя драмы для народа, Антоніо Скальвини, издаетъ газету *il Secolo*. Если *Pungolo* служитъ органомъ правительственной буржуазіи, то эта послѣдняя

газета имѣетъ цѣлью поддерживать интересы демократической буржуазіи города Милана. Она имѣетъ огромное число читателей.

Демократическая газета *Il Sole* нѣкогда издавалась въ большихъ размѣрахъ. Но дѣла ея пошли дурно, она превратилась въ листокъ маленькаго формата и теперь служитъ преимущественно интересамъ купеческой части народонаселенія. Находясь подъ непосредственнымъ вліяніемъ депутата лѣвой стороны, Гаэтано Семенца, она по прежнему сохраняетъ свой демократическій характеръ.

La gazetta di Milano занимаетъ въ демократической прессѣ то самое мѣсто, которое *La gazetta d'Italia* занимаетъ въ правительственной. Ее издаетъ Рафаеле Санцоньо, который недавно былъ избранъ въ депутаты. Когда Ломбардія находилась подъ игомъ Австріи, *La gazetta di Milano* составляла оффиціальный органъ ломбардо-венеціянскаго королевства. Въ 1859 г. она поспѣшила снять съ своего заглавнаго листа изображеніе двуглаваго орла и начала понемногу либеральничать, сначала осторожно, а потомъ, видя что ей это идетъ въ прокъ, все сильнѣе и сильнѣе и наконецъ дошла до такой смѣлости, что стала почти съ яростью нападать на всѣхъ приверженцевъ умѣренной партіи. Она взяла на себя между прочимъ защиту нашихъ двухъ упорнѣйшихъ федералистовъ, Карло Каттанео, умершаго въ прошломъ году, и Джіузеппе Феррари. *La gazetta di Milano* составляетъ не только правительственную, но и частную оппозицію и избрала главнымъ предметомъ своихъ нападокъ газету *la Perseveranza.* Въ ея распоряженіи находится молодой и даровитый авторъ полемическихъ статей, Феличе Каваллотти.

L'Unità Italiana есть самый старинный органъ мадзиніевской партіи. Во главѣ ея стоятъ Маурицію Квадріо и Бруско Оннисъ, крайніе республиканцы одинаковаго образа мыслей съ Мадзини, и потому, желая видѣть Италію республикой, они въ тоже время стоятъ за единство и отвергаютъ федерацію. *L'Unità Italiana* отличается нетерпимостью ко всѣмъ мнѣніямъ, хоть сколько-нибудь противорѣчащимъ догматамъ мадзиніевскаго ученія. Тонъ ея чрезвычайно смѣлъ и рѣзокъ, но часто утомляетъ своимъ однообразіемъ, такъ какъ она постоянно бьетъ на одну и туже любимую свою республиканскую тему. *L'Unità Italiana* находитъ себѣ отголосокъ въ нѣкоторыхъ другихъ мадзинистскихъ газетахъ Италіи. Таковы: *Il Dovere*, который издается въ Генуѣ, *Il Presente*—въ Пармѣ, *L'Amico del Popolo*—въ Болоньѣ, *il Democratico*—въ Форли, *Il Popolo d'Italia* — въ Неаполѣ и многія другія менѣе важныя.

Для полноты свѣдѣній намъ слѣдуетъ также упомянуть о періодическомъ изданіи, которое носитъ названіе *Gazettino Rosa.* Подъ этимъ милымъ граціознымъ заглавіемъ издается въ Миланѣ листокъ, наполненный всякаго рода бранью, оскорбленіями и клеветами. Редак-

торы этого листка, люди пользующіеся весьма незавидной репутаціей, ни передъ чѣмъ не останавливаются, безъ зазрѣнія совѣсти проникають въ семейныя тайны, разоблачаютъ ихъ и позволяютъ себѣ самыя неприличныя выходки. *Gazettino Rosa* былъ источникомъ всѣхъ печальныхъ скандаловъ, какими ознаменовался у насъ прошлый 1869 годъ. И несмотря на все это, безсовѣстный листокъ процвѣтаетъ, публика, жадная ко всякаго рода скандаламъ, его постоянно читаетъ и поддерживаетъ. *Il Ficcanaso*—въ Туринѣ, *la Cronaco Turchina* въ Венеціи, *l'Asino* — во Флоренціи идутъ по слѣдамъ *Gazettino Rosa*, но такъ какъ они все-таки нѣсколько скромнѣе и сдержаннѣе, то и имѣютъ менѣе успѣха.

Венеція тоже имѣетъ нѣсколько политическихъ періодическихъ изданій. Наибольшаго вниманія заслуживаютъ: *La gazetta di Venezia*, *Il Tempo*, *Il Rinnovamento*, *la Stampa*.

Во время австрійскаго владычества *La gazetta di Venezia*, въ качествѣ оффиціальнаго органа, тоже носила на своемъ заглавномъ листѣ изображеніе двуглаваго орла. Въ настоящее время она поддерживаетъ интересы итальянскаго правительства, которое на свой счетъ содержитъ ея флорентинскаго корреспондента и, кромѣ того, не оставляетъ ее и разнаго рода другими милостями. Въ качествѣ оффиціальнаго органа *La gazetta di Venezia* отличалась богатствомъ корреспонденцій, которыми и по сю пору по привычкѣ продолжаетъ наполнять свои столбцы. Во главѣ ея стоитъ адвокатъ Париде Цаіотти.

Il Tempo первоначально издавался въ Тріестѣ, но съ присоединеніемъ Венеціянской области къ Итальянскому королевству, редакція газеты была переведена въ Венецію, вслѣдствіе преслѣдованій, какимъ подвергался со стороны австрійскаго правительства ея издатель Антонацъ.

Редакторъ газеты *il Rinnovamento*, Карло Пизани, пользуется репутаціей хорошаго публициста. Онъ одно время писалъ въ туринской *Gazzetta del Popolo* статьи, въ которыхъ поддерживалъ политику Кавура, стараясь сдѣлать ее какъ какъ можно болѣе популярной. Теперь онъ по прежнему ратуетъ за правительство и во главѣ каждаго нумера своей газеты приводитъ слѣдующія слова Массимо д'Азеліо: «Не находите ли вы весьма знаменательнымъ явленіе, что нынѣ ни одинъ честный человѣкъ не обращаетъ вниманія на то, что о немъ говорятъ газеты»? Но при этомъ должно полагать, что почтенный редакторъ *Rinnovamento* дѣлаетъ исключеніе для своего изданія и надѣется, что публика вѣроятно тоже раздѣляетъ его взглядъ.

Другая газета, издаваемая въ правительственномъ духѣ, *La Stampa*, отличается простотой и популярностью своихъ статей, а также богатствомъ сообщаемыхъ ею свѣдѣній.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что Венеція, послѣдній городъ, при-

соединившійся къ Итальянскому королевству, подаетъ всей странѣ примѣръ довольства и умѣренности въ своихъ политическихъ требованіяхъ.

Въ Генуѣ издаются три газеты: *La Gazzetta di Genova*, оффиціальный органъ, печатаетъ у себя преимущественно акты, касающіеся управленія Генуэзской провинціи. *Il Corriere Mercantile* тоже поддерживаетъ правительство вслѣдствіе покровительства, какое то оказываетъ національному банку. На столбцахъ этой газеты часто появляются финансовыя статьи, написанныя съ большимъ тактомъ и знаніемъ дѣла. Редакторъ ея синьоръ Папа.

Но генуэзская публика обращаетъ мало вниманія на эти двѣ газеты и почти исключительно читаетъ только *Il Movimento*, небольшой листокъ, въ которомъ, подобно французскому *Journal des Débats*, замѣтны два совершенно противоположные оттѣнка, правительственный и демократическій, гарибальдійскій. Второй сообщаетъ газетѣ нашъ весьма любимый поэтъ и романистъ Антонъ-Джіуліо Баррили.

Болонья имѣетъ три газеты: *Il Monitore*, *La Gazzetta delle Romagne*, *Il Corriere dell'Emilia*. Всѣ онѣ проникнуты правительственнымъ духомъ. Кромѣ того, здѣсь ежегодно появляются и умираютъ многочисленные демократическіе листки, отличающіеся крайностью своихъ взглядовъ и мнѣній.

Въ Анконѣ издаются: *Il Corriere delle Marche* правительственная и *La Tribuna*—демократическая газета.

Затѣмъ до самаго Неаполя не встрѣчается ни одного періодическаго изданія, которое заслуживало бы вниманія. Въ Неаполѣ же, кромѣ газеты *Il Popolo d'Italia*, органа мадзиніевской партіи, ежедневно издаются еще: *La Patria*, *Il Giornale di Napoli*, и *Il piccolo Giornale di Napole*, всѣ три усердно служащія правительственнымъ интересамъ. *Il Pungolo* и *l'Independente* не имѣютъ никакого опредѣленнаго направленія, но по временамъ высказываютъ нѣкоторую склонность къ демократизму. *Roma* и *L'Italia* служатъ органами неаполитанскимъ депутатамъ лѣвой стороны, несочувствующимъ республиканскимъ идеямъ. Изъ этихъ періодическихъ изданій лучше всѣхъ издается *Il Giornale di Napoli*, во главѣ редакціи котораго находятся два брата, Еженіо и Еваристо Кіарадіа, чрезвычайно образованные и даровитые венеціянцы, вполнѣ понимающіе важное значеніе періодической прессы. Ихъ критическія статьи отличаются своею логическою послѣдовательностью и нерѣдко блещутъ остроуміемъ. Какъ-бы въ прибавленіе къ большому *Giornale di Napoli* издается *Il Piccolo* (маленькій), который проникнутъ тѣмъ же правительственнымъ духомъ, но печатаемыя въ немъ статьи гораздо проще и популярнѣе. Редакторъ его отставной офицеръ, молодой неаполитанецъ Рокко де'Зерби. *Il Pungolo* издается депутатомъ Коминъ, который принадлежитъ къ партіи умѣренныхъ

демократовъ. *L'Independente* составляетъ собственность извѣстнаго французскаго романиста Александра Дюма-отца, который основалъ его въ Неаполѣ въ 1860 году подъ руководствомъ Гарибальди. Послѣднiй горячо рекомендовалъ его своему другу-народу. Но въ теченiи десяти лѣтъ, протекшихъ съ 1860 по 1870 г. Дюма забылъ, какимъ образомъ возникла его газета и нѣсколько измѣнилъ направленiе, какое сначала намѣревался ей дать. *Independente*, печатая въ прибавленiи переводы романовъ Дюма или предлагая ихъ въ видѣ премiи подписчикамъ, нашелъ себѣ большое количество читателей между офицерами, сержантами, капралами и солдатами королевской армiи, вслѣдствiе чего нерѣдко помѣщалъ у себя статьи, которыя гораздо болѣе служили интересамъ правительства, нежели партiи гарибальдiйцевъ. Но, несмотря на это, у Дюма недавно хватило мужества напечатать воззванiе къ Джiузеппе Гарибальди, въ которомъ онъ приглашалъ своего друга и товарища вторично рекомендовать народу издаваемую имъ газету. Насколько извѣстно, капрерскiй отшельникъ ничего не отвѣчалъ на это воззванiе.

Газетѣ *Roma* даетъ направленiе депутатъ лѣвой стороны Ладзаро. *Italia* была основана и довольно долго издавалась другимъ депутатомъ лѣвой стороны, бывшимъ министромъ и заслуженнымъ критикомъ Франческо Де-Санктисъ. Но нынѣ, покинутая имъ, она съ трудомъ влачитъ свое существованiе и ей угрожаетъ близкiй конецъ.

Кромѣ всѣхъ вышеупомянутыхъ перiодическихъ изданiй, въ Италiи существуетъ еще множество другихъ политическихъ газетъ и листковъ. Каждый маленькiй провинцiальный городъ непремѣнно имѣетъ свой органъ. Такое количество журналовъ обусловливается у насъ количествомъ центровъ, изъ которыхъ каждый, помня свою прошедшую славу, несмотря на свое слiянiе съ королевствомъ Итальянскимъ, все-таки стремится по возможности сохранить свою независимость и автономiю. Отъ этого происходитъ, что ни одно итальянское перiодическое изданiе, несмотря на умѣренность своей подписной цѣны, никогда не успѣваетъ прiобрѣтать такого количества подписчиковъ, которое, достигая нѣсколькихъ десятковъ тысячъ, вполнѣ обезпечиваетъ матерiальное благосостоянiе подобнаго рода большихъ изданiй во Францiи, Англiи и Германiи. Въ Италiи только туринская *Gazzetta del Popolo* и миланскiй *Pungolo* насчитываютъ у себя болѣе десяти тысячъ подписчиковъ. Другiя наиболѣе распространенныя изданiя имѣютъ ихъ не болѣе пяти тысячъ. Самая лучшая изъ итальянскихъ газетъ, *La Perseveranza* расходится всего въ числѣ трехъ тысячъ экземпляровъ.

При такомъ положенiи вещей каждый политическiй журналъ или газета, чтобы существовать, непремѣнно должны искать себѣ опоры въ той или другой политической партiи. Вслѣдствiе этого, изъ двух-

сотъ издающихся въ Италіи газетъ врядъ-ли найдется одна, которая можетъ быть вполнѣ названа независимой. Впрочемъ такое явленіе отчасти объясняется еще и другой причиной. Южные народы вообще склонны къ извѣстнаго рода идолопоклонству. Видимый, осязаемый предметъ, которому они могли бы поклоняться, или на который могли бы изливать свою ненависть, составляетъ для нихъ почти насущную потребность. Любовь къ олицетворенію у насъ врожденная. Итальянецъ, если онъ республиканецъ, то непремѣнно мадзинистъ, если волонтеръ — то гарибальдіецъ; приверженецъ правительства, неизбѣжно становится сторонникомъ того или другого министерства. Поэтому у насъ въ Италіи почти столько же политическихъ партій, сколько дѣятелей, составившихъ себѣ сколько-нибудь громкое имя въ политикѣ. Еслибъ какая-нибудь газета захотѣла здѣсь всѣмъ и каждому безъ разбора говорить истину, она осталась бы вовсе безъ читателей. Чтобы не быть гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, она непремѣнно должна сдѣлаться орудіемъ страстей той или другой партіи. Вся итальянская исторія полна примѣрами, подтверждающими эту истину.

D. G.

КРИТИКА МОИХЪ КРИТИКОВЪ.

Съ искреннею благодарностью принялъ я отъ Академіи наукъ приговоръ ея, признавшій, что мое изслѣдованіе о происхожденіи русскихъ былинъ имѣетъ нѣкоторое значеніе не только для нашей публики, но и для ученыхъ, и для науки. Теперь, когда дѣло уже кончено, я признаюсь, что не совсѣмъ былъ увѣренъ въ томъ, что Академія сочувственно взглянетъ на мои объясненія и выводы: у меня было уже передъ глазами нѣсколько примѣровъ того, какъ недовѣрчиво и даже непріязненно относились къ моему труду нѣкоторые изъ числа нашихъ ученыхъ. Тѣмъ поразительнѣе и дороже было для меня извѣстіе, что не только Академія наукъ нашла нѣкоторое значеніе въ моемъ изслѣдованіи, но что даже премія за него присуждена мнѣ ею едва-ли не единогласно.

И вотъ, именно этотъ приговоръ Академіи налагаетъ на меня обязанность еще разъ обратиться къ моему труду и просмотрѣть его самымъ строгимъ образомъ, во всѣхъ подробностяхъ, и всего болѣе, въ главныхъ его основаніяхъ. Если мнѣ удастся издать въ свѣтъ мое изслѣдованіе отдѣльной книгой, я конечно не премину сдѣлать въ

немъ тѣ измѣненія, поправки или дополненія, которыя могутъ оказаться необходимыми и могутъ уменьшить несовершенства, безъ сомнѣнія въ немъ заключающіяся. Но въ то же время я считаю обязанностью разсмотрѣть и возраженія моихъ критиковъ. Почти уже два года прошло съ тѣхъ поръ, какъ напечатано мое изслѣдованіе*): вѣроятно мнѣ не дождаться другихъ критикъ, кромѣ тѣхъ, которыя до сихъ поръ появились, а не отвѣчать на нихъ мнѣ кажется невозможнымъ. Я совершенно несогласенъ съ большинствомъ того, что̀ высказано противъ моихъ взглядовъ и выводовъ, и въ настоящее время, могу иное, быть можетъ выраженное у меня не съ достаточною наглядностью, объяснить обстоятельнѣе или подробнѣе, а иное подкрѣпить новыми доводами.

I.

Однимъ изъ самыхъ солидныхъ и серьезныхъ для меня оппонентовъ могъ быть профессоръ Буслаевъ. Его обширныя знанія по тому предмету, который послужилъ мнѣ задачею, долгая опытность въ обращеніи съ народно-эпическимъ матеріаломъ, множество большихъ и малыхъ очень замѣчательныхъ сочиненій по части эпическаго народнаго творчества, наконецъ слава превосходнаго филолога — все это дѣлало для меня изъ профессора Буслаева—противника вполнѣ опаснаго. Но именно по соединенію въ немъ перечисленныхъ выше качествъ я всего болѣе желалъ, чтобъ моимъ критикомъ сдѣлался этотъ ученый: мой взглядъ на былины заключалъ въ себѣ нѣчто новое, и я былъ твердо убѣжденъ, что если правда не на моей сторонѣ, то пусть же все ложное и слабое такъ сразу и погибнетъ подъ ударами науки, знанія, глубокихъ соображеній и могучей силы; но за то, если правъ я, тогда въ самомъ настоящемъ свѣтѣ выступитъ значеніе высказанныхъ мною положеній. Такимъ образомъ, самое искреннее мое желаніе было исполнено, когда въ числѣ двухъ рецензентовъ, приглашенныхъ Академіею наукъ для разбора моего сочиненія, однимъ оказался профессоръ Буслаевъ.

Я съ величайшимъ нетерпѣніемъ ожидалъ его рецензіи, ожидалъ отъ нея горы пользы и поученія для себя. Но, прочитавъ ее, я былъ удивленъ только однимъ: какимъ образомъ послѣ всего, что̀ профессоръ Буслаевъ нашелъ въ моемъ изслѣдованіи, онъ могъ еще предложить Академіи наукъ, чтобъ она присудила мнѣ *почетный свой отзывъ*. Почти нѣтъ ни единой страницы въ критикѣ профессора Бус-

---

*) См. «Происхожденіе русскихъ былинъ», В. В. Стасова, въ «Вѣстн. Евр.» 1868 г. янв., февр., мартъ, апр., май, іюнь и іюль.

лаева, гдѣ бы не было говорено о моей непозволительной точкѣ зрѣнія на факты и такомъ же способѣ обращенія съ ними, о моихъ пріемахъ, не относящихся къ серьезной наукѣ, о моемъ насильственномъ приравниваніи былинъ къ иностраннымъ оригиналамъ, объ уклоненіи отъ открытія дѣйствительнаго сродства между тѣми и другими, о затеряніи мною того *«кое-что»*, которое безъ сомнѣнія есть между былинами и восточными сказаніями, о моихъ натяжкахъ, о моихъ ухищренныхъ натяжкахъ, о моей методѣ храбрыхъ натяжекъ, о моемъ навязываніи былинамъ безсмысленности, пошлыхъ урѣзокъ и недомолвокъ, о капризной случайности моихъ болѣе или менѣе остроумныхъ сравненій, о моихъ многочисленныхъ запутанностяхъ, и т. д. Неужели во всемъ подобномъ можетъ быть капля чего-нибудь хорошаго? На мои глаза, тутъ собралась груда такихъ фактовъ, гдѣ нѣтъ ровно ничего ни почтеннаго, ни почетнаго: какой же почетный отзывъ можно давать за такіе противунаучные ужасы, за такія вопіющія беззаконія? Не почетнаго отзыва, а самаго рѣшительнаго осужденія и самаго строгаго порицанія заслуживаютъ они, и, конечно, обязанность Академіи наукъ состояла именно въ томъ, чтобъ еще съ *большею рѣшительностію*, чѣмъ ея рецензентъ, дать отпоръ нехорошимъ вещамъ, имѣющимъ претензію проникнуть въ святилище науки: вѣдь Академія должна быть самымъ вѣрнымъ стражемъ этой послѣдней. Правда, профессоръ Буслаевъ предлагалъ дать мнѣ почетный отзывъ—за *«новость взгляда»* и за *«обширный матеріалъ»*; но, безъ сомнѣнія, такіе мотивы не могутъ имѣть ровно никакого значенія для Академіи наукъ, и «новость взгляда»,—никуда негодящагося, и «обширность матеріала», употребленнаго во зло или искаженнаго, все это не достоинства, а пороки, требующіе кары. Награды тутъ немыслимы, и, еслибы, какимъ-нибудь чудомъ, по какой-то невообразимой оплошности, Академія присудила что-нибудь за вещь негодную, всякому автору, сколько-нибудь размышляющему и сознающему свое достоинство, слѣдовало бы отказаться отъ столь странной награды.

Такимъ образомъ, рецензія профессора Буслаева прежде всего показалась мнѣ крайне изумительною по своей непослѣдовательности: концы съ концами въ ней не сходились.

Потомъ мнѣ стало жалко профессора Буслаева, видя, какъ онъ въ своей рецензіи совершаетъ нѣсколько эволюцій, въ которыхъ нѣтъ ничего хорошаго. Такъ, наприм., при первомъ же чтеніи его рецензіи, раньше всего остальнаго, я замѣтилъ, съ величайшимъ сожалѣніемъ, что, несмотря на всегдашнюю свою осторожность и крайнюю добросовѣстность въ ученомъ дѣлѣ, профессоръ Буслаевъ (на этотъ разъ конечно по нечаянности и торопливости) приписалъ мнѣ нѣсколько такихъ вещей, которыхъ у меня вовсе нѣтъ. Достаточно будетъ привести два слѣдующіе примѣра:

1) Проф. Буслаевъ говоритъ: «Авторъ полагаетъ, что *характерныя числа*, т. е. 3, 7, 9, 30, 40, 41, вошли въ наши былины тоже изъ татарскихъ пѣсенъ». Но именно тѣ самыя страницы моего изслѣдованія, на которыя онъ ссылается (XI, 309—314) говорятъ совсѣмъ другое. Онѣ говорятъ, что я старался показать *разницу* между числами, имѣющими характеръ монголо-тюркскій,—и числами, имѣющими характеръ арійскій. Такимъ образомъ, наприм., я говорилъ, что числа: 3, 12, 30—имѣютъ характеръ арійскій, и сильно распространены въ поэзіи племенъ арійскихъ, какъ *числа священныя*; а если встрѣчаются у монголо-тюрковъ, то вѣроятно получены ими отъ арійцевъ. Напротивъ, числа: 9 и 40—имѣютъ характеръ монголо-тюркскій, и сильно распространены въ поэзіи этихъ племенъ, какъ *числа священныя*. На основаніи этого различія, я указывалъ на то, что въ большинствѣ случаевъ, число 40 обозначаетъ въ нашихъ былинахъ всякую силу и всякое множество—*вражескія*, а число 30—силу и множество *туземныя, русскія*. Вотъ что у меня было сказано, и вотъ что изъ этого сдѣлалъ профессоръ Буслаевъ!

2) Мой критикъ утверждаетъ, будто я «отказываю нашимъ былинамъ *во всякомъ сходствѣ* съ пѣснями другихъ славянскихъ народовъ, ссылаясь въ особенности на эпосъ сербскій». Но вѣдь это тоже чистѣйшая клевета. Даже и всякій вообще читатель можетъ убѣдиться въ этомъ, если взглянетъ на три мѣста моего изслѣдованія. Въ одномъ у меня сказано: «Нельзя оспаривать пользы изученія нашихъ былинъ сравнительно съ литовскими, чешскими или сербскими пѣснями... Но все-таки, въ концѣ концовъ, мы добываемъ здѣсь только тѣ черты родства и сходства, которыя всегда существуютъ между братьями и сестрами».... [1]) Въ другомъ мѣстѣ у меня указано на торжество нашей былины о Ставрѣ и переодѣтой его женѣ—съ пѣснями и сказками разныхъ народовъ, въ томъ числѣ сербовъ и болгаръ [2]) Наконецъ въ третьемъ мѣстѣ у меня напечатано: «Богатырскія пѣсни болгаръ, сербовъ и другихъ славянскихъ племенъ совершенно другого характера, чѣмъ наши былины. Физіономія богатырей, эпическія и бытовыя подробности разсказа, обстановка, эпическій тонъ и поворотъ — все здѣсь другое, и если иногда оказывается сходство въ отдѣльныхъ мотивахъ, то причину того мы объяснили уже выше» [3]). Уже эти три мѣста кажется довольно объясняютъ мои мысли: *сродство* между тѣми и другими произведеніями — несомнѣнно, но физіономія, внѣшняя обстановка и т. д., разныя. Но этимъ я не ограничился. Считая, что моя мысль можетъ быть высказана съ бо́льшею по-

---

[1]) Вступленіе ко II-й части, стр. 638.

[2]) Вторая часть, IV, 689.

[3]) Третья часть, XIV, 343.

дробностію, я, представляя въ Академію наукъ свое изслѣдованіе, прибавилъ къ послѣднему мѣсту слѣдующее рукописное добавленіе (*бывшее въ рукахъ проф. Буслаева*): «Когда начнешь вглядываться въ главнѣйшія поэтическія созданія прочихъ славянскихъ племенъ, и станешь сравнивать ихъ съ нашими былинами, то скоро увидишь, что между тѣми и другими почти совершенно такая разница, какъ между «*Словомъ о Полкѣ Игоревѣ*» и былинами. Въ большинствѣ сербскихъ, болгарскихъ, чешскихъ героическихъ пѣсенъ присутствуетъ тотъ-же самый сильный, могучій, поразительный по красотѣ и поэзіи элементъ самостоятельности и народности, котораго нѣтъ въ былинахъ. Онѣ далеко держатся отъ *идеальности* и безцвѣтности, и, какъ всякое истинно-народное созданіе, съ любовью постоянно стремятся къ самой могучей, неодолимой и неподкупной *реальности*. Эти пѣсни любятъ свой край, свою землю, свою природу, съ горячей симпатіей останавливаются, при каждомъ случаѣ, на ея живописаніи, и тутъ же никогда не ограничиваются тѣми стереотипными, постоянно одинакими, повторяющимися выраженіями, которыя одни только и попадаются въ былинахъ. Пѣсни сербскія, болгарскія и чешскія поминутно говорятъ о горахъ, лугахъ, веснѣ, лѣтѣ, пышныхъ поляхъ, усѣянныхъ цвѣтами, или о льдѣ и снѣгѣ своей родины; поминаютъ стада овецъ, барановъ, козловъ, рисуютъ пчелъ въ лѣсахъ, рисуютъ деревни и деревенскую жизнь, съ ея занятіями, праздниками и удовольствіями, земледѣльческія работы, снопы ржи, телѣги, ладьи, избы, дворы, — наконецъ и города. Дѣйствующія лица являются не какими-то небывалыми, идеальными *богатырями*, а людьми какъ всѣ люди, и притомъ, какъ того требуетъ древняя дѣйствительность сербская, болгарская и чешская — земледѣльцами, пастухами, виноградарями, въ кожухахъ, онучахъ, тулупахъ и шапкахъ. Приходитъ время для дѣйствія, внѣшнія обстоятельства вызываютъ на дѣятельность — и вотъ *не-идеальный* герой сербскій, болгарскій или чешскій покидаетъ свою избу и деревню, схватываетъ саблю, или мечъ— боевой молотъ или цѣпъ, и идетъ на подвиги; здѣсь ему иногда случается совершать дѣла сверхъестественныя, иной разъ даже при участіи помощи сверхъестественной, но этотъ фантастическій элементъ нисколько не препятствуетъ глубокой правдѣ бытовой и народной, какъ въ общемъ тонѣ, такъ и въ частныхъ подробностяхъ. Вѣрованія въ вилъ (у сербовъ и болгаръ),—въ боговъ, которыхъ надо кормить подъ-вечеръ, а утромъ надо передъ ними кланяться (у чеховъ), также сохранились въ этихъ маленькихъ поэмахъ во всей неприкосновенности, и поэтому тѣмъ страннѣе видѣть, какъ мало находится подобныхъ-же подробностей въ нашихъ былинахъ: а эти подробности безъ сомнѣнія существовали-бы въ нашихъ богатырскихъ пѣсняхъ, еслибъ онѣ были столько же самостоятельны, какъ тѣ. Но

этого нѣтъ, русскимъ пришлось не передавать изъ роду въ родъ древнія свои пѣсни, а перелагать на русскіе нравы и на русскій ладъ поэтическія созданія иноземныя. Огромную разницу между сербскими, болгарскими и чешскими богатырскими пѣснями съ одной стороны, и русскими былинами съ другой стороны, составляетъ психологическій элементъ, котораго такъ много въ первомъ, и такъ мало въ нашихъ былинахъ. Нельзя довольно наслаждаться описаніями душевныхъ движеній и рѣчей, которыя мы такъ часто встрѣчаемъ у Марка Кралевича, у Милоша, у Стояна, и другихъ героевъ сербскихъ и болгарскихъ, у Забоя, Славоя, Честмира и т. д. въ древнѣйшихъ пѣсняхъ Краледворской рукописи,—и нельзя въ тоже время не удивляться, до какой степени скудно все подобное въ нашихъ былинахъ. Что же касается тѣхъ пѣсенъ, гдѣ мотивы общіе, заимствованные отъ другихъ народностей, невозможно не видѣть огромной во всѣхъ отношеніяхъ разницы, существующей между обработкой нашей — и обработкой другихъ славянскихъ племенъ. Кажется нельзя сомнѣваться, что въ сербской пѣснѣ *о Маркѣ Кралевичѣ и разбойникѣ Мусѣ* излагается тотъ самый мотивъ, который у насъ изложенъ въ эпизодѣ *Ильи Муромца съ Соловьемъ Разбойникомъ*; *Добрыня съ Мариной и Змѣемъ Горынищемъ*—это тотъ-же самый разсказъ, что сербскій разсказъ *о Маркѣ Кралевичѣ, вдовѣ никопской и арапинѣ*; молодость *Ильи*, пріисканіе имъ коня, помощь каликъ—это тоже самое, что молодость *Марка Кралевича*, пріисканіе коня и помощь вилъ;—исторія *Предрага и Ненада*—это нѣсколько измѣненная исторія *Рустема и Сограба*, а значитъ *Уруслана Залазаревича* и *Ильи Муромца*, и т. д. Но сербскія пѣсни сдѣлали тутъ именно то, что *приписывается* нашимъ былинамъ, и чего, однакоже, на самомъ дѣлѣ онѣ не сдѣлали: сербскія былины взяли чужой, восточный матеріалъ и обработали его совершенно самостоятельно, самобытно».—Все это у меня написано, все это читалъ профессоръ Буслаевъ: послѣ того, какимъ образомъ онъ нашелъ возможнымъ объяснять Академіи наукъ, что я *отказываю* нашимъ былинамъ *во всякомъ* сродствѣ съ пѣснями другихъ славянскихъ племенъ, и что при этомъ я *въ особенности* ссылаюсь на сербскій эпосъ—того я уже рѣшительно не знаю.

Затѣмъ, если мнѣ очень жаль тѣхъ неправдъ, которыя тутъ пущены, совершенно понапрасну, въ ходъ про меня, то столько же мнѣ жаль тѣхъ упрековъ, которыми въ разныхъ мѣстахъ своего разбора метнулъ въ меня мой оппонентъ. Эти упреки касаются трехъ поэмъ: русской—«*Слово о полку Игоревѣ*», финской—«*Калевала*» и англо-саксонской—«*Беовульфъ*». По увѣренію профессора Буслаева, я выказалъ относительно всѣхъ трехъ значительное незнаніе и обратился съ ними вовсе не такъ, какъ бы слѣдовало. Но я, со своей стороны, смѣю увѣрить многоуважаемаго московскаго профессора, что онъ на

этотъ разъ хлопоталъ совершенно понапрасну и, во всѣхъ отношеніяхъ, мы оба съ нимъ могли-бы обойтись безъ его педагогическихъ внушеній. Мои доказательства слѣдующія. Представляя свое изслѣдованіе Академіи наукъ, я, между прочими рукописными вставками къ печатному тексту, сдѣлалъ и слѣдующую вставку на счетъ «*Слова о полку Игоревѣ*»:... «Однимъ изъ самыхъ убѣдительныхъ и наглядныхъ доказательствъ тому, какая огромная разница существуетъ между поэтическими произведеніями собственно русскими—и заимствованными, но покрытыми легкимъ слоемъ внѣшняго національнаго колорита, можетъ и должно служить сравненіе, съ нашими былинами, «*Слова о полку Игоревѣ*». Еслибъ былины на самомъ дѣлѣ были созданіями во всѣхъ отношеніяхъ чисто-національными, то безъ сомнѣнія имѣли-бы огромнѣйшее и бросающееся въ глаза сходство съ этимъ глубоко-русскимъ народнымъ созданіемъ поэзіи. Но такого сходства при сличеніи не открывается, и, напротивъ, поразительно бросаются въ глаза безчисленныя точки самаго коренного несходства, столько-же въ основномъ скелетѣ, сколько и во всѣхъ отдѣльныхъ подробностяхъ. «*Слово о полку Игоревѣ*» заключаетъ въ себѣ именно все то, чего нѣтъ въ нашихъ былинахъ, и отсутствіе чего казалось намъ столько страннымъ и необъяснимымъ въ этихъ пѣсняхъ, будто-бы вполнѣ русскихъ. Въ «*Словѣ*» мы встрѣчаемъ уже не тусклые и идеально-блѣдные очерки народныхъ лицъ и мѣстности: напротивъ, здѣсь *идеальнаго* и *общаго* нѣтъ уже ровно ничего; вездѣ чувствуемъ событія дѣйствительно *реальныя*, *историческія*, вездѣ встрѣчаемъ образы живые, дышащіе атмосферой древней Руси, вездѣ имѣемъ передъ глазами картины дѣйствительной русской мѣстности, русской обстановки, разнообразнѣйшихъ предметовъ бытовыхъ,—наконецъ эпическій складъ, не имѣющій уже въ себѣ ничего чужого, заимствованнаго, и переносящій наше чувство и воображеніе въ среду древне-русской жизни, понятій и вѣрованій. Поэма описываетъ уже не какого-то совершенно безцвѣтнаго, незначущаго, призрачнаго князя Владиміра, занятаго лишь пирами и охотой, пугающагося на каждомъ шагу всего, что ни случится, и всего менѣе помышляющаго о своей землѣ и народѣ,—а князей, занятыхъ дѣйствительнымъ дѣломъ и жизнью, полныхъ мысли и чувства, имѣющихъ опредѣленный характеръ и обликъ, и совершающихъ дѣйствія, которыхъ мы не можемъ не приписывать имъ. Эти князья, при нашествіи половецкомъ, не пугаются, а чувствуютъ гнѣвъ, негодованіе; они, эти «*буй-туры*», кипятъ жаждою помѣряться со врагомъ и прогнать его, и при этомъ вспоминаютъ «звонъ дѣдовской славы», помышляютъ объ окружающей ихъ междоусобицѣ и крамолѣ. Жена одного изъ нихъ, Ярославна, уже ничуть не похожа на фантастическихъ и безцвѣтныхъ женщинъ, встрѣчающихся вездѣ въ былинахъ: нѣтъ, это женщина дѣйствительно древне-русская, состав-

ленная изъ мяса и костей, наполненная русскимъ духомъ, дышащая русскимъ понятіемъ и чувствомъ, и потому, напечатлѣвающаяся какъ вѣрная и яркая картина, неизгладимо въ памяти,—наконецъ способная сильно интересовать насъ, въ противоположность нисколько неинтереснымъ и сказочнымъ героинямъ былинъ. Читая описанія «*Слова о полку Игоревѣ*», мы точно также видимъ передъ собою древне-русскія мѣстности: равнины, луга простирающіяся до рѣкъ, кусты и деревья,—птицъ и звѣрей древней южной Руси (уже не львовъ и слоновъ былинъ),—наши туманы и т. д. Обращаясь къ бытовымъ подробностямъ, видимъ земледѣльчество жителей и заимствованныя оттуда картины и уподобленія; рать дѣйствительно русскую, во всемъ истинно-русскомъ ея убранствѣ, со знаменами, щитами, трубами, саблями, ожерельями и т. д.; корабли и струги; вѣрованія въ природу и обращеніе къ ней при всякой нуждѣ, печали, важномъ душевномъ событіи. Гдѣ было-бы искать всего этого въ былинахъ? Именно всей этой исторической правды и вѣрности имъ рѣшительно недостаетъ, и, утративъ многое, слишкомъ многое, изъ главнаго, состава своихъ восточныхъ первообразовъ, онѣ въ тоже время, несмотря на многія красоты языка, потеряли значительную долю той силы, красоты и образности, которыя всегда отличаютъ самостоятельное созданіе народнаго творчества».

Эта замѣтка, по моему мнѣнію, достаточно выяснила мой взглядъ на существенную разницу между *самобытными* и *заимствованными* произведеніями древней нашей поэзіи. Но профессору Буслаеву этого казалось слишкомъ мало, и въ своемъ разборѣ моего изслѣдованія онъ говоритъ: «Въ рукописной вставкѣ къ параграфу XIII третьей части, стр. 339, авторъ восторгается «*Словомъ о полку Игоревѣ*» и не находитъ ничего общаго между этимъ древнимъ произведеніемъ и былинами. Чтобъ утверждать такъ настойчиво, онъ обязанъ былъ подвергнуть строгой критикѣ приводимыя проф. Тихонравовымъ, въ его изданіи «*Слова*», сближенія нашихъ былинъ съ этимъ произведеніемъ». Но я отвѣчу на все это, что мнѣ не было ни малѣйшей надобности слушаться проф. Буслаева и подвергать критикѣ сближенія проф. Тихонравова: это и безъ меня давно сдѣлано, и сдѣлано такъ хорошо, такъ солидно, что мнѣ уже не оставалось ничего къ этому прибавлять. Одинъ изъ нашихъ молодыхъ ученыхъ, г. Макушевъ, напечаталъ, болѣе двухъ лѣтъ тому назадъ, разборъ труда г. Тихонравова, и проф. Буслаеву нельзя было не знать этого разбора, потому что его собственный разборъ той же работы напечатанъ въ одной книжкѣ «*Журнала министерства народнаго просвѣщенія*» съ разборомъ г. Макушева, и даже рядомъ съ нимъ. Г. Макушевъ перебираетъ одно за другимъ сравненія «*Слова о полку Игоревѣ*» съ былинами, сдѣланныя профес. Тихонравовымъ, и нахо-

дить ихъ совершенно неидущими къ дѣлу. И дѣйствительно, нельзя съ нимъ не согласиться, когда напр. видишь такія сравненія, какъ слѣдующія: проф. Тихонравовъ беретъ выраженіе изъ «*Слова*»: «Солнце ему тьмою путь заступаше», и находитъ сходство между нимъ и словами былины о Дюкѣ Степановичѣ:

Не по Дюковой пало участи:
Напалъ *туманъ* со маревомъ, —
Не видно пути-дороженьки,
Стоючись то Дюкъ самъ дивуется.

«Что общаго, спрашиваетъ г. Макушевъ, между *затмѣніемъ* и *туманомъ*»? Отвѣчать мнѣ кажется—нечего. Точно также онъ не видитъ никакого сходства между выраженіями «*Слова*»: «Уже бо бѣды его пасеть, птицъ по добію; влъци грозу всрожать по яругамъ; орли клектомъ на кости звѣри зовутъ», и былиною объ Ильѣ Муромцѣ, гдѣ говорится:

Ступилъ онъ паленицы на лѣву ногу
И подернулъ паленицы за праву ногу;
Онъ ю на двое поразорвалъ.
Первую частиночку рубилъ онъ на мелки куски
И рылъ онъ по раздольицу чисту полю,
Кормилъ эту частиночку *сѣрымъ волкамъ;*
А другую частиночку рубилъ онъ на мелки куски,
Рылъ онъ по раздольицу чисту полю,
Кормилъ эту частиночку чернымъ вороножъ.

«Опять не вижу, говоритъ г. Макушевъ, ничего общаго между кормленіемъ, Ильей Муромцемъ, волковъ и вороновъ частицами ноги паленицы (богатырьши) — и созываніемъ орлами звѣрей на кости» [1].

Таковы и прочія, восхищающія проф. Буслаева, сравненія, сдѣланныя профессоромъ Тихонравовымъ, между разными мѣстами «*Слова*» и — былинами, малороссійскими пѣснями, Эддой, сербскими пѣснями и т. д. Безъ сомнѣнія, г. Макушеву не было большого труда опровергнуть ихъ всѣ. И, сдѣлавъ это, онъ наконецъ приходитъ къ слѣдующему выводу: «Есть, безспорно, у г. Тихонравова и удачныя сравненія «*Слова о полку Игоревѣ*» съ былинами; но эти сравненія попадаются какъ-то-случайно и *касаются только отдѣльныхъ выраженій* «*Слова*», послѣдовательности въ нихъ нѣтъ никакой. Выраженія, сходныя съ употребляющимися въ «*Словѣ*», встрѣчаются не въ однихъ былинахъ, но и въ другихъ памятникахъ древней русской литературы, какъ наприм. «*Сказ. о Дмитріѣ Иван.*», у Даніила Заточника, въ лѣтописяхъ, у Владиміра Мономаха, и т. д.; но изъ этого сходства отдѣльныхъ выраженій въ «*Словѣ*» и другихъ

---

[1]) Журналъ мин. нар. просв., 1867, ч. 133, стр. 465.

древнихъ русскихъ литературныхъ памятникахъ ничего еще не слѣдуетъ: *одинаковость предметовъ естественно вызывала одни и тѣже сходные образы*, какъ справедливо замѣтилъ г. Карелкинъ въ статьѣ своей *«О полку Игоревѣ*, напечатанной въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1854 года (апрѣль). Притомъ встрѣчается иногда даже болѣе сходства въ выраженіяхъ *«Слова»* и другихъ памятниковъ, чѣмъ былинъ *(здѣсь приводится примѣръ поразительнаго сходства между однимъ мѣстомъ «Слова» и припискою 1307 года къ одному харатейному толковому апостолу)*... Мнѣ кажется, что при сравненіи *«Слова»* съ былинами надо имѣть въ виду не отдѣльныя выраженія, а употребительныя въ народной нашей поэзіи способы силы и выразительности языка, какъ-то: тождесловіе, описаніе, опущеніе соединительныхъ словъ, эпитеты, построеніе періода, сравненія положительныя и отрицательныя и олицетворенія. Притомъ, по моему мнѣнію, подобныя сравненія должны быть изложены [1]) систематически, а не отрывочно: при такомъ условіи ученикъ не только убѣдится, *какъ глубоко проникнутъ былъ эпическими мотивами народной поэзіи авторъ «Слова»*, но и познакомится съ характеристическими чертами ея языка [2])». Со всѣмъ высказаннымъ здѣсь, мнѣ кажется, всякій будетъ согласенъ. Я, со своей стороны, также совершенно съ этимъ согласенъ, и, находя доводы г. Макушева вполнѣ убѣдительными, я, само собою разумѣется, не имѣлъ уже ни малѣйшей надобности подвергать новой критикѣ «сближенія» г. Тихонравова. Признаться сказать, во мнѣ гнѣздилось нѣкоторое убѣжденіе, что послѣ статьи г. Макушева, профессоръ Буслаевъ и самъ уже никогда болѣе не заговоритъ про такія сближенія, которыя ровно никуда не годятся и къ дѣлу вовсе не идутъ. Этого не вышло: виноватъ ли же я, что никакіе доводы, даже самые очевидные, не дѣйствуютъ на многоуважаемаго московскаго профессора?

Перехожу къ «Калевалѣ».

Я нѣсколько разъ упоминалъ въ своемъ изслѣдованіи, наряду съ Одиссеей, Нибелунгами, Беовульфомъ—также и *«Калевалу»*. Профессоръ Буслаевъ почему-то представилъ себѣ, что на этомъ пунктѣ я далъ маху, а потому тотчасъ-же и прочиталъ мнѣ наставленіе слѣдующаго содержанія: «Напрасно авторъ помѣщаетъ въ семью братьевъ и сестеръ финскую *«Калевалу»*, которая столько же чужда этой семьѣ, какъ и пѣсни киргизовъ или минусинскихъ татаръ. Если же въ братское сродство ставитъ онъ національности всего міра, то, при современномъ состояніи лингвистики, едва ли еще возможно

---

[1]) Г. Макушевъ имѣетъ здѣсь въ виду педагогическую цѣль, такъ какъ именно съ этою цѣлью и было сдѣлано изданіе *«Слова»* профессоромъ Тихонравовымъ.

[2]) Журн. мин. нар. просвѣщ., 1867, г. 133, стр. 466—467.

мечтать объ этомъ общемъ имъ всѣмъ идеальномъ прародителѣ». Въ отвѣтъ на эти строки, я считаю долгомъ признаться, что я въ данномъ мѣстѣ ровно ни объ чемъ не мечталъ, а держался фактовъ, очень прочныхъ и извѣстныхъ, и, положа руку на сердце, ничего тутъ не сдѣлалъ «напрасно». Что финская національность ничуть не принадлежитъ къ арійскимъ — это я очень хорошо знаю; что греки, скандинавы, нѣмцы, англо-саксонцы и т. д., между собою братья, а финны совершенно особая статья—я тоже знаю. Но это не мѣшаетъ мнѣ, несмотря на все это, знать, что извѣстныя племена—это одна вещь, а ихъ пѣсни и поэмы—это другая вещь. Нынче довольно давно уже существуетъ убѣжденіе, что произведенія финской народной поэзіи (столько же сказки, сколько и поэмы) вовсе не самостоятельны, а заимствованы изъ арійскихъ источниковъ; и тѣ ученые, которые установили это мнѣніе, показали даже причины, почему именно финны лишены такой поэзіи, которая основами своими коренилась бы на дѣйствительно финской почвѣ. Еще Кастренъ въ своихъ «Лекціяхъ о финской миѳологіи» указывалъ на то, что заимствованія алтайскихъ племенъ начались еще въ Азіи. Такъ, наприм., миѳъ о сотвореніи міра изъ яйца существуетъ лишь у древнѣйшихъ индо-европейскихъ народовъ, съ одной стороны—и у финновъ и эстовъ, съ другой стороны. Эти послѣдніе принесли его съ собою еще съ Алтая. Его нѣтъ ни у новыхъ индо-европейскихъ, ни у алтайскихъ народовъ. Но миѳы уединенно не возникаютъ, и если у западныхъ и южныхъ арійцевъ есть миѳъ о яйцѣ міра, и потомъ онъ встрѣчается у финновъ, то нѣтъ сомнѣнія, что онъ переданъ былъ изъ средней Азіи — въ верхнюю [1]. Въ этомъ случаѣ мы имѣемъ примѣръ первой категоріи заимствованій. Но на этомъ дѣло не остановилось. Въ новой своей родинѣ, Европѣ, то первоначальное алтайское племя, которое теперь извѣстно подъ именемъ финновъ, продолжало свои заимствованія, столько же многочисленныя, сколько и существенныя. Финны заимствовали новые элементы миѳологіи и у скандинавовъ, и у германцевъ. У однихъ заимствованы духи Тонту и Пара, духъ Каве, богъ Торъ (Тара), у другихъ духъ Мейнингейненъ (духъ предковъ) и т. д. [2]. Эти послѣднія заимствованія совершились даже въ довольно позднія эпохи. Не страдая тою патріотическою обидчивостію и высокомѣріемъ, которыя составляютъ странный отличительный признакъ у многихъ другихъ ученыхъ, Кастренъ, хотя и финнъ по рожденію, нисколько не затруднялся доказывать тамъ, гдѣ находилъ это справедливымъ, заимствованія финской *«Калевалы»* изъ скандинавской *«Эдды»* [3]. Другой уче-

---

[1]) *Castrén*, Vorlesungen über die finnische Mythologie, 290.

[2]) Тамъ же, 164, 168, 169, 203, 210.

[3]) Тамъ же, 303.

ный, академикъ Шифнеръ, столько сдѣлавшій въ вопросѣ о финской поэзіи и сравненіи ея съ произведеніями другихъ народовъ, говоритъ уже и въ своемъ изслѣдованіи о миѳическомъ содержаніи финскихъ сказокъ, что собственно финскій элементъ далеко уступаетъ здѣсь мѣсто чужеземному, заимствованному у народовъ арійскаго происхожденія (скандинавовъ и русскихъ [1]), а въ своемъ сравненіи финскихъ поэмъ съ русскими прямо говоритъ: «Западныя отрасли финской вѣтви, переселяясь изъ своей первоначальной родины на нынѣшнія мѣста жительства, не принесли съ собой выработанной системы боговъ, но познакомились съ таковою только тутъ, и приняли ее какъ что-то уже совершенно готовое, когда вступили въ сношенія съ народами индо-европейскаго племени, стоявшими по развитію гораздо выше ихъ. То, что финскіе народы знали до тѣхъ поръ, состояло почти только въ шаманствѣ или по крайней мѣрѣ ограничивалось извѣстнымъ числомъ элементныхъ духовъ. Пріобрѣтя новое вѣрованіе отъ болѣе образованныхъ сосѣдей, они твердо ухватились за него и такимъ образомъ, безъ сомнѣнія, сохранили извѣстныя черты древне-сѣверныхъ миѳовъ, которые въ самой Скандинавіи давнымъ давно уже погибли, а также исчезли изъ дошедшей до насъ литературы германскаго сѣвера». Далѣе академикъ Шифнеръ прибавляетъ, что множество подобныхъ же заимствованій находится въ финской поэзіи изъ русскихъ сказокъ, и что многія черты, про которыя до сихъ поръ воображали, что онѣ перешли изъ рунъ въ сказки, гораздо скорѣе слѣдовали обратному пути [2]). Наконецъ, еще въ третьемъ сочиненіи, ученый нашъ академикъ приводитъ доказательства заимствованій, дѣланныхъ финскою поэзіею у литовской народности: при этомъ онъ признаетъ особенно значительнымъ то обстоятельство, что всего явственнѣе у финновъ обозначается заимствованіе бога-громовника (Пиру и Перкеле): и здѣсь, какъ у скандинавовъ (подъ именемъ Тора), обожаніе этого божества всего ближе было для земледѣльца [3]). Въ своемъ учебникѣ нѣмецкой миѳологіи Зимрокъ также говоритъ, что иныя мѣста «*Калевалы*» до того сходны съ «*Эддой*», что приходится признать внѣшнюю связь тѣхъ и другихъ разсказовъ [4]). Неужели профессоръ Буслаевъ никогда не слыхалъ про все это, неужели все это для него новость? Тогда очень сожалѣю о немъ. Но при такомъ положеніи, въ настоящее время, вопроса о коренномъ содержаніи финской поэзіи, спрашивается: слѣдо-

---

[1]) Mélanges russes, 1855, II, статья акад. Шифнера: Ueber den Mythengehalt der finnischer Märchen, 602.

[2]) *Schiefner:* «Versuch einer Erklärung des Zusammenhangs finnischer Sagen mit russischen», Archiv für wissensch. Kunde Russlands, 1863, XXII, 609—610.

[3]) *Schiefner:* Ueber Kalewa und Kalevingen. Mélanges Russes, 1862, IV, 255—288.

[4]) *Simmrock*, Handbuch der deutschen Mythologie, 2-te Auflage. 1864, 122.

вало ли мнѣ трактовать *«Калевалу»* иначе, чѣмъ я это сдѣлалъ, т.-е. слѣдовало ли ее отдѣлять отъ Одиссеи, Эдды, Нибелунговъ и т. п.? Конечно нѣтъ. Моя обязанность именно состояла въ томъ, чтобъ согласно съ современными, наиболѣе развитыми и подвинувшимися впередъ, изслѣдованіями собрать въ одно мѣсто весь однородный матеріалъ: о племенной разницѣ народовъ тутъ вовсе не было и рѣчи. Ей мѣсто было въ другихъ, болѣе подходящихъ отдѣлахъ моего изслѣдованія.

Наконецъ, посмотримъ, на что понадобился профессору Буслаеву «Беовульфъ» при его доказательствахъ великой моей научной несостоятельности? Понадобился онъ на то, чтобъ показать, какъ я смѣшонъ со своимъ способомъ объясненій. Профессору Буслаеву (не знаю почему) угодно было не разъ въ своемъ разборѣ отозваться съ похвалой объ «остроуміи», которое будто бы присутствуетъ во многихъ мѣстахъ моего изслѣдованія о былинахъ. Вслѣдствіе того, онъ нашелъ нужнымъ проявить и со своей стороны тоже самое качество. «Постой, братъ, я тебя доѣду остроуміемъ же! (повидимому сказалъ себѣ московскій профессоръ), я тебя выставлю въ такомъ каррикатурномъ видѣ, что просто тебѣ не поздоровится, — я тебя *«затопчу въ грязь»*. Съ этою цѣлью профессоръ Буслаевъ выдвинулъ англо-саксонскую поэму *«Беовульфъ»*, и ну давай угнетать меня ею. «А, заговорилъ профессоръ Буслаевъ, вы сравнивать русскія былины съ восточными поэмами и пѣснями? А знаете ли, на свѣтѣ есть поэма Беовульфъ? хотите, я тотчасъ представлю васъ въ каррикатурѣ? Мнѣ стоитъ только разсказать, какъ можно пожалуй, — для смѣха — сближать наши былины напр. хоть объ Ильѣ и Добрынѣ, съ этой англо-саксонской поэмой. Мнѣ стоитъ только попробовать — и вы полетите вверхъ ногами со всѣмъ вашимъ изслѣдованіемъ». И онъ пробуетъ. Но оказывается, что мой противникъ еще разъ понапрасну тратилъ свои заряды. Въ настоящемъ случаѣ не оказалось ни моего незнанія, ни его остроумія. Какъ мнѣ было не знать такую поэму, на которую я же самъ ссылался, въ началѣ II-й своей части? Какъ мнѣ было не знать ее, когда каждому если уже не сама она извѣстна, въ подлинникѣ или переводахъ (пусть это невозможно — куда мнѣ что-нибудь знать самому собой!), то хоть извѣстны указанія ученыхъ, въ ихъ великихъ сочиненіяхъ: я надѣюсь, мнѣ дозволительно знать по крайней мѣрѣ сочиненія профессора Буслаева, а тамъ ссылокъ на Беовульфа и сравненій съ нимъ не мало. Кромѣ того, не я-ли же говорилъ о необходимости и пользѣ сравненія, между прочимъ, и этой поэмы съ нашими былинами? Но профессоръ Буслаевъ этого всего знать не хочетъ, и начинаетъ. Сначала онъ говоритъ, что даже самое имя *Беовульфъ* значитъ *«дятелъ»*, и что вотъ по такимъ-то и такимъ-то документамъ извѣстно, что въ древнихъ славянскихъ литературахъ (именно чешской)

иныя божества и личности назывались птичьимъ именемъ, однозначущимъ съ именемъ Беовульфа. Но я все еще, покуда, цѣлъ, и спрашиваю: какое же намъ до всего этого дѣло? Что удивительнаго и новаго въ томъ фактѣ, что въ древности у славянъ и нѣмцевъ бывали личности, носившія птичьи имена? И до сихъ поръ есть на свѣтѣ очень много *Орловыхъ*, *Соколовыхъ*, *Соловьевыхъ*, *Воробьевыхъ*, *Кречетовыхъ*, *Кукушкиныхъ*—у русскихъ, и *Адлеровъ*, *Нахтигалей*, *Лерховъ*, *Гейеровъ* и т. д. у нѣмцевъ. Но что же изъ этого слѣдуетъ? Рѣчь вовсе не идетъ здѣсь о славянскихъ прозвищахъ вообще, ни о чешскихъ въ особенности: вѣдь рѣчь шла только о собственно-русскихъ. Во-вторыхъ, я спрашиваю: что намъ за дѣло до божествъ и неидущихъ ни къ селу ни къ городу личностей? Здѣсь рѣчь шла о двухъ русскихъ богатыряхъ, съ которыми кто-то собирался сравнивать Беовульфа: но этого сравненія не произошло, ни Илья, ни Добрыня не имѣютъ, по имени, ничего общаго съ *«дятломъ»*, значитъ поразительное остроуміе пр. Буслаева пало само собой, не поранивъ меня, и въ результатѣ не вышло ровно ничего, ни шуточнаго, ни серьезнаго. Но этого нашъ профессоръ не чувствуетъ, и преспокойно продолжаетъ далѣе: «Если уже въ самыхъ именахъ собственныхъ находимъ мы *такое* (?!!) сродство между нѣмецкими и славянскими эпическими преданіями, то еще болѣе сходнаго встрѣтимъ въ ихъ содержаніи», и въ доказательство онъ принимается приводить, что какъ въ поэмѣ *Беовульфъ»* Скильдъ прибылъ въ страну Дановъ, еще молодымъ мальчикомъ, на ладьѣ, безъ мачтъ и парусовъ, такъ точно въ нашей легендѣ Антоній Римлянинъ приплылъ въ Новгородъ на камнѣ. Прослушавъ это, опять свидѣтельствую себя: оказывается, что и на этотъ разъ я все-таки еще цѣлъ, и потому, ободрившись, обращаюсь къ каждому изъ моихъ читателей и спрашиваю: позвольте спросить, господа, какое намъ однакоже дѣло до сходства или несходства англо-саксонской *поэмы* съ русской *легендой?* Вѣдь рѣчь идетъ не о легендахъ, а о *былинахъ*, и притомъ о такихъ былинахъ, гдѣ разсказывается про Илью и Добрыню? Съ какой же стати намъ выставленъ тутъ на-показъ Антоній Римлянинъ? Откуда онъ взялся, зачѣмъ у насъ передъ нами очутился, зачѣмъ торчитъ поперегъ дороги? Опять-таки ни смѣхотворнаго, ни серьезнаго—ровно ничего тутъ не вышло. Но, шествуя далѣе, профессоръ Буслаевъ принимается увѣрять, что какъ вышереченный Скильдъ, послѣ смерти своей, былъ положенъ въ свою ладью и спущенъ въ море, такъ точно наши Илья и Добрыня «навсегда скрылись изъ Руси на кораблѣ». Тутъ уже я прямо обращаюсь къ профессору Буслаеву, и спрашиваю его: въ какой же это *былинѣ* нашелъ онъ такой разсказъ? Вѣдь дѣло состоитъ въ томъ, что у насъ нѣтъ *ни одной* такой былины! Вотъ какъ московскій ученый дѣйствуетъ противъ меня со своимъ несказаннымъ остроуміемъ. Правда, есть у насъ одно

произведеніе народнаго творчества, гдѣ есть тотъ разсказъ, на который онъ ссылается, но вѣдь это — *сказка*, а не *былина*, а по понятіямъ этихъ господъ, сказка и былина двѣ совершенно разныя вещи. Какъ же это, твердятъ они всегда, можно вдругъ сравнивать со *сказками*, т.-е. выдумками, фантазіями, — историческія *были*, *былины*, т.-е. такія вещи, которыя дѣйствительно случились съ истинными сынами земли русской, Ильями Муромцами, Добрынями? Но пусть будетъ побуслаевскому. Возьмемъ, что онъ намъ даетъ. Гдѣ онъ нашелъ свой примѣръ? Онъ нашелъ его у В. И. Даля, слышавшаго эту *сказку* когда-то и гдѣ-то въ народѣ [1]). Не сомнѣваемся въ достовѣрности разсказа этого высоко-уважаемаго нами ученаго, но замѣтимъ, во-первыхъ, что нигдѣ болѣе (кромѣ этой сказки) у насъ не упоминается о такого рода исчезновеніи Ильи Муромца и Добрыни Никитича; а во-вторыхъ, намъ вовсе еще неизвѣстно, впредь до болѣе обстоятельнаго изслѣдованія, изъ какихъ мозаичныхъ элементовъ составилась сказка В. И. Даля. Но важнѣе всего этого еще вотъ что́. Пускай существуетъ у насъ былина объ исчезновеніи, на кораблѣ, Ильи и Добрыни; пускай существуетъ былина (нынче еще тоже, покуда, неизвѣстная) о прибытіи богатырямладенца на кораблѣ; пускай, наконецъ, Илья Муромецъ и Добрыня имѣютъ, и по имени, и по дѣламъ своимъ, величайшее сходство съ Беовульфомъ — что́ же тутъ во всемъ этомъ вреднаго для меня, что́ же тутъ такого, что должно убить меня на повалъ? У меня уже давно напечатано, что между народными поэмами и пѣснями индо-европейскихъ народовъ, живущихъ въ Европѣ (здѣсь я, между прочимъ, упоминалъ и *«Беовульфа»*) и русскими былинами, существуетъ величайшее сходство, именно то сходство, какое бываетъ обыкновенно между братьями и сестрами. Профессоръ Буслаевъ убѣжденъ, что сходство между англо-саксонскою поэмою и нашими былинами—есть; онъ убѣжденъ, что это сходство не случайное, а родственное, не внѣшнее, а коренное: но во всемъ этомъ столько же убѣжденъ и я—чего же больше? Вѣдь мы съ нимъ оба во всемъ здѣсь согласны: англо-саксонскій Беовульфъ одно и тоже лицо съ нашимъ Ильей и Добрыней; сраженія этихъ послѣднихъ со змѣемъ, съ Соловьемъ-Разбойникомъ и вообще ихъ похожденія имѣютъ совершенно соотвѣтствующіе эпизоды въ англо-саксонской поэмѣ; дочери Соловья-Разбойника — это девять никсъ въ Беовульфѣ; нашъ Змѣй-горынчище—это змѣй стражъ горъ; нашъ князь Владиміръ—это король Гродгаръ, и т. д. Все это и можно и должно доказывать, начиная отъ крупныхъ и кончая мелкими подробностями. Что же тутъ смѣшного, какая тутъ пародія? Напротивъ, ничего здѣсь нѣтъ, кромѣ дѣла самаго обыкновеннаго, научнаго, серьезнаго: сравниваются вещи родственныя, схожія, вотъ и все! Такимъ

[1]) Пѣсни, собранныя Кирѣевскимъ, выпускъ I, прилож. XXXIV.

образомъ, ровно никакой пародіи на меня не вышло, а это очень дурно, потому что когда человѣкъ взялся насмѣшить другихъ своимъ остроуміемъ на счетъ указаннаго имъ паціента, онъ долженъ непремѣнно это выполнить, не то самъ онъ вдругъ окажется въ очень комическомъ, и незавидномъ положеніи. Чтобъ покончить исторію съ *«Беовульфомъ»*, скажу здѣсь, что дѣлаю тѣ же сравненія нашихъ былинъ съ этою поэмою, какъ и профессоръ Буслаевъ, только никого не хочу этимъ смѣшить, и вывожу оттуда совершенно другіе результаты, чѣмъ безмѣрно-остроумный мой московскій оппонентъ [1]).

Такимъ образомъ, изо всего этого вмѣстѣ выходитъ, что профессоръ Буслаевъ на счетъ трехъ поэмъ: *«Слова о полку Игоревѣ»*, *«Калевалы»* и *Беовульфа»* довелъ до свѣдѣнія Академіи наукъ такія соображенія, которыя ни въ какомъ случаѣ до меня не относились.

Далѣе, профессоръ Буслаевъ доложилъ Академіи, что на счетъ слова *«богатырь»* существуютъ два мнѣнія. «Одни ученые, говоритъ онъ, видятъ въ немъ восточное слово, принесенное къ намъ монголами; другіе—слово собственно русское, родственное восточному по первобытному индо-европейскому сродству. Приводимыя авторомъ доказательства въ пользу перваго мнѣнія (въ рукописной вставкѣ) не новость въ наукѣ, и я остаюсь при прежнемъ убѣжденіи, высказанномъ мною въ рецензіи на «Словарь иностранныхъ словъ» *Миклошича*, въ журн. мин. нар. просвѣщ. Изъ этихъ словъ мы, конечно, должны прежде всего заключать, что если мои доказательства не новость, то ужъ за то, по крайней мѣрѣ, доказательства профессора Буслаева по этой части—совершенная новость. Иначе, разумѣется, онъ ихъ-бы не высказалъ въ своей рецензіи противъ такого авторитета по части славянской филологіи, какъ Миклошичъ. Но на дѣлѣ это не такъ. На дѣлѣ оказывается, что проф. Буслаевъ и до сихъ поръ держится мнѣнія о происхожденіи слова *«богатырь»* отъ слова *«богъ»*, черезъ прилагательное *«богатъ»*, которое уже очень давно было извѣстно, и въ настоящее время отвергается всѣми солидными филологами, особенно оріенталистами. Уже 20 лѣтъ тому назадъ, въ «Энциклопедическомъ Словарѣ» Плюшара было сказано: *«Багадуръ-багадыръ*, по-монгольски герой. Слово это завоеваніями монголовъ внесено въ языки многихъ подвластныхъ народовъ, разсѣянныхъ по пространству Туркестана, Персіи и Индіи; отъ него происходитъ и русское слово *богатырь*, надъ произведеніемъ котораго отъ славянскихъ корней такъ много трудились наши ученые [2]).» Статья эта написана извѣстнымъ

---

[1]) Укажу, мимоходомъ, на одну подробность въ разсказѣ о Беовульфѣ, которая не была замѣчена профессоромъ-острякомъ, но которая, вмѣстѣ съ прочими сильно сближаетъ героя этой поэмы съ Добрыней, а, значитъ, и съ Кришной Гаривансы, съ Рамой Рамаяны, съ Геркулесомъ и т. д. Это — что у него есть товарищъ для похожденій и помощникъ — Виглафъ.

[2]) Энциклоп. лексиконъ Плюшара, т. IV, стр. 48.

оріенталистомъ В. В. Григорьевымъ, но скрѣплена была, можно сказать, не однимъ только его собственнымъ авторитетомъ, но и авторитетомъ всего оріентальнаго отдѣла тогдашней редакціи «Энциклопедическаго лексикона»: а сюда принадлежали, кромѣ В. В. Григорьева, еще такія свѣтила оріентальной филологіи, какъ Сенковскій, Савельевъ, Шмидтъ. Въ 1849 году, берлинскій оріенталистъ Шоттъ писалъ въ своемъ трактатѣ объ алтайскихъ племенахъ: «Одно и тоже опредѣленное выраженіе для понятія «герой», «могучій храбрый человѣкъ»— распространено по неизмѣримымъ пространствамъ. Его встрѣчаешь начиная съ Венгріи и пройдя сквозь всю Россію, или также сквозь Турцію, Персію, Туркестанъ и племенныя мѣстожительства монголовъ до океана Тунгузіи. Въ разныхъ языкахъ, имъ обладающихъ, формы его слѣдующія: по-маджарски *bàtor*, по-польски *bohater*, по-русски *богатырь*, по-персидски и по-турецки *bahâdir*, *behâder*, по-монгольски *baghatur* или *bâtur*, на языкѣ *мандшу—batura*. Распространеніе этого слова обозначаетъ довольно хорошо распространеніе монгольскихъ нашествій, если только исключить Китай, гдѣ этого слова не встрѣчается. Я не могу найти къ этому слову корня ни въ монгольскомъ, ни въ какомъ-либо другомъ татарскомъ языкѣ. Но какъ славянское *«богъ»* и турецкое *«bogh»* имѣютъ свой корень въ санскритѣ, такъ точно и *«baghatur»*. Мнѣ кажется, что *«baghatur»* происходитъ отъ санскритскаго *«bhadra»*—laetus, felix, excellens, и что персы измѣнили *bh* въ *bah*. Но, какъ бы то ни было, слово это перешло изъ Персіи въ страны при Оксѣ, а оттуда черезъ Туркестанъ въ Монголію. По крайней мѣрѣ у Санангъ-Сетцена многіе предшественники Чингисъ-Хана носятъ почетное имя *baghatur*; впрочемъ, можетъ быть, оно перенесено тутъ изъ позднѣйшаго въ древнѣйшее время. Отъ монголовъ его приняли тунгузы и вѣроятно венгры, откуда и происходитъ величайшее тожество между словами: *«bâtur»*, *bàtor* и *batura*. Но приняли-ли славяне свое *«богатырь»* также впервые отъ монголовъ, или гораздо раньше, еще отъ тюркскихъ племенъ, или отъ коренныхъ своихъ соплеменниковъ, персовъ—это вопросъ, который кажется неразрѣшимъ исторически. По своему образованію, это слово стоитъ совершенно *уединенно* въ славянскихъ языкахъ. Правда, слово *«богатырь»* отдѣляется отъ слова *«богатый»* только буквою *р*; но какимъ-же образомъ эта одна буква была-бы въ состояніи превратить человѣка богатаго въ героя? Савельевъ признаетъ, совершенно справедливо, въ словѣ *«богъ»* и его производныхъ, санскритскія формы *«bhaga»*, *«bhagawat»*, и т. д., но оставляетъ въ сторонѣ слово *«богатырь»*, потому что, по всей вѣроятности, оно и ему также не казалось принадлежащимъ сюда» [1]). Впослѣдствіи, въ 1868 году, Шоттъ повторилъ тѣ же самыя

[1]) *Wilh. Schott*: Ueber das Altaische oder finnisch-tatarische Sprachgeschleit, 1849, стр. 7.

положенія въ *«Запискахъ берлинской академіи наукъ»*, но указалъ еще на санскритскій корень *bhagadhara*—обладатель счастья [1]). Но Шоттъ хотя и извѣстный оріенталистъ, но не спеціально санскритистъ и иранистъ, а потому ошибся въ своихъ предположеніяхъ о возможности происхожденія слова *«baghatur»* отъ санскритскаго или персидскаго корня. Знаменитѣйшіе спеціалисты по этимъ двумъ частямъ высказываются отрицательно. Вуллерсъ говоритъ, что персы получили слово *«bahâdur»* отъ арабовъ, а тѣ произвели его изъ монгольскаго слова *«baghatur»* [2]). Извѣстный иранистъ, академикъ Дорнъ словесно заявилъ мнѣ, что слово *бегадуръ* или *багадуръ* хотя и встрѣчается въ персидской литературѣ (напр. въ Шахъ-Намэ), но оно не иранскаго корня. Санскритисты Бётлингъ и Ротъ въ колоссальномъ своемъ санскритскомъ лексиконѣ также производятъ слово *«bâhadura»* отъ монгольскаго *«baghatur»* [3]). Сверхъ того, первый изъ нихъ, академикъ Бётлингъ объяснилъ мнѣ, на словахъ, самымъ положительнымъ образомъ, что слово *«богатырь»* ни подъ какимъ видомъ не происходитъ отъ санскритскаго корня, а въ одномъ изъ своихъ сочиненій, высказалъ слѣдующее: «Невозможно принять, чтобъ покорители Индіи (монголотюрки) составили изъ санскритскихъ матеріаловъ слово для обозначенія необыкновеннаго героя. Вообще я не могу себѣ представить, чтобъ такіе воинственные народы, какъ монголы и тюрки, научились впервые отъ покореннаго народа, какъ назвать приличнымъ именемъ героя. Неужели-же монголы и тюрки сами сознали свое мужество только при столкновеніи съ индусами?» [4]). Наконецъ, знаменитый славянскій филологъ Миклошичъ прямо поставилъ славянское слово *«богатырь»* въ числѣ словъ, заимствованныхъ изъ иноземныхъ языковъ, и, опираясь на Шотта, сравниваетъ его съ монгольскимъ, турецкимъ и персидскимъ прототипами [5]). Изъ совокупности этихъ доказательствъ кажется самъ собою исходилъ тотъ резуль-

---

[1]) 1868, Juli. 499 стр.

[2]) Вуллерсъ, персидскій лексиконъ, слово *bahâdur*, стр. 283. Я обязанъ этимъ указаніемъ—академику Шифнеру.

[3]) Санскритскій лексиконъ Бётлинга и Рота, т. V, стр. 28. Этимъ указаніемъ я также обязанъ академику Шифнеру.

[4]) Mélanges russes, 1860, IV, стр. 205, статья Бетлинга: «Bemerkungen zu Benfey's Uebersetzung des Pankatantra».

[5]) Denschriften der kais. Wiener Akad. der Wissensch., 1867, B. XV, *Miklosich:* «Die Fremdwörter in den slawischen Sprachen.» По указанію академика Шифнера, я могу прибавить здѣсь къ польской и мадьярской формѣ слова *«богатырь»*—еще и литовскую: *«bagotyrus»*—богачъ, богатый (*Nesselmann*, Wörterbuch der littauischen Sprache, 1851, стр. 318), которая повидимому, могла бы служить подтвержденіемъ славянскаго производства моихъ противниковъ. Но мы ничего не знаемъ о томъ, съ какого времени это слово появилось въ литовскомъ языкѣ и литературѣ. Суффиксъ *yr*—не литовскій. У насъ и у поляковъ слова *богатырь* нѣтъ на лицо раньше монголовъ.

татъ, что слово *«богатырь»* не можетъ быть арійскаго происхожденія, потому что иначе оно существовало-бы самостоятельно, а не въ видѣ заимствованія, какъ у азіятскихъ арійцевъ (индусовъ, персовъ), такъ и у европейскихъ арійцевъ (славянъ, германцевъ и т. д.). Но у первыхъ оно существуетъ лишь въ заимствованіи отъ монгольскихъ завоевателей, а что касается до вторыхъ, то *только у тѣхъ, которые были въ соприкосновеніи съ тѣми же монгольскими завоевателями. Куда они не заходили*, Греція, Италія, Испанія, Франція, Германія, Скандинавскій полуостровъ, *тамъ и слова «богатырь» не оказывается.* Все это (кромѣ цитатъ изъ персидскаго и санскритскаго лексиконовъ) было приведено у меня въ рукописныхъ добавленіяхъ къ моему изслѣдованію, и было въ виду у профессора Буслаева. Но онъ ничего не привелъ противъ этихъ многочисленныхъ и столько полновѣсныхъ свидѣтельствъ, повидимому, полагая, что его собственное мнѣніе важнѣе самыхъ очевидныхъ выводовъ людей спеціальныхъ. Мнѣ же казалось, что чего-нибудь да стоютъ единогласныя доказательства столькихъ свѣтилъ оріентальнаго языкознанія. Мнѣ казалось, что въ занимавшемъ меня вопросѣ, послѣ всего приведеннаго уже мною въ доказательство восточнаго происхожденія русскихъ былинъ, очень важную роль играло и самое названіе «героя»; а такъ какъ въ этомъ случаѣ оріенталисты оказывались самымъ рѣшительнымъ образомъ на моей сторонѣ, то мнѣ нечего было уже заботиться о такихъ филологическихъ производствахъ, гдѣ болѣе присутствовало желаніе все русское признавать самостоятельнымъ и превосходнымъ, чѣмъ настоящее доказательное дѣло.

Однакоже, сводя вмѣстѣ все сказанное профессоромъ Буслаевымъ, вотъ сколько разнообразныхъ причинъ для недовѣрія ко мнѣ было выставлено имъ на видъ Академіи наукъ; онѣ были многочисленны и разнообразны. Но, мнѣ кажется, чѣмъ все это излагать, чѣмъ представлять, одну за другою, нескладицы собственнаго изобрѣтенія, и все это съ такимъ примѣчательнымъ отсутствіемъ истины и основательности, — гораздо лучше было-бы моему рецензенту прежде всего постараться выяснить, какая была главная цѣль моего изслѣдованія, и куда она клонилась? Правда, профессоръ Буслаевъ говоритъ про то, откуда и какъ я вывожу наши былины. Но вѣдь это только второй вопросъ для меня, и онъ занимаетъ всего только вторую половину моего труда. Вѣдь есть еще цѣлая другая половина, которая, конечно, никакъ не менѣе важна, чѣмъ первая, а ея-то профессоръ Буслаевъ и знать не хочетъ. Для него, этой половины словно не бывало, и онъ ни единаго слова не доложилъ о ней Академіи наукъ. Но я на это несогласенъ. Первая половина казалась мнѣ столько-же существенною въ то время, когда я ее обдумывалъ и излагалъ, сколько и теперь, и потому я не намѣренъ, за одно съ профессоромъ

Буслаевымъ, отступаться отъ нея. Въ разныхъ мѣстахъ своего разбора, мой оппонентъ говоритъ о недостаткахъ моего метода, о моей полнѣйшей ненаучности. Прекрасно, и обо всемъ этомъ мы поговоримъ ниже. Но неужели онъ признаетъ удивительно удовлетворительнымъ и научнымъ *свой* методъ, а именно тотъ, который побуждаетъ ученаго критика разсматривать одну половину вещи, а до другой и не дотрогиваться?

Когда я началъ заниматься русскими былинами, я нашелъ вопросъ о нихъ въ слѣдующемъ положеніи. Всѣ наши изслѣдователи, отъ мала до велика, были самымъ непоколебимымъ образомъ убѣждены, что *«былины»*—это настоящія *«были»* (вѣдь самое имя это показываетъ!), что-то въ самомъ во время оно случившееся, что-то историческое. На этомъ основаніи, наши изслѣдователи въ запуски одинъ передъ другимъ хлопотали о томъ, чтобъ доказать, ка́къ и почему вотъ то́-то и вотъ то́-то выражаетъ, въ чудныхъ формахъ народной поэзіи, такое-то лицо, такое-то событіе. Тянули на сцену лѣтописи, сравнивали съ ними былины, находили поминутныя сходства, радовались, апплодировали, и, наконецъ, объявляли, что былины до того вѣрно и справедливо воспроизводятъ исторію, что для, такъ-называемаго, простого народа онѣ «несравненно выше всевозможныхъ историческихъ руководствъ или учебниковъ, и служатъ ему единственнымъ и самымъ популярнымъ средствомъ къ поддержанію и укрѣпленію національныхъ силъ, развитыхъ въ народѣ его исторіей. Вопреки своимъ грубымъ анахронизмамъ, былина въ общемъ своемъ составѣ, въ нравственной характеристикѣ лицъ и въ пониманіи великихъ событій старины, и до сихъ поръ еще не встрѣчаетъ себѣ соперничества ни въ одномъ историческомъ сочиненіи, а по искренности національнаго чувства она можетъ равняться только съ самыми лучшими страницами лѣтописи, которой служатъ живымъ народнымъ отголоскомъ...» Такая-то и такая-то былина можетъ считаться «образцемъ мѣстнаго развитія эпической поэзіи, во всей ея чистотѣ, безъ малѣйшей примѣси вліянія чужихъ мѣстностей» и т. д. Эти и подобныя имъ идеи были подносимы нашему обществу ото всѣхъ нашихъ изслѣдователей; оно приглашалось любоваться въ былинахъ, какъ въ зеркалѣ, на свою древнюю исторію, на свою древнюю жизнь, на своихъ древнихъ героевъ; въ историческое существованіе многихъ изъ числа этихъ послѣднихъ намъ предписано было не въ шутку вѣровать, на томъ основаніи, что тамъ и сямъ въ лѣтописяхъ попадались тѣ самыя имена, которыя блистали въ нашихъ былинахъ. Видя все это, я обратился, и къ нашимъ изслѣдователямъ, и къ нашему обществу, съ такою рѣчью: «Да помилуйте, господа, что это у насъ говорится? Вѣдь это просто ни на что́ не похоже! Какая тутъ исторія, какія тутъ дѣйствительныя личности, въ самомъ дѣлѣ когда-то суще-

ствовавщія, коль скоро эти самые разсказы и эти самыя личности мы встрѣчаемъ, начиная съ очень древнихъ временъ, у множества восточныхъ народовъ! Во всемъ этомъ нѣтъ никакихъ *былинъ*, никакихъ дѣйствительныхъ личностей и событій, а только фантазіи, облекающія извѣстныя представленія въ болѣе или менѣе поэтическую форму. Сначала эти представленія были религіозными, миѳическими, а впослѣдствіи они превратились въ чисто-геройскія. Къ намъ, въ Россію, они пришли тогда, когда находились уже на второй ступени своего развитія. Какъ же находить во всемъ этомъ что-то историческое, реальное? Полноте, господа, прекратимте эти шутки, бросимте старинныя замашки, и чѣмъ восхищаться небывалыми чертами русской исторіи, небывалыми ея дѣятелями, чѣмъ дѣлать глубокомысленные выводы тамъ, гдѣ для нихъ нѣтъ вовсе мѣста, чѣмъ плести никуда негодную патріотическую канитель — давайте лучше изучать наши былины со стороны ихъ фантастичности и ненародности: кажется по этой дорогѣ мы скорѣе придемъ къ результатамъ дѣльнымъ и полезнымъ». Такова была моя мысль, и такова, приблизительно, моя рѣчь, и, мнѣ кажется, тутъ не было ничего позорнаго или оскорбительнаго для нашей народности. Вѣдь таковъ общій ходъ народной поэзіи, такова участь всѣхъ народныхъ поэмъ и пѣсенъ, и къ результатамъ, подобнымъ тѣмъ, что я нынче излагаю, рано или поздно придутъ и вездѣ. Уже нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ, лучшіе оріенталисты нашего времени разсматривали именно въ такомъ смыслѣ замѣчательнѣйшія изъ дошедшихъ до насъ народныхъ поэмъ, и не находили ничего постыднаго въ результатахъ, подобныхъ тѣмъ, которые теперь оказываются справедливыми относительно нашихъ былинъ. Такъ, наприм., разсматривали Шахъ-Намэ, т.-е. ту персидскую поэму, которая очень долго считалась въ самомъ дѣлѣ *«книгою царей»*, собраніемъ несомнѣнныхъ историческихъ фактовъ персидской исторіи, но лишь только въ поэтической, легендарной и иной разъ фантастической формѣ. Что же тутъ оказалось? Когда стали пристальнѣе и проще разсматривать эту знаменитую восточную поэму, вдругъ оказалось, что въ сущности она не заключаетъ (до самаго наступленія позднѣйшихъ эпохъ) никакого персидскаго корня, а разсказываетъ тѣ самыя событія и представляетъ тѣ самыя личности, которыя были собственно на лицо и въ литературѣ у индусовъ.

Геніальный Бюрнуфъ доказалъ (въ своей *«Яснѣ»*), что многіе изъ «персидскихъ» царей Фирдоуси существуютъ уже и въ древнѣйшихъ индѣйскихъ преданіяхъ, въ видѣ личностей еще вовсе не иранскихъ. За Бюрнуфомъ въ слѣдъ устремились лучшіе европейскіе оріенталисты. Скоро персидскій Джемшидъ оказался существующимъ и въ Индіи подъ именемъ Джимы, Феридунъ—подъ именемъ Фретоны, Гершаспъ—подъ име-

немъ Кересаспы и т. д. [1]), и такимъ образомъ пришлось наконецъ замѣтить три періода въ образованіи персидской народной поэмы. Во время перваго періода (литературнаго представителя котораго, собственно иранскаго, еще неизвѣстно), героемъ, совершителемъ подвиговъ является еще божество, и дѣло происходитъ на небѣ. Такъ, наприм., въ Ведахъ, еще божественная личность побѣждаетъ змія или демона и отнимаетъ у него украденныхъ коровъ. На него падаетъ перунъ Индры или стрѣла Триты, проламываетъ скалы и оттуда вдругъ струятся источники, плодородіе возвращается въ міръ. Во-второмъ періодѣ бой спускается съ неба на землю, и изъ категоріи естественныхъ явленій переходитъ въ область духовнаго, нравственнаго міра. Такъ, въ Зендавестѣ, Третона сдѣлался уже смертнымъ, и сражается въ войнѣ за чистое противъ нечистаго, на землѣ, среди человѣческаго общества. Во время третьяго періода, дѣло получаетъ уже какой-то какъ бы историческій колоритъ, и та самая борьба, которая въ Ведахъ происходила еще на небѣ, а въ Зендавестѣ — на землѣ, но въ идеальной формѣ, происходитъ въ персидскихъ богатырскихъ легендахъ (собранныхъ, въ Шахъ-Намэ, въ одно цѣлое) уже на арійской, персидской землѣ, змій превратился уже въ тиранна, сидящаго на тронѣ иранскомъ. Эти различныя ступени легенда прошла въ теченіе времени, равняющагося тысячамъ двумъ лѣтъ [2]). Въ своемъ предисловіи къ *«Зендавестѣ»*, Шпигель говорилъ: «Пора, наконецъ, бросить попытку соединять древне-персидскія богатырскія сказанія, какъ онѣ изложены у Фирдоуси, съ *историческими* разсказами грековъ. Вплоть до конца царствованія Гуштаспа (вмѣстѣ съ которымъ кончается повѣствованіе о Рустемѣ), во всѣхъ этихъ разсказахъ нѣтъ и тѣни чего-нибудь историческаго. Послѣ Гуштаспа идутъ разсказы, взятые изъ совершенно другихъ источниковъ» [3]). Такъ и другіе европейскіе учёные начали отказываться отъ исканія чего-то *историческаго* въ народныхъ поэмахъ. У насъ, покуда, ничего подобнаго и знать не хотятъ. Все у насъ достовѣрно, все у насъ самостоятельно, все у насъ въ высшей степени исторично. Но пусть, такъ. Если, несмотря ни на что, все-таки является опытъ взглянуть на дѣло иначе, если кто-то принимается доказывать, что нѣтъ ничего историческаго, дѣйствительнаго и реальнаго въ нашихъ былинахъ, что онѣ никоимъ образомъ не могутъ служить нашему народу лучше всякихъ *историческихъ* руководствъ и учебниковъ, и равняться лѣтописи, то, разбирая эти доводы, какіе бы они ни были, хорошіе или дур-

---

[1]) *Spiegel:* Die Sage von Sam und das Sâm-Nâme, Zeitschr. der morgenländ. Gesellschaft, 1849, III, 246.

[2]) Тамъ же: *Roth,* Die Sage von Feridun in Indien und Iran, 1848, II, 218—222, — и еще: Die Sage von Dschamschid, 1850, IV, 417 и далѣе.

[3]) *Spiegel:* Avesta, 1852, I, вступл. 43—44.

ные — кажется необходимо было на нихъ указать, надо было хоть опровергнуть ихъ. Но мой критикъ не уразумѣлъ этого, и вовсе *ничего* не доложилъ Академіи про мое стремленіе вывести русскія былины изъ области дѣйствительности и присоединить ихъ къ области фантазіи. Пускай профессоръ Буслаевъ не соглашается съ моимъ мнѣніемъ о происхожденіи нашихъ былинъ съ Востока, но все-таки, казалось бы, невозможно долѣе удерживаться на той позиціи, что былины не только по деталямъ, но и по коренной основѣ своей архи-русскія. Профессору Буслаеву не по вкусу *восточные* прототипы и оригиналы — прекрасно, но вѣдь какое-нибудь значеніе имѣютъ же для него оригиналы *западные* и *славянскіе*, съ которыми онъ весь свой вѣкъ сравнивалъ нашихъ князей Владиміровъ, Ильевъ Муромцевъ, Добрыней, Ставровъ, Соловьевъ Будимировичей и т. д. Кажется, нѣтъ ничего проще той мысли, что если эти личности встрѣчаются въ столькихъ разнообразныхъ мѣстахъ, и иной разъ существовали тамъ завѣдомо гораздо раньше, значитъ не принадлежали намъ однимъ и не были чисто-народнымъ, самобытнымъ произведеніемъ нашимъ. Скажи это профессоръ Буслаевъ (не соглашаясь даже со всѣми остальными моими мыслями и выводами), уже и это одно могло бы почитаться довольно интереснымъ результатомъ новѣйшаго изученія былинъ. Но мой критикъ счелъ нужнымъ промолчать, и, такимъ образомъ, Академіи наукъ предоставлялось вѣрить, по-прежнему, что у насъ въ былинахъ присутствуетъ чистѣйшая русская исторія, что тутъ всѣ основы у насъ самыя отечественныя, и только чье-то легкомысліе и ненаучность производятъ на свѣтъ праздныя разсужденія о какихъ-то небывалыхъ сходствахъ съ чужими поэмами и пѣснями. Вотъ какъ поступилъ московскій профессоръ съ петербургскимъ изслѣдованіемъ.

Но оставимъ этотъ странный пропускъ критика въ сторонѣ, и послѣдуемъ за профессоромъ Буслаевымъ въ его осужденіяхъ той единственной половины моего труда, которую онъ счелъ пригодною для своего разбора.

Тутъ меня опять-таки прежде всего поражаетъ несправедливость моего критика. Въ прежнія времена бывало, пока дѣло шло о сравненіи (съ совершенно особенною цѣлью) нашихъ былинъ съ произведеніями западной народной поэзіи, и даже съ нѣкоторыми изъ восточныхъ (тѣми именно, за которыми признавали какой-то аристократическій и знатный характеръ, наприм., Магабгарата), то все было ладно, все хорошо. Наши изслѣдователи, и въ томъ числѣ на первомъ планѣ самъ же профессоръ Буслаевъ, съ восхищеніемъ плавали въ безбрежномъ морѣ сравненій, варіантовъ, сближеній, и ничего не находили дурного въ этихъ сходствахъ. Ныньче я попробовалъ дѣлать точь-въ-точь такія же сличенія съ восточными поэмами и пѣснями, только уже ничуть не аристократическими — и вдругъ это оказалось

дурно, никуда негодно. Не странно ли все это? Нынче, въ отпоръ мнѣ, профессоръ Буслаевъ не разъ говоритъ: «*какая-то* татарская пѣсня», «*нѣкоторая* минусинская татарка», «*нѣкоторая* монгольская вѣдьма», «татарщина», «непонятное увлеченіе татарщиной» и т. д. Отчего же онъ прежде не употреблялъ такихъ презрительныхъ выраженій, дѣлая свои сравненія былинъ съ выбранными имъ образцами? Вѣдь не говорилъ же онъ тогда: «*какая-то* нѣмецкая поэма или легенда», «*нѣкоторая* скандинавская вѣдьма», «*нѣмечина*», «*французятина*», «*жидовщина*» и т. д. Правда, даже и нынче, онъ говоритъ, что это «ложная чопорность» — смотрѣть на татарщину съ презрѣніемъ, и что въ пѣсняхъ и сказаніяхъ азіатскихъ кочевниковъ много прекраснаго, «потому что въ народной поэзіи все хорошо, потому что все безъискусственно, все истинно». Но это только изъ благоразумной предосторожности. Несмотря на эти забѣганія впередъ, съ безпристрастіемъ въ заглавіи, профессоръ Буслаевъ на тѣхъ же страницахъ своей рецензіи, все-таки обращался къ азіатской народной поэзіи съ приведенными выше презрительными терминами. Очевидно, что въ одномъ случаѣ дѣло идетъ о поэмахъ и пѣсняхъ неприличныхъ, презрѣнныхъ, грязныхъ, а въ другомъ случаѣ — о поэмахъ возвышенныхъ, достойныхъ, приличныхъ. Когда-то мы избавимся отъ этихъ барскихъ взглядовъ на народности! Кажется можно быть увѣреннымъ, послѣ этого, что пусть будетъ доказано происхожденіе нашихъ былинъ отъ западныхъ поэмъ и пѣсенъ—профессоръ Буслаевъ погорюетъ объ этомъ, даже будетъ жаловаться, спорить (еще бы! вдругъ что-то русское оказалось бы не самостоятельнымъ, не доморощеннымъ!), но подъ конецъ покорился бы злой участи и утѣшился бы тѣмъ, что вотъ-дескать какіе у насъ знатные предки на лицо. Но совсѣмъ другая статья съ пѣснями татарскими, сибирскими, киргизскими, калмыцкими: сравненіе съ *такими* вещами унизительно, позорно, особливо тогда, когда вдругъ доказывается, что они старше и своеобразнѣе былинъ великаго россійскаго государства. И тотчасъ же все то, что позволительно при сравненіи съ скандинавскими, нѣмецкими и англо-саксонскими поэмами, что называется въ томъ случаѣ измѣненіями, варіантами, искаженіями—вдругъ не имѣетъ никакого другого значенія, кромѣ смѣхотворнаго, когда рѣчь заходитъ о моихъ сравненіяхъ былинъ съ восточными пѣснями или поэмами. Такъ, наприм., въ одномъ мѣстѣ у меня было сказано, что въ древнемъ восточномъ первообразѣ изображена миѳическая дѣва, прядущая *черными* нитками, и что послѣ длиннаго ряда измѣненій (намъ неизвѣстныхъ) эта дѣва является у насъ въ былинѣ, повѣствующей тоже самое событіе, подъ видомъ дѣвицы *Чернавы*: ясно, что въ первомъ случаѣ это дѣйствующее лицо выражаетъ собою темное, враждебное начало, а впослѣдствіи это миѳическое начало затерялось, и уцѣлѣлъ только одинъ внѣшній признакъ—

черный цвѣтъ. Вмѣсто того, чтобъ отнестись къ этому факту серьезно, какъ ко всякимъ другимъ фактамъ научнаго изслѣдованія, профессоръ Буслаевъ съ ѣдкимъ остроуміемъ замѣчаетъ, что у меня «въ дѣвицѣ Чернавѣ усматриваются черныя нитки». Въ другомъ мѣстѣ я разсказывалъ древній миѳологическій миѳъ, гдѣ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ было древне-индѣйское божество Сома (богъ луны); впослѣдствіи, этотъ самый разсказъ оказался и у насъ, въ числѣ нашихъ былинъ, но главное дѣйствующее лицо является уже не богомъ Сомой, а богатыремъ Дунаемъ. И что же? Профессоръ Буслаевъ нашелъ приличнымъ для себя увѣрять Академію наукъ, что для меня «стали одно и тоже— рѣка Дунай и луна»!!! Вообразимы ли, со стороны ученаго и въ серьезномъ научномъ разборѣ, такія милыя шалости? Я могъ бы привести изъ разбора профессора Буслаева еще нѣсколько другихъ примѣровъ точно такого же убійственнаго остроумія, но, мнѣ кажется, довольно будетъ и этихъ.

Къ чему же ведутъ всѣ продѣлки моего московскаго оппонента? Къ тому, чтобы выставить всю уморительность, всю негодность моей мысли, что русскія былины происходятъ отъ древне-азіатскихъ оригиналовъ. Однако же шутокъ и каррикатуръ еще мало въ дѣлѣ науки, тамъ, гдѣ надо опровергать выставленное впередъ новое мнѣніе; еще мало жалобъ на «смѣлость» пріемовъ, на натяжки, на извращенія: необходимы еще доказательства.

И вотъ профессоръ Буслаевъ пускается въ доказательства. Но въ чемъ они у него состоятъ? Во-первыхъ, въ наставленіи мнѣ, что какъ санскритъ не отецъ индо-европейскихъ языковъ, такъ точно и древне-азіатскія поэмы и пѣсни не родоначальники народныхъ ново-европейскихъ героическихъ поэмъ и пѣсенъ. Первое я давно знаю, а со вторымъ все-таки несогласенъ, потому, что оно ни коимъ образомъ еще не вытекаетъ изъ перваго. Языкъ языкомъ, миѳы миѳами, но все это ничуть не мѣшаетъ тому факту, чтобъ извѣстный народъ заимствовалъ отъ другихъ народовъ, съ которыми былъ въ соприкосновеніи, — цѣлый рядъ разсказовъ. Нечего разсуждать объ отдаленномъ коренномъ сродствѣ, когда на лицо самыя неоспоримыя доказательства происхожденія гораздо болѣе простого и малосложнаго.

Намъ надо выбирать между двумя системами. По одной изъ нихъ, наша патріотическая гордость и чванство могутъ быть вполнѣ удовлетворены: у насъ-дескать все свое, все мы сами сдѣлали, вездѣ себя выразили. Но въ этой системѣ, пріятно щекотящей наши нервы, оказываются огромныя неудобства и закавычки. Тутъ приходится увѣрять себя и другихъ, что уже въ незапамятныя, доисторическія времена существовали разсказы удивительно развитые, полные, послѣдовательные, выдѣланные до малѣйшихъ подробностей, и вотъ славяне принесли съ собою такіе разсказы изъ Азіи въ Россію: иначе какимъ же

образомъ объяснить себѣ, при существованіи этой системы, пропасть такихъ русскихъ разсказовъ, которые не только въ *общемъ*, но и въ *подробностяхъ* сходятся съ безчисленными разсказами азіатскими? Между тѣмъ несомнѣнно, что древнѣйшіе до-историческіе разсказы никогда не существовали въ формѣ полной, развитой, выдѣланной, наполненной безчисленными эпическими подробностями. Въ виду всего этого, невольно говоришь себѣ: нѣтъ, это что-то не ладно, такъ не могло происходить дѣло. Тутъ есть, должно быть, другое объясненіе, получше и посолиднѣе.

И такимъ объясненіемъ является вторая система. Она, правда, ничуть не ласкаетъ нашего патріотическаго чувства, да и не заботится объ этомъ, но за то даетъ значительно удовлетворительные отвѣты на множество вопросовъ, до послѣдняго времени покуда еще и не существовавшихъ. Хорошо было, въ прежнее время, сравнивать наши былины все только со скандинавскими да германскими, съ болгарскими да сербскими, и наконецъ, отъ времени до времени, изрѣдка, съ индѣйскими сказаніями и разсказами: оно, разумѣется, не трудно было въ тѣ времена сваливать всѣ сходства на счетъ общаго арійскаго сродства, вѣдь тутъ были на лицо дѣйствительно все только поэмы и пѣсни однихъ арійскихъ народовъ. Но это добродушное объясненіе уже болѣе не годится съ тѣхъ поръ, какъ выдвинули впередъ цѣлый рядъ новыхъ фактовъ, прежде неизвѣстныхъ или забытыхъ. Теперь вдругъ оказалось, что приписываемое до тѣхъ поръ однимъ арійскимъ племенамъ, давнымъ-давно, съ глубочайшей древности существуетъ и у племенъ не-арійскихъ. У этихъ-то какимъ же образомъ очутились тѣ самые разсказы, что у индусовъ, персовъ, славянъ, германцевъ, скандинавовъ? Тутъ уже никакое «обще-арійское сродство» не придетъ на выручку. Очевидно, что тутъ происходило заимствованіе. Но если оно было возможно для племенъ не-арійскихъ, то почему же будетъ невозможно и для племенъ арійскихъ? Нѣтъ причины не допускать такого заимствованія, когда на это настоятельно указываетъ вся совокупность выплывшихъ теперь наружу новыхъ фактовъ. Изслѣдователю представляются теперь вопросы: Вотъ вы говорите, что вездѣ причина сходства — обще-арійское родство. Прекрасно. Но отчего же русскія былины такъ похожи на тюрко-монгольскіе разсказы? Отчего же они къ нимъ такъ близки? Вы говорите, что это происходитъ отъ прибытія монголо-тюрковъ въ Россію—но тогда и всѣ другія произведенія русской жизни передѣлались бы и перекрасились бы въ монголо-тюркскія формы и краски, какъ былины. Но этого не случилось, и предметы или произведенія собственно-русскіе удержали по прежнему свой самостоятельный колоритъ.—Далѣе: Отчего въ былинахъ нѣтъ множества такихъ вещей, которыя непремѣнно были-бы тутъ, еслибъ эти былины являлись чѣмъ-то въ самомъ дѣлѣ русскимъ,

ли отчего, напротивъ, тутъ на лицо такое огромное количество предметовъ монголо-тюркскихъ, которымъ тутъ было-бы совсѣмъ не мѣсто, при національномъ происхожденіи былинъ?—Это необъяснимо при толкованіяхъ прежней системы, но вполнѣ понятно и просто при объясненіяхъ новой системы. Мы тутъ узнаемъ, самымъ естественнымъ образомъ, почему въ былинахъ нѣтъ ни русской зимы, ни русской природы, ни русскихъ религіозныхъ обрядовъ и обычаевъ, ни избъ, ни войска русскаго, ни однодеревокъ, ни рабовъ, ни русскаго способа сражаться и т. д. Понятно, что всего этого не можетъ быть въ былинахъ, коль скоро онѣ заимствованы изъ разсказовъ и пѣсенъ азіатскихъ, которые наполнены лишь подробностями природы, жизни и обстановки азіатской.

Правда, профессоръ Буслаевъ силится дать кое-какіе отвѣты на тѣ запросы, которые возникаютъ изъ новыхъ фактовъ. Но что̀ это за отвѣты, что̀ за объясненія, мы тотчасъ увидимъ изъ нѣсколькихъ примѣровъ.

Я говорилъ, что «въ нашихъ былинахъ зима, ледъ, морозъ не играютъ никакой роли, точно будто дѣло происходитъ не въ Россіи, а въ какомъ-то жаркомъ климатѣ Востока». Тутъ же въ примѣчаніи было прибавлено, что «о зимѣ и снѣгѣ говорится въ былинахъ *едва-ли* не всего одинъ только разъ, а именно въ разсказѣ о Чурилѣ Пленковичѣ: «Что съ вечера пороша порошила, съ полуночи выпалъ бѣлый снѣгъ, выпалъ бѣлый снѣгъ во весь бѣлый свѣтъ». Профессоръ Буслаевъ спѣшитъ поправить меня, и говоритъ: «Опять неточность. Въ былинѣ объ Алёшѣ Поповичѣ читается:

Пойдемъ, братецъ, къ двору,
Сожмемъ снѣгу пò кому (Кир., II, 65).

Въ былинѣ объ Иванѣ Годиновичѣ:

Выпала пороха снѣгу бѣлаго,
По той по порохѣ, по бѣлу снѣгу,
И лежатъ три слѣда звѣриные». (Кир. III, 22).

Но, въ отвѣтъ на это, каждый внимательный читатель легко замѣтитъ, что въ первомъ примѣрѣ риѳмованные концы строкъ ясно указываютъ на позднюю редакцію или даже вставку, что̀ подтверждается тѣмъ, что всѣ варіанты этой пѣсни записаны въ Москвѣ и въ губерніяхъ Орловской и Тульской [1]), а во-второмъ примѣрѣ повторяются лишь, почти слово въ слово, тѣ самыя стереотипныя выраженія о

---

[1]) Кир. II, 65—66. Конечно никого не удивятъ — такія риѳмы, какъ *пò двору— пò кому*. Большинство народныхъ нашихъ риѳмъ всегда таково, напр. *попъ — либо сѣна клокъ; не красна изба углами, а красна пирогами; хата бѣла, да безъ хлѣба бѣда; хоть хлѣба крома, да воля своя.*

порошѣ и *бѣломъ снѣгѣ*, которыя находятся и въ моемъ примѣрѣ. Во всякомъ же случаѣ, вообще во всѣхъ этихъ примѣрахъ, зима, снѣгъ и морозъ не играютъ—еще разъ повторяю—какъ и въ прочихъ былинахъ, никакой *существенной* роли. Характеръ нашихъ былинъ все-таки вездѣ и повсюду, въ общемъ и въ частности—*лѣтній*; онѣ всѣ указываютъ на жаркій поясъ, въ такой степени, что если даже какая-нибудь случайная вставка (подобная вышеозначеннымъ) какъ будто и указываетъ на присутствіе зимы, за то всѣ остальныя подробности былины ничуть не показываютъ этого присутствія и, напротивъ, ясно говорятъ о постоянно *лѣтнемъ* характерѣ разсказа, спѣшатъ возстановить его. Такъ, напр., въ былинѣ объ Иванѣ Годиновичѣ, приводимой проф. Буслаевымъ, правда, упомянуты вскользь *пороша* и *бѣлый снѣгъ*, но ничего *зимняго* нѣтъ болѣе во всемъ разсказѣ: выкиньте только эти двѣ (вставочныя) строки, и вы никогда не догадаетесь, что дѣйствіе въ этой былинѣ можетъ происходить зимой. Ни зимнихъ одеждъ, ни жилищъ, ни иныхъ зимнихъ подробностей—тутъ на лицо нѣтъ, и, напротивъ, Иванъ Годиновичъ «ставитъ въ полѣ бѣлый шатеръ свой, развертываетъ ковры сорочинскіе, постилаетъ потнички бумажные, и изволитъ на нихъ съ Настасьею опочивъ держать» [1]). Ясно, что тутъ нѣтъ ни зимы, ни вообще чего-бы то ни было русскаго: русскіе такъ не жили и не почивали зимой, особливо съ невѣстами; тутъ явно ничего другого нѣтъ, кромѣ обще-азіатскаго поэмнаго склада и подробностей лѣтней жизни азіатскихъ номадовъ.

У меня было также сказано: «Ни мховъ и болотъ, ни плодородныхъ земледѣльческихъ мѣстностей былины нигдѣ не рисуютъ». — Профессоръ Буслаевъ отвѣчаетъ: «Авторъ утверждаетъ это, забывая эти превосходныя характеристики, которыми то начинаются, то оканчиваются наши былины:

А мхи были болота въ Поморской стороны,
А тая эта зябель въ Подъ-сиверной стороны,
Гольныя щелья въ Бѣлу-Озеру. (Рыбн. I, 325)
Сильные-могучіе богатыри въ Кіевѣ,
Церковное пѣнье въ Москвѣ городѣ;
Славный звонъ въ Новѣ-городѣ;
Сладкіе поцѣлуи Новоладожанки;
Гладкіе мхи къ синю мору подошли;
Щелье-каменье въ Сѣверной сторонѣ.
(Рыбн. II, 44).

Но что же значатъ эти припѣвы, эти случайныя арабески явно поздняго времени въ вопросѣ о русскомъ самостоятельномъ характерѣ и происхожденіи нашихъ былинъ? Вѣдь эти припѣвы не играютъ

[1]) Кир. III, 22, 24.

ровно никакой роли въ составѣ тѣхъ былинъ, къ которымъ приклеены самымъ внѣшнимъ образомъ. Та-же самая исторія повторяется и съ «хлѣбородною осенью» и со всѣми остальными деталями, которые онъ приводитъ для того, чтобъ опровергнуть меня. Я не могъ не знать, столько времени имѣвши дѣло со всѣми нашими сборниками былинъ, что тутъ, пожалуй, можно найти упоминаніе и о маковкахъ церковныхъ, и о подикахъ кирпичныхъ въ печкахъ глиняныхъ, и о помелечкахъ мочальныхъ, обмакнутыхъ въ лохань, и о печкахъ муравленыхъ, и о присядкѣ и т. д. Но я не могъ также не видѣть и того, что все это внѣшнія вставки и орнаменты, кое-какъ прилѣпленные къ той или другой былинѣ въ позднее время русскими разскащиками, на основаніи утвердившихся эпическихъ привычекъ русскаго языка, и ничуть не входящіе въ самый ея составъ. Ничто ими не держится, ничто на нихъ не основывается и не опирается, и они легко могутъ быть повсюду замѣнены, какъ вещь посторонняя, подробностями совершенно другими, или же, иной разъ, и вовсе выпущены вонъ. Не такъ бываетъ съ тѣми подробностями, которыя не приставлены впослѣдствіи, а нарисованы вмѣстѣ, заодно съ сочиненіемъ того или другого созданія народной поэзіи. Вспомните описанія зимы или лѣта въ Шахъ-Намэ [1]), или зимнія и лѣтнія картины въ поэмахъ и пѣсняхъ тюркскихъ сибирскихъ племенъ [2]). Здѣсь все идетъ одно къ одному, здѣсь все въ связи, противорѣчій не встрѣчаешь, потому что никакихъ позднѣйшихъ постороннихъ приставокъ нѣтъ. Съ упоминаніемъ зимы всегда является въ связи многое изъ предыдущаго и послѣдующаго: и одежда, и жилище, и разнообразныя сцены или дѣйствія неразрывно связаны другъ съ другомъ. Описанія мѣстностей также не являются въ видѣ случайнаго упоминанія вскользь, безъ котораго легко можно было бы обойтись. Нѣтъ, снѣжная-ли гора, песчаная-ли степь, длинный-ли горный кряжъ, быстрая-ли рѣка упомянуты, они упомянуты потому, что на нихъ зиждется самымъ неоспоримымъ образомъ дѣйствіе былины, а во-вторыхъ потому, что они вполнѣ выражаютъ географическія условія своей страны.

Я еще говорилъ: «Деревянныхъ построекъ въ былинахъ нѣтъ, кромѣ, развѣ, случайнаго упоминанія, вскользь, избы Морского царя въ подводномъ царствѣ: но это лишь одинъ изъ позднихъ варіантовъ». Проф. Буслаевъ признаетъ, повидимому, правду моихъ словъ, но про-

---

[1]) Наприм. описаніе зимы тамъ, гдѣ разсказывается, какъ царь Кей-хозру пропалъ въ снѣжной горѣ, а потомъ занесены были снѣгомъ богатыри, отправившіеся его отыскивать. *Mohl.* Schah-Nameh, IV, 269—271.

[2]) Зима и ледъ играютъ здѣсь, въ своемъ мѣстѣ, такую важную роль, что не говоря уже о шубахъ, теплыхъ кафтанахъ, мѣховыхъ шапкахъ, рукавицахъ, упоминаемыхъ на каждомъ шагу, тюркская *баба-яга*, прототипъ нашей, живетъ въ *«ледяномъ домѣ»*. Radloff, II, 549—550.

должаетъ: «Авторъ смотритъ на народную былину рѣшительно какъ на исторію, и требуетъ отъ нея такой этнографической точности, чтобы въ ней каждый народъ строилъ себѣ хоромы по-своему, на точныхъ правилахъ архитектуры. Любопытно-бы было приложить эту теорію къ французскимъ *Chansons de geste»!* — Я требую отъ былинъ точности и вѣрности? Разумѣется. И не я одинъ, а мнѣ кажется всякій, ищущій національности въ произведеніяхъ народной поэзіи, требуетъ того же самого. Гдѣ онъ находитъ, что подробности поэмы или пѣсня соотвѣтствуютъ дѣйствительнымъ подробностямъ народной жизни, тамъ онъ говоритъ: «да, здѣсь на лицо произведеніе въ самомъ дѣлѣ національное» (хотя бы только по однимъ деталямъ); а гдѣ онъ этого не находитъ, тамъ говоритъ: «нѣтъ, здѣсь что-то чужое, заимствованное отъ другихъ народовъ, или навязанное ими». Такъ вотъ и въ настоящемъ случаѣ. Изслѣдователь разсматриваетъ русскія былины и, вмѣсто подробностей русскихъ, поминутно наталкивается на подробности азіатскія, и притомъ всего чаще поздне-азіатскія, всего чаще тюрко-монгольскія. Какъ ему не обратить на это серьезнаго вниманія, какъ ему не подумать и не сказать: «тутъ нѣтъ своего, тутъ нѣтъ русскаго, здѣсь явно все вещи чужія, заимствованныя». Проф. Буслаева удивляетъ требованіе, чтобъ была этнографическая правда въ былинахъ и чтобъ хоромы были построены по точнымъ правиламъ архитектуры. А какъ же иначе, и что̀ тутъ удивительнаго? Посмотрите индѣйскія поэмы: тамъ всѣ постройки чисто въ индѣйскомъ стилѣ архитектуры; посмотрите Шахъ-Намэ: тамъ всѣ постройки чисто-персидскія; посмотрите монгольскія и тибетскія поэмы: тамъ всѣ постройки монгольскія и тибетскія; посмотрите пѣсни тюркскихъ племенъ: тамъ все время рѣчь идетъ о войлочныхъ юртахъ; посмотрите Эдду: тамъ рѣчь идетъ о каменныхъ постройкахъ, со столбами и украшеніями чисто въ романскомъ стилѣ архитектуры, со щитами по стѣнамъ и на кровлѣ, и съ привѣшенными на столбахъ подарками [1]); посмотрите Калевалу: тамъ рѣчь идетъ о деревянныхъ постройкахъ, (хотя изрѣдка встрѣчаются и каменныя) съ деревянными полами, о баняхъ съ каменками, гдѣ одни изъ дѣйствующихъ лицъ рожаютъ, а другіе угораютъ и т. д. [2]). Въ русскихъ былинахъ дѣло другое: національныхъ архитектурныхъ особенностей (т.-е. избъ и баней, вообще деревянной работы) нѣтъ, или онѣ на живую нитку приметаны сбоку, въ позднее время, и все замѣнено какими-то фантастическими каменными зданіями, которыя на половину утратили азіатскія подробности, а русскихъ не пріобрѣтено.

---

[1]) *Simroc:* Edda, 1851, стр. 9, 28, 187, 193, 290.

[2]) *Schiefner:* Kalewala, 1852, стр. 32, 58, 99, 117, 137, 139, 182, 215, 262, 263, 290.

Такъ точно и во всемъ остальномъ. Взгляните на азіатскія поэмы и пѣсни: онѣ кишатъ подробностями азіатскаго быта того или другого народа, онѣ ими переполнены отъ низу до верху, и я представилъ тому множество примѣровъ въ своемъ изслѣдованіи о происхожденіи русскихъ былинъ, но здѣсь укажу еще на «*Калевалу*», для того, чтобъ еще разъ доказать проф. Буслаеву, какъ этнографически вѣрны бываютъ народныя поэмы и пѣсни. Эта поэма (основа которой, какъ я выше говорилъ, заимствованная) также въ свою очередь переполнена подробностями чисто финскими. Тутъ есть и лодки, расписанныя яркими красками (онѣ стоятъ на берегу на каткахъ) [1], и сани съ полостями [2], и дуги, и дышла, рѣзныя и раскрашенныя и рѣзныя топорища [3], и коромысла съ ведрами, и рѣзныя скамьи [4] и берестяные кузовки [5] и люльки [6], и метлы, и вѣники [7], и красные шнурки и ленты на головѣ у дѣвушекъ [8], и металлическія бляхи на поясѣ, на головѣ и на груди [9] и расшитые вороты у рубашекъ [10], и свѣтлые волосы, и голубые глаза, и т. д. [11]. Неужели все это не этнографія, подробная и вѣрная, и неужели подобной же этнографіи не было-бы у насъ, если бы былины являлись у насъ дѣйствительнымъ самостоятельнымъ сочиненіемъ (хотя бы и на чужія темы), а не передѣлкой, очень мало удовлетворительной? Я исчислилъ въ своемъ изслѣдованіи все главное, чего у насъ недостаетъ въ былинахъ, для того, чтобъ имъ быть русскими,—изъ этого составился длинный списокъ [12], и тутъ же указалъ множество вещей, которымъ тутъ было бы, въ этомъ случаѣ, вовсе не мѣсто. Но то, что я приводилъ, ничего не значитъ для профессора Буслаева, и монголо-тюркская обстановка, всюду у насъ являющаяся на первомъ планѣ въ былинахъ, не вызываетъ его ровно ни на какое размышленіе.

Отвѣтомъ же на очень многія монголо-тюркскія или вообще азіатскія подробности — у него постоянно служитъ все одинъ и тотъ же пріемъ: эта-дескать подробность есть также и у германцевъ и у скандинавовъ. Чтó это за отвѣтъ! Гдѣ же я отрицалъ существованіе всѣхъ этихъ вещей у германцевъ и скандинавовъ? Пускай это сходство бу-

[1] *Schiefner:* Kalewala: 26, 33, 78, 96, 99, 103, 179.
[2] Тамъ же: 12, 18, 58, 151.
[3] Тамъ же: 136.
[4] Тамъ же: 17, 54.
[5] Тамъ же: 205, 258.
[6] Тамъ же: 194, 262, 275.
[7] Тамъ же: 32, 99.
[8] Тамъ же: 18.
[9] Тамъ же: 56, 213, 232.
[10] Тамъ же: 158:
[11] Тамъ же: 23, 98, 100, 153.
[12] Тамъ же: 47, 56, 58, 100.

детъ, но оно ничего не перемѣняетъ въ томъ, что я доказываю про былины. Почему западныя поэмы или пѣсни имѣютъ съ восточными поэмами и пѣснями очень многія изъ тѣхъ самыхъ сходствъ, что и наши былины, это можетъ и должно быть предметомъ особаго изслѣдованія, подобнаго моему изслѣдованію о былинахъ, но пока эти подробности къ нашему вопросу не идутъ. Я не сомнѣваюсь въ томъ, что будетъ однажды доказано происхожденіе и этихъ поэтическихъ произведеній съ Востока, но при этомъ оказывается та разница между западными и нашими произведеніями поэзіи на героическіе сюжеты, что «на Западѣ чужой матеріалъ столько же охотно воспринимается какъ и у насъ, но немедленно подвергается самостоятельной переработкѣ, органическому претворенію въ собственную плоть и кровь; а у насъ чужой матеріалъ бываетъ воспринятъ съ большою жадностю и любовію, но потомъ не испытываетъ никакого процесса національнаго претворенія и развитія». Это напечатано цѣликомъ въ моемъ изслѣдованіи. Но, разбирая его, профессоръ Буслаевъ не только отвѣчать на это не желаетъ, но даже продолжаетъ игнорировать мои слова, и самымъ спокойнымъ образомъ отвѣчаетъ мнѣ на мои указанія русскихъ заимствованій съ Востока, своею знаменитою фразою: «Да вѣдь это тоже и у германцевъ, тоже и у скандинавовъ, тоже и у грековъ есть»! точно будто этими словами уже все сказано, а заимствованія греками, германцами и скандинавами отъ того же самаго Востока такая немыслимая и несбыточная вещь, что даже объ этомъ и говорить-то забавно.

Профессоръ Буслаевъ кажется полагаетъ, что совершенно погубилъ меня, юмористически замѣтивъ мнѣ, что въ древней Руси существовали и кони, и монастыри и благочестивые странники къ святымъ мѣстамъ, и обѣты монашескіе, и волшебные свѣтящіеся камни и т. д. Но вѣдь это все мнѣ было очень хорошо извѣстно и безъ его остроумныхъ указаній, тѣмъ болѣе, что всѣ эти предметы есть тоже въ цѣломъ свѣтѣ. Однако же это не мѣшаетъ тому соображенію, что большая разница между тою ролей, которую конь играетъ наприм. хоть-бы у персовъ или индусовъ,—или же у номадныхъ народовъ. Понятно, раньше всякихъ даже примѣровъ, что у этихъ послѣднихъ роль его въ огромной степени превосходитъ роль его у предыдущихъ, и именно поэтому-то я и указывалъ на роль коня въ русскихъ былинахъ со всѣми относящимися къ нему подробностями (каковы холенье его, возращеніе, взнуздываніе и сѣдланіе, заботливое привязываніе къ кольцу, безконечно-частыя упоминанія плети и т. д.), какъ на что-то въ такой мѣрѣ выдающееся и особенное, чего нигдѣ болѣе нѣтъ кромѣ тѣхъ мѣстъ, гдѣ разсказы о конѣ имѣютъ также происхожденіе отъ эпическихъ произведеній номадныхъ народовъ. Какое мнѣ при этомъ дѣло до коня Святовитова, котораго профессоръ Буслаевъ придумалъ

такъ тщательно выставить мнѣ на показъ? Во-первыхъ, этотъ конь былъ божествомъ у *западныхъ*, а не у *восточныхъ* славянъ, а во-вторыхъ то былъ конь религіозный, а не богатырскій, и никакихъ похожденій его мы не знаемъ; значитъ, ровно ничего и не приходится сравнивать тутъ съ нашими былинами. Къ чему проф. Буслаевъ трудился указывать мнѣ на нашихъ паломниковъ и ихъ обѣты, и что̀ новаго онъ мнѣ этимъ внушилъ? Не знаю, но всѣ его игумены Даніилы и другіе странники, упоминаемые Кирикомъ или, кѣмъ угодно, ни въ какомъ отношеніи не касаются нашей былины о сорока каликахъ. Намъ важны не общія соображенія о томъ, что такой-то вещи не было на Руси или она была тутъ, а то, встрѣчается-ли извѣстный разсказъ у насъ однихъ, уединенно, или существуетъ и въ другихъ еще мѣстахъ? Относительно былины о 40 каликахъ оказывается, что содержащійся въ ней разсказъ не принадлежитъ намъ однимъ. Мы тотчасъ говоримъ: значитъ во-первыхъ, онъ не коренной русскій, и тамошніе князь Владиміръ, княгиня Апраксѣевна, Касьянъ или Потокъ и его спутники—не заключаютъ ничего такого, что̀ слѣдуетъ пріурочивать къ русской исторіи, къ русскимъ самостоятельнымъ разсказамъ. Но мы идемъ далѣе, и открываемъ, что эти самыя событія и, въ точно такой послѣдовательности, съ точно такими подробностями, уже Богъ знаетъ за сколько вѣковъ до начала Руси ходили по всей Азіи, что и тамъ въ величайшемъ распространеніи находились повѣствованія о приключеніяхъ юноши, соблазняемаго замужней женщиною, и все это въ соединеніи съ переряженными пилигримами, царями или богатырями,—какъ же не сказать, что, значитъ, мы имѣемъ здѣсь, въ русской перелицовкѣ, старинный азіатскій разсказъ. И тогда, и Даніилы, и Кирики всевозможные тотчасъ отодвигаются въ сторону. Точно также, когда рѣчь идетъ объ Иванѣ Вдовкинѣ сынѣ, то мы сначала замѣчаемъ, что у этой былины, выдаваемой намъ за что-то въ высшей степени русское, славянское—сразу оказывается огромное сходство съ легендами азіатскими. Мы тотчасъ и говоримъ себѣ: это, слѣдовательно, произведеніе не исключительно славянское, русское. Послѣ того мы убѣждаемся, что эта былина, спутанная и необъяснимая по русскому тексту, получаетъ полное себѣ объясненіе при сличеніи съ азіатскою легендою—и мы тогда уже знаемъ, что̀ считать первообразомъ и что̀ испорченною копіею, и при этомъ случаѣ для насъ становится уже совершенно безразличнымъ свѣдѣніе: что у насъ на Руси было извѣстно о самосвѣтныхъ и чудодѣйственныхъ камняхъ еще изъ статьи Епифанія, въ сборникѣ Святославовомъ 1073 года. Тутъ рѣчь идетъ не о свѣдѣніяхъ и не о камняхъ вообще, а о томъ, что въ данной былинѣ эти камни занимаютъ то самое мѣсто, что̀ въ гораздо болѣе полной, совершенной и ясной легендѣ азіатской. Значитъ, и сборникъ Святославовъ принужденъ отодвинуться

въ сторону, и уступить мѣсто соображенію, что наша былина—копія, а оригиналъ былъ азіятскій.

Профессоръ Буслаевъ любитъ указывать мнѣ на лѣтописи, на *«Слово о полку Игоревѣ»*, на Поученіе Мономаха, на хронографа, притчи и т. д. Я никогда не оспаривалъ того факта, что у былинъ можетъ быть сходство съ разными произведеніями древней русской литературы. Но, какъ уже замѣтилъ г. Макушевъ, это сходства частныя, отрывочныя, а я, съ своей стороны, ровно ничего не имѣю противъ той мысли, что древнія литературныя наши произведенія были распространены по Россіи — это совершенно просто и естественно,— что многія изреченія, фразы, обороты, эпитеты оттуда проникли въ сокровищницу русскаго языка, сдѣлались даже чѣмъ-то *стереотипнымъ*, и потому вошли въ свое время (позднѣе) въ составъ былинъ, когда въ этихъ поэтическихъ произведеніяхъ народнаго, впрочемъ мало самостоятельнаго творчества, стали передаваться азіатскіе разсказы.

Профессоръ Буслаевъ воображаетъ, что ужасно тонко поймалъ меня на словѣ, указавъ, что съумѣла же былина (даже и по моимъ собственнымъ словамъ) одно перевесть, другое передѣлать и переиначить изъ восточныхъ поэмъ и пѣсенъ. Значитъ, восклицаетъ съ упоеніемъ, на разныхъ своихъ страницахъ, профессоръ Буслаевъ, значитъ былина не такъ была *глупа* и *пошла*, какъ кажется г. Стасову! Но я не знаю, зачѣмъ же выдумывать? Я нигдѣ и никогда не называлъ русскую былину ни «глупою», ни «пошлою». Я только старался показать несамостоятельность ея, и истинное отношеніе къ восточнымъ первообразамъ. Правда, при этомъ у меня оказывалось, что былина— кастрированный, урѣзанный сколокъ съ древнихъ восточныхъ поэмъ и пѣсенъ, и что множество первоначальныхъ мотивовъ у ней затеряно, переиначено или испорчено. Но это еще нисколько не значитъ, что былина глупа и пошла. Сверхъ того, я не нахожу великой мудрости и умѣнья въ томъ, чтобъ изъ хорошей и совершенно простой, ясной какъ день вещи, сдѣлать что-то нехорошее, испорченное и запутанное или темное, и при этомъ произвести кое-какія замѣны и подстановки (такъ, наприм., торговый продуктъ Индіи—сандалъ, замѣнить въ былинѣ торговымъ продуктомъ Новгорода—рыбой; индійскаго брахмана—русскимъ попомъ, и т. д.). Тутъ ровно ничего нѣтъ головоломнаго. На это хоть у кого хватитъ ума и умѣнья, и гордиться тутъ еще нечѣмъ, а находить что-то «лестное» — просто смѣшно.

Въ заключеніе, укажу я еще на тотъ странный пріемъ профессора Буслаева, что онъ, въ своемъ недовольствѣ моимъ трудомъ, совершенно лишеннымъ научности и должной методы, докладываетъ Академіи наукъ, что́ бы я долженъ былъ по настоящему сдѣлать, чтобъ все было у меня «какъ слѣдуетъ», и задаетъ мнѣ нѣкоторые вопросы. Такъ, наприм., по его понятіямъ я долженъ былъ «доказать путемъ много-

«стороннихъ сравнительно-лингвистическихъ и историческихъ изслѣдованій» все то, что́ я говорю о передачѣ намъ народами не-арійскаго племени сказаній, заимствованныхъ ими у народовъ арійскихъ. Да какъ же это могло быть, и была-ли какая-нибудь возможность къ тому, что требуетъ съ меня проф. Буслаевъ? Я, по его же словамъ, человѣкъ безъ научности, безъ правильнаго метода, безъ филологической критики и т. д. Какъ же я могъ сдѣлать то, чего не могъ? Какъ же я могъ совершить безъ всякихъ инструментовъ то, что́ можетъ быть совершено только посредствомъ извѣстныхъ инструментовъ. Но оставимъ въ сторонѣ мою незначительную личность, и обратимся къ проф. Буслаеву, само собою разумѣется, владѣющему въ полной мѣрѣ и научностью, и методомъ, и филологическою критикою, со слѣдующимъ вопросомъ: Пускай у меня, или у кого-то другого будетъ въ самомъ дѣлѣ исполнено то, чего требуетъ съ меня проф. Буслаевъ: развѣ онъ былъ-бы въ состояніи одолѣть весь нашъ матеріалъ, развѣ его хватило-бы по части оцѣнки и сравненія всего содержанія, а тутъ-же вмѣстѣ по части языковъ не только европейскихъ, но и санскритскаго, зендскаго, персидскаго, арабскаго, тибетскаго, монгольскаго, калмыцкаго, и множества тюркскихъ нарѣчій? Вѣдь этого не могло бы быть, вѣдь этихъ языковъ онъ не знаетъ (хотя о нѣкоторыхъ изъ числа ихъ иной разъ и толкуетъ кое-что, наприм. о санскритѣ): такъ зачѣмъ же онъ съ меня спрашиваетъ такихъ несбыточныхъ вещей? Зачѣмъ онъ съ меня требуетъ то, что́ даже, при громаднѣйшихъ познаніяхъ, навѣрное неисполнимо однимъ человѣкомъ, и можетъ быть совершено лишь совокупными трудами многихъ и разнообразныхъ ученыхъ? Моя цѣль—еще разъ повторяю—прежде всего состояла лишь въ томъ, чтобъ показать фантастичность разныхъ качествъ, приписываемыхъ нашимъ былинамъ, и, въ особенности, показать, что онѣ вовсе *не самобытны*, какъ это у насъ вообще принято. Для такой, вовсе не громадной задачи, еще ничуть не нужно было того колоссальнаго арсенала, которымъ онъ желаетъ отогнать меня отъ предпринятаго дѣла. Мнѣ вполнѣ достаточно было сличать наши былины съ восточными разсказами, переведенными на европейскіе языки солиднѣйшими оріенталистами, каковы: Боппъ, Моль, Ланглуа̀, Бюрнуфъ, Жюльенъ, Горрезіо, Фошъ, Шмидтъ, Брокгаузъ, Тёрнеръ, Максъ Мюллеръ, Бенфей, Кастренъ, Шифнеръ, Вельяминовъ-Зерновъ, Чубиновъ, Радлоффъ, и др. На что̀ мнѣ тутъ были сравнительно-лингвистическія изслѣдованія?

По понятіямъ профес. Буслаева, я также долженъ былъ-бы «очистить себѣ путь строгою критикою» въ вопросѣ о сродствѣ русскихъ былинъ съ эпическими сказаніями прочихъ славянъ, такъ какъ объ этомъ «въ ученой литературѣ писано довольно». Но вѣдь это предметъ для цѣлой отдѣльной монографіи! Невозможно же, мнѣ кажется, въ одномъ сочиненіи, съ очень спеціальною задачею, сливать вмѣстѣ

нѣсколько совершенно различныхъ сочиненій. Впрочемъ, мнѣ казалось, я не упустилъ этотъ вопросъ изъ виду, и высказалъ всѣ *главныя* положенія по этому предмету, какъ въ печатномъ текстѣ моего изслѣдованія, такъ и въ рукописныхъ къ нему приложеніяхъ. Тутъ я высказалъ (съ приведеніемъ примѣровъ), какія огромныя черты несходства существуютъ между нашими богатырями и богатырскими пѣснями—и богатырями и богатырскими пѣснями сербовъ, болгаръ и чеховъ, при нѣкоторомъ сходствѣ, иногда основы, иногда подробностей. Вопросы, задаваемые мнѣ профессоромъ Буслаевымъ, также достаточно курьезны по своей несообразности и неисполнимости. Одинъ разъ онъ меня спрашиваетъ: «*какъ*, *когда* и *для чего* русская пѣсня о Потокѣ взяла свои мотивы изъ какой-то татарской пѣсни?» Признаюсь, забавнѣе этихъ вопросовъ я еще никогда ничего не встрѣчалъ на своемъ вѣку. Я уже оставляю въ сторонѣ ту приписываемую мнѣ идею, будто я произвожу не только эту, но какую-бы то ни было былину, отъ-такой то непосредственно азіятской поэмы или пѣсни: у меня уже нѣсколько разъ было протестовано, *печатно*, противъ приписыванія мнѣ подобнаго факта и подобнаго мнѣнія. Но профес. Буслаевъ все продолжаетъ не понимать моей мысли, значитъ надо оставить надежду внести ему въ голову разъясненіе ея. Я готовъ даже оставить въ сторонѣ ту часть его вопроса, гдѣ онъ изъявляетъ желаніе знать: *какъ* и *когда* сформировалась былина о Потокѣ. На это я просто отвѣчу: «не знаю», точно также, какъ всякій-бы оріенталистъ конечно отвѣчалъ этими самыми словами на вопросъ: А когда сформировалась такая-то или сякая-то поэма и пѣсня? Никто изъ оріенталистовъ не сомнѣвается въ томъ, что китайская, тибетская, монгольская, калмыцкая и др. литературы наполнены индѣйскими произведеніями народнаго творчества, переданными на языки этихъ народовъ, но переводчики «*Авадань*» съ китайскаго, «*Гессеръ-хана*» съ монгольскаго, «*Дзанглуна*» съ тибетскаго, «*Джангаріады*» съ монгольскаго, «*Шидди-кура*» съ монгольскаго и калмыцкаго, и т. д. [1]), должны-бы стать въ тупикъ передъ пытливыми вопросами профессора Буслаева, и не могли-бы ничего ему разсказать, *когда* и *какъ* эти поэмы и сказки переходили съ одного языка на другой, хотя въ сущности все-таки продолжали-бы знать, что древнѣйшіе извѣстные перевказы всѣхъ этихъ произведеній—индѣйскіе. Надѣюсь, что мнѣ позволительно не знать того, чего не знають лучшіе оріенталисты. Есть вопросы, которые ничего не стóитъ задавать, а отвѣчать на нихъ — невозможно. Но верхомъ комизма мнѣ

---

[1]) Кстати будетъ упомянуть здѣсь слышанное мною лично, отъ покойнаго ламы Галсанъ-Гомбоева (бывшаго преподавателя монгольскаго языка при с.-петерб. университетѣ), что существуетъ калмыцкая редакція «*Рамаяны*». По моему настоянію, онъ перевелъ ее на русскій языкъ, но смерть помѣшала ему издать свой переводъ. Этотъ фактъ извѣстенъ всѣмъ петербургскимъ оріенталистамъ.

кажется вопросъ: «*Для чего* былина о Потокѣ взяла мотивы изъ азіятскихъ поэмъ или пѣсенъ?» Какъ, для чего? Да почемъ-же я-то могу знать, зачѣмъ русскій народъ нуждался въ былинахъ? И почему я обязанъ давать отвѣты на подобные вопросы?

Вѣдь согласенъ же профессоръ Буслаевъ, что есть въ русскомъ языкѣ слова монголо-тюркскіе; ихъ безъ сомнѣнія достаточно. Что-же онъ не спрашиваетъ оріенталистовъ, «*для чего*» русскіе взяли эти слова у монголовъ и тюрковъ? Я думаю, вмѣсто отвѣта, они просто засмѣялись-бы. И въ самомъ дѣлѣ, есть-ли возможность какъ-нибудь иначе отвѣчать на подобный запросъ?

Въ другой разъ, профессоръ Буслаевъ спрашиваетъ меня: «Какимъ образомъ въ XIII или XIV столѣтіи, при самомъ незначительномъ, надо полагать, умственномъ и литературномъ общеніи между русскими и монголами, монгольскій оригиналъ, безъ знанія самого языка, могъ быть усвоенъ русскими разскащиками? Кто имъ его переводилъ? А если бы кому изъ русскихъ случайно и были извѣстны монгольскія сказанія, то какимъ образомъ, въ глуши древней Руси, эти сказанія могли низойти до простонародья и охватить своимъ вліяніемъ громадныя пространства населенія?» Опять-таки я смѣло могъ-бы отвѣчать и на всѣ эти вопросы: «не знаю», потому что это не касается ни до меня, ни до моего изслѣдованія, и я не обязанъ дѣлать всѣ изысканія, какія только придутъ въ голову профессору Буслаеву. Но я позволилъ-бы себѣ, въ свою очередь, только спросить его: кто переводилъ русскому народу всѣ его разговоры съ монголо-тюрками въ XIII и XIV вѣкахъ, и какъ именно это дѣлалось? Кто, гдѣ и какъ вносилъ въ русскій языкъ и въ русскую жизнь то огромное количество словъ, выраженій, обычаевъ и предметовъ, которыми мы и до сихъ поръ загромождены? А главное: если-бы кому изъ русскихъ случайно и были извѣстны монгольскія слова, выраженія, обычаи и бытовые предметы, то какимъ образомъ, въ глуши древней Руси, «всѣ эти вещи могли низойти до простонародья и охватить своимъ вліяніемъ громадныя пространства населенія?» Какимъ образомъ у русскаго народа даже и рубашка—татарская, не говоря уже о множествѣ восточныхъ словъ, въ разное время вошедшихъ у насъ въ употребленіе, какъ напримѣръ, *лошадь*, *кнутъ*, *кафтанъ*, *армякъ*, *карманъ*, *товаръ*, *бисеръ*, *бусы*, *парча*, *анбаръ*, *сундукъ*, *барышъ*, *перецъ*, *алый*, *бурый*, *арбузъ* и т. д. Куда дѣвались чисто-русскія названія для всѣхъ этихъ вещей? Или ихъ не было?

Еще въ другомъ мѣстѣ профессоръ Буслаевъ спрашиваетъ меня о слѣдующемъ: «Если такъ могущественна оказалась монгольская сила въ русскихъ былинахъ, то почему не проявилась она въ письменной словесности нашей XIII и XIV вѣковъ? Почему монгольскій духъ не распространился въ русскихъ житіяхъ и легендахъ?» Снова

отвѣчаю: «Не знаю, и до меня это не касается, а впрочемъ не ручаюсь, чтобъ въ этихъ образчикахъ древней нашей литературы не оказалось много восточныхъ элементовъ, и если профессоръ Буслаевъ, вообще согласный безпрекословно и покорно допускать у насъ вліянія преимущественно только западныя, самъ-же отыскалъ «татарщину» въ житіи Петра Царевича ордынскаго и нѣкоторыхъ другихъ, то легко можно себѣ представить, сколько восточныхъ элементовъ оказалось-бы, по всей вѣроятности, въ этомъ отдѣлѣ нашей литературы при изслѣдованіи людей, не имѣющихъ никакихъ предубѣжденій противъ Востока и его вліяній на древнюю Россію?

Таковы главныя обвиненія профессора Буслаева противъ моего труда, таковы его требованія и запросы. Я столь долго остановился на всемъ этомъ, потому что мнѣ жалко было видѣть, какъ такой обыкновенно безпристрастный и заслуживающій всякаго уваженія ученый, какъ профессоръ Буслаевъ, отнесся столь несправедливо и непріязненно къ труду, имѣвшему только въ виду расширить рамки нашего научнаго горизонта. Я съ нетерпѣніемъ ожидалъ критики профессора Буслаева. Я ожидалъ найти тутъ критику ученаго, который много можетъ помочь, своими знаніями, разъясненію и утвержденію новыхъ соображеній, являющихся теперь настоятельною потребностью для русской науки, со времени внесенія въ нее совершенно новаго матеріала. Къ сожалѣнію, онъ этого не захотѣлъ, онъ предпочелъ остаться на прежней, устарѣлой точкѣ зрѣнія. Ему показалось, что лучше отстаивать прежнія системы и объясненія, лучше оберегать достоинство и самостоятельность національнаго русскаго эпоса, чѣмъ взглянуть дѣлу прямо въ глаза, и, не заботясь о пріятности или непріятности результатовъ для патріотическаго чувства, разработывать вопросъ съ неподкупностью и нелицепріятностью анатома. Ему же хуже. Онъ добровольно вычеркнулъ себя изъ числа тѣхъ дѣятелей, кому суждено способствовать, впослѣдствіи, утвержденію новаго, болѣе правильнаго, чѣмъ до сихъ поръ было, взгляда на древнюю русскую литературу, а значитъ, и на древнюю русскую исторію. Восточныя издавнія вліянія многое объясняютъ въ исторіи, нравахъ, бытѣ, понятіяхъ, привычкахъ, мысли, характерѣ русскаго народа. Огромную роль, конечно, играетъ въ жизни человѣка то, что онъ постоянно слышалъ, въ продолженіи своего дѣтства и юношества, и, поэтому, во многихъ отношеніяхъ не могли сложиться иначе, чѣмъ они сложились, характеръ и исторія русскаго народа, коль скоро этотъ послѣдній питался постоянно только чужими сказаніями, едва-едва прикрытыми тоненькимъ слоемъ чего-то русскаго. Профессоръ Буслаевъ отталкиваетъ отъ себя эти соображенія, какъ немыслимыя, неприличныя. Пускай же онъ продолжаетъ выкладки своей безплодной и ничего не объясняющей системы до-историческаго арійскаго сродства. Они мо-

жетъ быть ни къ чему и не приводятъ, да за то дѣло-то покойнѣе, пріятнѣе на вкусъ и удобоваримѣе, а главное—патріотичнѣе.

Профессоръ Буслаевъ, какъ истый старовѣръ въ литературѣ, всегда восхищался самыми невообразимыми, самыми удивительными вещами въ древней русской литературѣ и исторіи, приводя лишь тѣмъ въ удивленіе своихъ читателей. Всякій обскурантизмъ, всякое нелѣпое ханжество, всякая чепуха старинныхъ легендъ и сказаній находили въ немъ постоянно наивнаго энтузіста; всякое наибезобразнѣйшее произведеніе древняго русскаго искусства находило въ немъ себѣ набожнаго поклонника и пропагандиста, лишь бы только оно было нее и русское. Однимъ словомъ, хотя онъ отъ времени до времени и подсмѣивается надъ славянофилами, но онъ тотъ же славянофилъ, только въ новомъ видѣ и образѣ, отчасти заново прошпигованный коекакими европейскими диссертаціями и трактатами. Ему и европейцемъ-то быть хочется (даже, если возможно, современнымъ), да и русскихъ-то всѣхъ предразсудковъ уступать нѣтъ охоты. Вотъ, труся и того другого, шатаясь постоянно отъ одного берега къ другому, онъ никогда не достигаетъ ничего опредѣленнаго. Спрашивается, легко-ли при такой натурѣ и тенденціяхъ вдругъ отказаться отъ стародавняго убѣжденія на счетъ самостоятельности цѣлаго отдѣла старой русской поэзіи?—О другомъ моемъ критикѣ, до слѣдующей статьи.

Влад. Стасовъ.

НЕКРОЛОГЪ.

А. И. Герценъ.

Января 9/21 умеръ въ Парижѣ, послѣ очень короткой болѣзни (воспаленія въ легкихъ) извѣстный эмигрантъ и писатель А. И. Герценъ.

Съ сороковыхъ годовъ Герценъ пользовался въ русской литературѣ большой извѣстностью какъ одинъ изъ талантливѣйшихъ людей замѣчательнаго московскаго кружка, къ которому въ разной мѣрѣ принадлежали лучшія дарованія того времени, какъ Бѣлинскій, Грановскій, Станкевичъ и друг., и который оставилъ сильное вліяніе въ литературѣ и общественныхъ понятіяхъ. Потомъ Герценъ покинулъ Россію, и съ пятидесятыхъ годовъ для него началась еще бóльшая извѣстность — другого рода: онъ дѣйствовалъ какъ политическій писатель, большей частью въ рѣзкомъ оппозиціонномъ смыслѣ, и имѣлъ въ русскомъ обществѣ много поклонниковъ, а потомъ еще больше

враговъ. Въ послѣдніе годы эта дѣятельность, кажется, приняла отчасти новый характеръ, или новый фазисъ развитія; онъ прервался смертью.

Герценъ умеръ на 58-мъ году, и внезапная, случайная болѣзнь постигла его, когда онъ былъ еще въ полныхъ силахъ. Онъ родился въ 1812 г. и былъ сынъ извѣстнаго своимъ богатствомъ Яковлева и г-жи Герценъ. Онъ учился въ московскомъ университетѣ; въ 1834 г. онъ былъ замѣшанъ въ дѣлѣ политическаго характера и сосланъ въ Вятку, откуда въ 1837 г. его перевели во Владиміръ; наконецъ въ 1839 г. онъ былъ помилованъ, вступилъ на службу въ министерство внутреннихъ дѣлъ, и вскорѣ посланъ былъ въ Новгородъ, совѣтникомъ губернскаго правленія. Въ 1842 году, онъ вышелъ въ отставку, а по смерти отца, который оставилъ ему значительное состояніе, Герценъ отправился за границу, и уже не возвращался. Его литературные труды начались, если не ошибаемся, еще въ концѣ тридцатыхъ годовъ. Это было время господства гегелевой философіи, и ею ревностно занимались въ тѣхъ московскихъ кружкахъ, о которыхъ мы упомянули и гдѣ собрался тогда цвѣтъ русской умственной жизни. Исходя изъ этой философіи, развились тогда два различныя направленія, вскорѣ занявшія въ литературѣ враждебное положеніе другъ къ другу,—это были такъ называвшіеся тогда западники и славянофилы. У Герцена къ гегелевой философіи (ея лѣвой стороны) рано прибавился еще другой предметъ изученія — соціалисты, вслѣдствіе чего мысль Герцена съ большей силой, чѣмъ у кого-нибудь изъ его товарищей и сверстниковъ, обратилась на общественные вопросы. Въ наше время эти соціалисты принадлежатъ только исторіи экономической науки; да и въ то время, конечно, только чудаки могли принимать буквально подробности сенъ-симонизма или фурьеризма,—но въ этомъ соціализмѣ была однако чрезвычайная возбуждающая сила, въ вопросахъ о «конечныхъ причинахъ» общества. Этой стороной они и оказывали сильное вліяніе на умы въ Европѣ; этой же стороной они подѣйствовали и на Герцена. Извѣстность его въ литературѣ составилась очень быстро, когда подъ псевдонимомъ «Искандера» стали появляться его философско-общественные этюды, разсказы, мелкія статьи въ «Отеч. Запискахъ», «Современникѣ», «Петербургскомъ Сборникѣ» (1846) и др. Эти статьи его: «Дилеттантизмъ въ наукѣ», «Письма объ изученіи природы», «По поводу одной драмы», «Капризы и раздумье»;—разсказы: «Записки доктора Крупова» (перепечатанныя впослѣдствіи въ болѣе полномъ видѣ, въ заграничномъ изданіи), «Записки одного молодаго человѣка», «Сорока-воровка», «Новыя варіаціи на старыя темы» и т. д.,—наконецъ романъ: «Кто виноватъ?» (изд. 1847 и 1867) были новостью въ русской литературѣ по оригинальности и глубинѣ мысли, обширной и чрезвычайно раз-

знообразной начитанности автора, богатому, своеобразному и меткому языку, по мастерству разсказа и блестящему, рѣдкому остроумію.

За-границей Герценъ уже вскорѣ совершенно освоился въ той жизни, умственное движеніе которой было ему хорошо извѣстно. Онъ дѣятельнымъ образомъ принялъ участіе во французскихъ событіяхъ 1848 года и издавалъ тогда газету вмѣстѣ съ Прудономъ. Онъ жилъ потомъ въ Италіи, въ Женевѣ, наконецъ надолго поселился въ Лондонѣ, гдѣ основалъ «Вольную русскую типографію» и началъ рядъ изданій, которыя вскорѣ пріобрѣли особенную извѣстность въ Россіи. Рядъ его сочиненій и изданій начался нѣсколькими французскими брошюрами и книжками, въ которыхъ онъ старался разъяснять для европейскихъ читателей отношенія русскаго міра къ Европѣ и основныя характеристическія начала русскаго національнаго развитія, напр. «Le peuple russe et le Socialisme, lettre à Mr. Michelet», «Le vieux monde et la Russie, lettre à Mr. Linton», «Du developpement des idées révolutionnaires en Russie», «Le servage en Russie» и др.; въ то же время онъ началъ издавать брошюры на русскомъ языкѣ, далѣе книги, какъ: «Прерванные разсказы», «Письма изъ Франціи и Италіи», «Съ того берега», наконецъ періодическія изданія: «Полярная Звѣзда» (съ 1855 г.) и «Колоколъ». Въ «Полярной Звѣздѣ» (выходившей впрочемъ не въ правильные сроки) кромѣ разсказовъ, историческихъ статей, начали появляться его воспоминанія, подъ названіемъ «Былое и Думы», выходившія потомъ отдѣльными книгами. Было наконецъ нѣсколько изданій по новѣйшей русской исторіи: «Русскій Историческій Сборникъ», «Записки импер. Екатерины» (изданныя въ первый разъ во французскомъ подлинникѣ и русскомъ переводѣ), «Записки кн. Дашковой» (въ первый разъ, въ переводѣ съ англійскаго), «Щербатовъ и Радищевъ» (послѣдняго—извѣстное «Путешествіе», напечатанное впрочемъ по дурному списку), «Записки декабристовъ», «14-ое декабря, 1825».

Дѣятельность Герцена кончилась, для нея начинается судъ потомства; но близость могилы, вѣчное безмолвіе, наставшее для судимаго, налагаетъ особыя обязанности на посмертный судъ. Aut bene, aut nihil! — было правило древнихъ, впрочемъ забытое или неисполняемое нашимъ временемъ. Постараемся по крайней мѣрѣ сказать о томъ, что вообще въ человѣкѣ не умираетъ, потому что не умираетъ то общество, изъ среды котораго каждый возникаетъ и въ средѣ котораго онъ вращается при жизни: нѣтъ возможности судить человѣка, по-мимо этой среды, отъ свойствъ которой такъ много зависитъ судьба ея недѣлимыхъ. «Когда мы пишемъ біографію—говорилъ еще недавно одинъ изъ корифеевъ современной исторической науки, Леопольдъ Ранке, — когда мы хотимъ изобразить жизнь живой личности, намъ нельзя забывать тѣхъ условій, подъ вліяніемъ которыхъ дѣйствовала эта лич-

ность и сила. Когда мы изображаемъ колоссальный ходъ историческихъ событій, намъ опять нѣтъ возможности опускать изъ виду живыхъ личностей, личный характеръ которыхъ и личная воля служили толчкомъ для хода всемірныхъ историческихъ судебъ.... Каждый такимъ образомъ является сыномъ своего времени, выраженіемъ какого-то общаго, внѣ его создавшагося стремленія; а съ другой стороны, отдѣльныя лица принадлежатъ опять нравственному порядку вещей: въ нравственномъ порядкѣ вещей они являются вполнѣ своеобразными существами и представляютъ самостоятельную жизнь имъ однимъ свойственнаго характера. Если отдѣльное лицо служитъ изображеніемъ своего времени, то опять это время чувствуетъ на себѣ ихъ вліяніе». Однимъ словомъ, жизнь отдѣльнагэ человѣка есть и полная, законченная драма, въ которой все остальное только группируется около нея, даже какъ будто служитъ ей, и въ тоже время жизнь отдѣльнаго человѣка представляется однимъ мгновеніемъ какой-то чужой общей жизни, которой эта отдѣльная жизнь послужила не болѣе какъ переходомъ къ слѣдующимъ моментамъ, называемымъ поколѣніями.

И такъ, только при точномъ разграниченіи біографіи и исторіи возможна справедливая оцѣнка дѣятельности лица, и отъ смѣшенія ихъ происходятъ тѣ безконечные споры, которые долго раздѣляютъ стороны осужденія и защиты.

Вопросъ о дѣятельности Герцена не есть слѣдовательно единичный вопросъ объ одной отдѣльной личности, но, такъ какъ эта личность имѣла свою общественную роль, довольно замѣтную, — то это также вопросъ о томъ обществѣ, среди котораго онъ выросъ, развивался и дѣйствовалъ. Предметъ достаточно важный и серьезный, и мы съ сожалѣніемъ видѣли, что наша печать, вѣроятно по разнымъ опасеніямъ, не хотѣла говорить о дѣятельности Герцена, предоставляя сужденіе о ней «будущимъ поколѣніямъ» и ссылаясь даже на неизвѣстность этой дѣятельности въ Россіи. Въ послѣднія пятнадцать лѣтъ Герценъ столько читался, о немъ столько говорилось, наконецъ говорилось и печатно, что, кажется, его дѣятельность могла бы стать достояніемъ литературы, а его смерть должна бы открыть возможность безпристрастной и спокойной критики. Почему мы должны предоставлять эту критику «будущимъ поколѣніямъ», когда предметъ критики принадлежитъ нашему поколѣнію, когда эта дѣятельность совершалась и производила свое дѣйствіе въ наше время и отражалась такъ или иначе на нашихъ мнѣніяхъ, возбуждала въ нашей средѣ сочувствіе или ненависть? У будущихъ поколѣній будутъ свои интересы, болѣе имъ близкіе; отчего же намъ должно отказаться отъ интересовъ нашихъ? И если предполагается (по обыкновенію), что «будущія поколѣнія» будутъ судить вѣрнѣе и безпристрастнѣе, то почему же думать впередъ, что безпристрастіе невозможно для нашего времени, и

что не слѣдуетъ намъ по крайней мѣрѣ стремиться къ этому безпристрастію? Въ особенности, когда эта дѣятельность была такъ исключительна и необычна въ русской жизни, когда она касалась столь чувствительныхъ сторонъ нашей общественной жизни. Отказъ отъ всякаго сужденія (кромѣ браннаго) былъ бы печальнымъ свидѣтельствомъ безсилія нашей печати, и представляемаго ею общества, передъ первымъ, выходящимъ изъ рутины вопросомъ.

Самыми этими словами и желаніемъ говорить о Герценѣ мы можемъ пожалуй дать поводъ разнымъ благопріятелямъ назвать насъ партизанами и поклонниками Герцена, выдвинуть еще разъ на сцену какіе-нибудь пошлые доносы и т. п.; но мы, тѣмъ не менѣе, пожалѣемъ, что русская печать чувствуетъ такія опасенія говорить объ одномъ изъ серьезныхъ вопросовъ нашей общественной жизни, или прикрывается прозрачнымъ лицемѣріемъ, отзываясь, что совсѣмъ ничего объ немъ не знаетъ.

Въ самомъ дѣлѣ, еслибы русская печать дѣйствительно хотѣла и имѣла возможность заниматься изученіемъ русской жизни, стремилась къ пробужденію въ обществѣ истиннаго сознанія, и при этомъ не отступала передъ серьезными вопросами, то изученіе и опредѣленіе личности и дѣятельности Герцена могло бы представить ей одну изъ важныхъ задачъ, опять повторяемъ, на томъ необходимомъ условіи, чтобъ критика отнеслась къ дѣлу sine ira et studio. Герценъ совершенно могъ возбуждать противъ себя, не говоря объ осужденіяхъ правительства, и суровыя, даже озлобленныя осужденія въ средѣ самого общества: нельзя ожидать иныхъ чувствъ въ разгарѣ спора, въ столкновеніи самыхъ основныхъ и коренныхъ понятій. Но высказать озлобленіе противъ человѣка — не значитъ опредѣлить его взглядовъ, и главное, не значитъ прекратить ихъ вліяніе, и въ интересѣ того самаго дѣла, которое защищаютъ его противники, надо бы желать, чтобъ возможна была критика всесторонняя, хладнокровное разсмотрѣніе этихъ взглядовъ, потому что только это можетъ установить ихъ настоящій смыслъ, и только опроверженіе заблужденія можетъ прекращать его вредное дѣйствіе. Вопросъ пріобрѣтаетъ еще большую важность, если, правильно возстановляя факты, мы вспомнимъ, что еще не такъ много лѣтъ тому назадъ (приблизительно до 1861 года) дѣло стояло въ обществѣ очень не похоже на то, какъ оно стояло въ послѣднее время: Герценъ имѣлъ тогда много почитателей въ русскомъ обществѣ; правительство конечно осуждало его, но повидимому находило возможнымъ оказывать относительно его нѣкоторую терпимость, потому, что сочиненія и изданія его обращались въ обществѣ если и не открыто, то все-таки довольно свободно. Самыя газеты вспоминаютъ теперь, что было время, когда Герценъ имѣлъ положительную популярность, что множество русскихъ посѣщало его и т. д. Слѣдовательно, говоря о Гер-

ценѣ, приходилось бы говорить не только о какихъ нибудь отдѣльныхъ испорченныхъ людяхъ, которыхъ можно было считать его партизанами, но о значительной части общества, изъ котораго набирались его многочисленные поклонники и посѣтители, и особенно многочисленные читатели его въ прежнее время. Невозможно представить, что и тогда все это были только враги общества и порядка, и надобно слѣдовательно думать, что въ сочиненіяхъ Герцена было нѣчто, возбуждавшее симпатію не въ однихъ людяхъ крайнихъ мнѣній, но и въ среднемъ уровнѣ общества. Дѣйствительно, вскорѣ обнаружилось, что люди крайнихъ мнѣній не сочувствовали Герцену и возстали противъ него какъ человѣка отсталаго.

Въ чемъ же состояли стороны его дѣятельности, которыя прежде способны были вызывать упомянутое нами сочувствіе, и что давало такой успѣхъ изданіямъ Герцена въ массѣ общества?

Въ некрологѣ нельзя разбирать подробно этотъ вопросъ,—хотя мы желали бы къ нему возвратиться. Достаточно сказать, что Герценъ не былъ одинокимъ и исключительнымъ явленіемъ въ нашей общественной жизни послѣднихъ десятилѣтій, что онъ былъ связанъ съ обществомъ тѣсными узами, и что оставивъ въ сторонѣ крайности формы, принадлежавшія ему исключительно, и крайности нѣкоторыхъ мнѣній, которымъ большинство даже его почитателей никогда не сочувствовало,—въ сущности его содержанія было много вещей, затрогивавшихъ общія понятія, стремленія и инстинкты, и удовлетворявшихъ имъ. Здѣсь былъ источникъ сочувствія; необыкновенный талантъ писателя и нравственныя достоинства человѣка сдѣлали это сочувствіе еще болѣе сильнымъ.

Дѣйствительно, дѣятельность Герцена была тѣснѣйшимъ образомъ связана съ тѣмъ, что можно назвать прогрессивнымъ движеніемъ русскаго общества за послѣднія три десятилѣтія. Въ сороковыхъ годахъ онъ вполнѣ дѣлилъ тѣ идеи, которыя воодушевляли тогда лучшихъ представителей литературы: его тогдашнія сочиненія шли въ томъ же направленіи, высказывали тѣже порывы и благочестивыя желанія, съ тѣмъ же тяжелымъ чувствомъ относились къ дѣйствительности, которая въ тѣ времена представляла слишкомъ мало ободряющаго. Въ его идеяхъ мы не найдемъ существеннаго различія съ тѣмъ, что думали, говорили и писали, напр., Бѣлинскій и Грановскій: они одинаково старались вводить въ русскую литературу духъ изслѣдованія, знакомить ее съ современнымъ положеніемъ европейской мысли, старались примѣнять эту мысль къ русскимъ вопросамъ и, насколько было возможно, указывали, въ чемъ состояли ея цивилизующія требованія. Отношеніе къ русской дѣйствительности было уже въ большой мѣрѣ дано другими. Теперь еще многіе помнятъ, и многіе знаютъ изъ тогдашней литературы, съ какимъ восторгомъ (и съ какой злобой со стороны

крѣпостного обскурантизма) приняты были сочиненія Гоголя. Независимо отъ художественныхъ достоинствъ, они производили сильное нравственное впечатлѣніе—прямотой отношенія къ жизни, изображеніемъ ея безъ условныхъ прикрасъ, во всей ея наготѣ. Эта правдивость изображенія, приводившая въ негодованіе упомянутыхъ обскурантовъ и людей наивныхъ, имѣла великій общественный смыслъ, который тотчасъ былъ понятъ лучшей частью общества: эта правдивость ручалась, что въ обществѣ созрѣло сознаніе ненормальности подобныхъ нравовъ, и съ этого конечно должно было начать общество, если хотѣло чего-нибудь лучшаго. Гоголь произвелъ цѣлую школу, но ни одно изъ ея произведеній не усилило этой картины: такъ много вопіющаго было въ глубинѣ ея содержанія. Но то, что было у Гоголя однимъ инстинктомъ великаго таланта, было вполнѣ сознательнымъ взглядомъ у людей и писателей, въ средѣ которыхъ дѣйствовалъ Герценъ: такъ, у нихъ совершенно сознательно развилась мысль о необходимости уничтоженія крѣпостного права, и они укитрялись проводить эту мысль въ такое время, когда подозрительная цензура зорко слѣдила за должнымъ охраненіемъ господствующихъ взглядовъ и учрежденій, и уничтожала все, въ чемъ усматривала какое-нибудь противорѣчіе имъ. Уничтоженіе крѣпостного права была мысль, которой Герценъ посвящалъ свои первыя публикаціи за границей. Крѣпостное право было конечно только однимъ изъ многихъ явленій, къ которымъ Герценъ относился съ такимъ же полнымъ отрицаніемъ, и не онъ одинъ, а всѣ мыслящіе люди сороковыхъ годовъ, какъ ни малъ былъ ихъ кружокъ. Они мучительно вынашивали свои стремленія къ лучшей жизни для русскаго общества, — мучительно, потому что видѣли, какъ немного было ихъ, людей, желавшихъ этого лучшаго будущаго, и видѣли, какими неодолимыми препятствіями это дѣло окружено было въ то время. Нынѣшнее время, увидѣвшее исполненіе нѣкоторыхъ изъ ихъ идеальныхъ желаній, дало бы имъ извѣстную долю отраднаго удовлетворенія, показало бы, что будущее, о которомъ они мечтали, оправдывало ихъ ожиданія. Но многіе изъ нихъ не дожили до этого времени, какъ Бѣлинскій и Грановскій; другіе перестали ясно понимать вещи и забывали свое прошлое. Для Герцена наше время доставило, какъ извѣстно, эту долю отраднаго удовлетворенія. Если мы не ошибаемся, то каждая изъ реформъ нынѣшняго царствованія была для него предметомъ сочувствія...

Другая вещь, о которой онъ началъ говорить тотчасъ же въ самыхъ первыхъ публикаціяхъ, была русская община. Едва ли можно преувеличивать то значеніе, которое можетъ получить эта община при раціональномъ правильномъ развитіи. Съ тѣхъ поръ объ общинѣ писалось довольно много, и она уже начинаетъ отчасти находить пониманіе въ обществѣ. Въ то время этотъ предметъ былъ новъ, и

Герценъ уже выставлялъ тотъ глубокій смыслъ, который община можетъ получить въ русскомъ экономическомъ развитіи и въ цѣлой русской цивилизаціи. Эту общину, если не ошибаемся (мы говоримъ вообще по памяти, и можемъ ошибаться въ частностяхъ), онъ уже противопоставлялъ европейскому соціализму. Извѣстно, что община составляетъ между прочимъ одно изъ орудій, которыя выставляютъ славянофилы противъ Запада, какъ преимущество русской жизни; поэтому и въ Герценѣ многіе находили оттѣнокъ славянофильства. Въ сущности, у него славянофильства было меньше чѣмъ у кого-нибудь, потому что другія положенія славянофильства онъ самымъ рѣшительнымъ образомъ отвергалъ; но оттѣнокъ славянофильства былъ, пожалуй, въ томъ идеалистическомъ увлеченіи, съ какимъ онъ вѣрилъ въ общину и говорилъ о ней, и какое Герценъ обнаруживалъ не въ одномъ вопросѣ объ общинѣ.

Идеализмъ составляетъ вообще господствующую черту Герцена. Это былъ вѣроятно самый идеалистическій характеръ всего кружка, къ которому онъ принадлежалъ, — идеалистъ не только по свойству идей, лежавшихъ въ основѣ его общественныхъ и нравственныхъ убѣжденій, но и по идеалистическому пониманію дѣйствительности, — которое потомъ и давало столько поводовъ обвинять его въ погонѣ за эффектомъ, въ игрань҄ѣ роли, въ шарлатанствѣ. Это былъ идеализмъ въ его крайностяхъ. Въ богато одаренной натурѣ, онъ воспитывался очень легко всѣми условіями его жизни: онъ, какъ и его друзья, образовались подъ вліяніями, которыя чрезвычайно способны были развивать этотъ идеализмъ. Умственная пища, которой они питались, была самая идеалистическая философія, какая только существовала на свѣтѣ—гегелевская философія. Жизнь представлялась не иначе, какъ черезъ фантастическую призму отвлеченностей, которыя они считали закономъ этой жизни. Поэтическая пища ихъ была въ изученіи произведеній, которыя, будучи освѣщаемы тойже философіей, доставляли свой поэтическій кодексъ, возвышавшій еще въ новую степень ихъ отвлеченныя представленія о жизни. Между тѣмъ сама непосредственная дѣйствительность оставляла ихъ въ совершенномъ голодѣ; она не давала почти никакой дѣятельности, которая открыла бы исходъ одушевленнымъ стремленіямъ. Литература оставалась единственнымъ исходомъ, и здѣсь дѣйствительно высказывались, сколько можно, тѣ задушевныя чувства и мысли, которымъ не было мѣста въ жизни. Но и здѣсь дышалось тяжело. Литературный бытъ былъ незавиденъ издавна, и такимъ оставался: Пушкинъ не хотѣлъ считаться писателемъ въ аристократическомъ кругу, онъ стыдился дѣла, которое дало ему славу и смыслъ его жизни; Лермонтовъ потратилъ драгоцѣнныя силы на пустую и нелѣпую жизнь; условія были не лучше, когда Бѣлинскій былъ едва терпимъ, когда Грановскій состоялъ, гово-

брать, подъ надзоромъ полиціи, когда Хомякову или К. Аксакову запрещено было писать, когда Тургеневъ за выраженіе сочувствія къ Гоголю сидѣлъ въ части и т. д.

Когда Герценъ эмигрировалъ, его идеализмъ нашелъ новую пищу въ событіяхъ 1848 года. Ему казалось, что сбываются давнишнія мечты, что міръ долженъ обновиться. Онъ бросился въ французское движеніе съ увлеченіемъ, которое можетъ казаться страннымъ, если мы не вспомнимъ при этомъ, какой характеръ пріобрѣтали тогда стремленія людей этого воспитанія. Это были космополитическія увлеченія, которыми отличался тогда вовсе не одинъ Герценъ. Этотъ космополитизмъ—очень давняя черта русской образованности, и далеко не произвольная, какъ это постоянно утверждали славянофилы, обвиняя въ увлеченіяхъ Западомъ петербургскій періодъ XVIII вѣка и новѣйшихъ западниковъ; не произвольная потому, что она была неизбѣжнымъ логическимъ переходомъ отъ старой національной исключительности къ свободному и безпредразсудочному національному самосознанію новѣйшаго времени. Въ XVIII столѣтіи, и въ нынѣшнемъ также, русская аристократія, въ свое время наиболѣе образованный классъ общества, увлекалась французскимъ до такой степени, что часто переставала даже быть русскою; въ XVIII-мъ вѣкѣ, многіе, не выѣзжавшіе никогда изъ Россіи, знали всѣ достопримѣчательности Парижа, точно прожили тамъ нѣсколько лѣтъ,—такъ разсказываютъ сами французы. Въ Александровскія времена этотъ космополитизмъ приводилъ передовыхъ людей къ европейскимъ политическимъ идеямъ. Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ, русскіе идеалисты увлекались тѣми-же западными идеалами, въ философіи и литературѣ. Они ясно чувствовали, что *тамъ* шла высшая умственная и общественная жизнь человѣчества, и при возбужденіи идеальныхъ интересовъ, космополитическое увлеченіе было совершенно естественно. Дома эти идеалисты считали себя «лишними людьми», потому что имъ дѣйствительно не находилось дѣла; и г. Тургеневъ, которому приписываютъ глубокое знаніе русскаго общества, изображая одного изъ самыхъ характеристическихъ представителей тогдашняго поколѣнія, не даетъ ему примиренія въ русской жизни и посылаетъ его умирать на парижскія баррикады.

Отсюда понятна цѣлая сторона въ характерѣ Герцена. Въ своемъ увлеченіи интересами русской жизни, онъ давалъ имъ эту европейскую подкладку, и слишкомъ довѣрялся европейской революціонной рутинѣ. Въ Парижѣ и въ Лондонѣ онъ былъ окруженъ европейскими революціонными элементами, которые стекались въ эмиграцію изъ Франціи, Италіи, Венгріи, наконецъ Польши. Тонъ этихъ элементовъ отразился и на его изданіяхъ, предназначавшихся для русскихъ читателей; тонъ этотъ нерѣдко бывалъ невѣренъ и несвойственъ.

Впослѣдствіи, интересъ къ Герцену въ русскомъ обществѣ осла-

бѣлъ, и это обыкновенно объясняютъ тѣмъ, что общество отрезвилось отъ легкомыслія, и въ особенности вознегодовало на Герцена за его отношеніе къ польскому дѣлу. Тѣмъ не менѣе, главная причина ослабленія интереса къ Герцену была, кажется, не въ этомъ. Она заключалась просто въ томъ поворотѣ общественнаго настроенія, который наступилъ въ шестидесятыхъ годахъ. Это было настроеніе реакціоннаго характера. Общество, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, съ крымской войны, стремившееся «по пути прогресса», было въ сущности еще слабо проникнуто дѣйствительными идеями прогресса: оно было еще такъ неопытно въ подобныхъ предметахъ, такъ непривыкло къ подобнымъ либеральнымъ усиліямъ, что черезъ нѣсколько лѣтъ оно уже утомилось, и, мы глубоко увѣрены, что не будь даже никакихъ поводовъ къ реакціи, ни студенческихъ исторій, ни нѣсколькихъ политическихъ процессовъ, ни польскаго возстанія, реакція тѣмъ не менѣе наступила бы непремѣнно, просто въ силу естественнаго закона общественной физіологіи, и въ частности въ силу того, что основная цѣль была достигнута: послѣ 19-го февраля 1861 г., реакція въ извѣстномъ слоѣ общества была неизбѣжна. Шагъ былъ сдѣланъ, надо было отдохнуть; люди, которые были моложе, сдѣлались старше; люди, которые лицемѣрили своимъ либерализмомъ, увидѣли, что лицемѣрить незачѣмъ, что ничего особеннаго не воспослѣдовало, и т. д.; ловкіе люди воспользовались удобной минутой, чтобы зазвонить въ набатный колоколъ, и поворотъ общества обнаружился.

Этотъ поворотъ отразился и на Герценѣ: онъ сталъ терять прежнюю популярность. Между прочимъ, люди, интересовавшіеся имъ, увидѣли, что общество уже не пойдетъ дальше, и потому его изданія переставали быть любопытными, какъ они были любопытны въ то время, когда само общество было въ прогрессивномъ движеніи. Была и другая причина, ослабившая въ тоже время его значеніе. Политическіе процессы, начавшіеся съ 1861 года, прекратили прежнюю терпимость относительно его изданій. Они скрылись изъ обращенія, и это одно можетъ достаточно объяснять, почему онъ читался меньше. Замѣтимъ наконецъ, что въ одной части общества уже съ самаго начала нашего прогресса начали возбуждаться сомнѣнія относительно его серьезности и долговѣчности; эти сомнѣнія находили слишкомъ много основаній въ ходѣ вещей и въ литературныхъ проявленіяхъ новаго либеральнаго возрожденія; люди, раздѣлявшіе это сомнѣніе, издавна мало вѣрили и въ силу того идеалистическаго энтузіазма, который составлялъ свойство Герцена, — этотъ энтузіазмъ естественно не могъ нравиться скептикамъ, и когда реакція высказалась положительно, скептицизмъ сталъ конечно находить еще больше послѣдователей. Люди стали гораздо меньше увлекаться идеализмомъ, очень не сходившимся съ холоднымъ опытомъ, и меньше вѣрить въ силу восторжен-

ныхъ призывовъ прогресса, когда ясно было, что масса общества очень равнодушна къ какому-нибудь прогрессу.

Въ послѣдніе годы, какъ мы сказали, дѣятельность его пріостановилась—вѣроятно на перепутьѣ къ новому оттѣнку въ его направленіи, оттѣнку, котораго можно было ожидать, потому что человѣкъ живой, умный и любящій, онъ не былъ упрямымъ доктринеромъ старыхъ мнѣній и воспринималъ вліянія времени и событій. Такимъ образомъ для его прежней дѣятельности, еще при его жизни, наступала, кажется, исторія. Печальная сторона эпохи, воспитавшей Герцена, состоитъ именно въ томъ, что люди съ такимъ талантомъ, умомъ и образованіемъ, какъ Герценъ, не могли не только дѣйствовать въ самой средѣ своего общества, но признавались вредными ему. Представимъ себѣ личность Брайта въ средѣ 40-хъ годовъ, его едва ли могла бы у насъ тогда ожидать иная судьба, какъ судьба Герцена; и наоборотъ, Герценъ въ другой странѣ или въ той же странѣ, но въ другую эпоху, могъ бы сдѣлаться замѣтнымъ и полезнымъ общественнымъ дѣятелемъ. При всей своей тяжелой судьбѣ, Герценъ однако могъ утѣшать себя въ изгнаніи мыслью, что свободное развитіе Россіи, обновленной въ нынѣшнее царствованіе, уже находитъ себѣ правильный путь, и что русская жизнь начинаетъ открывать довольно простора для тѣхъ стремленій къ народному благу, какія не имѣли въ ней мѣста въ иное время.

НОВѢЙШАЯ ЛИТЕРАТУРА.

РУССКІЕ ВЕРХОВНИКИ ПРОШЛАГО ВѢКА.

«Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ». Т. XIX (Исторія Россіи въ царствованіе имп. Петра II и имп. Анны Іоанновны. Томъ первый). Соч. *Сергѣя Соловьева*. Москва, 1869.

Время отъ смерти императрицы Екатерины I до восшествія на престолъ Анны Іоанновны представляетъ особенный интересъ по тому движенію, которое обнаружилось въ русскомъ боярствѣ и затѣмъ окончательно замерло. Мы говоримъ «окончательно», потому что намѣреніе боярства ограничить самодержавную власть, при вступленіи Анны Іоанновны, было послѣднимъ отголоскомъ подобнаго же явленія въ смутное время, когда два царя, Василій Шуйскій и Владиславъ были избраны на престолъ съ условіями, ограничивающими ихъ власть. Оба эти царя не имѣли наслѣдственныхъ правъ на царство, и этимъ об-

стоятельствомъ воспользовались бояре. Тоже самое произошло и при избраніи Анны Іоанновны, которая никогда не разсчитывала на русскій престолъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ дѣйствовали отдѣльные кружки, руководимые исключительными интересами; солидарности между сословіями не было никакой, о народѣ разумѣется и не думали. Въ смутное время, народная масса искала освобожденія отъ тягла, закрѣпощенія и всякой неволи; но опасность, грозившая отечеству, заставила ее забыть свои нужды и сплотиться для спасенія Руси. Вынесши на своихъ плечахъ всю тягость этого времени, народъ не выигралъ ничего, оставшись, по прежнему, подъ бременемъ неволи, которую онъ впослѣдствіи хотѣлъ стряхнуть съ себя страшнымъ Разинскимъ бунтомъ. Этотъ бунтъ былъ взрывомъ отчаянія, какъ бунтъ Пугачевскій, какъ нѣкоторые болѣе новѣйшіе бунты, непрекращавшіеся до свѣтлаго дня 19-го февраля 1861 года. Народъ дѣйствовалъ отдѣльно и самостоятельно, не посягая на царскую власть; онъ хотѣлъ только воли, облегченія отъ тягостей и ясно не представлялъ себѣ, какимъ образомъ могли осуществиться эти желанія. Бояре дѣйствовали также отдѣльно, стараясь возвратить свое родовое независимое положеніе, подчиненное московскому служебному началу; но ихъ стремленія были вполнѣ сознательны, какъ по отношенію къ самодержавной власти, которую они желали ограничить, такъ и по отношенію къ народу, котораго они тоже желали ограничить, то-есть закрѣпить за собою еще болѣе. Во всякомъ случаѣ, фактъ тотъ, что и боярство и народъ искали воли, но отдѣльно другъ отъ друга, и даже становясь во враждебныя другъ къ другу отношенія.

Послѣ смутнаго времени, боярство притихло, помирившись съ своимъ служебнымъ положеніемъ. Причины этого примиренія отчасти лежали въ обстоятельствахъ, на которыя мы намекнули выше, т.-е. въ народныхъ волненіяхъ, грозившихъ какъ государству, такъ и отдѣльнымъ вотчинникамъ, отчасти зависѣли отъ характера самихъ правителей, какъ Алексѣй Михайловичъ и Петръ Великій, которые не любили мирволить никому. Царствованіе Петра нанесло еще тягчайшій ударъ исключительному и привилегированному положенію родовитой знати, потому что создало дворянство, «выскочекъ», своими заслугами государству отперших знать. Извѣстно, что знать не молча переносила свое униженное положеніе и немало доставила хлопотъ Петру; но солидарности между нею не было, какъ не было у ней и общихъ интересовъ, поглощенныхъ отношеніями служебными. Все это очень наглядно рисуется въ новомъ томѣ «Исторіи Россіи» г. Соловьева, гдѣ значительное количество страницъ посвящено придворнымъ интригамъ, борьбѣ за фаворитизмъ и господство. Екатерина умираетъ, оставивъ завѣщаніе въ пользу внука своего Петра II, который долженъ жениться на дочери Меньшикова. Уже болѣзнь императрицы приводитъ

весь дворъ въ волненіе; не судьбы отечества, конечно, интересуютъ его, но вопросъ о собственномъ вліяніи и значеніи. Вопросъ о томъ, кто сядетъ на престолѣ, интересуетъ большинство вельможъ лишь настолько, насколько это связано съ личнымъ благосостояніемъ каждаго. Въ то время какъ народъ и сословія, близко къ нему стоящія, явно интересуются вопросомъ о престолонаслѣдіи и высказываются за Петра, при дворѣ—одни присоединяются къ Меньшикову, другіе соображаютъ, что при новомъ императорѣ, сынѣ Алексѣя, внукѣ царицы-монахини, Евдокіи, имъ будетъ плохо. Во главѣ этихъ послѣднихъ стояли Ив. Ив. Бутурлинъ, Толстой и Девьеръ. Они ничего не придумали для противодѣйствія Меньшикову и уже покорно склоняли головы, какъ вдругъ неосторожное поведеніе Девьера выдало ихъ замыслы Меньшикову. Эта сцена интересна для характеристики нравовъ. Когда Екатерина мучилась отъ болѣзни и «всѣ доброжелательные подданные были въ превеликой печали, Антонъ Девьеръ не только не былъ въ печали, но даже веселился, и плачущую Софью Карлусовну (Скавронскую, племянницу императрицы) вертѣлъ вмѣсто танцевъ и говорилъ ей: «не надобно плакать». Мало этого: онъ подошелъ тоже къ плачущей цесаревнѣ Аннѣ Петровнѣ и сказалъ: «о чемъ печалиться? выпей рюмку вина!», а великаго князя Петра посадилъ съ собою на кровать, приглашалъ ѣхать съ собою кататься и говорилъ ему, что за невѣстою его будутъ волочиться, и проч.

Малолѣтство государей ни въ одной исторіи не проходило безъ смутъ или по крайней мѣрѣ безъ крупныхъ интригъ и борьбы за власть между придворными. У насъ были интриги и борьба, но они носили свой особенный отпечатокъ, если только принять безусловно-истиннымъ тотъ взглядъ на событія, который находимъ у г. Соловьева. Намъ кажется, что взглядъ этотъ не противорѣчитъ тому строю понятій, нравственныхъ и политическихъ качествъ, формально-служебному отношенію къ дѣлу, которыя выработали себѣ люди, близко стоящіе къ центру власти. Коротко и ясно, власть была у Меньшикова— онъ всѣмъ и распоряжался, и всѣ ему повиновались, хотя, по завѣщанію умершей императрицы, до совершеннолѣтія императора, т.-е. до 16 лѣтъ, государствомъ долженъ былъ управлять не одинъ Меньшиковъ, а верховный тайный совѣтъ, состоявшій изъ нѣсколькихъ человѣкъ. Но Меньшиковъ перевелъ ребенка-императора къ себѣ въ домъ, на Васильевскій островъ, приставилъ къ нему въ наставники Остермана и затѣмъ до верховнаго тайнаго совѣта ему мало дѣла. Совѣтъ этотъ сбирался и разсуждалъ, но рѣшеніе зависѣло отъ Меньшикова, къ которому дѣла посылаютъ на домъ. На Меньшикова сердились, ему завидовали, но ни у кого не хватало духа идти противъ него открыто, да и тайными путями идти было не совсѣмъ безопасно, потому-во-первыхъ, что никто не былъ увѣренъ, что его не выдастъ

свѣтлѣйшему свой же собрать, во-вторыхъ, потому, что императоръ былъ ребенокъ: не ребенку же жаловаться и просить его взять бразды правленія въ свои руки. Но если ребенокъ въ самомъ дѣлѣ возьметъ на себя инціативу въ дѣлѣ удаленія Меньшикова, за успѣхъ можно было ручаться. Петръ чувствовалъ себя стѣсненнымъ въ домѣ Меньшикова, отъ котораго зависѣло отпустить его на охоту или погулять; мальчикъ былъ неохотникъ учиться, а Остерманъ не настаивалъ, старался заниматься съ нимъ слегка, учить его чему-нибудь и какъ-нибудь; умный баронъ стремился къ тому, чтобъ, съ одной стороны, не потерять довѣрія Меньшикова, съ другой—пріобрѣсти любовь воспитанника. Царевна Наталья, сестра Петра, помогала воспитателю пріобрѣсти вліяніе на своего брата, потому что царевна была дѣвушка умная и видѣла очень хорошо, что Остерманъ можетъ достойнымъ образомъ приготовить будущаго правителя государства; но будущій правитель отбивается отъ серьезныхъ занятій, а ищетъ веселья и радости, онъ никакъ не наболтается съ теткой своей Елисаветой Петровной, веселой, беззаботной, шаловливой, несмотря на свои года; они такъ сходятся въ своихъ вкусахъ, такъ близко дружатся, что мальчикъ непріязненно смотритъ на свою невѣсту и жалѣетъ, что женой его будетъ не тетка, не Елисавета (у Остермана, при жизни Екатерины, былъ планъ женить ихъ). Понятно, что и требовательный Меньшиковъ ему не по сердцу: онъ готовъ бѣжать отъ всѣхъ скучныхъ и церемонныхъ людей, и чѣмъ болѣе требованій они къ нему предъявляютъ, тѣмъ недружелюбнѣе онъ къ нимъ относится; его друзьями дѣлаются тѣ, которые ему угождаютъ, которые лѣзутъ изъ кожи вонъ, чтобъ его развеселить. Таковы Долгорукіе.

Можно себѣ представить душевное состояніе мальчика, знающаго, что онъ императоръ, что въ сущности онъ имѣетъ полное право располагать всѣми этими людьми, которые его окружаютъ, а между тѣмъ есть человѣкъ, не дающій ему воли. Смутное сознаніе должно было въ немъ родиться, что, несмотря на его лѣта, въ извѣстныхъ, домашнихъ, такъ-сказать, вопросахъ, ему никто не посмѣетъ противиться. Онъ пробуетъ силу свою надъ Меньшиковымъ, который, встрѣтивъ посланнаго съ 9,000 червонныхъ, поднесенныхъ императору отъ цеха петербургскихъ каменщиковъ и назначенныхъ имъ въ подарокъ сестрѣ Натальѣ, приказываетъ эти деньги отнести въ свой кабинетъ. «Императоръ еще очень молодъ и потому не умѣетъ распоряжаться деньгами, какъ слѣдуетъ», справедливо замѣчаетъ Меньшиковъ посланному. Но 12-лѣтній императоръ узнаетъ объ этомъ и начинаетъ топать ногами и кричать на будущаго зятя: «Я тебя научу, что я императоръ и что мнѣ надо повиноваться». Меньшиковъ, не ожидавшій такой выходки, потерялся и началъ оправдываться. Подобныя сцены начинаютъ повторяться, такъ какъ мальчикъ любитъ сорить деньгами.

Опека становится ему невыносимой, и онъ явно показываетъ свое пренебреженіе Меньшикову. Надо бороться, надо употребить рѣшительныя мѣры, чтобъ заставить мальчика войти въ необходимыя для такого возраста предѣлы; но Меньшиковъ то строгость обнаружитъ, то начинаетъ заискивать, не зная какъ овладѣть мальчикомъ, обнаруживающимъ такъ рано самостоятельность, а мальчикъ отворачивается отъ него еще болѣе и говоритъ одному изъ своихъ приближенныхъ: «Смотрите, развѣ я не начинаю вразумлять его». Это годится въ фантастическую сказку, но рѣжетъ здравый смыслъ въ исторіи. Какъ бы то ни было, но это — исторія, исторія борьбы самовластнаго ребенка съ человѣкомъ закаленнымъ въ жизненномъ опытѣ, но воспитавшимся въ такой школѣ, гдѣ произволъ на первомъ планѣ, тотъ произволъ, который такъ часто практиковалъ самъ свѣтлѣйшій князь. Враги послѣдняго, разумѣется, очень рады этой борьбѣ и остаются не безъ дѣла: они рукоплещутъ маленькому герою и втайнѣ, шопотомъ, ободряютъ его на новые подвиги. Вотъ кому приходится освобождать и себя и всѣхъ отъ ига Меньшикова: «Я покажу, кто императоръ: я или Меньшиковъ»! восклицаетъ маленькій императоръ, все болѣе и болѣе входившій въ роль. Меньшиковъ ведетъ себя, какъ потерянный: то грозитъ Остерману, что велитъ его колесовать за то, что онъ будто бы отвращаетъ императора отъ православія, то жалуется на неблагодарность Петра и высчитываетъ свои заслуги, то льститъ ему и передъ нимъ унижается. Уже ясно, на чьей сторонѣ побѣда—одинъ рѣшительный ударъ и генералиссимусъ, будущій тесть императора, погибнетъ. И за этимъ дѣло не стоитъ: нежданно, негаданно Петръ переѣзжаетъ въ свой дворецъ, посылаетъ сказать гвардіи, чтобъ она только его одного слушалась и затѣмъ приказываетъ арестовать Меньшикова. Безъ суда и слѣдствія, несчастнаго князя со всѣмъ его семействомъ послали въ Сибирь; маленькій императоръ высказалъ при этомъ необыкновенную силу воли, не тронулся ни просьбами, ни слезами женщинъ и остался очень недоволенъ заступничествомъ фельдмаршала Голицына за павшаго князя, заступничествомъ, которое, быть можетъ, сопровождалось непріятными словами, что не слѣдуетъ наказывать и ссылать человѣка безъ суда. Но что за бѣда: большинство довольно паденіемъ фаворита; декораціи должны измѣниться: выплывутъ на сцену новые люди—сосланные возвратятся, отставленные получатъ власть и въ свою очередь отставятъ многихъ и кое-кого сошлютъ. На первомъ планѣ, разумѣется, становятся тѣ, которые такъ умѣли занимать императора, такъ охотно сопровождали его на охоту, которую онъ любитъ до страсти. Новый фаворъ, фаворъ у маленькаго императора; измѣнились декораціи, но сущность осталась та же: траги-комедія фаворитизма вовсе не о пяти актахъ, а объ одномъ, который повторялся съ новыми актерами и новыми де-

корациями; разница заключалась въ исполнителяхъ, въ степени ихъ таланта, въ самоувѣренности, въ дерзости, во внѣшнихъ пріемахъ.

Меньшиковъ, по крайней мѣрѣ, хотѣлъ выучить мальчика, которому предстояло царствовать; онъ хотѣлъ его выучить серьезно, ибо, хотя самъ былъ неученъ, но уваженіе къ наукѣ питалъ большое. Долгорукіе взяли одною потачкою дурнымъ склонностямъ даровитаго и живого мальчика. Дворъ переѣхалъ въ Москву, и они окончательно взяли въ свои руки «воспитаніе» императора; царица-монахиня Евдокія говорила внуку, что лучше ужъ бы женился онъ, хотя даже на иностранкѣ, чѣмъ вести такую жизнь, какую онъ велъ до сихъ поръ; умная царевна Наталія, имѣвшая вліяніе на брата, умерла; Петръ остался одинъ съ Долгорукими, которые возили его на охоты, на прогулки; чѣмъ занимался во время этихъ выѣздовъ императоръ, можно видѣть изъ того, что самъ любимецъ его, Иванъ Алексѣевичъ Долгорукій, съ негодованіемъ отзывается о его забавахъ и говоритъ, что онъ потому не участвуетъ въ этихъ выѣздахъ, что не хочетъ видѣть тѣхъ глупостей, которыя заставляютъ дѣлать Петра, и той наглости, съ которою съ нимъ обращаются. Разумѣется, со стороны любимца, это—фанфаронада, не болѣе, ибо онъ очень дѣятельно способствовалъ направленію вкусовъ Петра въ одну сторону. Когда-нибудь исторія разскажетъ возмутительныя подробности этого «воспитанія» и тѣ продѣлки, вслѣдствіе которыхъ одна изъ княженъ Долгорукихъ торжественно объявлена была невѣстой императора (три мѣсяца спустя послѣ его смерти она разрѣшилась отъ бремени ребенкомъ, прижитымъ съ любовникомъ, какимъ-то офицеромъ). Княжна не нравилась Петру, но... Долгорукіе устроили такъ, что онъ считалъ своею обязанностію жениться на ней. Съ Меньшиковымъ онъ могъ бороться, потому что Меньшиковъ тѣснилъ его; но какъ бороться съ людьми, которые ему во всемъ угождаютъ и которые въ тоже время успѣли взять надъ нимъ такую волю, что онъ потерялъ всякую способность защищаться. Они не только удалили отъ него Елисавету, но даже помышляли сослать ее въ монастырь: Иванъ Алексѣевичъ ужъ разговаривалъ о томъ съ своимъ отцомъ. Почти въ такомъ же положеніи относительно окружающихъ и почти въ такомъ же возрастѣ былъ другой русскій вѣнценосецъ—Иванъ IV. Нравы тогда были грубѣе, но возлѣ царя нашлись честные и мужественные люди, которые не побоялись высказать отроку правду и направить его на тотъ единственный путь, гдѣ государь можетъ найти искренніе и мудрые совѣты, теплую любовь и поддержку: царь обратился прямо къ народу, къ его представителямъ, созвалъ земскій соборъ.

При Петрѣ II, отсутствіе такъ-называемаго гражданскаго мужества и угодливость дошли до того, что придворные только корили государя

за глаза, называли его безхарактернымъ — нашли чѣмъ укорять мальчика — и высчитывали шансы будущаго паденія Долгорукихъ. Вдругъ государь занемогъ и скончался черезъ нѣсколько дней, 14 лѣтъ отъ роду. Эти нѣсколько дней Долгорукіе употребили съ пользою, составивъ духовное завѣщаніе въ пользу государыни-невѣсты. Напрасно князь Василій Владиміровичъ возставалъ противъ этого: «Еслибъ она за государемъ и въ супружествѣ была, говорилъ онъ, то и тогда бы во учиненіи ея наслѣдницею не безъ сомнѣнія было». Другіе члены фамиліи возражали ему, что стоитъ только энергически приняться за дѣло, и въ успѣхѣ сомнѣваться нельзя: «Мы уговоримъ графа Головкина и князя Дмитрія Михайловича Голицына, а если они заспорятъ, то мы будемъ ихъ бить. Ты въ преображенскомъ полку полковникъ, а князь Иванъ маіоръ, а въ семеновкомъ полку спорить о томъ будетъ некому».—«Что вы, ребячье врете, говорилъ снова князь Василій Владиміровичъ: какъ тому можно сдѣлаться? И какъ я полку объявлю? Услышавъ отъ меня объ этомъ, не только будутъ меня бранить, но и убьютъ». Несмотря на это, завѣщаніе было состряпано и князь Иванъ подписалъ его вмѣсто Петра.

Послѣ кончины государя, члены верховнаго тайнаго совѣта собрались для избранія новаго государя. Князь Алексѣй Григорьевичъ Долгорукій потребовалъ престола для своей дочери и показалъ духовное завѣщаніе, но на него одни не обратили вниманія, другіе прямо назвали подложнымъ и остановили взоры на «женскихъ членахъ» императорской фамиліи. Голосъ князя Дмитрія Михайловича Голицына раздавался авторитетнѣе другихъ. Такъ какъ домъ Петра I пресѣкся смертью Петра II, то справедливость требуетъ перейти къ старшей линіи, линіи царя Іоанна Алексѣевича; старшую изъ дочерей его, царевну Екатерину трудно выбрать, потому что она замужемъ за герцогомъ Мекленбургскимъ, тогда какъ вдова, Анна, герцогиня курляндская, свободна и одарена всѣми способностями, нужными для трона. Всѣ закричали: «Такъ, такъ, нечего больше разсуждать, мы выбираемъ Анну!» — «Воля ваша, продолжалъ Голицынъ, кого изволите, только надобно намъ себѣ полегчить».—«Какъ полегчить»? спросилъ Головкинъ.—«Такъ полегчить, чтобъ воли себѣ прибавить», отвѣчалъ Голицынъ.—«Хотя и зачнемъ, да не удержимъ этого», возразилъ Василій Лукичъ Долгорукій. — «Не правда, удержимъ», настаивалъ онъ, только надобно, написавъ, послать къ ея величеству пункты».

Пр. Соловьевъ объясняетъ починъ въ этомъ дѣлѣ со стороны Голицына тѣмъ, что правительства не отдаляли его, но и не приближали къ источнику власти, потому что онъ не былъ способенъ угождать, служить лицамъ, однимъ словомъ, быть фаворитомъ. Фаворитизмъ, выдвигавшій впередъ людей худородныхъ, оскорблялъ Голицына, считавшаго себя представителемъ самой знатной фамиліи въ государствѣ

Онъ не могъ безъ негодованія помышлять о бракѣ Петра I на худородной женщинѣ, Екатеринѣ, о которой отзывался, какъ и о дѣтяхъ ея, въ выраженіяхъ самыхъ непочтительныхъ. При вступленіи на престолъ Петра II, онъ разсчитывалъ играть первую роль—и ошибся. «Долго ли же терпѣть? Петръ II умираетъ; Голицынъ указываетъ ему преемницу и всѣ повинуются этому указанію. Какъ же будетъ благодарна новая императрица Голицыну, главному виновнику ея избранія? Но Голицынъ наученъ горькимъ опытомъ: онъ знаетъ, что сначала будутъ благодарны, сначала поласкаютъ человѣка, неспособнаго быть фаворитомъ, а потомъ какой-нибудь сынъ конюха, русскаго или курляндскаго, черезъ фаворъ оттѣснитъ перваго вельможу на задній планъ. Вельможество самостоятельнаго значенія не имѣетъ; при самодержавномъ государѣ значеніе человѣка зависитъ отъ степени приближенія къ нему. Надобно же покончить съ этимъ, надобно дать вельможеству самостоятельное значеніе, при которомъ оно могло бы не обращать вниманія на фаворитовъ».

Какъ бы то ни было, послѣ того, какъ избраніе Анны было принято сенатомъ, синодомъ и генералитетомъ, Голицынъ сталъ хлопотать о пунктахъ: «Станемъ писать пункты, чтобъ не быть самодержавствію». Ягужинскій, бывшій генералъ-прокуроръ, разсчитывая попасть въ члены верховнаго тайнаго совѣта, говорилъ Василію Лукичу Долгорукову: «Батюшки мои! прибавьте намъ, какъ можно воли»! — «Говорено ужъ о томъ было»! отвѣчалъ князь Василій. Ягужинскій подошелъ тогда къ князю Сергѣю Долгорукову: «Мнѣ съ міромъ бѣда не убытокъ: долго ли намъ будетъ терпѣть, что намъ головы сѣкутъ, теперь время думать, чтобъ самовластію не быть». — «Не мое это дѣло», отвѣчалъ князь Сергѣй. Верховники рѣшились не пускать никого; ихъ всего восемь человѣкъ — четверо Долгорукихъ, два Голицыныхъ, Головкинъ и Остерманъ. Выписываемъ «пункты», предложенные Аннѣ: «Чрезъ сіе наикрѣпчайше обѣщаемся, что наиглавнѣйшее мое попеченіе и стараніе будетъ не токмо о содержаніи, но и о крайнемъ и всевозможномъ распространеніи православныя нашея вѣры греческаго исповѣданія; такожде по принятіи короны россійской, въ супружество во всю мою жизнь не вступать и наслѣдника ни при себѣ, ни по себѣ никого не опредѣлять; еще обѣщаемся, что понеже цѣлость и благополучіе всякого государства отъ благихъ совѣтовъ состоитъ, того ради мы нынѣ уже учрежденый верховный тайный совѣтъ въ восьми персонахъ всегда содержать и безъ онаго согласія: 1) ни съ кѣмъ войны не вчинать, 2) миру не заключать, 3) вѣрныхъ нашихъ подданныхъ никакими податьми не отягощать, 4) въ знатные чины, какъ въ стацкіе такъ и въ военные, сухопутные и морскіе выше полковничья ранга не жаловать, ниже къ знатнымъ дѣламъ никого не опредѣлять, а гвардіи и прочимъ войскамъ быть подъ вѣдѣ-

ніемъ верховнаго тайнаго совѣта; 5) у шляхетства живота, имѣнія и чести безъ суда не отнимать; 6) вотчины и деревни не жаловать; 7) въ придворные чины, какъ русскихъ, такъ и иноземцевъ не производить; 8) государственные доходы въ расходъ не употреблять и всѣхъ вѣрныхъ своихъ подданныхъ въ неотмѣнной своей милости содержать; а буде чего по сему обѣщанію не исполню, то лишена буду короны всероссійской». Анна собственноручно написала на этомъ: «Посему обѣщаю вся безъ всякого изъятія содержать».

Между тѣмъ затѣя верховниковъ возбудила общее неудовольствіе въ высшихъ слояхъ общества. Вмѣсто одного государя — восемь! Всѣ гарантіи для восьми, а противъ восьми для остальныхъ гдѣ гарантіи. Одинъ государь во всякомъ случаѣ лучше, чѣмъ восемь: «Боже сохрани, чтобъ не сдѣлалось», писалъ казанскій губернаторъ Волынскій къ одному изъ своихъ московскихъ пріятелей, «вмѣсто одного самодержавнаго государя, десяти самовластныхъ и сильныхъ фамилій: и такъ мы, шляхетство, совсѣмъ пропадаемъ и принуждены будемъ горше прежняго идолопоклонничать и милости у всѣхъ искать, да еще и сыскать будетъ трудно, понеже нынѣ между главными какъ бы согласно ни было, однакожъ впредь конечно у нихъ безъ разборовъ не будетъ, и такъ одинъ будетъ миловать, а другіе, на того яряся, вредить и губить станутъ. Второе, понеже народъ нашъ наполненъ трусостію и похлебствомъ, и для того, оставя общую пользу, всякъ будетъ трусить и молчать главнымъ персонамъ для бездѣльныхъ своихъ интересовъ или страха ради. И такъ хотя бы и вольные всего общества голосы требованы въ правленіе дѣлъ были, однакожъ бездѣльные ласкатели всегда будутъ то говорить, что главнымъ надобно; а кто будетъ правду говорить, тѣ пропадать станутъ, понеже уже всѣ совѣты тайны быть не могутъ». Эти мысли раздѣляли многіе. Насчитывали человѣкъ 500, которые волновались, собирались, кричали противъ верховниковъ. Но солидарности и тутъ не было: одни просто хотѣли напасть на верховниковъ и перебить ихъ; другіе, порицая такую крутую мѣру, говорили, что надо представить верховникамъ, что передѣлывать немногимъ составъ государства преступно.

Верховники знали о неудовольствіяхъ и сборищахъ, но дѣйствовали неумѣло, безъ энергіи, безъ плана, ясно начертаннаго. Мысль ограничить самодержавіе явилась внезапно; условія, предъявленныя Аннѣ, набросаны были на-скоро; духовенство отстранили отъ всякаго участія въ дѣлѣ, между тѣмъ, какъ во главѣ его стоялъ такой даровитый человѣкъ, какъ Ѳеофанъ; въ числѣ многихъ другихъ отстранили Ягужинскаго, который, несмотря на заставы, успѣлъ дать знать Аннѣ, что противъ нея куются ковы верховниками; вмѣсто твердаго плана, верховники разсчитываютъ только на войско, на случай, на неподвижность своихъ соотечественниковъ; но дѣло было такъ серьез-

но, что расшевелило всѣхъ, и верховники то угрожаютъ, то дѣйствуютъ ласками и обѣщаніями, то увѣряютъ, что какъ скоро получится отвѣтъ отъ государыни, они сберутъ всѣ чины и будутъ просить у нихъ совѣта, какъ съ наибольшею пользою устроить на будущее время государственное управленіе. Съ этого слѣдовало бы начать и не хранить въ тайнѣ затѣяннаго дѣла.

3-го февраля 1730 года, по приглашенію верховниковъ, собрались сенатъ, синодъ и генералитетъ, для чего — не было сказано. Верховники вышли и прочли отвѣтное письмо Анны и пункты, ограничивающіе самодержавную власть. Впечатлѣніе было странное: всѣ удивлялись и въ тайнѣ негодовали; повидимому, сами верховники не ожидали этого и, по словамъ Ѳеофана Прокоповича, «опустили уши, какъ бѣдные ослики»; одинъ князь Голицынъ не потерялся и, часто похаркивая, говорилъ: «Вотъ какъ милостивая государыня, какое она нашему отечеству благодѣяніе сдѣлала. Надо благодарить государыню». Громко неудовольствія своего никто не высказалъ, быть можетъ, потому, что въ «палатѣ оной (гдѣ происходило собраніе), по переходамъ, въ сѣняхъ и избахъ, многочисленное стояло вооруженное воинство». Однакожъ, всѣ согласились благодарить государыню за такую «неизреченную милость», и первый подписался на благодарственномъ листѣ Ѳеофанъ; всѣхъ подписей было съ пятьсотъ. Оставалось ожидать Анны; но до пріѣзда ея уже обнаружилось, какъ непрактично поступили верховники, придавъ дѣлу тайну; эта тайна стѣсняла ихъ на каждомъ шагу, она не позволяла имъ дѣйствовать рѣшительно и они постоянно дѣлали промахи: въ Успенскомъ соборѣ служился молебенъ, причемъ Анна провозглашается на ектеніи самодержицею «пунктовъ» не объявляютъ всенародно, оставя это до пріѣзда государыни, хотя Василій Владиміровичъ Долгорукій и настаивалъ, чтобъ въ печатный манифестъ «внести кондиціи и письмо ея величества, чтобъ народъ вѣдалъ ради соблазну». Въ верховный тайный совѣтъ стали поступать мнѣнія, требованія увеличенія числа членовъ этого совѣта—одни до 12—15, другіе до 21, съ тѣмъ, чтобъ «нынѣ въ прибавокъ и впредь на ваканціи въ верховной тайный совѣтъ выбирать обществомъ, генералитету военному и статскому и шляхетству на одну персону по три кандидата, изъ которыхъ одного выбрать предоставляется верховному тайному совѣту»; такого же выборнаго начала требовали для сената, губернаторовъ и президентовъ коллегій. Всѣ эти мнѣнія не касались правъ восьми верховниковъ,—и конечно ужъ не вредили ни мало тому принципу, на которомъ они хотѣли основать монархическую власть; но все дѣло именно и заключалось въ томъ, что верховники думали только о себѣ, о своихъ интересахъ, хотѣли «полегчить себя», какъ живописно выразился Голицынъ. Не оставивъ поданныя мнѣнія совсѣмъ безъ вниманія, они опять ограничились

обѣщаніями и нальстили «старымъ и знатнымъ фамиліямъ»; о народѣ говорилось только, чтобъ «людей боярскихъ и крестьянъ не допускать ни къ какимъ дѣламъ»—что само собой разумѣлось и «крестьянъ въ податяхъ сколько можно облегчать» — что ни къ чему не обязывало. Купечеству верховники обѣщали «имѣть о немъ призрѣніе и отвращать отъ него всякія обиды и неволи, и въ торгахъ имѣть ему волю, и никому въ однѣ руки никакихъ товаровъ не давать, и въ подати должно купцовъ облегчить, а прочимъ чинамъ въ купечество не мѣшаться». Но чтó значили эти неопредѣленныя обѣщанія?

Извѣстно, какъ окончилась попытка верховниковъ. Въ то время, когда они дѣйствовали такъ непослѣдовательно, постоянно совершая промахи и боясь своихъ противниковъ, которымъ, однакожъ, уступить не хотѣли въ какомъ-то странномъ ослѣпленіи, Анна Іоанновна съ перваго шага поступаетъ умно и смѣло, съ перваго шага нарушаетъ условія, провозглашая себя полковникомъ преображенскаго полка, на что она не имѣла права; кавалергардамъ сама подноситъ по рюмкѣ водки; несмотря на то, что верховники окружили ее дозоромъ и держали почти въ заперти, она находитъ средства переписываться, и сносится съ своими приверженцами [1]). Нó и партія, преданная императрицѣ, по крайней мѣрѣ значительная часть ея въ сущности не отступала отъ принципа верховниковъ, но не желала господства ихъ. Въ этомъ смыслѣ 25-го февраля была подана императрицѣ просьба въ большой залѣ дворца, куда собралось человѣкъ 800 изъ сената, генералитета и дворянства. Благодаря государыню, что она отказалась отъ самодержавія, дворянство просило ее собрать особую коммиссію, въ которую назначить по одному или по два человѣка отъ каждой фамиліи для разсмотрѣнія разныхъ проектовъ, поданныхъ въ верховный тайный совѣтъ и самихъ извѣстныхъ «пунктовъ». Императрица немедленно даетъ согласіе, несмотря на замѣчаніе Василія Лукича Долгорукаго, что подобную просьбу должно разсмотрѣть государынѣ вмѣстѣ съ членами верховнаго тайнаго совѣта. Едва произнесла она свое согласіе, какъ гвардейскіе офицеры и нѣкоторые изъ дворянства начали кричать: «Не хотимъ, чтобъ государынѣ предпи-

---

[1]) Главною посредницею была свояченица князя Черкасскаго, штатсъ-дама Прасковья Юрьевна Салтыкова, урожденная Трубецкая, по мужу свойственница императрицѣ. Разсказывали, что употреблялись и другія средства сноситься съ императрицею, будто приносили къ ней каждый день ребенка, Биронова сына, и клали ему за пазуху записки о ходѣ дѣла; наконецъ, будто Ѳеофанъ Прокоповичъ подарилъ А столовые часы, въ которыхъ подъ доскою она нашла увѣдомленіе, что преданные ей люди положили дѣйствовать рѣшительно. Ходилъ также слухъ, что верховники, устрашенные всеобщимъ неудовольствіемъ и не надѣясь выиграть дѣло, предложили Аннѣ провозгласить ее самодержицею, на чтó она отвѣчала: «Это для меня слишкомъ мало получить самодержавіе отъ осьми персонъ».

сывались законы, она должна быть такою же самодержицею, какъ были всѣ прежніе государи». Когда Анна, раздраженная шумомъ, стала ихъ унимать, они бросились передъ нею на колѣни, клялись въ своей преданности: «Прикажите, государыня, и мы принесемъ къ вашимъ ногамъ головы вашихъ злодѣевъ». «Шляхетство, замѣчаетъ нашъ историкъ, имѣло теперь въ рукахъ подписанную императрицею просьбу о пересмотрѣ всѣхъ проектовъ и установленій, съ общаго согласія, новой правительственной формы. Но къ чему повело бы это, когда уже такъ громко было заявлено желаніе, чтобъ возстановленъ былъ старый порядокъ вещей, когда представители вооруженной силы высказались, что не позволятъ предписывать законовъ государынѣ? Благоразумно ли было давать опереживать себя въ преданности и подвергаться явной опасности?» Отвѣчать было легко на такіе вопросы, когда дворянство никакой твердой почвы подъ собой не чувствовало. Оно составило новую просьбу о возстановленіи самодержавія и въ тотъ же день подало ее императрицѣ, которая разорвала «пункты» и приказала вновь привести всѣхъ къ присягѣ: вмѣсто «государынѣ и отечеству», какъ присягалъ народъ нѣсколько дней тому назадъ, 25-го февраля онъ присягалъ одной государынѣ.

Такъ разлетѣлись надежды верховниковъ и дворянства. Представитель первыхъ, князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ сказалъ въ кружкѣ близкихъ къ себѣ людей: «Трапеза была уготована, но приглашенные оказались недостойными; знаю, что я буду жертвою неудачи этого дѣла. Такъ и быть; пострадаю за отечество; мнѣ уже немного остается, и тѣ, которые заставляютъ меня плакать, будутъ плакать долѣе моего». Пріятель казанскаго губернатора Волынскаго, бригадиръ Козловъ, писалъ ему незадолго до 25-го февраля, что «теперь у насъ прямое правленіе государства стало порядочное, какого нигдѣ не бывало.... И о государынѣ такъ положено: что хотя въ маломъ въ чемъ не такъ будетъ поступать, какъ ей опредѣлено, то ее конечно вышлютъ назадъ въ Курляндію, и для того будь она довольна тѣмъ, что она государыня россійская; полно и того. Ей же опредѣляютъ на годъ 100,000, и тѣмъ ей можно довольной быть, понеже дядя ея императоръ (Петръ Великій) и съ теткою ея (Екатерина I) довольствовался только 60,000 въ годъ». Бригадиръ заканчиваетъ письмо такими словами: «И что она сдѣлана государынею, и то только на первое время, помазка по губамъ». Весьма немудрено, что слова эти сдѣлались бы пророческими, еслибы верховники удержались, то-есть вскорѣ могло бы настать время, когда они сами заспорили бы за престолъ для себя самихъ, и онъ могъ сдѣлаться игрушкою въ рукахъ войска. Другой морали едва ли можно извлечь изъ этой олигархической попытки, хотя поле предположеній—поле шаткое—и русскій престолъ въ XVIII вѣкѣ не избѣгъ и помимо этого отъ зависимости

войска; императрицы Елисавета и Екатерина получили его только благодаря содѣйствію войска.

Изъ этого краткаго очерка боярскихъ стремленій читатели могутъ видѣть, что г. Соловьевъ сообщаетъ немало новыхъ фактовъ; мы можемъ обратить еще вниманіе читателей на мастерскую характеристику его императрицы Анны Іоанновны (269 — 271). О «бироновщинѣ» мы узнаемъ, вѣроятно, изъ слѣдующаго тома.

NOS FILS, par J. Michelet.

Мишлé прежде всего—поэтъ. Огромная ученость въ немъ какъ будто случайность; поэтъ онъ отъ природы. Есть строгіе критики, которые надъ поэзіею Мишлé покачиваютъ головой, потому что фейерверкъ его апострофовъ и антитезъ выражается не въ стихахъ, а въ прозѣ, и даже въ ученой прозѣ. Многіе смотрятъ на Мишлé какъ на Виктора Гюгó прозы. Но гораздо справедливѣе назвать его политическимъ ораторомъ въ исторіи. Оратору необходимо дѣйствовать на умъ слушателей сжатыми, картинными изреченіями; ораторъ, какъ боецъ, для достиженія своей цѣли, имѣетъ право обращаться къ самымъ страстямъ народа. Таковъ Мишлé — историкъ. Не имѣй онъ этихъ качествъ, не имѣй онъ поэтическаго дара, который одушевляетъ его печатную рѣчь, претворяетъ ее въ живое слово,—вся огромная ученость не дала бы ему возможности сдѣлать то, чтó онъ сдѣлалъ. Во второй четверти текущаго столѣтія никто болѣе Мишлé не содѣйствовалъ освобожденію французскаго ума отъ часто возраставшей, вслѣдствіе политическихъ причинъ, силы клерикализма. Мишлé—дѣятель прошлаго. Нынѣ, послѣ Конта, Прудона, при Ренанѣ и Литтрé образовался уже во Франціи совсѣмъ новый арсеналъ для борьбы съ такъ-называемыми іезуитами, т.-е. мрачной силой невѣжества и фанатизма, которая еще не утратила господства надъ значительными массами. Но въ свое время, главную, если не всю, заслугу этой борьбы несъ на своихъ плечахъ Мишлé. Его проповѣдь была тѣмъ дѣйствительнѣе, что онъ покорилъ ею молодежь, то-есть самую будущность страны.

Вотъ та точка, съ которой слѣдуетъ смотрѣть на этого почтеннаго общественнаго дѣятеля; и тогда становится очевидно, что самая разбросанность его изложенія, его поэтическій жаръ составляли весьма важныя достоинства, а не недостатки, и что именно въ смыслѣ практическомъ эти достоинства были гораздо драгоцѣннѣе самой трезвой объективности, самой неподкупной критики. Безъ нихъ, Франція въ Мишлé имѣла бы только однимъ ученымъ больше, и ктó можетъ сказать, сколькими горячими защитниками свободы меньше?!

Само собой разумѣется, что такой изобильный поэтическій талантъ не могъ замкнуться въ рамкахъ одного прошлаго, не могъ воздержаться отъ прямого обращенія и къ тѣмъ вопросамъ, которые, находясь внѣ его спеціальности какъ ученаго, и въ самой этой спеціальности, занимали его наиболѣе: вопросомъ объ освобожденіи личности отъ гнета преданій, о равноправности членовъ общества, объ отношеніяхъ человѣка ко внѣшней природѣ и т. д. И большинство читателей напрасно думаетъ, что Мишле́ обратился къ этимъ вопросамъ уже по старости лѣтъ, какъ бы уставъ отъ серьезной исторической работы и политической борьбы, и сталъ заниматься потому, что ему дѣлать было нечего. Еще будучи въ полной силѣ лѣтъ, при Людовикѣ-Филиппѣ онъ написалъ свои книги «Du prêtre, de la femme, de la famille», и (вмѣстѣ съ Кине́) — «Des jésuites». Сочиненія его, явившіяся въ послѣднія лѣтъ четырнадцать: «Женщина», «Любовь», «Птица», «Море», «Гора» и т. д. представляютъ вовсе не *плоды старческой праздности*, а поэтическій разсказъ о думахъ, занимавшихъ этого оратора и поэта въ теченіи всей его жизни. Мишле́ теперь 72-й годъ. Но такіе люди до глубокой старости сохраняютъ и силу молодости, и ея слабости, ея увлеченія.

Мы не имѣемъ намѣренія излагать здѣсь всю дѣятельность знаменитаго писателя и подвергать критическому анализу всѣ противорѣчія разныхъ его сочиненій. Это было бы напрасно уже потому, какъ мы сказали выше, что Мишле́ весь относится къ прошлому, все его міросозерцаніе, построенное на возвышенныхъ, но неустойчивыхъ чувствахъ, относится къ періоду уже прожитому европейскимъ обществомъ. Достаточно одного указанія. Онъ, который, въ исторіи общества, никогда не хотѣлъ признавать закона необходимости и всегда ссылался противъ такого закона на священныя, первобытныя права человѣческой личности, онъ самъ, въ изслѣдованіяхъ основъ общественнаго устройства, приноситъ эти права личности, по отношенію къ женщинѣ, въ жертву тому закону необходимости. И спасается онъ изъ этого противорѣчія только помощью поэтическаго произвола, надѣляя женщину, взамѣнъ человѣческихъ правъ, богоподобными качествами.

Новѣйшее сочиненіе Мишле́ «Наши дѣти»—отражаетъ на себѣ всѣ сильныя стороны его таланта и всѣ слабыя стороны его изложенія. Книга эта, имѣющая педагогическое назначеніе, не есть ни исторія воспитанія, ни изложеніе полной его системы, хотя касается и того и другого. Нѣтъ никакой полноты, ничего законченнаго, но есть не мало великолѣпныхъ страницъ, которыя могутъ быть прочтены не только съ увлеченіемъ, но даже съ пользою, какъ краснорѣчивая проповѣдь противъ всякаго деспотизма, и какъ интересная, остроумная, хотя слишкомъ краткая оцѣнка главныхъ педагогическихъ системъ.

Авторъ объясняетъ, что всѣ предшествовавшія его сочиненія ведутъ къ этой книгѣ — Nos fils, и что справедливо. Здѣсь является и поэтическій, остроумный историческій живописецъ, и общественный философъ, основывающій общество на святости брака, и поэтъ естествовѣдѣнія, призывающій новыя поколѣнія къ общенію съ природой. Мишле́ говоритъ, что книги его о природѣ и семействѣ принялись во Франціи какъ «воскресныя» или «вечернія» книги. И въ самомъ дѣлѣ, онѣ полезны какъ книги для чтенія, для отдохновенія, но только не дѣтямъ, и не большинству женщинъ, а людямъ съ прочнымъ образованіемъ и самостоятельнымъ мышленіемъ.

Если человѣкъ родится sub potestate diaboli, если природа его сама по себѣ зла—воспитаніе должно состоять въ томъ, чтобы карать, умерщвлять его стремленія и сдерживать его развитіе. Если человѣкъ родится невиннымъ и свободнымъ, то слѣдуетъ его развивать — вотъ исходныя точки двухъ системъ воспитанія, совершенно отличныхъ между собою по духу; можно стараться, какъ обыкновенно и стараются, согласить одно съ другимъ, то-есть на практикѣ осуществлять развитіе, удерживая необходимость умерщвленія въ теоріи, но всѣ эти попытки будутъ напрасны, и практика развитія, когда она вѣнчается успѣхомъ, обращаетъ въ мертвую букву теорію умерщвленія. За этой альтернативой, Мишле́ указываетъ необходимый принципъ той системы воспитанія, которая стремится къ развитію: она развиваетъ силы человѣка *для дѣйствія*. Дѣйствіе, творчество — вотъ цѣль развитія и руководящее начало раціональнаго воспитанія.

Поставивъ такимъ несомнѣннымъ образомъ вопросъ о сущности воспитанія, Мишле́ дѣлаетъ очеркъ всѣхъ опасностей, угрожающихъ умственному развитію ребенка и желательнаго предупрежденія ихъ начиная съ эпохи зачатія, потомъ въ первые годы его въ семействѣ. Вся эта часть исполнена тонкихъ художественныхъ этюдовъ, нѣсколько сантиментально, но съ другой стороны и энергично въ историческихъ примѣрахъ и очеркахъ нравовъ. Къ сожалѣнію, чрезмѣрное увлеченіе автора семейною поэзіею портитъ нѣкоторыя, весьма практическія мысли его, обращая ихъ опять-таки въ поэзію. Кто не убѣжденъ, что образованіе женщинъ, умственная развитость матери — могущественнѣйшее средство для поднятія уровня воспитанія вообще? Мишле́, какъ художникъ, подходитъ къ этой мысли картиною: молодая женщина сидитъ, призадумавшись надъ судьбою своего ребенка, который еще не родился. Она уже любитъ его и больше всего думаетъ о немъ; она сама хотѣла бы быть лучше, умнѣе, добрѣе, на пользу своего ребенка.

«Полночь. Мужъ, уставшій отъ дневной работы, спитъ. Но ей нѣтъ сна. Вотъ она помолилась, помечтала, прочла нѣсколько добрыхъ словъ, вѣщающихъ

о жизни будущей. Она подходитъ къ окну, и засматривается на звѣзды; она чувствуетъ себя выше себя самой. Какое-то влеченіе, какая-то душевная центростремительная сила подымаетъ, возвышаетъ ея сердце къ этимъ лучезарнымъ мірамъ, которыхъ дружескій свѣтъ какъ будто призываетъ ее къ какой-то окрыленной жизни, легчайшей, высшей, и къ вѣчному міровому успѣху.»

«Какъ бы поддержать ее, продолжаетъ поэтъ, въ этомъ порывѣ воли? О какъ я хотѣлъ-бы, чтобы у нея была хорошая книга, простая и отрадная, дышащая геройскимъ духомъ творчества, книга, которая дала бы ей могучую пищу. Но такой книги нѣтъ. Ни одна недостойна ея. Ни одна книга недостойна святости ея мысли, ея духовной потребности. Всего менѣе книги мрачныя или мистическія, говорящія о безсиліи человѣческаго творчества. Далѣе авторъ совершенно справедливо говоритъ, что женщинѣ недостаетъ самой прочной нравственной поддержки — *великой общественной мысли.* У молодыхъ людей, даже у тѣхъ, которые считаютъ себя наиболѣе испорченными, порою оживаетъ именно этотъ смыслъ великой общественной задачи, солидарности; у женщины его-то и недостаетъ.

Все это прекрасно, основная мысль совершенно вѣрна. Но что же предлагаетъ авторъ для сообщенія женщинамъ этой нравственной поддержки, этой укрѣпляющей общественной мысли?—«Ей надо книгу живую—сердце любимаго человѣка». И вотъ Мишле́, отступая отъ логики, забывая исторію, впадаетъ въ сантиментальность поэзіи и ожидаетъ отъ молодого мужа, что онъ посвятитъ будущую *мать* въ эту общественную солидарность, заинтересуетъ ее въ задачахъ общества, въ политикѣ даже, отбросивъ страшныя и непонятныя для нея цифры бюджета и т. д. Хорошо! Ну, а если женщина рожаетъ уже не въ первый разъ, если мужъ уже не молодой, если, наконецъ, женщина никакимъ образомъ не заинтересуется политикой, въ которой сама не играетъ никакой роли, не принимаетъ никакого участія? Легко—картину Мишле́, и эти звѣзды, и этого пробуждающагося, для толковъ о политикѣ, мужа обратить въ каррикатуру. А между тѣмъ сама картина хороша и—главное, мысль, на которую наводитъ его авторъ, безусловно вѣрна. Въ слѣдующей за нею фальши виновато только міросозерцаніе самого Мишле́, основанное на неустойчивыхъ чувствахъ, а не на логикѣ человѣческой природы и интересовъ личности.

Почему у женщины нѣтъ той нравственной поддержки, которую даютъ развитому мужчинѣ мысль общечеловѣческой солидарности и дума о судьбѣ того общества, въ которомъ онъ живетъ? «Рожденная *преимущественно для идеи личной*, для мужа, для ребенка, женщина трудно возвышается до понятія объ отечествѣ, объ общественномъ благѣ, о человѣчествѣ». Но если женщина рождена преимущественно для идеи личной, и въ особенности для посвященія своей лич-

ности другой личности, въ такомъ случаѣ, очевидно, что никакая «живая книга», въ видѣ сердца любящаго человѣка, не въ состояніи превозмочь этой трудности. Солидарность общечеловѣческую можетъ глубоко сознавать только тотъ, кому открыло ее воспитаніе; политическую задачу можетъ серьёзно принимать къ сердцу только тотъ, кто самъ въ ней заинтересованъ, въ ней участвуетъ. Внѣ этого, можно пожалуй развлекаться мыслью о чьей-либо, для насъ чужой, насъ не объемлющей солидарности, но находить въ мысли о ней серьёзную нравственную поддержку, нельзя, какъ бы краснорѣчиво и какими бы любящими устами предметъ этотъ объясненъ ни былъ, въ пору поэтическаго увлеченія.

Мы остановились на предшествующей картинѣ потому, что она даетъ вѣрное понятіе и о нетвердости педагогическихъ взглядовъ Мишле́, и о самой манерѣ его изложенія. Необходимо впрочемъ прибавить, что многія мѣста, описывающія разныя стороны, могли бы быть опущены, не только потому, что онѣ не идутъ къ дѣлу, но и потому, что ихъ паѳосъ, слишкомъ интимный, иногда производитъ отталкивающее впечатлѣніе. Но сдѣлаемъ очеркъ исторической части книги, которая, разумѣется, лучшая.

Начинается противопоставленіемъ свѣтлой, веселой, такъ-называемой классической древности съ варварствомъ среднихъ вѣковъ. Совершенно иная идея оживляетъ общество и руководитъ прежде всего воспитаніемъ.

«Разсуждать, обращаться къ добрымъ чувствамъ, къ понятливости? Это осуждается. Вѣдь это значило бы пробуждать именно то, что требуется погасить—разумъ... плеть выгонитъ изъ него демона... Средніе вѣка не что иное, какъ война противъ демона. Отъ духовныхъ на міранъ, отъ родителей на ребенка, отъ учителя на ученика, волнами и каскадами льется цѣлый водопадъ ударовъ. Идя мимо церкви, мимо дома, мимо школы, отовсюду слышатся вопли. Еще Монтань, жившій въ періодъ уже менѣе дикихъ нравовъ, говоритъ, что школа, это — адъ. Наступаетъ возрожденіе и съ нимъ обращеніе къ человѣческой природѣ. Рабле́ является представителемъ тогдашняго, грубо-чувственнаго человѣка». Семнадцатый вѣкъ и іезуиты, распространители посредственности, дѣятели общаго преступленія, поверхностный Фенелонъ, Локкъ, предупредившій Фрёбеля—эпохи и люди слѣдуютъ одни за другими, въ краткихъ и сильныхъ эскизахъ, какіе умѣютъ дѣлать Мишле́ и Гюго́ въ его характеристичныхъ перечняхъ.

Восемнадцатый вѣкъ уже провозглашаетъ истинную цѣль. Вольтеръ говоритъ: «цѣль человѣка — дѣйствіе». Вико говоритъ: «человѣчество само сдѣлало себя тѣмъ, чѣмъ оно есть. Человѣкъ самъ куетъ свою судьбу». Лейбницъ: «Человѣкъ есть сила дѣятельная, непре-

рывно дѣйствующая причина и самое сознаніе собственнаго существованія истекаетъ въ немъ единственно изъ этой внутренней причины (изъ дѣйствія), которая «есть — онъ самъ». Одна изъ лучшихъ педагогическихъ книгъ является въ это время. Робинсонъ, герой англичанина де-Фо — человѣкъ поставленный въ такія условія, что все долженъ создавать себѣ заново, все самъ. Робинсонъ внушилъ Руссó мысль «Эмиля».

Руссó, именно въ «Эмилѣ», сознаетъ задачу ясно и прямо провозглашаетъ, по отношенію уже именно къ воспитанію: «пусть дѣйствуетъ природа», и указываетъ цѣлью самого человѣка — дѣйствіе. Но Руссó отталкиваетъ автора именно одною изъ сильнѣйшихъ своихъ сторонъ: онъ воспитываетъ человѣка, а не сынка нѣжныхъ родителей, воспитываетъ его въ природѣ и для общества — и больше ничего. Нѣтъ семейныхъ прелестей, и Мишлé грустить надъ питомцомъ Руссó.

Послѣдствіемъ «Эмиля» является *филантропія*.

Въ одномъ изъ швейцарскихъ кантоновъ, въ 1798 году, собрали въ пустомъ монастырѣ 80 дѣтей 4 — 10 лѣтъ, сиротъ, оставшихся послѣ военнаго разоренія. Нуженъ былъ человѣкъ, который бы и кормилъ, и одѣвалъ ихъ, и присматривалъ за ними, и нашелся — Песталоцци. Онъ выпрашивалъ для нихъ пищу, онъ сблизилъ ихъ въ семью и сталъ воспитывать. Ихъ ему было мало, онъ сталъ собирать покинутыхъ дѣтей. Въ то самое время, когда кругомъ свирѣпствовала война, Песталоцци началъ свое дѣло мира и любви. Основнымъ убѣжденіемъ его было, «что человѣкъ родится добрымъ». Мѣстные жители-сосѣди порицали Песталоцци: «какой это учитель», говорили они, «ученье его такъ просто, что любая баба могла бы вести его». Въ теченіи восьми мѣсяцовъ, онъ сообщалъ все первоначальное образованіе: дѣти научались читать, писать, считать, и получили общія понятія о географіи, исторіи, даже естествовѣдѣніи. Песталоцци попалъ впослѣдствіи самъ подъ деспотизмъ одного изъ своихъ помощниковъ, Шмидта. Основный планъ Песталоцци заключался въ соединеніи сада, мастерской и школы, то-есть работы сельской, ремесленной и умственной. Шмидтъ уничтожаетъ все, кромѣ послѣдней; ученики *взаперти* занимаются цыфирью.

Продолжатель Песталоцци — Фрёбель. «Воспитаніе методомъ наведенія, воспитаніе дѣйствіемъ», говоритъ Мишлé, «было найдено до Фрёбеля. Какое начало оставалось присоединить къ этому? Вотъ какое — дѣйствовать значитъ *творить*, *создавать*», то-есть производить видимый и прочный результатъ. Фрёбель былъ лѣсничимъ. «Деревья, говоритъ онъ, были мнѣ учителями». Съ дѣтства онъ любилъ заниматься землею, минералами, восхищался правильностью кристалловъ,

полюбилъ строительство. Онъ посѣтилъ школу Песталоцци, когда она была въ Иверденѣ. Школа его въ то время уже отступила отъ первоначальнаго плана, Фрёбель усвоилъ себѣ именно планъ первоначальный — соединеніе школы съ мастерскою и садомъ. Онъ далъ дѣтямъ возможность самимъ дѣлать себѣ игрушки, и притомъ не сложныя, трудныя, и состоящія изъ первоначальныхъ стереометрическихъ формъ: шара, овала и т. д. Мишлé не описываетъ съ точностію метода Фрёбеля, такъ какъ вообще книга его есть только «освѣщеніе началъ», а не что-либо похожее на научное сочиненіе, а еще менѣе на учебникъ. Работа механическая въ соединеніи съ умственною, гимнастика и пѣніе — вотъ въ нѣсколькихъ словахъ полная программа новаго воспитанія.

Послѣдняя часть книги, гдѣ Мишлé говоритъ о французскихъ школахъ или лучше сказать объ условіяхъ воспитанія, мало интересна. Здѣсь отрывочными взглядами, бѣглыми замѣтками, нельзя сдѣлать ничего путнаго; это уже—не исторія, гдѣ нѣсколькими словами можно характеризовать эпоху, и не обзоръ общихъ принциповъ, который всегда наиболѣе удаётся Мишлé, при его глубокой учености и живописности языка. Упомянемъ мимоходомъ, что онъ горько жалуется на отсутствіе хорошихъ народныхъ книгъ, книгъ для первоначальнаго чтенія. Мишлé разсказываетъ, какъ онъ въ одинъ изъ дней іюньскихъ баррикадъ 1848 года, пораженный горестью, сказалъ Беранже: «О, кто съумѣетъ говорить съ народомъ? Кто напишетъ ему новѣйшій завѣтъ? Безъ этого мы погибнемъ». Тогда Беранже отвѣчалъ ему: «Терпѣніе; народъ самъ создастъ свои книги».—«Но вотъ, продолжаетъ Мишле, съ тѣхъ поръ прошло восемнадцать лѣтъ, и гдѣ же онѣ, эти книги?»

Едва ли нужно говорить, что Мишлé въ душѣ почитатель классической образованности; но именно потому онъ тѣмъ съ бóльшимъ сочувствіемъ относится къ введенію системы образованія реальнаго, къ реформѣ 1865 года, которая предоставила общиннымъ среднимъ училищамъ (collèges communaux) замѣнить классицизмъ образованіемъ реальнымъ, и къ придачѣ каждому «лицею» реальной школы. «Превосходство нынѣшней Франціи», говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ, въ томъ, что оно до нѣкоторой степени соединяетъ вмѣстѣ мышленіе и дѣйствіе, образованіе и движеніе. Въ ней человѣкъ менѣе спеціализованъ, чѣмъ въ прежнемъ обществѣ. Возникли превосходныя сословія (во главѣ ихъ наши инженеры), которые удачно смѣшиваютъ обѣ эти жизни. Въ нихъ — люди въ самомъ дѣлѣ «полные», «или лучше сказать въ самомъ дѣлѣ *люди*».

Къ бывшему министру просвѣщенія Дюрюи, автору реформъ, который хотѣлъ подвинуть и женское образованіе, Мишлé относится съ большимъ сочувствіемъ. Но онъ указываетъ на тѣ препятствія, силь-

ныя при второй имперіи, которыхъ не могъ одолѣть этотъ благонамѣренный человѣкъ. «Самой священной, по моему, обязанностью», говоритъ еще Мишле́, «будетъ, на другой же день, когда ослабнетъ жестокій механизмъ произвола,—дать вознагражденіе тому, кто наиболѣе отъ нея пострадалъ. Я утверждаю, что пострадалъ отъ нея наиболѣе — школьный учитель. Послѣ 2 декабря, десять тысячъ ихъ было вдругъ отставлено, надо бы сказать убито. Это было варѳоломеевское избіеніе голодомъ. Счастливъ, кто въ самомъ дѣлѣ померъ. А что́ сказать о бѣдствіяхъ тѣхъ, кого пощадили, тѣхъ, кто стали илотами, сдѣлались слугами (пономарями, церковными сторожами), дрожащими рабами священниковъ! Несчастный этотъ народъ (около 7000 заслуженныхъ людей), когда ему возвращено будетъ слово, повѣдаетъ, что́ претерпѣлъ онъ въ томъ жестокомъ плѣну, съ которымъ не сравняется плѣненіе Израиля и Іуды»!

Юность знаменитыхъ людей. Соч. *Евгенія Мюллера.* Съ 23 парижскими картинами, рисованными Эмилемъ Баяромъ. Спб. 1870.

Исторія черезчуръ доброй собаки. Соч. *М. де-Шервиля* съ 54 рисунками художника Андрьѳ. Переводъ *Марка-Вовчка.* Спб. 1870.

Обѣ эти книжки могутъ служить полезнымъ чтеніемъ для дѣтей, но преимущество остается за первою. Евг. Мюллеръ собралъ такіе факты изъ юности знаменитыхъ людей, которые указываютъ на развитіе ихъ таланта, на борьбу съ бѣдностію, съ нуждою, со всевозможными препятствіями; примѣры мужества, терпѣнія, великодушія и другихъ хорошихъ качествъ, разсказанные просто и увлекательно, могутъ служить прекраснымъ матеріаломъ для нравственнаго воздѣйствія на дѣтей. Такъ какъ книжка переведена съ французскаго, то разумѣется преобладаютъ въ ней біографіи французовъ; но переводчикъ дополнилъ ее нѣсколькими русскими примѣрами, не особенно, впрочемъ, удачными; къ тому же самое изложеніе этихъ прибавленій слишкомъ сухо и напоминаетъ справочные словари.

Сборникъ свѣдѣній о Кавказскихъ горцахъ. Изданіе кавказскаго горскаго управленія. Выпуски 1 и 2, 1868—1869. Тифлисъ.

Подвиги нашихъ войскъ на Кавказѣ гораздо намъ извѣстнѣе, чѣмъ племена, съ которыми мы боролись. Марлинскій и Лермонтовъ были

первые, которые познакомили, въ типахъ идеализированныхъ, русское общество съ тѣмъ, что́ по слухамъ ему извѣстно было подъ именемъ черкеса и черкешенки. Надо думать, что и тутъ режимъ тайны имѣлъ значительную долю своего вліянія, какъ будто изученіе народа, съ которымъ ведешь упорную войну, можетъ помѣшать успѣхамъ послѣдней. Едва ли можно согласиться съ тѣми, которые скажутъ, что изученіе это было невозможно: если французы, напримѣръ, имѣютъ весьма обстоятельныя сочиненія о Кавказѣ, то какъ бы не имѣть ихъ намъ, а между тѣмъ до сихъ поръ, кромѣ болѣе или менѣе дѣльныхъ журнальныхъ статей, у насъ нѣтъ сочиненія, изъ котораго бы читающая масса публики могла познакомиться съ этой интересной страной, куда направили мы стопы свои болѣе вѣка тому назадъ. Редакція «Сборника», заглавіе котораго выписано нами, справедливо говоритъ, что «ни одна отрасль науки, раскрывающая жизнь народовъ вообще, не разработана по отношенію къ горцамъ въ такой степени, чтобъ на выписки ея можно вполнѣ положиться. Раціональное изученіе горскихъ языковъ теперь только совершается и только въ послѣднее время раскрылась вся несостоятельность прежнихъ, весьма поверхностныхъ взглядовъ на этотъ предметъ знаній»; тоже должно разумѣть объ исторіи, этнографіи и статистикѣ. Предпринятый «Сборникъ» взялъ на себя задачу знакомить съ горскимъ бытомъ и даже надѣется, если не прослѣдить процессъ воспріятія горцами русскаго гражданства, то, «по крайней мѣрѣ, дать ключъ къ ясному пониманію этого предмета». Намъ кажется, что редакція «Сборника» слишкомъ двоитъ свои цѣли и слишкомъ много обѣщаетъ: слѣдя за «процессомъ воспринятія горцами русскаго гражданства», «объясняя правительственныя мѣропріятія», она рискуетъ сойти съ научнаго пути на путь журнализма и полемики, путь безплодный для изданія, выходящаго одинъ разъ въ годъ и такъ мало распространеннаго, что книжка, вышедшая въ 1868 г., получается въ Петербургѣ наканунѣ 1870 года. Кромѣ этого намъ казалось бы, что въ научномъ отдѣлѣ статьи съ «фельетонными» пріемами, какъ напр. статья г. П. У.: «Кое-что о словесныхъ произведеніяхъ горцевъ», не совсѣмъ умѣстны. Авторъ начинаетъ острить съ самаго начала: «Заглавіе странное и неудачное, въ чемъ сознаюсь», говоритъ онъ, «но не могу придумать другого. О горской литературѣ не можетъ быть рѣчи, потому что горцы теперь только начинаютъ заучивать *литеры*». И «литеры» курсивомъ, чтобъ читатель какъ-нибудь не пропустилъ каламбура; но нельзя же предположить, что авторъ не знаетъ о существованіи термина «народная литература», которая есть у всякаго народа и которая имѣетъ весьма важное значеніе для его характеристики. Помимо дешеваго остроумія, другимъ примѣромъ котораго можетъ служить фраза: «не-

пріятное впечатлѣніе, произведенное проклятіями на читателя — мы разсѣемъ исчисленіемъ женскихъ красотъ, по понятіямъ горцевъ» — помимо, говоримъ, этого въ статьѣ г. П. У. собрано нѣсколько горскихъ пословицъ, сказокъ и пѣсенъ и высказано нѣсколько замѣчаній вообще о характерѣ горскихъ произведеній подобнаго рода; насколько замѣчанія эти отличаются «меткостію», какъ выразился о нихъ кто-то во 2 выпускѣ «Сборника»—судить трудно; но намъ кажется, что редакція «Сборника» поступитъ несравненно лучше, если ограничится вѣрною, по возможности, дословною передачею горской народной словесности, то-есть взглянетъ на этотъ предметъ такъ же серьезно и научно, какъ это дѣлается и дѣлалось Кирѣевскимъ, Рыбниковымъ, Безсоновымъ и др. относительно русской народной словесности. Во второмъ выпускѣ «Сборника», редакція такъ и поступила относительно довольно значительнаго собранія аварскихъ сказокъ и басенъ, собранныхъ и «почти дословно» переведенныхъ на русскій языкъ г. Айдемиромъ Чиркивскимъ. Тоже самое можно сказать о собраніи казикумукскихъ народныхъ сказаній и о памятникахъ народной литературы, сообщенныхъ г. Ипполитовымъ въ статьѣ «Этнографическіе очерки Аргунскаго округа». Къ числу интересныхъ статей «Сборника» должно отнести «Адаты и судопроизводство по нимъ» г. Комарова и «Воспоминанія муталима» — муталимъ — учащійся, ученикъ при мечети — г. Абдуллы Омарова, который объѣздилъ почти весь Дагестанъ знаетъ его языки и нарѣчія и принадлежитъ къ числу первыхъ распространителей между дагестанскими горцами грамотности на туземныхъ языкахъ, между тѣмъ какъ прежде горскія племена Дагестана обучали дѣтей своихъ только арабской грамотѣ, чтобъ доставить имъ возможность современемъ читать коранъ. Иниціатива введенія письменности и распространенія грамотности на туземныхъ горскихъ языкахъ принадлежитъ генералъ-лейтенанту Бартоломею и генералъ-маіору Услару. Послѣдній составилъ общій для всѣхъ кавказскихъ языковъ алфавитъ и составилъ букварн и книги на многихъ языкахъ, имъ изученныхъ; г. Бартоломей составилъ букварн сванетскій, абхазскій и чеченскій. Вообще, если вѣрить «Сборнику», распространеніемъ грамотности на Кавказѣ занимаются весьма дѣятельно. Это тѣмъ необходимѣе, что грубость нравовъ въ этихъ странахъ почти первобытная. Г. Комаровъ въ упомянутой статьѣ «Адаты и судопроизводство по нимъ» [1]), приводитъ статистическія данныя о числѣ убійствъ и пораненій съ 1-го января 1861 г. по 1-го января 1867 г. въ Дагестанѣ. При устройствѣ окружныхъ управленій въ области, на-

[1]) Адатъ—слово арабское, значитъ «обычай». Въ Дагестанѣ употребляется болѣе въ смыслѣ «законъ», «постановленіе».

чальникамъ округовъ вмѣнено въ обязанность ежемѣсячно доставлять подробныя свѣдѣнія о всѣхъ подобныхъ случаяхъ, но пока народъ не привыкъ еще къ новому управленію и не получилъ къ нему надлежащаго довѣрія, многія и убійства и пораненія, мировыя по которымъ могли состояться безъ вмѣшательства власти, скрывались отъ свѣдѣнія ближайшаго начальства. И, несмотря на это, въ шесть лѣтъ было 447 убійствъ и 1082 пораненія; среднее число убійствъ и пораненій весьма велико; оно будетъ еще больше, замѣчаетъ авторъ, если принять въ разсчетъ, что убійства и пораненія случаются преимущественно между взрослыми мужчинами. Если считать ихъ не болѣе одной четверти всего населенія, то изъ каждыхъ 300 человѣкъ одинъ будетъ въ теченіе года или убитъ, или раненъ. Часть убійствъ считается законными жителями потому, что «адатъ» дозволяетъ убивать безнаказанно: 1) каждому своего кровнаго врага; 2) насилующаго, нападающаго изъ засады, грабителя и объявленнаго врагомъ всего общества; 3) хозяину дома или поля — вора, пойманнаго на мѣстѣ преступленія; 4) мужу, отцу, сыну и брату—всякаго застигнутаго въ прелюбодѣяніи съ женою, дочерью, матерью или сестрою; но при этомъ остается безнаказаннымъ только убійство обоихъ виновныхъ; нарушеніе этого правила, по волѣ означенныхъ лицъ, считается какъ обыкновенное убійство; 5) пойманные въ мужеложствѣ, оба виновные могутъ быть убиты родственниками, и 6) похитители женщины при преслѣдованіи родственниками похищенной. Затѣмъ всякое убійство влечетъ за собою кровомщеніе: ему подвергаются одинаково мужчины и женщины, убійцы малолѣтные, сумасшедшіе, безумные, случайные, неосторожные, владѣльцы лошади, собаки и вообще всякаго животнаго, причинившаго кому-либо смерть. Хотя убійства по кровомщенію положительно запрещены русскимъ закономъ и виновные подвергаются ссылкѣ въ арестанскія роты и на поселеніе въ Сибирь, но адатъ пустилъ слишкомъ глубокіе корни, чтобъ одна строгость наказаній могла искоренить эти преступленія. Въ началѣ 1865 года собраны были подробныя свѣдѣнія по всѣмъ округамъ Дагестана о враждующихъ за убійства семействахъ и приступлено къ примиренію ихъ. Изъ 830 враждующихъ семействъ примирено 542—успѣхъ весьма значительный.

Природа и люди на Кавказѣ и за Кавказомъ, по разсказамъ путешественниковъ, поэтическимъ произведеніямъ А. Пушкина, Лермонтова, Я. Полонскаго и ученымъ изслѣдованіямъ. Учебное пособіе для учащихся. Составилъ *П. Надеждинъ*. Спб. 1869.

Добросовѣстно составленный и изящно изданный сборникъ, въ родѣ географической хрестоматіи; но выборъ статей не всегда удаченъ,

а помѣщеніе стихотвореній и нѣкоторыхъ беллетристическихъ разсказовъ въ книгу съ научнымъ содержаніемъ едва ли можетъ быть чѣмъ-нибудь оправдано. Мы думаемъ, что редакція такихъ сборниковъ не должна ограничиваться однимъ выборомъ статей, но и примѣненіемъ ихъ къ тѣмъ цѣлямъ, съ которыми сборникъ составляется. Поэтому далеко недостаточно прочесть извѣстную книгу или статью и, отмѣтивъ въ ней «отсюда до сюда», послать въ типографію для набора; лучшій методъ указалъ Грубе въ его извѣстныхъ «Charakterbielder», выдержавшихъ въ нѣсколько лѣтъ до десяти изданій въ Германіи, гдѣ подобныхъ сборниковъ множество. Г. Надеждинъ очевидно прочиталъ много, но изъ этого многого онъ взялъ много статей совершенно лишнихъ, только увеличивающихъ число листовъ въ книгѣ и дѣлающихъ цѣну ея дорогою. Сборникъ составленъ изъ статей почти исключительно русскихъ писателей и путешественниковъ, между тѣмъ какъ, въ предисловіи, самъ составитель его говоритъ, что «свѣдѣнія о Кавказѣ главнымъ образомъ можно почерпнуть изъ источниковъ на иностранныхъ языкахъ». Нѣкоторыя статьи, взятыя г. Надеждинымъ, крайне устарѣли, напр. статья взятая о Баку и бакинскихъ огняхъ изъ Гартвига, который, въ свою очередь, почерпнулъ ее изъ поѣздки въ Баку одного нѣмецкаго путешественника, Коха, въ 1844 году.

М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ

ПЕРВАГО ТОМА.

ПЯТЫЙ ГОДЪ.

ЯНВАРЬ—ФЕВРАЛЬ, 1870.

Книга первая.—Январь.

Книга вторая. — Февраль.

